Давид Мандель

ПЕТРОГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ В РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА

(февраль 1917 г. — июнь 1918 г.)

МОСКВА новый хронограф 2015

СОДЕРЖАНИЕ

МОСКВА новый хронограф 2015

Давид Мандель

ПЕТРОГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ В РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА

(февраль 1917 г. – июнь 1918 г.)

МОСКВА новый хронограф 2015

УДК 94(47).084.1/.2:[323.332:323.272](470.23-25)
ББК 63.3(2-2СПб)535-421+63.3(2-2СПб)611-421
М 231

Мандель Давид

М 231 Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. – июнь 1918 г). / Давид Мандель ; пер. с англ. Е. В. Лавриной. – М. : Новый Хронограф, 2015. – 544 с.

ISBN 978-5-94881-206-9

Книга освещает участие рабочих Петрограда в Русской революции от ферваля 1917 г. и до июня 1918 г., предоставляя как можно больше слово самим рабочим. Она рассчитана на обществоведов и историков, на широкий круг читателей, интересующихся историей России и рабочего движения.

УДК 94(47).084.1/.2:[323.332:323.272](470.23-25)
ББК 63.3(2-2СПб)535-421+63.3(2-2СПб)611-421

ISBN 978-5-94881-206-9

Благодарность
Эта книга посвящается памяти моего учителя Леопольда Хаимсона (1927-2010) и Ивана Константиновича Наумова (1895-1938), рабочего-революционера и оппозиционера сталинизму.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редкие исторические события вызывают столько политических страстей, как революции, и никакое суждение о событиях 1917 г. в России не провоцирует более сильных возражений, чем утверждение, что это была пролетарская революция, мнение, которое один историк суммарно отнес к «сфере революционной мифологии»[1]. Но настоящее исследование о рабочем движении в Петрограде, сердце революции, приводит именно к такому выводу, что Русская революция была пролетарской революцией.

Несомненно, столь сложное и многогранное событие не может быть сведено к упрощенной формуле. Революция 1917 г. была и солдатским мятежом, и крестьянским восстанием, и освободительным движением национальных меньшинств. Кроме этого, свержению монархии в феврале 1917 г. способствовал *кризис верхов*, недовольство имущих классов царской властью, созревшее к концу 1916 г. и охватившее даже наиболее консервативный слой помещиков, состоявших в Объединенном дворянстве[2], а также значительную часть государственной бюрократии и военной элиты. Хотя эти привилегированные слои общества не выступали за революцию, но, когда она произошла, они не выказали намерения спасать глубоко дискредитированный царский режим.

Помимо этих измерений революционной драмы, ее основной движущей силой был рабочий класс. Рабочие, в частности, промышленные рабочие – субъект исследования этой книги, обеспечили революцию политическим руководством, явились ее

1 См. например: *Keep J.* The Russian Revolution. New York: W. W. Norton and Co., 1976. P. XIV.

2 Политическая организация сословного дворянства.

организующей основой и непропорционально большей частью ее активных участников.

Цель настоящей книги – последовательно проанализировать и изложить эволюцию общественного сознания и деятельности промышленных рабочих Петрограда в 1917 г. и первой половине 1918 г. по отношению к ключевым вопросам этого периода: мировой войне, организации экономики и природе политической власти – вопросу, объединившему в себе все другие.

Западные историки часто умаляют активную роль рабочих в Русской революции, изображая их как несознательную массу, «стихию», которую большевики, настоящие авторы Октября, смогли оседлать и направить в своих, чуждых рабочим, целях. Такое видение революции, в частности, распространяли меньшевики после своего поражения в Октябре, утверждавшие, что урбанизированный рабочий класс был разбавлен во время войны наплывом огромной массы политически несознательных крестьян в промышленность. Несколько похожее мнение встречается и у определенных социологов, представляющих участие масс в революциях как иррациональное явление. Один из них даже сравнивал его с актами сумасшедших и преступников[1].

Советские историки, по понятным причинам, не разделяли эту точку зрения. В свою очередь, они были обязаны подчеркнуть «ведущую роль партии», и в результате у них также наблюдалась тенденция к понижению роли рабочих до объектов, но уже не элементарных инстинктов или демагогической пропаганды, а объектов партии большевиков и ее лидеров. Радикализация рабочих в 1917 г. представлялась ими как более или менее линейный процесс, в ходе которого массы, опираясь на партию, освобождались от своих прежних иллюзий. Например, поддержка, оказанная рабочими двоевластию и партиям меньшевиков и эсеров в первые месяцы Февральской революции, объяснялась «мелкобуржуазной волной», охватившей рабочих во время войны – любопытное эхо меньшевистских аргументов радикализации рабочих в последующие месяцы[2]. Советские историки не считали либо партийные идеологи не разрешали им считать, что первоначальная

1 *Johnson C.* Revolutionary Change. Boston: Little Brown and Co., 1966. P. 152.
2 См. например: *Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: Период двоевластия. М. – Л., 1973. С. 182.

позиция рабочих могла быть рациональной в конкретной обстановке данного периода.

Настоящее исследование привело нас к заключению, что участие рабочих в революции следует понимать в основном как рациональный процесс. Материалы, которые стали доступны после опубликования этой книги на английском языке, лишь подтверждают этот вывод. Настоящее русское издание воспроизводит оригинальную англоязычную версию с незначительными редакционными изменениями, за исключением последних послеоктябрьских глав, дополненных новыми материалами. Однако основная интерпретация остается неизменной.

Поддержка рабочими Октябрьского восстания была основана на рациональном осмыслении своих интересов в конкретной обстановке. Требуя перехода власти к Советам, рабочие реагировали не на безответственные обещания большевистских демагогов о социалистическом рае за углом. Большевистская агитация таких обещаний и не содержала. Она представляла власть Советов как единственную альтернативу торжеству контрреволюции. И рабочие в своем большинстве разделяли этот анализ политической обстановки.

Радикализация сознания рабочих в 1917 г. была в значительной степени защитной реакцией на угрозу демократической революции со стороны имущих классов. Во время Февральской революции рабочие стремились к установлению демократической республики, заключению справедливого мира, введению восьмичасового рабочего дня и проведению земельной реформы для крестьян. Эти стремления не выходили за рамки буржуазно-демократической революции. Последующая радикализация их целей, в том числе требования контроля над администрацией предприятий и передачи власти Советам, была реакцией на конкретные проблемы, с которыми сталкивались рабочие после Февраля. На основе пережитого опыта они пришли к выводу, что сохранение революции, которую они все еще считали лишь демократической, а не социалистической, требует исключения влияния имущих классов на государственную власть и введения государственного регулирования экономической жизни в сочетании с рабочим контролем на предприятиях.

Большинство рабочих не рвались в бой в Октябре. Их отношение к подготавливавшемуся перевороту было выжидательным. Большинство предпочитало оставить инициативу другим, возможно, потому что они представляли, с какими трудностями столкнется Советская власть. Рабочие – экономически зависимые люди, всю жизнь выполнявшие команды вышестоящих над ними лиц. Для рабочих переход власти к Советам означал взятие на себя ответственности за управление государством и экономикой в обстановке углублявшегося экономического кризиса и активного, вероятно вооруженного, сопротивления имущих классов. К тому же рабочие понимали, что они не смогут рассчитывать на поддержку интеллигенции, в целом остававшейся враждебной власти трудящихся классов.

Поэтому в Октябре инициатива перешла к самому решительному отряду рабочего класса – большевикам и близкой им прослойке рабочих, чье классовое самосознание, чувство классового достоинства и стремление к классовой независимости выковывались в многолетней борьбе с царской властью и буржуазией. Остальные же рабочие в своей массе приветствовали эту инициативу. И большинство продолжало поддерживать Советскую власть еще весной 1918 г., несмотря на серьезное ухудшение материального положения и ужесточение политики по отношению к оппозиции со стороны Советского правительства, в котором большевики остались единственной партией. Альтернатива Советской власти, которую предлагали тогда меньшевики и эсеры – «всенародная власть» в лице Учредительного собрания, для кого-то могла выглядеть заманчивой в условиях надвигавшегося голода и массовой безработицы. Меньшевики и эсеры уверяли, что такая власть сможет положить конец начинавшейся гражданской войне. Однако большинство рабочих Петрограда не считали эту альтернативу реальной. Они признавали аргумент большевиков, что единственной альтернативой Советской власти и гражданской войне оставалось лишь торжество контрреволюции.

Таким образом, процесс радикализации рабочего сознания после Февральской революции проходил на фоне менявшихся отношений между классами. Эти отношения и легли в основу периодизации рабочего движения в этой книге.

Период от Февральских дней и до Апрельского кризиса был так называемым «медовым месяцем» революции, когда царила атмосфера национального единства. Но даже при том, что «цензовое общество» (имущие классы) под конец примкнуло к революции (или так казалось), рабочие помнили дореволюционную политику жестокого сопротивления буржуазии любым мало-мальским попыткам рабочих облегчить свое положение. Отсюда проистекает и всего лишь условная поддержка рабочими либерального правительства и установление надзора за ним со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов – известное двоевластие.

За недели, отделяющие Апрельский кризис от Июльских дней, в полной мере восстановилась дореволюционная поляризация классов. Рабочие стали подозревать работодателей в проведении «скрытого локаута», т.е. саботажа производства, чтобы создать массовую безработицу и ослабить рабочее движение – авангард революции. Решение Временного правительства возобновить активные боевые действия на фронте также сильно встревожило рабочих. Между тем буржуазная пресса и цензовые политические деятели все смелее и публично выступали против Советов и их влияния на власть. Все это убедило большую часть рабочих, что двоевластие не срабатывает, что сохранение революции требует передачи всей власти Советам, т.е. установления «демократической диктатуры» рабочих, солдат и крестьян и устранения влияния имущих классов на государственную политику.

Попытка рабочих и солдат в Июльские дни оказать давление на меньшевистских и эсеровских лидеров, тогда еще возглавлявших Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Советов, чтобы те взяли власть, обернулась против них, когда эти лидеры, чьи партийные коллеги участвовали в коалиционном правительстве, допустили применение репрессивных мер против рабочих и левых партий. Такой поворот стал неожиданным для рабочих, внезапно осознавших свою политическую изоляцию от остальной «революционной демократии» – т.е. от большинства рабочих провинции, солдат и крестьян, еще шедших за меньшевиками и эсерами. Революция зашла в тупик. Движение вперед было невозможно без того, чтобы не спровоцировать гражданскую войну в рядах самой революционной демократии, а этого рабочие не хотели допускать. В результате, поскольку во главе большинства

Советов стояли «соглашатели», стало казаться, что Советы превратились в препятствие вместо того, чтобы быть средством реализации политических и социальных устремлений рабочих. Но привязанность рабочих к Советам была столь сильной, что, несмотря на ленинские призывы отказаться от них в тот момент, они этого сделать не смогли.

Когда к сентябрю большевики уже завоевали большинство в Советах почти всех крупных городов страны и многих военных частей, а крестьяне начали самостоятельно проводить земельную реформу, страх рабочих перед изоляцией начал отступать, хотя полностью не исчез, поскольку процесс полевения фронтовых войск и крестьян шел достаточно медленно, интеллигенция была настроена явно враждебно к требованию власти Советов. Опасения рабочих остаться в изоляции в сочетании с надвигавшимся промышленным кризисом и массовой безработицей стали причинами колебаний перед восстанием.

Поэтому инициатива перешла к большевистской партии, объединявшей в своих рядах самую решительную часть рабочих. Хотя практически весь рабочий Петроград приветствовал Октябрьское восстание и формирование Советского правительства, большинство рабочих, в том числе и наиболее радикальные, т.е. рабочие-большевики, надеялись, что после перехода Рубикона единство революционной демократии будет восстановлено. Они выступали за «однородное социалистическое правительство», т.е. коалиционную власть всех социалистических партий. Но в ходе переговоров между партиями выяснилось, что меньшевики и эсеры не принимают власть, ответственную перед Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и продолжают настаивать на включении в правительство представителей имущих классов. Поняв это, рабочие отказались от идеи однородной социалистической власти. Слияние ЦИК крестьянских Советов с ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и решение левых эсеров участвовать в коалиционном Советском правительстве совместно с большевиками развеяли опасения изоляции.

Приверженность рабочих Советской власти определяла и их парадоксальное отношение к Учредительному собранию. Они считали, что роль этого органа заключалась в том, чтобы придать всенародную легитимность власти Советов, т.е. классовой

диктатуре рабочих и крестьян. Когда же по результатам выборов выяснилось, что оно этого не сделает, то большинство рабочих потеряло к нему интерес. Участие рабочих в протестном движении против роспуска Учредительного собрания было слабым. И, несмотря на серьезное ухудшение материального положения в последующие месяцы, большинство рабочих продолжало считать, что власть Советов, в которых после заключения Брестского мира большевики остались одни, была единственной реальной альтернативой контрреволюции. Многие помнили горький опыт поражения революции 1905–1906 гг., к которому прибавился свежий опыт поражений рабочих в Финляндии и на Украине.

В этой книге, опираясь по мере возможности на документы, исходящие от самих рабочих, я стремился предоставить возможность рабочим как можно больше говорить самим за себя. Таким образом я хотел подкрепить свой вывод, что рабочие выступали сознательными, творческими субъектами революционного процесса, его главной движущей силой. К таким документам относятся в первую очередь протоколы собраний и конференций рабочих, их письма в газеты, статьи в газетах, воспоминания. Хотя в этих документах мы имеем дело с более грамотным, политически сознательным слоем рабочих, эти активисты находились в постоянной и тесной связи с рядовыми рабочими. Эсер А. Бузинов, столичный рабочий, так характеризовал отношения между рабочими агитаторами и заводскими «массами»: «*Самодельный агитатор говорил то, что у каждого было в голове и чему остальные, менее развитые, не могли найти словесного выражения. После каждого его слова рабочий только и мог воскликнуть: – Во-во, это же самое я и хотел сказать!*»[1]

Еще одним важным источником являются резолюции фабрично-заводских собраний. Их ценность как подлинного выражения взглядов самих рабочих, конечно, ограничена, поскольку они обычно составлялись партийными активистами. Однако следует учитывать, что это был период широкой свободы и интенсивной политизации рядовых рабочих. Собрания на предприятиях обычно начинались с доклада о «текущем моменте» или о какой-то конкретной проблеме. Его делал делегат от предприятия в Совет или

1 *Бузинов А.* За Невской заставой. Записки рабочего. М. – Л. 1930. С. 103.

член фабрично-заводского комитета. Выступали местные, а иногда сторонние активисты различных социалистических партий. После докладов шли прения, часто описанные в документах как «длительные» и «оживленные», в ходе которых выступали рядовые рабочие. Выступления последних, к сожалению, редко записывались секретарями собраний. В конце собрания представлялись на голосование резолюции различных партийных организаций. Совершенно очевидно, что обстановка, царившая на собраниях, позволяла рабочим составить собственное мнение и отдать свой голос за ту позицию, которая больше всего отражала его точку зрения. К тому же, даже когда резолюции повторяли партийные позиции, они составлялись на месте и могли поправляться из зала.

Следует также отметить, что рядовая масса зорко следила за работой своих избранников в общественных организациях. Частым явлением был отзыв представителей из различных рабочих организаций. Местные лидеры не только должны были учитывать настроения рядовых рабочих, но и сами нередко заражались ими, несмотря на позицию своей партии. Например, в начале Июльских дней местные большевики, игнорируя наказ партии не допускать выступления, возглавили рвавшиеся на улицу рабочие массы. В последующие недели большинство рабочих-большевиков не отказывались от лозунга «Вся власть Советам!», несмотря на официальную позицию партии. В первые дни после Октябрьской революции, когда меньшевики и левые эсеры выдвинули требование общесоциалистического коалиционного правительства, рабочие самостоятельно к этому добавляли: ответственного перед Советами, что отнюдь не отражало позиции этих партий.

Резолюции рабочих собраний были признаны современниками как подлинное выражение настроений и позиций масс. Например, исследование меньшевика-интернационалиста А. Л. Попова в 1918 г. об отношении рабочих к вопросу о власти основано почти исключительно на резолюциях рабочих собраний[1].

Другим важным источником для выявления политических позиций рабочих являются итоги различных выборов – в фабрично-заводские комитеты, районные и центральные советы, районные и городские думы, исполнительные органы профсоюзов,

1 *Попов А. Л.* Октябрьский переворот. Петроград, 1918.

Учредительное собрание. Важным косвенным источником о взглядах рабочих по различным вопросам являются доклады с мест, сделанные делегатами на различных рабочих и партийных собраниях. Сообщения в печати, в том числе письма и статьи от самих рабочих, также дают ценную информацию.

Из воспоминаний наиболее ценными являются те, что были написаны рабочими по горячим следам описываемых событий. Из мемуаров, написанных авторами из непролетарской среды, самыми основательными и проницательными являются воспоминания Н. Н. Суханова, редактора газеты меньшевиков-интернационалистов «Новая Жизнь». В конце 1920-х гг. под руководством Максима Горького стали публиковаться истории фабрик и заводов. Эта серия вскоре была приостановлена, но затем возобновилась в конце 1950-х гг. Такого рода книги, основанные на архивных и мемуарных материалах, имеют некоторую историческую ценность, если пользоваться ими в сочетании с другими источниками.

Я отдаю себе отчет в зачастую предвзятом характере использованных источников. Это, конечно, проблема для любого обществоведа и историка, но она особенно серьезна, когда объектом исследования является революция, глубоко расколовшая не только российское общество, но и весь мир. Я, как мог, учитывал это, указывая, где было нужно, на конкретную предвзятость данного источника. По особенно важным вопросам я старался опираться на источники различных политических направлений.

В этой работе я изначально не ставил себе задачи поддержать определенную теорию или политическую позицию и не подбирал материалы в таком ключе. Моя цель состояла в том, чтобы пролить свет на природу участия рабочих в российском революционном процессе. Я старался это сделать на основании всех доступных мне материалов. Но нельзя писать о важных исторических событиях, особенно настолько спорных, как Русская революция, не имея собственной точки зрения. И я не пытался скрыть свое сочувствие делу рабочих. Но ведь книга, которая использует термины «рабочий» и «предприниматель», не обязательно более научная, чем та, которая предпочитает термины «пролетарий» и «капиталист». Последняя, по крайней мере, не притворяется нейтральной. Такое отношение исключено при изучении человеческого общества.

ГЛАВА 1
ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАБОЧЕГО КЛАССА ПЕТРОГРАДА

Историки, воспринимающие рабочих в качестве однородной массы, нередко вынуждены сталкиваться с достаточно запутанной и противоречивой картиной рабочего движения. В рабочей среде Петрограда наблюдались три основных типа политической культуры, в значительной степени совпадавших с тремя профессиональными группами: большинство квалифицированных рабочих, особенно на частных металлообрабатывающих предприятиях; малоквалифицированные рабочие и чернорабочие; и, наконец, подгруппа квалифицированных рабочих в основном из числа печатников, высококвалифицированных рабочих государственных предприятий и рабочих-старожилов предприятий, расположенных в отдаленных пригородах. Поскольку культурные черты и склонности, привнесенные каждой из этих групп в революцию, влияли на их восприятие событий, анализ различных видов политической культуры является необходимой отправной точкой для изучения рабочего движения в 1917–1918 гг. в России.

Квалифицированные рабочие[1]

Американский журналист Джон Рид назвал Выборгский район «Фобур Сент-Антуан[2] Петрограда». Такая репутация была заработана рабочим классом Выборгской стороны в период подъема рабочей борьбы 1912–1914 гг. после поражения Революции 1905–1907 гг. И. К. Наумов, вспоминая о своем переезде в Петроград из Тулы в 1915 г. в качестве молодого

1 Здесь мы занимаемся главным образом рабочими-металлистами, которые в 1917 г. составляли 60% промышленного пролетариата и большинство квалифицированных кадров. Помимо печатников (о которых пойдет речь ниже), была лишь еще одна группа со значительной долей квалифицированных рабочих – деревообделочники, составлявшие всего 1,7% от общего числа промышленного пролетариата (см. *табл. 3. 1*).

2 Район ремесленников в Париже, ставший радикальным центром Великой французской революции.

рабочего-активиста, взволнованно писал: «*Работать в Питере – это же счастье. Работать на Выборгской стороне – это моя давнишняя мечта*»[1].

Статистические данные о социальном и промышленном составе этого района дают некоторое понимание об источниках радикализма его рабочих. Мало того, что этот преобладающе пролетарский район располагал наибольшей концентрацией фабрично-заводских рабочих – 18% всех промышленных рабочих столицы, но 84% из них были заняты в металлообрабатывающей промышленности. Число одних только металлистов этого района превышало численность промышленных рабочих любого другого района города[2].

На петроградских заводах преобладали в основном два типа металлической промышленности: машиностроение, требовавшее большей частью квалифицированной работы, и более простые типы производства, как металлургия, литейное дело, производство труб и проволоки, боеприпасов и т.д. В Выборгском районе 15 из 21 крупного завода приходились на машиностроение. В других районах, в которых проеобладала металлообрабатывающая промышленность, как правило, главенствовали один или два гигантских завода смешанного типа производства. Характеризуя огромный Путиловский завод, журнал профсоюза металлистов писал: «*Это – завод универсальный, где комбинированы и металлургия, и механика. Это – завод с высоким процентом чернорабочих... Металлургия по сравнению с механической обработкой металлов имеет чрезвычайно высокий процент неквалифицированного труда...*»[3].

---

1 *Наумов И. К.* Записки выборжца. Л., 1933. С. 5.

2 См. *табл. 3.4.*

3 *Металлист,* № 3, 1917. С. 3. Соотношение квалификации рабочих и типа производства подтверждается сравнением соотношения рабочих мужчин и женщин. В 1917 г. в 31 европейской губернии России насчитывалось в среднем 28,4 занятых женщин на каждые 100 мужчин в металлообработке и только 17,4 на 100 в машиностроении. Женский труд в промышленности был почти всегда неквалифицированным. Обзор металлообрабатывающей промышленности Петрограда показал средний уровень квалификации среди мужчин – 54,2 (по шкале от 1–100) и среди женщин – 12,1. См.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции (в дальнейшем: Эк. пол.). М. – Л., 1957. Т. I. С. 43–44; *Чугаев Д. А.* (ред.), Рабочий класс советской России в первый год диктатуры пролетариата. М., 1967. С. 255.

В социологическом исследовании московских фабрично-заводских рабочих, проведенном в 1924 г. под руководством Э. Кабо, делался вывод: «*В рабочей среде квалификация, грамотность и интерес к общественно-политическим вопросам идут рука об руку. Чем выше группа по квалификации, тем чаще посещение лекций и кружков, особенно политических, тем больше читается газет*»[1]. Промышленная перепись 1918 г., хотя и основывавшаяся на населении меньшем, чем в 1917 г., обнаружила самые высокие показатели грамотности среди типографских и машиностроительных рабочих, т.е. в наиболее квалифицированных отраслях, в то время как среди текстильных рабочих, как наименее квалифицированных (и преимущественно женщин), показатель грамотности был самым низким (см. *табл. 1.1*).

Были значительными культурные различия, отличавшие квалифицированных рабочих от малоквалифицированных. В начале своей трудовой деятельности подростком в кузнечном цехе Невского судостроительного и машиностроительного завода, одного из крупнейших смешанных (металлургия и машиностроение) заводов, А. Бузинов был сразу поражен огромной культурной пропастью, разделявшей рабочих металлистов и работниц близлежащих текстильных фабрик. Но вскоре он понял, что и в рядах его собственного завода «*...рабочие механической мастерской – слесари и токари – смотрели на меня свысока. Я понял приниженное положение горячего цеха – литейной, прокатной и кузнечной мастерских. Среди них я увидел больше народу мужланистого и мешковатого и походкой, и словом. В каждом отдельном лице сквозь крепкий огневой загар ярко проступали огрубелые черты, говорившие, что в их работе преобладает сила, а не сообразительность. Я уже видел, что рядом с опытным литейщиком даже захудалый слесарь казался человеком образованным и мыслящим. Слесарь держал голову выше, был резче и острее на язык. Он успевал вставить десяток слов с подковыркой там, где литейщик находил время только для одного, да и то простецкого. К слесарю невольно тянуло поговорить о чем-нибудь вообще, а не только о заработке. Одним словом, рабочий механической мастерской уже*

1 *Кабо Э. А.* Очерки рабочего быта. М., 1928. С. 195.

Таблица 1.1

Грамотность промышленных рабочих в европейской части России по отраслям промышленности, август 1918 г., в %

Отрасль	**Доля грамотных рабочих (в %)**
Типографская	94,7
Машиностроительная	83,6
Металлообрабатывающая	76,5
Швейная	74,9
Химическая	70,0
Деревообрабатывающая	69,6
Бумажная	68,1
Пищевая	66,0
Кожевенная и меховая	64,1
Текстильная	52,2
Все отрасли промышленности	64,0

Источник: Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958. С. 601.

не был кузнечным и литейным полусырьем, но казался прошедшим через точно формирующие станки и инструменты»[1].

Эти различия отмечали многие современные исследователи рабочего класса: более высокий уровень общей культуры, более развитая способность понимать и выражать сложные идеи, более острый интерес к общественно-политическим вопросам, более развитое чувство собственного достоинства[2].

Отчасти, как указывал Бузинов, эти черты были связаны с самой природой квалифицированного труда. Он был сложнее, разнообразнее и требовал большей мысли. В договоре по заработной плате в металлургической промышленности Петрограда от июля 1917 г. рабочие высшей категории квалификации описаны, как независимо занимавшиеся особенно сложной и точной работой, руководствовавшиеся чертежами и использовавшие точные измерительные инструменты. Рабочие II категории совершали менее сложные операции, требовавшие меньшей точности, но для которых были необходимы, тем не менее, достаточно длительный период обучения и умение читать чертежи. Рабочие III категории выполняли различные несложные, но ответственные операции, а также

1 *Бузинов А.* Указ. соч. С. 20–21.

2 См. например, *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. Берлин, 1923. С. 283.

точную работу в массовом производстве, требовавшем применения определенных измерительных средств. Рабочие IV категории обслуживали простые машины – станки, прессы, печи и т.д. Это был очень распространенный вид работы в производстве боеприпасов. Последняя категория – чернорабочие выполняли тяжелую неквалифицированную работу, например, переноску, промывку, погрузку, сортировку[1]. А. Шаповалов, квалифицированный петербургский металлист, вспоминал, что «*работа на токарном станке частенько требует большой интеллигентности, понимания технических чертежей и знания арифметики. Некоторые работы, например, обточка конусов, вызывают необходимость также небольшого знакомства с геометрией, алгеброй, тригонометрией*»[2].

Вот описание работы токаря до введения тейлоризма, метода организации производства, внедрение которого отнимало у рабочих большую часть их умственного труда: «*Токарь… начинал с чертежа и затем фрезеровал, растачал, сверлил, строгал и т.д. или иначе обрабатывал рукой или машиной нужный материал, пока тот не принимал желаемую форму, указанную на чертеже. Диапазон решений, принимаемых в ходе этого процесса … огромен … Сам Тейлор работал с двенадцатью переменными, включая твердость металла, материал режущего инструмента, толщину стружки, форму режущего инструмента, использование хладагента … и т.д. Каждая из этих переменных выбирается из большого числа вариантов … Но от этих решений токаря зависит не только точность продукта, но и темп производства*»[3].

Русское машиностроение стояло на более низком технологическом уровне, чем на Западе. В то же время вследствие относительно слабого и колеблющегося характера спроса на машины введение серийного производства в машиностроение и развитое разделение труда было в России проблематичным. Это, в свою очередь, предъявляло особые требования к рабочим, которым приходилось проявлять качества находчивости и самостоятельности. Исследователи дореволюционной машиностроительной

1 *Металлист,* №№ 1–2, 1917.
2 *Шаповалов А. С.* В борьбе за социализм. М., 1934. С. 57.
3 *Braverman H.* Labor and Monopoly Capital. New York – London: Monthly Review Press, 1974. P. 110–111.

промышленности установили, что «*основной тип машиностроителя был не рабочим-станочником, а так называемым рабочим широкого профиля*»[1].

Словом, квалифицированная работа в металлообрабатывающей промышленности включала высокую долю нестандартных задач, требовавших решений, основанных на относительно сложных расчетах с многочисленными переменными величинами. Задания, выполнявшиеся в соответствии с техническими чертежами, содействовали развитию независимой мысли и умению легко двигаться между абстрактным и конкретным.

Помимо элементарной грамотности квалифицированная работа требовала определенного формального образования. Шаповалов, например, решил пойти учиться в вечерний техникум, чтобы приобрести знания, необходимые квалифицированному рабочему[2]. Кроме того, поскольку получение квалификации требовало нескольких лет ученичества, типичный квалифицированный рабочий, хотя зачастую и родился, и рос в деревне до 14–16 лет, уже успевал провести несколько лет на заводе и ассимилироваться с городской рабочей культурой.

С квалификацией приходило чувство личного достоинства, воспитанное профессиональной гордостью и относительной материальной обеспеченностью. Через несколько лет работы в мастерских Северо-Западной железной дороги молодой Шаповалов услышал следующий совет от старшего рабочего: «*На Варшавке [мастерские Северо-Западной ж. д.] работа грубая. Надо тебе уйти на завод, где строятся новые машины... Работать научишься, Сашка, приобретешь больше опыта, сделаешься хорошим мастеровым, научишься быть смелым, перестанешь бояться мастеров, выкуешь у себя волю, будешь презирать опасность очутиться без работы, приобретешь более широкий взгляд на жизнь*»[3].

Либеральный журналист Н. С-ский писал про петербургских рабочих в 1911 г., что «это соль рабочего сознательного народа». Он характеризовал квалифицированных металлистов следующими словами: «*Рабочие механического производства всегда впереди*

1 *Розенфельд Я. С., Клименко К. И.* История машиностроения СССР. М., 1961. С. 54.

2 *Шаповалов А. С.* Указ соч. С. 57.

3 Там же. С. 74. «Варшавка» – на рабочем арго это мастерские Северо-Западной железной дороги, соединявшей Петроград и Варшаву.

всякого движения... Слесаря, литейщики, кузнецы, механики, машинисты – все это народ развитой, с большой индивидуальностью, с довольно хорошим заработком... Во всяком случае, эта группа рабочих может еще отчасти жить без особой жгучей нужды при неустанной работе, конечно. Они могут снимать дешевую, но все же квартиру, раз они семейные... Есть очаг, которого лишены многие другие рабочие группы...» «*Мне представляется, что работа на механических производствах, несмотря на всю тягость ее, должна развить в человеке стремление к индивидуализации. Здесь должно быть место творчеству: рабочий должен много думать, соображать на самой работе. И поэтому сама сущность труда дает толчок к самоопределению. Мне лично доводилось говорить часами со многими рабочими на разные темы. По форме их разговора, даже по языку они ничем почти не отличаются от наших интеллигентов. По-моему, они – интереснее, потому что суждения их свежее и убеждения, раз воспринятые, очень тверды. А за последнее время они растут морально чисто по-русски, не по дням, а по часам... Они большей частью прирожденные горожане*».

А вот как описывал автор смену рабочих машиностроительного завода: «*Из ворот выходит группа рабочих. На них рабочая, не первой свежести, одежда, но, безусловно, прочная и крепкая. Лица их сосредоточены и очень серьезны. Сквозь слой копоти на вас глядит здесь хмурая мысль. Идут неторопливо и солидно. Разговаривают между собой. И о вещах, не имеющих по большей части ничего общего с оставленным заводом. Там – своя жизнь, рабочая. Здесь – другая, общественная, с острыми общественно-политическими интересами. По дороге покупают газеты, преимущественно либерального направления. [Рабочая пресса преследовалась.] Придя домой, рабочий прочтет в свободное время эту газету и со многим, может быть, не согласится, ибо либерализм барский и рабочий существенно разнятся друг от друга*»[1].

А. Шляпников, квалифицированный слесарь и видный большевик, работавший во время войны на заводах Выборгского района, также обратил внимание на связь между боевитостью металлистов и их относительным материальным благополучием: «*Как*

1 *С-ский Н.* Психология русского рабочего вопроса. СПб., 1911. С. 12–14.

и в прошлые годы, во главе движения шел молодой, промышленный район – Выборгский, в котором разместилась значительная доля питерской точной механики и крупной военной промышленности. В эти, предшествовавшие войне, годы наблюдался значительный подъем военной промышленности, заводы были завалены заказами, нужда в рабочих руках была большая, и поэтому предприниматели Выборгского района подбирали и привлекали к себе квалифицированных рабочих более высокими ставками. Это способствовало концентрации наиболее передовых элементов на заводах этого района. Лучшие условия и боевое настроение рабочих создали району определенную революционную репутацию, и «выборгские» с гордостью поддерживали ее»[1].

В российском контексте возникновение новых культурных потребностей – чувства человеческого достоинства и стремление к самоопределению – имело последствием усиленную оппозицию к существующему общественно-политическому порядку, препятствовавшему удовлетворению этих потребностей. Если менее развитые рабочие в первую очередь были озабочены материальными проблемами, их более квалифицированные коллеги, как отмечал Бузинов, уже хотели поговорить «о чем-нибудь вообще, а не только о заработке». Для квалифицированного работника борьба должна была вестись на многих уровнях, и экономический больше не занимал первого места. Уровень зарплаты в металлообработке стал самым высоким в промышленности после того, как типографские рабочие потеряли прежние лидирующие позиции в связи с упадком их отрасли во время войны (см. *табл. 1.2*).

Деспотическая система управления на предприятиях была постоянным источником унижения достоинства рабочих. Скудные права вырывались у начальства только силой, да и то их отнимали при первой возможности. С 1905 г. (при определенной паузе в период реакции 1907–1911 гг.) требования рабочих «вежливого обращения» к себе (обращения на «Вы») со стороны администрации, устранения унижающих обысков, уважительного обращения с женщинами и т.п. занимали видное место в рабочем движении[2]. Шаповалов вспоминал, как остро он переживал конфликт между

1 *Шляпников А.* Канун семнадцатого года. М. – Петроград, 1923. С. 5.
2 *Haimson H. L.* «The Workers' Movement ontheEve of the First World War», неопубликованная статья 1973. P.36

Таблица 1.2
Среднемесячная заработная плата петроградских рабочих по отраслям, в 1913 и 1916 гг., в руб.

Отрасль	**1913 г.**	**1916 г.**
Металлообрабатывающая	42,0	51,0
Типографская	56,4	38,0
Химическая	30,0	33,8
Деревообрабатывающая	41,0	31,3
Кожевенная	36,0	30,7
Горнодобывающая	30,7	24,5
Пищевая	28,2	24,5
Текстильная	26,0	24,7

Источник: Лейберов И. П. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны / История рабочих Ленинграда. Т. I. Л., 1972. С. 470.

своим нарождающимся чувством достоинства и стремлением к самостоятельности, с одной стороны, и подчиненным, зависимым положением по отношению к заводскому начальству, с другой. «*С первых же дней в мастерской я почувствовал своеобразное раздвоение. Я – революционер-марксист, ненавидящий несправедливый капиталистический строй, поставивший своей целью непримиримую борьбу с последним до полного его уничтожения, сознавал, что капитал давит меня и подчиняет меня воле хозяина настолько, что я опускаю глаза под строгим взглядом хозяина, что я сильнее, чем нужно, сгибаюсь над токарным станком, когда он смотрит на меня. Увы, я должен был сознаться, что во мне жило как бы два человека. Один, который в борьбе за лучшее будущее рабочих не побоялся побывать в Петропавловской крепости и в сибирской ссылке, и другой, который не освободился еще вполне от чувства зависимости и даже боязни. Тем не менее, ловя себя на этих рабских чувствах, я еще сильнее ненавидел капитализм и моего хозяина Оливье*»[1].

Угнетенное положение рабочих на фабриках и заводах отражало в миниатюре их бесправное социальное и политическое положение в царском обществе с его деспотическим патернализмом, душащим все попытки самовыражения. В этом более широком контексте рабочие также боролись за признание их в качестве полноправных

1 *Шаповалов А. С.* Указ соч. С. 618.

субъектов общества со своими собственными, самостоятельными экономическими, политическими и культурными организациями.

Возникновение этих новых потребностей[1] создало новый тип рабочего-активиста – «сознательного рабочего». В своей книге «За Невской заставой» Бузинов писал: «*Среди рабочей массы теперь [1906–1907 гг.] слышалось слово «сознательный», и появление сознательного рабочего говорило ясно о том, что присутствует и ему противоположное – несознательный рабочий... Было немного рабочих-социалистов [т. е. членов партий]. Они опирались на сознательных рабочих. Последних было в десять раз больше, чем социалистов... Каждый был некоторым образом «юридически мыслящая личность», способная разбираться во всем окружающем. Все они в большей или меньшей степени понимали положение рабочих и их взаимоотношения с фабрикантами и заводчиками. Сама жизнь превратила их в передовой оплот рабочей массы. Природная смекалка и рабочая чуткость не обманывала их при выяснении скрытой цели в том или ином подходе администрации. И они уже не молчали. Как-то скоро в их среде выработался особый тип агитатора – человека, бьющего всегда в одну точку, – я бы сказал, – классового обособления от эксплуататоров. В лице этих агитаторов жизнь вбила между хозяином и рабочим такой клин, какой не мог бы вбить партийный агитатор, не связанный так кровно с массой, как они. Тому рабочие могли поддакивать и одновременно думать свое. Тот брал хотя и жгучую тему, но не соприкасающуюся непосредственно ни со станком, ни с данным заводом. Тот говорил гладко, но не всегда понятно. «Самодельный» агитатор говорил то, что у каждого было в голове и чему остальные, менее развитые, не могли найти словесного выражения. После каждого его слова рабочий только и мог воскликнуть: «Во-во, это же самое я и хотел сказать!»...Он подхватывал тему, не претендующую на широкий охват, а самую*

1 Данная тема затрагивается здесь лишь слегка. Воспоминания Шаповалова дают волнующую и яркую иллюстрацию процесса постепенного пробуждения у рабочих новых потребностей, а с ними развития приверженности революционной борьбе. Бузинов описывает такое пробуждение, произошедшее в Невском районе во время революции 1905–1907 гг. См. также: *Иванов Б.* Записки прошлого. М., 1919; а также *Клейнборт Л. М.* Очерки рабочей интеллигенции. Петроград, 1923.

простую, мимо которой партийный прошел бы, не заметив ее. Она касалась или винтика, или одной нитки резьбы на нем. Но сопоставление целого ряда мелочей, среди которых рабочий проводит всю свою жизнь, придавало речи особую убедительность. Каждому рабочему, будь он темнее ночки темной, становилось понятным, что у него под носом «творятся чудеса в решете». А это одно уже ставит вопрос: Что же после этого делается на свете, которого он, как крот, совсем не видит?»[1]

Здесь Бузинов подчеркивает традиционное значение «классового самосознания»: осознание угнетенного экономического и политического положения рабочими, как класса, в обществе. Но в России понятие «сознательный рабочий» имело более широкий смысл, охватывавший целый кодекс поведения, включая такие разнообразные аспекты общественной жизни, как отношения с женщинами, отношение к употреблению алкоголя и к воровству, взаимоотношения с администрацией завода и др. «Сознательный рабочий» был не только борцом за экономические и политические права рабочего класса. Он был еще *интеллигентной* личностью в широком русском смысле этого слова. А. Бабицын, квалифицированный слесарь на машиностроительном заводе «Новый Парвиайнен» в Выборгском районе, вспоминал: «*В дни получки среди рабочих заметно было оживление. Велись разговоры, кто как собирается израсходовать получку. Некоторые рабочие, не заходя домой, отправлялись в трактиры, чайные, расположенные на Большом Сампсониевском проспекте, где под надрывные звуки граммофонов напивались или проигрывались на биллиарде. Иначе проводила досуг сознательная часть рабочих: многие ходили в Народный дом, смотрели спектакли в театре «Комедия» на Моховой, бывали в музеях. Но не только на развлечения тратили они свою заработную плату. Однажды ко мне подошел Николай Мухин, рабочий нашей мастерской. С присущей подпольщику осторожностью он спросил меня, не могу ли я оказать помощь арестованным рабочим, пострадавшим за интересы рабочих*»[2].

Другой рабочий, рассуждая о характере межличностных отношений среди рабочих, писал: «*Только сознательный рабочий*

1 *Бузинов А.* Указ соч. С. 101–103.

2 В огне революционных боев. Т. I. М., 1967. С. 95.

человек может истинно уважать человеческую личность, женщину, лелеять нежную детскую душу. Этому мы не научимся ни у кого, кроме самих себя. Мы, сознательные рабочие, не имеем права быть похожими на буржуев»[1]. Осенью 1917 г. профсоюзный комитет Ижорского завода принял правило, согласно которому рабочий, участвовавший в краже заводского имущества, подлежал увольнению. Профсоюз должен был сообщать причину увольнения: «*За кражу, позорящую сознательный пролетариат*»[2].

Бузинов отмечал, что «сознательные рабочие» «уже не молчали», что сознание подразумевало обязанность культивировать самосознание и у других. Эти «самодельные агитаторы» не обязательно были партийными. Они действовали по внутреннему побуждению поднимать товарищей до своего уровня. Исследователь рабочей среды Л. Клейнборт писал, что в рабочем «*душевный процесс его активен. Раз голос личности в рабочем заговорил, он не может ни сидеть под кустом, ни шаркать ножкой, ни ограничиваться словом… Сила процесса динамическая: высшие слои пролетариата поднимают духовно низшие слои к своему уровню. Вопросы чести и совести – первые мостки, на которых пролетарий пожимает руку полупролетария, открывая перед ним даль рабочего целого*»[3].

Такая активная установка позволяла сравнительно небольшой прослойке сознательных рабочих оказывать решающее влияние на весь класс и объясняла относительно быструю ассимиляцию вчерашних крестьян в рабочее движение.

Показательно, что даже чиновники Министерства торговли и промышленности, во главе которого стоял тогда крупный банкир, считали квалифицированных рабочих более «сознательным» элементом этого класса. В ходе обследования петроградских заводов и фабрик через несколько недель после Февральской революции министерство сообщало, что: «*В целом ряде случаев этим [фабрично-заводским] комитетам удается вносить некоторый порядок и дисциплину в рабочую массу, в общем же наблюдается,*

1 *Клейнборт Л. М.* Указ. соч. С. 16.

2 Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917–1919 гг. Т. I. Л., 1949. С. 226 (далее цитируется как Раб. кон.).

3 *Клейнборт Л. М.* Указ. соч. С. 100–101.

что влияние комитетов и значение их тем больше, чем сознательнее рабочие. Поэтому авторитет их довольно значителен, например, на металлообрабатывающих заводах, и, наоборот, весьма ничтожен в таких промышленных заведениях, где большинство рабочих сравнительно малокультурны»[1].

В этом сообщении связаны понятия: металлообработка, самосознание[2], культура, дисциплина и организованность. Металлисты Выборгского района действительно были самым активным и радикальным отрядом столичного рабочего класса, они менее всех походили на то, что некоторые историки вслед за меньшевиками называли «стихией». Выборжцы как раз гордились своей дисциплиной и организаторскими способностями. Вот замечание журналиста о демонстрации 18 июня 1917 г.: «*Выборжцы прибыли стройными рядами на Марсово поле. "Какой это район?" – Закричал голос из толпы. "Что, разве вы не видите? Образцовый порядок! Значит – Выборгский", – гордо ответил лидер колонны*»[3]. В. Малаховский, командир красногвардейцев этого района, писал о местных рабочих: «*А народец тогда в районе был на подбор – молодец к молодцу. Кого ни ткни, никогда краснеть не придется, и действительно не приходилось... Такая благодатная почва, как рабочие Выборгского района, дала возможность нам так организовать красную гвардию, что все до единого красногвардейца были использованы... Хотя красногвардейцев из других районов насчитывались тысячи и тысячи, но в действии они себя проявляли гораздо слабее. В дни восстания из нескольких районов и даже из Кронштадта пришли к нам научиться, как организовать красную гвардию*»[4].

1 *Соболев Г. Л.* Указ.соч. С. 65.

2 Я сам тут старался избегать употребления термина «сознательный» из-за его оценочного суждения. Но в рабочем движении и даже за его пределами существовал широкий консенсус в его употреблении. Либерал С-ский называл петербургских рабочих «солью сознательных трудящихся» и выделял квалифицированных металлистов для особого упоминания. Эсер Бузинов противопоставлял «отсталых» неквалифицированных ткачей и металлистов и «сознательных» квалифицированных металлистов. Меньшевистская *Новая жизнь* писала о металлистах как «наиболее воспитанной в классовом смысле массе Петрограда», а о неквалифицированных рабочих как «несознательных и неинтеллигентных». – *Новая жизнь*, 8 и 9 декабря 1917 г.

3 *Известия*, 20 июня 1917 г.

4 *Малаховский В.* Из истории красной гвардии. Л., 1925. С. 25.

Одной из самых важных сторон политической культуры квалифицированных металлистов было то, что Бузинов называл стремлением к «классовой обособленности от эксплуататоров». Сутью агитации «сознательного рабочего» было «вбить клин между рабочими и хозяевами». С-ский отмечал, что рабочие не соглашались со многим, что они обнаруживали в либеральной прессе, потому что «либерализм – барский, а они, рабочие, – существенно иные».

Стремление рабочих к «классовой обособленности» от цензового общества сводилось не только к стремлению к самоопределению. Оно исходило еще из осознания непримиримости интересов рабочего класса и имущих классов и выражалось в стремлении сохранять самостоятельность рабочих организаций. В полицейском отчете о рабочем движении в Петрограде от ноября 1915 г. отмечалось, что наиболее обсуждаемой проблемой этого периода были потребительские кооперативы и что на собраниях по этому вопросу рабочие «высказывали желание обойтись при учреждении кооперативов без всякой материальной помощи со стороны фабрикантов, охотно оказывающих материальную поддержку возникающим кооперативам». Аналогичные позиции высказывались по отношению к кооперативу, учрежденному Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков. На заводе «Эриксон», например, «большинство указывало, что это Общество всецело зависит от фабрикантов, а так как кооперация есть одна из форм рабочего движения вообще, то необходимо подумать о своих независимых от фабрикантов рабочих обществах».

В том же отчете отмечался рост интереса к больничным кассам: «*Однако наблюдается за последнее время среди рабочего населения тенденция в сторону изоляции своей деятельности от какого то ни было давления власти и предпринимателей. [Это] сказывается и здесь в виде поворота в сторону чистого самоуправления... Тенденция в сторону отделения деятельности [больничных] касс от воздействия фабрикантов видна на всех без исключения рабочих собраниях по этому вопросу*»[1].

Такая же тенденция преобладала на предприятиях и в отношениях между рабочими и администрацией: любая форма подхалимства или неформального общения с начальством

1 *Флеер М. Г.* Рабочее движение в годы войны. М. – Л., 1925. С. 222–223.

(называемого «братанием») воспринимались с неодобрением. И тут идеалом было четкое разделение.

В политической сфере эта непримиримость проявлялась прежде всего в почти всеобщем отказе в поддержке либералам. Конституционным демократам (кадетам), либеральной партии России, не удавалось завоевать существенную поддержку рабочих. Сознательные рабочие, за исключением типографских рабочих, склонны были отвергать либералов даже в качестве политических союзников. Это была главная причина слабой поддержки рабочими меньшевиков в период подъема рабочего движения в 1912–1914 гг. Бузинов вспоминал, что даже после того, как утихли революционные настроения 1905–1906 гг. и рабочие были более склонны принять частичные реформы, на их собраниях, «*тем не менее, из каждого слова... явно выступала резкая грань, отмежевывающая рабочих от правящего класса, и был ощутим духовный рост рабочих за минувшие два года*»[1]. В этом случае стремление к «классовой обособленности» явно считается духовным ростом.

Другой стороной классовой непримиримости было чувство классового достоинства, повышавшее упорство рабочей борьбы, превращая забастовки по экономическим и политическим мотивам в вопросы классовой чести[2]. Эта забота о классовой чести подвигла 48-летнего путиловского рабочего Скоринко летом 1917 г. отругать своего сына за то, что тот «позволил себе» снести удары от офицеров за свою защиту большевиков: «*И ты стерпел, паршивец. В рожу надо было! Чернильницей, революьвером, стулом. Рабочий не должен терпеть удара от буржуя. Ударил, – получай обратно. Эх! Зас...нец!*»[3]

Классовое достоинство лежало и в основе таких заявлений в 1917 г., как «*Лучше упасть грудой костей, чем жить как рабы*» или «*Мы еще поборемся, и если мы погибнем, то в честном бою, а от своей борьбы мы не отступим*»[4].

1 *Бузинов А.* Указ соч. С. 126.
2 *Волобуев П. В*. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964. С. 238.
3 *Скоринко И.* Воспоминания рабочего об Октябре // *Красная летопись*, № 6, 1923. С. 145.
4 Октябрьская революция и фабзавкомы. Т. I. М., 1927. С. 208 (в дальнейшем цитируется как ФЗК).

Хотя здесь невозможен более обширный анализ источников этого непримиримого классового мировоззрения, некоторые из них сразу заявляют о себе. Во-первых, в российском обществе до Февральской революции еще существовали юридически определенные сословия. Выборы в Государственную думу проходили по куриям – смеси сословной и имущественной (классовой) квалификации. Это само по себе подчеркивало границы, разделявшие общество на отдельные классы. Во-вторых, в российской действительности интересы имущих классов находились в резком противоречии с устремлениями рабочих. Даже члены «Рабочей группы» Военно-промышленного комитета, самые умеренные элементы российской социал-демократии, стремившиеся к политическому союзу рабочих с либеральной буржуазией против царской власти, не могли пройти мимо этого глубокого антагонизма. В письме к рабочим столицы в декабре 1916 г. они начали с признания, что имущие классы всегда боялись народа. Но в настоящее время, продолжалось в письме, потеряв веру в собственные силы, они обращаются к трудящимся и хотят, чтобы рабочие выступили в форме демонстраций.

«*Конечно, имущее общество желает вмешательства рабочего класса по-своему. Оно хочет использовать его силу в своих интересах так, чтобы как можно больше получить самому и как можно меньше дать рабочей демократии. Но рабочий класс уже достаточно сознателен, чтобы позволить буржуазии загребать жар чужими руками. В столкновении с режимом мы будем бороться по-своему. Интересам имущего класса мы противопоставим свои интересы. Буржуазия стремится к политической реформе, к либеральному режиму. Не мешая ее борьбе против общего врага – самодержавия, пролетариат будет добиваться своей цели: наиболее полной демократизации страны. Буржуазия говорит: страну спасет от разрухи ответственное перед нынешней Думой правительство. Рабочий класс заявляет, что для спасения страны от губительного разложения необходимо немедленное учреждение Временного правительства, опирающегося не только на Думу, но и на организующийся в борьбе народ. При политическом преобразовании страны буржуазия будет стремиться сохранить нынешние жестокие*

и удобные для нее формы эксплоатации труда капиталом. Рабочий класс потребует ряд реформ, облегчающих его борьбу с эксплоатацией и с эксплоататорами. Буржуазия вместе с устранением нынешнего режима попытается дать волю своим захватническим, завоевательным аппетитам. Пролетариат и демократия, протестуя самым решительным образом против всяких военных насилий, будет добиваться мира на условиях, приемлемых для рабочих всех стран»[1].

Существовал еще и третий, более психологический момент. Шаповалов вспоминал, насколько глубоко он был уязвлен как сознательный рабочий, осознав свою робость перед хозяином. Из-за этого он еще больше возненавидел всю систему. Фактически подчиненное положение рабочих порождало у их «сознательных» элементов опасение, что если они снизят бдительность и не будут поддерживать полную обособленность от имущих классов, то отдадутся рабским импульсам и подчинятся их интересам.

Кроме того, рабочие стремились сохранить единство рабочего класса. Они часто говорили о себе как о «рабочей семье» или «одной дружной пролетарской семье»[2]. Они считали, что у них должна быть единая стратегия, так как были общими интересы и враг. Не раз рабочие выражали свою нетерпимость к тому, что считали неоправданной фракционностью и неуместной гордостью верхушек социалистических партий. Меньшевик Л. Ланде писал: «*Стремление к единству было сильным в рабочем движении на протяжении всего февральского периода, и оно не просто исчезло даже после Октября. В конечном итоге оно возникало из убеждения, что рабочий класс должен был оставаться единым, если ему было суждено выполнить свою историческую роль. Таким образом, хотя это стремление все больше приходило в столкновение с реальностью, все части российской социал-демократии в 1917 г. на словах поддерживали стремление народных масс к объединению в единую рабочую партию*»[3].

1 *Маевский Е.* Канун революции. Петроград, 1918. С. 96–97.

2 Раб. кон. С. 152–153; Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Накануне октябрьского вооруженного восстания 1–24 октября 1917 г. М., 1962. С. 311 (далее цитируется как Док. нак.).

3 *Haimson L. H.* (ed.) The Menshevics. Chicago: University of Chicago Press, 1975. P. 13.

В 1917–1918 гг. стремление к единству было причиной колебаний рабочих перед выступлениями, которые могли бы привести к дроблению их рядов.

Сохранение единства являлось для рабочих залогом победы в борьбе с классовым врагом. Чувство «коллектива» к тому же помогало преодолеть склонность к подчинению в личных отношениях с работодателем даже у «сознательных» рабочих. Шляпников отмечал двойственность поведения металлистов Выборгского района, напоминавшую внутренний конфликт Шаповалова. Во время войны различия в заработной плате могли быть довольно значительными не только у рабочих одного и того же цеха, но и у рабочих, выполнявших одну и ту же операцию: «*Отчасти это происходило и потому, что наши металлисты привыкли к борьбе коллективной, «скопом», а отстаивание однородной заработной платы для рабочих одинаковой профессии, а также многое другое в заводской жизни, требовало известной личной выдержки, упорства, уменья отстоять себя, каждого в отдельности, иногда без общей поддержки*»[1].

А. Буйко, петроградский рабочий, выросший в деревне, вспоминал ощущение силы, которое он испытывал от принадлежности к коллективу: «*В первые годы, пока я не изжил деревенских настроений, я чувствовал себя одиноким и постоянно испытывал страх перед людьми. Сблизившись с товарищами по работе, найдя общие интересы с коллективом, я почувствовал под ногами незыблемую почву, возникла уверенность: "Я не один – нас много, мы все заодно!" Это сознание влило столько энергии, что хватило на всю последующую жизнь и борьбу*»[2].

В 1917 г. стремление рабочих к единодушию выражалось в тенденции принимать решения на общих собраниях единогласно или только с воздержавшимися. Иногда для обеспечения единства от несогласных требовали объяснить их позицию перед собравшимися[3].

Еще одна черта, которую следует подчеркнуть, – интернационализм этой прослойки рабочих. Рабочий класс Петрограда

---

1 *Шляпников А.* Указ.соч. С. 11.
2 *Буйко А.* Путь рабочего. М., 1934. С. 14–15.
3 *Степанов З. В.* Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. Л., 1973. С. 129.

был преобладающе русским, но было и значительное число нерусских[1]. Однако если и существовал национальный антагонизм, он не играл заметной роли в рабочем движении. Одна из самых известных забастовок периода 1912–1914 гг. – 102-дневная забастовка на машиностроительном заводе «Новый Лесснер» была вызвана самоубийством еврейского рабочего Стронгина, доведенного до отчаяния издевательством мастера[2]. В 1917 г. люди с явно еврейскими фамилиями, как Израилевич или Коган, нередко встречались среди депутатов рабочих организаций[3].

Интернационалистическая позиция рабочих выражалась и в их отношении к мировой войне. «Долой войну!» был ключевым лозунгом Февральской революции. Даже патриотическая волна, захватившая широкие слои трудящихся классов в начале войны, нашла лишь слабый, кратковременный отклик в среде петроградских рабочих. По данным полиции, к осени 1915 г. от нее мало что осталось[4]. Н. И. Потресов, меньшевик-оборонец, горько сетовал в 1915 г. на тот факт, что «германское вторжение» пробудило даже самые застойные элементы буржуазного общества, в то время как оно «ничего не вызвало в пролетарских массах», никакого отклика, достойного «самого революционного класса сегодняшнего общества»[5]. Летом 1917 г., путиловские рабочие пожертвовали 5000 руб. на знамя с надписью: «Мы клянемся добиться братства народов. Да здравствует Русская революция как пролог Социальной революции в Европе». Знамя было подарено Павловскому полку в торжественной церемонии на Марсовом поле. Петроградские рабочие также широко

1 По данным Промышленной и профессиональной переписи в августе 1918 г., русские составляли 84,2% промышленных рабочих Петрограда; поляки – 5,8%, литовцы и латыши – 2,6%, финны – 2,3%, немцы – 0,5% и евреи – 0,3%. *Степанов З. В.* Указ.соч. С. 42.

2 *Аллилуева А. С.* Воспоминания. М., 1946. С. 82.

3 Израиль Моисеевич Коган, например, был избран рабочими обувной фабрики «Скороход» в Петроградский Совет 17 декабря 1917 г. См.: Центральный государственный архив СПб. (ЦГА СПб.), фонд 7384, оп. 7, д. 21, л. 80.

4 *Флеер М. Г.* Указ. соч. С. 209. В Москве, наоборот, «патриотические» рабочие участвовали в забастовке против фирм с немецкими связями. См.: *Шляпников А.* Указ соч. С. 184. В столице таких инцидентов не было.

5 *Потресов Н. И.* Посмертный сборник произведений. С. 230–242. Цит. по: *Haimson.* Op. cit. P. 13.

осудили закрытие Керенским финского сейма за голосование в поддержку автономии Финляндии.

Петроградским рабочим не надо было далеко ходить, чтобы увидеть международный характер своего противника. Текстильная промышленность в столице была в значительной степени в руках выходцев из Великобритании, а металлообрабатывающие заводы носили такие всемирно известные имена, как «Сименс», «Эриксон» и «Нобель». Значительная часть административно-технического персонала этих предприятий была также иностранного происхождения.

Неквалифицированные рабочие

Неквалифицированные рабочие были наименее активной частью рабочего класса. В рабочем движении их часто называли «малосознательными массами», а иногда и «болотом».

Самой многочисленной группой в этой категории были женщины. Профсоюзный лидер В. Перазич писал о текстильщицах: «*Вообще наша масса была в то время [первые месяцы 1917 г.] политически еще совсем темная ... Лишь немногим удалось стать сознательными пролетариями. Кроме того, во время войны на текстильных фабриках, где в основном работали женщины, многие мужчины ушли на фронт или перешли на связанные с военным производством предприятия*»[1].

Женщины были почти всегда заняты на простой малоквалифицированной работе в текстильной, пищевой, химической и обувной промышленности, в то время как мужчины в этих отраслях выполняли квалифицированную работу по обслуживанию и налаживанию станков и надзору за трудом работниц[2]. Даже в металлообрабатывающей или типографской отраслях, в которых труд был вообще более квалифицированным, женщины почти всегда были заняты на неквалифицированных работах[3].

1 *Перазич В.* Текстили Ленинграда в 1917 г. Л., 1927. С. 81–82, 86.

2 См. например: *Шатилова Т.* Очерк истории ленинградского союза химиков 1907–1918 гг. Л., 1927. С. 10.

3 История ленинградского союза полиграфического производства. Т. 1. Л., 1925. С. 48.

Если квалифицированный труд содействовал развитию аналитического мышления, неквалифицированный труд притуплял ум. Ткачи и прядильщики, писал С-ский, это рабочие «*совершенно другого типа [чем более квалифицированные металлисты]. Это – рабы машин. Машина их пожрала со всем их существом. Это – чисто механический труд… Здесь люди – номера. Здесь налицо самое ужасное, что может быть в трудовой атмосфере – безнадежность труда. Люди тупеют, опускаются… [Отсутствует] требование на индивидуальное творчество…*»[1].

Вот описание труда работницы, собиравшей ручные гранаты в исключительно женском цехе Оптического завода: «*Мы с Машей, моей подружкой, работали за одним столом. Сидели друг против друга. Помню, сижу я на табуретке, склонив голову над защитным стеклом. За ним на столе картонный лист с мелкими отверстиями. Из жестяной коробки, обложенной внутри солдатским сукном, я извлекаю 40 штук капсюлей вместо 20 по инструкции и вставляю их в отверстия на листе. При помощи деревянной палочки накладываю на них невесомые фольговые кружочки, прижимаю их прессиком-молоточком. Кисти моих рук все быстрее и быстрее повторяют заученные движения, а тело замерло в неподвижности.*

В этот момент за моей спиной оказался мастер Яникеев. "Инструкцию нарушаешь, красотка! Разве я не объяснял! Штрафов тебе не записывал! Или ты нерусская?!" Маша было улыбнулась ему: "Она нерусская, она тверская!", но мастер переметнулся к ней, увидел у нее тоже нарушение инструкции и закричал: "Хватит мне с вами, штрафниками, играть! Расчет через две недели получите!". Напрасно я доказывала ему, что брака у нас в работе нет и не было. … От увольнения с завода нас избавили революционные события, начавшиеся в конце февраля 1917 года»[2].

В этой несложной работе с менее, чем пятью операциями, не было места для инициативы и независимого мышления.

Женщины были самой низкооплачиваемой категорией рабочего класса: средняя зарплата в текстильной промышленности составляла менее половины того, что получали в металлообработке

1 *С-ский Н.* Указ соч. С. 14.
2 В огне революционных боев. Т. II. М., 1971. С. 34–35.

Таблица 1.3
Грамотность женщин, занятых в текстильной промышленности, рабочих-металлистов и всех остальных промышленных рабочих по возрастным группам, август 1918 г., в %

Возраст	**Доля грамотных рабочих (в %)**		
	Женщины-текстильщицы	**Металлисты**	**Все промышленные рабочие**
До 14	70,0	93,6	80,6
15–19	62,8	92,1	77,1
20–24	51,7	88,6	68,2
25–29	38,6	87,2	66,2
30–34	28,6	86,7	64,2
35–39	19,9	81,1	59,2
40–44	15,1	79,9	58,2
45–49	10,7	72,6	51,9
50 +	7,9[a]	62,8	42,3
Все	37,5	82,6	64,0

a. Только 50–54.
Источник: Рашин А. Г. Указ.соч. С. 602.

в 1916 г. (см. *табл. 1.2*). Кроме того, они подвергались двойной эксплуатации. Мало того, что их зарплата близко не обеспечивала достойный уровень жизни, но работницы полностью находились под пятой недобросовестных администраторов, не стеснявшихся эксплуатировать их и сексуально[1]. «Приличная публика» смотрела на работниц немногим лучше, чем на проституток.

Грамотность среди работниц была низкой, хотя разрыв между мужчинами и женщинами значительно сокращался в младших возрастных группах (см. *табл. 1.3*). За исключением немногих квалифицированных рабочих-мужчин, активисты на текстильных фабриках были молодыми работницами[2].

Но больше, чем простой, монотонный характер работы и низкий уровень грамотности работниц, самый их образ жизни препятствовал участию в общественной жизни. Обычно работница начинала свою трудовую жизнь в возрасте 9–11 лет, иногда и раньше, работая неограниченные часы в качестве няни,

1 См. например: *Сукновалов А. Е., Фоменков И. Н.* Фабрика «Красное знамя». Л., 1968. С. 98–99.
2 Там же. С. 58–80 passim.

на крестьянском огороде или на выпасе помещичьего скота. Позже она переезжала в город работать швеей, текстильщицей или продавщицей. «*Работа на фабрике и роды,* – заключала Кабо, – *приводили к преждевременному разрушению организма и не оставляли ни энергии, ни времени для получения элементарной грамотности. В результате, почти все текстильщицы [в данной выборке московских рабочих], достигшие в среднем 33-летнего возраста, были физически изнурены и малограмотны или полностью неграмотны*»[1].

Образ жизни работницы был замкнутым. Он состоял из почти непрерывных хождений между домом и фабрикой, держа ее в стороне от общественной жизни и за пределами динамического влияния рабочего движения. Ее интеллектуальные горизонты едва ли выходили за пределы семьи и цеха. «*Разве работая вместе с мужчиной на фабрике, на заводе по 11–12 часов,* – писал большевистский журнал «Работница», – *и получая за свою работу значительно более низкую плату, чем получает мужчина, получая нищенские гроши, более слабая по своей организации женщина не завалена еще и домашней необходимой и нелегкой работой? Разве легко после бесконечной, трудной работы на фабрике каждую свободную минуту, когда мужчина может и отдохнуть, может участвовать в общественной жизни, почитать, потолковать с товарищами о прочитанном, вместо всего этого, забывая себя, отдаваться необходимой возне с детьми? Нужно им и постирать, и белье починить, и накормить их, а чем накормишь, когда продукты все дорожают, а заработок так мал?...*

Так в этих расчетах, в этих заботах и хлопотах по хозяйству проходит все свободное время семейной работницы, и нет почти свободного времени для отдыха, для личной жизни. Утомленная, больная от нездорового и бесконечного труда на фабрике, не зная покоя дома, с утра до поздней ночи, изо дня в день, из месяца в месяц бьется работница-мать и знает только нужду, только заботы, только горе. Проходит ее жизнь мрачно, безрадостно, быстро стареет она разбитая, исстрадавшаяся в годы, когда человек должен наслаждаться

1 *Кабо Э. А.* Указ. соч. С. 127.

полным расцветом своих сил, умирает, не узнав счастья в жизни – гибнет, как сломанное молодое дерево»[1].

Пассивность, отсутствие инициативы и упорства в борьбе, безразличие к общественной жизни наряду со слабо развитым чувством классовой солидарности и слабой политической грамотностью – вот некоторые черты политической культуры неквалифицированных женщин-работниц того периода. «*Сколько раз мы слышали*, – спрашивала «Работница» в другой статье, – *что стачка на том или ином предприятии не прошла… потому что «среди рабочих много женщин», что несколько фабрик не поддержали товарищей по профессии, «потому что» среди работающих там много женщин, что стачка была сорвана прежде времени и вследствие проиграна, «потому что» среди рабочих много женщин?… Ведь женщины-работницы менее сознательная публика… Они менее записываются в профессиональные союзы, чем мужчины, реже идут в клубы и на лекции*»[2].

«*Здесь, благодаря неорганизованности, мы никогда не присоединялись к общим выступлениям пролетариата*, – писала женщина с ниточной фабрики Кенига, на которой работали 2500 женщин и 80 мужчин. – *И если работницы из какого-нибудь цеха и объявляют забастовку, то работницы других цехов не оказывают первым поддержки. Вот, кениговцы, к чему приводят наша разрозненность и неорганизованность – нашей темнотой пользуются. И это будет до тех пор, пока мы не вырастем, пока не перестанем смотреть на своего хозяина как на благодетеля, а на себя как на рабов… И все же большинство женщин-работниц, в том числе и наша фабрика, тащится как-то в хвосте рабочего движения. Нет той интенсивности, нет той энергии, которая требуется при борьбе с капиталом*»[3].

Кабо выяснила, что среди ее тридцати женщин-респонденток подавляющее большинство проявляло полное незнание по всем вопросам «политической и культурной жизни». Лишь девять читали газеты еще до революции. По ее заключению: «*Подавляющее большинство женщин не интересуются вопросами*

1 *Работница,* 19 апреля 1914 г.
2 Там же, 16 марта 1914 г. С. 2.
3 Там же, 4 мая 1914 г. С. 12–13.

политики и культуры, не имеют навыков к чтению и не могут помнить, что они читали и когда»[1].

Одной из главных причин нежелания участвовать в общественной жизни был страх. «*Они крепче держатся за настоящее, больше боятся риска – за себя, за детей*, – писала «Работница». – *Их труднее поднять на стачку, убедить в необходимости довести ее до конца*»[2]. Хотя это вытекало в основном из чувства ответственности за семью и ненадежности материального положения работниц, воспитание и социальное происхождение также играли свою роль. Даже молодые женщины чурались активности. Например, при проведении выборов в дирекцию больничной кассы табачной фабрики «Лаферм» в 1914 г. старшие женщины говорили: *"На что нам эта касса? Вычитать будут, а помощи нам не надо. Мы же не можем родить". Но из молодых многие тоже были напуганы выборами. Некоторые даже плакали, когда их выбрали: "А вдруг нам за это что будет, а вдруг заберут?" Одна молодая работница даже сказала "Слава богу!", когда узнала, что она слишком молода*»[3].

Женщины часто оказывали сдерживающее влияние на общественную активность своих мужей. Одна, вспоминая отношения с покойным мужем, отмечала: «*Тогда я сердилась часто на мужа, что уходит иногда на какие-то собрания, что сидит частенько за газетой. Наше ли это дело газеты читать? Господам хорошо этим баловаться. А что мы из нее можем вычитать*?»[4]

Хотя мы до сих пор ограничивались обсуждением характеристик работниц, следует подчеркнуть, что источником этих черт была, конечно, не какая-то «женская натура», а уровень квалификации подавляющего большинства работниц и социальные особенности, связанные с их трудом. Уровень политической культуры женщин несущественно отличался от политической культуры малоквалифицированных мужчин. Женщины, занятые в швейной промышленности, единственной квалифицированной

1 *Кабо Э. А.* Указ. соч. С. 132.
2 *Работница,* 16 марта 1914 г.
3 Там же. С. 10.
4 Там же, 19 апреля 1914 г.

отрасли, в которой работало значительное число женщин[1] и обычно требовавшей два-три года ремесленного училища или ученичества, существенно отличались от своих неквалифицированных сестер на текстильных фабриках. Все три швеи, опрошенные в рамках исследования Кабо, были грамотными, две – с двумя годами формального школьного образования и одна с шестью. Общий уровень грамотности женщин в швейной отрасли составлял 68,2% по сравнению с 37,9% в текстильной промышленности[2]. Из оставшихся 27 женщин всего три имели какое-либо формальное школьное образование. Все три швеи происхождением были из городских рабочих, тогда как семь из восьми опрошенных текстильщиц росли в деревне. Интервьюеры описывали последних как «забитых», «некультурных», «неразвитых», «не интересующихся общественной жизнью»; тогда как швеи воспринимались как «энергичные», «интеллигентные», «способные». Две из них принимали активное участие в общественной жизни[3].

Словом, это относительно небольшое число квалифицированных работниц имело гораздо больше общего с квалифицированными рабочими, нежели с малоквалифицированными работницами. Причем верно и обратное утверждение: малоквалифицированные мужчины и чернорабочие были похожи на малоквалифицированных работниц как своим социальным происхождением, так и уровнем политической культуры. И меньшевики, и большевики называли и тех и других «неразвитыми», «отсталыми», «несознательными»[4]. О периоде подъема 1912–1914 гг. с быстрым развитием промышленности Клейнборт писал: «*Вот это-то нашествие чернорабочего, грубого, некультурного, столь бьющее в глаза по сравнению с 1905 г., и осложняло борьбу рабочего класса за его человеческое достоинство более, чем когда-либо*»[5]. Как и работницы,

1 Около половины из 30000–40000 петроградских швейных работниц трудились в небольших мастерских нижнего белья и обмундирования для армии. Остальные работали надомницами. См. *табл. 3.2* и: Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957. С. 122 (далее цитируется как Док. окт).

2 *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 601.

3 *Кабо Э. А.* Указ соч. С. 30, 36, 39 и passim.

4 См. например: *Новая жизнь,* 8 декабря 1917 г., редакционная статья Базарова.

5 *Клейнборт Л. М.* Указ. соч. С. 84.

малоквалифицированные мужчины занимались изнурительной, монотонной работой, получали в лучшем случае минимум для проживания, хотя больше, чем женщины[1], и, как правило, держались в стороне от рабочего движения.

Малоквалифицированные кадры вообще, и тем более во время мировой войны, рекрутировался главным образом из деревни. Большевичка Т. Шатилова, принимавшая активное участие в работе по организации профсоюза химической промышленности до революции, отмечала, что «*на химических заводах большинство производственных рабочих были чернорабочие... слабо связаны с городом и мало проникнуты пролетарскими настроениями*»[2]. С-ский также писал об «*огромной массе неквалифицированных чернорабочих, большинство которых были пришлые»,* а меньшевик-интернационалист Базаров описывал их как *«случайные элементы, пришлые, превращенные в рабочих лишь за время войны*»[3].

Главное различие между неквалифицированными мужчинами и женщинами заключалось в том, что работницы, независимо от продолжительности их занятости в промышленности, обычно оставались на малоквалифицированной работе, в то время, как неквалифицированные рабочие могли постепенно перемещаться на полуквалифицированную или квалифицированную работу по мере того, как приобретали опыт. У мужчин неквалифицированный труд и недавнее появление из деревни, как правило, шли рука об руку; не так было у женщин. Чем дольше мужчины пребывали в городской среде, тем больше они постепенно отбрасывали крестьянский образ жизни и мышления, тем больше они становились «пролетаризированными». С другой

1 20 марта на заседании Рабочей секции Петроградского Совета один из делегатов от Петроградского района заявил: «Вы знаете, что на заводах есть две категории рабочих: низших – чернорабочих и женщин и рабочих квалифицированных, которые получают довольно порядочное вознаграждение соответственно дороговизне. Те рабочие, которые получают хороший заработок, о них разговора нет, так как они обеспечены. Но вот на вчерашнем районном собрании оказалось, что с категориями рабочих низкого труда дело обстоит не так. Оказывается, на многих заводах получают эти рабочие 1р. 20 к. – 1 р. 30 к. в день. При таких условиях совершенно невозможно существовать хоть как-нибудь по-человечески». ЦГА СПб., ф.1000, оп. 73, д. 12, л. 15.

2 *Шатилова Т.* Указ. соч. С. 10.

3 *Новая жизнь,* 8 декабря 1917 г.

стороны, как заключала Кабо, «*та среда, из которой произошла женщина, и природа ее деятельности оставили более значительный отпечаток на ней [нежели в отношении мужчин]*». И причины ясны: «*Здесь, таким образом, все основные черты, полученные по наследству от недавнего описанного нами прошлого... но уже туже завязанные тесным узлом замкнутого семейного быта, сохранили во всей неприкосновенности убогую культуру деревенской и городской бедноты. Жизнь как-то стороной прошла мимо этих людей, давая им редкие и небольшие радости и в изобилии оставляя на их долю лишения и заботы*»[1].

Поскольку недавно прибывшие из деревни склонны были рассматривать свое пребывание в промышленности как временное или, по крайней мере, они еще не успели развить в себе идентификацию с рабочим классом, их приверженность к коллективным целям рабочего движения была слабой. Своими главными целями они еще считали приобретение земли и улучшение своего личного положения. Журналист газеты «Новая жизнь», сравнивая в 1917 г. рабочих Путиловского завода с рабочими Трехгорной мануфактуры в Москве, отмечал: «*В одном месте – ясное понимание своих классовых интересов, в другом – главный вопрос, вопрос о земле*»[2].

Статистика забастовок показывает, что малоквалифицированные рабочие охотнее откликались на краткосрочные и экономические цели, чем на более долгосрочные политические. В первой половине 1914 г., в период особенно интенсивной классовой борьбы, текстильщицы России в целом принимали менее активное участие

1 *Кабо Э. А.* Указ. соч. С. 132, 223.

2 *Новая жизнь*, 1 августа 1917 г. См. там же (8 декабря 1917 г.) жалобу Базарова на то, что неквалифицированные массы, пришлые военного времени, в отличие от квалифицированных рабочих – «подлинного пролетариата» не понимали необходимости повышать продуктивность труда. Согласно Промышленной переписи августа 1918 г., 31,1% всех фабрично-заводских рабочих европейской части России владели землей до Октябрьской революции и 20,9% реально ее обрабатывали с помощью членов семей в деревне. В более квалифицированных типографской и машиностроительной отраслях эти показатели равнялись 17,4% и 9,8%, 24,1% и 13,9% соответственно. В швейной отрасли цифры также были относительно низкими – 23,8% и 17,1%. В металлургии 29,3% заводских рабочих владели землей и 19,6% ее обрабатывали при помощи членов семьи. В хлопчатобумажной отрасли эти показатели были еще выше – 33,6% и 20,4% соответственно. См.: *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 573.

Таблица 1.4
Участники экономических и политических забастовок в 1914 г. в европейской части России в металлообрабатывающей и текстильной отраслях

Отрасли	**Экономические забастовки**	**Политические забастовки**
Металлообрабатывающая	87 773	661 426
Текстильная	115 532	160 336

Источник: Балабанов М. Рабочее движение в России в годы подъема 1912–1914 гг. М., 1927. С. 62.

в стачечном движении, несмотря на их численное преобладание, по сравнению с металлистами, и их выступления преследовали гораздо чаще чисто экономические цели, тогда как металлисты были почти всецело поглощены политической борьбой (см. *табл. 1.4*).

Помимо вопросов осознания классовых интересов и классовой идентичности на характер участия малоквалифицированных рабочих в революционном движении влияли некоторые культурные черты, привнесенные ими из предыдущей крестьянской жизни. Одной из главных черт, отличавших квалифицированных, урбанизированных рабочих от их полудеревенских неквалифицированных коллег, была способность обобщения, ориентирования в абстрактных вопросах общественно-политической жизни, далеких от непосредственного опыта рабочего. Один социолог назвал это способностью «осознать историю и биографию и отношения между ними в обществе»[1]. Эта способность была связана с уровнем грамотности и образования и с характером работы. Но различные исследователи крестьянской культуры отмечали, что крестьяне затруднялись видеть дальше пределов своей деревни или в лучшем случае волости, что, в свою очередь, обусловливалось их образом производства и жизни[2].

1 *Mills C. W.* The Sociological Imagination. New York: Oxford University Press, 1970. P. 6.
2 См. например: *Hobsbawm E. J.* Peasants and Politics. In: *Journal of Peasant Studies*, vol. I, 1973. P. 13; *Galeskii B.* Mopi i zawod relnika. Warsaw, 1963. P. 49. Цит. по: *Shanin T.* (ed.), Peasants and Peasant Society. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. P. 254. Галеский отмечает: «Поскольку продукция земледельца имеет насущное значение и на самом элементарном уровне она достаточна для человеческого существования, труд земледельца необходим для существования общества в целом; но существование общества необходимо для существования фермера не в той же степени».

Агитатор Петроградского Совета, отправленный в Ямбургский уезд летом 1917 г., докладывал, что, хотя все общественные вопросы обсуждались на организованных им самим собраниях крестьян, «общегосударственные вопросы разбирались очень мало ввиду неподготовленности, непонимания их важности»[1]. Если мир крестьян в значительной степени был природным, мир городских рабочих был преимущественно социальным. Удовлетворение жизненных потребностей рабочих зависело от всего общества: от работодателей, от хозяев квартир, от крестьянства, от товарищей по работе и т.д. Различия в социальной обстановке и окружении рабочих и крестьян находили отражение и в материалах их чтения: «*Крестьянин, «любящий читать»..., ведет хозяйство «осмысленнее»..., «более податлив на нововведения»... В книге дороже всего «полезное», то, что тут же можно использовать в хозяйстве, на сходе, в сношениях на стороне. Если же, помимо этой практичности, деревня обнаруживает понимание книги в смысле общего развития, то редкая книга читателя поглощает, поглощает настолько, чтобы он забыл для нее свой навоз, свой рабочий скот, "суету вокруг своего дома и своей личности". Он пассивен, мало анализирует, ищет проповеди, поучения... [Зато] в читателе-рабочем спокойствия менее всего. Читая книгу, он реагирует в ту или иную сторону резко, даже резче, чем можно было ожидать. Сообразно этому и книга для него не проповедь, не поучение. Живя на фабрике, он много видит, много переживает. Потому книга для него та же жизнь. Насколько это так, показывает равнодушие к утилитарным знаниям и рост книг именно общественных, – обратное тому, что, без сомнения, имеет место в деревне*»[2].

Рабочие отнюдь не были мечтателями. Больше всего они читали газеты; наряду с художественной литературой они предпочитали книги по «рабочему» вопросу так же, как крестьянские читатели требовали книги «о земле»[3]. А вот техническая литература, которая могла бы помочь рабочим повысить уровень квалификации, их интересовала мало. Как заявлял один: «Когда

1 *Известия,* 3 августа 1917 г.
2 *Клейнборт Л. М.* Указ. соч. С. 64, 67.
3 Там же. С. 71.

поработаешь двенадцать или пятнадцать часов подряд, тогда и вспоминать о своем ремесле гадко, не то что читать о нем»[1].

Малоквалифицированные рабочие, как и крестьяне, имели достаточно узкий и конкретный круг интересов. Если Бузинов вспоминал, что с токарем можно было поговорить о чем-то общем, а не только о заработной плате, а С-ский отмечал, что квалифицированные металлисты по дороге с завода обсуждали широкие общественно-политические вопросы, то работница, читающая газеты, предпочитала читать «*про нашу фабрику, если что пишут…, или про происшествия; про суд, очень интересно, … или когда муж что-нибудь покажет*»[2]. Малоквалифицированные рабочие относились к общественной жизни, и к политике в частности, через свои непосредственные потребности и непосредственный личный опыт.

Относительная инертность малоквалифицированных рабочих, их более слабое участие в рабочем движении имели параллели в часто отмечавшемся крестьянском фатализме и пассивности, которые некоторые исследователи связывают с зависимостью крестьянского труда от капризов природы[3]. Правда, термин «пассивность» не совсем точно характеризирует русское крестьянство. Крестьяне были способны на мощные вспышки коллективного действия, но они довольно быстро затихали в отсутствии конкретных результатов. Более того, эти вспышки возникали, как правило, не спонтанно внутри крестьянского общества, а как реакция на изменения за пределами деревни, так или иначе подрывавшие законность установленного порядка[4]. Не владея систематическим пониманием того, как функционирует и изменяется общество, крестьяне пользовались возможностями, посланными им извне, аналогично тому, как они пользовались благоприятными

1 *Клейнборт Л. М.* Указ. соч.
2 *Кабо Э. А.* Указ. соч. С. 222.
3 *Ortiz Sutti.* Reflections on the Concept of «Peasant Culture» and «Peasant Cognitive System». In: Shanin. Op. cit. P. 330.
4 Как считает один историк, занимающийся вопросами крестьянства, периоды крестьянских волнений во второй половине XIX и начале XX в. группировались вокруг таких внешних событий, как робкая аграрная реформа конца 1840-х гг., Крымская война, русско-турецкая война и революции 1905 и 1917 гг.; *Scott R. H.* The Russian Peasantry in the First and Second Dumas, неопубликованная рукопись, 1973. P. 10–11.

климатическими условиями. И когда эти возможности иссякали, они не брались за организационное строительство, не заботились о консолидации сил, а снова поглощались местными заботами.

Малоквалифицированные рабочие следовали аналогичной схеме участия в общественной жизни. Бузинов вспоминал, как «*нижний слой рабочего класса – неподвижная по своей толще масса – после отлива революционной волны тихо почил. На него нашло какое-то безразличие ко всему существующему и всему будущему*»[1]. Московский хлебопек Б. Иванов писал о «малосознательном массовике», в значительной степени все еще привязанном к земле: «*В моменты, когда стихийная сила его несет на борьбу, он идет с жаркой решимостью вперед, но если ему на пути встанут преграды, то его силы сразу же разобьются при первом решительном отпоре капитала*»[2]. В 1907 г. хлебопеки провели две успешные забастовки. «Массовики» потом требовали еще одну, чему сопротивлялись «сознательные хлебопеки», «пролетаризированные» элементы, свободные от связей с деревней. Последние хотели отложить новую забастовку, чтобы сначала накопить силы и решить организационные вопросы. Однако *«массовик меньше учитывал условия момента. Его кругозор был ограничен только союзом, он не учитывал условия всего переживаемого момента страны»*. Когда новая забастовка провалилась, профсоюз сильно потерял в глазах этих рабочих, но более сознательные хлебопеки, получившие от забастовки меньше всех, остались верны своему профсоюзу[3]. В период политической реакции 1907–1910 гг. квалифицированные металлисты составляли подавляющее большинство профсоюзного членства в Петербурге. Из 8459 профсоюзных членов в 1907–1908 гг. неквалифицированные рабочие составляли только 16%. А в 1909 и 1911 гг. из вновь присоединившихся к профсоюзу неквалифицированные металлисты составляли соответственно лишь 10% и 5%[4].

Еще одной чертой малоквалифицированных рабочих, имевшей аналогию с крестьянством, была их зависимость от внешних лидеров. Вышеупомянутый агитатор Петроградского Совета

1 *Бузинов А.* Указ.соч. С. 104–105.
2 *Иванов Б.* Указ. соч. С. 83.
3 Там же.
4 *Булкин Ф. А.* На заре профдвижения. Л., 1924. С. 309.

докладывал: «*Крестьяне еще не понимают, что произошло, и верят, что кто-то им издаст "сверху" приказ, которому они и будут подчиняться. А когда им объясняют, они отвечают: "Он – анархист"*»[1]. Если Бузинов писал о самодельных агитаторах, появлявшихся из среды металлистов, Перазич объяснял «отсталость» текстильщиков уходом квалифицированных рабочих-лидеров с фабрик на фронт в военное время. Несмотря на непрерывные и жесткие репрессии царской власти, лишавшие заводы и фабрики тысяч активистов, рабочие-металлисты постоянно выдвигали новых лидеров из своих же рядов и наращивали забастовочную борьбу.

С другой стороны, некоторые черты политической культуры крестьянства, сохранявшейся у малоквалифицированных рабочих, возможно, содействовали развитию классового сознания. У крестьян было сильно стремление к единству в борьбе – крестьянские сходы славились своими единодушными решениями. Что касается «классовой обособленности», то к тому времени редкий крестьянин доверил бы защиту своих интересов представителю дворянства. Но чтобы эти черты могли способствовать радикализации, новому рабочему надо было сначала преодолеть свою изолированность. Как писал Буйко: «*В первые годы, пока я не изжил деревенских настроений, я чувствовал себя одиноким и постоянно испытывал страх перед людьми*»[2]. В периоды подъема рабочего движения, как в 1912–1914 гг. или 1917 г., этот переход мог совершаться достаточно быстро.

Квалифицированные рабочие не всегда полностью изживали свои крестьянские корни. Оставались черты, которые могли проявляться и усиливаться при подходящих условиях. То нетерпение, а зачастую и откровенное презрение, которые квалифицированные рабочие выражали по отношению к «деревне», отчасти могло быть реакцией на крестьянские тенденции в них самих и против которых они боролись, как, например, склонность пресмыкаться перед властью, приводившая в бешенство большевика Шаповалова.

Ф. Н. Самойлов, закаленный большевик, депутат III Думы из Иваново-Вознесенска, вспоминал один эпизод в 1909 г., когда заболела его жена, и им пришлось переехать на полусельскую

1 *Известия,* 3 августа 1917 г.
2 *Буйко А.* Указ.соч. С. 14–15.

окраину города. Сам родом из деревни, Самойлов имел за спиной уже 17 лет непрерывного фабричного стажа и был квалифицированным текстильщиком без экономических связей с землей. Тем не менее окружающие леса и поля оказывали на него определенное влияние: «*Позади хаты была большая, густо поросшая травой ровная площадка, которая представляла собой удобное место для обработки. При виде ее руки просились работать. Вначале я сдерживался, но скоро не выдержал. Крестьянин проснулся во мне окончательно, и в моих жилах бурно закипела кровь моих предков, отцов, дедов и прадедов... Земля неудержимо потянула меня... В течение многих дней все свободные от работы на фабрике часы я проводил на этой площади с железной лопатой в руках... Я переживал непередаваемое наслаждение мужика-пахаря, с величайшей заботой и любовью распахивающего свою полоску*»[1].

Идиллия была прервана арестом в связи с его прошлой деятельностью в несуществующем к этому времени профсоюзе текстильщиков. Вернувшись из тюрьмы, он обнаружил, что его урожай уничтожен коровами, и он пообещал себе «никогда больше не поддаваться “мелкособственническим” крестьянским настроениям, в какой бы “соблазнительной” в этом отношении обстановке я не очутился». Но впоследствии он снова уступил этим настроениям, когда пришлось переехать в новый рабочий квартал на окраине города, где вскоре он вновь был арестован. Это был период черной реакции царизма, когда общественная деятельность была особенно опасной и бесперспективной.

«Рабочая аристократия»[2]

Если два предыдущих типа рабочей культуры можно условно рассматривать как противоположные полюсы на континууме характеристик, то политическая культура «рабочей аристократии»

1 *Самойлов Ф. Н.* Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении. Ч. II. М., 1924. С. 65–88.

2 Меньшевики и большевики одинаково употребляли этот термин для обозначения одних и тех же групп рабочих. Например, меньшевик-интернационалист Осокин писал о типографских рабочих как о «рабочей аристократии, в значительной мере сторонней от масс, [и которая] осталась в рядах меньшевизма». – *Новая жизнь,* 7 декабря 1917 г.

стояла отдельно. Она разделяла определенные качества с культурой остальных квалифицированных рабочих, но принципиально отличалась в других. К «рабочей аристократии» относилась немногочисленная прослойка квалифицированных рабочих, которые, как и другие, считались «сознательными пролетариями» с развитым классовым самосознанием[1]. Но они отличались от металлистов тем, что не разделяли непримиримости последних к имущим классам.

«Рабочая аристократия» состояла в основном из типографских рабочих[2] и довольно тонкого слоя квалифицированных рабочих на государственных заводах, включая рабочих-старожилов, проживавших в отдаленных пригородах и владевших участком и домом.

Наравне с остальными квалифицированными рабочими печатники были урбанизированы и практически поголовно грамотны. Их работа требовала существенных интеллектуальных навыков, и они зарабатывали более или менее наравне с квалифицированными металлистами. Не какое-то привилегированное материальное положение[3], а специфика их профессии порождала в них чувство родства с интеллигенцией, а через интеллигенцию с теми, кого меньшевики называли «живыми силами общества» – т.е. либеральными элементами цензового общества. В своем большинстве типографские рабочие шли

---

1 В 1912–1914 гг. типографские рабочие в Петрограде занимали второе место после рабочих машиностроительной отрасли по уровню своего участия в стачечной борьбе. См., например: *Бюллетень Общества заводчиков и фабрикантов московского промышленного района. Рабочее движение январь–май 1912.* С. 13, 15, 22.

2 Типографские рабочие не были однородной группой. Но для настоящих целей термин «печатник» отождествляется с рабочими-наборщиками, как самой многочисленной (в 1905 г. – треть всех типографских рабочих Петрограда) и идеологически влиятельной группой среди типографских рабочих. См.: История ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Л., 1925. С. 13.

3 К началу войны безработица среди наборщиков достигла 20–25%. Между 1 января 1914 г. и 1 января 1917 г. их численность в Петрограде снизилась с 23 тыс. чел. до 19 тыс.чел. В то же время доля женщин в этой отрасли увеличилась с 15,1% до 33,7%, что означало значительное снижение общего уровня квалификации. См.: *Тиханов А.* Рабочие печатники в Петрограде (1904–1914 гг.). В: Материалы по истории профессионального движения в России. Т. III. М., 1925. С. 114; *Рашин А.* Г. Указ. соч. С. 83.

за меньшевиками, за исключением краткого периода после Октябрьской революции[1].

Работа наборщика того периода имела значительное интеллектуальное содержание, поскольку рукописи зачастую сдавались в ненапечатанном виде, и требовалось, по крайней мере, базовое понимание текста для работы с достаточной скоростью и точностью. Кроме того, непрерывная работа с материалами в лучшем случае либеральной, а в худшем реакционной ориентации не могла не оставлять следы в сознании этих трудящихся. Также наборщики имели непосредственные контакты с образованным обществом. Автор истории Петербургского профсоюза работников печатного дела пишет, что *«наборщики, особенно работающие на периодических изданиях, находились в непосредственном соприкосновении с журналистами, сотрудниками, которые, посещая наборную, никогда не отказывали в просимых разъяснениях (понятно, под своим углом зрения)»*[2].

Типографские рабочие были склонны считать себя в некоторой степени выше остальных рабочих. До революции 1905 г. они часто называли себя не «рабочими», а «тружениками», что звучало для них более интеллигентно, а иногда даже «свободными художниками графического искусства», «литературными кузнецами», «командирами свинцовой армии»; а свои типографии – «храмами искусства»[3]. Эта высокомерность снижалась по мере того, как печатники вовлекались в общее рабочее движение, но до конца так и не исчезла.

Если рабочие-металлисты почти всегда происходили из пролетарских или крестьянских семей, наборщики были выходцами из всех слоев общества, кроме самых имущих. Как пишет историк профсоюза типографских рабочих, были и «очень интеллигентные наборщики, вышедшие из чуждых рабочим слоев»[4]. Из 19 наборщиков в исследовании Э. Кабо шестеро вели происхождение из семей служащих, шестеро – из пролетарских

1 *Шатилова Т.* Профессиональные союзы и Октябрь. В: *Красная летопись,* № 2, 1927. С. 187; История рабочих Ленинграда. Т. I. Л, 1972. С. 444.

2 История ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Т. 1. Л., 1925. С. 13–17.

3 Там же. С. 17.

4 Там же. С. 13.

семьей и шестеро – из крестьянских. Зато из 17 рабочих-металлистов лишь двое происходили из служащих. Из оставшихся металлистов шестеро были из пролетариев и восемь – из крестьян. В российском обществе работники типографского дела пользовались более высоким статусом, чем другие рабочие. И родители из средних слоев не гнушались отдавать своих детей в ученики наборщика.

В отличие от остальных отраслей промышленности, типографское дело сохраняло многие черты ремесленного производства в силу относительно небольших размеров типографий, в которых в среднем работал 121 чел., в то время как на предприятиях всех других отраслей промышленности среднее число занятых было существенно выше – до 409 работников. Две трети всех промышленных рабочих были заняты всего на 38 фабриках и заводах с более чем 2 тыс. рабочих[1]. На мелких предприятиях отношения между хозяевами и администрацией, с одной стороны, и рабочими, с другой, носили более личный, патерналистский характер[2]. Это работало против установки классовой обособленности и непримиримости. Более того, малая численность рабочих и экономическая нестабильность, характерная для мелких предприятий, ставили рабочих в более слабую позицию по отношению к хозяевам и облегчали контроль со стороны последних, которые знали рабочих лично и поименно. В марте 1917 г. Фабричная инспекция сообщала: «*Очень важно отметить, что работа на малых и средних предприятиях Петрограда идет в относительно нормальном режиме. Работа идет по сменам более восьми часов, и хотя рабочие требуют повышения зарплаты, их претензии очень умеренные. Причина тому заключается в том, что рабочие менее организованы, а также в близости владельцев к рабочим, благодаря которой они имеют большое влияние на рабочих*»[3].

1 Материалы по статистике труда Северной области. Вып. I. С. 10; *Степанов З. В.* Указ.соч. С. 32.

2 История ленинградского союза рабочих полиграфического производства С. 34.

3 Цит. по: *Devlin R. J.* Petrograd Workers and Workers' Factory Committees 1917 (PhD dissertation), SUNY Binghamton, 1976. Ch. 2. P. 9. В это время на большинстве более крупных предприятий рабочие бастовали. (См. ниже, главу 4).

У рабочих мелких предприятий не было ощущения той силы, которую придавала большая численность рабочим крупных заводов и фабрик. Кроме того, среди мелких хозяев полиграфической отрасли были и бывшие рабочие, все еще сохранявшие связи с работниками типографий. По словам А. Тиханова, доносительство и подхалимство в типографиях были довольно распространены и во время войны: «*Весьма популярным выражением раболепных чувств перед "отцами-благодетелями" были разные юбилейные и "именинные" чествования, для которых рабочие собирали деньги и потом отмечали вместе с хозяином... Администрация это, конечно, ценила и поощряла подачками*»[1].

Еще одной особенностью типографского дела, препятствовавшей установке классовой обособленности, являлся институт *компании*. Это была исключительная ассоциация квалифицированных печатников картельного типа, работающих по более высоким расценкам в обмен на более быстрое выполнение заказов. Компании самоуправлялись: выборный староста поддерживал дисциплину. Чужих редко принимали в компании, но когда их принимали из-за большого объема заказов, им платили по более низким расценкам. Таким образом, определенные наборщики сами становились работодателями.

Печатников объединяло с квалифицированными металлистами определенное чувство превосходства над менее сознательными слоями рабочих. Но если металлисты и выражали презрение к «деревне», они, тем не менее, стремились поднять неквалифицированную массу до своего уровня, сплотить вокруг своих целей и норм. Такое поведение диктовала им установка на «классовую обособленность». Печатники же не так остро ощущали эту необходимость, поскольку они не отвергали, как металлисты, союза с либералами. Наоборот, они считали его условием успеха своей политической борьбы. Малоквалифицированные же рабочие, если пробуждались к политической жизни, склонялись к позиции металлистов.

Идентификация печатников с «живыми силами» общества среди прочего находила выражение в их «оборончестве» во время мировой войны, позиции, резко отвергавшейся металлистами.

1 *Тиханов А.* Указ. соч. С. 121.

Тиханов пишет, что «*яд патриотизма был особенно мощным среди печатников, которые были в непосредственном контакте с ним через прессу и книги*»[1]. Журнал профсоюза печатников был последовательно оборонческим. Он критически относился к Карлу Либкнехту, единственному социал-демократическому депутату в Рейхстаге, проголосовавшему против военных кредитов. В 1915 г. в нем опубликовали письмо Г.В. Плеханова думскому депутату Бурянову с призывом голосовать за военные кредиты. Во время войны печатники принимали участие в либеральных филантропических организациях и усилиях Городской думы облегчить экономическое положение рабочих столицы[2]. Это были недопустимые нарушения нормы «классовой обособленности» с точки зрения металлистов.

Меньшевистская идея «живых сил», т.е. коалиции рабочего класса, интеллигенции и либерального крыла буржуазии, находила, таким образом, положительный отклик среди печатников. Они чувствовали себя более комфортно в такой коалиции, нежели с большевистской «демократической диктатурой рабочих и крестьян», в которой, как они боялись, задавала бы тон *стихия* – анархически настроенные массы крестьян и «несознательных» рабочих.

Таким образом, у «рабочей аристократии» отсутствовало непримиримое отношение к цензовому обществу, присущее металлистам. Особенно этому способствовали патерналистские отношения в типографиях и на государственных предприятиях. Кроме того, на государственных заводах квалифицированные рабочие с большим стажем часто пользовались материальными привилегиями. Рабочий Обуховского сталелитейного завода А. Антонов писал о прослойке «*высококвалифицированных рабочих, которых администрация пыталась нейтрализовать, давая им квартиры в небольших домах с огородами и другие мелкие подачки*». А. Шотман тоже вспоминал о большом числе рабочих Обуховского завода, живших в государственных квартирах с двумя комнатами и кухней[3]. На заводе Военно-врачебных

1 *Тиханов А.* Указ. соч. С. 113, 131.
2 Там же. С. 115, 131–132.
3 Донесения комиссаров петроградского военно-революционного комитета. М., 1957. С. 205; *Шотман А.* Как из искры возгорелось пламя. Л., 1935. С. 14. См. также: *Ганичев Л. С.* На Аптекарском острове. Л., 1967. С. 143.

заготовлений работала прослойка высококвалифицированных рабочих, которые также жили в государственных квартирах и получали относительно высокие зарплаты и даже медали. Многие из них отказались участвовать в забастовках 1905–1906 гг.[1] Как отмечал Тиханов, система подачек «*на казенных заводах доходила до награждения медалями, даже золотыми, и наследственными титулами. Начальство старалось "брататься" с рабочими. Например, после Пасхи рабочие вернулись на работу. Вдруг, в полном мундире, с крестами и звездами, появляется начальник. Он подходит к ближайшему рабочему, здоровается за руку, произносит "Христос воскрес" и трижды лобызается. И так же он делает с остальными*»[2].

Такие сцены «братания» были немыслимыми на частных металлообрабатывающих заводах. Следует также иметь в виду, что рабочие государственных заводов и фабрик считались частью государственной бюрократии. Квалифицированные рабочие, проработавшие на них долгие годы, не могли не быть затронуты духом государственной службы.

По крайней мере, на части государственных предприятий заработная плата и условия труда были лучше, чем на многих частных предприятиях. По этой причине местные жители Невского района стремились попасть на работу на Обуховский завод, для чего требовалась рекомендация от старожилов. Шотман, работавший на этом заводе, считал это одной из причин, почему с таким трудом там велась революционная агитация[3]. На государственной Экспедиции заготовления государственных бумаг еще до 1905 г. был введен восьмичасовой рабочий день и существовал институт рабочих старост[4].

В статье о Патронном заводе, редкостном оплоте оборончества в красном Выборгском районе, газета «Известия» указала на три причины его политической «отсталости». Во-первых, завод был казенным, и до Февральской революции на нем царил

1 *Ганичев Л. С.* Указ. соч. С. 128.

2 *Тиханов А.* Указ. соч. С. 122.

3 *Шотман А.* Указ. соч. С. 14.

4 *Бунтилов А.* За печатным столом. М., 1923. С. 8–9, 15. См. также: *Степанов З. В.* Указ.соч. С. 31; Российский пролетариат. Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 14–15, прим. 21.

«казарменный режим», как и на других государственных предприятиях. Это осложняло революционную агитацию среди рабочих и участие их в коллективных выступлениях. Во-вторых, 55% рабочего состава завода приходилось на женщин, что говорило само за себя. Во время войны государственные металлообрабатывающие заводы перешли главным образом на производство боеприпасов, для чего требовался в основном неквалифицированный труд. Наконец, завод представлял собой «редкий случай», когда квалифицированные металлисты были оборонцами[1]. Поэтому любые радикальные поползновения у неквалифицированных пролетариев встречали серьезные препятствия со стороны этой влиятельной группы рабочих, тогда как на частных заводах сами квалифицированные рабочие стремились радикализовать остальных. Даже работницы текстильных фабрик в 1917 г. оказались «большевизированы» намного раньше работников большинства казенных предприятий.

Выдающимся исключением среди государственных предприятий был Сестрорецкий оружейный завод, расположенный за пределами столицы всего в нескольких километрах от тогдашней финской границы. На нем работали в основном квалифицированные рабочие, производящие винтовки для армии. В отличие от большинства государственных предприятий там не было тонкого слоя привилегированных квалифицированных рабочих и массы неквалифицированных работников. Завод также отличался большим числом революционных агитаторов, так как служил убежищем для петербургских активистов, укрывавшихся от столичных охранников. Помимо прочего, завод служил промежуточной станцией для контрабанды нелегальной литературы и даже оружия из-за границы[2].

Консервативное влияние на рабочих оказывала собственность, особенно дом и участок земли, даже и небольшие. Наиболее сильно это проявлялось в полусельском Невском районе (где располагались государственные Обуховский и Невский заводы), который в 1917 г. долгое время оставался оплотом эсеров, а в 1918 г. превратился в центр антисоветских настроений.

1 *Известия,* 27 октября 1917 г.

2 *Кукушкин В.* Сестрорецкая династия. Л., 1959; На Сестрорецком заводе. // Бастионы революции. Т. I. Л., 1967.

Шотман вспоминал, что «*главная масса рабочих состояла из оседлого элемента, работавшего на заводе по нескольку лет подряд: были, например, такие, которые работали по 20 лет и даже по 30 лет без перерыва... Многие рабочие имели свои собственные домики; были даже и такие, которые имели по нескольку собственных домов, которые они сдавали в аренду. Понятно, что среди этой категории рабочих вести какую-либо агитацию за свержение существующих порядков было бесполезно. Другая же часть рабочих, хотя и не так связанная с заводом, тоже дорожила местом, потому что, как я уже говорил, условия работы и заработки были лучше, чем на других заводах. И только молодежь, и то из пришлых, а не сыновья старожилов, поддавались агитации...*»[1]

В кризисное время эта полудеревенская среда могла превратиться в арену конфликта между местными старожилами и пришлыми рабочими, «*поскольку местный рабочий, владеющий собственным домом, коровой, огородом и пастбищем, в критические моменты для завода имеет возможность работать за меньшую плату, чем рабочий извне, благополучие которого всецело зависит от заводской заработной платы. Рабочий из числа местных жителей, владеющий частной собственностью, это тоже своего рода патриот своего завода и очень чувствителен к его судьбе*»[2].

Собственность и обработка участка отвлекали от участия в общественной жизни. Как вспоминал Самойлов: «*... [Я] проводил на своем огороде большую часть свободного от фабричной работы времени... Эта новая обстановка... начала действовать на меня усыпляюще, сильно отвлекая от вопросов политики... [Она] создавала иллюзию тишины и спокойствия, а порой и некоторого как бы довольства своим положением*»[3].

Неудивительно, что таких рабочих привлекал эсеровский популизм с его упором на «народ» и на землю.

Некоторую роль играл и фактор поколений. Клейнборт описывал «старичков» как «*рабочих, прослуживших 12–15 лет на одном месте. Это – обособленные, замкнутые группы,*

1 *Шотман А.* Указ. соч. С. 14.

2 *Новая жизнь*, 15 декабря 1917 г.

3 *Самойлов Ф. Н.* Указ. соч. С. 66, 89, 90.

имеющие свои привилегии. Разумеется, они боятся “политики”, всяких вопросов, стремлений. Живут прошлым, мечтают о собственном домике, говорят: прежде лучше жилось»[1].

Конечно, не все рабочие старшего возраста занимали умеренные позиции, хотя возраст и семейные обязанности способствовали более осмотрительному подходу к участию в борьбе. Здесь речь идет о специфическом слое осевших рабочих, которые в силу длительной и верной службы на одном казенном заводе приобрели определенные привилегии, накопили небольшое имущество и выработали лояльное отношение к администрации. Молодежь, как правило, смотрела на таких рабочих с презрением. Как высказался молодой рабочий Русско-Балтийского вагонного завода: «*Старайся, старайся, старина, скоро за 25-летнюю службу получишь часы за 25 руб., но помни, что если ты заболеешь, то тебя вышвырнут, как негодный, высосанный лимон или старую ветошку*»[2].

Фактор поколений

Данная типология представляет лишь тенденции в рабочем классе, конкретное проявление которых зависело от целого ряда местных факторов. Здесь стоит кратко остановиться еще на одном факторе, игравшем особенную роль, – возрасте.

Хотя нет оснований утверждать, что конфликт поколений играл особенно важную роль в рабочем движении, нет сомнений и в том, что молодые рабочие, независимо от отрасли и уровня их квалификации, играли видную роль в революции. Рабочие старшего возраста часто склонялись к более осторожному поведению. Репутация молодых была таковой, что на совещании представителей Министерства внутренних дел с представителями петербургской металлообрабатывающей промышленности в 1910 г. было решено не допускать участия рабочих моложе 21 года в общих собраниях профсоюза металлистов. Секретарь этого профсоюза Ф. А. Булкин связывал данное решение с желанием удалить наиболее активных и горячих рабочих[3]. Передовая роль фабрично-заводской

1 *Клейнборт Л. М.* Указ. соч. С. 80.
2 Там же. С. 82.
3 *Булкин Ф. А.* Указ. соч. С. 238.

молодежи в событиях Февраля и Октября 1917 г. хорошо отражена в документах[1]. О красногвардейском отряде Трубочного завода в недели, предшествующие Октябрьскому восстанию, один рабочий вспоминал: «*Молодежь, как всегда, впереди – веселая, довольная*»[2]. В отраслях с менее квалифицированным составом рабочих, таких как текстильная и химическая, а также на государственных предприятиях молодежь составляла боевое ядро. Она раньше других примкнула к большевистским позициям[3].

Поражает молодой возраст членов большевистской организации Петрограда, которая насчитывала в октябре 1917 г. 28 тыс. рабочих – две трети общей численности организации[4]. Так, в неполном, но представительном списке членов райкомов партии в первой половине 1917 г. более трети были не достигшими 27 лет, 60% были моложе 32 лет и лишь 18% превышали 37-летний возраст[5]. Поскольку это были довольно ответственные и в основном выборные должности, можно предположить, что средний возраст в организации в целом был еще ниже. Работница Оптического завода А. Ф. Смородкина вспоминала: «*В то время комсомола еще не было и не слышно было о молодежных организациях, которые появились позднее, как, например, “Труд и свет”... Юноши и девушки, которым чуть перевалило за 20, порой являлись уже закаленными борцами революции. Они вступали в партию в 17–18, а то и в 16 лет, вели подпольную нелегальную работу, нередко сидели в тюрьмах, бывали в ссылках. Имели опыт политической борьбы в массах*»[6].

Так, например, в 1917 г. рабочему машиностроительного завода «Новый Парвиайнен» И. К. Наумову было всего 22 года, но он уже успел посидеть в царских тюрьмах (его освободила Февральская

1 См. например: *Бурджалов Е. Н.* Вторая русская революция. М., 1967; *Старцев В. И.* К вопросу о составе рабочей красной гвардии Петрограда // *История СССР,* № 1, 1962 г. С. 141.

2 *Куделли П.Ф.* (ред.) Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов в 1917 г. Л., 1924. С. 112.

3 См. например: *Сукновалов А. Е.* Указ. соч. С. 63, 77, 85; *Аллилуев С.* В дни Октября на электрической станции имени 1886 г. // *Красная летопись,* № 6, 1923 г. С. 327; *Шатилова Т.* Очерк истории союза химиков. С. 28; *Перазич В.* Указ.соч. С. 91.

4 *Степанов З. В*. Указ. соч. С. 46.

5 В этом списке 74,1% были рабочими. *Голованова Л. В*. Районные комитеты РСДРП (б) Петрограда в 1917 г. (Дисс. канд., ЛГУ, 1974.) Прил., табл. 7.

6 В огне революционных боев. Т. II. С. 37.

Таблица 1.5
Грамотность петроградских металлистов, по возрасту и полу в начале 1918 г., в %

Возраст	**Доля грамотных рабочих**		
	Мужчины	**Женщины**	**Все**
До 20	98	81	94
21–30	95	70	89
31–40	90	47	85
41–50	84	48	82
50 +	51	21	74
Все	92	70	88

Примечание: данная таблица основана на выборке из 10 196 рабочих.
Источник: Металлист, № 6, 18 июня 1918 г. С. 10.

революция) и быть членом Петроградского комитета партии большевиков, Выборгского райкома партии (еще до Февральской революции), делегатом всех трех городских партийных конференций 1917 г., делегатом Петроградского Совета от своего завода, членом Центрального Совета фабрично-заводских комитетов Петрограда.

Важным фактором активности молодежи был ее высокий уровень грамотности – результат развития российской школьной системы начального образования к концу XIX в. Молодое поколение питерских рабочих было почти полностью грамотным (см. *табл. 1.5*).

Молодые рабочие много читали[1]. Клейнборт сообщал, что более половины членов рабочих просветительских обществ до войны были моложе 23 лет. Пожилые там встречались редко[2]. Членство рабочих клубов также составляла в подавляющем большинстве молодежь в возрасте до 25 лет[3]. Молодежь, конечно, была менее обремененной семейными обязанностями. И в рабочем движении это была почти аксиома, что супружеская жизнь не содействует общественной активности[4].

1 *Речь,* 3 мая 1912 г.; *Правда,* 31 августа 1912 г.
2 *Клейнборт Л. М.* Указ. соч. С. 30.
3 *Левин И. Д.* Рабочие клубы в Петрограде (1907–1914 гг.). // *Материалы по истории профессионального движения в России.* Сб. III. М., 1925. С. 100–102.
4 *Шаповалов А. С.* Указ.соч. С. 121; *Цветков-Просвещенский А. К.* Между двумя революциями. М. – Л., 1933. С. 87.

Почти во все века молодежь характеризовалась энтузиазмом, бунтарством, боевым духом. Русская рабочая молодежь не была исключением. Однако направление, в котором проявлялись эти качества, было отнюдь не «врожденным» или «инстинктивным». Оно определялось социально-экономической обстановкой, в которой действовала эта молодежь. Не только в рабочей среде, но и во всех классах и слоях молодежь была на переднем крае. В докладе из Ревеля в октябре 1917 г. сообщалось, что движение по созданию Советов безземельных крестьян было вялым, потому что молодежь, как наиболее активный элемент общества, была призвана в армию[1]. Молодое поколение выступило также застрельщиком крестьянского движения в 1906–1907 гг.[2] То же самое относится и к имущим классам – молодежь юнкерских училищ Петрограда оказалась чуть ли не единственной группой цензового общества, готовой с оружием в руках противостоять Октябрьскому восстанию.

Выдвижению на ответственные должности молодых рабочих, как Наумов, способствовал уход старших активистов в годы после поражения революции 1905–1906 гг. Вспоминая встречи со старыми товарищами, покинувшими движение и «отягощенными жизнью», Шляпников писал о «переходе красного знамени от старшего к более энергичному поколению рабочих»[3]. Многие из старой гвардии, конечно, остались – Шляпников и Гвоздев были только самыми видными. Но старшие зачастую склонялись к более умеренным позициям, которые не соответствовали радикальному настроению молодежи.

Старшие представляли собой иной тип «рабочего-интеллигента», нежели поколение, достигшее зрелости после революции 1905–1906 гг. Первые, несмотря на напряженные отношения с интеллигенцией, развивались под руководством последней и в атмосфере сочувствия (правда, часто патерналистской) не только со стороны интеллигенции, но в определенной степени и либерального общества вообще. Это поколение училось у интеллигенции, лепило себя по ее образу и подобию. Однако революция 1905–1906 гг. поляризовала общество, и, в результате, интеллигенция потеряла интерес к рабочим. Рабочее движение оказалось

1 Док. нак. С. 306.
2 *Scott R. H.* Указ.соч. P. 20.
3 *Шляпников А.* Указ.соч. С. 188.

предоставлено самому себе. Такое «бегство интеллигенции» рабочие восприняли болезненно, как предательство[1].

Таким образом, новое поколение рабочих-активистов достигло зрелости в условиях относительной изоляции от либерального общества. В отличие от «отцов» они никогда не чувствовали себя частью общенародного освободительного движения. Эти условия лежали в основе непримиримости «сознательных» металлистов к либеральному обществу. Лишь печатники сохранили кое-что из имиджа старого рабочего-*интеллигента* как части «живых сил» общества, отчасти потому что в силу характера своей профессии имели особые отношения с интеллигенцией.

В 1912 г. электротехнический завод «Сименс-Гальске» открыл свой филиал в Московском районе столицы. По поводу отношений между этими двумя заводами Булкин замечал, что «*так называемый, “старый” завод “Сименс-Гальске” с его преимущественно коренными, обжившимися и высококвалифицированными рабочими шел на поводу нового завода... с его преимущественно пришлыми, менее квалифицированными и более молодыми рабочими. На новом заводе рабочие были более подвижные, активные*»[2].

Это был пример общего смещения центра рабочей активности в столице после поражения революции 1905–1906 гг. от предприятий-гигантов в старых промышленных районах, таких, как Невский и Нарвский-Петергофский, на сравнительно новые и небольшие машиностроительные заводы Выборгского района.

Рабочий класс Петрограда не был однородным. Уровень политической культуры рабочих существенно различался в силу неодинакового характера их труда, материального положения и социального происхождения. И все же единство, эта столь желанная, но неуловимая цель, была достигнута в решающие моменты 1917 г. – в феврале и октябре. В последующих главах мы исследуем взаимодействие этих социально-культурных факторов с изменявшимися общественно-политическими условиями 1917 г., позволившими добиться этого единства.

1 *Mandel D.* The Intelligentsia and the Working Class in 1917. In: *Critique*, no. 14, 1981. P. 68–70; *Клейнборт Л. М.* Указ. соч. С. 127.
2 *Булкин Ф. А.* Указ соч. С. 248.

ГЛАВА 2
СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРОМЫШЛЕННОГО РАБОЧЕГО КЛАССА ПЕТРОГРАДА И ЕГО РАЙОНОВ

На 1 января 1917 г. на промышленных предприятиях Петрограда было занято 392 тыс. рабочих[1] при общем населении города в 2 412 700 чел.[2] Помимо них, около 24 тыс. чел. трудились в пригородах столицы на заводах и фабриках, связанных с ней экономически и политически[3]. Эти 416 тыс. рабочих составляли 12% от трех с половиной миллионов промышленных рабочих России (при общей численности населения в 134 млн чел.)[4].

Более 60% рабочих Петрограда были заняты в металлообрабатывающей отрасли (см. *табл. 2.1*). Преобладающий вес металлистов в рабочем классе имел первостепенное значение для рабочего движения не только Петрограда, но и России в целом. Для сравнения: в Центральном промышленном районе (Москва и пять прилегающих к ней губерний) металлисты составляли лишь 18,6% (192 тыс. чел. из 1,03 млн чел.) от промышленных рабочих. Здесь доминировали текстильщики. Только в одной хлопчатобумажной отрасли было занято 42,7% всех рабочих ЦПР[5].

Уровень концентрации рабочих на крупных столичных предприятиях был выше среднего по стране на 40%[6]. Концентрация больших масс рабочих на одной производственной территории (более двух третей рабочих Петрограда было занято всего на 38 предприятиях, на каждом из которых работало более чем

---

1 *Материалы по статистике труда Северной области.* Вып. I. 1918 г. С. 18. Оценки общего числа рабочих незначительно отличаются. Другой часто упоминаемой цифрой является 384 000 чел. Здесь будут использоваться обе цифры в зависимости от используемого источника. Категория «промышленный рабочий» включает всех неуправленческих наемных работников на заводах и фабриках, шахтах и карьерах (исключая транспорт, строительство и т. д.) с числом не менее 10 занятых рабочих и с механической мощностью не менее 10 л. с.

2 *Материалы по статистике Петрограда.* Вып. I, 1920 г. С. 10.

3 *Материалы по статистике труда.* Вып. V. С. 43.

4 *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России накануне великого Октября. // *Исторические записки.* № 73. М., 1963. С. 51.

5 *Трукан Г. А.* Октябрь в Центральной России. М., 1967. С. 16–17.

6 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 32.

Таблица 2.1
Распределение и средняя концентрация рабочих Петрограда по отраслям промышленности на 1 января 1917 г.

Отрасль	**Число предприятий**	**Число рабочих**	**% всех рабочих**	**В среднем рабочих на предприятии**
Металлопромышленность	379	237 369	60,4	626,3
Текстильная	100	44 115	11,2	441,2
Химическая	58	40 087	10,2	691,2
Бумажная и полиграфическая	218	26 481	6,7	121,5
Пищевая	70	15 773	4,0	225,3
Деревообрабатывающая	81	6 754	1,7	83,4
Кожевенная, обувная	50	12 627	3,2	252,5
Обработка минеральных веществ	32	3 900	1,0	121,8
Остальные	23	5 722	1,5	248,8
Всего	1011	392 828	99,9	388,5

Источник: Материалы по статистике труда. Вып. I. С. 10.

2 тыс. чел.[1]) способствовала организации и развитию классового самосознания, придавала рабочим ощущение силы во время коллективных выступлений.

Средняя заработная плата в промышленности Петрограда также была самой высокой в России, но вместе с этим была выше и стоимость жизни, что значительно нивелировало уровень оплаты труда[2].

Треть рабочих столицы была занята на государственных предприятиях. В целом 134 414 рабочих трудились на 31 государственном заводе и еще 6 768 – в двух крупных железнодорожных мастерских[3].

1 *Степанов З. В.* Указ. соч.

2 В бюллетене Общества промышленников Центрально-промышленного региона отмечалось в 1912 г., что одни только экономические мотивы не могли бы объяснить, почему стачечное движение в Петроградской губернии было более интенсивным, чем где-либо в Российской империи, поскольку заработная плата металлистов и наборщиков была гораздо выше в Петрограде, чем в остальной России. *Бюллетень общества фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района,* № 16, 1912.

3 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 31, 42.

Таблица 2.2
Изменения в численности рабочих, занятых в Петрограде по отраслям промышленности. 1 января 1914 г. – 1 января 1917 г.

Отрасль	**Число рабочих**					
	1914 г.		**1917 г.**		**Произошедшие изменения за 1914–1917 гг.**	
	тыс.	**%**	**тыс.**	**%**	**тыс.**	**%**
Металлопромышленность	100,6	41,5	235,9	61,3	+ 135,3	+ 134,5
Химическая	21,6	8,9	42,9	11,2	+ 21,3	+ 98,6
Текстильная	40,1	16,5	36,2	9,4	- 3,9	- 9,7
Пищевая	22,7	9,4	15,5	4,0	- 6,8	- 30,5
Типографская	23,1	9,5	19,4	5,0	- 3,7	- 16,0
Производство одежды	10,2	4,2	14,7	3,8	+ 4,5	+ 44,1
Деревообрабатывающая	5,0	2,1	5,2	1,4	+ 0,2	+ 4,0
Бумажная	4,4	1,8	3,6	0,9	- 0,8	- 18,2
Остальные	14,9	6,1	8,6	2,2	—	—
Всего	242,6	100,0	384,6	99,2 [a]	+ 142,0	+ 58,5

a. Менее 100% в результате округления
Источник: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 83.

Промышленность города пережила огромный подъем во время Первой мировой войны, особенно в таких связанных с войной отраслях, как металлообрабатывающая, химическая и в некоторой степени швейная (см. *табл. 2.2*). Наиболее заметным был рост в металлообрабатывающей отрасли: только на нее приходилось 83% всех вновь созданных рабочих мест. Относительный вес металлистов в промышленном рабочем классе Петрограда возрос с 42% в 1915 г. до более чем 60% в 1917 г.

Промышленный подъем военного периода способствовал непропорциональному росту численности женщин-работниц (см. *табл. 2.3*). Хотя в абсолютном выражении численность представителей обоих полов выросла одинаково, относительный рост женского труда превысил таковой у мужчин более чем на 50%. В результате доля взрослых женщин возросла с 25,4% в 1914 г. до 32,8% в 1917 г. В металлообрабатывающей, деревообрабатывающей и типографской отраслях, требующих работников более высокой квалификации, мужчины продолжали преобладать, несмотря на значительное увеличение доли работниц.

Таблица 2.3
Изменения в численности промышленных рабочих Петрограда по возрасту и полу в 1914–1917 гг.

	Численность рабочих					
	Взрослые мужчины		**Взрослые женщины**		**До 16 лет**	
Год	**В тыс.**	**Как % всех рабочих**	**В тыс.**	**Как % всех рабочих**	**В тыс.**	**Как % всех рабочих**
1914	158,4	65,2	61,6	25,4	22,9	9,4
1917	231,2	58,5	129,8	32,8	33,8	8,6
Рост в %	**46,0**		**110,7**		**47,6**	

Основано на: Степанов З. В. Указ. соч. С. 34, 36.

В текстильной и пищевой промышленности, где превалировал неквалифицированный труд и участие женщин в которой давно было значительным, работницы стали большинством. В обеих отраслях произошло абсолютное снижение участия мужчин. Это было обусловлено не только снижением числа занятых в этих отраслях, но и массовым переходом рабочих мужчин призывного возраста в оборонные отрасли в поисках военной отсрочки. В кожевенной, обувной и химической отраслях доли занятых мужчин и женщин более или менее сбалансировались. (В обувной промышленности, требующей в значительной мере квалифицированного труда, рабочие-мужчины оставались в большинстве, а в кожевенной обработке женщины не могли заменить мужчин на более тяжелых стадиях процесса.)

Главными четырьмя источниками трудовых ресурсов, вливавшихся в промышленность во время войны, были следующие:

1. Крестьяне, преимущественно женщины, подростки и мужчины старше призывного возраста.
2. Жены и дети рабочих, рабочие небольших мастерских, ремесленники и занятые в непромышленных профессиях.
3. Рабочие, эвакуированные с заводов и фабрик Польши и Прибалтийских губерний.
4. Выходцы из городской мелкой буржуазии, стремящиеся избежать военного призыва.

Имеющиеся статистические данные лишь весьма приблизительно позволяют оценить относительный вес этих категорий в рабочем классе города. По свидетельству заместителя Наркома труда

А. Аникста, в 1917 г. на предприятиях Петрограда работало, по крайней мере, 170 тыс. «рабочих военного времени». Из них 150 тыс. были заняты в металлообрабатывающей промышленности, а 20 тыс. – в химической[1]. Аналогичные данные приводил петроградский рабочий-металлист А. Антонов, работавший в годы Гражданской войны в сфере управления экономикой[2]. Основываясь на архивных материалах, советские историки подсчитали, что в 1914 г. рабочих-призывников в Петрограде насчитывалось 116 тыс. чел. (около 70% всех мужчин призывного возраста). В действительности же из общего числа на военную службу были призваны не более 15–20 тыс., оставшиеся получили отсрочку по работе на оборону, по здоровью или другим причинам. Таким образом, вывод советских историков, что к январю 1917 г. 200–220 тыс. чел., или 52–57% фабрично-заводских рабочих столицы имели довоенный стаж работы, совпадает с данными Аникста и Антонова (около 55 %)[3].

Самой многочисленной категорией новых рабочих были крестьяне. В конце 1917 г. в газете «Новая жизнь» со ссылкой на комиссариат труда Временного правительства сообщалось, что около 150 тыс. рабочих Петрограда были в той или иной форме связаны с деревней и работали в промышленности главным образом ради военной отсрочки[4]. Это подтверждается статистическими данными по отдельным заводам. Например, на Сестрорецком оружейном заводе из 3 286 мужчин, поступивших на работу в период с января 1914 г. по июль 1917 г., 1875 чел. были из крестьян[5]. А. Смирнов, рабочий обувной фабрики «Скороход», писал, что новые работницы, пришедшие на производство в 1915–1916 гг., были преимущественно деревенскими жительницами[6]. Петроградский Трубочный завод испытал такой наплыв из де-

---

1 *Аникст А.* Организация распределения рабочей силы. М., 1920. С. 51. Цит. по: *Шкаратан О. И.* Изменения в социальном составе рабочих Ленинграда 1917–1928 гг. // *История СССР*, № 5, 1959. С. 25.

2 *Антонов Н.* Два года диктатуры пролетариата в металлопромышленности Петрограда. 1920. С. 15. Цит. по: *Шкаратан О. И*. Указ. соч. С. 25.

3 *Лейберов И. П., Шкаратан О. И.* К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 г. // *Вопросы истории,* № 1, 1961. С. 52, 42, 58, passim.

4 *Новая жизнь,* 27 декабря 1917 г.

5 *Цыбульский В. А*. Рабочие Сестрорецкого завода в 1917 г. // *История СССР,* № 4, 1959. С. 143.

6 *Смирнов А.* Последние дни Утеманов. М. – Л., 1935. С. 8.

ревни, что, по словам одного из его рабочих, он стал известен как «крестьянский завод»[1]. Даже на машиностроительном заводе «Феникс» с его более квалифицированными кадрами 20% новичков мужчин были крестьяне[2].

Несмотря на массовый наём крестьян на заводы и фабрики в военный период, экономические связи с землей у петроградского пролетариата были значительно слабее, нежели в остальной России. По данным промышленной переписи в августе 1918 г., на момент переписи, 19,5% рабочих Петрограда владели землей еще до Октябрьской революции, и у 7,9% из них ее обрабатывали члены семьи. В Европейской части России в целом эти цифры составляли 30% и 20,9%; в «ситцевой» Москве – 39,8% и 22,8%; в Иваново-Вознесенске, «русском Манчестере», – 35,7% и 22,6%[3].

Данные по другим категориям рабочих-новичков еще более ограничены. По одной оценке, основанной на данных 10-дневного пикового периода 1917 г., численность эвакуированных рабочих составляла 15–20 тыс. чел.[4]. Остальные недавно нанятые рабочие пришли из непромышленных категорий: городской бедноты, средних, а иногда даже высших слоев общества. Например, на заводе Феникс около 23% новичков прежде работали ремесленниками[5]. Значительное число «новобранцев» были набраны из бывших дворников, швейцаров, извозчиков и т.д., даже жен промышленных рабочих. Что касается более состоятельных слоев общества (по воспоминаниям рабочих, некоторые из них приезжали на работу на извозчиках), по данным комиссии Путиловского завода за осень 1917 г., 7% рабочих (из примерно 36 тыс.) были элементами «чуждыми» рабочему классу. Вскоре после Февральской революции рабочие избавились от них на многих заводах. В январе 1917 г. в промышленности использовался еще и труд 33 800 подростков до 16 лет[6].

Приведенные данные позволяют заключить, что, вопреки серьезным изменениям в социальном составе петроградского

1 *Арбузова А.* «Октябрь» 1917 г. на Петроградском Трубочном заводе // *Красная летопись*, № 6, 1923. С. 175.

2 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 42.

3 *Рашин А. Г.* Указ. соч. С. 575, табл. 143.

4 *Лейберов И. П., Шкаратан О. И.* Указ. соч. С. 51.

5 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 43; Эк. пол. Т. 1. С. 43.

6 *Лейберов И. П., Шкаратан О. И.* Указ. соч. С. 51.

пролетариата во время Первой мировой войны, сохранилось значительное ядро рабочих, чей трудовой стаж исчислялся если не с революции 1905–1907 гг., то хотя бы с одного из наиболее интенсивных периодов классовой борьбы – с 1912–1914 гг. Рабочий класс столицы сохранил черты, традиционно ставившие его в авангард революционной классовой борьбы в России: высокую концентрацию на крупных предприятиях, преимущественную занятость в металлообрабатывающей промышленности и, соответственно, высокую долю урбанизированных, квалифицированных, сравнительно хорошо оплачиваемых и политически опытных рабочих.

Социальный состав районов Петрограда

Не всегда представляется возможным адекватно понять и учесть политические взгляды и настроения, преобладавшие на определенном предприятии, исключительно на основе анализа социального состава его работников или царящих там условий и отношений с администрацией. На самосознание рабочих оказывала влияние также социальная география, т.е. социальный характер окружающей среды. Считаем уместным дать краткий обзор социального состава районов Петрограда, поскольку многие данные о классовом самосознании и о настроениях рабочих относятся именно к районному уровню.

Географический фактор проявлялся по-разному. Например, расположение большинства типографий в центральных кварталах, населенных более состоятельными и образованными социальными слоями, несомненно, укрепляло у печатников ощущение их связи с «обществом», влияло на их восприятие относительной силы имущих классов по сравнению с трудящимися. С другой стороны, боевая атмосфера Выборгского района с его большим числом квалифицированных металлистов, его однородным пролетарским населением и революционной репутацией, быстро ассимилировала новичков военного времени в радикальную среду.

Географическая близость активного и боевого коллектива к предприятию, чьи рабочие по характеру своего социального состава были склонны к пассивности и умеренным позициям, могла иметь радикализирующее влияние на последних. Например,

резиновая фабрика «Треугольник» в Нарвском районе с ее подавляющим женским и неквалифицированным составом ни разу не бастовала до 1917 г., если только ее работниц не выводили за ворота фабрики путиловцы или рабочие другого близлежащего завода. Женщины «Треугольника» не выступили даже в ответ на случившееся массовое отравление работниц на предприятии в 1913 г.[1] В коллективных действиях рабочих широко использовалась так называемая тактика «снятия», заключавшаяся в том, что группа уже бастующих заводчан подходила к еще работающему предприятию и криками, бросанием камней, иногда сломом запертых ворот, призывала присоединиться. Доходило и до физических угроз, хотя порой это была заранее обусловленная тактика, позволявшая рабочим завода позже оправдаться перед работодателем, что их якобы принудили к участию. Такой же спокойной считалась трикотажная фабрика Керстена, многие работницы которой были недавними крестьянками. В рабочей среде их обзывали «колбасницами» из-за практики хозяина угощать их колбасой и чаем, когда ему надо было склонить их к сверхурочной работе. Боевитых большевиков на фабрике было мало, к тому же они были неважными ораторами, поэтому для активизации процесса на фабричные собрания призывались подкрепления с соседнего машиностроительного завода «Вулкан»[2].

В районах с доминированием одного или двух очень крупных предприятий (более 5 тыс. работников) последние оказывали мощное влияние на взгляды и настроения рабочих более мелких предприятий. Самым ярким таким примером был Путиловский завод, чей авторитет распространялся далеко за пределы Нарвско-Петергофского района и даже Петрограда. Участие его рабочих в любом коллективном выступлении, в силу одной только их численности, прибавляло уверенности в успехе. Например, в начале февраля 1917 г. собрание рабочих Главных мастерских Северо-Западной железной дороги, прежде чем самим решиться на активные действия, отправило делегацию к путиловцам, чтобы выяснить их намерение[3]. В Выборгском районе работницы бумагопрядильной фабрики Джеймса Бека в экономических и политических вопро-

1 Красный Треугольник на путях Октября. Л., 1927. С. 9.
2 *Сукновалов А. Е. и др.* Указ. соч. С. 7.
3 *Франтишев И. М.* Ленинградские красностроители. Л., 1962. С. 59.

сах традиционно искали совета и поддержки у рабочих соседнего машиностроительного завода «Новый Лесснер»[1].

Такая характеристика района, как удаленность от центра, до некоторой степени изолировала рабочих от жаркой политической атмосферы города и затрудняла доступ к ним агитаторов от левых партий. Этот фактор играл свою роль особенно в тех случаях, когда относительно неквалифицированный состав рабочих не мог выдвинуть из своей среды интернационалистических (т.е. левых) лидеров. В таких случаях местная «интеллигенция» из канцелярских и технических служащих и мастеров, почти всегда сочувствующая «оборонцам», оказывала решающее влияние на рабочих, особенно в первые месяцы революции. Такова была ситуация, например, в Пороховском районе с его двумя крупными государственными химическими заводами. В октябре 1917 г. делегат от этого района в Петроградский комитет большевиков сообщал, что до корниловских событий, случившихся в конце августа, там преобладали меньшевики и эсеры. «*Теперь настроение наше… Отдаленность от центра много вредит делу*»[2]. Об этом же писала газета левых эсеров «Знамя труда»: *«Район, благодаря отсутствию удобных путей сообщения, находится в особенно неблагоприятных условиях. С трудом удается урвать лекторов… Несмотря на неоднородность рабочей массы (много крестьян, взятых на работу по случаю военного времени), интерес к политической жизни страны продолжает расти… Особенно чувствуется отсутствие интеллигентных сил [расположенных к нам], но благодаря этому замечается чрезвычайно отрадный факт: появление агитаторов и пропагандистов из среды самих рабочих. В коллегии ораторов – 17 рабочих. В ближайшем будущем район сможет вести партийную работу одними своими силами*»[3].

Районы Петрограда были не только административными единицами, но также – это особенно относится к преобладающе рабочим районам – социальными субъектами. Достаточно вспомнить гордость рабочих Выборгского района своей революционной репутацией. В мемуарах А. Бузинова о революции 1905–1906 гг.

1 Выборгская сторона. Л., 1957. С. 181.

2 Первый легальный Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. (ПК). М. – Л., 1927. С. 315.

3 *Знамя труда,* 24 августа 1917 г.

остро ощущается его «патриотизм Невского района», как будто его район был самым центром революции. В 1917 г. рабочие участвовали в демонстрациях не только как работники своего завода – они шли в районных колоннах. Существование районных советов и районных дум подкрепляло районную идентичность.

Как показывает карта (с. 71) и *табл. 2.4*, промышленные предприятия располагались главным образом на окраинах города. В центре, состоящем из 1-го и 2-го Городских районов, северной части Московского района, западной части Васильевского острова и южной части Петроградского района, крупных предприятий почти не было.

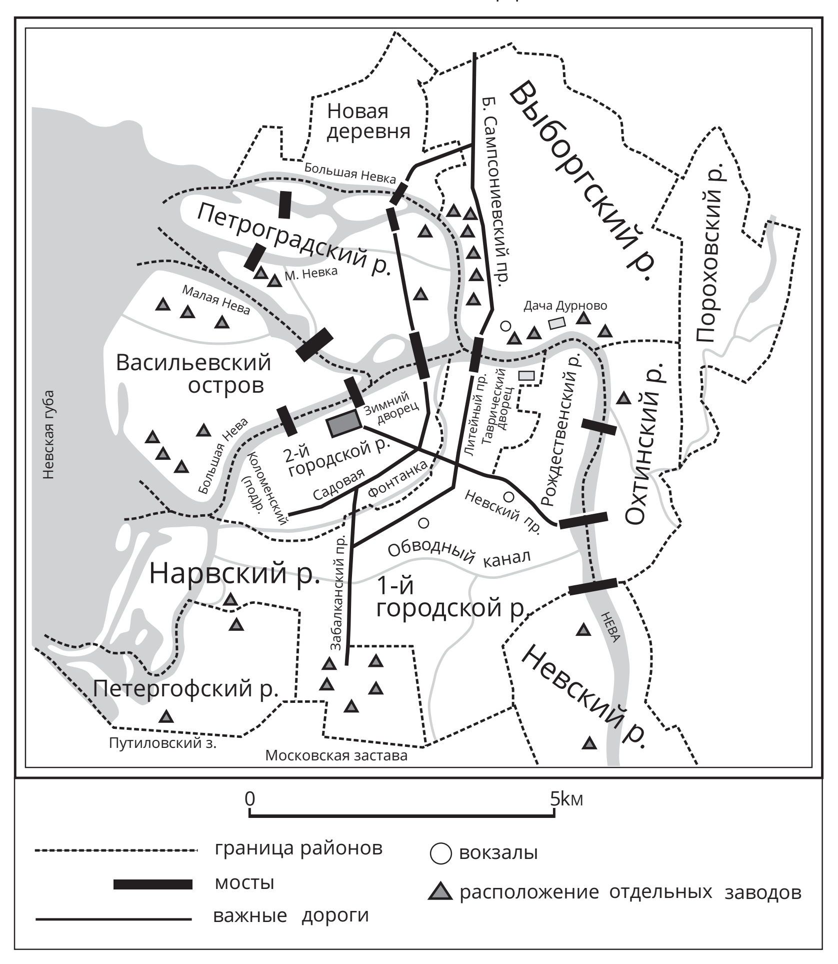
• *Выборгский район*[1]

Выборгский район превосходил все другие по количеству и концентрации рабочего населения (см. *табл. 2.5*). Газета меньшевиков-интернационалистов *Искра* писала о нем как о «*нашем исключительно пролетарском районе*»[2]. Здесь рабочие выдвигали политических лидеров и агитаторов из собственной среды и не зависели от городских комитетов политических партий. Более того, своих заводских агитаторов они направляли в другие районы и даже за пределы города. В докладе большевистского райкома о первых пяти месяцах легального существования партийной организации в районе сообщалось: «*На долю Выборгского района выпала почетная задача застрельщика революции. Эта задача его ко многому обязывала: из-за отсутствия налаженного центрального аппарата – Петербургского комитета – ему пришлось удовлетворять широкие запросы на агитаторов и организаторов не только на Петроград, но и на провинцию…*» Агитаторы, направленные райкомами, обслуживали в основном воинские части, расположенные в районе, в то время так как «*…многие заводы управляются уже сами и часто проходит день без требования [к райкому]… Это*

1 В Выборгский район обычно включались и Новая деревня, и Полюстрово. Некоторыми общими источниками для данного раздела являются: Районные советы Петрограда в 1917 г. В 3 т. М. – Л., 1966–1968 гг.; *Голованова Л. В.* Указ. соч.; В огне революционных боев; *Степанов З. В.* Указ. соч.

2 *Искра,* 3 октября 1917 г.

РАЙОНЫ ПЕТРОГРАДА 1917 Г.

говорит, что у нас выросли новые способные работники, умеющие управляться без посторонней помощи. А работников жизнь потребовала немало. Надо представителей в районные Советы, центральные Советы, районные и центральную думы. А район их сумел дать»[1].

1 Революционное движение в России в августе 1917 г. М., 1967. С. 94–96.

Таблица 2.4
Распределение всех промышленных рабочих и металлистов по районам на 1 января 1917 г.

Район	**Все отрасли**		**Металлисты**		
	Численность рабочих	**Доля рабочих, в %**	**Численность рабочих**	**Доля районных рабочих, в %**	**Доля всех металлистов, в %**
Выборгский	68 932	17,9	57 978	84,1	24,5
Василеостровский	51 876	13,5	37 530	72,3	15,9
Нарвский	38 784	10,1	6 549	16,9	2,8
Невский	38 208	9,9	26 641	69,7	11,3
Петроградский	37 840	9,8	24 444	64,6	10,3
Петергофский	36 148	9,4	37 753	93,4	14,3
Первый городской	32 769	8,5	13 299	40,6	5,6
Московский	21 079	5,5	11 012	52,3	4,7
Полуострово-Пороховский	18 931	4,9	1 262	6,7	0,5
Коломенский	10 480	2,7	9 237	88,1	3,9
Рождественский	10 233	2,7	2 063	20,2	0,9
Лесной	6 811	1,8	6 015	88,3	2,5
Адмиралтейский, Казанский, Спасский	5 660	1,5	1 865	32,9	0,8
Охтинский	4 273	1,1	3 110	72,8	1,3
Новая деревня	3 083	0,8	1 631	52,9	0,7
Всего	**385 107**	**100,1**	**236 389**	**—**	**100,0**

Источник: Степанов З. В. Указ. соч. С. 30.

В этот период 89,5% членов (51 из 56 чел.) Выборгского райкома большевистской партии были рабочими. В целом по городу рабочие составляли 74,1% членов райкомов партии[1].

Исключительно промышленный характер района и большая численность в нем рабочего населения способствовали развитию у рабочих классового самосознания и усиливали стремление к «классовой обособленности» от имущих классов. Благоприятствовала этому и относительная изолированность района, отделенного рекой Невой от центральных районов с более состоятельным населением.

1 *Голованова Л. В.* Указ. соч., прил., табл. 7.

Выборгский район был оплотом большевистской партии с самого начала революции. Более умеренные социалисты (т. е. меньшевики и эсеры-оборонцы), поддерживавшие союз с либералами, пользовались тут крайне малым успехом. Даже меньшевики-интернационалисты и левые эсеры, которые были ближе к большевикам, не были здесь популярны. Член «межрайонки» (эта политическая фракция социал-демократии стремилась к объединению всех интернационалистов) Л. Леонтьев вспоминал, что у рабочих его группа вызывала значительный интерес и «*лишь на Выборгской стороне она развилась слабо*»[1]. Примечательно также, что в первые дни после Октябрьской революции выборжцы не проявили особенной обеспокоенности по поводу исключительно большевистского состава Советского правительства, тогда как в других районах требование «однородного социалистического правительства», т.е. коалиции всех партий социалистической направленности, имело сильную поддержку в рабочей среде. Как будет видно дальше, в этом требовании содержалась обеспокоенность по поводу изолированности Советской власти, в первую очередь отчуждения от нее части крестьянства и особенно интеллигенции. В Выборгском же районе перспектива власти, опирающейся исключительно на трудящиеся классы и главным образом на пролетариат, не вызывала сильных опасений.

Были и другие особенности района, также содействовавшие организации и активности его рабочих. Так, почти все его предприятия относились к разряду крупных (свыше 500 рабочих) и располагались либо вдоль берегов Невы и Большой Невки, либо вдоль прилегающей к реке главной магистрали – Большого Сампсониевского проспекта. Это способствовало более легкой связи между коллективами. Хотя река территориально отделяла заводы от «буржуазных» районов, географическое расстояние до центра было невелико, что открывало быстрый доступ к последним новостям. Если мосты не были разведены или же река была скована льдом, центр становился доступным для протестных выступлений. В других районах крупные предприятия, как правило, располагались на значительно большем расстоянии от центра.

1 *Леонтьев Л.* В рядах «межрайонки». // *Красная летопись*, № 11, 1924. С. 131.

Таблица 2.5
Доля промышленных рабочих в населении районов

Район	**Численность рабочих**	**Население района**	**Занятые рабочие как доля от всего населения района, в %**
Выборгский	68 932	150 465	45,8
Петергофский[a]	36 148	91 000	39,7
Невский	38 208	190 000	20,1
Василеостровский	51 876	268 000	19,4
Нарвский [a]	38 784	208 900	18,6
Коломенский	10 480	96 000	10,9
Московский	21 079	194 000	10,8
Петроградский	37 840	360 000	10,5
1-й городской	32 769	414 600	7,9
Охтинский	4 273	60 789	7,0
Рождественский	10 233	166 000	6,2
Адмиралтейский, Казанский, Спасский	5 660	311 590	1,8

a. Отдельные данные о Нарвском и Петергофском районах не были найдены. Здесь они были рассчитаны на основе учета от 1915 г. См.: Статистический справочник по Петрограду. 1921. Табл. 1.
Источник: Ведомости общественного градоначальства Петрограда, 17 апреля 1917 г.; Голованова Л. В. Указ. соч. С. 41–57; Степанов З. В. Указ. соч. С. 30.
Примечание: Эти цифры показывают место работы, а не место проживания, хотя состояние муниципального транспорта того времени позволяет думать, что рабочие старались жить как можно ближе к месту работы.

• Петергофский и Нарвский районы

В партийных кругах и в народе Нарвский район включал в себя и Петергофский, и два эти района воспринимались и рассматривались как один.

По концентрации рабочего населения Петергофский район находился на втором месте за Выборгским. Он состоял их двух подрайонов. Население первого состояло из рабочих заводов Путиловского, Тильманса и Лангезипена. Во втором подрайоне располагалось много небольших коммерческих заведений. Его население принадлежало к другим социальным категориям, главным образом это были владельцы магазинов и их служащие. Как уже упоминалось, гигантский Путиловский завод оказывал решающее влияние на политические настроения рабочих этих двух районов.

Несмотря на высокую репутацию Путиловского завода, за исключением Февральских дней и сравнительно короткого периода в июне и начале июля Петергофский район не играл лидирующей роли в революциях 1917 г. Политическое влияние Путиловского завода и путиловцев стало снижаться с началом Первой мировой войны, когда на завод, где шло расширенное производство боеприпасов, начался массовый приток крестьян и непролетарских городских элементов. Большевикам удалось завоевать большинство в Петергофском районном Совете довольно поздно, только спустя несколько недель после июльских событий, хотя их более жесткие позиции по чисто экономическим вопросам пользовались значительной поддержкой уже с начала Февральской революции[1].

Нарвский район, располагавшийся на северо-востоке от Петергофского, обладал меньшим пролетарским населением, а также значительно уступал Петергофскому району по степени активности рабочих. Промышленные предприятия располагались лишь в одном из трех его подрайонов. Единственными крупными металлообрабатывающими предприятиями в нем были Балтийский завод и Главные мастерские Северо-Западной железной дороги. Из всех промышленных и полупромышленных районов столицы Нарвский имел самую низкую концентрацию металлистов. Самыми крупными его предприятиями были резиновая фабрика «Треугольник» с 15 тыс. работников, из которых 2/3 были женщины, и Экспедиция заготовления государственных бумаг (около 8 тыс. работников) – один из самых консервативных коллективов в городе. Остальные рабочие района были заняты в основном на предприятиях с преобладающим неквалифицированным женским трудом.

• Васильевский остров

Этот большой остров в устье Невы был вторым крупнейшим промышленным районом города, хотя в целом население района отличалось социальной пестротой. Промышленность района была сосредоточена в области порта и на острове Голодай, т.е. вдали

1 Райсоветы. Т. II. С. 91.

от Стрелки – неотъемлемой части центра города, находившейся через мост от Зимнего дворца, Адмиралтейства, Генерального штаба армии и других ключевых объектов. На Стрелке располагалась и Петроградская Биржа. В этой восточной части острова на Большом и Среднем проспектах, на пересекающихся «линиях» жили дворяне, купцы и высшие государственные чиновники. Здесь же находился центр высшего образования с Российской академией наук, Петербургским университетом, Горным институтом, Академией художеств, Бестужевскими Высшими женскими курсами, несколькими гимназиями, реальным училищем, двумя коммерческими школами и др.[1]

В районе насчитывалось 16 крупных заводов. На Петроградском Трубочном заводе, где производились боеприпасы и труд был малоквалифицированным, была занята треть всех фабрично-заводских рабочих района. Другим крупным металлообрабатывающим предприятием являлся Балтийский судостроительный завод (8 тыс. рабочих). Помимо нескольких небольших электротехнических заводов, промышленность района была представлена еще пятью текстильными фабриками и несколькими кожевенными и табачными заводами.

Васильевский остров стал одним из оплотов большевиков наряду с Выборгским районом. С середины мая 1917 г. они составляли большинство в районном Совете в блоке с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами[2]. Это отражало сравнительно большую численность промышленного пролетариата района, в котором доля более квалифицированных рабочих была также относительно высокой по сравнению с другими районами.

Крупный отряд студентов был другим важным фактором в политической жизни района. Небольшая часть радикального студенчества пополняла ряды агитаторов и организаторов от левых партий там, где сами рабочие затруднялись выдвигать таковых из собственной среды. С февраля по июль 1917 г. «интеллигенты» составляли 30,6% членов большевистского райкома (57,6% были рабочими), что являлось самой высокой долей интеллигентов в райкомах главных промышленных районов города (см. *табл. 2.6*).

1 В огне революционных боев. Т. II. С. 102.
2 Райсоветы. Т. I. С. 123.

Присутствие в районе значительного контингента левой интеллигенции объясняет достаточно сильную поддержку меньшевикам-интернационалистам среди рабочих. В сентябре местная организация меньшевиков-интернационалистов массово вступила в большевистскую партию. Здесь рабочие особенно остро ощущали вопрос взаимоотношений между рабочими и интеллигенцией.

• *Петроградский район*

По социальной пестроте своего населения Петроградский район, раскинувшийся на семи островах, зажатых между Выборгским районом и Васильевским островом, напоминал последний, но доля рабочего класса здесь была существенно меньше. (В обиходе Петроградский район иногда включал и Новую деревню.) Население юго-западной и центральной частей района принадлежало к состоятельным слоям. Рабочие, как обычно, жили дальше от центра, заселяя прибрежные западные и северо-восточные окрестности острова. Здесь располагались несколько крупных машиностроительных заводов: «Вулкан», «Лангезипен», Щетинина и Лебедева, а также трамвайное депо, на каждом в среднем работало около 1500 чел.[1] Однако эти квалифицированные коллективы были отнюдь не преобладающими в районе, где еще насчитывалось три текстильных фабрики – Керстена, Джеймса Бека и бр. Леонтьевых, государственный завод Военно-врачебных заготовлений, на котором трудились 3 тыс. рабочих, в большинстве женщин[2], а также действовали несколько крупных типографий: Государственная типография, Печатный Двор и Отто Киркхнер.

Настроения местного пролетариата отличались меньшей радикальностью, чем в трех предыдущих районах. Здесь большевикам удалось завоевать большинство в районном Совете лишь в начале августа 1917 г., и даже тогда меньшевики и эсеры продолжали представлять для них серьезную оппозицию вплоть до Октября, когда их, наконец, окончательно вытеснили большевики. Неровные политические настроения в районе являлись

1 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 33.
2 Большевики Петрограда в Октябрьской революции. Л., 1957. С. 33.

Таблица 2.6
Социальное происхождение членов райкомов большевистской партии. Март–июнь, 1917 г.

Район	**Доля рабочих, в %**	**Доля интеллигентов, в %**	**Другие, в %**	**Все идентифицированные члены**
Выборгский	89,5	8,8	1,7	57
Нарвско-Петергофский	85,7	10,7	3,6	28
Невский	83,4	16,6	0	12
Петроградский	82,1	10,7	7,2	28
2-й городской	76,7	13,3	10,0	30
Пороховский, Литейный, Охтинский и Железнодорожный	64,3	28,6	7,1	14
Московский	63,6	18,2	18,2	11
Василеостровский	57,6	30,6	11,8	26
1-й городской	50,0	50,0	0	16
Рождественский	35,7	28,6	35,7	14
Все районы	74,1	18,2	7,7	236

Источник: Голованова Л. В. Указ. соч., дополнения, табл. 7. С. 13.

отражением соседства машиностроительных заводов и типографий, а также традиционно крайне консервативного завода Военно-врачебных заготовлений.

• *Московская застава*

Большинство из одиннадцати крупных заводов Московской заставы располагались в конце южной части этого района, где Забалканский проспект переходил в Московское шоссе. Его фабрично-заводское население равномерно распределялось между металлообрабатывающей промышленностью и другими отраслями. Кожевенную отрасль представляли крупнейшая обувная фабрика России «Скороход» (6500 рабочих) и Невская обувная фабрика (1600 рабочих). На них трудилась треть рабочих района[1]. Кроме этого, действовали еще два электротехнических завода – «Динамо» (2300 работников)[2] и «Сименс-Шуккерт», два

1 Московская застава в 1917 году. Л., 1957. С. 128.
2 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 35.

вагоностроительных завода – Речкина и «Артур-Коппель», трамвайное депо и городское Общество электрического освещения 1886 г. Еще дальше от центра, на юге заставы находились десяток небольших заводиков и сотни мелких мастерских[1].

Рабочие составляли относительно небольшую долю населения района. В северной его части жили обеспеченные слои общества, мелкая буржуазия – лавочники, ремесленники и большое число служащих. Это был один из четырех главных центров поддержки эсеров вместе с Невским, Охтинским и Пороховским, промышленные прдприятия которых тоже располашались в полудеревенской обстановке на окраине города. И как в этих раойнах, в московском часть рабочих владеле соючтвенными домиками и земельными учатсками.

• *Невский (Обуховский) район*

Невский район располагался на юго-восточной окраине столицы на значительном расстоянии от центра. Туда добирались поездом, курсирующим между Царским Селом и станцией Никола. Район состоял из двух округов, в каждом из которых доминировал гигантский металлообрабатывающий завод смешанного типа, включавший металлургию и машиностроение: Невский судостроительный и станкостроительный завод и государственный Обуховский сталелитейный завод. На последнем трудились 13 тыс. рабочих. Двумя другими предприятиями в этой отрасли были государственный Александровский локомотивный завод и ремонтные мастерские Николаевской железной дороги. Кроме того, в районе имелись четыре крупные текстильные фабрики, две бумажные фабрики, мыловаренный завод, восковой завод, Государственный фарфоровый завод и ряд более мелких фабрик с преимущественно малоквалифицированной рабочей силой.

Политические настроения Невского района были самыми умеренными из всех промышленных и полупромышленных районов столицы. Некоторые причины этого уже упоминались выше. Так, три из четырех местных крупнейших заводов принадлежали государству. Громадные заводы района – Невский и Обуховский

1 В огне революционных боев. Т. II. С. 217.

располагались далеко за городом. Почтовый адрес Невского завода был «село Смоленское» и его рабочие в значительной степени были набраны из соседних деревень Рогатково, Леснозаводская и Мурзинская[1]. Рабочих Обуховского завода, немалое число которых владели участками и держали скот, прозывали в народе «рыбацкими коровниками»[2].

Этот район являлся центром рабочей борьбы и до, и во время революции 1905–1907 гг. Однако в период нового подъема рабочего движения 1912–1914 гг. он оставался относительно спокойным. Рабочие Обуховского района вновь активизировались зимой 1917 г. и весной 1918 г., но уже в оппозиции к Советской власти, поддерживая меньшевиков и эсеров, требовавших созыва Учредительного собрания и формирования власти на более широкой социальной основе, чем Советы.

• *Коломенский (под) район*

Официально это был лишь подрайон 2-го Городского района, единственная промышленная зона последнего, но в 1917 г. он имел свой собственный Совет и партийными организациями считался отдельным районом. Здесь располагались три крупных судостроительных завода: частный Франко-русский (6500 рабочих) и государственные Адмиралтейский и Ново-Адмиралтейский (вместе 2500 рабочих). Рабочие Франко-русского завода были наиболее радикально настроены и в политическом отношении доминировали в районе. К середине мая районный Совет, в котором влияние большевиков было сильным с самого начала Февральской революции, уже выступал за переход власти Советам.

• *2-й Городской район*

В него входили Адмиралтейский, Казанский и Спасский (и официально Коломенский) округа. Это было сердце города, где преобладали государственные учреждения, коммерческие заведения и казармы. Здесь находились министерства, театры, музеи,

1 В боях за Октябрь. Л., 1932. С. 27.
2 *Розанов М.* Обуховцы. Л., 1938. С. 354.

дворцы, библиотеки, главные конторы банков. Это была социально враждебная рабочим территория, через которую они проходили в демонстрациях по пути к Невскому проспекту.

• 1-й Городской район

В центре района находился Николаевский железнодорожный вокзал, соединявший столицу со всей остальной Россией. Отсюда начинался Невский проспект. Занимая на февраль 1917 г. около одной четверти городской территории, район включал три округа: Литейный с его роскошными особняками дворянства и крупной буржуазии; Московский с большим числом типографий; и Александро-Невский, где жили рабочие Николаевских железнодорожных мастерских и близлежащих текстильных фабрик – Новой бумагопрядильни, Кожевниковской и Александро-Невской. В Литейном округе были два государственных военных завода: Орудийный и филиал Патронного. Вместе там насчитывалось около 6 тыс. рабочих. Однако главным источником занятости в районе были многочисленные коммерческие заведения. Соответственно, основное население состояло из служащих, людей свободных профессий и собственников.

• Рождественский район

Здесь находились Таврический дворец и Смольный институт. Крупная промышленность была представлена двумя текстильными фабриками – Невской бумагопрядильней и Невской ниточной фабрикой, на которых работали около 4 тыс. рабочих, и трамвайным депо. Действовали также несколько небольших электротехнических и металлообрабатывающих заводов, из которых по величине выделялись заводы Оуфа, Шпигеля и Оптический. В районе дислоцировались многие воинские части. Один из местных большевиков охарактеризовал район как район мелкой буржуазии и полуинтеллигентов с немногочисленными вкраплениями рабочих[1]. Рабочие составляли около одной трети членов райкома большевиков – самая низкая доля рабочих из всех районов[2].

1 ПК. С. 194.
2 *Голованова Л. В.* Указ. соч. Прил, табл. 1.

В районном Совете меньшевики-оборонцы доминировали до конца июля, пока влияние не начало переходить к фракциям интернационалистических партий.

• Охтинский и Пороховский районы

Эти примыкающие друг к другу, изолированные от города полудеревенские районы располагались на краю города вдоль Невы. Наряду с Невско-Обуховским районом они долго оставались центрами поддержки эсеров-оборонцев. В Охтинском районе почти не было промышленных объектов. Местные рабочие в основном трудились в небольших, полукустарных мастерских[1]. В Пороховском же районе работали два гигантских государственных химических предприятия, вместе насчитывавших около 18 тыс. рабочих, еще тесно связанных с деревней.

На этом завершается краткий обзор главных социально-экономических условий, влиявших на политические взгляды и настроения рабочих Петрограда. Полученная непростая картина является необходимой отправной точкой для анализа эволюции рабочего сознания и революционных действий в 1917 г. и в первую половину 1918 г.

1 *Деревообделочник,* № 20, март, 1908.

ГЛАВА 3
МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ РЕВОЛЮЦИИ: ОТ ФЕВРАЛЬСКИХ ДО АПРЕЛЬСКИХ ДНЕЙ

Сразу после Февральской революции главным политическим вопросом для рабочих стало их отношение к имущим классам, к цензовому обществу. И оно было весьма сложным и неоднозначным. С одной стороны, исторический опыт являлся источником недоверия к промышленникам, в прошлом враждебно относившися к политическим и социальным устремлениям рабочего движения. С другой стороны, после Февраля это недоверие несколько пошло на убыль: во-первых, имущие классы приняли революцию, раз она стала свершимся фактом; во-вторых, рабочие были не готовы взять на себя ответственность за управление экономикой и государством.

Двойственность отношения рабочих вылилась политически в установление двоевластия, при котором государственную власть формально осуществляли либеральные политики Временного правительства, но в соответствии с программой и под надзором Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В глазах рабочих и солдат столицы, свергнувших старую власть, Совет выступал единственным легитимным источником власти.

В экономической области в действиях рабочих присутствовала та же двойственность. С одной стороны, они не желали отказываться от своих экономических требований, даже если это угрожало политическим разрывом с цензовым обществом. С другой, не выказывали намерения оспорить экономическое господство буржуазии. Правда, уже в первые недели после Февраля у рабочих начали возникать подозрения по поводу замыслов владельцев в отношении управления своими предприятиями. Появились первые признаки того, что рабочие не остановятся перед прямым вмешательством в сферу управления производством, если деятельность администраций будет недобросовестна.

Таким образом, Февральская революция установила весьма осторожное и условное перемирие между пролетариатом и имущими классами, при котором каждая сторона присматривала за другой с едва скрываемым подозрением.

Рабочее движение во время войны

Февральская революция в Петрограде произошла на фоне быстрорастущей экономической разрухи, военных поражений на фронтах Первой мировой войны и усиливавшегося отчуждения всех классов от царизма.

В основе экономических проблем страны лежали война и экономическая отсталость России, в силу которой страна не справлялась с задачей обеспечения фронта и тыла в неожиданно затянувшейся войне. Царская власть оказалась неспособной организовать даже ту ограниченную экономическую базу, которая имелась. Это было главной причиной поражений на фронтах. Хотя политические лидеры имущих классов не решались на окончательный разрыв отношений с властью, имущие классы все более отстранялись от царского режима из-за его неспособности вести военные действия и удерживать в узде все более активно выступавших рабочих. Антиправительственные настроения рабочих усугублялись ухудшением экономической ситуации в связи с войной, которую они считали империалистической и поэтому преступной.

Зимой 1916–1917 гг. рабочие остро ощущали последствия войны: остановки производства из-за нехватки топлива и сырья, снижение уровня жизни при галопирующей инфляции, дефицит товаров первой необходимости и очереди перед булочными и продовольственными магазинами. Условия работы ухудшались, сверхурочный труд принимал неограниченный характер, законы по защите женского и детского труда были отменены. Заводоуправления, практически освобожденные от правовых ограничений и опиравшиеся непосредственно на репрессивный аппарат государства, отвечали на требования рабочих реальной угрозой отправки на фронт, в тюрьму или ссылку. Рабочая пресса, профсоюзы и большинство остальных общественных организаций были запрещены вскоре после начала войны. Большевистские депутаты IV Государственной думы были сосланы в Сибирь за антивоенную агитацию. Полиция действовала столь эффективно, что свободная деятельность подпольного рабочего-активиста до ареста продолжалась в среднем лишь три месяца[1].

1 *Шляпников А.* Указ. соч. Т. II. С. 104.

Накануне Первой мировой войны многие считали ситуацию, сложившуюся в столице, революционной и напоминающей 1905 г.[1] Забастовка 6–12 июля 1914 г., которая стала кульминацией рабочего движения, нараставшего с 1911–1912 гг., возникла как протест против нападения полиции на рабочих Путиловского завода и вскоре переросла во всеобщую политическую стачку, изобиловавшую баррикадными и уличными боями между бастующими и царскими войсками и полицией.

Начало войны, мобилизация в армию молодых рабочих и усиление репрессий, казалось, резко оборвали это движение. В первой половине 1915 г. годовщина Кровавого воскресенья девятого января и Первое мая не были отмечены забастовками и уличными демонстрациями, как в предыдущие годы. Но уже весной и летом этого года забастовочное движение стало возрождаться, правда, с преимущественно экономическими требованиями. Исключением стала забастовка протеста против кровавого подавления иваново-вознесенских текстильщиков, в которой приняли участие тридцать тысяч рабочих столицы.

Однако политические забастовки набирали силу. Если в первый год войны, по оценке властей, в политических забастовках было потеряно менее трети из 180 864 рабочих дней, то во второй год на политические забастовки ушла половина из 596 039 рабочих дней[2]. 9 января 1916 г. остановили работу сто тысяч рабочих столицы. В феврале 1916 г. путиловцы начали первоначально экономическую забастовку, к которой быстро добавились политические требования социал-демократической программы-минимум – так называемые «три кита». Они содержали требования демократической республики, 8-часового рабочего дня и земельной реформы в пользу крестьян. К забастовке путиловцев в знак солидарности примкнули более ста тысяч питерских рабочих[3].

К осени 1916 г. забастовочное движение продолжало шириться и обнаруживало все более выраженный политический характер. Наивысшей точкой стала забастовка 120 тыс. рабочих

1 *Шляпников А.* Указ. соч. Т. I. С. 13–19.

2 *Лейберов И. П.* О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы Первой мировой войны и Февральской революции // *Вопросы истории,* № 2, 1964. С. 65.

3 *Бурджалов Е. Н.* Указ. соч. С. 32–33.

против военного суда над моряками Балтийского флота, которых обвиняли в членстве в подпольной большевистской организации. Работодатели ответили локаутом на эту забастовку. Рабочие, в свою очередь, объявили в ответ новую забастовку. Годовщину Кровавого воскресенья в военном январе 1917 г. рабочий класс Петрограда отметил самой массовой забастовкой того времени – по разным оценкам, в ней приняли участие от двухсот до трехсот тысяч человек. В тот момент немногие предвидели, что до революции оставалось всего шесть недель. Но политическим лидерам рабочего класса столицы был очевиден потенциал этого мощного подъема. Исполнительный комитет Петербургского комитета (ПК) большевиков сообщал: «*Успешное проведение выступлений 9-го января очень подняло дух масс. Настроение на заводах очень бодрое, политически-сознательное и открывает широкие революционные возможности*»[1]. За шесть месяцев, с сентября 1916 г. до начала Февральской революции, в Петрограде в забастовках было потеряно немногим более одного миллиона рабочих дней. По оценке властей, три четверти этих забастовок были преимущественно политическими.

Февральская революция и установление двоевластия[2]

Всеобщая забастовка, повлекшая за собой свержение царской власти, возникла из двух отдельных событий. Семнадцатого февраля 1917 г. рабочие одного из цехов Путиловского завода забастовали, требуя повышения заработной платы и восстановления на работе ряда уволенных товарищей. Вскоре к ним присоединились другие цеха, и когда 22 февраля администрация завода объявила локаут, все 36 тысяч рабочих предприятия остановили работу. Сформировав забастовочный комитет, они отправили

1 *Залежский В. Н*. Первый легальный ПК // Пролетарская революция, № 11 (13), 1923. С. 265–266.

2 Имеются различные изложения событий Февральской революции, написанные с разных политических точек зрения, в том числе: *Бурджалов Е. Н.* Указ. соч.; *Суханов Н.* Указ. соч. Т. I; *Шляпников А.* Указ.соч.; *Троцкий Л.* Русская революция. Т. I. Главы 1–15; *Chamberlin W. H.* The Russian Revolution, vol. I, ch. 1–4, 1935; *Мстиславский С.* Семь дней. Берлин–Л. – М., 1932.

делегатов на другие предприятия, призывая их к активной солидарности. Один из них сумел дойти даже до депутата IV Государственной думы, члена фракции трудовиков (правых народников) А. Ф. Керенского с предупреждением, что начавшаяся стачка может стать началом очень крупного политического выступления[1]. Однако мало кто предполагал, насколько близка была развязка.

По старому стилю Международный женский день отмечался 23 февраля. В этот день настроение питерских работниц было особенно воинственным на фоне высоких цен на товары первой необходимости, очередей в продуктовые магазины, полного отсутствия хлеба в ряде булочных. Рабочие смены на текстильных фабриках начались с собраний, на которых звучали антивоенные речи и призывы. Другие акции политическими партиями не планировались. Большевики, чья организация в городе была самой боевой, считали, что резоннее беречь силы для решающей общей забастовки Первого мая[2]. Несмотря на это, работницы ряда текстильных фабрик Выборгского района прекратили работу и, отправившись к соседним машиностроительным заводам, без особого труда уговорили работающих там мужчин присоединиться к ним. Рабочий завода «Нобель» И. Гордиенко вспоминал следующую сцену: «*Утром 23-го февраля в переулке, куда выходили окна нашего цеха, раздались женские голоса: "Долой войну! Долой дороговизну! Долой голод! Хлеб рабочим!". Я и еще несколько товарищей мигом оказались у окон... Ворота 1-й Большой Сампсониевской мануфактуры были широко распахнуты. Массы по-боевому настроенных работниц заняли переулок. Те, кто заметили нас, стали махать руками, кричать: "Выходите! Бросайте работу!" В окна полетели снежки. Мы решили примкнуть к демонстрации... У главной конторы, у ворот, состоялся короткий митинг, и мы вышли на улицу... Впереди идущих товарищей подхватили под руки и с криками "Ура!" отправились с ними к Большому Сампсониевскому проспекту*»[3].

В этот день демонстранты сосредоточили свои усилия на том, чтобы «снять» рабочих остальных предприятий. С пением революционных песен толпы останавливались перед еще

1 *Бурджалов Е. Н.* Указ. соч. С. 117.
2 Там же. С. 120.
3 *Гордиенко И.* Из боевого прошлого. М., 1957. С. 56–57.

работающими заводами и фабриками и призывали присоединиться к выступлению. Если ответа не следовало, некоторые проникали внутрь для агитации, если это не помогало, то и угрожали. Администрация Металлического завода приняла меры предосторожности и заперла ворота. Но толпа бастующих их снесла. На своем пути рабочие выводили из строя трамваи и нападали на одиноких полицейских. Были разгромлены несколько булочных и продовольственных магазинов. Многочисленные потоки демонстрантов двигались к Невскому проспекту – главной магистрали столицы. Однако полиции еще удавалось сдерживать большинство толп от перехода через Неву. По данным Охранного отделения – царской политической полиции, 23 февраля бастовало 87 534 чел. на 50 предприятиях[1]. Хотя с самого начала звучали антивоенные и антиправительственные лозунги, доминировавшим было требование «Хлеба!».

Утром 24 февраля рабочие, как обычно, заняли свои места в цехах, но, проведя короткие собрания, снова вышли на улицу. Повторились события предыдущего дня. Стычки с полицией все учащались. Требование «Хлеба!» оставалось самым распространенным, но все чаще звучали антивоенные и антиправительственные лозунги. Теперь забастовщиков в городе насчитывалось уже около 200 тыс. чел.[2] Теперь к рабочим во множестве присоединились студенты. Демонстрантам из промышленных районов стало легче перебираться через реку в центр. Некоторые армейские и казачьи отряды проявляли к ним доброжелательное отношение.

На следующий день, по сообщению губернатора столицы, бастовало 240 тыс. чел. (по другим оценкам – 305 тыс. чел.). Забастовка переросла практически во всеобщую. Представители других социальных слоев – ремесленники, служащие, представители интеллигенции – в большом количестве присоединялись к движению, создавая атмосферу всеобщего сочувствия забастовке, что еще сильнее ободряло рабочих. Полиция перешла в оборону и передвигалась по улицам лишь группами. На этот раз преобладали антивоенные и антиправительственные лозунги наряду

1 Февральская революция и Охранное отделение // *Былое*, №№ 7–8, 1918. С. 162. По другой оценке, основанной на более полных данных, бастовало 128 тыс. чел. – *Лейберов И. П.* Указ. соч. С. 65.

2 *Бурджалов Е. Н.* Указ. соч. С. 143; *Лейберов И. П.* Указ. соч.

с требованием демократической республики, восьмичасового рабочего дня, созыва Учредительного собрания. Невский проспект оказался в руках демонстрантов.

В этот день у бастовавших зародилась надежда, что выступление закончится победой, что это – революция. Полицейский осведомитель сообщал: «*Так как воинские части не препятствовали толпе, а в отдельных случаях даже принимали меры к парализации начинаний чинов полиции, то массы получили уверенность в своей безнаказанности, и ныне, после двух дней беспрепятственного хождения по улицам, когда революционные круги выдвинули лозунги “долой войну” и “долой правительство”, – народ уверился в мысли, что началась революция, что успех за массами, что власть бессильна подавить движение в силу того, что воинские части не на ее стороне, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня-завтра выступят открыто на стороне революционных сил, что начавшееся движение уже не стихнет и будет без перерыва расти до конечной победы и государственного переворота*»[1].

В воскресенье 26 февраля число бастующих оставалось неизменным. Полиция начала применять ответные меры, стреляя в толпы, особенно на Невском проспекте. Но толпы рассеивались, чтобы затем снова быстро собраться, как только стрельба стихала. Начался разгром и поджог полицейских участков. Начались волнения в гарнизоне.

27 февраля ознаменовало победу революции. Практически весь рабочий Петроград вышел на улицы. С утра толпы демонстрантов подходили к казармам, уговаривая солдат присоединиться к ним. Во второй половине дня солдаты массово покинули свои казармы. В городе происходили вооруженные стычки с полицией, наблюдались поджоги полицейских участков, из тюрьмы освободили политических заключенных.

Тем временем, в одном из крыльев Таврического дворца, два оставшихся на воле депутата от социал-демократов меньшевики-оборонцы Н. С. Чхеидзе и М. И. Скобелев вместе с недавно

1 *Былое,* №№ 7–8, 1918. С. 174. Один полицейский сообщал о том, что услышал от извозчика: «Завтрашний день извозчики публику постоянно возить не будут, а будут возить только руководителей беспорядков». (Там же. С. 169.) Ивозчики вообще не относились к радикализированным элементам.

освобожденными лидерами «Рабочей группы» Военно-промышленного комитета и некоторыми независимыми социал-демократами, в том числе Н. Н. Сухановым и Н. Д. Соколовым, перехватили инициативу создания Совета рабочих депутатов с тем, чтобы возглавить движение. Провозгласив себя Временным исполнительным комитетом, они учредили военную и продовольственную комиссии и предложили рабочим послать своих делегатов от предприятий в Совет тем же вечером.

В другом крыле Таврического дворца цензовые депутаты Государственной думы, недавно распущенной царем, собрались на так называемое «частное заседание» – они все еще опасались выражать открытое неповиновение воле государя – и сформировали «Временный комитет членов Государственной думы для восстановления порядка и для контактов с лицами и учреждениями».

В ночь с 28 февраля на 1 марта эти два органа – один, говорящий от имени революционных масс, другой – от буржуазно-помещичьей России, достигли соглашения по формированию Временного правительства исключительно из цензовых депутатов Государственной думы. Думский комитет, в свою очередь, согласился с программой Совета, включавшей среди прочих вопросов объявление полной политической свободы, политической амнистии и принятие немедленных мер к созыву Учредительного собрания. Однако ничего не было сказано по поводу войны и восьмичасового рабочего дня – давнего требования рабочего движения. 2 марта пленарное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов утвердило это соглашение подавляющим большинством голосов. Совет обусловил свою поддержку Временному правительству добросовестным исполнением последним программы Совета. Пленум также постановил учредить «наблюдательный комитет» Совета для «контроля» за деятельностью правительства. Так родилось двоевластие.

Отношение рабочих к цензовому обществу

Институт Советов рабочих депутатов, унаследованный от революции 1905–1906 гг., был близок сердцам рабочих. На некоторых предприятиях они подняли вопрос об избрании Совета рабочих и солдатских депутатов еще 25 февраля, до формирования

Временного исполнительного комитета Совета вышеупомянутыми Чхеидзе, Скобелевым и др.[1] В то же время рабочие в подавляющем большинстве не считали, что Совет должен сам стать властью: установление двоевластия соответствовало их пониманию ситуации.

На пленуме Совета рабочих и солдатских депутатов 2 марта формула условной поддержки «постольку – поскольку» Временному правительству была принята голосованием: 400 – за, 19 – против. Но по предложению из зала был создан «наблюдательный комитет» от Совета. Это не входило в рекомендацию Исполнительного комитета и отражало тяжелое наследство недоверия рабочих в отношении имущих классов.

На этом заседании некоторые большевики и вместе с ними меньшевик-интернационалист В. А. Базаров выступили против позиции большинства Исполкома. Орган Совета рабочих и солдатских депутатов газета *Известия* отмечала, что «*в ходе прений наметилось течение, отвергающее любую возможность контакта с Думским комитетом и требующее создания Временного революционного правительства Советом рабочих и солдатских депутатов*»[2]. Но, как признавал А. Г. Шляпников, член Русского бюро ЦК большевистской партии и член Исполкома Петроградского Совета, многие делегаты-большевики голосовали за позицию большинства Исполкома[3]. Петербургский комитет большевиков в большинстве своем также отклонил предложение о создании Советом Временного революционного правительства. ПК принял несколько более осторожную, чем у Совета, формулировку условной поддержки Временному правительству: «Петербургский комитет РСДРП (б)... *не противодействует* власти Временного правительства постольку, поскольку...»[4].

Почти на всех предприятиях рабочие одобрили формулу условной поддержки Временному правительству. 8 марта собрание 8 тыс. рабочих Ижорского механического завода в пригороде Петрограда Колпино постановило: «*Все меры Временного правительства, которые уничтожают остатки самодержавия и укрепляют*

1 *Былое,* №№ 7–8, 1918. С. 174.
2 *Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.* 3 марта 1917 г.
3 *Шляпников А.* Семнадцатый год. Т. I. М. – Петроград, 1923. С. 240.
4 ПК. С. X–XI.

свободу народа, должны встретить всякую поддержку со стороны демократии. Все меры, ведущие к примирению со старым режимом и направленные против народа, должны встречать самый решительный протест и противодействия». Далее собрание заявляло о необходимости выполнения социал-демократической программы-минимум: установления демократической республики, введения восьмичасового рабочего дня на предприятиях, конфискации всех помещичьих, церковных и монастырских земель и их передачи крестьянству. Наконец, оно призывало Совет обратиться к пролетариям всего мира с призывом восстать против своих правительств и заключить демократический мир без аннексий и контрибуций[1]. Эта резолюция была одновременно и выражением поддержки Временному правительству, и предупреждением ему.

Другие резолюции по отношению к власти Временного правительства звучали еще категоричнее. Собрание рабочих-кожевенников в начале марта поддержало тактику Совета по вопросу о власти, даже не упомянув Временное правительство. Далее в резолюции этого собрания говорилось: «*Даже теперь, когда все классы охвачены мощной революцией, созданной рабочими и солдатами, мы не должны полностью доверять буржуазии. Мы должны ее поставить под неусыпный верховный контроль Совета рабочих и солдатских депутатов*»[2]. Еще более определенно высказалось общее собрание Петроградского Кабельного завода 3 марта. Заслушав доклад заводского делегата Совета, собрание постановило (за – около 1 тыс. голосов, против – 3): «*Мы считаем самым насущным вопросом текущего момента установление строгого контроля над министрами, назначенными Государственной думой и не пользующимися народным доверием. Этот контроль должен осуществляться представителями Совета рабочих и солдатских депутатов.*»[3]

1 Революционное движение в России после свержения самодержавия (далее – Док. Фев.). М., 1957. С. 475. По аналогичным резолюциям см.: *Правда,* 17 марта 1917 г. (от Нобеля, Ваккума и других); *Правда,* 23 марта 1917 г. (Сестрорецкий оружейный завод); *Известия,* 4 марта 1917 г. (Петроградский союз рабочих деревообделочников); 8 марта 1917 г. (собрание печатников).

2 *Правда,* 19 марта 1917 г.

3 Там же. По аналогичным резолюциям см.: Док. Фев. С. 478 (Сестрорецкий оружейный завод); *Правда,* № 3, 1917 (рабочие трактиров и гостиниц); *Шляпников А.* Канун семнадцатого. Т. II. С. 292.

В том же духе высказались 2 тыс. деревообделочников на собрании, состоявшемся 3 марта в цирке Чинзелли: «Мы доверяем только Совету рабочих и солдатских депутатов». В резолюции содержались призыв к Совету осуществлять бдительный контроль за каждым шагом Временного правительства и поручение незамедлительно информировать рабочих, солдат и все население о любом отступлении Временного правительства от своих обещаний и в таком случае вызывать народные массы на борьбу с ним[1].

Обзор резолюций, принятых на рабочих собраниях в марте 1917 г., свидетельствует о том, что было очевидно и политическим лидерам цензового общества: Временное правительство не пользуется доверием рабочих; поддержка, которую они готовы были ему оказать, зависела полностью от авторитета Совета и от его контроля над правительством. Осознавая это в полной мере, Думский комитет еще до созыва Совета пытался убедить Скобелева, Чхеидзе и Керенского, как членов Исполкома Совета, участвовать в правительстве. И поскольку те отказались, П. В. Милюков, лидер Конституционно-демократической партии и министр иностранных дел, настаивал на том, чтобы Совет, по крайней мере публично, сделал заявление о своей поддержке правительству[2].

Недоверие к буржуазному Временному правительству не было исключительно петроградским явлением. Резолюции, принятые на собраниях рабочих коллективов в провинции, как правило, были обращены либо к Петроградскому Совету, либо к Керенскому как неофициальному представителю Совета в правительстве[3], но не к Временному правительству[4].

Своим поведением рабочие ясно показывали, что легитимным источником власти они считают исключительно Совет рабочих и солдатских депутатов. В начале марта лишь Совет мог повлиять на рабочих, чтобы те вернулись на работу, хотя не всегда

1 *Известия,* 4 марта 1917 г.

2 *Суханов Н.* Указ. соч. Т. I. С. 210. См. также: *Rosenburg W. G.* The Liberals in the Russian Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1974. P. 178.

3 Исполком Совета принял решение не участвовать в правительстве, но Керенский, будучи членом Исполкома, решил участвовать сам. После его типичной театральной и напыщенной речи 2 марта на пленуме Совет одобрил его шаг «без голосования» и без дискуссии. Отношение рабочих к этому самовольному поступку выяснить не удалось, но, видимо, они отнеслись к этому спокойно.

4 *Ferro M.* La Révolution de 1917. Paris, 1967. P. 178.

все подчинялись сразу. На ряде государственных предприятий рабочие обратились именно в Совет, но никак не в правительство, с просьбой утвердить принятые ими изменения в администрации предпритяий[1]. Рабочие обращались в Совет и с просьбами осуществить различные реформы. Например, когда 4 марта общее собрание Патронного завода решило, что революция должна положить конец потреблению алкоголя, оно поручило своим делегатам обратиться в Совет с просьбой выработать такой декрет[2]. На многих предприятиях рабочие обращались в Совет о принятии закона о восьмичасовом рабочем дне[3]. И именно от Совета они требовали призвать народы воюющих стран оказать давление на свои правительства для скорейшего заключения мира на справедливой, демократической основе[4]. Когда на предприятиях возникали конфликты с администрацией или рабочие подозревали управленцев в саботаже производства, рабочие обращались к Совету для проведения расследования[5].

Временное правительство получало поддержку лишь в среде служащих и железнодорожников. Последние, особенно в провинции, являлись полупролетарской массой, связанной с деревней. Они находились под большим влиянием персонала своих управленческих органов, который сочувственно относился к кадетам и правым эсерам[6]. Например, в резолюции собрания конторских служащих Русского акционерного общества Объединенных механических заводов содержалось обещание «оказывать всемерную поддержку Временному правительству и Совету в ответственной работе для создания новой организации общества и для созыва Учредительного собрания»[7]. Аналогичным образом рабочие и служащие 26 железнодорожных мастерских призывали «поддержать Совет и Временное правительство»[8]. А. Таняев утверждал, что в 1917 г. железнодорожники рассматривали Вре-

1 Док. Фев. С. 543–544; Раб. кон. С. 42.
2 ЦГА СПб. Ф. 24602, оп. 7, д. 7, л. 68.
3 Там же. Ф. 7384, оп. 9, д. 293, л. 3.
4 Док. Фев. С. 446.
5 ЦГА СПб. Ф. 4601, оп. 1, д. 10, л. 9 об.; Раб. кон. С. 57.
6 *Таняев А.* Очерки по истории железнодорожников в революции 1917 г. М. – Л., 1925. С. 3–4.
7 *Известия,* 8 марта 1917 г.
8 Там же. 9 марта 1917 г.

менное правительство в качестве народного демократического правительства: «*Никакая другая часть рабочего класса не вкладывала в него столько надежд*»[1].

Однако, несмотря на то, что Временное правительство не пользовалось авторитетом у промышленного пролетариата, не воспринимавших двоевластия рабочих было очень немного. Исключением стала часть рабочих-выборжцев. Проведенное 1 марта в здании Сампсониевского братства многолюдное собрание здешних рабочих выразило крайне враждебное отношение к Государственной думе и ее Временному комитету. И подавляющим большинством голосов была принята резолюция, требовавшая подчинения Думского комитета «Временному революционному правительству»[2]. На другом собрании 3 марта в том же зале более тысячи человек призвали Совет рабочих и солдатских депутатов немедленно свергнуть «Временное правительство либеральной буржуазии» и объявить себя «Временным революционным правительством»[3]. Рабочий-большевик А. Судаков вспоминал, что собрания, проходившие в этом зале, были известны своей антидумской и антиправительственной установкой[4]. Организация меньшевиков Выборгского района косвенно подтверждала наличие таких настроений в своих отчетах: «*Что касается общих вопросов – отношения к Временному правительству, к будущей политической системе, к земле – все это обсуждается [на заводах] и, за исключением первого вопроса, решается определенно и категорически*»[5]. Их партийная газета писала, что «*Призывы к свержению и даже аресту Временного правительства, которые мы слышали от неответственных ораторов в первые дни революции, вызвали аплодисменты, но не привели к практическим результатам*»[6].

Среди большевиков столицы радикальную позицию поддерживала лишь районная Выборгская организация, насчитывавшая в марте 1917 г. 500–600 чел., в подавляющем большинстве

1 *Таняев А.* Указ. соч. С. 16.
2 *Дингельштедт Ф.* Весна пролетарской революции // *Красная летопись*, № 1 (12), 1925. С. 193.
3 *Правда*, 9 марта 1917 г.
4 *Бурджалов Е. Н.* Указ. соч. С. 286.
5 *Рабочая газета*, 17 марта 1907 г.
6 Там же. 9 апреля 1917 г.

рабочих. Петроградскому комитету РСДРП(б) пришлось запретить распространение листовки с резолюцией Выборгского районного партийного собрания от 1 марта, требовавшей отставки всех членов Думы, этого «оплота царского режима», и формирования «Временного революционного правительства»[1]. В своих воспоминаниях А.Г. Шляпников пишет, что большевики Выборгского района «*были несколько склонны к форсированию событий, призывая к немедленной и даже вооруженной борьбе против Временного правительства*»[2].

Возможно, поддержка лозунга «Власть Советам» в первые дни революции была несколько шире, поскольку до формирования Временного правительства и принятия Советом решения о его поддержке, рабочие ряда предприятий воспринимали, как должное, что власть перейдет в руки Совета. Например, в мандате, врученном депутату Совета от рабочих самолетного завода Щетинина в Новой деревне, располагавшегося рядом с Выборгским районом, значилось: «*Общее собрание рабочих [...] избрало во Временное революционное правительство – Совет рабочих депутатов – Грачева ...* »[3]. Аналогичным образом рабочие Шлиссельбургского порохового завода на собрании от 1 марта дали наказ своим делегатам Совета «*войти в сношения с Временным революционным правительством [имелся в виду Совет] для получения информации и директив*»[4].

Кроме того, сразу же по возвращении В.И. Ленина в Россию в начале апреля 1917 г., еще до Апрельского кризиса, первого серьезного столкновения рабочих с Временным правительством и до принятия Петроградской организацией большевиков ленинских тезисов, на ряде металлообрабатывающих заводов Выборгского района собраниями принимались резолюции с резким осуждением политики Временного правительства. Можно предположить, что опубликование ленинской программы с требованием немедленного перехода власти в руки Советов поощряло у этих рабочих открытое выражение воззрений, которых они придерживались первоначально, но не выражали публично в силу

1 *Правда,* 8 марта 1917 г.
2 *Шляпников А.* Семнадцатый год. Т. I. С. 225.
3 *Бурджалов Е. Н.* Указ. соч. С. 223.
4 *Шляпников А.* Указ. соч. Т. I. С. 222.

кажущейся единодушной пролетарской поддержки двоевластия. Например, 4 апреля, на следующий день после приезда Ленина, общее собрание рабочих завода «Нобель» в своей резолюции заявляло: «*1) что освобождение рабочего класса есть дело самих рабочих; 2) что путь пролетариата к его конечной цели – социализму – лежит не через путь компромиссов, соглашений и реформ, а только через беспощадную борьбу – революцию; 3) что буржуазия учла опасность, грозящую ей от пролетариата, и время от времени устраивает кровопускание рабочему классу: в 1905 г. у нас было 9 января, в 1912 г. – Лена, за Леной – Кострома и Иваново-Вознесенск; 4) что всякому правительству, составленному из буржуазных элементов и опирающемуся на буржуазию, рабочий класс доверять не может; 5) что наше Временное правительство, составленное почти сплошь из буржуазных элементов, не может быть тем народным правительством, которому мы можем доверять свои судьбы, свои великие завоевания. Собрание рабочих завода Нобеля требует: 1) чтобы сейчас же приступили к созыву Учредительного собрания; 2) чтобы Временное правительство официально обратилось ко всем воюющим как союзным, так и враждебным державам с предложением сейчас же приступить к мирным переговорам, отказываясь от аннексий и контрибуций и предоставив право каждой нации на самоопределение*»[1].

В приведенной резолюции не содержалось требования передачи власти Советам, а лишь скорейший созыв Учредительного собрания. Зато другое собрание 5 тыс. рабочих и солдат на Выборсгкой стороне оказалось гораздо решительнее. В единогласно принятой резолюции оно сначала потребовало конфисковать помещичью землю в пользу народа, ввести восьмичасовой рабочий день, а также военный налог на капитал, вооружить рабочих, заставить правительство совместно с союзниками заявить об отказе от аннексий и контрибуций, призвать к немедленным мирным переговорам, опубликовать все тайные договора. Затем оно заявило: «*Эти пять главных требований народа, понятно, не удовлетворят буржуазно-помещичье правительство, каковое мы имеем в лице Временного правительства. Выставляя эти требования, мы даем*

1 *Правда.* 7 апреля 1917 г.

понять всем колеблющимся и доверяющим Временному правительству частям народа недопустимость существования подобного правительства.

«*В случае неизбежного отказа Временного правительства удовлетворить прямо и безоговорочно эти основные требования народа Совет рабочих и солдатских депутатов должен объявить себя единственной верховной властью и издать от своего имени эти и прочие для народа нужные законы*».

«Такой второй необходимый этап революции своим примером (а не воззваниями) подействует на трудящихся прочих стран и, в частности, Германии. Германский народ, видя перед собой рабочее правительство, смелее пойдет на борьбу против своих угнетателей, против Вильгельма и буржуазии.

Вот когда начнется истинно революционная война... До этих пор война как была грабительской, так и останется»[1].

С непосредственным лозунгом «Вся власть Советам!» выступали в тот момент и рабочие литейно-механического завода «Старый Парвиайнен» и завода «Русское Рено», расположенных в том же Выборгском районе[2].

Все эти антиправительственные резолюции ссылались на исторический опыт рабочего класса или на классовую природу буржуазии. Большинству же рабочих, и в первую очередь для недавно поступивших на заводы крестьян, эти аргументы убедить не могли. Эта позиция могла казаться им даже опасной: зачем отпугивать буржуазию от революции, если она к ней примкнула?

Помимо большого числа резолюций, защищавших позицию Совета по вопросу о власти, широко распространенное среди рабочих «революционное оборончество» свидетельствовало об их поддержке двоевластия. Повсеместно осуждая войну как империалистическую, рабочие после Февральской революции считали, что можно и необходимо защищать революционную Россию против возможного наступления внешнего врага – на фронте в это время царило фактическое перемирие. Типичная резолюция этого периода заявляла: «*Ни при каких условиях не допускать, чтобы место Николая последнего занял Вильгельм и его прислужники.*

1 *Солдатская правда,* 18 апреля 1917 г.

2 *Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.*15 апреля 1917 г.; *Правда,* 21 апреля.1917 г.

Мы желаем мира без аннексий и контрибуций, мира, который заключили бы трудящиеся массы воюющих стран. Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство должны способствовать заключению такого мира»[1].

Поскольку империалистические амбиции российской буржуазии и ее непоколебимая поддержка войны были хорошо известны рабочим, поддержка обороны страны, во главе которой стояла буржуазия, могла означать лишь то, что либо рабочие считали, что буржуазные политики изменили свое отношение к целям царя в этой войне, либо, что намного вероятнее, они верили, что Совет сумеет заставить Временное правительство искать демократического мира. Так были убеждены даже радикально настроенные рабочие Франко-русского судостроительного завода. Они призывали народ оказать «*энергичное воздействие на Временное правительство с тем, чтобы вынудить его к категорическому заявлению, что Россия в этой войне не преследует никаких завоевательных целей. С другой стороны, мы считаем крайне необходимым, чтобы Временное правительство сейчас же воздействовало на правительства союзных России государств с целью вынудить их сделать подобные заявления*»[2].

Отношение большевиков к войне общей массе рабочих было непонятно. После Февраля большевики сохраняли дореволюционный лозунг «Долой войну!», утверждая, что буржуазное Временное правительство – империалистическое. Но одновременно они поддерживали это правительство, хотя и условно. Немудрено, что многие рабочие видели в этой политике угрозу революции. На Первой городской конференции большевиков в начале апреля рабочий-делегат от Выборгского района И. К. Наумов, пожаловался: «*Призывов же закончить войну – масса не понимает. Не хватает чего-то. Правы те, кто спрашивает: "Стало быть, чтобы закончить войну – штыки в землю?" Так говорят массы. Создается положение, когда необходимо уяснить эту мысль и для себя, и для масс. Иначе, когда мы объясняем массе сущность и характер войны и призываем к осознанию того,*

1 Док. Фев. С. 546.
2 Там же. С. 554.

*что она должна быть прекращена, чувствуется, что все-таки чего-то не хватае*т»[1].

Последовательной позицией стал бы отказ от поддержки Временного правительства и требование перехода власти к Советам или же «революционное оборончество». Поэтому неудивительно, что лишь в Выборгском районе, где местная организация РСДРП(б) вообще не поддерживала Временное правительство, отношение большевиков к войне находило понимание у рабочих[2]. Эта непоследовательность была устранена, когда в середине марта И. В. Сталин и Л. Б. Каменев вернулись из сибирской ссылки и резко изменили редакционную политику газеты «Правды» в сторону «революционного оборончества». После Апрельского кризиса и принятия партией тезисов В. И. Ленина позиция партии снова изменилась и по вопросу о войне, и по вопросу о власти.

Но кажущаяся широкая поддержка петроградским пролетариатом позиции меньшевистско-эсеровского руководства Совета о власти скрывала на самом деле глубокое разногласие. И оно впервые проявилось как раз по вопросу о войне. Если рабочие считали, что Временное правительство под давлением Совета будет выполнять их политику по вопросу о войне, то сами архитекторы двоевластия в Совете в этом были далеко не уверены. Правый меньшевик, бундист, М. Г. Рафес вспоминал, что Н. Н. Суханов, сыгравший видную роль в переговорах о формировании Временного правительства, утверждал «*что не может быть речи об участии демократии [т.е социалистов] во Временном правительстве, ибо это означало бы участие в ведении ими [цензовыми политиками] войны*»[3]. В своих воспоминаниях Суханов пишет, что во время переговоров о формировании временной власти обе стороны сознательно избегали вопроса о войне, сознавая, что он приведет к столкновению[4]. Но участники пленума Совета, проголосовавшие за поддержку Временного правительства, не знали, что этот важный вопрос не решен.

1 Первая Петроградская конференция РСДРП (б) в апреле 1917 г. М., 1925. С. 16–17. См. также: *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* История Путиловского завода 1801–1917 гг. Изд. 3-е. Л., 1961. С. 574.

2 *Шляпников А.* Указ. соч. Т. II. С. 142.

3 *Рафес М. Былое,* № 19, 1922. С. 194.

4 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. I. С. 127.

Данное разногласие впервые выявилось в отношении к решению Временного правительства в начале апреля 1917 г. об обязательном «Займе свободы» в поддержку войны. 7 апреля Исполком Совета одобрил эту меру 21 голосом против 14. Однако сам пленум Совета решил воздержаться от одобрения займа, пока правительство не предпримет конкретные шаги к заключению демократического мира[1]. Практически на всех заводах и фабриках рабочие резко осудили заём и порицали позицию Исполкома Совета. Наиболее распространенной реакцией было требование введения специального налога на капитал и на военные прибыли, а также оказания серьезного давления на союзников, чтобы они отказались от своих захватнических военных целей. 20 апреля механический цех Русско-Балтийского вагоностроительного завода принял следующую резолюцию (свыше 400 голосов – за; 7 – против): *«Признавая, что “Заём свободы” проводится с целью продолжения братоубийственной войны, выгодной лишь империалистической буржуазии, мы не считаем возможным для социалистического пролетариата принимать участие в этом займе».*

«Вместе с тем мы признаем, что дело снабжения армии всем необходимым требует денежных средств, и указываем Совету рабочих и солдатских депутатов, что деньги эти должны быть взяты из карманов буржуазии, затеявшей и продолжающей эту бойню и наживающей в этом кровавом угаре миллионные барыши».

«Мы энергично протестуем против поведения 21 члена Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, принявших “Заём свободы”, и считаем такое отношение к делу пролетариата изменой Интернационалу»[2].

Несмотря на массовые протесты, 22 апреля пленум Совета решил поддержать заём. Из почти тысячи депутатов против голосовали лишь 117 депутатов большевиков и интернационалистов. Это послужило первым поводом для отзыва рабочими депутатов из Совета. Так, работницы Новой бумагопрядильни отозвали обоих своих депутатов, сочувствовавших меньшевикам, обвинив их в агитации в пользу займа[3]. На обувной фабрике «Скороход»

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. III. С. 217, 223, 310, 313.
2 *Правда,* 11 апреля 1917 г.
3 *Перазич В.* Указ. соч. С. 28.

все четверо депутатов-эсеров районного Совета проигнорировали решение общего собрания, осудившего заём, и проголосовали за него. Трое из них были отозваны общим собранием, на смену им были избраны депутаты-большевики. Четвертый публично покаялся и был оставлен[1].

Но каким бы однозначным ни было отношение рабочих к займу, этот эпизод не сумел радикально изменить отношения их большинства к двоевластию и к меньшевистско-эсеровским лидерам Совета. Лишь от Выборгского района в очередной раз поступили призывы к Совету самому взять власть.

Двоевластие в свете дореволюционных позиций

В свете столь негативной реакции рабочих на «Заём свободы» естественно возникает вопрос: если их поддержка цензового правительства была столь сдержанной, если их сомнения относительно истинных целей буржуазно-помещичьих политиков были столь глубокими, если их готовность идти на уступки в интересах политического союза с имущими классами была столь ограниченной, почему же они все-таки поддержали двоевластие в Феврале вместо того, чтобы требовать единовластия «революционной демократии» в лице Советов?

С начала революционных событий 23 февраля и до 2 марта, когда Совет призвал к прекращению забастовки, лозунги рабочих масс ограничивались традиционными социал-демократическими «тремя китами». И, по словам Суханова, лидеры социалистических партий не выдвигали ничего конкретного в отношении переходной власти. На первом заседании Совета 27 февраля этот, казалось бы, наиболее жгучий вопрос не обсуждался[2]. В полицейском докладе о собрании большевиков и меньшевиков-интернационалистов 26 февраля на Васильевском острове сообщалось, что принятая резолюция была посвящена исключительно тактике уличных боев[3]. Видимо, на этом этапе все внимание рабочих было сосредоточено на свержении самодержавия. Только 27 февраля ЦК большевиков

1 *Смирнов А.* Указ. соч. С. 39–40.
2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. I. С. 22, 96.
3 *Былое,* №№ 7–8, 1918. С. 171.

опубликовал призыв к созданию Временного революционного правительства.

Хотя во время Февральских дней рабочие не высказывались по поводу власти переходного периода, их отношение к Государственной думе и к цензовым лидерам было хорошо известно до начала революции. Оно нашло ясное выражение в дискуссии об участии представителей рабочих в военно-промышленных комитетах и о тактике «рабочих групп» при этих комитетах.

Военно-промышленные комитеты были созданы летом 1915 г. с разрешения властей Съездом представителей торговли и промышленности для содействия организации военного производства. Осенью того же года руководство Центрального военно-промышленного комитета, в который вошли будущий военный министр Временного правительства А. И. Гучков и будущий министр торговли и промышленности того же правительства А. И. Коновалов, получило разрешение от властей для проведения двухступенчатых выборов «рабочих групп», которые были бы прикреплены к комитетам. Эта избирательная кампания стала для рабочих первой легальной возможностью с начала войны открыто обсуждать внутреннюю и внешнюю политику страны.

В ходе дискуссии выявились три позиции. Большевики и левые эсеры выступали против участия в комитетах, поскольку это означало бы участие в империалистической войне и поддержку царской власти. Тем не менее они высказались за участие в первом этапе выборов «рабочих групп», поскольку оно предоставляло уникальную легальную возможность для проведения антивоенной и революционной агитации среди рабочих масс. Меньшевики-интернационалисты, такие, как Чхеидзе, осуждая войну, поддерживали участие рабочих в комитетах, но исключительно в целях сплочения антиправительственных сил и борьбы за улучшение положения рабочих[1]. Наконец, меньшевики-оборонцы, такие, как К. Л. Гвоздев, признавая империалистический характер войны со стороны России, выступали не только за оборону страны от немецких армий, но и за свержение самодержавия, видя в этом самое эффективное средство обороны от внешнего врага.

1 *Шляпников А.* Указ. соч. С. 103–104.

На собрании выборщиков 27 сентября 1915 г. позиция большевиков одержала победу: 90 голосов за и 81 против. Но оборонец Гвоздев оспорил эти результаты на том основании, что место одного из выборщиков с Путиловского завода, отказавшегося от участия, занял рабочий-большевик[1]. Повторное собрание выборщиков состоялось 29 ноября, в ходе которого большевики и левые эсеры покинули зал до голосования. Оставшиеся единогласно (за восемью воздержавшимися) поддержали участие в комитетах.

На первый взгляд могло показаться, что спорным вопросом являлось отношение к войне. В действительности, как большевики, так и меньшевики-интернационалисты выступали против содействия военным усилиям государства даже под видом защиты от внешнего врага. Но меньшевики-интернационалисты не поддерживали призыва большевиков к бойкотированию «рабочих групп». Позиция оборонцев первоначально была не столь однозначной. Как писал меньшевик-оборонец и член «рабочей группы» Е. Маевский: «*Оборона страны... понималась Рабочей группой в противоположность утверждениям пристрастной антиоборонческой критики не как установление какого-либо гражданского мира или перемирия со старым режимом, а прежде и больше всего как непримиримая борьба с царским самодержавием*»[2]. Однако к концу 1916 г. «оборончество» группы Гвоздева проявилось настолько явно, что заставило Чхеидзе вместе с другими меньшевиками-интернационалистами также отказаться от участия в «рабочей группе».

Настоящим предметом разногласий социалистов – и это издавна являлось главным яблоком раздора в рядах русской социал-демократии – был вопрос о революционной стратегии и, в частности, об отношении рабочего класса к цензовому обществу в борьбе за демократическую революцию. Война, с энтузиазмом поддержанная буржуазией, была лишь одним из аспектов этого более общего вопроса, обсуждаемого на собраниях выборщиков «рабочей группы». На первом собрании выборщиков в ноябре 1915 г., рабочий Емельянов, меньшевик-оборонец с Трубочного завода, говорил: «*Война эта, как и всякая другая,*

1 *Шляпников А.* Указ. соч. С. 115.
2 *Маевский Е.* Указ. соч. С. 5.

ведется исключительно в интересах буржуазии, а не рабочих. Таков наш принципиальный взгляд на эту войну... И все же наши противники называют нас националистами... Между тем... мы лишь вслед за Циммервальдской конференцией повторяем: "мир без аннексий и контрибуций". К этому миру мы стремимся в союзе со всей революционной демократией. Как можно достигнуть этого мира? Противники наши не идут с другими классами. Они думают о революционном перевороте, которого они добьются только своими собственными силами; а между тем достижение этой цели возможно только лишь при мобилизации всех живых общественных сил страны вокруг этих лозунгов... Единственное спасение страны не в технической обороне, не в участии в комитетах и комиссиях по обороне, а радикальное изменение всей нашей жизни в интересах демократии... Если встать на эту точку зрения, тогда необходима мобилизация всех живых сил страны для демократизации общественного строя. С нашими противниками мы расходимся в оценке действующих сил: они надеются лишь на свои силы в революции – мы стремимся к сплочению все тех слоев русского общества, которые могут стремиться к демократизации общественного строя и хотят бороться... Политическая борьба – это не призыв к забастовке, не собрание перед заводом, не громкая резолюция или выкрик, а длительная подготовка к борьбе... Наши противники говорят, что мы продаем интересы революции, и это говорят они главным образом за нашу оценку буржуазии. Наша буржуазия... не может примириться с господством помещиков и сама стремится к власти, но стремится трусливо и рабски. Мы будем критиковать и толкать ее на решительную борьбу с отживающим режимом. В окончательной борьбе [т. е. за социализм] мы должны надеяться лишь на свои силы; но в борьбе за политическую свободу мы должны идти в контакте с буржуазией».

Емельянов добавил, что участвуя в «рабочих группах», можно поднимать вопросы государственной политики по отношению к рабочим. В качестве примера он отметил, что законы, защищающие женский и детский труд, были отменены с начала войны, и что в Россию ввозились низкооплачиваемые рабочие из Китая и Персии. Участие в группах открыло бы легальные возможности

для организации рабочего класса. В заключение он объявил: «*Наша цель – победа над внутренним врагом, отпор германской армии и мир без аннексий и контрибуций*»[1].

Ему ответил рабочий-большевик Дунаев: «*Военно-промышленный комитет – учреждение либеральной буржуазии, утверждают наши противники, и с ним можно идти рука об руку. Стало быть, Гучков [Председатель Центрального военно-промышленного комитета] пойдет с нами против Столыпиных современности. Тот самый Гучков, который вместе со Столыпиным-покойником вешал наших товарищей? К нам подвозят китайцев, персов, корейцев. Послушать Гвоздева и Емельянова, то получается, что ввозит их правительство, а промышленники здесь ни при чем. Но, товарищи, скажите, кому нужны эти кули и персы?... Кули подвозятся либеральными промышленниками, теми самыми промышленниками, с которыми вы собираетесь бороться с желтой опасностью. Теперь широко применяется женский и детский труд. Кто добился отмены мизерных прав работниц и детей? Помещики? Они и без того пользуются их трудом от зари до зари. Этого добились Гучковы, Коноваловы, Рябушинские. Фабриканты нажали на кнопки – и права рабочих отменены. Вот кого называете вы революционными элементами и приглашаете идти с ними рука об руку. Все попытки рабочих улучшить свое положение кончились посылкой на фронт по указаниям фабрикантов. Где наши товарищи с «Лесснера», с «Феникса» и других заводов? Их господа либеральные фабриканты послали на фронт и по тюрьмам. Вот почтенная компания! И с помощью ее хотят создать организацию рабочего класса. Наши противники говорят, что мы надеемся только на свои силы, а ваши, дескать, господа-ликвидаторы желают вести борьбу в союзе со всеми революционными силами. Хорошо. Где же вы ищете себе союзников? Вы пошли к крестьянству? Нет, вам нужно другое. Вы идете в Военно-промышленный комитет и действуете на задворках буржуазной организации. (Шум, протесты.) Вот где вы ищете себе союзников – в хозяйской организации, которая до войны устраивала локауты, а теперь набивает себе*

1 *Шляпников А.* Указ. соч. Т. I. С. 116–119.

карманы на военных заказах. (Шум, движение.) Вы воспользовались случаем с Кудряшевым и решили устроить новые выборы. К кому же вы апеллировали? К рабочим массам? Вы пошли на заводы и фабрики и вели агитацию среди рабочих? Нет, вы пошли к Гучкову и где-то на задворках, тайно от рабочих, вели какие-то темные переговоры. В союзе с Гучковым вы хотите сорвать волю питерского пролетариата»... Тут председатель лишил Дунаева слова[1].

Эти два выступления четко иллюстрируют главный вопрос, разделявший большевиков и меньшевиков: отношение рабочего класса к буржуазии (а не характер партийной организации, как обычно утверждается в западной литературе). Большевики и их сторонники занимали непримиримую позицию по этому вопросу. Их отношение основывалось на долгой истории тесного сотрудничества буржуазии с царской властью в подавлении рабочего движения. Согласно большевистскому анализу, буржуазия нуждалась в репрессивном аппарате самодержавия против рабочего класса, с которым она боялась столкнуться один на один при демократическом режиме. Меньшевики же считали, что у буржуазии имеется либеральное крыло. Правда, оно трусливое, но под давлением рабочего класса эти «живые силы» цензового общества могли бы выступить против самодержавия. В соответствии с этой позицией меньшевики старались, но без особого успеха, провести грань между политической борьбой рабочих против царской власти и их экономической борьбой против капитала[2].

Маевский метко резюмировал основу разногласий в дискуссии об участии рабочих в военно-промышленных комитетах: «*Рабочая группа рассматривала грядущую революцию не только как революцию буржуазную, но и правильно оценивала ту роль, которую может и должно было сыграть в этой революции даже такое уродливое народное представительство, каким была*

1 *Шляпников А.* Указ. соч. С. 119–120.

2 В определенной мере меньшевики были вынуждены настаивать на существован ии прогрессивной и потенциально революционной фракции у буржуазии, поскольку они считали, что рабочий класс в одиночку не сможет совершить демократическую революцию. Что касается крестьянства, которое большев ики рассматривали в качестве революционного союзника рабочих, оно, по оценке меньшевиков, было ненадежным и потенциально даже контрреволюционным.

4-я Государственная дума. Борясь с большевистскими и полубольшевистскими тенденциями в рабочих массах, Группе приходилось неоднократно настаивать на том, что – какова бы ни была нынешняя Государственная дума, при известном размахе революционной самодеятельности масс, она может быть и будет обращена в один из этапов или опорных пунктов будущей революции. Представителям Группы приходилось при этом усиленно бороться против бойкотизма и равнодушия по отношению к Думе и ее деятельности, поддерживаемых и раздуваемых в рабочей среде большевистской агитацией… Сторонники Группы убеждали рабочих в необходимости, во имя революции, координировать свои усилия с усилиями некоторых кругов прогрессивной буржуазии и использовать Думу как общероссийский центр, на котором в его столкновениях с правительственной властью сосредоточивается всенародное внимание… В их критике Рабочей группы уже тогда мы видели большевистские и полубольшевистские аргументы, которые противопоставлял интернационализм пролетариата задаче национальной обороны, пролетариат – всем другим классам, как единой солидной реакционерной буржуазной массе»[1].

Существовала еще промежуточная позиция меньшевиков-интернационалистов. На собрании выборщиков рабочий Кузьмин утверждал, что, хотя нет основания возлагать надежды на «Гучкова и К°», следует пользоваться легальными возможностями деятельности в «рабочих группах» в целях улучшения положения и организации рабочих. В качестве примера он рассказал, как у себя на Трубочном заводе они вели политическую агитацию под видом отчетных собраний о работе Военно-промышленного комитета[2].

Поэтому результаты вторичного голосования не означали, что большинство рабочих было согласно с позицией оборонцев. Первое голосование показало, что мнения разделились с некоторым перевесом в пользу позиции большевиков. Это позволяет заключить, что, по крайней мере, половина питерских рабочих отвергала даже промежуточную позицию меньшевиков-интернационалистов о «неорганическом участии», т.е. они были не согласны даже с этой видимостью поддержки военной политики

1 *Маевский Е.* Указ. соч. С. 5–8.
2 *Шляпников А.* Указ. соч. С. 126.

государства и сотрудничества с промышленниками. Учитывая крайне ограниченные легальные возможности открытой организации рабочих и серьезное ухудшение их экономического положения в связи с войной, столь сильная солидарность с большевистской позицией являлась весьма показательной.

Рабочие и на практике отказывали оборонцам в поддержке. Маевский вспоминал, что все попытки лидеров-оборонцев мобилизовать рабочих для оказания давления на Думу, отправляя делегации к ее председателю или к лидерам думских фракций «*имели мало успеха, встретив в широких рабочих кругах застарелые большевистско-бойкотистские предрассудки, прикрывающиеся словесным радикализмом... Единственная форма движения, какую с помощью большевиков и тянущихся за ними полубольшевиков издавна усвоили некоторые круги петроградских рабочих, [был] стачкизм, – по мнению Группы и ее сторонников, для данного времени, в условиях войны... наименее активная и действенная из форм*»[1].

Несмотря на постоянный рост и политизацию забастовочного движения во время войны, до самой Февральской революции ни одно рабочее выступление не было обращено к Думе или каким-либо образом с ней связано. Суханов утверждал, что «*[рабочая] группа не пользовалась популярностью среди рабочих масс. Подавляющее большинство сознательного пролетариата столицы, а также и провинции, занимало решительную антиоборонческую позицию и относилось резко враждебно к сотрудничеству с плутократией небольшой группы социал-демократов с К.А. Гвоздевым во главе*»[2].

После того как в октябре 1916 г. на заседании Государственной думы ряд цензовых депутатов резко выступил против правительства[3], «рабочая группа» решила, что она больше «*не могла ждать, пока рабочий класс поймет революционное значение*

---

1 *Маевский Е.* Указ. соч. С. 7–8. Забастовки, в отличие от тактики, за которую выступала «рабочая группа», представляли независимую от буржуазии тактику революционной борьбы рабочего класса.

2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. I. С. 15.

3 Даже тогда у цензовой оппозиции хватило смелости лишь на требование «правительства доверия», а не «ответственного правительства». Об активных действиях не могло быть даже речи. См.: *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism. London and Basingstoke: Macmillan, 1977. P. 114.

организованного вмешательства в столкновение буржуазного общества с самодержавием». Она решила призвать рабочих к забастовке в день открытия новой думской сессии 14 февраля и направить их к Таврическому дворцу – месту заседания Думы[1]. Большевики и меньшевики-интернационалисты согласились бастовать, но выступили против похода к Думе[2]. По данным полиции, в забастовке приняли участие 90 тыс. рабочих. В районе Таврического дворца были замечены лишь две небольшие группы в несколько сотен человек, и их быстро разогнали[3]. Маевский утверждает, что митинг у Думы упредили предпринятые полицией меры[4]. Его аргументы малоубедительны, поскольку даже в самом начале Февральской революции, несмотря на все усилия властей, не удавалось удерживать решительных демонстрантов от выступлений в центральной части города.

Рабочие стали проявлять интерес к Думе лишь во второй половине дня 27 февраля, т.е. после победы революции, когда к восстанию массово примкнули солдаты. Но в первые четыре с половиной дня, когда движение носило преимущественно пролетарский характер, Дума игнорировалась. Общей целью демонстрантов в эти дни был Невский проспект с пунктами сбора у Казанского собора, Знаменской площади и на углу Литейного и Невского проспектов.

Почему двоевластие?

Утверждение Троцкого и Суханова, что 27 февраля лишь солдаты пошли к Таврическому дворцу, однако, не кажется верным[5]. Историк Е. Н. Бурджалов отмечает, что в этих толпах было много рабочих, в том числе и рабочих-большевиков[6]. Некоторые из последних сразу отправились к Таврическому дворцу во главе

1 *Маевский Е.* Указ. соч. С. 10, 11. Не то, чтобы кадеты были благодарны за эту помощь. *Речь*, печатный орган кадетской партии, заклеймила провокацией слухи о демонстрации. См.: *Граве Б. Б.* Буржуазия накануне Февральской революции. М. – Л., 1927. С. 181.
2 *Граве Б. Б.* Указ. соч. С. 184.
3 *Былое*. С. 160.
4 *Маевский Е.* Указ. соч. С. 12.
5 *Троцкий Л. Д.* Указ. соч. С. 146; *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. I. С. 63.
6 *Бурджалов Е. Н.* Указ. соч. Т. I. С. 203.

казачьего полка, успев только выйти из тюрьмы, снять оковы и найти оружие, сразу отправились к Тавричесокму доврцу во главе казачьего полка[1].

Ясно, что с победой революции произошли определенные изменения в мышлении рабочих. Представляется справедливым утверждение Маевского, что стратегия Рабочей группы «после некоторых блужданий» была в конце концов принята рабочим классом в Февральской революции[2]. Большевики были удивлены, внезапно оказавшись в меньшинстве в Совете рабочих и солдатских депутатов, поскольку до революции их подпольная организация была самой активной[3].

Большевики были склонны объяснять это техническими и организационными причинами: будучи в значительной степени подпольной организацией, партия была менее известна в широких пролетарских кругах; меньшевики и эсеры были лучшими ораторами; большевики были заняты уличными боями, когда проходили выборы в Совет, тогда как меньшевики и эсеры агитировали на предприятиях и т.д. Шляпникову, однако, эти аргументы казались односторонними. Он считал, что революция создала новую ситуацию: «*Революция всколыхнула самые дремучие низы, призвала их к активности и втянула в битву солдатскую массу, разночинную интеллигенцию и даже обывателя. Таким путем движение, начатое как пролетарское и под пролетарскими и революционными “народными” лозунгами, по мере своего расширения принимало все более и более “общенародный характер”... Нужно было... подойти к оценке наших лозунгов и приемов агитации в совершенно иной, чем это было всего лишь два дня назад, обстановке*»[4].

Здесь Шляпников обращает внимание на качественный сдвиг, вызванный революцией в осознании рабочими ситуации. Февральская революция приняла форму, создавшую видимость национального единства. Одновременно сама победа революции породила у рабочих жажду национального единства и предрасположила их принять видимость единства за реальность. Как

1 Там же. С. 68.
2 *Маевский Е.* Указ. соч. С. 12.
3 *Шляпников А.* Указ. соч. Т. I. С. 203.
4 Там же.

потом вспоминал журналист из левых эсеров: «*События февраля заставили людей забыть то, что всего несколько дней назад было их непримиримыми разногласиями с помещиками и капиталистами. Казалось, что все едины*»[1].

Многие факторы поддерживали видимость национального единства. Так, депутаты Государственной думы, хоть и запоздало, но примкнули к революции. Это серьезно облегчило ее победу, поскольку государственные и военные чиновники были согласны подчиняться думскому комитету, но едва ли подчинились бы взбунтовавшимся массам, представленным в Совете рабочих и солдатских депутатов. К тому же думский комитет принял программу, предложенную представителями Совета.

Казалось, ликовал весь народ. По центральным районам столицы разгуливали представители состоятельных слоев общества с красными бантами на лацканах пальто, поздравляя друг друга с победой революции[2]. 3 марта Центральный комитет партии кадетов, ставшей после февраля главным политическим представителем цензового общества, провозгласил: «*Старый режим исчез. Государственная дума, забыв партийные различия, объединилась во имя спасения Отечества и взяла на себя создание нового правительства... Пусть у нас забудутся все партийные, классовые, имущественные и национальные различия... Пусть ярко загорится во всех сердцах надежда, что на этот раз мы сможем избежать губительную разобщенность [намек на революцию 1905–1906 гг.]*»[3].

Февральская революция, как тогда казалось, оправдала стратегию умеренных социалистов. Учитывая тяжелую историю отношений между рабочими и буржуазией, можно понять удивление Шляпникова тому, «*как легко поддавались рабочие массы*

1 *Знамя труда,* 17 ноября 1917 г.

2 Народный социалист (правый народник) В. В. Станкевич облекает эту внешнюю видимость национального единства в более реалистичную перспективу в своих мемуарах: «Официально торжествовали, славословили революцию, кричали «ура» борцам за свободу, украшали себя бантами и ходили под красными знаменами. Все говорили «мы», «наша» революция, «наша» победа, «наша» свобода. Но в душе, в разговорах наедине ужасались, содрогались и чувствовали себя плененными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем». – *Станкевич В. В.* Воспоминания 1914–1919 гг. Л., 1926. С. 33.

3 Док. Фев. С. 420.

на удочки "всенародного братства" или единства "революционной демократии", в долю которой попали и петербургские промышленники и московские купцы»[1].

Царившая тогда атмосфера была странной смесью эйфории, неверия и тревоги. Она подталкивала рабочих в сторону осторожного союза с цензовым обществом. Трудно преувеличить состояние радости, охватившей рабочие массы, когда стало ясно, что революция победила. Участники событий описывали это как опьянение, как будто их несла непреодолимая сила. Рабочий-большевик завода «Нобель» Н. Толмачев писал своим родным в первые дни после победы революции: «*Со светлым праздником российского освобождения, дорогие. В эти дни общей амнистии амнистируйте и меня за преступное молчание. Захваченный революционным движением я ни о чем и ни о ком не думал, все и вся позабыл... Я как 22-го числа попал, идя на службу, в 20-тысячную демонстрацию, так и не мог опомниться до последних дней. Был, конечно, везде: на первых демонстрациях и во время стрельбы, и при восстании войск, потом вместе с солдатами в арсеналах Петропавловска тягал револьверы, винтовки, ездил на автомобиле арестовывать жандармов, был на митингах, на собраниях, говорил сам. В такие дни быть в стороне невозможно. И вот только на днях отрезвился. А попав в водоворот событий, делаешься щепкой, которую носит, вертит, крутит*»[2].

Работница резиновой фабрики «Треугольник» вспоминала свое возбужденное состояние, будто она воскресла: «*Я не могу выразить эту радость... Я считала себя пропавшей у хозяев на весь век. И вдруг воскресла, выросла. В эту ночь я надела русские сапоги и шапку мужа, рабочий пиджак, простилась с ребенком и ушла. Целых четыре дня, до второго марта, не являлась дома. Родные думали, что я убита...*»[3]

Большевикам и левым эсерам, понимавшим, что борьба в действительности лишь начиналась, оставалось только ждать отрезвления. «*Люди выражают состояние опьянения*

1 *Шляпников А.* Указ. соч. Т. I. С. 224.
2 *Бурджалов Е. Н.* Указ. соч. С. 380–381.
3 *Шабалин Б.* От февраля к октябрю – из истории завода «Красный Треугольник» // *Бастионы революции.* Т. I. С. 269.

от великого действия, которое свершилось, – писала А. М. Коллонтай В. И. Ленину и Н. К. Крупской, – *среди лихорадочной сутолоки, среди стремления создать, построить что-то новое, отличное от прежнего, слишком громко звучит нотка уже достигнутого торжества, будто дело сделано, закончено*»[1]. Левый эсер С. Мстиславский так описывал свое ощущение от заседания Совета 2 марта, на котором было ратифицировано соглашение о власти с думским комитетом: «*Самые чувствительные [из противников соглашения] воздержались говорить. Разве тут было место, на утрене, проповедать свое неверие? Не убеждать, а лишь затемнить человеческую радость, радость, которая для многих была первой… Я завидовал этим людям, которые верили, что все кончено, что революция свершилась – грянут последние выстрелы, и широким мощным потоком потечет совершенно новый образ жизни, и мы пожнем плоды февральского подвига…. Но ведь не отогнать было от сознания, что это не так, что впереди – еще далекий, тернистый путь… сквозь тенета противоречий, которых не разрубить так просто, с одного взмаха, как разрублен был первый узел – восстанием 27-го февраля*»[2].

Но союзу с цензовым обществом способствовали и царящие тогда неуверенность в прочности победы, и страх перед контрреволюцией и гражданской войной. Гарнизон столицы подчинялся Совету, но неизвестны были политические настроения в других местах и, в частности во фронтовых армейских частях. Шли слухи о движении в сторону столицы войск, лояльных старой власти. И войска действительно были вызваны, но, не дойдя до столицы, перешли на сторону революции[3]. Рафес так вспоминал об этом периоде: «*Уверенности в прочности не было ни в одном квартале огромного столичного города… Таково же было настроение и посторонних элементов, публики, которая при каждом выстреле бросалась в ворота*». В то же время страх не затемнял восторга: «*Не было трамваев в эти дни. Нам приходилось ходить версты, но утомления*

1 *Новый мир*, № 4, 1967. С. 237. Цит. по: *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 110.
2 *Мстиславский С.* Указ. соч. С. 65.
3 *Бурджалов Е.* Н. Указ. соч. С. 244–245.

никакого не чувствовалось. У всех был такой подъем, такое возбуждение, что расстояние не утомляло»[1].

На некоторых предприятиях из-за неуверенности в прочности победы рабочие неохотно соглашались становиться депутатами Совета. На текстильной фабрике Джеймса Бека 28 февраля общее собрание избрало прядильщика И. А. Тихонова, известного своей активностью еще с периода революции 1905 г. Но он со слезами на глазах умолял собравшихся отпустить его с миром, поскольку он женат и в 1906 г. уже пережил ссылку в родную Тверскую губернию. Если старый режим вернется, ему придется несладко. Он в конце концов согласился, но история повторилась при избрании его заместителя[2]. На фабрике Торнтона также никто не соглашался идти в депутаты. Наконец кто-то предложил избрать депутатами наиболее активных членов фабричного комитета, поскольку «они же все холостые»[3].

Одним из первых действий рабочих по возвращении на предприятия после революции было уничтожение «черного списка» Общества фабрикантов и заводчиков, куда были занесены фамилии рабочих-бузотеров, кого не следовало нанимать на работу. На фабрике Торнтона рабочие сожгли картотеку отдела кадров, несмотря на заверения директора, что карточки не имеют политического значения. Но рабочие, увидев рядом с фамилиями пометки на английском языке, ему не поверили.

Учитывая неуверенность в прочности победы, было важно сохранить цензовое общество на стороне революции или, по крайней мере, избежать его активного противодействия. Одно дело было свергнуть правительство в столице. Совсем другое было обеспечить поддержку крестьян и солдат по всей стране и наладить работу государственного и экономического аппарата страны. Рабочие не были готовы организовать это своими силами. Поэтому нужен был авторитет Думы.

Рабочий-большевик С. Скалов так объяснял, почему 27 февраля он повел группу восставших в Думу, а не на Финляндский вокзал для создания Временного революционного правительства, к чему призывала листовка его партии: «*Я считал, что*

1 *Рафес М.* Былое. С. 187.
2 *Перазич В.* Указ. соч. С. 23.
3 Там же. С. 19.

правильно поступил, когда не согласился идти на Финляндский, чтобы там группировать свои силы отдельно (а такие предложения были). Когда мы шли к Таврическому дворцу, на углу Шпалерной и Литейного проспекта мы увидели записочку, не помню, от какой организации она исходила, приглашавшую всех рабочих собраться на Финляндском вокзале. Такой самоизоляцией мы сразу противопоставили бы свои очень слабые организационные силы силам Государственной думы и тем самым развязали бы ей руки, давая ей полную свободу действий и самостоятельность на политическое руководство, которое могло быть чревато последствиями…

Идти против Думы 27 февраля 1917 года нам было нельзя, да и не с чем: мы были слишком организационно слабы, руководящие товарищи наши были в тюрьмах, ссылке, в эмиграции. Поэтому надо было идти в Думу, втянуть ее в революционный оборот… Нужно было создать революционный хаос, терроризовать всякую инициативу, направленную против революционных действий, а это можно было сделать, только находясь внутри самой Думы, заполнять, так сказать, все ее поры революционным бытием»[1].

Так же объяснял один делегат Первой городской конференции большевиков 14 апреля, почему представители цензового общества оказались у власти: «*Когда образовался Совет депутатов – тогда была выдвинута власть, но рабочие не считали возможным взять власть в свои руки… Правильно ли поступил Совет рабочих депутатов, отказавшись от власти? Я считаю, что да. Взять власть в свои руки было бы неудачной политикой, так как Петроград – не вся Россия. Там – в России другое соотношение сил. По своему удельному весу пролетариат в России не мог взять власть. Это вызвало бы контрреволюцию*».

Другой делегат вторил предыдущему: «*Когда пролетариат еще боялся взять власть в свои руки, в это время буржуазия забралась в Думу и стала издавать воззвания и принимать депутатов. Наши лучшие рабочие, боясь контрреволюции,*

1 *Скалов С.* 27 февраля 1917 в Петербурге // *Красная новь*, 1931. Кн. 3. С. 118. Цит. по: *Бурджалов Е. Н.* Указ. соч. С. 203–204.

способствовали случайному составу Совета рабочих и солдатских депутатов.»[1].

Подобными аргументами меньшевики и эсеры убеждали рабочих поддержать Временное правительство, предупреждая, что разрыв общенационального единства через попытку отобрать власть у Временного правительства сыграет лишь на руку еще не полностью уничтоженным силам прошлого. Совет в любом случае не пользовался авторитетом у буржуазии, которая играла ведущую роль в экономической жизни при существовавшем уровне развития страны. «*Если бы Совет рабочих и солдатских депутатов взял власть,* – писала газета меньшевиков, – *эта власть была бы призрачной и сразу привела бы к гражданской войне*»[2]. Призрак гражданской войны был неотъемлемой чертой политического сознания рабочих в 1917 г. и оставался таковым еще в течение многих месяцев после Октября.

Стоит также подчеркнуть, что либеральная власть представлялась временной до созыва Учредительного собрания. Кроме того, в столице вооруженные силы подчинялись исключительно Совету, и это укрепляло убеждение, что Совет сможет эффективно контролировать Временное правительство.

Радикально настроенное меньшинство рабочих, сосредоточенное главным образом в Выборгском районе, подчинилось воле большинства. У них, как у всего пролетариата, было сильное стремление к единству, если не всего народа, то хотя бы трудящихся классов.

---

1 Первая петроградская. С. 13, 19.

2 *Рабочая газета,* 7 и 12 марта 1917 г. См. также: *Известия,* 2 марта 1917 г.

ГЛАВА 4
ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

Хотя рабочие в феврале не имели конкретного преставления о характере переходной власти до созыва Учредительного собрания, они вполне четко представляли те социальные преимущества, которые должна была им принести революция. В понимании рабочих демократические свободы были неразрывно связаны с улучшением их социально-экономического положения.

«*Разве [помогут одни только] политические свободы тому, чтобы [рабочие жили] по человечески?* – спрашивал рабочий-депутат 5 марта на заседании Петроградского Совета. – *[Необходимо] обеспечить минимальные [условия] человеческого существования. При старых условиях бесполезны свободы*»[1]. В концепции рабочих демократическая революция включала в себя три основные социальные реформы (кроме земельной реформы, предназначенной для крестьянства): восьмичасовой рабочий день, улучшение условий и вознаграждения труда, а также «демократизация» фабрично-заводской жизни.

По их мнению, эти требования являлись составной частью именно демократической революции, а не первыми шагами к свержению капитализма, как были склонны воспринимать их промышленники. Промышленники видели в рабочих стихийную, анархически настроенную силу, при первой возможности готовую пойти на социалистические эксперименты. Французский посол Ж. М. Палеолог вспоминал разговор с А. И. Путиловым, видным банкиром и промышленником, в июне 1915 г. Тот охарактеризовал грядущую революцию как «*ужасающую анархию, бесконечную анархию.., анархию на десять лет*»[2]. Страх перед необузданными массами во многом объясняет вялый, нерешительный характер оппозиции самодержавию даже в более либеральных кругах буржуазии. Выступая в марте 1917 г. на заседании

---

1 ЦГА СПб. Ф. 1000, оп. 73, д. 7. Цит. по: *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 58.

2 Цит. по: *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* Указ. соч. С. 487. *Речь*, 29 марта 1917 г.

Совета частных железных дорог, министр путей сообщения Н.В. Некрасов, известный среди либералов как «левый», пытался смягчить опасения собравшихся: «*Нет необходимости бояться того, что теперь начинают появляться социальные элементы. Следует, скорее, стремиться направить эти социальные элементы в правильную сторону... Существенным является рациональное сочетание социального момента с политическим, и ни в коем случае не отрицать социального момента, бояться его... То, что мы должны достичь, это не социальная революция, а избежание социальной революции через социальные реформы*»[1].

Первоначальная стратегия промышленников была именно таковой: идти на уступки с целью успокоения рабочих, чтобы выиграть время, пока не утихнет революционный энтузиазм масс. Но само выступление Некрасова указывает на расстояние, отделявшее хозяев от рабочих по «социальному вопросу».

До определенной степени позиция меньшевистско-эсеровского большинства Исполкома Совета в марте 1917 г. учитывала опасения предпринимателей. Эти умеренные социалисты предлагали рабочим отложить борьбу за социально-экономические реформы, пока демократическая революция не упрочится. Меньшевистская *Рабочая газета* об этом четко писала: «*Наша революция политическая. Мы уничтожаем бастионы политической власти, но основы капитализма остаются на месте. Борьба на двух фронтах – против Царя и против капитала – не в силах пролетариата. Мы не поднимем перчатку, которую бросают перед нами капиталисты. Экономическая борьба начнется, когда и как мы сочтем нужным*»[2].

Восьмичасовой рабочий день

Восьмичасовой рабочий день был многолетним требованием российского и мирового рабочего движения. Эту, как будто чисто экономическую реформу рабочие считали неотъемлемой частью демократической революции. Резолюция, принятая на конференции работников Артиллерийского ведомства в марте,

1 *Речь*, 29 марта 1917 г.
2 *Рабочая газета,* 7 марта 1917 г.

заявляла: «*Мы, рабочие, получили восьмичасовой рабочий день и другие свободы*»[1].

Вопрос о завершении общей забастовки был впервые поднят на заседании Совета 5 марта. Председатель Совета Чхеидзе в своем докладе объяснял депутатам, что, хотя царизм полностью еще не уничтожен, он достаточно подорван, чтобы рабочие могли вернуться на работу, но с пониманием, что при первой необходимости все снова выйдут на улицу. Он признал, что рабочие не могут продолжать существовать при старых условиях и пообещал, что Совет займется реформами, как только возобновится производство.

Доклад спровоцировал «страстные прения»[2], во время которых выступил ряд депутатов от рабочих и солдат. Первые настаивали на продолжении забастовки до тех пор, пока рабочие не добьются восьмичасового рабочего дня и улучшения своего материального положения. Один из делегатов-рабочих жаловался: «*Многие забыли о многих обещаниях. В прокламациях не говорят о давнем лозунге пролетариата – о 8-ми часовом рабочем дн*е». И он призвал Совет во имя мирового пролетариата принять решение о введении этой реформы[3].

Но депутаты от солдат, озабоченные снабжением армии, требовали незамедлительного окончания стачки. Результатом голосования было 1170 голосов за завершение забастовки и 30 – против. Некоторую роль в этом результате сыграло обещание лидеров Совета немедленно сформулировать требования и представить их хозяевам. Но больше всего повлияла обеспокоенность рабочих о союзе с солдатами.

Однако вскоре стало ясно, что решение Совета расходилось с преобладающим настроением на предприятиях. Один из агитаторов Совета докладывал: «*Когда я передал это постановление [о немедленном возобновлении работы] рабочим, то в душе чувствовал, что нам сделать это невозможно: рабочие не могут добыть свободу и не использовать ее для облегчения ярма труда, для борьбы с капиталом*»[4]. На ряде предприятий рабочие прямо отказались выполнить решение Совета, осуждая его

1 ЦГА СПб. Ф. 4591, оп. 1, д. 1, л. 26.
2 *Известия,* 6 марта 1917 г.
3 ЦГА СПб. Ф. 1000, оп. 73б, д. 7, лл. 10–11. Цит. по: *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 58.
4 *Правда*, 17 марта 1917 г.

антидемократический характер, постольку Совет предварительно не выяснил их мнения. 7 марта заседание организационного комитета Московского районного Совета постановило (за – 27, против – 10, при 2 воздержавшихся): «*Организационный комитет Московского района, принимая во внимание постановление Совета рабочих и солдатских депутатов о приступлении к работе немедленно, проведенное без предварительного обсуждения на местах самими рабочими и солдатами, нашел постановление Совета ошибочным и потому постановил отсрочить возобновление работы на два дня и немедленно же внести этот вопрос на пересмотр Совета. Кроме того, Совет Московского района нашел необходимым немедленно приступить к реорганизации Совета рабочих и солдатских депутатов*»[1]

На заводе Военно-врачебных заготовлений рабочие осудили постановление Совета как «преждевременное и самовластное» и приняли решение продолжать забастовку[2]. Когда на фабрике «Новая бумагопрядильня» механик, меньшевик-оборонец, высказался в пользу рабочего дня в десять с половиной часов во имя солидарности с союзниками – ведь надо думать о том, «*что скажут английские товарищи*», ему возразила одна работница: «*Мы столько жертв принесли, так неужели нам дожидаться указки из-за границы?*». Собрание постановило продолжать бастовать до введения восьмичасового рабочего дня[3]. Из 111 предприятий, о которых Петроградское общество заводчиков и фабрикантов имело сведения, лишь 28 возобновили свою работу к 7 марта – дате, назначенной Советом[4].

Решительнее всех возражали против решения Совета отнюдь не самые радикальные коллективы. 7 марта Петроградский комитет большевиков сообщал, что в Выборгском районе большинство предприятий – всего – 18 уже возобновили работу[5]. На заводе «Новый Лесснер» общее собрание проголосовало (около 7 тыс. – за, 6 – против) за прекращение забастовки, заявляя при этом, что считает решение Совета преждевременным. «*Но*

1 ЦГА СПб. Ф. 7384, оп. 9, д. 293, л.5; 7 марта 1917 г.
2 Док. Фев. С. 230.
3 *Перазич В.* Указ. соч. С. 32.
4 Док. Фев. С. 569–577.
5 Там же. С. 39.

в целях координации и единения всех революционных сил страны мы подчиняемся решению Совета рабочих и солдатских депутатов и заявляем, что по первому призыву представителей рабочих и солдатских депутатов мы кончаем работу для дальнейшей борьбы за основные лозунги пролетариата и крестьянства – за 8-часовой рабочий день, за демократическую республику и за конфискацию всех земель в пользу крестьян»[1].

Тут сказывалась дисциплина квалифицированных металлистов, которые сознательнее относились к необходимости сохранения единства рядов трудящихся классов, чем менее квалифицированные и еще полукрестьянские рабочие. Активность последних в экономической борьбе решительно контрастировала с их сравнительной инертностью в чисто политических делах. Но правда и то, что их нужда была намного больше. В отличие от завода Лесснера, на «Динамо» в Московском районе, в течение длительного времени бастионе эсеров, рабочие резко осудили Совет за его постановление и решительно отказались прекратить забастовку[2].

В конце концов рабочие большинства предприятий вняли призыву Совета, но лишь после того, как «явочным порядком» ввели восьмичасовой рабочий день, т.е. они самовольно прекращали работать по истечении восьми часов или же требовали повышенной оплаты за сверхурочное время. Заслушав доклады с предприятий, 8 марта Петроградский Совет заключил:

1. Что решение [Петроградского] Совета рабочих и солдатских депутатов о возобновлении работ встретило сильное сопротивление пролетариата Петроградской стороны, и что это решение проводилось в жизнь очень недружно.

2. Что возобновление работы в большинстве случаев сопровождалось введением восьмичасового рабочего дня и ряда других улучшений труда[3].

Всего несколько предприятий согласились пока отказаться от восьмичасового рабочего дня. На государственном заводе по производству труб «Промет» рабочие решили, что

1 *Правда,* 9 марта 1917 г.
2 ЦГА СПб. Ф. 7384, оп. 9, д. 293, л. 5.
3 Док. Фев. С. 231.

восьмичасовой рабочий день может быть введен не сразу, а постепенно[1]. Рабочие Невского машиностроительного и судостроительного завода решили не вводить эту реформу «*по обстоятельствам переживаемого момента*»[2]. Оба этих завода длительное время в 1917 г. были оплотами эсеров.

Вопрос о восьмичасовом рабочем дне окончательно решился 10 марта соглашением между Советом рабочих и солдатских депутатов и Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков о его введении. Но хозяева посчитали достигнутое соглашение лишь временной уступкой, надеясь впоследствии ее отобрать. Это стало ясно 16 марта на совещании министра торговли и промышленности А. И. Коновалова и представителей фирм, размещенных в Петрограде. Совещание не смогло приступить к обсуждению намеченной повестки дня из-за продолжительной дискуссии по введенной реформе. Председатель Общества Б. А. Эфрон категорично заявил, что «*Достигнутое в Петрограде соглашение является реальной уступкой для урегулирования рабочей жизни столицы, и сами рабочие считают, что в настоящих условиях эта уступка временная*». Он высказался против возможности сокращения рабочего дня до восьми часов, поскольку промышленники просто не могут себе позволить оплачивать сверхурочную работу в полтора раза дороже. Участники совещания, при одобрении министра Коновалова, постановили, что введение восьмичасового рабочего дня является преждевременным и что «*к решению этого вопроса надо подходить очень осторожно*»[3].

Передовая статья *Рабочей газеты* от 10 марта, выражавшая позицию меньшевистско-эсеровского большинства Совета, предостерегала рабочих против требования восьмичасового рабочего дня, напоминая, как оно отпугнуло буржуазию от революции в 1905 г. Промышленники отреагировали тогда на это требование скоординированным с государственными предприятиями локаутом, нанеся сильнейший удар по рабочему движению

---

1 *Известия,* 10 марта 1917 г. Однако уже 17 марта общее собрание решило, что сверхурочной работы не будет, поскольку это противоречило бы установлению восьмичасового рабочего дня. – Док. Фев. С. 511.

2 ЦГА СПб. Ф. 1000, оп. 73, д. 9, л. 7–18. Цит. по: *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 61.

3 *Торгово-промышленная газета,* 17 марта 1917 г.

и революции. Поэтому, советовала газета, следует консолидировать демократическую революцию, прежде чем приступать к экономической борьбе.

Действия большинства рабочих Петрограда показали, что они отвергали эту позицию. В их глазах революция, лишенная социального содержания, даже как временная тактика для закрепления политического союза с имущими классами, не стоила свеч. По этому вопросу рабочие были с самого начала ближе к большевикам, хотя те были в меньшинстве. Большевики призывали Совет рабочих и солдатских депутатов немедленно провозгласить восьмичасовой рабочий день[1].

Заработная плата

Рабочие ожидали от революции улучшения жизненного уровня. Они считали, что они должны «*жить как это достойно рабочего и свободного гражданина*», писал в марте 1917 г. журнал профсоюза текстильщиков[2]. «*Условия хищнической эксплуатации, которые существовали в крепостной России, не могут существовать в новой России*», заявлял Невский районный Совет[3]. Хотя само введение восьмичасового рабочего дня повысило почасовую оплату на 20–28%, это не могло удовлетворить рабочих, доход которых оказался сильно подорван инфляцией военного времени. 10 марта, спустя неделю после заключения соглашения с Советом рабочих и солдатских депутатов, Петроградское общество фабрикантов и заводчиков отмечало, что соглашение не успокоило рабочих, выдвигавших новые требования и в первую очередь касающиеся заработной платы[4].

По данным промышленной и профессиональной переписи 1918 г., на 28 петроградских заводах, непрерывно работавших в период 1913–1917 гг., средняя номинальная зарплата между 1913 и 1916 гг. возросла на 120%. Но в соответствии с подсчетами экономиста С. Г. Струмилина, средняя реальная зарплата

1 Первый легальный ПК. С. 27–28.
2 *Текстильный рабочий*, № 2, 1917.
3 Цит. по: *Селицкий В. И.* Петроградские массы в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. // История рабочих Ленинграда. Вып. 11. Л., 1963. С. 17.
4 *Волобуев П. В.* Указ. соч. С. 126.

в январе 1916 г. представляла лишь 84% от довоенной средней, а в феврале 1917 г. – лишь 55%[1]. По расчетам рабочих организаций в 1917 г., изначально не встретивших возражений со стороны Петроградского общества фабрикантов и заводчиков, стоимость жизни с начала войны возросла в четыре раза. На этой основе историк П. В. Волобуев заключал, что, несмотря на то, что номинальная зарплата возросла за это время почти в три раза, реальная зарплата упала в среднем на 25–30%[2].

Но это были лишь средние цифры. Согласно данным промышленников, неквалифицированные рабочие-мужчины в феврале–марте 1917 г. зарабатывали 2,25–3,5 руб. в день. Представитель собственника завода «Лангезипен» признавал в марте, что жить «*на три рубля [75 руб. в месяц] является уже делом чрезвычайной изобретательности*»[3]. Положение неквалифицированных рабочих было самым бедственным, и они особенно настойчиво требовали повышения зарплаты. Петров, депутат от резиновой фабрики «Треугольник», на которой работало 10 133 женщины и 5 205 мужчин[4], докладывал Петроградскому Совету 20 марта: «*Условия труда у нас очень скверные – оплата не соответствует качеству труда. Женщины получали 1,35 руб. в день – большинство замужем и солдатки, и трудно на это жить. Мужчины получали 2,40 руб. – очень мало. Во время революции мы выдвинули требования, и администрация, казалось, была готова идти на уступки. Но зарплата не стала лучше. Женщины – 2,35, а мужчины – 3,35… Теперь я хотел бы, товарищи, чтобы Совет рабочих депутатов обратился в Исполнительный комитет, чтобы он неминуемо занялся разработкой экономической реформы. Товарищи, дальше так жить нельзя. Инфляция страшная, и семейный человек не может жить на 3,35 руб. Чтобы успокоить рабочих нам пришлось им сказать, что экономическая реформа разрабатывается. Но я не знаю, правда это или нет*»[5].

1 *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. Вопросы труда, 1925. С. 488. Цит. по: *Волобуев П.* В. Указ. соч. С. 90.

2 *Волобуев П. В.* Указ. соч. С. 91.

3 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. ПОФЗ, оп. 1, д. 21, л. 11. Цит. по: *Волобуев П. В.* Указ. соч. С. 91

4 Эк. пол. Т. I. С. 45.

5 ЦГА СПб. Ф. 1000, оп. 73, д. 16, л. 4.

Для рабочих Путиловской верфи существовала особая связь между требованием повышения зарплаты и революцией. Депутат от этого завода объяснял: «*Со дня на день экономическое положение становилось все хуже и хуже, жить прямо невозможно. И вот в начале этой революции, а именно в половине февраля, рабочие с верфи прямо до того доголодались, что не стало сил. Они предъявили экономические требования, т.е. решили выступить на борьбу и сказали: отстоим во что бы то ни стало, так жить дальше нельзя. Но вдруг оказалось, что на борьбу выступил весь Петроград... Правительство было свергнуто. Перед нами вопрос: становиться ли на работу или продолжать забастовку. Совет рабочих и солдатских депутатов дал наказ, что мы должны приступить к работе. Мы подчинились и заодно предъявили требования*»[1].

У тех, у кого зарплата была очень низкой, настроение было особенно беспокойное. Депутат-большевик от государственного Адмиралтейского судостроительного завода сообщал: «*Вы знаете, какая там стоит анархия; вы знаете, как там были зажаты рабочие до сих пор, и вот, добившиеся некоторых политических свобод, они теперь проявляют их вовсю... Имеют ли рабочие основу волноваться? Да. На Адмиралтейском судостроительном заводе добрая половина рабочих работают за плату 1 руб. 18 коп. в сутки за восемь часов. Несомненно, что на этот заработок жить никто не может, и, следовательно, чтобы просуществовать, они вынуждены работать по 16 часов в сутки, и до такой степени уже истощены и изнурены, что день ото дня они готовы покинуть дело. Во время войны они бастовали уже по два раза, и уже многих более передовых товарищей послали на позиции, и теперь готовятся третий раз*»[2].

Все выступавшие делегаты от предприятий просили одного: установления официальной минимальной зарплаты. В заключение депутат от Путиловской верфи заявил: «*И теперь обязанность Совета рабочих и солдатских депутатов войти в наше положение и пересмотреть все наши расценки, переработать их и создать нам сносное существование, а не удивляться, что*

1 Там же, ll. 9–10.
2 Там же, ll. 26–8.

мы предъявляем такие требования. И вот, мы желаем, чтобы комиссия, которая будет избрана здесь, обследовала положение и вошла в переговоры с администрацией, которая заодно с предпринимателями под флагом патриотизма раздевала рабочих, так как они все думали, что рабочий только и создан для того, чтобы пить из него по каплям кровь и выжимать все соки, а потом, как ненужную вещь, выбросить за борт. Теперь, товарищи, не так: когда рабочие проснулись от трудового сна, они требуют справедливой оплаты и предъявляют справедливые требования, а предприниматели кричат: "Караул, нас грабят!" Товарищи, вы, вероятно, не разделяете их ужас, вы входите в положение всех рабочих и вы, вероятно, скажете им: "Нет, вы гнули рабочих, вы обирали их, а впредь вы должны заплатить им только то, сколько их труд стоит"»[1].

Февральские дни, закончившиеся низвержением самодержавия, были не только политическим выступлением рабочих против самодержавия. Одновременно они были экономической забастовкой. Это сочетание экономических и политических требований явилось прямым продолжением духа рабочего движения 1912–1914 гг., когда бастующие включали в списки претензий экономические и политические требования. Самым ярким выражением этого сочетания было распространенное тогда требование «вежливого обращения», чтобы начальство обращалось к рабочим «на вы». Довоенный министр торговли и промышленности В. И. Тимирязев не ошибался, когда высказал мнение, что это – политическое требование, хотя оно было обращено к заводоуправлению[2].

Как только в начале марта рабочие вернулись на предприятия, они выдвинули требования по зарплате. И как отмечалось выше, по этому вопросу неквалифицированные рабочие были особенно по-боевому настроены. 9 марта на трикотажной фабрике Керстена (2193 женщины и 335 мужчин), где зарплата даже по меркам текстильной промышленности была совсем мизерной, около 2 тыс. рабочих, собравшись во дворе на митинг, приняли следующие требования:

1 Там же, l. 11.
2 *Клейнборт Л. М.* Указ. соч. С. 76–79.

1) немедленное увольнение заведующего трикотажным производством, который «*не соответствует своему назначению, грубо обращается с работницами*»;
2) немедленное введение восьмичасового рабочего дня и общее повышение заработной платы на 50% до пересмотра расценок;
3) немедленная оплата дней революции до 7 марта;
4) выплата зарплаты каждые две недели;
5) продажа рабочим по себестоимости в ограниченных количествах забракованной продукции;
6) сверхурочная работа оплачивается по полуторной ставке и носит добровольный характер;
7) право на проведение собраний без разрешения и без присутствия мастера или других представителей администрации.

Собрание постановило тут же объявить экономическую забастовку и не возвращаться на работу, пока все требования не будут полностью выполнены. Производство на фабрике возобновилось только 15 марта – после того, как большинство требований рабочих было удовлетворено[1].

На обувной фабрике «Скороход» (3 242 женщины из 4 900 работников) приступили к работе 10 марта после того, как администрация обещала быстро дать ответ на экономические требования рабочих. Средняя зарплата на фабрике до революции была 5,72 руб. для мужчин и 2,95 руб. для женщин. Рабочие требовали теперь 10 и 7 руб. соответственно и снабжения производственными материалами исключительно за счет работодателя. Администрация согласилась лишь на 20-процентное повышение и отказалась поставлять материалы за свой счет. Конфликт был тогда же передан в примирительную камеру, но и там стороны не смогли придти к соглашению. Тогда администрация предложила повысить зарплату еще на 20% и перечислить 10 тыс. руб. в фонд профсоюза кожевенников. Большинство рабочих-делегатов примирительной камеры склонны были принять это предложение, но сами рабочие и слышать этого не хотели. 20 марта возмущенные 500 чел. собрались перед кабинетом директора и заявили, что не уйдут, пока их требования не будут полностью

1 *Сукновалов А. Е. и др.* Указ. соч. С. 63.

удовлетворены. Директору пришлось связаться с Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков, там дали согласие на удовлетворение требований[1].

Таким образом, и по вопросу заработной платы рабочие не были настроены идти на уступки. Призывы умеренных социалистов к осторожности, дабы не отпугнуть буржуазию, не принимались во внимание. Рабочие считали, что это они, а не буржуазия страдали при старой власти; они, а не буржуазия, сделали революцию. Поэтому пусть буржуазия проявит добрую волю и пойдет на уступки.

Кампания в буржуазной прессе против «эгоизма» рабочих

Политический союз, о котором рабочие проявляли настоящую заботу, был союз рабочего класса с солдатами и крестьянами. Солдаты в подавляющем большинстве были молодыми крестьянами, причем самым образованным и политически сознательным элементом этого класса. Вскоре после Февральской революции настала проверка прочности этого союза. Во второй половине марта «буржуазная» (несоциалистическая) пресса и в первую очередь кадетские либеральные газеты – *Речь* и *Русская Воля* стали обвинять рабочих в преследовании эгоистичных интересов в ущерб обороне страны.

Рабочие сразу поняли, что таким образом буржуазия стремилась столкнуть солдат с рабочими, и, естественно, встревожились. На многих предприятиях заявили о своей готовности работать сверхурочно, невзирая на восьмичасовой рабочий день. Рабочие машиностроительного завода «Старый Парвиайнен» в Выборгском районе, еще в апреле требовавшие передачи власти Советам, заявили: «*Учитывая серьезность текущего момента, мы считаем необходимым выполнять работу вовсю. Никакого манкирования или чрезмерных требований заработной платы. В то же время, мы должны сказать, что социально-экономические недостатки, например, отсутствие сырья, являются серьезным тормозом*»[2].

1 *Смирнов А.* Указ. соч. С. 24–26.
2 *Известия,* 24 марта 1917 г.

Аналогичные резолюции принимались на большинстве заводах. В отчете о деятельности Петроградского патронного завода, подготовленном в конце марта специально для солдат 25-го пехотного полка, сообщалось, что производство с февраля снизилось на 2,5%, но что это было неизбежное, временное явление в связи с революционными событиями. Далее в отчете говорилось: «*Рабочие Петроградского патронного завода, как истинные патриоты своей родины, переживающей тяжелую войну, а также дорожащие добытой свободой по неоднократном обсуждении вопроса о работах на общих собраниях в опровержение ложных слухов, распространяемых неизвестно кем с провокационными целями, уполномочили временный исполнительный комитет [завком] заявить, что признавая как основу 8-часовой рабочий день, рабочие, тем не менее, в осознании грядущей опасности, всемерно стараясь поддержать своих братьев-солдат на фронте, вместе с рабочими завоевавшими свободу внутри России, которую рабочие охраняют всеми силами, будут беспрекословно, если потребуется, работать и сверх восьми часов – до двенадцати, а если нужно, то и более; но рабочие ни в каком случае не могут брать на себя ответственность за то, если работа будет останавливаться за недостатком топлива, металлов и иных материалов или по другим причинам, от рабочих не зависящим. Темные наветы на рабочих идут со стороны приспешников старой власти, желающих разъединения рабочих и солдат, желающих погубить добытую нашей кровью свободу*»[1].

Вскоре резолюции рабочих собраний стали прямо разоблачать эти «темные силы». Обращением «Товарищи солдаты!» начиналась резолюция заводского комитета машиностроительного завода «Айваз»: «*До нас, рабочих, доходят слухи, что кто-то распространяет клевету, будто рабочие лишь о том теперь помышляют, чтобы увеличить свой заработок, и, пренебрегая изготовлением снарядов, бастуют.*

Мы молчали, пока думали, что это досужие люди языками треплют. Но теперь мы видим, что этим способом испугавшиеся за свою землю помещики и оберегающие свои барыши

1 ЦГА СПб. Ф. 4602, оп. 1, д. 3, лл. 83–84.

[капиталисты] хотят посеять среди нас рознь, хотят ослабить тот союз солдат и рабочих, которые плечом к плечу свергли самовластие и поставили на демократический путь жизнь России.

Товарищи! Враги демократии сеют рознь среди нас, так как их пугает сплоченная сила солдат и рабочих в лице Совета рабочих и солдатских депутатов. Заявляйте же всем клеветникам, вы, ушедшие в казармы из наших рядов от станка и молотка, и вы, все сознательные солдаты, что сознательные рабочие прилагают все силы к тому, чтобы работа на оборону шла полным ходом... На нашем заводе пять тысяч человек – и все за работой. Мы, рабочие, не знаем такого завода в Петрограде, который бы теперь бастовал»[1].

Кампания буржуазной прессы в конечном итоге провалилась и до определенной степени даже способствовала укреплению союза рабочих и солдат. 11 апреля *Известия*, обращаясь к этой прессе, заявляли: «*Вы стараетесь нас пугать призраком гражданской войны, но это вы ее начали*»[2]. Позорное фиаско кампании еще не было началом гражданской войны, но, безусловно, оно явилось концом «медового месяца» революции. Вместе с тем, кампания имела побочный эффект, усиливая подозрения рабочих в отношении добросовестности администрации предприятий, когда возникали проблемы, тормозящие производство.

В своей реакции на шельмующую кампанию буржуазной прессы рабочие проявили впечатляющую степень политической зрелости. Они показали, что отнюдь не являются темной, бессознательной массой, заинтересованной лишь урвать себе как можно больший кусок. Они прекрасно понимали все значение своего политического союза с солдатами и ради него – но не ради союза с имущими классами – были готовы идти на жертвы.

Данные о производительности труда после Февральской революции показывают, что в действительности она росла, несмотря на перебои из-за революционных событий и продолжавшиеся проблемы снабжения. Видный промышленник и член ЦК партии кадетов Н. Н. Кутлер замечал некоторый «порыв к труду»

1 *Правда,* 29 марта 1917 г.
2 *Известия*, 11 апреля 1917 г.

после Февральской революции[1]. На конференции представителей рабочих и администрации заводов Артиллерийского ведомства в начале апреля 1917 г. сообщалось, что производительность труда росла там, где администрация решала проблемы со снабжением. На Патронном заводе уровень производства упал всего на 2%, несмотря на то, что в Февральские дни почти весь управленческий персонал бежал. На Охтинском пороховом заводе производство держалось на уровне 900 пудов, а брак составлял лишь 15%, тогда как до революции норма была 800 пудов с 30% брака. На Орудийном заводе производительность увеличилась на 28%; на Оптическом – на 11%; на Трубочном сохранялся прежний уровень производства; а Сестрорецкий оружейный завод производил 600 винтовок в день вместо 450 до революции. На конференции рабочие подвергли деятельность управленческих органов на предприятиях резкой критике, особенно досталось администрации Артиллерийского ведомства за плохое ведение дел. Рабочие-делегаты потребовали ее замены[2]. В конце марта Петроградский комитет средней и мелкой промышленности подтверждал, что «*на многих мелких предприятиях Петрограда производительность труда не только не понизилась, но даже повысилась, несмотря на введение 8-часового рабочего дня*»[3]. А в середине апреля директор Шлиссельбургского порохового завода сообщил министерству торговли и промышленности, что, хотя первая неделя по многим причинам была трудной, но впоследствии производство шло более или менее удовлетворительно: «*Рабочие вполне сознательно понимали конъюнктуру момента и активно работали над повышением производства*»[4].

Рабочая газета сообщила итоги расследований, проведенных делегациями от солдат, приехавшими с фронта: на некоторых предприятиях производительность возросла; на других она снизилась, но это случалось в связи с отсутствием топлива и материалов, а не по вине рабочих[5].

1 *Волобуев П. В.* Указ. соч. С. 157.
2 ЦГА СПб. Ф. 4601, оп. 1, д. 10, л. 33.
3 *Волобуев П. В.* Указ. соч. С. 157.
4 Док. апр. С. 468.
5 *Рабочая газета,* 7 и 16 апреля 1917 г.

«Демократизация» на предприятиях

Демократическая революция в понимании рабочих должна была положить конец «самодержавному режиму» на предприятиях и демократизировать заводскую жизнь. Это прежде всего означало устранение самых ненавистных порядков и лиц, унаследованных от старого режима, при котором заводские администрации и репрессивный аппарат государства тесно сотрудничали. При старой власти служащие заводоуправлений зачастую выполняли роль полицейских осведомителей, а полиция и войска – особенно отличались казачьи отряды – активно участвовали в подавлении забастовок.

Во время войны это сотрудничество эволюционировало дальше в сторону репрессий: на любой протест рабочих администраторы часто отвечали угрозой отправки на фронт или в тюрьму. Полицейские и армейские части нередко размещались близ предприятий, иногда даже внутри них для «поддержания порядка».

Исследование забастовочного движения, проведенное летом 1916 г. левыми фракциями Государственной думы, особенно подчеркивало это обстоятельство: «*Забастовка обычно кончается локаутом, причем локаут происходит при ближайшем участии и ближайшей поддержке как гражданских, так и военных властей... Лишь только завод закрывается, военные власти немедленно начинают брать рабочих в войска. Например, на Путиловском заводе несколько сотен молодых рабочих были отправлены в дисциплинарные батальоны... [На этот завод] за неимением рабочих посылают солдат и часто не специалистов... На Балтийском, Обуховском и других заводах в последнее время все чаще насчитываются случаи отправки вольных рабочих, нередко по возрасту не подлежащих призыву в войска, нередко рабочих 42–45 лет – в военно-морские казармы, куда они заключаются на разные сроки, причем, иногда сидят на хлебе и воде.*

Указанное вмешательство военных властей в пользу предпринимателей, характерное для экономического движения рабочих во время войны, ни в какой мере не ослабило старое, традиционное регулирование конфликтов между трудом и капиталом, которым исстари занимаются у нас гражданские власти.

Все конфликты последнего времени сопровождаются непрерывными репрессиями. Обыски и аресты ни на один день не прекращаются. Рабочие боятся избирать представителей из-за страха потерять своих лучших людей...

Чувствуя у себя за спиной военные и гражданские власти, предприниматели особенно уверенно и спокойно ведут исключительно дерзкую, вызывающую политику по отношению к рабочим... Предприниматели во время войны пользуются “военными методами” порабощения рабочих. Самым сильным орудием в их руках является воспрещение военнообязанным рабочим права свободного перехода с предприятия на предприятие... Угроза фронтом – последнее слово предпринимательской тактики – угроза, которую они, в конце концов, охотно реализуют, превращая фронт в место ссылки и каторги»[1].

Демократическая революция должна была смести этот деспотический абсолютизм. Еще в 1912 г. Петроградское общество фабрикантов и заводчиков внесло поправку в свой устав, запрещавшую любую форму постоянного выборного представительства рабочих на предприятиях[2]. Во время войны это правило применялось еще строже. Но вот теперь, когда свершилась демократическая революция и рабочие стали равноправными гражданами с начальниками, рабочие хотели оставаться гражданами и на работе. Они не думали лишать заводские администрации их прерогатив в технической и финансовой деятельности предприятий. Но они требовали для себя, по крайней мере, равного голоса с административными органами в регулировании условий своего труда, так называемого «внутреннего распорядка» предприятия. Лишь на государственных предприятиях, где начальники в прямом смысле слова были слугами старого режима, рабочие сначала требовали для себя куда большей власти, но вскоре от этого отказались.

В то же время Февральская революция пробудила у рабочих определенное чувство ответственности за производственный процесс. Отчасти здесь находило выражение новое чувство гражданственности. Но больше всего рабочие беспокоились за судьбу революции. По мере развития дальнейшей политической

1 *Флеер М. Г.* Указ. соч. С. 298–304.
2 *Крузе Е. Е.* Петербургские рабочие 1912–1914 гг. М. – Л., 1961. С. 99

ситуации рабочие стали подозревать заводские администрации в недобросовестном управлении предприятиями.

• *Чистка администраций*

Вернувшись на предприятия после Февральских дней, рабочие принялись за чистку администраций от нежелательных элементов. Например, первое же собрание рабочих снаряжательного цеха Патронного завода единогласно решило «*отфильтровать начальство от мастера до генерала*»[1]. Порой такие мероприятия принимали драматический характер. После разбора недостатков и достоинств обсуждаемого администратора рабочие проводили голосование: если большинство голосовало против, то ему набрасывали мешок на голову и вывозили на тачке за ворота завода. Такая унизительная расправа, которую осуждали более сознательные рабочие, была знаком особенного позора. На Путиловском заводе в течение трех дней было удалено 40 служащих администрации – многих из них вывезли на тачках[2].

На текстильных фабриках работницы были склонны проявлять больше великодушия. Вот довольно типичный случай: в начале марта работницы фабрики Торнтона собрались в одном из цехов и вызывали по очереди мастеров, требуя от них отчета. Толпа выкрикивала: «Мастер такого-то цеха на стол!», и того выталкивали вперед. Обливаясь потом, тот отчаянно оправдывал свое поведение, утверждая обычно, что он всего лишь передавал распоряжения, поступающие сверху. После обещания исправить свое поведение, его отпускали. Мастера-англичане при этом особенно страдали, поскольку они с трудом понимали, чего от них хотят. В отношении 30 полицейских, находившихся на содержании предприятия, и членов администрации, известных рабочим своими контрреволюционными взглядами, решено было отвести их в районный участок полиции, несмотря на настоятельное требование определенной части рабочих задать им порядочную трепку[3].

1 ЦГА СПб. Ф. 4602, оп. 7, д. 7, л.68.

2 *Мительман М. и др*. Указ. соч. С. 567. См. также: *Сергеев Н. С.* Металлисты – история ленинградского металлического завода им. XXII съезда КПСС. Л., 1967. С. 374.

3 *Перазич В.* Указ. соч. С. 20.

По мере охлаждения пыла, особенно среди более организованных коллективов металлообрабатывающей отрасли, процесс административных чисток становился более упорядоченным. На крупных предприятиях рабочие собирались по цехам и составляли списки нежелательных лиц, которые затем передавались на утверждение завкому[1]. Это не были стихийные, «анархистские» бунты против любого авторитета. Здесь заботились о серьезном обосновании обвинения и взвешенных доказательствах. Например, 9 марта рабочие модельного цеха Балтийского судостроительного завода проголосовали 56 – за, 23 – против при 3 воздержавшихся за увольнение начальника цеха Садова. Но на следующем собрании два дня спустя Садову дали возможность объясниться, и его дело было пересмотрено. В результате, голосованием 46 – за, 12 – против при 7 воздержавшихся было решено его оставить[2]. Однако после того как факты были взвешены и окончательное решение было принято, рабочие твердо отказывались принимать обратно уволенных, даже в тех случаях, когда примирительная камера решала в пользу администратора[3].

Приведенные мотивы увольнения администраторов проливают свет на представления рабочих о том, какие изменения должна была внести революция на предприятиях. Вот как общее собрание цеха подводных лодок Балтийского судостроительного завода обсуждало дело «мастера Стесюры и его деятельности при старом режиме»: «*Первым был поставлен вопрос политический, а для обвинения по этому вопросу никаких данных не оказалось. Вторым вопросом было поставлено, эксплуатировал ли он труд. Общее собрание рассмотрело и этот вопрос, и результат получился такой, что он любил нажимать на работу, но вместе с тем он оплачивал труд выше других администраторов. Третьим вопросом было поставлено, способен ли он для дела по своему назначению. Мы рассмотрели этот вопрос с того момента, когда строилась лодка "Барс", и недоразумений крупных, а также порчи работы с его*

1 См.: *Сергеев Н. С.* Указ соч. С. 374; *Михайлов М.* Рабочие завода Барановского в борьбе за Октябрь. // *Красная летопись*, №№ 50–51, 1932. С. 189.

2 ЦГА СПб. Ф. 416, оп. 25, д. 5, л. 2–3.

3 См. например: *Сергеев Н. С.* Указ. соч.; ЦГА СПб. Ф. 4601, оп. 1, д. 10, л. 33.

стороны не было, и нашли, что три главных вопроса для него оправдательны»[1].

Наиболее простым был политический вопрос. Например, рабочие цеха по производству железных котлов того же завода так объясняли свое решение уволить начальника: «*Мы находим, что он выполнял скорее обязанности чисто полицейского администратора, чем мастера и заведующего цехом, желающего превратить вышеназванный цех в дом молчания или дисциплинарное отделение, где можно было, скрепя сердце, слышать его возражения "Отправлю на фронт! Употреблю военную власть!"Он отправил на фронт ... [названы фамилии четырех человек] и других. Из вышеизложенного видно его приверженство к старому режиму. К этому мы добавляем, что его снятие цеху вреда не причинило*»[2].

Второй вопрос, который обсуждался – «эксплуатация», был шире вопроса оплаты труда – сферы, в которой мастера широко пользовались своей произвольной властью до революции[3]. Обвинение в эксплуатации могло включать в себя любую форму жестокого обращения с рабочими и оскорбления их достоинства. В протоколах собраний часто упоминались «грубое отношение» к рабочим, нецензурная брань, произвольное наложение штрафов, назначение на чрезмерно тяжелую работу в качестве наказания и т.п.[4] Таким образом, обвинение в «эксплуатации» имело моральный аспект. По словам обвинителей, «бессознательная бесчувственная натура» мастера Морозова на Балтийском заводе «привыкла настаивать на своем, не понимая ничего... Нередко прибегал к оскорблениям, не считаясь с достоинством человека. Наносил ругань площадного содержания... Долой это тяжелое бремя наших угнетений!»[5]

Память об оскорблении их достоинства была у рабочих долгой. О мастере Волкове рабочие окрасочного цеха того же завода писали: «*Это главный виновник нашего гнета и унижения, переживаемого за последние годы... Вспомним первые дни его*

1 ЦГА СПб. л. 12. Так же цит. по: *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 72.
2 ЦГА СПб. Ф. 416, оп. 5, д. 30, л. 19.
3 *Шляпников А.* Указ. соч. Т. I. С. 11.
4 См.: *Сергеев Н. С.* Указ. соч. С. 379; Раб. кон. С. 45.
5 ЦГА СПб. Ф. 416, оп. 5, д. 30, лл. 67–68.

властвования. Конечно, не многие из нас это испытали. Но голос наших товарищей, над которыми он издевался, кричит нам и умоляет о мести. Товарищи! С первых же дней своей власти, когда он одел идиотские рукавицы насилия, он показал свою низкую душу. В 1909 г. много наших товарищей пострадало самолюбием, и благодаря его ухищрений они были выброшены с завода самым бесстыдным образом... С этого года началась эра наших угнетений. Он забыл 1905 год... С 1909 г. он начал свою позорную программу – сбил расценки до невозможных 8–9 к., не считаясь с условиями труда... Это уже мы все испытывали все время до последних дней произвола...»[1]

Обвинения против администраторов редко были однотипными. Следующая резолюция рабочего собрания ссылается одновременно на политические, экономические и нравственные грехи начальников: «*Мы – мастеровые клепально-чеканного цеха, на общем собрании единогласно постановили, что каждое административное лицо, которое получило приказание от нас немедленного удаления с завода, удаляется нами с тем, чтобы оно за предыдущую свою преступную деятельность и впредь не могло на завод поступить и потому просим, чтобы на этих лиц обратить особое внимание, ибо во главе цеха они были оплотом самодержавия, занимались исключительно угнетением наших товарищей. В дореволюционное время они вершили “судьбы” рабочего, многие наши товарищи за разговор по поводу только теперь торжествующей свободы были поставлены на суд к высшему начальству, каковое, немедленно рассчитывая их, сносилось с управлением воинского начальника для отправки их на позиции. Кроме сего, грубое обращение, низкие экономические расценки в пользу завода и наш потовой мизерно оплачиваемый по их вине кусок хлеба, по нашему общему мнению, являются для них тяжелыми обвинениями, вызывая в нас к ним не милосердие, а чувство крайнего презрения. На основании всего вышеизложенного просим Исполнительный комитет Балтийского завода немедленно выдать им расчет, ибо снисхождению здесь нет места*»[2].

1 ЦГА СПб. Ф. 416, оп. 5, д. 30, л.64.
2 Там же. Оп. 25, д. 5, л.6.

Другим видом обвинения была некомпетентность: «способен ли он для дела по своему назначению?». Оно редко выдвигалось в одиночку. Как правило, оно приводилось для подкрепления других обвинений – политических, экономических и моральных. Например, в резолюции одного собрания говорилось, что начальник отдела цеха Лященко был «*человек малосведущий в техническом понимании своего дела. Он проводил в цеху всего 2–3 часа в день, а иногда вообще не являлся*». Однако главным обвинением были «безмерная эксплуатация» и «жестокое обращение». До войны на любой обращенный к нему вопрос он отвечал угрозой тюрьмы, а во время войны – отправкой на фронт. Кроме того, он «*ввел шпионов среди рабочих и зорко следил средь своих посредственников, чтобы не было никакой организации кроме монархической*»[1]. Аналогичным образом общее собрание Первой электрической станции постановило устранить весь совет директоров как «*ставленников старого правительства, признавая вредность их с экономической и бесполезность с технической точек зрения*»[2].

• *Фабрично-заводские комитеты*

Если чистки административного персонала представляли разрушительную сторону демократизации жизни на предприятиях, положительная сторона выражалась в требовании внутренней автономии рабочих. Она должна была осуществляться через избранные ими фабрично-заводские комитеты.

Борьба за право избирать постоянных представителей имела долгую историю в рабочем движении, и, несмотря на конвенцию Петроградского общества фабрикантов и заводчиков, запрещающую постоянное представительство рабочих, на некоторых крупных предприятиях до Февральской революции более или менее открыто существовали «советы старост»[3]. Соглашение от 10 марта 1917 г. между Петроградским Советом и Обществом фабрикантов и заводчиков установило право рабочих избирать фабрично-заводские комитеты на промышленных предприятиях.

1 ЦГА СПб. Оп. 25, д. 5, л.155.
2 Раб. кон. С. 42.
3 *Шляпников А.* Указ. соч. Т. I. С. 167.

Вторая статья соглашения признавала за фабзавкомами следующие функции: (1) представлять рабочих в сношениях с правительством и государственными учреждениями; (2) выражать мнения рабочих по вопросам общественной и экономической жизни; (3) решать вопросы, связанные с отношениями между самими рабочими; и (4) представлять интересы рабочих перед администрацией и хозяевами по вопросам, касающимся их взаимоотношений[1].

Превышение согласованных полномочий касалось в основном третьего пункта, сформулированного довольно расплывчато. Рабочие требовали за собой право контроля над «внутренним распорядком» на предприятиях. В их понимании демократическая революция должна была установить «конституционный режим»[2] на предприятиях. Так, например, 13 марта временный комитет Радиотелеграфного завода подтвердил «необходимость создания постоянного заводского комитета, ведающего внутренней жизнью завода...». После доклада общему заводскому собранию Радиотелеграфного завода комитет постановил приступить к проработке 13 вопрсов:

1) Продолжительность рабочего дня
2) Минимальная рабочая плата
3) Оплата труда
4) Немедленная организация медицинской помощи
5) О страховании труда
6) Об учреждении кассы взаимопомощи
7) О приеме и увольнении
8) Разбор различных конфликтов
9) Дисциплина труда
10) Об отдыхе
11) Об охране завода
12) О продовольствии
13) Права, обязанности, избрание и существование заводского постоянного комитета[3]

1 *Известия,* 11 марта 1917 г. Попутно следует отметить политические функции, возложенные на фабрично-заводские комитеты, как описано во втором пункте. На самом деле комитеты регулярно созывали совещания по политическим вопросам, организовывали рабочие дружины и руководили рабочими в их политических выступлениях.

2 *Маевский Е.* Указ. соч. С. 34.

3 ЦГА СПб. Ф. 4605, оп. 1. д. 15; см. также: Док. Фев. С. 491–492.

На машиностроительном заводе «Феникс» приняли решение о том, что в круг деятельности завкома входят охрана предприятия; регулирование зарплаты, норм и расценок; разрешение трудовых конфликтов; поставка продовольствия; здравоохранение и культурно-просветительная деятельность[1]. Собрание представителей 8 тыс. рабочих восьми табачных фабрик выработало следующий список требований, которые, вместе взятые, резюмируют рабочую концепцию нового порядка на предприятиях. Помимо чисто денежных, к ним относились следующие требования:

2) *Отменить сверхурочные работы и производить их в каждом отдельном случае с разрешения центрального органа.*
3) *Уничтожить черную книгу предпринимателей [...].*
5) *Обязать администрацию к вежливому обращению с рабочими [...].*
7) *Обязать администрацию фабрики сноситься с рабочими через их представителей.*
8) *Удалить с фабрики нежелательные рабочим элементы.*
9) *Производить прием и увольнение рабочих только с согласия комитета рабочих.*
10) *Отменить обыски с тем, чтобы наблюдение за сохранностью материала было возложено на самих рабочих и их представителей [...].*
12) *Отменить штрафы, выбор мер воздействия возложить на фабричный комитет [...].*
20) *Выбирать старших на работах самими рабочими*[2].

Таким образом, с одной стороны, учреждение фабрично-заводских комитетов должно было устранить самые ненавистные практики дореволюционной администрации: произвольные увольнения; наем «чужих элементов», скрывавшихся от призыва; игра в любимчиков; произвольное назначение разрядов и оплаты; произвольное и деспотическое использование штрафов и т.д. Но другой стороной медали было коллективное присвоение рабочими ряда функций, выведенных из компетенции администрации. Вместе взятые эти функции составляли в понимании рабочих «внутренний распорядок» предприятия, контроль над которым должен был принадлежать им как свободным

1 *Борисов О., Васильев С.* Станкостроители имени Свердлова. Л., 1962. С. 80.
2 *Известия,* 11 марта 1917 г.

гражданам. Однако это не означало, что рабочие думали лишить администрацию власти в области управления техническими и финансовыми сторонами предприятия.

И все-таки такой потенциал существовал. Мотивы, выдвигавшиеся во время чисток административного персонала, указывают на то, что рабочие считали себя вправе принимать определенные меры, посягавшие на прерогативы администраторов, если те нарушали «конституционный режим» на предприятии или проявляли некомпетентность. На частных предприятиях требование «рабочего контроля» не поднималось, но уже виделись намеки того, что может ожидать впереди. В марте 1917 г. министр торговли и промышленности отмечал, что рабочие столицы «подозревают администрацию в задержке выработки изделий на оборону»[1]. В основе этих подозрений лежали сомнения в верности хозяев предприятий делу революции, поскольку в памяти рабочих было свежо долгое и тесное сотрудничество тех со старой властью. Никто не забыл, что локауты издавна были любимым средством хозяев в борьбе против рабочих. Только в первой половине 1914 г. в Петрограде они организовали три массовых локаута, в результате которых на улицу были выброшены 300 тыс. рабочих[2]. Хозяева прибегали к локаутам не только против экономических, но и против политических забастовок рабочих. Если после Февральской революции хозяева были лишены возможности открыто провести локаут, то для оправдания массовых сокращений ими мог быть использован искусственный спад производства.

22 марта на собрании делегатов предприятий Московского района столицы, созванном для обсуждения «кампании в буржуазной печати» против «эгоизма» рабочих, было решено предложить рабочим столицы: «*Созывать районные собрания для выяснения причин промышленной разрухи данного района, а потом общегородское собрание из представителей всех районов для выяснения и опубликования истинных причин промышленной разрухи и разоблачения тех, кто тормозит устранение этой разрухи*»[3]. Было совершенно ясно, о ком шла речь.

1 *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 82.
2 *Крузе Э.* Указ. соч. С. 328; *Балабанов М.* Указ. соч. С. 31.
3 *Правда,* 8 апреля 1917 г.

20 марта подобные подозрения высказывались на заседании Петроградского Совета. Делегат от Металлического завода докладывал: «*У нас поступают заявления о том, что хотя работа в некоторых мастерских есть, но неизвестно по каким причинам эту работу не пускают в ход. Говорят: очередь им не пришла – и мастерские стоят. Было у нас заседание старост, пришли к выводу, что выбрали из трех человек комиссию, которая расследовала, нет ли каких-либо злоупотреблений со стороны администрации в пользу старого режима или немцев и, если окажется, что работу можно пустить в ход, то немедленно потребовать от администрации, чтобы она была пущена. Может быть, администрация не будет подчиняться, то желательно, чтобы это исходило от Совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы немедленно была собрана такая комиссия по заводам всего Петрограда, как раньше было от Центрального военно-промышленного комитета. Правда, эта комиссия была буржуазная, и только маленькая группа входила туда от рабочих, но желательно, чтобы теперь такая комиссия была создана в виде контроля и была бы ревизия по всем заводам, чтобы убедиться, нет ли какого злоупотребления со стороны администрации в задержке работ. Верны ли заявления администрации, что у них нет металла, нет угля, нет нефти*»[1].

Это был уже, по сути, призыв к установлению контроля в качестве надзора над администрацией предприятий. В ноябре и в декабре 1905 г. рабочие еще не могли сформулировать такой ответ на массовый локаут, проведенный промышленниками совместно с властью. Тогда их творчество приняло другой, но тоже весьма оригинальный путь – создание совета безработных[2]. Здесь важно отметить, что первым импульсом у рабочих было требовать централизованного контроля со стороны Совета, а не введения контроля на местном уровне через фабрично-заводские комитеты. Это свидетельствует о том, что у истоков рабочего контроля стояли не анархические настроения, а сугубо практическая забота о состоянии производства, о сохранении рабочих мест и, в конечном итоге, о судьбе самой революции.

1 ЦГА СПб. Ф. 1000, оп. 73, д. 16, л.6.

2 См.: *Михайлов Н. В.* Совет безработных и рабочие Петербурга в 1906–1907 гг. СПб., 1998.

На том же заседании Совета один из депутатов рассказал, как его предприятие после революционных событий оказалось без сырья для продолжения производства. Рабочие искали его повсюду на заводе. Наконец через три дня они обнаружили небольшое количество жести в одном из цехов, что позволило возобновить работу. «*Но они [администрация] могли это сделать уже три дня тому назад, т.е. мы бы три дня с этим проработали, а они вместо того, чтобы озаботиться этим, просто по невнимательности или может быть с целью тормозить дело, не спросили в этом цехе... и не узнали, что есть там жесть. Такой общий недостаток является по их вине, что они не хотят позаботиться своевременно; ввиду этого я и желал бы вменить им в обязанность, чтобы они как следует следили за делом*»[1].

В этом случае мы снова видим заботу о производстве и обвинение заводской администрации в халатности или, быть может, в скрытом намерении сворачивания производства.

Еще в начале апреля появились первые отдельные случаи непосредственного вторжения фабрично-заводских комитетов в сферу администрации. Они возникали на основе сомнительной отгрузки сырья или готовой продукции. На заводе парусиновых изделий Кебке заводской комитет собрал рабочих и доложил им о положении дел в связи с остановкой производства. Собрание приняло решение обратиться в Совет с просьбой расследовать ситуацию. Завкомовцы были уверены, что производство искусственно тормозилось. Ведь начальство первоначально уверяло их, что заказов хватает на десять миллионов рублей, а запасов сырья, по меньшей мере, на целый год. Однако когда производство стало останавливаться, администрация отказалась говорить на эту тему с членами завкома. Между тем рабочие выяснили, что спешно упаковывается брезент и что погрузчикам предлагают премию за быструю работу. Заводской комитет начал расследовать происходящее, в ответ последовали лишь отговорки, что это является вопросом военной безопасности. Когда же прибыли грузовики, вместо подготовленного упакованного брезента, его принялись снимать непосредственно со станков. В сложившейся

1 ЦГА СПб. Ф. 1000, оп. 73, д. 16, л. 30.

ситуации завкомовцы решили запретить вывоз брезента и приостановили телефонную связь[1].

Несколько дней спустя, 7 апреля 1917 г., на заседании Петроградского общества фабрикантов и заводчиков, обсуждавшем случай на Кебке, представитель завода заявил, что администрация имела соответствующие документы от руководства военно-воздушных сил. Однако он не пояснил, почему документы не показали завкому. На заседании было отмечено, что подобные инциденты уже имели место на нескольких предприятиях, например, на Объединенных кабельных заводах и на кожевенном заводе Парамонова[2].

Но в этот период подобные случаи прямого вторжения в сферу управления происходили редко. Рабочее движение пока не выдвигало требования рабочего контроля за производством. Большевики до этого еще не додумались, а меньшевики и эсеры во главе Совета не могли приветствовать требование, способное отпугнуть буржуазию. Они считали, что поскольку Февральская революция являлась буржуазно-демократической, рабочие не имели права посягать на право собственности.

Такова была обстановка на частных предприятиях. На государственных заводах и фабриках рабочие в первое время после революции понимали свои взаимоотношения с администрацией иначе. На многих государственных предприятиях рабочие либо непосредственно брали на себя ответственность за управление через своих избранных представителей, либо отстаивали право на участие в управлении. Правда, этот период был недолгим. Всего через несколько недель они уже отказывались от этих претензий и полностью уступали администрации исполнительные полномочия, заявляя, что не берут на себя ответственность за производство. Они ограничивались требованием «контроля» в качестве права надзора над деятельностью администрации.

В этом отношении ход событий на Патронном заводе был довольно типичен. В мартовском отчете заводского комитета о состоянии дел, предназначенном для солдат 265-го пехотного полка, докладывалось: «*...По получении распоряжения от Совета рабочих и солдатских депутатов о возобновлении*

1 Раб. кон. С. 57.
2 Там же. С. 53, 58..

работ с 7 марта, утром 6 марта собрались на общее собрание и ввиду того, что высших чинов никого не было на заводе, а не знать об обращении Совета рабочих и солдатских депутатов о возобновлении работ на заводах они не могли, так как это обращение было напечатано в газетах, рабочие на общем собрании постановили: самостоятельно возобновить работы с 8 марта с.г.

На общем собрании 7 марта, при предварительном обсуждении вопроса по отдельным мастерским, большинство чинов завода решено было вновь на завод не принимать, работы же начать с утра 8 марта.

Для решения текущих, подчас весьма сложных и ответственных дел по заводу, был избран, путем представительства от мастерских, временный исполнительный комитет, который до сего времени и вел внутренний распорядок на заводе… После достигнутого соглашения рабочих с представителем Главного артиллерийского управления генералом Орловым о выборе заводской администрации и прибытии на завод выбранного рабочими начальника завода генерала-майора Доронина, последние трения будут ликвидированы… Временный исполнительный комитет Петроградского патронного завода, исполнив по его разумению возложенную на него задачу, ныне реорганизуется на новых началах, передав всю исполнительную власть администрации завода в лице выбранного рабочими начальника завода генерала-майора Доронина, оставляет за собой функции наблюдательно-совещательного органа»[1].

Взятие на себя рабочими функций управления представляется здесь как вынужденная мера. Отказ принять обратно старых администраторов может рассматриваться как утверждение рабочими своего права управлять самим, хотя следует учитывать, что уволенные администраторы в их глазах оставались слугами старой власти. Директор Охтинского порохового завода сообщал, что в первые дни после революции рабочие считали, что они «*должны и могут управлять всеми делами завода*»[2]. Завком Охтинского завода взрывчатых веществ извещал в это время, что

1 ЦГА СПб. Ф. 4602, оп. 1, д. 3, лл. 83–84. По поводу временной конституции фабрично-заводского комитета см.: Док. апр. С. 358–360.

2 Цит. по: *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 66.

«*ввиду новизны дела заводскому комитету некоторое время приходилось блуждать в своей работе, ибо им не были выяснены прямые задачи заводских комитетов, так, например: заводской комитет брал на себя не только контроль, но и обязанности заводоуправления. Подобное происходило, конечно, и на других предприятиях*». Однако после принятия в начале апреля Конференцией заводов Артиллерийского управления «Инструкции для заводских комитетов» завкомы ограничили свою деятельность ведением «внутреннего распорядка» и контролем[1].

Протоколы общего собрания рабочих и заводского комитета Адмиралтейского судостроительного завода проливают свет на причины этого отступления. Первоначально рабочие решили, что завком наделяется правом контроля. И они истолковали это право настолько широко, что включили сюда и прерогативу управлять заводом. Например, согласно наказу «технической комиссии» завкома та должна была заботиться о совершенствовании оборудования завода и его ремонте; определять условия для принятия и размещения заказов; решать вопросы, касающиеся размера и численности административного персонала и т.д. А «контрольно-финансовой комиссии» поручался контроль за движением заказов с момента поступления предложения, за передачей заказов другим предприятиям, за получением и расходованием средств и т.д. 15 марта комитету была дополнительно поручена функция покупки для завода инструментов, металла и т.п.[2]

Однако менее чем через две недели от принятия наказа завком решил ограничить свою деятельность лишь контролем «в смысле надзора» и правом удалять административный персонал через примирительную камеру. Общее собрание рабочих 7 апреля признало нежелательным избрание рабочими административного персонала[3]. 27 апреля председатель завкома объяснил рабочим причины отхода от принятых решений. Он начал с трудностей, с которыми столкнулся завком: «*ввиду сложности и неопределенности [ситуации], а также и того, что дело это является совершенно новым. При тех запутанных условиях, ко-*

1 Раб. кон. и нац. С. 178–179.
2 ЦГА СПб. Ф. 9391, оп. 7, д. 8, л. 7, 12.
3 Там же. л. 30.

торые существовали с образованием комитета, и трудностях приспособиться к учреждению и управлять, и контролировать, комитет был поставлен в положение двойственное, ибо, отдавая приказания соответствующим органам заводоуправления, тем самым ограничивал бы себя в широком контролировании и как стеснял инициативу начальника завода, так и нарушал бы стройность и планомерность исполнения. Практика и здравый смысл подсказали, что надо передать функции управления начальнику завода и, таким образом, соединить весь личный состав в одну цельную организацию. Комитет оставляет за собой полное право контроля всех действий, как начальника завода, так и отдельных лиц и учреждений заводоуправления через примирительную комиссию, а также инициативу реорганизации и сокращения штатов»[1].

Возможно, что некоторая часть рабочих государственных предприятий посчитала, что, поскольку произошла демократическая революция и государственные предприятия принадлежат народу, то народ или хотя бы работники этих предприятий должны ими управлять. Известно, что такое понимание было распространено на железных дорогах. Таняев вспоминает, что большинство железнодорожников считали Февральскую революцию народной и поэтому не могли ее представить без своего широкого и активного участия, в частности в сфере управления: «*70% железных дорог принадлежало царю. Он свергнут. Железные дороги теперь естественно принадлежат народу. Они должны быть вверены рабочим, как части народа. Такие идеи примитивной демократии были распространены среди железнодорожников*»[2]. Подобные идеи были распространены и среди работников Министерства почты и телеграфа. То есть применительно к этой социальной среде можно говорить об анархических настроениях[3].

Но в отличие от железнодорожников и работников почты и телеграфа, среди которых было много конторских служащих, рабочие государственных заводов вскоре пришли к выводу, что на данном этапе им нежелательно брать на себя функции управления, хотя бы потому, что они к этому не подготовлены

1 ЦГА СПб. Ф. 9391, оп. 1, д. 11, л.4.
2 *Таняев А.* Указ. соч. С. 53.
3 *Базилевич К.* Профессиональное движение работников связи. М., 1927. С. 40.

технически. Они решили, что рабочее управление – дело социализма, а до социализма еще далеко. Задача управления тем более усложнялась в условиях экономического кризиса, порожденного войной. В Положении о деятельности фабрично-заводских комитетов, принятом 15 апреля 1917 г. на Конференции государственных предприятий Петрограда, прямо говорилось: «*Не желая брать на себя ответственность за техническую и административную организацию производства в данных условиях до полной социализации общественного хозяйства, представители общезавкома входят в заводоуправление с правами только совещательного голоса*»[1].

Несмотря на отказ от управленческих функций, рабочие государственных предприятий занимали более радикальную позицию, чем рабочие частных предприятий, с самого начала требуя права контроля. Это требование не было реакцией на предполагаемые угрозы производству со стороны заводских администраций (хотя высший административный персонал многих государственных предприятий сбежал и скрылся с началом революции). На частных же предприятиях право контроля не выдвигалось в отсуствии угрозы производству.

Собственники предприятий противились любым попыткам вторжения рабочих в то, что они считали исключительными прерогативами начальства. Шестая статья Конвенции Петроградского общества фабрикантов и заводчиков 1912 г. обязывала промышленников бороться против любой формы вмешательства или посредничества со стороны профсоюзов или организаций за пределами завода. В седьмой статье говорилось, что «*в особенности не допускается вмешательство в прием и увольнение рабочих, в установление заработной платы и условия найма и выработку правил внутреннего порядка*»[2].

Конечно, без опоры на репрессивный аппарат самодержавия собственникам предприятий пришлось изменить свою позицию. Некоторые из них считали, исходя из западного опыта, что после революции лучше иметь дело с организованными рабочими в надежде, что организации будут сдерживать радикальные тенденции масс. 9 марта директор-распорядитель Невьянских горных

1 Док. апр. С. 383–385.
2 *Балабанов М.* Указ. соч. С. 38.

заводов писал из Петрограда своему управляющему заводами: «*Я считаю лишним на них [событиях февраля 1917 г.] останавливаться, укажу лишь, что первое действие беспримерной в истории народов российской революции носило чисто политический характер. На этой платформе возможно было то полное единодушие и единение всех слоев и масс русского народа, которое с такой головокружительной быстротой свергло в прах позорное старое правительство. Но теперь наступает второе действие, – а в этом действии выдвигается платформа социалистическая; конечно, на этой платформе единения нет и быть не может. Нет и сомнения, что под засилием социалистических идей и пропаганды на заводах возникнут многие эксцессы, главным образом, направленные в сторону участия рабочих масс в управлении делами.*

На [государственном] Ижорском заводе подобный эксцесс уже имел место и для управления заводом был избран Совет рабочих из 50 человек, в том числе 6 инженеров, который, устранив начальника завода адмирала Воскресенского, вступил в управление заводом. Совет продержался несколько дней, и теперь завод уже вернулся к нормальному управлению.

По этому поводу сегодня на закрытом заседании Совета съездов горнопромышленников Урала обменивались мнениями и пришли к заключению, чтобы идти навстречу всяким пожеланиям рабочих в смысле их организации (выбора старост, примирительных комиссий и проч.), но никоим образом не допускать вмешательства в управление заводом, и эту позицию необходимо твердо и настойчиво отстаивать»[1].

Предприниматели относились с той же мерой подозрения к намерениям рабочих в сфере производства, как рабочие к намерениям предпринимателей. На самом деле ни одна из социалистических партий, в том числе и большевистская, в это время не говорила о социализме даже в качестве среднесрочной цели. Позиция В. И. Ленина о природе революции в России, позиция, изменившаяся во время войны, не была широко известна в России до его возвращения в апреле 1917 г. И сами рабочие не считали, что социализм является целью революции в России.

1 Док. Фев. С. 479–480.

Хотя взгляды, выраженные в письме директора Невьянских заводов вполне либеральны в сравнении с Конвенцией 1912 г., рабочее понятие о «внутреннем распорядке», сфере, которой фабрично-заводские комитеты должны были «ведать», было намного шире того, что собственники готовы были допустить даже под влиянием совершившейся революции. В этом расхождении уже присутствовал потенциал восходящей спирали реакции и контрреакции. В дальнейшем этот потенциал многократно увеличился подозрениями рабочих о действиях промышленников, что те проводят скрытый локаут с целью подавления революции.

ГЛАВА 5
ОТ АПРЕЛЬСКИХ ДО ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ

Восемнадцатого апреля 1917 г. по старому стилю российские рабочие впервые праздновали 1 Мая в условиях полной политической свободы. Ленин отмечал, что Россия была тогда самой свободной из воюющих стран. Время ранней весны было и весной революции. Сердца рабочих были полны надежд.

Пролетарский праздник Первое мая отмечали в Петрограде не только рабочие. Это был общенародный праздник, праздник революции. Число демонстрантов превысило даже число участников похорон павших в Февральской революции, проходивших 23 марта. Суханов вспоминал, что «*вообще весь город от мала до велика, если был не на митингах, то был на улицах*»[1]. Газета меньшевиков-интернационалистов *Новая жизнь* отмечала, насколько Первомай в Петрограде отличался от этого праздника за рубежом. Там он был демонстрацией пролетариата против буржуазии; в России же «*пролетариат с законной гордостью может сказать, что вся демократия страны была в большей или меньшей степени участником его пролетарского, социалистического праздника*»[2].

Конечно, к этому времени ощущение национального единства успело ослабнуть по сравнению с первыми днями после Февральской революции. Кампания буржуазной прессы против предполагаемого эгоизма рабочих сделала свое дело. Тем не менее чувствовалось, что достигнуто было немало, и политический союз с цензовым обществом держится. Немногие предполагали, что Первое мая станет последним общенародным праздником. Но в этот день произошли события, положившие конец «медовому месяцу» революции.

Апрельские дни

Позиция «революционного оборончества», занятая рабочими, основывалась на предположении, что под давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Временное

1 *Суханов Н.* Указ. соч. Т. III. С. 244.
2 *Новая жизнь,* 20 апреля 1917 г.

правительство будет активно проводить политику на скорейшее заключение всеобщего и справедливого мира. В ожидании этого военная Россия должна была заботиться об обороне страны. Однако почти сразу после Февральской революции Временное правительство дало повод для беспокойства: 7 марта официальный орган правительства писал: «*Правительство верит, что дух высокого патриотизма, проявившийся в борьбе народа со старой властью, окрылит и доблестных солдат наших на поле брани. Правительство со своей стороны приложит все силы к обеспечению нашей армии всем необходимым для того, чтобы довести войну до победного конца.*

Правительство будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные с союзниками соглашения»[1].

Через несколько дней после этой публикации министр иностранных дел и лидер партии кадетов П. Н. Милюков заявил в своем интервью, что России нужна «решительная победа»[2].

Рабочие же придерживались совершенно другого мнения. В резолюции, принятой общим собранием рабочих завода «Динамо» спустя несколько дней после Февральской революции, говорилось: «*Народ и армия выступили на улицу не для того, чтобы сменить одно правительство другим, а для того, чтобы провести наши лозунги в жизнь. А эти лозунги следующие: “Свобода”, “Равенство”, “Земля и воля” и “Прекращение войны” – нам, классам неимущим, не нужно кровавой бойни*»[3].

Рабочие с энтузиазмом встретили призыв Совета рабочих и солдатских депутатов от 14 марта 1917 г. «К народам всего мира» – бороться против захватнической политики своих правительств. Но заявления Временного правительства и статьи о военной политике в буржуазной прессе заставляли их волноваться. Общее собрание рабочих бумажной фабрики Печаткина единогласно провозгласило: «*Мы, рабочие фабрики Печаткина, приветствуем Совет рабочих и солдатских депутатов за его интернационалистическую позицию по отношению к войне.*

---

1 *Вестник Временного правительства,* 7 марта 1917 г.
2 *Рабочая газета,* 14 марта 1917 г.
3 Док. Фев. С. 465.

Но мы считаем совершенно недостаточно со стороны Совета в его стремлении к миру себя ограничить публикацией манифестов.

Для скорейшего прекращения войны необходимо немедленно предпринимать давление на Временное правительство с тем, чтобы оно, подчиняясь воле российской демократии, тоже заявило о своем отказе от аннексий и контрибуций и о своей готовности в любое время приступить к мирным переговорам на условиях, провозглашенных в Манифесте Совета рабочих и солдатских депутатов.

В то же время, собрание протестует против лозунга "Война до полной победы", который развертывается сейчас на знамени Временного правительства и всей буржуазной прессы: ибо под этим лозунгом прячутся аннексионистские устремления капиталистического класса России и всего мира.

Путь к миру – не кровавая война, а революционное давление народных масс Европы на их хищнические господствующие классы и правительства»[1].

27 марта 1917 г. правительство под давлением Совета наконец издало декларацию, обращенную к гражданам России, в которой заявлялось об отказе от аннексионистских целей. Однако, подтверждая в этой декларации намерение России выполнить все ее договорные обязательства перед союзниками, оно само себе противоречило, поскольку эти договоры предусматривали новый передел мира, при котором России были обещаны, среди прочего, Константинополь и пролив Дарданеллы. Впоследствии Милюков признавал, что декларация была нарочно сформулирована с явными противоречиями[2].

Между тем в ЦК партии кадетов продолжали высказываться в пользу аннексии Дарданелл[3]. В результате, требование большевиков опубликовать тайные договоры Антанты встречало все большую поддержку среди рабочих. В середине апреля на собрании трех тысяч рабочих обувной фабрики «Скороход» был заслушан отчет делегата районного Совета, после чего собравшиеся единогласно приняли резолюцию в поддержку требований Петроградского

1 *Рабочая газета,* 21 марта 1917 г.
2 Там же, 6 мая 1917 г.
3 Там же, 12 апреля 1917г.; *Правда,* 13 апреля 1917 г.

Совета рабочих и солдатских депутатов к Временному правительству: немедленно опубликовать все договоры, предложить заключение мира, созвать мирную конференцию. «*Мы не хотим очутиться в положении ведения захватнической войны*»[1].

Под давлением Совета Милюков передал союзникам свою декларацию к гражданам России от 27 марта, но при условии, что к ней будет приложена пояснительная нота. Нота была отправлена союзникам 18 апреля, и 20 апреля через газеты она стала достоянием общественности. В ней подтверждалась решимость России продолжать войну в полном согласии с союзниками и соблюдать все взятые на себя договорные обязательства. В ноте также содержались заверения, что революция укрепила в народе волю довести войну до победного конца.

Публикация этой ноты тут же спровоцировала взрыв негодования у рабочих и солдат, вылившийся в уличные демонстрации 20 и 21 апреля. В основном эти массовые выступления еще не были направлены против правительства и двоевластия. Главными требованиями были – отставка Милюкова и менее настоятельно – военного министра А. И. Гучкова. Лишь сравнительно небольшое число рабочих шли под знаменами с надписями «Долой Временное правительство» и «Власть Советам»[2]. Меньшевистская *Рабочая газета* так комментировала события 20 апреля: «*Петроград реагирует непривычно чутко и нервно на горячие политические вопросы дня. Нота Милюкова, опубликованная вчера, вызвала большое возбуждение на улицах. Везде собирались группы людей, проходили митинги, в последнее время ставшие обычным делом, но в неизмеримо больших количествах. Везде – на уличных митингах, в трамваях возникают страстные, жаркие споры о войне. Кепки и платки стоят за мир; котелки и шляпки – за войну.*

1 *Рабочая газета,* 15 апреля 1917 г.

2 Группа левых большевиков, членов Петербургского комитета партии во глав е с С. Я. Багдатьевым, выпустила листовку с призывом передачи всей вл асти Советам. Ленин и ЦК партии осудили их за авантюризм. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31. С. 319–320.) Это была инициатива, по-видимому, в о сновном большевиков-выборжцев. 22 апреля на Первой петроградской го родской конференции большевиков докладчик отмечал: «Вчера мы не учли обстоятельств ситуации и выдвинули неподходящие лозунги. Выборгски е товарищи это особенно остро понимают». (Первая петроградская общегородская конференция РСДРП (б). М. – Л., 1925. С. 59).

В районах проживания рабочего класса и в бараках отношение к ноте более отчетливо и организованно. Резкий протест выражается против экспансионистской политики, против вызова демократии, который бросило правительство в своей ноте.

Уже утром финляндский полк выступил из казарм. Под красными флагами с лозунгами "Долой аннексионистскую политику", "В отставку Милюкова и Гучкова" и т.п. они пошли по направлению к Мариинскому дворцу, где проходило заседание правительства.

После финляндцев вышли и другие полки. К вечеру появились рабочие демонстрации. Демонстранты большей частью шли под старыми флагами, оставшимися после Первомая. Но имелись среди них и новые – с лозунгами против политики аннексий, требованиями мира без аннексий и контрибуций, приветствия Советам рабочих и солдатских депутатов. Часть демонстрантов отправляется к Морскому корпусу на Васильевском острове, где проходит сессия общего собрания Совета рабочих и солдатских депутатов.

Время от времени появляются контрдемонстрации. Маленькие, неорганизованные группы мелкой буржуазии, среди которых можно увидеть офицеров, но особенно много среди них женщин. Они движутся по Невскому проспекту с плакатами "Да здравствует Временное правительство", "Долой Ленина".

К вечеру атмосфера накаляется еще больше. И насколько сочувствующее настроение в отношении Совета рабочих и солдатских депутатов царит в рабочих районах и бараках, настолько оно враждебно к Совету в районе Невского проспекта»[1].

На следующий день демонстрации повторились, но в еще большем масштабе и с более грозными последствиями. *Рабочая газета* сообщала: «*Вчера на улицах Петрограда было еще более тревожно, чем 20-го апреля. Всюду маленькие демонстрации. В районах был ряд забастовок. Иногда как результат ложного слуха о соответствующем призыве Совета рабочих и солдатских депутатов.*

Надписи на знаменах разнообразные, но все же замечается общая черта. В центре, на Невском, Садовой и др. центральных

1 *Рабочая газета,* 21 апреля 1917 г.

улицах, преобладают лозунги поддержки Временного правительства; на окраинах – наоборот. Там безраздельно господствуют решительные протесты против иностранной политики Временного правительства и ее вдохновителя г. Милюкова…

Часты столкновения демонстрантов различных групп. Любопытно, что, как правило, инициаторами их являются защитники Временного правительства, которые часто рвутся к знаменам с протестами против Милюкова. Демонстранты другой группы дают отпор, принимающий иногда весьма печальные формы. Много слухов о стрельбе, но кто виновен в ней – еще необходимо выяснить.

После полудня, когда Исполнительный комитет издал свой приказ не выходить на улицу с оружием, на улицах стали наблюдать любопытные сценки, как солдаты уговаривали товарищей воздержаться от участия в демонстрациях вообще, независимо от их характера. Часто солдаты выступали с призывом к спокойствию и к демонстрантам-штатским.

Вечером на улицах положение обострилось. Стрельба была очень сильная»[1].

Как следует из статьи, узнав о приказе Совета рабочих и солдатских депутатов, солдаты воздержались от дальнейших демонстраций, доверив урегулирование конфликта руководству Совета. Однако рабочие выступили еще активнее, чем в предыдущий день. Как обычно, застрельщиками явились рабочие-выборжцы. Но также вышло много рабочих Трубочного и Путиловского заводов и нескольких текстильных фабрик[2]. Рабочий класс Петрограда проявил единство в своей оппозиции империалистической войне.

21 апреля партия кадетов организовала контрдемонстрацию в поддержку Милюкова, и во время уличных столкновений было убито несколько рабочих и солдат. Это была первая кровь, пролитая с Февральских дней. Судя по всему, как установило официальное расследование, стрельбу начали провокаторы, скрывавшиеся за спинами «приличной публики»[3]. Перазич рассказывал об одном столкновении между этой публикой и текстильщицами: «*21-го апреля работницы этих фабрик [Новой бумагопрядильни,*

1 *Рабочая газета,* 22 апреля 1917 г.

2 *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 223–230.

3 Док. апр. С. 740–750.

Кожевниковской, Охтинской бумагопрядильни] (мужчин с ними было очень мало) двинулись с демонстрацией по Невскому. Они шли по его нечетной стороне. А по четной параллельно с ними двигалась другая демонстрирующая толпа. Это были сторонники Временного правительства, нарядные дамы, офицеры, купцы, адвокаты и т.п. Лозунги на их плакатах были: "Да здравствует Временное правительство!", "Да здравствует П.Н. Милюков!", "Арестовать Ленина!". На углу Садовой обе демонстрации столкнулись. Здесь на наших работниц посыпалась ругань: "Безулочницы! Безграмотная рвань! Грязнухи подлые!" Тут не стерпела Пелагея Романова (сестра Надваева): "Шляпки[1] *на вас из нашей крови!" и началась рукопашная. Знамена Новой бумагопрядильни несли Онька Никитина и 16-летняя Таня Журавкова. Их сбили с ног и отняли и порвали знамена. Лоскут большого шелкового знамени вырвала из рук какой-то дамы Чернышева. Также было и со знаменем Кожевниковской фабрики. Его несла Юмарова, когда к ней подошел какой-то мужчина в матросской форме: "Давайте, я понесу!" Она передала ему знамя, а он ударил ее древком по голове и стал рвать знамя. В ответ наши работницы порвали несколько вражеских знамен, причем в рукопашной срывали нарядные шляпки и царапали лица буржуазных дам. В это время подошел к нашим отряд матросов с музыкой, и кадетская демонстрация отступила. После этого демонстрирующие работницы прошли на Васильевский остров до Морского корпуса, где шло заседание Совета, откуда наших демонстранток уже проводил отряд путиловцев до Екатерининского проспекта*»[2].

Эти столкновения произвели глубокое впечатление на рабочих. «*Этот день всем открыл глаза. Затаенная ненависть к буржуазии усилилась*», вспоминал рабочий из Выборгского района[3]. Известия о стычках вывели на улицу тех путиловцев, кто до этого воздерживался от массовых выступлений. По воспоминаниям участника, после обеда рабочие фабрики «Треугольник» отправились с красным флагом к Путиловскому заводу, где они с путиловцами провели совместный митинг.

1 Шляпы в отличие от косынок были головным убором «приличного общества».
2 *Перазич В.* Указ. соч. С. 42.
3 *Куделли П. Ф.* Указ. соч. С. 15.

«*Настроение было колеблющееся. Раздавались голоса "за"и "против" уличного выступления. Ждали до 6 часов решения Совета рабочих и солдатских депутатов, но оно не поступало. Вместо него приходили с Невского [проспекта] отдельные рабочие, в один голос сообщавшие о насилиях буржуазии над рабочими, о разрывании красных знамен, об арестах за призывы против Временного правительства. И как раз в этот момент было доставлено воззвание кадетов о выступлении на улицы. Произошел резкий перелом в настроении толпы. "Как, нас гонят с улиц, наши знамена рвут, а мы будем молча издали смотреть на это!? Идем на Невский!" На всякий случай я предложил поднятием рук высказаться "за" или "против" демонстрации. Подавляющее большинство высказалось "за"*»[1].

Таким образом решение митинга участвовать в общей манифестации было не только реакцией на предательство правительства, но и вопросом классовой чести рабочих.

Апрельские события дали сильный толчок к организации рабочими собственных вооруженных отрядов. 22 апреля общее собрание обувной фабрики «Скороход», отмечая, что «*темные силы… угрожают посягнуть на основы порядка свободной России… [и] желая поэтому защищать интересы трудящихся масс и все общегосударственные интересы*», решило запросить у Совета 500 винтовок и 500 револьверов для своей Красной гвардии[2]. 23 апреля на собрании делегатов городских предприятий по вопросу об организации Красной гвардии, один из выступающих объяснял в том же ключе: «*Буржуазия напала на улицах. 21 апреля – прискорбный день. Из этого можно вывести многое… Совет слишком понадеялся на кадетов. Совет рабочих депутатов проиграл в этот день. Совет – не выходить на улицу. Кадеты вышли на улицу. Вопреки Совету рабочих депутатов рабочие вышли на улицу и спасли положение. Если б у нас была Красная гвардия, то с нами считались бы… Тогда не будут рвать красные флаги*»[3].

Меньшевистко-эсэровское руководство Совета рабочих и солдатских депутатов утверждало, что вооруженные рабочие отряды

1 *Дело народа*, 25 апреля 1917 г.
2 *Куделли П. Ф.* Указ. соч. С. 23. .
3 Док. апр. С. 167.

не нужны, поскольку солдаты поддерживают революцию и в формировании Красной гвардии могли бы увидеть угрозу, направленную против них[1]. Тем не менее, 28 апреля состоялась общегородская конференция красногвардейцев. Присутствовало 158 делегатов от предприятий с общей численностью в 170 тыс. чел.[2] Член ЦК меньшевиков А.Л. Юдин выступил от Исполкома Совета, пытаясь отговорить конференцию от дальнейших шагов. Он не жалел на это слов: «*Как истинный друг рабочего класса, я должен сказать вам откровенно, что наш рабочий пребывает в невежестве. Винтовку можно держать крепко в руках тогда, когда крепко в голове*». Это заявление вызвало такую бурю негодования, что конференция лишила его слова. В то же время, не желая бросать вызов Совету, собравшиеся просили его пересмотреть свою позицию, напомнив, что Совет сам раздал оружие рабочим в Февральские дни.

После горячих обсуждений собрание решило приостановить формирование общегородской организации Красной гвардии. Но на местном уровне рабочие продолжали ее организовывать. На следующий день районный Совет Выборгского района постановил преобразовать районную милицию, заменившую царскую полицию после Февральской революции, в Красную гвардию[3].

Апрельские события явились мощным импульсом к восстановлению дореволюционной классовой поляризации. Но в начале этот процесс не затронул отношения большинства рабочих к власти. Собрания на предприятиях и заседания Совета все еще поддерживали двоевластие. Резолюции рабочих собраний требовали лишь отставки Милюкова и Гучкова и усиления контроля Совета над Временным правительством. Рабочие еще пребывали в иллюзии, что Совет сможет эффективно влиять на правительство.

Собрание двух тысяч рабочих электротехнического завода «Сименс-Гальске» потребовало «*усиления контроля*» над правительством и устранения «*всех сторонников захватнической войны, особенно Милюкова и Гучкова, и введения в его состав представителей, гарантирующих наиболее демократическую защиту интересов широких народных масс*»[4]. На Балтийском

1 *Старцев В. И*. Указ. соч. С. 111
2 Док. апр. С. 438.
3 Там же; *Старцев В. И*. Указ. соч. С. 116–122; *Правда,* 29 апреля 1917 г.
4 *Рабочая газета,* 22 апреля 1917 г.

судостроительном заводе рабочие потребовали осуждения ноты Милюкова и… выразили «*полное доверие Совету… Мы уверены, что Совет рабочих и солдатских депутатов, опираясь на доверие и поддержку организованной и революционной демократии, сумеет заставить Временное буржуазное правительство считаться с желанием революционного народа и революционной армии*»[1].

Вероятно, наиболее точным выражением позиций рабочих масс того момента явились решения общего собрания ситценабивной фабрики Воронина, Лютша и Чешера: «*Полнота власти должна принадлежать Совету рабочих и солдатских депутатов, а Временное правительство должно выполнять волю Совета*»[2]. Резолюции некоторых других предприятий прямо указывали, что это последний шанс для буржуазного правительства. На Невской ниточной мануфактуре общее собрание заявляло, что «*не ошибки совершает буржуазное Временное правительство в лице Милюкова, Гучкова и Ко., а сознательно старается обмануть трудовой народ России и других стран… Поэтому мы обращаемся к Совету рабочих и солдатских депутатов; 1) чтобы он строго следил за каждым шагом Временного правительства; 2) мы требуем от Совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы Совет рабочих и солдатских депутатов заставил Временное правительство опубликовать и разослать во все воюющие державы воззвание с призывом к немедленному прекращению войны…; 3) при первой антиреволюционной попытке Временного правительства Совет рабочих и солдатских депутатов должен принять энергичные меры вплоть до захвата власти в свои руки*»[3]. Рабочие завода «Динамо» призывали заменить все правительство в случае его отказа отстранить Милюкова и Гучкова[4].

Машиностроительные заводы Выборгского района первыми снова требовали покончить с двоевластием и союзом с цензовым обществом[5]. Общее собрание Оптико-механического

1 *Гребач В. В.* Рабочие балтийцы в трех революциях. Л., 1959. С. 115; Док. апр. С. 733.

2 *Известия,* 27 апреля 1917 г.

3 Док. апр. С. 773.

4 *Рабочая газета,* 22 апреля 1917 г.

5 Среди таких были: меднопрокатный и литейный завод Розенкранца (*Правда*, 28 апреля 1917 г.); завод «Старый Парвиайнен» (*Куделли П. Ф.* Указ. соч. С. 24); Русский Рено, машиностроительный завод Лангезипена, автомо-

завода заявляло: «*Временное правительство по своему составу не представляет большинства населения России. Представляя кучку капиталистов и помещиков, составлявших большинство в IV Государственной думе, захватив власть, завоеванную народом, в свои руки, Милюков и компания сняли свои маски. Мы заявляем, что не желаем проливать свою кровь ради интересов Милюкова и компании в согласии с капиталистами-угнетателями других стран; поэтому считаем милюковско-гучковскую компанию несоответствующей своему назначению и признаем, чтобы единственной властью в стране были Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, отстаивать которые мы будем своей жизнью*»[1].

Но требование передачи власти Советам уже начало распространяться за пределы предприятий Выборгского района. Рабочие Невской фабрики механической обуви призывали «*реорганизовать как Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, так и самый Совет путем отзыва представителей, не способных стать на решительную революционную классовую позицию разрыва с буржуазной политикой, и замены их представителями, стоящими за решительный путь борьбы за полную передачу власти в руки пролетариата и крестьянства*»[2]. Аналогичные позиции занимали профсоюз работников иглы[3] и совет делегатов секции обойщиков профсоюза деревообделочников[4].

С другой стороны, Совет Выборгского района прямо еще не требовал от Петроградского Совета брать власть, несмотря на то, что в райсовете доминировали большевики. Вместо этого 20 апреля райсовет постановил: «*Подобным шагам Временного правительства, означающим измену интересам демократии, должен быть дан самый энергичный отпор... Довести о своем отношении к ноте Временного правительства до сведения Совета рабочих и солдатских депутатов и призвать последнего к решительным*

бильный завод Пузырева, машиностроительный завод «Новый Лесснер», Русско-Балтийский вагоностроительный завод (Док. апр. С. 732–768, passim); Сестрорецкий оружейный завод (Бастионы революции. Т. I. С. 236) и др.

1 *Правда,* 11 мая 1917 г.

2 *Солдатская правда,* 26 апреля 1917 г.

3 Там же.

4 *Правда,* 26 апреля 1917 г.

действиям, обещая ему в этом свою полную поддержку»[1]. Характер этих «решительных действий» не был прописан.

Апрельский кризис не сразу изменил позиции пролетарского большинства по вопросу о власти. В ходе расследования апрельских событий один из свидетелей рассказывал, что интересовался тогда у одного рабочего, санкционировал ли Совет выступление: «*Он мне ответил отрицательно и добавил при этом, что гражданской войны они не хотят, но покажут буржуям, что с ними нужно считаться*»[2]. Рабочий выразил позицию большинства рабочих столицы, полагавших еще, что Совет может эффективно «контролировать» цензовое правительство.

Рабочие знали, что разрыв с имущими классами чреват гражданской войной, и страх перед ней оставался сильным фактором поддержки двоевластия. Например, накануне апрельских событий общее собрание рабочих Леонтьевской текстильной мануфактуры постановило: «*Мы всецело поддерживаем тактику Совета, направленную к сохранению единства революции и энергичному отпору всякой политики распыления революционных сил... Собрание отвергает анархические призывы Ленина к захвату государственной власти, который может только привести к гражданской войне, что в данный момент угрожало бы погубить дело свободы, которая далеко еще не упрочилась*»[3].

Суханов пишет, что и после апрельских событий сравнительно немного рабочих считало правильными аргументы большевиков, «*что нечего бояться гражданской войны, что она уже наступила и что только в результате ее народ достигнет своего освобождения...*»[4]. 20 апреля народный социалист Станкевич обратился со следующими словами к делегатам Петроградского Совета: «*Но что же теперь делать?... Некоторые решают просто: нужно, говорят они, свергнуть Временное правительство и арестовать его... Зачем, товарищи, нам выступать?... В кого стрелять? Против кого применять силу? Ведь вся сила – это вы и те массы, которые стоят за вами.*

1 Док. апр. С. 733.
2 Там же. С. 749.
3 *Рабочая газета,* 14 апреля 1917 г.
4 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. III. С. 276.

Ведь у вас нет достойного противника: против вас ни у кого нет силы. Как вы решите, все так и будет. Надо не выступать, а решить, что делать... Вон, смотрите, сейчас без пяти минут семь (Станкевич протягивает руку к стенным часам, весь зал оборачивается туда же). Постановите, чтобы Временного правительства не было, чтобы оно ушло в отставку. Мы позвоним об этом по телефону, и через пять минут оно сложит полномочия. К семи часам его не будет. Зачем тут насилия, выступления, гражданская война?..» Эти слова вызвали «бурные рукоплескания, восторженные возгласы»[1]. Вывод казался ясным: еще решительнее сплотиться вокруг Совета, чтобы его лидеры эффективнее принуждали Временное правительство проводить политику в пользу народа.

Кризис был формально ликвидирован, когда правительство согласилось отправить союзникам новую объяснительную ноту. Новая нота повторяла «Декларацию к гражданам России», объясняя при этом, что призыв Милюкова к «санкциям и гарантиям прочного мира» означал на самом деле ограничение вооружений, установление международных трибуналов и т.п. Такое «пояснение» полностью отвергало ноту Милюкова, хотя формально правительство от нее не отказалось. Оно также формально не исключило Милюкова с Гучковым, как того требовали рабочие и солдаты. Оба министра сами вышли из правительства через несколько дней.

21 апреля Исполком Совета при голосовании 34 – за и 19 – против одобрил такое решение конфликта. Пленум Совета подтвердил решение Исполкома. Позиция меньшевиков и эсеров во главе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов казалась прочной.

Первое коалиционное правительство

Апрельский кризис побудил Временное правительство снова поднять перед Советом вопрос о формировании коалиционного правительства. Кризис ярко показал, что цензовое правительство не пользовалось авторитетом у рабочих и солдат и не имело силы

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. III. С. 275–276.

для их обуздания. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, в свою очередь, пользовался доверием масс, но не нес ответственности за государственную политику. Соответственно, правительство при поддержке буржуазной прессы оказывало давление на руководство Совета, дабы тот делегировал своих представителей для формирования коалиционного правительства. В случае отказа Керенский угрожал отставкой.

Первоначально 26 апреля Исполком Петроградского Совета ответил категорическим и единогласным отказом. Однако спустя два дня на совместном заседании Исполкомов Петроградского и Московского Советов позиция в пользу участия в правительстве чуть ли не одержала победу. Отставка Гучкова с поста военного министра, последовавшая 30 апреля, повлекла за собой реорганизацию правительства и оказала дополнительное давление на руководство Совета.

До этого момента лидер фракции меньшевиков в Петроградском Совете И. Г. Церетели был противником формирования коалиционного правительства. Меньшевистская *Рабочая газета* предупреждала, что социалисты, войдя в правительство, вскоре окажутся скомпрометированы в глазах народа. Они станут мишенью «анархических демагогов» и быстро растеряют влияние в массах[1]. Газета также утверждала, что Совет может оказывать более эффективный нажим на правительство извне. Но если представители Совета войдут в правительство, министрам-социалистам придется разделить ответственность за его действия.

1 мая по старому стилю Церетели выступил за формирование коалиции и Исполком Совета поддержал его: 44 депутата проголосовали за, 10 – против, и двое воздержались. Против голосовали большевики, меньшевики-интернационалисты и левые эсеры[2].

Милюков под нажимом своих коллег в правительстве подал в отставку, несмотря на угрозу ЦК партии кадетов отозвать всех своих министров из правительства. В соответствии с достигнутым соглашением в правительство вошли шесть представителей Совета, составив в нем значительное меньшинство. 13 мая пленум Совета подавляющим большинством выразил полное доверие коалиционному правительству. Л. Д. Троцкий предложил

1 *Рабочая газета*, 25 апреля 1917 г.
2 *Новая жизнь*, 2 мая 1917 г.

резолюцию против формирования коалиции и за передачу власти Советам, но она собрала всего 20–30 голосов[1].

Газета *Известия* объяснила новую позицию Совета. Во-первых, исключительно буржуазно-помещичье правительство оказалось неспособно управлять страной и спасти ее от надвигающейся экономической катастрофы, не пользуясь доверием масс, и по этой причине не подчинявшихся ему. Однако причины недоверия газета не стала анализировать. Во-вторых, продолжала она, для Совета самому взять власть в это время означало повлечь этим шагом гражданскую войну. Совет же и так имел достаточно врагов. «Широкие массы» не поддержали бы такого шага. И, наконец, теперь, когда Совет непосредственно представлен в правительстве, оно будет более решительно проводить в жизнь программу революционной демократии[2].

На первый взгляд могло показаться, что решение Совета соответствовало воле большинства рабочих. Но поддержка коалиционного правительства со стороны рабочих была основана на том, что непосредственное участие представителей Совета в правительстве обеспечит более эффективный контроль над «буржуазными министрами» и что маневры типа ноты Милюкова не повторятся в будущем. Зато недоверие рабочих к цензовым министрам и к цензовому обществу вообще было, как никогда, глубоким. На заводских митингах рабочие, как правило, не выражали доверия коалиционному правительству. Они ограничивались выражением доверия лишь министрам-социалистам.

Например, рабочие Усть-Ижорской верфи послали «горячий привет социалистическим министрам». Общее собрание рабочих и служащих завода Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов обещало «полную поддержку нашим товарищам в правительстве». Резолюция, принятая на собрании рабочих чугунолитейного и механического завода Зигеля, гласила: «*Выслушав доклад о коалиции от наших представителей в Совете ... мы заявляем о нашей полной поддержке Совету и его уполномоченным во Временном правительстве... Мы*

1 *Новая жизнь*, 14 мая 1917 г.
2 *Известия*, 3 мая 1917 г.

уверены, что они честно будут выполнять свои обязанности перед народом»[1].

Даже выражавшие поддержку всему коалиционному правительству рабочие давали понять, что в действительности они считали легитимными лишь Совет и его представителей в правительстве. Например, митинг 7 тыс. рабочих Адмиралтейской верфи призвал «*поддержать Временное правительство и сплотиться вокруг Совета рабочих и солдатских депутатов, который должен служить центром революционной демократии, стремящимся сознательно и неуклонно укреплять социалистическое влияние на органы власти...*»[2].

Оппозиция формированию коалиционного правительства исходила главным образом от предприятий, ранее выступавших против двоевластия и за власть Советов. Они утверждали, что министры-социалисты станут заложниками буржуазных министров и будут служить ширмой для продолжающихся махинаций буржуазии. Поэтому единственным выходом из кризиса была Советская власть[3].

Таким образом, в пролетарской среде сложились две различные интерпретации решения руководства Совета участвовать в коалиционном правительстве. Позиция большинства, одобрившего решения Совета, основывалась на недопонимании. Эти рабочие считали, что меньшевики и эсеры вошли в правительство, чтобы более эффективно контролировать цензовых министров. А на самом деле главной заботой лидеров этих партий было не допустить отхода либеральной буржуазии от революции, что, по их мнению, обрекло бы Россию на гражданскую войну и погубило бы революцию. «*Необходимо всячески удержать правительство либеральной буржуазии*», писала *Рабочая газета* во время правительственного кризиса[4]. Но что означало

1 *Рабочая газета,* 12 мая 1917 г.

2 Там же. 15 мая 1917 г.

3 В числе коллективов, впервые призывавших к власти Советов, в этот период можно назвать рабочих Объединенных кабельных заводов (Док. апр. С. 895), Военно-подковного завода (Там же. С. 844), нового механического цеха Путиловского завода (*Правда,* 9 мая 1917 г.), фабрики Цейтлина (Там же, 18 мая 1917 г.); текстильных фабрик «Невка» и «Невская ниточная» (*Перазич В.* Указ. соч. С. 42).

4 *Рабочая газета,* 3 мая 1917 г.

«всячески»? Какие уступки от народной программы революции ради этой цели допустимы? Вскоре выяснилось, что позиции рабочих и меньшевиков-эсеров очень существенно расходились.

Разрыв с цензовым обществом

После Апрельского кризиса остатки эйфории Февральской революции быстро испарялись. Все больше нарастало ощущение политического тупика и тревоги по поводу надвигавшейся экономической катастрофы. Осторожное сближение между рабочим классом и буржуазией уступало место прежней поляризации.

Вероятно, самым ярким выражением этого сдвига в позициях рабочих было голосование большинства депутатов рабочей секции Петроградского Совета в начале июня 1917 г. за передачу власти Советам. Немедленно после Апрельского кризиса большевики столицы, поддерживая позицию Ленина, предприняли кампанию за отзыв из Совета депутатов-меньшевиков и эсеров, которые расходились с позицией масс по вопросу о власти, и за новые выборы делегатов в Совет. 1 июля на городской конференции большевиков В. Володарский сообщил, что партия уже имеет большинство среди рабочих депутатов Петроградского Совета[1]. И уже спустя два дня – менее чем через два месяца после провала резолюции Троцкого на Рабочей секции против поддержки коалиционного правительства – большинство делегатов проголосовало за передачу всей полноты власти Советам[2], за власть без представительства имущих классов.

Самую мощную поддержку этой позиции оказали металлообрабатывающие заводы. В мае большевики и левые эсеры завоевали большинство в Выборгском и Василеостровском Советах – в районах с наибольшей концентрацией металлистов. Схожей была ситуация в Коломенском райсовете, в котором были представлены три крупных судостроительных завода[3]. В других райсоветах меньшевики и эсеры сохраняли перевес до июля, а в некоторых случаях и дольше.

1 Вторая и третья общегородские конференции большевиков в июле и сентябре 1917 г. М. – Л., 1927. С. 26.
2 *Новая жизнь*, 4 июля 1917 г.
3 Райсоветы. Т. I. С. 71, 123.

3 мая на новых выборах в Петроградский Совет рабочие Сестрорецкого оружейного завода голосовали в подавляющем большинстве за большевиков[1]. Спустя неделю рабочие машиностроительного завода «Феникс», в феврале избравшие депутатами двух меньшевиков и одного большевика, отозвали меньшевиков, заменив их большевиками[2]. В мае общее собрание рабочих машиностроительного и трубочного завода «Новый Барановский» после пяти часов горячих прений подавляющим большинством голосов одобрили позицию большевиков за Советскую власть[3]. 9 мая собрание 1250 рабочих нового механического цеха Путиловского завода приняло резолюцию за передачу власти Советам[4]. В июне рабочие машиностроительного завода «Нобель» отозвали депутата-эсера за отказ поддержать большевистскую позицию о власти[5].

Следующее сообщение от машиностроительного и литейного завода «Вулкан» поясняет процесс полевения более квалифицированного слоя рабочих: «*Завод "Вулкан" находился под серьезным влиянием меньшевиков. На общие собрания рабочих приходили меньшевики – известные ораторы, члены Исполкома Петроградского Совета. Но, несмотря на это, их работа не дала желаемых результатов. Меньшевистская социальная база не росла, а наоборот снижалась. С другой стороны, большевистская идея с самого начала стала завоевывать позицию. Это было очевидным не только из высказанных мнений отдельных лиц, но и из выступлений товарищей рабочих и их общих требований, и мало-помалу рабочие стали выражать сильное недовольство своими представителями меньшевиками в Совете рабочих и солдатских депутатов. Поэтому было принято решение провести новые выборы.*

Перед выборами фракция большевиков и объединенные меньшевики [интернационалисты] решили проводить совместную работу и начали предвыборную кампанию. С этого момента наша работа пошла гладко и быстро. Товарищи рабочие сплотились вокруг лозунгов, выраженных в полномочиях представителей Совета рабочих и солдатских депутатов.

1 Бастионы революции. Т. I. С. 131.
2 Станкостроители имени Свердлова. Л., 1962. С. 76.
3 Эк. пол. Т. I. С. 42.
4 Путиловцы в трех революциях. Л., 1933. С. 338.
5 *Правда,* 16 июня 1917 г.

На предвыборном митинге талантливые ораторы Каменев и Луначарский сразу объединили почти всех присутствующих, и за наши вышеупомянутые полномочия проголосовали все участвующие в митинге. В результате новых выборов подавляющим большинством были избраны все четыре делегата от большевиков и объединенной фракции»[1].

Об этом собрании Луначарский писал: «*Я теперь знаю, как возможно в течение получаса не оставлять ни малейшего следа от самого пустого оборончества*»[2].

Менее квалифицированные рабочие держались за «соглашательские» позиции значительно дольше, хотя и у них настроение постепенно менялось, особенно когда возникал серьезный конфликт на экономической почве. На Петроградском Трубочном заводе с большим контингентом недавних крестьян эсеры в первое время пользовались огромным влиянием и «*выносили оттуда членские взносы мешками*»[3]. Однако новые выборы в Совет в июне засвидетельствовали размывание эсеровского влияния: блок большевиков и социал-демократов-интернационалистов собрал 5823 голоса, хотя эсеры сохранили перевес – 8552 голоса. За меньшевиков-оборонцев проголосовало лишь 1067 чел.[4] Влияние эсеров было особенно сильным на текстильных фабриках, где до июля лозунг передачи власти Советам не находил значительного отклика[5]. Работницы трикотажной фабрики Керстена, в большинстве малограмотные и недавно приехавшие из деревни, вплоть до середины сентября 1917 г. избирали в Совет исключительно эсеров, пока на новых выборах большевики не получили 965 голосов, хотя эсеры еще некоторое время сохраняли перевес – 1340 голосов. Меньшевики, чья социальная база зиждилась в основном на урбанизированных более квалифицированных рабочих, даже не участвовали в выборах[6]. На резиновой фабрике «Треугольник» с преобладающе женским составом влияние эсеров сохранялось до июля[7].

1 *Правда,* 27 июня 1917 г.

2 *Литературное наследство.* М., 1971. № 8. С. 341.

3 *Бортик М.* На трубочном заводе // *Анский А. ред.* Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г. Л., 1928. С. 269.

4 *Арбузова А.* Указ. соч. С. 175.

5 *Перазич В.* Указ. соч. С. 42.

6 *Сукновалов А.Е. и др.* Указ. соч. С. 62, 79; Эк. пол. Т. I. Табл. 7.

7 *Шабалин Б.* Указ. соч. С. 278–290.

Таким образом в рабочей среде конкуренция велась в основном между большевиками и эсерами. К июню меньшевики-оборонцы потеряли почти все влияние в среде промышленных рабочих, за исключением печатников[1]. Меньшевики-интернационалисты, в свою очередь, сохранили некоторую базу на Васильевском острове. Но предложение на городской большевистской конференции, проходившей в середине июля, сформировать блок с меньшевиками-интернационалистами на предстоящих выборах в городскую Думу поддержали всего два делегата. Один из делегатов высказался по этому предложению так: «*Мы с большой осторожностью должны подходить к вопросу о блоке с меньшевиками-интернационалистами, так как они очень неустойчивые в своей позиции, притом они численно так незначительны, что блок с ними не имеет значения для выборов. Если они последовательные интернационалисты, они должны порвать с оборонцами. Тогда они могут поступить с нами в блок*». Делегат от Выборгского района отмечал, что «*в Выборгском районе меньшевиков-интернационалистов почти совсем нет, может быть несколько сотен... Если меньшевики разделяют нашу платформу, пусть идут к нам; нам же идти к ним предлагать блокироваться не имеет смысла*»[2]. Меньшевикам-интернационалистам мешала их позиция по вопросу о власти, которая была непонятной для рабочих: они выступали против коалиционного правительства, но не за власть Советов. Кроме этого, их нежелание организационно порвать с меньшевиками-оборонцами компрометировало их в глазах радикально настроенных рабочих.

Таким образом, к концу июня большевики почти полностью доминировали среди более квалифицированного, урбанизированного слоя рабочих (кроме печатников) – главной опоры российской социал-демократии. Борьба большевиков с эсерами

1 На Всероссийском съезде профсоюза печатников в декабре 1917 г. из 95 делегатов 48 были меньшевиками и 6 сочувствующими; 15 были большевиками и 4 сочувствующими; и только 5 эсеров-оборонцев и 5 левых эсеров (*Знамя труда,* 19 декабря 1917 г.). В самом Петрограде большевики в октябрьский период на короткое время возглавили профсоюз печатников. Цит. по: *Новая жизнь,* 28 июня 1917 г.

2 Вторая и третья городские конференции большевиков в июле–сентябре 1917 г. С. 93–94.

Таблица 5.1
Результаты выборов в районные думы Петрограда

Район	Большевики		Меньшевики и эсеры[а]		Кадеты		Все партии[б]	
	голоса	%	голоса	%	голоса	%	голоса	%
Адмиралтейский	2983	15,8	11105	58,7	4503	23,8	18931	100,0
Александро-Невский	8737	12,8	49891	73,0[в]	9116	13,3	68318	
Казанский	2219	10,1	9253	41,9	9382	42,5	22077	
Коломенский	6035	14,9	23724	58,4	10241	25,2	40626	
Литейный	5085	8,6	30583	51,5	22507	37,9	59423	
Московский[г]	6758	9,7	41517	59,4	21667	31,0	69942	
Нарвский	18202	17,1	73293	68,9	12625	11,9	106392	
Петроградский	30348	22,6	72750	54,2	29323	21,8	134345	
Рождественский	2944	5,0	37671	63,5[д]	18126	30,5	59358	
Спасский	4945	13,2	20210	53,8	10885	29,0	37581	
Василеостровский	37377	34,3[е]	49293	45,2	19299	17,7	108975	
Выборгский	34303	58,2	20568	34,9	4071	6,9	58942	
Итого	**159936**	**20,4**	**439858**	**56,0**	**171745**	**21,9**	**784910**	

а. Включает меньшевиков, эсеров, трудовиков и народных социалистов (двое последних собрали около 1% голосов).
б. В данные не включены мелкие несоциалистические партии, вместе набравшие около 1,7% голосов.
в. В этом районе меньшевики и эсеры выступали отдельно, получив соответственно10,6% и 60,5% голосов.
г. Данные неполные.
д. В этом районе меньшевики и эсеры выступали самостоятельно, получив соответственно 32,1% и 15,4% голосов.
е. Здесь большевики и меньшевики-интернационалисты сформировали блок. Поскольку здесь большинство меньшевистской организации составляли интернационалисты, оборонцы не участвовали в выборах.
Источник: Rosenberg W. Op. cit. P. 162.

велась, прежде всего, за менее квалифицированных рабочих, зачастую еще связанных с деревней. Для них вопрос о земле был особенно важным, и программа эсеров, традиционной партии крестьянства, воспринималась положительно. Комментируя крупную победу эсеров на выборах в районные думы Петрограда

в конце мая 1917 г., *Рабочая газета* писала, что «*массы идут за упрощенным лозунгом “Земля и воля”, особенно массы, не порвавшие с деревней*»[1].

На выборах в районные думы от всех участвовавших (784 910 чел. – около 75% всех имеющих право голоса) эсеры и меньшевики набрали 56% (439 858 голосов), большевики 20,4% (159 936 голосов). Остальные избиратели поддержали в основном кадетов (*табл. 5.1*). Избирательная кампания велась не только по местным вопросам, но и по национальным. Большевики черпали подавляющую поддержку из более пролетарских районов. В Выборгском районе за них проголосовало большинство – 58,2% избирателей, за эсеров и меньшевиков – 34,9%, за кадетов всего 6,9%. В Петроградском и Нарвском районах со значительным промышленным населением большевики получили соответственно 22,6% и 17,1% голосов[2].

Наиболее убедительно поддержала требование передачи власти Советам Первая конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда, проходившая с 30 мая по 3 июня 1917 г. В ней участвовало 568 делегатов от 367 предприятий, где работало 337 тыс. чел.[3] Резолюция о мерах борьбы с надвигающимся экономическим кризисом завершалась следующими словами: «*Координированное и успешное выполнение всех вышеуказанных мер возможно при условии перехода власти в руки Совета рабочих и солдатских депутатов*». За эту резолюцию проголосовали 297 делегатов. Обе резолюции, предложенные меньшевиками и эсерами и меньшевиками-интернационалистами, призывавшие лишь к «государственному регулированию», получили совместно 85 голосов. Их резолюции умалчивали о природе власти. Анархисты в своей резолюции также избегали вопроса о власти, но требовали решительного разрыва с цензовым обществом. Их резолюция собрала 44 голоса. Таким образом, более двух третей делегатов потребовали передачи

1 Цит. по: *Новая жизнь*, 28 июня 1917 г.

2 Некоторые районы с большим пролетарским населением, например, Петергофский (прилегающий к Нарвскому), Невский и Новая деревня, до лета 1917 г. не входили в черту города.

3 Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. (далее: Док. мая). М., 1959. С. 293.

власти Советам. Если туда включить и голоса сторонников резолюции, предложенной анархистами, то получается 80% голосов[1].

Но этот результат не отражал общего политического расклада среди рабочих, поскольку большинство делегатов было избрано фабрично-заводскими комитетами, а не общими собраниями предприятий. С другой стороны, из всех рабочих организаций фабзавкомы находились к массам ближе всего. Поэтому можно утверждать, что конференция передавала позицию наиболее активных и облеченных доверием рабочих лидеров.

Многочисленная демонстрация 18 июня стала самым выразительным показателем полевения пролетарских масс. ЦК партии большевиков, реагируя на давление от предприятий и некоторых частей гарнизона, призвал трудящихся Петрограда к демонстрации 10 июня. Однако Съезд Советов, проходивший тогда в столице, убоялся повторения Апрельских дней и запретил запланированную демонстрацию. Церетели даже обвинил большевиков в планировании государственного переворота. Но меньшевики и эсеры во главе Петроградского Совета все-таки понимали, что надо разрешить массам выпустить накопленный пар. Тогда Исполком Совета от своего имени призвал трудящихся к демонстрации 18 июня с лозунгами за единство революционной демократии и в поддержку Советов. Во избежание противоречий демонстрантам предлагались лозунги, приемлемые для всех фракций Совета, как то: «скорый созыв Учредительного собрания», «демократическая республика», «всеобщий мир». При этом вопрос о государственной власти на лозунгах старательно обходился.

Тем не менее демонстрация вылилась в оглушительное выражение поддержки требованию передачи власти Советам. Все наблюдатели сходились во мнении, что в огромной толпе, насчитывавшей от 300 до 400 тысяч участников, лишь незначительное число транспарантов содержало лозунги, предложенные Исполкомом Совета[2]. Суханов писал: «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Мир хижинам, война дворцам!»

«*Так твердо и увесисто выражал свою волю авангард российской и мировой революции – рабоче-крестьянский*

1 ФЗК. Т. I. С. 107.

2 *Рабочая газета,* 20 апреля 1917 г.; *Правда,* 20 апреля 1917 г.; *Новая жизнь,* 20 апреля 1917 г. См. также: *Chamberlin W. H.* Op.cit. P. 162.

Петербург... Положение было вполне ясно и недвусмысленно... Кое-где цепь большевистских знамен и колонн прерывалась специфическими эсеровскими и официальными советскими лозунгами. Но они тонули в массе; они казались исключениями, нарочито подтверждающими достоверность правила. И снова, и снова, как непреложный зов самых недр революционной столицы, как сама судьба, как роковой Бирнамский лес, двигались на нас: "Вся власть Советам!", "Долой десять министров-капиталистов!"»[1]

В демонстрации участвовал не весь пролетарский Петроград. Рабочие Невского района, находившиеся еще под сильным влиянием эсеров, в основном отсутствовали. Из 15 тыс. металлистов Обуховского завода вышли всего 800 чел. Но само воздержание этих заводских коллективов красноречиво говорило о сомнениях рабочих в правоте их лидеров: ведь меньшевистско-эсеровское руководство Совета само призвало к демонстрации.

Меньшевистская *Рабочая газета* объяснила колоссальный успех большевиков тем, что лишь они серьезно мобилизовали массы на демонстрацию. Каждая небольшая группа большевиков несла знамя, а иногда и несколько знамен. Остальные партии отнеслись к подготовке демонстрации равнодушно. Но газета не могла объяснить, почему меньшевики и эсеры не мобилизовали своих сторонников, когда их лидеры сами призвали трудящихся к демонстрации. Автор, конечно, понимал это противоречие и заключал лишь кислым замечанием, что Совету было бы лучше вообще не созывать демонстрацию, а дать большевикам демонстрировать в одиночку[2].

Газета *Правда, в* свою очередь, отмечала, насколько общество успело размежеваться за последние три с половиной месяца: «*Первое, что бросается в глаза при обзоре демонстрации – это отсутствие буржуазии и попутчиков. В отличие от манифестации в день похорон [погибших в Февральскую революцию], когда рабочие терялись в толпе обывателей и мелких буржуа, демонстрация 18 июня была демонстрацией чисто пролетарской, ибо главными ее участниками были рабочие и солдаты. Кадеты еще накануне объявили бойкот, заявив через*

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 339–340.
2 *Рабочая газета,* 20 июня 1917 г.

свой центральный комитет о необходимости “воздержаться” от участия в демонстрации – они буквально спрятались. Невский проспект, обычно многолюдный и шумливый, в этот день был абсолютно чист от буржуазных завсегдатаев»[1].

Известия Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Советов[2] и Петроградского Совета, также отмечали, что до смерти напуганные «*буржуазия и мещане почти не были видны в этот день*»[3].

Причины радикализации

Растущая общественная поддержка Советской власти основывалась на осознании рабочими контрреволюционных умонастроений имущих классов, все конкретнее воплощавшихся в политике Временного правительства. Одновременно рабочие убеждались, что социалисты, вошедшие в правительство, стали заложниками Временного буржуазного правительства. Глубокую тревогу у рабочих вызывали все более откровенные контрреволюционные выступления цензовых политиков на темы внешней и внутренней политики и экономической жизни.

• *Спектр контрреволюции*

За несколько дней до демонстрации 18 июня рабочие Русско-Балтийского вагоностроительного завода подавляющим большинством голосов приняли следующую резолюцию: «*Обсудив на общем собрании… обращение Центрального комитета РСДРП (б) ко всем рабочим и солдатам Петрограда с призывом к мирной демонстрации против поднимающей голову контрреволюции, [мы] нашли призыв этот своевременным и отвечающим интересам трудящихся.*

Теперь же, когда необходимость демонстрации против контрреволюционной буржуазии и прочих темных сил

1 *Правда,* 20 июня 1917 г.

2 Он был избран на Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. и принял власть от старого Исполкома, включавшего Исполком Петроградского Совета и делегатов из провинции, в котором преобладали меньшевики и эсеры.

3 *Известия,* 29 июня 1917 г.

признана, наконец, и Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, и призыв к демонстрации... поддерживается и ЦК РСДРП (б), мы так же, как и 9 июня, решили присоединиться к этой демонстрации...

Мы требуем, чтобы против черносотенных сил немедленно были приняты самые решительные меры, чтобы Государственная дума и Государственный совет, эти центры, вокруг которых сплачиваются контрреволюционеры всех сортов и оттенков, были немедленно разогнаны.

Мы требуем удаления из Временного правительства десяти министров буржуазии – ставленников третьеиюньской Думы 4-го созыва.

Мы требуем решительной борьбы с капиталистами-локаутчиками и с анархией в промышленности»[1].

Резолюция показывает, что рабочие Русско-Балтийского вагоностроительного завода совсем иначе понимали цели намеченной на 18 июня демонстрации, нежели ее спонсоры в руководстве Совета. Небезынтересна также их ссылка на поддержку демонстрации со стороны ЦК большевиков. В действительности на многих предприятиях рабочие воздержались от выступления 10 июня только из-за призыва большевиков подчиниться решению съезда Советов, запретившего демонстрацию. Февральские опасения лидеров меньшевиков и эсеров, что участие во власти, куда их настоятельно приглашал Милюков, скомпрометирует их в глазах масс, реализовались. Рабочие стали считать их «соглашателями».

У возрастающего числа рабочих напрашивался вывод: если буржуазия настроена против революции, она не должна быть представлена во власти. Власть должна перейти исключительно в руки представителей «революционной демократии», т.е. рабочих, солдат и крестьян. Это и означало лозунг «Вся власть Советам». 8 июня собрание из приблизительно двух тысяч рабочих машиностроительного завода «Старый Парвиайнен» решило, «*что единственный правильный путь для предупреждения надвигающейся контрреволюции есть взятие в свои руки государственной власти Всероссийским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов*»[2].

1 *Правда,* 1 июля 1917 г.
2 Док. мая. С. 492.

6 июня Петербургский комитет большевиков обсуждал целесообразность демонстрации, назначенной на 10 июня. Пожелания в пользу немедленного выступления исходили главным образом из гарнизона: солдаты были недовольны ограничением своих прав в связи с готовящимся новым наступлением на фронте. Ряд делегатов от солдат утверждал, что, если партия не организует демонстрацию, солдаты выступят сами с оружием в руках. И. Н. Стуков, представитель партийной организации пос. Колпина, поддержал этих солдат: «*Объективный учет момента дает нам надежду на успех. Демонстрация необходима в возможно широких размерах, потому что, с одной стороны, нарастает контрреволюционное движение, надо ему противопоставить организацию революционных сил... Что касается колпинских рабочих, то они прямо недоумевают, покуда партия вступит в борьбу с контрреволюционным движением*». Профсоюзный лидер М. П. Томский вторил ему: «*Настроение классового антагонизма так высоко – наблюдайте в трамваях – что нельзя предполагать, что демонстрация протечет мирно*»[1].

Для рабочих одним из самых провокационных проявлений контрреволюционных умонастроений цензового общества было возрождение Государственной думы, окончательно дискредитированного учреждения старой власти с полнейшим преобладанием представителей имущих классов. Вскоре после Апрельских дней Государственная дума провела юбилейное заседание, в ходе которого видные деятели цензового общества поносили Советы в грубейших выражениях, приводя аудиторию в восторг. Слова думского депутата В. В. Шульгина, деятеля близкого к кадетам, широко передавались в социалистической прессе. Он делился своими «тяжкими сомнениями» о курсе, принятом революцией. Его сильно беспокоило, что «честное и даровитое» Временное правительство лишено «полноты власти»: «*[Оно] взято под подозрение. К нему приставлен часовой, которому сказано: “Смотри, они буржуи, а потому зорко смотри за ними и, в случае чего, знай службу”. Господа, 20-го числа вы могли убедиться, что часовой знает службу и выполняет честно свои обязанности. Но – большой вопрос, правильно ли поступают те, кто поставили часового...*»

1 Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. СПб., 2003. С. 265–266.

Комментируя левую критику деятельности Временного правительства, он повторил известные слова Милюкова, произнесенные в Думе в 1916 г., обращенные тогда к царю и премьер-министру: «*Глупость это или измена?*» И отвечал: «*Это – глупость. Но все, вместе взятое, есть измена...*»[1] Зал среагировал оглушительной овацией.

Суханов вспоминал: «*Было видно, что наболело! Правда, по существу тут не было ничего нового сравнительно с тем, что ежедневно твердили буржуазные газеты: но все же публичное заявление обо всем этом на людях, в большом скопище единомышленников, перед лицом одолевающих врагов – преисполнило энтузиазмом буржуазные души*»[2].

Государственная дума продолжала встречаться на «закрытых заседаниях» в мае и июне. В одном из своих выступлений М. В. Родзянко, крупнейший помещик и председатель IV Думы, даже заявил, что Государственная дума – единственный источник легитимной власти в стране[3]. В письме к депутатам Думы он призвал их «*держаться наготове, ибо скоро придет время для [вашего] вмешательства в жизнь страны*»[4].

Рабочие настоятельно требовали упразднения Государственной думы и Государственного Совета как центров, сплачивавших силы контрреволюции. Петроградский союз деревообделочников дал наказ своим делегатам на Третью Всероссийскую конференцию профсоюзов требовать не только упразднения Думы, но и немедленного ареста всех явных контрреволюционеров[5]. Такое же требование было написано на многих знаменах демонстрантов 18 июня[6].

Откровенно агрессивный тон в отношении рабочих не ограничивался выступлениями цензовых политических фигур на заседаниях Государственной думы. На проходившем в мае съезде партии кадетов Милюков сорвал овации, заявив, что «*обладание проливом [Дарданеллами] есть насущнейшая, жизненная необходимость для нашей страны*», и затем продолжил: «*Нам*

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. II. С. 347–348; *Новая жизнь*, 28 апреля 1917 г.; *Рабочая газета*, 29 апреля 1917 г.

2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. III. С. 348.

3 *Новая жизнь*, 9 июня 1917 г.

4 Док. мая. С. 187.

5 Там же. С. 311.

6 *Известия*, 20 июня 1917 г.

говорят, что революцию нельзя вызвать. Это неправда. Я думаю, что ее можно вызвать, когда это нужно для блага и спасения родины. Но если революцию можно вызвать, тогда ее можно и остановить, если это нужно для блага России». *Новая жизнь* откликнулась на эту речь: «*Физиономия партии теперь ясна – ненависть к “красной тряпке”*»[1].

Таков был политический фон для понимания реакции рабочих на «дело Дурново». Дача этого бывшего царского министра внутренних дел, архитектора беспощадного подавления революции 1905–1906 гг., находилась рядом с Металлическим заводом в Выборгском районе. После Февральской революции ее заняли местные рабочие организации. Ее тенистый парк стал излюбленным местом отдыха для рабочих этого пыльного промышленного района. Весь нижний этаж здания занимали вооруженные до зубов анархисты. 7 июня министр внутренних дел Временного правительства приказал всем незаконным обитателям освободить помещение. Хотя он спешно изменил свой приказ, требуя выселения лишь анархистов, рабочие 28 предприятий района в знак протеста устроили забастовку. Съезд Советов отменил приказ министра. Однако во время демонстрации 18 июня анархисты ворвались в местную тюрьму и увели оттуда семерых товарищей, поместив их на дачу. Ранним утром следующего дня правительственные войска совершили налет на здание: убили одного анархиста в перестрелке, арестовали 70 присутствовавших (в том числе членов завкома Металлического завода и профсоюзных активистов) и оставили здание в полуразрушенном состоянии[2].

Узнав о налете, забастовал весь пролетарский Выборгский район. В других районах только и ждали сигнала для выступления[3]. Исполком Петроградского Совета немедленно создал следственную комиссию с поручением представить доклад в течение 24 часов. 19 июня съезд Советов одобрил действия Исполкома Совета. Но многие рабочие остались недовольными. По словам Суханова:

1 *Новая жизнь*, 11 мая 1917 г.

2 *Сергеев Н. С.* Указ. соч. С. 391, 398; Док. мая. С. 493; *Новая жизнь*, 9 июня 1917 г.; *Известия*, 19 июня 1917 г.

3 *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // *Пролетарская революция*, № 5, 1923. С. 107.

«Рабочие петербургских заводов из разных партий явились [на съезд Советов] высказать свое отношение к ночным событиям и поднимались на трибуну один за другим. Бесхитростно и коряво они горько упрекали власть за разгром дачи, за бессмысленное убийство; одни возмущались, другие смеялись над грандиозной военной экспедицией, снаряженной против кучки людей, которые никогда не пролили ни капли крови и не пролили ее даже теперь, защищаясь от солдатского разгрома...

Съезд молча и мрачно слушал. Может быть, рабочие были неправы. Но они все в один голос, без партийных различий были живым свидетельством того, что между рабочей столицей и съездом лежит непроходимая пропасть, что говорят они на разных языках. Невозможно было не видеть этого»[1].

Резолюция общего собрания рабочих машиностроительного завода «Айваз» подтвердила эту оценку: «*Несмотря на давление всего петроградского пролетариата на Совет рабочих и солдатских депутатов в смысле принятия мер к подавлению поднимающей голову реакции, бездействие Совета, с одной стороны, и содействие буржуазного правительства, с другой, дали возможность контрреволюции сделать громадный шаг вперед.*

В день наивысшей солидарности пролетариата, 18 июня, правительство мобилизовало новую "революционную жандармерию" для насильственных действий против анархических групп на даче Дурново. Вместо открытой борьбы словом и разумом против дезорганизующих пролетариат идейных противников правительство прибегает к массовым арестам без суда и следствия, вызывая на насильственные контрдействия, разбивающие силы пролетариата»[2].

Резолюция завода Лесснера гласила: «*Мы признаем, что тактика наших товарищей анархистов является недопустимой и вредной, но причины появления таких конфликтов имеют свои корни в контрреволюционной политике буржуазии за спиной социалистических министров. Это политика, основанная практически на старом фундаменте, рождает возбуждение в массах. Такие явления можно устранить лишь путем передачи власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов*

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. III. С. 357–358.
2 *Правда,* 24 июня 1917 г.

(пример этого – Кронштадт. Там анархисты ничего не захватили и не будут пытаться это делать)»[1].

Видное место в «контрреволюционной политике» буржуазии, о которой говорится в данной резолюции, занимал правительственный план «разгрузки» Петрограда от промышленности. Хотя правительство продвигалось черепашьим шагом в решении проблемы государственного регулирования экономики, оно уже в апреле начало работу над планом перемещения петроградской промышленности в провинцию. Причиной перемещения была объявлена необходимость приближения предприятий к источникам сырья и продовольствия. Новость об этом плане сразу вызвала у рабочих подозрения в истинности намерений правительства. Помимо сомнительного характера плана с чисто экономической точки зрения[2] – в этом социалисты всего политического спектра были единодушны – рабочие увидели в нем политический замысел, направленный против революции. Питерские рабочие считали себя инициаторами и главной опорой революции; цензовое же общество видело в них источник анархии и угрозу общественному порядку. На одном из собраний Государственной думы того периода премьер-министр князь Львов посетовал, что *«вся Россия выдана тому идолу Петербургу, который и при старом режиме сосал соки из народа и сосет из него теперь. Россия приносится в жертву крикливой наглости того хаоса, который именуется Петроградом»*[3]. У рабочих не было сомнений в том, что план направлен

---

1 Док. мая. С. 567. В Кронштадте власть находилась в эффективных руках местного Совета.

2 Веским аргументом против плана было то, что одной из главных причин экономического кризиса являлась дезорганизация транспорта. Чтобы вывезти предприятия в провинцию, потребовалось бы 200 тыс. железнодорожных вагонов. Поэтому имело больше смысла использовать поезда для доставки сырья и топлива на столичные предприятия вместо того, чтобы связывать столько нужных вагонов для перевозки предприятий по стране. Помимо этого, промышленники отказывались назвать дату возобновления производства на новых местах. Некоторые даже утверждали, что до января 1919 г. это невозможно. А ведь Петроград был главным центром военной промышленности России. (См.: ФЗК. Т. II. С. 31; *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VI. С. 64).

3 *Новая жизнь,* 1 июля 1917 г. *Новая жизнь* справедливо указала князю, что погромы, самосуд и другие незаконные действия обычно характерны для периферии, но не столицы.

против них как главной революционной силы. Следующая резолюция была принята на митинге 700 рабочих Кожевниковской текстильной фабрики: «*Выслушав доклад о разгрузке Петрограда..., [мы] протестуем против злоумышлений фабрикантов и заводчиков и нашего коалиционного Временного правительства. Мы находим, что фабриканты и заводчики разгрузкой намереваются сослать за Урал по этапу часть революционного пролетариата для того, чтобы легче было встать во главе контрреволюционного движения*»[1].

На другом заводском собрании предложили «*разгрузить город не от рабочих, а от биржевых дельцов, чиновников и других праздно шатающихся по Невскому проспекту*»[2].

Именно по вопросу «разгрузки» Петрограда большевики одержали свою первую значительную победу в Рабочей секции Петроградского Совета в конце мая. *Известия* сообщали, что в ходе прений по плану «разгрузки» Временное правительство и особенно Исполком Совета подверглись резкой критике со стороны представителей Центрального бюро профсоюзов Петрограда, профсоюза металлистов, депутатов-большевиков и меньшевиков-интернационалистов. Все ораторы указывали на необходимость передачи власти в руки Советов и немедленного перевода промышленности на мирные рельсы. Все характеризовали «разгрузку» как замысел буржуазии, направленный против политических и социальных стремлений рабочего класса. В резолюции, предложенной Центральным бюро профсоюзов, говорилось, что была нужна не «разгрузка» Петрограда, а окончание войны и серьезная борьба с усиливавшейся экономической разрухой. Это, в свою очередь, требовало регулирования и контроля государственной власти в лице Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов над всем производством. Эта резолюция собрала 173 голоса, тогда как резолюция, предложенная Исполкомом Совета в поддержку Временного правительства, получила 144 голоса[3].

Столкнувшись с активной оппозицией, Временное правительство тихо отложило план «разгрузки» до поры до времени.

1 Раб. кон. С. 83.

2 *Рабочая газета*, 26 мая 1917 г.

3 *Известия*, 2 июня 1917 г.

• *Внешняя политика*

Вскоре после Апрельского кризиса Временное правительство приступило к подготовке наступления на фронте. Начавшись 18 июня 1917 г., оно положило конец неформальному перемирию, царящему со времени Февральской революции. В числе принятых мер военный министр Керенский отменил ряд прав, завоеванных солдатами в Феврале. В частности, офицеры вновь получили право на применение силы против солдат за неподчинение. А солдатские комитеты утратили право удалять командиров и препятствовать боевым приказам. Если бы эти меры применялись на практике, они бы аннулировали Приказ № 1 Петроградского Совета – центральный акт Февральской революции, который сломал власть офицерского корпуса над солдатами, тем самым уничтожив репрессивный аппарат царской власти.

Поэтому, хотя большинство рабочих еще поддерживали «революционное оборончество», в этих мерах они видели угрозу революции. Рабочие не питали никаких иллюзий насчет контрреволюционных умонастроений офицерского корпуса, особенно его высших чинов. На ряде предприятий они открыто выражали сочувствие солдатам полков гарнизона, расформированным в качестве наказания за неповиновение. Шестого июня общее собрание рабочих Невской обувной фабрики единогласно приняло следующую резолюцию: «*Узнав о расформировании 5 полков, [общее собрание] с негодованием протестует против таких мер. Неподчинение полков вызвано справедливым возмущением солдат против тактики наступления. Гибельная тактика захвата не могла не встретить отпора со стороны сознательных солдат. Мы выражаем свою солидарность с солдатами расформированных полков*»[1].

Рабочих особенно волновало намерение правительства отправить часть петроградского гарнизона на фронт в нарушение договоренности, достигнутой в Феврале между Петроградским Советом и думским комитетом, держать гарнизон в столице для защиты сердца революции.

1 Док. мая. С. 301.

В этих условиях остатки «революционно-оборонческих» настроений у рабочих быстро испарялись, так как они основывались на убеждении, что правительство намерено добиваться справедливого мира. Ни для кого не было секретом, что военное наступление подготавливалось под сильным давлением Лондона, Парижа и Вашингтона. На призыв Совета к всеобщему миру и отказу от аннексий и контрибуций союзники России ответили призывом к свержению «прусского милитаризма», требованием «справедливых репараций за потери» и восстановления военной мощи России[1].

Поэтому не удивительно, что не убеждали заверения Керенского, будто наступление является лишь тактическим, а отнюдь не политическим вопросом[2]. Рабочие считали, что наступление отложит заключение мира и подорвет авторитет Русской революции в глазах трудящихся воюющих стран. Даже меньшевистская *Рабочая газета*, выступавшая за наступление, признавала популярность лозунга «немедленного общего перемирия». Она отмечала, как взрывался аплодисментами митинг рабочих и солдат на Марсовом поле в конце мая при каждом упоминании слова «перемирие»[3].

Внешняя политика Временного правительства была важнейшей темой заводских собраний, все чаще заканчивавшихся требованием передачи власти Советам. 5 июня совместное собрание рабочих литейного, инструментального и модельного цехов Путиловского завода послало приветствие съезду Советов, при этом добавив: «*Мы надеемся, что внешняя политика, стоящая на точке замерзания по вопросу о мире без захватов..., немедленно сдвинется с места... и также мы верим, что Всероссийский съезд Советов решит судьбу во внутренней политике, в частности двоевластия или безвластия нашего коалиционного Временного правительства, и съезд отныне должен сказать, что власть должна переходить в руки демократии*»[4].

15 июня совместное собрание двух смен машиностроительного завода «Старый Парвиайнен» единогласно постановило:

1 *Kochan L.* Russia in Revolution. London: Paladin, 1970. P. 218–220.
2 *Рабочая газета,* 25 мая 1917 г.
3 Там же, 28 мая 1917 г.
4 Там же, 18 июня 1917 г.

«*Мы... считаем политику соглашательства с нашими капиталистами и через них с капиталистами всего мира губительной для дела Русской и международной революций, для дела мирового объединения пролетариата.*

Мы призываем всех товарищей пролетариев и полупролетариев деревни к решительному разрыву с политикой империализма и соглашательства с империализмом – политикой, направленной на понижение Русской революции к роли покорной слуги и исполнителя желаний международного капитала. Русская революция, призывающая трудящихся широкого мира к борьбе с капитализмом, должна дать достойный пример этой борьбы в выдержанном законченном виде ее. Долой власть капиталистов! Да здравствуют революционные пролетариат и крестьянство! Долой политику бессилия, политику соглашательства со всемирными грабителями! Да здравствует политика силы, политика решительной борьбы за свободу трудящихся всего мира! Мир хижинам, война дворцам! Во имя этой великой борьбы мы считаем необходимым немедленно провести в жизнь ряд мер, выраженных в следующих лозунгах: Долой контрреволюцию, долой десять министров-капиталистов, долой “Союзных империалистов”, стоящих за организующейся контрреволюцией, долой капиталистов, организующих итальянскую забастовку и скрытые локауты. Вся власть Советам рабочих и крестьянских депутатов... Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с английскими и французскими капиталистами! Немедленная публикация Советом истинно справедливых условий мира. Против политики наступления. Хлеб. Мир. Свобода»[1].

Начало наступления 18 июня совпало с массовой демонстрацией рабочих и солдат Петрограда, заявлявших о своем недоверии Временному правительству. Тем не менее на совместном заседании рабочих и солдатских секций Петроградского Совета 20 июня большинство проголосовало в поддержку наступления (472 голоса – за, 271 – против и 39 воздержавшихся) следом за подобным голосованием накануне на съезде Советов[2]. Итоги голосования в Совете были во многом обязаны более умеренной позиции

1 *Куделли П. Ф.* Указ. соч. С. 34–35.

2 *Известия*, 23 июня 1917 г.

солдатских депутатов, которые были непропорционально широко представлены в Совете по отношению к фактическому числу солдат в столице. Резолюция рабочих завода «Новый Лесснер» отразила отношение большинства рабочих к наступлению: «*По вопросу о наступлении мы заявляем, что наступлением нанесен удар Русской революции и Интернационалу, и вся ответственность за эту политику падает на Временное правительство и поддерживающие его партии меньшевиков с социалистами-революционерами. Мы убеждены, что только революционными усилиями трудящихся масс и всех народов можно окончить войну, а для этого нам нужно не наступление на фронте, а наступление на буржуазию внутри страны для перехода власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов*»[1].

• Вопрос государственного регулирования экономики

Требование государственного регулирования экономики, появившееся у рабочих во второй половине апреля, означало углубление социального содержания революции. До этого рабочие были заняты главным образом ликвидацией остатков старого режима и унаследованных от него проблем. Государственное регулирование экономики было совсем новым императивом, родившимся из экономической обстановки весны 1917 г.

Это требование было связано со все более крепнувшим убеждением рабочих, что промышленники готовят скрытый локаут под предлогом нехватки сырья и топлива. Локауты с давних пор были любимым оружием капиталистов против рабочих. В середине мая 1917 г. *Новая жизнь* писала, что за последнее время «*на целом ряде предприятий наблюдается сокращение производства. Это явление пока обозначилось на мелких и средних предприятиях, но все же оно начинает основательно тревожить рабочие массы. У передовых рабочих напрашивается определенное сопоставление новых экономических завоеваний с последующим сокращением производства*»[2].

1 *Правда*, 22 июня 1917 г.
2 *Новая жизнь*, 10 мая 1917 г.

В июне газета *Новое время* сообщала, что промышленники начинают продавать свои предприятия, отправляя капитал за границу, чтобы потом перебраться туда самим, согласно русской пословице: «Где сокровище мое, там и сердце мое»[1]. Профсоюз текстильщиков усмотрел тенденцию текстильных промышленников, в своем большинстве выходцев из Великобритании, ликвидировать текущие счета и отправлять готовые и полуготовые товары в Финляндию, а если позволяла ситуация, то и сырье, и части от станков. На некоторых фабриках уже вводилась сокращенная рабочая неделя. Журнал профсоюза упоминал о случае, когда администрация сообщила, что производство сократится из-за нехватки хлопка, но одновременно сырье с фабрики отгружалось на баржи и отправлялось в неизвестном направлении. Другой случай касался британского предпринимателя Чарльза Мункена, выехавшего в мае в Финляндию якобы для закупки катушек, но вскоре оказавшемся в Англии. А вслед за ним последовали его партнеры и весь английский управленческий персонал, опустошивший перед этим сейф предприятия. Даже Перси Торнтон, промышленник либеральной репутации, угрожал закрыть свое дело[2].

Сопротивление промышленников введению государственного регулирования экономики только укрепляло подозрения рабочих. Перед Февральской революцией и еще в первые недели после нее промышленники и буржуазные политические деятели продолжали, как и раньше, возлагать вину за проблемы экономики на некомпетентность царской власти и последствия войны. Но эти объяснения были вскоре забыты. Н. Н. Кутлер, видный деятель кадетской партии, обрисовал ситуацию следующим образом: экономический механизм страны разрушен чистками управленческого персонала, проведенными рабочими; производительность труда упала на 20–40%; всюду царят хаос и дезорганизация. В качестве основной проблемы он назвал «непомерные требования рабочих, делавшие предприятия неуправляемыми»[3]. Комментируя речь Кутлера, кадетская газета *Речь* зловеще

1 *Новое время*, 20 июня 1917 г.

2 *Перазич В.* Указ. соч. С. 85.

3 *Рабочая газета*, 14 мая 1917 г.; *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. III. С. 109.

предсказывала: «*Пройдут две-три недели, и заводы начнут закрываться один за другим*»[1].

Что касается государственного регулирования экономики, промышленники и слышать о нем не желали. В середине мая Исполком Петроградского Совета принял план широкого государственного регулирования производства, распределения и финансов. Но два дня спустя видный московский промышленник, министр торговли и промышленности А. И. Коновалов подал в отставку, ссылаясь на этот план в качестве причины своего ухода. В своем письме об отставке премьер-министру Львову Коновалов объяснял, что по большинству вопросов, в том числе и по финансовым реформам, и по трудовым отношениям, у него нет серьезных разногласий с министром труда М. И. Скобелевым, меньшевиком и членом Исполкома Совета. Но он крайне скептически относится к тому общественному контролю и к мерам экономического регулирования, которые Скобелев предлагает. И добавил, что предотвратить наступающий кризис возможно лишь в том случае, если «*Временное правительство продемонстрирует истинно полную власть, если оно войдет на путь восстановления нарушенной дисциплины и проявит энергию в борьбе с непомерными требованиями крайних левых*»[2].

Коновалов умолчал о том, что государственное регулирование экономики в той форме, которую предлагал Исполком Совета, применялось во всех других воюющих странах. Его предложение для оздоровления экономической жизни России было сугубо простым: обуздать рабочих. И на Съезде военно-промышленных комитетов он снова обрушился на «*непомерные требования рабочих», предупреждая, что «если в ближайшем будущем не произойдет отрезвление умов, мы будем свидетелями закрытия десятков и сотен предприятий*»[3]. А ведь Коновалов считался «либералом» среди промышленников[4].

Основной темой на Всероссийском съезде представителей торговли и промышленности 1 и 2 июня 1917 г. была оппозиция государственному регулированию экономики в любой его

1 *Речь*, 13 мая 1917 г.
2 *Новая жизнь*, 20 мая 1917 г.
3 Там же, 19 мая 1917 г.
4 Там же, 21 мая 1917 г.

форме[1]. Выступая перед собравшимися, П. П. Рябушинский, видный банкир и промышленник, также известный либерал, объяснял, почему государственное регулирование возможно в других странах, участвующих в войне, но не в России: «*В Европе государство, вмешиваясь в область государственной [т. е. экономической] жизни, получает всю полноту контроля, против чего мы не возражаем. Но мы боимся, что такой контроль невозможен в России в смысле его полезности и целесообразности для государства в целом, доколе наше правительство само продолжает находиться в положении подконтрольном*»[2].

Иными словами, государственное регулирование приемлемо там, где влияние буржуазии преобладает в государстве. Но в России соотношение классовых сил на стороне рабочих. Если позволить государству вмешиваться в экономическую жизнь, оно может встать на сторону рабочих в ущерб интересам капиталистов.

Внутри Совета по всему спектру социалистических партий мнение о природе экономической политики капиталистов было единодушным. Даже меньшевистская *Рабочая газета*, непоколебимая сторонница союза Совета с либеральной буржуазией, усматривала в политике промышленников стремление провести скрытый локаут. Газета писала в середине мая: «*В лагере промышленников оживление. Прошла недолгая оторопь, охватившая их в первые дни революции. От недавней растерянности и панической уступчивости не осталось и следа. Если в первый месяц свободы объединенные промышленники почти без сопротивления удовлетворяли требования рабочих, то теперь они решительно перешли в оборону и спешно готовятся к наступлению по всему фронту...*

Не сразу решаются они объявить открытую войну рабочим. Слишком раскалена еще вулканическая почва революции, слишком грозный еще в своем революционном порыве рабочий класс, чтобы промышленники, по крайней мере, в данный момент, решились пойти напролом и встречным натиском опрокинуть противника.

---

1 *Новая жизнь*, 2 июня 1917; Док. мая. С. 197.

2 *Известия Московского военно-промышленного комитета,* № 13, 1917. С. 15. Цит. по: *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 35.

Но усиление общего хода разрухи, надвигающийся призрак массовой безработицы, социальный испуг имущих классов – все это создает почву для реализации наступательных замыслов предпринимателей. И вот, не решаясь открыто идти на «прорыв центра», они пытаются сделать обход с флангов, чтобы зайти противнику в тыл.

Все чаще мы за последнее время слышим об “итальянской забастовке”, практикуемой предпринимателями то там, то здесь. Заводы не ремонтируются, изношенные части не заменяются новыми, запасы сырых материалов и угля не возобновляются, работы ведутся спустя рукава. Предприниматели кричат на всех перекрестках, что “чрезмерные требования” рабочих не осуществимы и прямо гибельны для предприятий. Они великодушно предлагают или делают вид, что предлагают государству снять с них непосильное бремя управления предприятиями.

В других случаях они сокращают производство, рассчитывают рабочих под предлогом недостатка металла, угля, отсутствия заказов, конкуренции импортов. Тут перед нами другой прием борьбы – скрытый локаут…

В Отделе труда Совета рабочих и солдатских депутатов приходится сталкиваться с фактами, подтверждающими наличие определенного плана у промышленников»[1].

После Октябрьской революции *Рабочая газета* изменила свою позицию, решив, что обвинения промышленников в саботаже производства является лишь плодом «*демагогической фантазии*» большевиков[2].

Тем не менее, такая жесткая оценка политики промышленников могла бы появиться в большевистской *Правде*. Только *Правда* сделала бы вывод, что буржуазию надо устранить от власти в пользу Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Делегат от Электрического общества 1886 г. рабочий-большевик М. Н. Животов высказался именно в этом духе на Первой петроградской конференции фабрично-заводских комитетов в начале июня: «*Для нас, рабочих, очевидно, что буржуазия организует свой контрреволюционный поход против демократии и особенно против ее передового отряда и вождя – против*

1 *Рабочая газета,* 20 мая 1917 г.
2 Там же, 12 ноября 1917 г.

рабочего класса... Свою контрреволюционную атаку буржуазия повела очень ловко и на первый взгляд незаметно, усиливая хозяйственную разруху, а вместе с ней и недостаток в продуктах... Она готова даже вызвать в стране голодные бунты и анархию, а потом объявить диктатуру и с помощью военной силы расправиться с анархией, а заодно и с революцией, ибо для буржуазии революция это – то же, что анархия.

Надо быть слепым или умственным недорослем, чтобы не видеть этой контрреволюционной работы буржуазии. Саботаж угольных промышленников в Донецком бассейне, саботаж в текстильной промышленности и такой же организованный саботаж предпринимателей на целом ряде питерских заводов требуют организованного вмешательства рабочего класса в форме немедленного учреждения рабочего контроля, который и может положить предел контрреволюционным замыслам капиталистов.

Если мы не поведем борьбы против этой дезорганизаторской работы капиталистов, то она разрушит все наши пролетарские организации, так как сокращение производства и закрытие заводов усиливает с каждым днем армию безработных, а голодному да безработному не пойдет на ум никакая организация. А если мы упустим рабочие массы из организаций, из-под своего влияния, тогда-то начнется настоящая анархия, которую уже нелегко будет взять в свои руки...

Наивно было бы думать, что коалиционным правительством вместе со всей заседающей там буржуазной братией был бы разработан и введен контроль над своими же капиталистами и промышленниками. Но тем с большей настойчивостью должны мы, рабочие, добиваться осуществления контроля при участии в нем представителей от рабочих и рабочих организаций у себя на заводах, на местах. Несомненно, что жизнь заставит в недалеком будущем осуществить это выдвигаемое рабочими требование контроля над производством, но осуществит его в полной мере не буржуазное правительство, а то правительство революционной демократии, которое придет ему на смену»[1].

1 ФЗК. Т. I. С. 105–106.

Ряд делегатов выступал с той же позиции. Цейтлин, делегат от трикотажной фабрики Керстена, обратился со следующими словами к «соглашателям», утверждавшим, что без участия во власти либеральной буржуазии революция будет обречена: «*Предвидя безработицу, мы должны не допустить гибели от нее. Вы говорите, что мы сейчас не можем взять власть в свои руки потому, что массы не организованы. Но когда эта масса будет голодна, ничего уже нельзя будет сделать. Нужно сейчас же создать такую власть, которая предотвратила бы голод. Мы должны создать тот орган, какой был предложен в резолюции. Нам необходимо создать сильный центр заводских комитетов, который будет министром труда всероссийского пролетариата. Он, конечно, должен будет действовать решительнее, чем министерство Скобелева.*

Необходимо немедленно регулировать все производство, немедленно перевести целый ряд заводов с производства военных продуктов на производство продуктов первой необходимости, нужные для всей страны. При этом рабочие должны проявлять инициативу в данном направлении, не обращая своих надежд на тех, кто сидит в министерствах. Нужно производить сельскохозяйственные машины и другие предметы.

Вы спросите: “а где деньги?” Надо взять их у наших мародеров, которые лицемерно кричат о “Займе свободы”, но этот заем остается на плакатах. Мы должны взять деньги, а не поступать, как артисты, вымаливающие на улицах на “Заем свободы” гроши у буржуазии. Заводские комитеты должны осматривать закрывающиеся заводы, чтобы приспособить их для иных целей.

Мы должны смотреть на вещи, как они есть, а не как говорят соглашатели с буржуазией. Нужно категорически требовать. Соглашательством ничего не добьешься»[1].

Меньшевистский лидер Д. Ю. Далин, выступая от Исполкома Совета с категорическим неприятием этой позиции, утверждал, что конференция фабрично-заводских комитетов не уполномочена заниматься политическими вопросами: «*Говорить, что рабочие должны брать управление производством на себя, это*

1 ФЗК. Т. I. С. 123.

значит, говорить, что они должны брать в свои руки власть. А я протестую против того, чтобы на таких собраниях, как эта конференция заводских комитетов, поднимались какие-либо политические вопросы»[1].

Но он протестовал напрасно. Сама логика ситуации вела рабочих, и в первую очередь активистов фабрично-заводских комитетов, вплотную сталкивавшихся с проблемами производства, к пониманию необходимости передачи власти Советам. Этот момент не ускользнул от меньшевиков и эсеров, еще остававшихся во главе Совета. Когда экономический отдел Петроградского Совета, состоявший в своем большинстве из умеренных социалистов, как, например, экономист В. Г. Громан, представил свой план регулирования экономики Исполкому, министр труда Скобелев, сам меньшевик, воскликнул: «Вы хотите взять власть!»[2] Скобелев сразу понял, что этот довольно скромный план государственного регулирования неприемлем для его цензовых коллег в правительстве, что он осуществим лишь при условии устранения представителей цензового общества из власти, т.е. передачи власти исключительно в руки «революционной демократии».

Даже активисты фабрично-заводских комитетов с «соглашательскими» склонностями левели под влиянием проблем, с которыми они сталкивались на предприятиях. Член заводского комитета Адмиралтейского судостроительного завода, большевик, вспоминал: «*Я был делегатом на Первой конференции фабзавкомов вместе с меньшевиком и эсером. Мои соперники голосовали вместе со мной по всем основным вопросам... На своем партийном собрании один их них разорвал свой партийный билет и перешел в нашу партию через несколько дней*»[3].

Животрепещущие насущные вопросы, такие, как, внешняя политика Временного правительства, все более агрессивные выступления видных буржуазных политических деятелей и буржуазной прессы, бездеятельность власти перед надвигавшимся экономическим кризисом, план «разгрузки» Петрограда – к концу мая 1917 г. успели убедить большинство квалифицированных

---

1 ФЗК. Т. I. С. 100.

2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 110.

3 Петроградские рабочие об июльских днях // *Красная летопись,* № 9, 1924. С. 33.

рабочих в необходимости передачи власти Советам. Исключением были печатники, в своем большинстве все еще сторонники меньшевиков. Что касается рабочих с более низкой квалификацией, то в большинстве они еще оставались на «соглашательских» позициях. Эти рабочие были менее политизированными, а вышеупомянутые вопросы были слишком далеки от их конкретного, ежедневного опыта, чтобы убедить их изменить свою позицию о власти.

Перазич, один из лидеров Профсоюза текстильщиков, отмечал, что там, где возникали конфликты из-за сокращения объемов производства, рабочие переставали поддерживать местных меньшевиков и эсеров, обзывая их «хозяйскими приспешниками» за отказ посягнуть на власть администрации. Тем не менее они продолжали одобрительно внимать посторонним меньшевикам и эсерам, выступавшим перед ними на собраниях. «*Вообще наша масса была в то время политически совсем еще темная и шла на поводу у меньшевиков и эсеров. Когда в то время на Торнтоне, например, выступала левая эсерка Маруся Спиридонова с лозунгом “Вся власть Советам”, а левые эсеры тогда шли с большевиками, они не давали ей говорить и кричали “Убирайся!... каторжница!... убийца!”*»[1]. Между тем в Выборгском районе рабочие разорвали знамена «соглашателей» во время демонстрации 18 июня[2].

А. И. Слуцкий, член Петербургского комитета большевиков от Невского района, оплота эсеров, сообщал в конце мая, что «*положение в Невском районе таково, что совсем не дают говорить большевикам на митингах – свистят*»[3]. Он отмечал у этих рабочих тот же настрой, о чем писал Перазич в отношении текстильщиц: «*Послушайте, что говорят рабочие после митингов, на которых они может быть и хлопали ораторам, стоявшим на платформе Совета рабочих и солдатских депутатов [т. е. которые поддерживают коалиционное правительство]. [Но] Поскольку вопрос касается их насущных нужд: расценка, дороговизна, прибавки, разгрузка, если она коснулась данных слоев, постольку возбуждение масс большое*».

1 *Перазич В.* Указ. соч. С. 81.
2 Док. мая. С. 481.
3 Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. С. 230.

И он провел параллель с крестьянским подходом к политическим вопросам: «*То же самое наблюдается и у крестьян: в политике крестьяне разбираются слабо, но что касается разрешения земельных вопросов, они радикальны. Взять хотя бы пункт шестой их резолюции [на Первом съезде крестьянских депутатов в конце мая], где они определенно говорят, что назначенного правительством комиссара надо гнать в шею*»[1].

Классический пример того, как экономический конфликт в этот период мог подтолкнуть влево менее квалифицированный слой рабочих, дал Путиловский завод. Его 30 тыс. рабочих составляли как бы микрокосм рабочего класса столицы. В период рабочего подъема 1912–1914 гг. большевики стали бесспорными лидерами на этом предприятии. В 1913 г. путиловцы бастовали в общей сложности 102 дня, а в первой половине 1914 г. – 145 дней. Поводы забастовок были в основном политическими[2]. Но во время войны завод уже не играл роли авангарда. В полицейском отчете от февраля 1916 г. сообщалось: «*До войны [рабочие Путиловского завода] стояли во главе петроградских рабочих. С начала войны произошел резкий перелом у рабочих завода, и патриотическое чувство взяло верх над социалистическим. С течением времени патриотический настрой значительно ослабел, но справедливость диктует отметить безусловную лояльность и сдержанность путиловских рабочих, которые не участвовали даже в таких исконно традиционных рабочих выступлениях, как 1-е мая и 9-е января*». Во время всего предыдущего года, продолжалось в докладе, рабочие оставались спокойными, несмотря на старания большевиков вовлечь их в общее движение[3].

Относительная сдержанность путиловцев во время войны была связана с изменениями в их социальном составе. В начале войны в армию были призваны 6 тыс. чел. из всех 16 тыс. рабочих завода в то время[4]. А во время войны в связи с массовым расширением производства боеприпасов число только неквалифицированных «чернорабочих» доросло до 10 тыс. чел.[5]

1 Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. С. 265.
2 Путиловцы в трех революциях. С. 236
3 Там же. С. 291.
4 *Крузе Е. Е.* Указ.соч. С. 72
5 *Степанов И.* Указ. соч. С. 27; *Мительман М. и др.* Указ. соч. С. 631.

Не сумев в январе 1916 г. уговорить рабочих участвовать в демонстрации по случаю годовщины Кровавого воскресенья, большевики решили изменить тактику, убирая на второй план политические вопросы и выдвигая на первый план экономические требования. Результаты не заставили долго ждать. В феврале 1916 г. завод уже бастовал под экономическими требованиями[1].

В первые три месяца после Февральской революции завод занимал умеренные позиции и поддерживал меньшевиков и эсеров. Исключением были рабочие более сложных технологических цехов, таких как инструментальный, где рабочие раньше других стали требовать передачи власти Советам. Первые выборы на заводе в Петроградский Совет дали лишь 9 депутатов-большевиков из всех 45 избранных депутатов[2]. Но по экономическим вопросам большевики пользовались значительно большей поддержкой. К середине апреля они уже имели перевес в завкоме – из 22 членов комитета шестеро были большевиками и семеро сочувствующими им[3].

Быстрое полевение менее квалифицированных рабочих завода наблюдалось в конце мая. Катализатором послужил «гнойный конфликт 7 марта». 19 апреля директор завода подтвердил новые расценки, которые должны были вступить в силу задним числом с 7 марта. Но шли недели, а ретроактивные доплаты не выплачивались. На все запросы заводского комитета администрация отвечала молчанием. Начались «итальянские забастовки». Наконец совет директоров заявил, что ретроактивной надбавки не будет – директор превысил свои полномочия. Тогда завком обратился в различные министерства (предприятие было секвестрировано государством в 1915 г.), но безрезультатно. 8 июня забастовали некоторые цеха. Большевики с огромным трудом удерживали рабочих от уличного выступления. 13 июня К. А. Гвоздев, заместитель министра труда, видный меньшевик, прибыл на завод и пообещал, что будет бороться за требования рабочих, которые он признал обоснованными. Однако по настоянию совета директоров завода Гвоздев впоследствии согласился отложить любые действия до заключения общего тарифного

1 Путиловцы в трех революциях. С 236.

2 *Мительман М. и др.* Указ. соч. С. 577.

3 Там же. С. 590.

соглашения между Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков и Петроградским профсоюзом металлистов.

Новая задержка решения конфликта настолько разгневала путиловцев, что на демонстрацию 18 июня они вышли со знаменем: «Нас обманули! Товарищи, готовьтесь в борьбе!»[1] «Обман» относился одновременно и к вопросу надбавки, и к общей политике Временного правительства. Д. Ю. Гессен, член Петербургского комитета большевиков от Нарвского района, сообщал 20 июня: «*В Нарвском районе резкий перелом настроения в нашу пользу, что доказали перевыборы, на которых прошли большевики. Путиловский завод, определяющий настроение всего района, определенно встал на нашу сторону принятием резолюции тов. Троцкого.*

Боевое настроение Путиловского завода имеет глубокие экономические причины. Там остро стоит вопрос о прибавках. Требования рабочих о прибавках не были удовлетворены с самого начала революции. На завод приезжал Гвоздев. Обещал удовлетворить предъявленные требования, но не исполнил обещания. На демонстрации 18 июня путиловцы несли такой плакат: “Нас обманули”. В этот понедельник завод решил бастовать. Профессиональный союз металлистов предложил отложить забастовку на три дня, чтобы оповестить другие заводы. Путиловцы согласились отработать эти три дня, хотя в некоторых мастерских решили провести итальянскую забастовку. Масса учитывает забастовку как политическую. К четвергу рабочие решили вооружаться. Раньше путиловцы не шли впереди движения. Теперь их толкают к тому экономические причины»[2].

1 *Мительман М. и др.* Указ. соч. С. 614–623.

2 Петербургский комитет РСДРП(б). С. 329–330. 8 августа на второй Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов делегат от Путиловского завода заявил: «Когда вы будете обсуждать вопрос о текущем моменте, вы должны громко во всеуслышание сказать всему народу, что буржуазия хочет оседлать нас для того, чтобы ездить на нас. При обсуждении текущего момента примите во внимание, как пять месяцев нас, путиловцев, водят за нос, не давая нам возможности работать спокойно, а потом всю вину взваливают на нас же, рабочих. Если наша масса волнуется, то потому, что она полуголодная и, как сами труженики, вы поймете то состояние, в котором находятся путиловские рабочие, и возвысите свой голос на всю Россию для того, чтобы огласить во всеуслышание, какому обману подвергла администрация передового борца рабочего класса, путиловских рабочих» (ФЗК. Т. I. С. 209–210).

Газета эсеров *Дело народа* сообщала о заводе: «*Настроение напряженное. Идут собрания во всех цехах с призывами к немедленному вооруженному выступлению не только по защите [экономических] требований, но и против общего направления деятельности Временного правительства*»[1].

Недовольство уровнем зарплаты росло и среди рабочих, остававшихся сторонниками меньшевиков и эсеров, поскольку инфляция уже успела съесть мартовское повышение[2]. И хотя это недовольство еще не выражалось политически, отсутствие на демонстрации 18 июня знамен в поддержку коалиционной политики Совета красноречиво говорило о сомнениях рабочих по отношению к Временному правительству. Ведь к демонстрации призвали лидеры Совета с целью продемонстрировать массовую поддержку Совету и его политике. А главным элементом этой политики было участие представителей Совета в правительственной коалиции.

Поразительно, что среди более политизированных рабочих – как радикальных, так и умеренных взглядов – политическая оценка буржуазии, как основной контрреволюционной силы, не особенно различалась. Разница была в том, что более умеренные рабочие считали, что передача власти Советам не сможет решить проблемы революции, что она лишь изолирует рабочих, облегчая их поражение. Один из немногих делегатов-меньшевиков на конференции фабрично-заводских комитетов в начале июня – рабочий Ткаченко с завода Электрического освещения, объяснял: «*Здесь перед нами борются два мировоззрения, два течения социалистической мысли, разно смотрящие на вопрос о том, как нам, рабочим, избавиться от надвигающейся производственной разрухи, готовой поглотить вместе с революцией все наши завоевания, как в правовой, так и в экономической области. Признаки грядущей катастрофы дают о себе знать уже сейчас, и нужны энергичные меры общегосударственного характера, чтобы избежать этой катастрофы.*

1 *Дело народа,* 20 июня 1917 г.

2 *Перазич В.* Указ. соч. С. 69–73; *Рабочая газета,* 6 июня 1917 г. По словам газеты *Новая жизнь,* за первые два с половиной месяца революции цены поднялись больше, чем за предыдущие два с половиной года. (*Новая жизнь*,16 мая 1917 г.). О более низкой оценке уровня инфляции см.: *История СССР*, № 3, 1959. С. 224.

Тов. Зиновьев призывает нас напрячь последние усилия для того, чтобы вырвать власть из рук капиталистов-локаутчиков и передать ее Советам рабочих и солдатских депутатов... Я уверен, что все... попытки заставить тов. Зиновьева рассматривать вопрос в связи с реальным соотношением сил внутри страны останутся тщетными. Ему уже теперь в попытках протеста западноевропейского пролетариата чудится движение рабочих батальонов, идущих на штурм твердыни капитализма.

Тов. Ленин... говорил нам о нашей вековой вражде с хищниками-фабрикантами, о классовой ненависти нашей к капиталистам-захватчикам, говорил о миллионах, нажитых локаутчиками на нашей крови, говорил о наших ежечасных обидах, чинимых врагами-эксплотаторами, и о том гнете, который мы испытываем ежедневно на собственной шкуре. Он нам указывал, что наши министры-социалисты идут на поводу у буржуев-мародеров, и от них ждать нечего, потому что они народ конченный.

Но ни Ленин, ни Зиновьев не указали нам, кто же в последнем счете пойдет вместе с нами, рабочими, бороться за власть. Ведь одни мы, рабочие, не в силах будем удержать власть в своих мозолистых руках без непосредственного содействия крестьянства, без сочувствия мелкой буржуазии. Вам всем известно, как крестьянство высказалось на своем съезде о том, кого оно будет поддерживать и с кем будет строить государственную жизнь страны. Тов. Ленин двадцать лет писал и говорил нам о необходимости диктатуры пролетариата и крестьянства для захвата политической власти в государстве. Тогда же он убедительно доказывал нам, что крестьянство, являясь по существу мелкобуржуазным классом, будет нашим попутчиком в общей борьбе только до тех пор, пока мы будем разрешать вопросы о земле и о политической власти в стране, и резко разойдется с нами, как только зайдет речь об экспроприации частной собственности и о проведении в жизнь социализма. Что же изменилось с тех пор, за эти десять лет? Неужели крестьянство почувствовало грядущую неизбежность социализма и решило действовать вместе с нами?... Нет, положение не изменилось.

Никогда не следует забывать, что мы живем и действуем в период буржуазно-демократической революции, ведем борьбу при колоссальном напряжении всех материальных и духовных сил народа, при безмерно затянувшейся мировой бойне, в конец истощающей государственный организм. При таком критическом положении страны нам, рабочим, ставшим строителями, зодчими новой жизни, нужно действовать как можно осмотрительнее и стараться не делать слишком рискованных шагов, чтобы к существующей разрухе не прибавить еще новых непоправимых бед…

Контроль над производством и распределением не страшен. Государственный контроль и регулирование производства и распределения необходимы, как воздух и хлеб, и их мы будем осуществлять у себя на местах. Страшно то, что контроль связывают с переходом власти к Советам. Нас хотят убедить, что без перехода всей власти в стране к рабочим и демократии невозможно осуществить действительного контроля над производством, равномерного распределения между населением продуктов. И при этом делают вид, будто рабочим удастся справиться с этой задачей без содействия всей демократии, при явном противодействии буржуазии и интеллигенции.

Я кончаю, товарищи, и прошу только об одном: чтобы вы, прежде чем приступить к решительному захвату власти, тщательно взвесили все обстоятельства, подробно выяснили, кто же еще наряду с нами, рабочими, будет осуществлять этот переход власти. Бойтесь пуще смерти остаться одинокими в борьбе, ибо, как только мы останемся одни, мы будем разбиты, и тогда по нашим трупам капитаны промышленности доберутся до государственного корабля и станут у руля власти»[1].

Ткаченко ни слова не произнес в защиту коалиционного правительства или в опровержение мнения о скрытом локауте, проводимом промышленниками. Его аргументация несла негативный характер в том смысле, что Советская власть, по его мнению, не способна решить проблемы рабочих. Рабочие не сумели бы управлять государством и экономикой без поддержки

1 ФЗК. Т. I. С. 102–104.

интеллигенции, остававшейся враждебной, не говоря о крестьянстве, которое отвернулось бы от рабочих после решения земельного вопроса.

В отчете о Продовольственном съезде, созванном для обсуждения разрастающегося продовольственного кризиса, *Новая жизнь* именно в таком свете представила позицию меньшевиков и эсеров. Многочисленное левое крыло съезда, представленное в основном рабочими и немногими крестьянами, выступало за меры, посягавшие на права частной собственности. Малочисленное правое крыло утверждало, что капиталисты играют организующую роль в экономике и что их поддержка революции жизненно важна. Эти делегаты, по оценке газеты, были парализованы страхом: «*Они тоже не верят в капиталистов, но их устрашают всякие решительные меры в направлении ликвидации собственнических привилегий. Грядущий путь развития России представляется им борьбой с непреодолимыми препятствиями: они то и дело ссылаются на серость и невежество масс, на тенденцию к анархии, на отсутствие твердой власти и упорство торговцев и промышленников*»[1].

В резолюциях рабочих собраний в поддержку меньшевистско-эсеровского руководства Совета в этот период редко фигурировало Временное правительство. Вместо этого они призывали к единству революционной демократии и осуждали большевиков за внесение раскола в ее ряды. Накануне демонстрации 18 июня рабочие типографии Отто Киркхнера после длительной дискуссии приняли следующую резолюцию: «*Мы полагаем, что большевики грубо ошибаются в оценке условий настоящего момента, требующего сплочения сил революционной демократии, и вредят делу революции, внося дезорганизацию в среду рабочего класса. Мы, печатники, предлагаем всему петроградскому пролетариату выступать 18-го июня против своих капиталистических классов, как главных виновников, затевающих войну*»[2].

1 *Новая жизнь,* 28 мая 1917 г.

2 *Рабочая газета,* 18 июня 1917 г. См. также: аналогичные резолюции печатников Киббеля. Там же. 5 июля 1917 г.; Общее собрание делегатов Петроградских типографий. Там же. 8 июля 1917 г.; Общее собрание рабочих Леонтьевской текстильной мануфактуры. Там же. 14 апреля 1917 г.

Аргументы меньшевиков и эсеров, основанные на угрозе большевистских лозунгов единству революционной демократии и на опасности гражданской войны[1], ставили местных активистов этих партий в трудное положение, поскольку они не предлагали рабочим стратегии для выхода из кризисного положения. 20 июня на заседании Петербургского комитета большевиков делегат от Московского района заметил, что «*до сих пор было засилье эсеров. Топтание на месте Совета и наша [отмененная] демонстрация 10 июня наметили уклон настроения рабочих в нашу сторону. Дальнейшие события всколыхнули и беспартийную массу. Перед 18-м эсеры растерялись и не знали, какие им выставить лозунги. Масса учла колебание и качнулась к нам*». От Невского района сообщалось, что «*до демонстрации мы были, по видимости, очень слабы. Меньшевики и эсеры растерялись, не выставили своих лозунгов. Перед демонстрацией они занялись застращиванием людей, и на демонстрацию вышло мало народу*»[2].

Менее чем за четыре месяца после Февральской революции произошло существенное полевение политической позиции большинства рабочих Петрограда. Опыт прошедших месяцев развеял иллюзии, проясняя политическую ситуацию. Сравнивая демонстрацию 18 июня с демонстрациями 23 марта, дня похорон павших в Февральской революции, и 18 апреля (1 мая), Ленин писал: «*Тогда это было поголовное чествование первой победы революции и ее героев, взгляд, брошенный народом назад на пройденный им наиболее быстро и наиболее успешно первый этап к свободе. Первое мая было праздником пожеланий и надежд, связанных с историей всемирного рабочего движения, с его идеалом мира и социализма.*

Ни та, ни другая демонстрация не задавались целью указать направление дальнейшего движения революции и не могли указывать его. Ни та, ни другая не ставили перед массами и от имени масс конкретных, определенных, злободневных вопросов о том, куда и как должна пойти революция.

1 Это была одна из главных тем редакционных статей *Рабочей газеты* во время избирательной кампании в городскую думу. См. номера от 18 и 26 мая 1917 г.

2 Петербургский комитет РСДРП (б). С. 322, 338.

В этом смысле 18-е июня было первой политической демонстрацией действия, разъяснением – не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы – разъяснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше»[1].

Известия, еще находившиеся под руководством меньшевиков и эсеров, высказались, по существу, в том же духе: «*Характерным отличием между нынешней демонстрацией и демонстрациями 23 марта и Первого мая было обилие знамен и точность лозунгов. Если прежнее единство уже не существует, теперь, по крайней мере, все острее осознают, за что они борются и каковы дальнейшие задачи этой борьбы*»[2].

1 *Ленин В. И*. Полн. собр. соч., 5-е изд., 1962. Т. 32. С. 361.
2 *Известия,* 20 июня 1917 г.

ГЛАВА 6
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ В АПРЕЛЕ – ИЮНЕ

Требование государственного регулирования экономики, ставшее узловым мотивом борьбы за передачу власти Советам, имело на предприятиях свой аналог в ширящемся движении за введение рабочего контроля.

Конфликт на машиностроительном заводе Лангезипена ярко иллюстрирует проблемы, существовавшие на предприятиях. Старший фабричный инспектор Петроградской губернии сообщал: «*Поставленная рабочими охрана не выпускала 27 апреля администрацию с завода до окончания работ (в 4 часа), требуя пропусков от Совета рабочих старост, вследствие чего директор-распорядитель завода вынужден был оставаться в правлении безвыходно до 4 часов дня. Рабочие этого завода подозревают администрацию в задержках выработки изделий на оборону, почему вопрос этот обсуждается смешанной комиссией, состоящей из представителей Совета рабочих и солдатских депутатов, Общества заводчиков и фабрикантов, Союза инженеров и Центрального военно-промышленного комитета*»[1].

Разногласия достигли своего апогея 2 июня, когда директор объявил о предстоящем закрытии предприятия, ссылаясь на 33%-ное сокращение производства, на убытки в размере 10 млн руб. при выполнении государственных заказов и на отсутствие финансовых средств. Все это, утверждал он, является следствием введенного восьмичасового рабочего дня, 50%-го снижения производительности труда, постоянного роста цен и нехватки топлива и сырья. По просьбе рабочих, Центральный Совет фабрично-заводских комитетов расследовал положение предприятия. И хотя директор отказался сотрудничать, комиссия, занимавшаяся расследованием, смогла установить, что первоначальный собственник предприятия, Азовско-Донской банк, передал свои акции некоему г-ну Животову; тот, в свою очередь, передал их Сибирскому коммерческому банку, зарегистрировавшему их на имя

1 Док. апр. С. 444.

некоего Кислянского. К этому времени директор завода неожиданно сообщил, что ему удалось занять у знакомого 450 тыс. руб., и производство сможет продолжаться в полном объеме[1].

Между тем рабочие уже взялись за осуществление контроля над заводоуправлением. 5 июня завком сообщал: «*Создавшееся положение за последнее время на заводах акционерного общества “Лангезипена и Ко”, как то: 1) отказ завода признать контрольную комиссию от рабочих и служащих, 2) нарушение администрацией постановления примирительной камеры от 6 мая 1917 г. о размере жалованья служащим и 3) последнее заявление администрации о закрытии завода – поставило нас [в] необходимость принять следующие меры:*

1) Никакие материалы – сырье с завода – отправке никуда не подлежат без разрешения заводского комитета, также готовые изделия, подлежащие отправке, регистрируются заводским комитетом и им же отправляются.

2) Все распоряжения, исходящие от заводского комитета, являются как для товарищей рабочих, так и для служащих, обязательными. Никакие распоряжения администрации завода с сегодняшнего дня недействительны без санкции заводского комитета.

3) Никакие бумаги или переписка по поводу завода не подлежат уничтожению без рассмотрения их заводским комитетом.

4) Для проведения вышеуказанных пунктов с сегодняшнего дня приступает к выполнению своих обязанностей избранная контрольная комиссия.

5) Пожарным и сторожам вменяется в обязанность следить за заводскими зданиями в пожарном отношении»[2].

Две недели спустя контрольная комиссия попросила у властей задержать выплату предприятием дивидендов до окончания правительственного расследования случившегося. Между тем контрольная комиссия заводского комитета сама начала работать над встречным докладом в противовес докладу администрации и попросила от Министерства труда предоставить необходимые документы. Комиссия также обратилась в Центральный

1 ФЗК. Т. I. С. 148; *Известия*, 17 июня 1917 г.; *Новая жизнь*, 19 июня 1917 г.

2 Раб. кон. С. 104–105.

Совет фабзавкомов за помощью в выработке правил и процедур для деятельности завкома[1].

Газета *Известия* описывала этот конфликт, как характерный, приводя в пример «*целую серию заявлений о закрытии [предприятий] хозяевами*», поступающих в Центральный Совет фабзавкомов. В газете отмечалось, что, несмотря на разнообразие причин закрытия, в большинстве случаев они сводились к отсутствию средств и к убыточности. «*Тем не менее, при первой попытке рабочих организаций проверить причины, предлагаемые предпринимателями, очень часто обнаруживаются самые сложные и хитрые махинации капиталистов, направленные на локаут*»[2].

Конфликт на заводе Лангезипена был типичен в том плане, что действия рабочих носили оборонительный характер. Введение контроля мотивировалось защитой производства и мест работы против саботажа администрации. В сообщении от 5 июня заводской комитет объяснял, что намерение владельца закрыть завод «*поставило нас в необходимость принять … меры*».

Та же мотивация присутствовала на ситценабивной фабрике Воронина и К°: «*Общее собрание рабочих и служащих… заслушав доклад о систематическом сокращении производства на фабриках "Воронин и К°", вынесло следующую резолюцию:*

Наблюдаемое сокращение производства за последнее время на фабрике есть умышленная деятельность фабрикантов, ведущая к тому, чтобы привести страну к разрухе и тем самым уничтожить свободу.

Учитывая всю серьезность последствий затеянной контрреволюции, общее собрание поручает фабричному комитету совместно с комитетами и служащими других фабрик, принадлежащих данному обществу, выбрать центральный комитет, который должен контролировать деятельность компании в выпуске производства; постольку, поскольку будет обнаружено стремление правления к дезорганизации производительности предприятий, доводить до сведения Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного правительства»[3].

1 Раб. кон. С. 111.

2 *Известия*, 17 июня 1917 г.

3 Раб. кон. С. 74–75.

Расследование, проведенное весной 1917 г. *Торгово-промышленной газетой,* газетой самих промышленников, выявило, что из 75 закрытий столичных предприятий с начала апреля 54 обосновывались стремлением администрации противостоять требованиям рабочих в пользу повышения зарплаты, а 21 – трудностями снабжения[1]. Согласно либеральной газете *День,* «*если в некоторых случаях эти закрытия мотивированы нехваткой сырья, то во многих других целью являлось запугать рабочих и Временное правительство*»[2].

Как бы то ни было, подозрения рабочих достаточно часто оправдывались[3], чтобы автоматически вызвать у них сомнения в добросовестности администрации при возникновении серьезных проблем на предприятиях. К тому же эти производственные коллизии происходили на фоне государственного плана «разгрузки» Петрограда и исторического опыта рабочих с локаутами промышленников.

Возникновение движения за рабочий контроль лишь в мае 1917 г. объясняется его защитным характером. К этому времени общая ситуация в промышленности стала критической. Но даже тогда введение контроля в форме надзора над деятельностью администраций и доступа к документам было еще редким явлением. Рассмотрение «случаев контроля» в мае и июне, проведенное Петроградским Советом на 84 предприятиях с 230 тыс. занятых работников, установило, что лишь в 24,5% случаев речь шла о контроле за производством и в 8,7% – о контроле за финансами и продажами. В остальных случаях «контроль» сводился к «контролю за условиями труда» (24,6% случаев), за наймом и увольнением (24,1%) и за охраной предприятия (7,5%). Все эти вопросы с самого начала революции входили в сферу

1 Цит. по: *Ferro M.* Op. cit. P. 400.

2 *День,* 17 июня 1917 г.

3 См. например, конфликты в Типографии Сойкина (*Рабочий путь*, 7 сентября 1917); на заводе «Русская Универниль» (*Рабочая газета*, 2 июля 1917); на не названном предприятии (Там же, 18 мая 1917); на заводе Бреннера (*Новая жизнь*, 22 июля 1917; ФЗК. Т. I. С. 147); Революционное движение в России в июле 1917 г. [далее: Док. июля] (М., 1959. С. 341); на авиаколесном заводе (Раб. кон. С. 112–114); на кабельном заводе Петичева (ФЗК. Т. II. С. 54–55); на Невской обувной фабрике (Там же. С. 57); на трубочном заводе «Промет» (*Известия*, 17 июня 1917; *Новая жизнь*, 19 июня 1917). Это всего лишь некоторые примеры.

«внутреннего распорядка», которую рабочие объявили компетенцией фабзавкомов. Это была составная часть «демократизации фабрично-заводской жизни», часть их понимания демократической революции[1].

На городской конференции фабрично-заводских комитетов в конце мая 1917 г. В. М. Левин, член Центрального Совета фабзавкомов, левый эсер, объяснял: «*Вмешательство рабочего класса в буржуазное хозяйство при наличии буржуазной власти не предусмотрено партийными программами... Но не побоялись вмешаться в хозяйственную жизнь страны заводские комитеты. Правда, они были принуждены это сделать, ибо заводы давно остановились бы, а масса рабочего люда оказалась бы на мостовой, пополняя и без того начинающую расти армию безработных*»[2].

19 мая Петербургский комитет большевиков впервые обратился с призывом ввести рабочий контроль на предприятиях. Важна формулировка призыва: «*В ответ на ряд заявлений от заводских комитетов о необходимости контроля и его установлении, решено было рекомендовать товарищам рабочим создать контрольные комиссии на предприятиях из представителей рабочих*»[3]. Движение за рабочий контроль возникло «снизу». В отчете за 1917 г. комитет Путиловского завода писал: «*При возникновении заводского комитета ему [завкому] не было дано ни программы, ни какого-либо устава, коими он мог бы руководствоваться в своих работах. Устав и программу составляла и писала сама реальная жизнь. Ее практические указания по мере развития функции комитета ложились в основу как руководящие начала. Таким образом, у заводского комитета оказался лучший учитель – жизнь*»[4].

---

1 *Селицкий В. И.* Указ.соч. С. 200.

2 ФЗК. Т. I. С. 112. В «Апрельских тезисах» Ленин писал: «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов». Ленин писал о контроле со стороны государственной власти. Требование «рабочего контроля» подразумевало введение контроля самими рабочими на предприятиях, хотя оно всегда сочеталось с требованием государственного контроля.

3 *Правда,* 24 мая 1917 г.

4 Путиловцы в трех революциях. С. 431.

Инициатива создавать фабрично-заводские комитеты и потом на общенациональном уровне также исходила из конкретного опыта самих рабочих. На Первой Петроградской конференции фабзавкомов делегат от механического завода Бенуа объяснял: «*Организационное Бюро [конференции] оказало рабочему движению большую услугу, собрав всех представителей заводских комитетов на общую конференцию для обсуждения такого злободневного вопроса, как контроль на производстве...*

Меня послали на конференцию рабочие зав. Бенуа. Хозяин объявил, что нет денег и вышвыривает 500 человек. Хозяева ставят нас на лезвие ножа. В еще худшее положение они ставят Россию, желая испытать нашу силу. Мы этого не позволим... В ответ на заявление администрации о расчете сотен рабочих, заводской комитет вынес резолюцию, которую разослал по министерствам. В ней указывалось на то, как ненормально ведется производство, на неумение предпринимателя. Из цифровых данных видно, что производство растет, а денег у предпринимателя нет, материалов – тоже. Вчера рабочие этого завода говорили с товарищем министра торговли и промышленности Пальчинским. Он послал их в военное ведомство. А там заявили, что ничем помочь не могут. Все это доказывает, что в данном направлении нужно работать и произвести сдвиг не отдельным группам, а всему пролетариату»[1].

Как только избранный на конференции Центральный Совет фабзавкомов начал свою работу, он оказался завален просьбами о помощи с предприятий.

Практическая установка фабзавкомовцев объясняет, почему рабочий контроль проявлялся на предприятиях столь неравномерно. В конце мая во время проведения Первой конференции фабзавкомов степень «рабочего контроля» на предприятиях колебалась от поиска сырья и поставок топлива до введения полного надзора над деятельностью администрации, как на заводе Лангезипена. В августе на Второй городской конференции отмечалось, что на отдельных предприятиях рабочие еще не избрали фабрично-заводских комитетов[2].

1 ФЗК. Т. I. С. 122–123. См. например: речи Фохта, Вакханена и Цейца. Там же. С. 123–124.
2 Там же. С. 183.

Поскольку самой распространенной и неотложной проблемой была нехватка топлива и сырья, вопросы снабжения становились первым направлением вторжения фабзавкомов в сферу административных функций. Помогало и то, что это направление не особенно беспокоило промышленников. Еще за несколько недель до Первой конференции фабзавкомов рабочие созвали совещание по вопросам топлива и сырья[1]. К этому времени заводские комитеты многих предприятий уже успели послать делегации на Донбасс и в другие области в поисках сырья и топлива и для ускорения их доставки[2].

Заводской комитет меднопрокатного завода Розенкранца так описывал свою раннюю деятельность: «*Первыми шагами комитета была борьба за улучшение расценок труда, что и было достигнуто. Далее заводскому комитету пришлось предпринять решительные меры, чтобы добиться пополнения штата рабочих. Завод весьма неудовлетворительно был обеспечен топливом, и только поездкой представителя заводского комитета на юг удалось наладить дело. Заводскому комитету приходилось оказывать давление на заводоуправление, чтобы добиваться выполнения спешных заказов. С другой стороны, образовались целые залежи готовых заказов, которые отказались принять заказчики. Заводской комитет принял на себя урегулирование этого дела и достиг благоприятных результатов. За недостатком кирпича наблюдалась остановка горнов в литейной мастерской, и только благодаря вмешательству комитета удалось достать необходимое*»[3].

Здесь отчетливо видно отношение рабочих к введению контроля как к вынужденной мере, вызванной бездействием или намеренным саботажем администрации.

На Первой конференции фабзавкомов Левин указывал «итальянскую забастовку» промышленников в качестве причины возникновения движения за рабочий контроль: «*Дело в том, что после первых недель революции произошла какая-то странность. То на одном, то на другом заводе не оказывается каменного угля,*

1 Раб. кон. С. 75.

2 Там же. С. 70, 80; Путиловцы в трех революциях. С. 337.

3 Накануне Октябрьского вооруженного восстания, 1–24 октября (далее: Док. нак.). М., 1962. С. 288.

нефти, керосина, сырья, заказов и даже денег. А главное, администрация не предпринимает никаких активных шагов к тому, чтобы добывать все необходимое для нормального хода работы.

«*По всему видно, что администрация заводов проводит итальянскую забастовку, которая в данный момент равносильна саботажу. Рабочие стоят перед ежечасной опасностью быть выброшенными на улицу, а потому не доверяют администрации и мечутся, ища выхода из тупика, в который окончательно вгоняют нашу промышленность господа капиталисты. И заводские комитеты посылают своих представителей во все концы города искать топливо, занимают его на время у заводских комитетов других заводов. Посылаются представители и на железнодорожные узлы, где топливо задерживается доставкой, на места хранения и добычи угля и нефти для выяснения причин отсутствия их...*

Все это заводские комитеты пытаются выяснить, установить тесную связь между тем и другим и многое предупредить. Члены заводских комитетов ведут переговоры с представителями власти относительно заказов, финансового положения заводов и т.д. И в результате, нефть и уголь появляются, отыскиваются и заказы, и деньги...

Ведь не секрет, что уничтожение хозяйственной разрухи не только не в интересах наших отечественных капиталистов, а даже противоположно им. Уничтожить хозяйственную разруху, значит укрепить молодой растущий организм нашей революции, которая неизвестно чем может завершиться для капиталистов. В лучшем для них случае – развивающаяся революция лишит их только части благ. А в худшем? Кто поручится, что она из русской не станет мировой, интернациональной?»[1]

О прагматических мотивах «контрольной» деятельности фабрично-заводских комитетов свидетельствует также их готовность сотрудничать с заводоуправлением в поисках решения проблем. Для этого рабочие проявляли готовность идти на жертвы, но при этом должны были быть убеждены в добросовестности начальства. В июне администрация Балтийского вагоностроительного завода объявила о предстоящем прекращении производства

1 ФЗК. Т. I. С. 113–114.

автомобилей из-за его убыточности. Когда заводской комитет привел цифры, ставившие это утверждение под сомнение, начальство предложило продолжить производство при условии, что рабочие смогут гарантировать его прибыльность. Рабочие согласились, но, в свою очередь, поставили условие: введение рабочего контроля над производством, включая доступ к финансовым документам. Начальство отклонило это требование, как «беспрецедентное»[1].

Рабочие были готовы сотрудничать с администрациями и даже идти на уступки ради сохранения рабочих мест. Но они требовали гарантий честного отношения администрации. Отсутствием таких гарантий делегат Второй конференции фабзавкомов от Выборгского района объяснял, почему он против участия рабочих в экономических комиссиях вместе с представителями капиталистов: «*Разве могут сделать что-либо наши товарищи вхождением в совещания с промышленниками? Ликвидировать разруху таким путем было бы возможно, если бы владельцы действительно не могли правильно вести производство, но ведь тут дело в нежелании владельцев, а принудить их через эти совещания мы не можем. Они не идут ни на какие уступки, потому и нам идти туда нечего*»[2].

Петроградские рабочие не были подвержены идеям анархистов, которые не играли существенной роли в движении за рабочий контроль. Антигосударственная идеология и привязанность к «прямому действию» привлекали анархистов к фабрично-заводским комитетам, но они не имели там сильного влияния, как показало небольшое количество голосов за резолюцию от анархистов на Первой конференции фабзавкомов. До Октябрьской революции случаи захвата предприятий рабочими были крайне редкими и были мотивированы стремлением непосредственно предотвратить грозящее закрытие. Но и в этих случаях рабочие не думали объявлять себя новыми хозяевами, а ходатайствовали перед правительством о секвестре предприятия[3].

1 *Известия,* 17 июня 1917 г.; см. также: Дело завода Бреннера // *Новая жизнь,* 22 июля 1917 г.; ФЗК. Т. I. С. 147; Док июля. С. 342.

2 ФЗК. Т. I. С. 181.

3 *Селицкий В. И.* Указ. соч. С. 200; см. также: Дело завода Бреннера // *Новая жизнь,* 22 июля 1917 г.; ФЗК. Т. I. С. 147; Док. июля. С. 342.

Требуя «контроля», фабазкомы добивались права надзора за деятельностью заводоуправления, в том числе и доступа к документам предприятия. Они не стремились подменить администрацию. На Второй конференции фабзавкомов Левин объяснял, что, сталкиваясь со стремлением хозяев закрыть предприятия, Центральный Совет фабзавкомов «*всегда стоял на той точке зрения, что закрытие предприятий абсолютно недопустимо и всячески старался предотвратить закрытие...*

Мы требовали от министерств контроля над производством, но тут встречали с их стороны нерешительность и медлительность, а со стороны промышленников злобу и страх за собственность. Многие сознательно или несознательно смешивают понятие "контроля" с понятием "захвата фабрик и заводов", хотя рабочие совершенно не проводят тактики захватов, а если таковые и произошли, то это единичные исключительные случаи»[1].

Звучали отдельные голоса с призывом заменить администрацию фабрично-заводскими комитетами, но они представляли незначительное меньшинство. *Новая жизнь* писала, что 11 мая, когда Центральное бюро профсоюзов обсуждало планируемую конференцию фабзавкомов, некоторые из присутствующих высказались за обобществление производства через фабзавкомы. Но «несравненно большая» группа защищала позицию контроля, утверждая, что надо быть реалистами, а не отдаваться субъективным желаниям[2].

В конце мая после того, как администрация воздухоплавательного завода Лебедева отклонила требования рабочих по зарплате, некоторые из активистов профсоюза убеждали рабочих взять управление заводом на себя. Но заводской комитет заявил, что в таком случае он сложит с себя полномочия. На общем собрании рабочих 3 июня завком поставил перед рабочими вопросы: где вы возьмете деньги на выплату зарплат? Будет ли технический персонал работать под руководством рабочих? Удовлетворительных ответов завком не получил. Некоторые из рабочих даже утверждали, что ранее принятое решение собрания было неверно истолковано: оно имело в виду не захват управления, а лишь

1 ФЗК. Т. I. С. 171.

2 *Новая жизнь,* 13 мая 1917 г. См. также: *Перазич В.* Указ. соч. С. 80.

контроль над ним. Решено было передать конфликт по зарплате в согласительную комиссию, а вопрос о захвате предприятия забыть[1].

В сознании рабочих контроль не отождествлялся с социализмом, который для них означал рабочее управление предприятиями. Рабочий-большевик Наумов объяснял это на Первой конференции фабрично-заводских комитетов: «*Мы, как марксисты, должны рассматривать жизнь как вечно движущуюся вперед. Революция продолжается. Мы говорим – эта революция есть пролог к мировой революции. Контроль не есть еще социализм и даже не взятие производства в свои руки, но это уже выходит из рамок буржуазного строя. Не социализм мы предлагаем ввести, нет, а взяв власть в свои руки, мы должны повести капитализм по тому руслу, по которому он сам себя изжил бы. Заводские комитеты и должны работать в этом направлении. Это приведет к социализму. Этого достичь следует снизу.*

Наша задача в данный момент – организация производства, при которой рабочие находились бы в лучших гигиенических условиях. Мы должны производство из хаоса привести в порядок. Для этого надо иметь моральное влияние на рабочие массы. А потому заводские комитеты должны организовать клубы, лекции, столовые и т.д. Все это будет при наличии организации… Всякие вспышки, разрозненные и потому губительные, заводские комитеты должны брать в свои руки и направлять по правильному руслу классовой борьбы. Укрепив себя в производстве, взяв в свои руки контроль, мы практически научимся работать активно в этом производстве и организованным путем приведем его к будущему социалистическому производству»[2].

В апреле 1917 г. комитет Путиловского завода представлял свою деятельность таким же образом: «*Рабочие готовятся к тому времени, когда частная собственность на фабрики и заводы будет уничтожена, и орудия производства вместе со зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса. Поэтому, делая маленькое дело, нужно постоянно*

1 *Рабочая газета,* 6 июня 1917 г.
2 ФЗК. Т. I. С. 126.

помнить о той великой и главной цели, к которой стремится рабочий народ»[1].

Как видно, комитет этого завода вовсе не спешил взять на себя ответственность за производство. В то же время рабочие считали контроль шагом на пути к социализму, школой рабочего управления.

Таким образом, рабочая борьба в этот период велась на двух взаимно дополняющих друг друга уровнях: на политическом и на экономическом. Но если на уровне государства рабочие стремились к полноте власти вместе с крестьянами, на предприятиях они требовали лишь «контроля» и на практике пытались его осуществить только там, где возникала непосредственная угроза производству. Но цели, поставленные рабочими в обеих сферах являлись защитой завоеваний революции от угроз со стороны имущих классов. Рабочие еще не осознавали, что сама логика их борьбы в защиту завоеваний буржуазно-демократической революции ведет их за пределы этой революции в направлении новой революции более радикального характера. Июльские дни послужат мощным, хотя и болезненным, толчком к этому осознанию.

1 Путиловцы в трех революциях. С. 333.

ГЛАВА 7
ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Рабочие и ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов

Требуя передачи всей власти Советам, рабочие стремились положить конец союзу революционной демократии с цензовым обществом. Во главе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Советов, избранных на Первом съезде Советов в июне 1917 г., стояли меньшевики и эсеры. Несмотря на политические разногласия, рабочие считали их частью «революционной демократии». Участвуя в демонстрации 18 июня, они хотели внушить лидерам этих партий, что брать власть необходимо. Они не думали порывать с этими «соглашателями», ибо это означало бы порвать с большинством трудящихся масс, все еще поддерживавших их. Рабочие опасались своей изоляции и гражданской войны внутри демократического лагеря. Этой угрозой их неустанно пугали меньшевики и эсеры.

Тем не менее накопившийся гнев по отношению к «соглашателям» достиг точки кипения, особенно среди рабочих-металлистов. Решив запретить демонстрацию, запланированную на 10 июня, съезд Советов разослал эмиссаров на предприятия объясниться с рабочими. В некоторых районах их встретили с пониманием, даже дружелюбно. В Невском районе все было спокойно – рабочие и не думали участвовать в демонстрации. Но из Выборгского района 10 июня сообщалось: «*1) Завод Нобеля 2) Завод “Старый Парвиайнен” 3) Завод “Новый” [Парвиайнен] 4) Завод “Новый Лесснер”. Повсюду резко враждебное отношение к съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, “плетущемуся за буржуазией и мелкобуржуазному по существу”. Выступать нигде не предполагалось 10-го, но не потому что к этому призывает съезд Советов, а лишь потому, что ЦК РСДРП (б) предлагает сегодня не выступать.*

Впечатление таково, что выступления можно ожидать в ближайшие дни, если только ЦК [большевиков] к этому призовет. На заводах Нобеля, Старый и Новый Парвиайнен пришлось

говорить лишь с советами старост, так как устроить собрания рабочих вследствие работы нельзя было. На заводе “Новый Лесснер” было собрание рабочих, но говорить нельзя было, так как не дали закончить речи»[1].

О настроениях в Выборгском районе в том же ключе сообщала *Новая жизнь*: «*На некоторых заводах, как, например, Парвиайнен, Розенкранц, Лесснер, Феникс, Кениг, Общество соединенных механических заводов, Промет отношение к ораторам, делегатам съезда, враждебное. Раздаются протесты против заявлений Временного правительства. Ораторов не хотели слушать и прерывали возгласами “Мы вам не товарищи”... В Выборгском районе решено было не выступать до нового призыва от ЦК РСДРП [большевиков]*».

На Гвоздильном заводе, что на Васильевском острове, эмиссаров съезда прерывали криками «буржуи!»[2].Посланники, прибывшие на Путиловский завод, сообщали: «*Около мастерских, где происходили работы, было встречено человек 300. Встретили автомобиль очень враждебно: “Было уже 2 до вас, незачем мутить людей, и то с трудом удержали на работе, а вы приезжаете срывать людей с работы и т.д.” Митингов на заводе не было, шла работа.*

Заявления рабочих по поводу Всероссийского съезда: “Приехали какие-то изо всяких берлог учить нас; мы и без вас знаем; мы здесь свободу добывали своей кровью, а вы где были?”

Говорить не давали и попросили уехать. Автомобиль уехал под свистки и злой гул. Большевик, говоривший речь, махал революцией. Были затребованы наши визы, хотя при большом возбуждении требовавших не осматривались. Отношение к Совету солдатских и рабочих депутатов враждебное, ряд иронических замечаний о фронтовой армии и Керенском»[3].

На многих предприятиях собрания приняли резолюции с осуждением лидеров Совета. На машиностроительном заводе «Айваз» после обсуждения правительственного налета на дачу Дурново, рабочие протестовали «*против бездействия Совета*

1 Док. мая. С. 500.

2 *Новая жизнь*, 10 июня 1917 г.

3 Док. мая. С. 501. *Рабочая газета* утверждала, что эти 300 рабочих были все большевиками.

в борьбе с контрреволюцией и требовали, чтобы Совет авторитарно утвердил право всех революционных групп на свободную революционную деятельность и принял решительные меры для прекращения мировой бойни. Собрание заявляет, что пока власть находится в руках буржуазии и пока она, под прикрытием Совета, роет могилу пролетарской революции, рабочие, не колеблясь, будут бороться за победу дела народа»[1].

19 июня 1917 г. рабочие завода «Старый Барановский» заявили о налете на дачу следующее: «*Мы ужасаемся той мысли, которая невольно заползает в наше сознание, что этот удар направлен сознательно, закрыв глаза на действительность*». Они требовали от Совета немедленно пересмотреть политику, так как Временное правительство организует контрреволюцию. Резолюция кончалась обещанием поддержать Совет, «*если последний будет выражать нашу волю и выполнит наши желания*»[2]. Это было выражение условной поддержки, но уже не Временного правительства, как после Февральской революции, а самого Совета. Неделей ранее представитель Совета жаловался, что этот завод перестал платить взносы Совету[3].

Но враждебное отношение к лидерам Совета не означало, что рабочие были готовы выступить против них. Такой вопрос обсуждался на заседании Петербургского комитета большевиков 20 июня. Было ясно, что массовый протест 18 июня не изменил политики меньшевиков и эсеров. Один из участников заседания, ссылаясь на брожение в районах, утверждал, что партия должна отказаться от «парламентских средств борьбы». Налет на дачу Дурново показал, что съезд и Петроградский Совет фактически санкционировали его, что они были готовы на репрессии против левых сил. Это означало, что парламентский путь становился закрыт.

Однако остальные его не поддержали. М.О. Плетнев, молодой рабочий от завода Нобеля в Выборгском районе, где температура кипения уже зашкаливала, возражал: «*Расскажу, как реагировали рабочие завода Нобеля на события. Когда на собрании встал вопрос, что делать, рабочие ответили: “Положение сложное, надо выждать, выяснить силы и быть наготове”.*

1 Док. мая. С. 560.

2 *Михайлов М.* Указ. соч. С. 198.

3 Там же. С. 200.

Вопрос о парламентаризме – серьезный вопрос. Когда масса рвется выступать, ей надо выяснить, против кого же она будет выступать. Мы ведь не можем выступать против наших же товарищей, не понявших еще того, что мы поняли. Мы должны оторвать этих товарищей от политики соглашательства с капиталистами и толкнуть их к политике разрыва. Только тогда, когда мы все средства используем, когда все сознательно отнесутся к событиям, мы не повторим опыта Парижской Коммуны. Насильно навязывать свое понимание – авантюра. Анархисты говорят: "Куй железо, пока горячо", и мы не будем от них отличаться, если выведем сейчас массы на улицу. Наша задача – идти к тем рабочим и солдатам, которые еще не поняли того, что мы поняли, и будем призывать их понять нас. Силой вколотить понимание нельзя. Мы будем призывать массы: "Разорвите доверие с теми партиями, которые ведут ошибочную политику соглашательства с капиталистами"».

Наумов от завода «Старый Парвиайнен» тоже в Выборгском районе предложил немедленно проинформировать Исполком Совета о глубоком недовольстве и взрывоопасном настроении рабочих и солдат и о необходимости срочных мер. Надо было объяснить лидерам ЦИК, что нельзя больше откладывать взятие власти, «*так как иначе Петербургский комитет не может нести ответственность за возможные выступления…*». В том же духе выступал М. И. Лацис, партийный работник Выборгского района: «*Когда приходишь в рабочую среду, то чувствуешь, как там бурлит и бушует. Мы держим пока массу, но ее могут вывести. Что нам делать, если они выйдут? Оставить их на улице одних или руководить движением? И то, и другое страшно. Я думаю, что мы должны сказать Всероссийскому съезду: берите власть в свои руки или мы не ручаемся за то, что произойдет*»[1].

Центральный и Петербургский комитеты большевистской партии, в конце концов, остановились на следующей позиции: стараться предотвратить новое выступление, но если оно все-таки произойдет, направить его в сторону давления на лидеров Совета, чтобы они взяли власть[2]. Ни большевики, ни общая масса радикализированных рабочих не собирались выступать против

1 Первый петербургский комитет. С. 327, 332, 338.
2 *Лацис М. И.* Указ. соч. С. 106.

Совета и против трудящихся, еще шедших за «соглашателями». Очевидно было, что новая демонстрация в таких условиях повторило бы демонстрацию 18 июня 1917 г.

Июльские дни[1]

Выступление 18 июня действительно ничего не изменило с точки зрения рабочих. В действительности ситуация с тех пор стала еще более тревожной: налет на дачу Дурново[2], наступление на фронте, патриотические демонстрации цензового общества, в ходе которых толпы избивали попадавшихся им на дороге рабочих и солдат, иногда их арестовывали за простой отказ снять шапку, а то и вовсе без причин. В области экономического урегулирования правительство ничего не предпринимало. Зато рабочие получили следующий совет от меньшевика министра труда: «*Товарищи рабочие, помните не только о своих правах, не только о своих желаниях, но и возможностях их реализации; не только о вашем благосостоянии, но и жертвах во имя консолидации революции и победы наших конечных идеалов*»[3].

Требования по заработной плате, подгоняемые галопирующей инфляцией, сталкивались с растущей непримиримостью промышленников[4]. Продовольственное положение, хотя еще не отчаянное, все больше ухудшалось: 26 июня хлебные пайки были сокращены на 15%; 1 июля произошло то же самое с мясом и маслом[5].

Рабочие восприняли новое наступление на фронте как предательство делу революции. Но гнев солдат гарнизона был еще сильнее, особенно когда отдельные части, в том числе боевой Первый пулеметный полк, узнали, что их собираются расформировать и отправить на фронт[6].

---

1 Из исторических монографий, посвященных июльским событиям, следует особо отметить книги *Rabinowitch A.* Prelude to Revolution. Indiana Univ. Press, 1968; *Знаменский О. А.* Июльский кризис в 1917 г. М. – Л., 1964.

2 *Знаменский О. А.* Указ. соч. С. 22. «Мы видим, что правительство капиталистов время от времени стремится пустить рабочим кровь», – говорил один рабочий делегатам на съезде Советов. – См. там же.

3 *Рабочая газета,* 28 июня 1917 г.

4 Петроградские рабочие об июльских днях. С. 19–41, passim.

5 *Лацис М. И.* Указ. соч. С. 111.

6 *Знаменский О. А.* Указ. соч. С. 16–17.

Рабочих не пришлось долго уговаривать бросить работу, когда 3 июля прозвучали заводские гудки. «*Заканчивай! Во двор! Во двор! Мы уже знали, что это значит*», – вспоминал А. Метелев, рабочий-большевик одного из заводов Выборгского района.

«*Кончайте... Во двор! – раздавались по всем мастерским крики рабочих. Мы уже знали значение этих криков и свистов. Всегда в таких случаях рабочие быстро складывают инструменты по ящикам, одеваются и выходят во двор или в крупно-токарную мастерскую, где и происходит общее собрание. Оставаться в мастерских, за исключением администрации и пожарных, после криков – из рабочих никто и не думал – это было бы хуже, чем штрейкбрехерство... Нужно было думать, чт о эта остановка работы, происходящая в те часы, когда обычно не происходят собрания, вызвана исключительными политическими событиями, которые развивались за стенами завода.*

В узком заводском дворе [...] стояли, ожидая выхода всех рабочих, представитель пулеметного полка и несколько рабочих других заводов. В толпе передавались вести, что пулеметный полк уже построился, и часть автомобилей с пулеметами ушла в город, лесснеровцы же и эриксоновские рабочие тоже выходят на улицу.

На рабочих лицах светилась возбужденность. Всем хотелось услышать что-то новое, хорошее. Сердце билось возбужденно.

– Наш полк с несколькими десятками пулеметов, – начал представитель пулеметного полка, – решил идти к Таврическому дворцу... Он уже стоит построенный на Сампсоньевском проспекте, ожидая выступления заводов, чтобы вместе идти с рабочими ко дворцу...

Среди всеобщего шума и голосов рабочий какого-то завода сообщает, что и они тоже, несмотря на отсутствие указания, выступают и пойдут с пулеметчиками. Увещевания оратора от заводского комитета воздержаться от выступления, пока не будет получено точных указаний от Центрального комитета большевиков, поднимают еще больший шум среди рабочих и настойчивое требование открыть ворота завода.

Вести рассуждения: “зачем выступать”, “куда идти”, “с кем вести борьбу” – было совершенно лишним, – все отлично понимали

смысл данного выступления. Это и было то восстание, которое постепенно созревало в глубоких недрах трудящихся масс...

Спустя еще десять минут, построившись десятками в ряды по узкому заводскому переулку, мы выходим на Сампсоньевский проспект. За первым знаменем "Вся власть Советам" шел ряд красногвардейцев, дальше невооруженные рабочие, женщины, подростки...

Улицы Выборгской стороны заливаются человеческим потоком. Впервые этот район приобретает такой вид, когда под красными знаменами идут только рабочие и солдаты, неся лозунги пролетарской революции. Здесь отсутствуют кокарды чиновников, сияющие пуговицы студентов, шляпы «сочувствующих дам» – все это было четыре месяца назад в феврале – в сегодняшнем же движении этого нет, сегодня идут только черные рабы капитала...»[1]

В пушечном округе Путиловского завода с самого утра шли слухи, что на улице состоится собрание. Накануне вечером рабочие узнали об отставке «министров-капиталистов»[2] и о намерении правительства отправить на фронт новые части гарнизона. Настроение было боевым. Примерно в 14 часов рабочие узнали, что делегация от Второго пулеметного полка просит созвать общее собрание, но что заводской комитет, в котором большевики составляли большинство, отказывался, поскольку партия решила отговаривать рабочих от выступления. Тогда рабочие сами собрались перед главной конторой завода и потребовали открыть собрание. Оратор от солдат подтвердил, что был получен приказ отправиться завтра на фронт и что его полк решил, что лучше сражаться не с немецким пролетариатом, а с собственными капиталистами. К этому времени собралось около 10 тыс. рабочих. Когда пулеметчики объявили, что они выступят в 16 часов с пулеметами, установленными на грузовиках, толпа взорвалась: «Двинем! Двинем!» Завком пытался их убедить, что надо действовать более организованно, но рабочие уже строились на улице.

1 *Метелев А.* Июльское восстание в Петрограде. // *Пролетарская революция,* № 6, 1922. С. 160–162.

2 Они подали в отставку якобы в знак протеста против уступок, сделанных министрами-социалистами украинской Раде, требовавшей автономии для Украины.

Тогда рабочий-большевик Ефимов поспешил в райком партии, где царило общее мнение, что, несмотря на решение партии, нельзя стоять в стороне, оставляя рабочих на произвол судьбы. Решено было идти с ними. К этому времени узнали, что весь город приходит в движение. Огромная толпа собралась у Нарвских ворот недалеко от завода. Некоторые женщины кричали: «*Все должны идти. Никто не должен остаться. Мы будем охранять квартиры*».

Когда колонна подошла к Невскому проспекту, на пути к Таврическому дворцу их встретили группы интеллигенции, студенты и офицеры, пытавшиеся преградить им дорогу. Некоторые пытались вырывать знамена у демонстрантов, говоря, что это выступление – дело рук немецких шпионов, которые хотят открыть путь немецкой армии для подавления революции, победившей по столь недорогой цене. На это рабочие ответили: «*Для вас было дешево – на спине народа. А не для нас*». Этих «буржуев» рабочие оттеснили на обочину. Колонна прибыла к месту заседания ЦИК Советов в Таврическом дворце только в 2 часа ночи. Рабочие расположились лагерем в парке около дворца, объявив, что не сдвинутся с места, пока ЦИК не возьмет власть. Представитель ЦИК сообщил, что Центральный Исполком примет свое решение в течение этого же дня или на следующий. К 4 часам утра рабочие уже начали подаваться обратно на завод. В 10 часов утра после коротких собраний они разошлись по домам[1].

Инициатива этого выступления исходила исключительно от самих рабочих. Мало того, что ЦИК запретил демонстрацию, против нее выступили все социалистические партии, в том числе и большевики. Рабочим пришлось заставить последних примкнуть к выступлению. И если пулеметчики были зачинщиками, рабочие с энтузиазмом откликнулись на их инициативу. Из участвовавших демонстрантов рабочие отряды были самыми организованными и дисциплинированными. Самое активное участие приняли рабочие наиболее промышленных районов – Выборгского, Петергофского, Васильевского острова[2].

4 июля, преодолев сильные колебания, ЦК большевиков призвал рабочих продолжить выступление, подчеркивая при

1 Петроградские рабочие об июльских днях. С. 19.

2 *Знаменский О. А.* Указ. соч. С. 55.

этом необходимость сохранения его мирного характера. На подавляющем большинстве предприятий рабочие приняли решение участвовать. Несмотря на запрет ЦИК Советов, в выступлениях приняли участие от двух третей до трех четвертей промышленных рабочих столицы. Исключением стали рабочие тех заводских районов, где еще сохранялось сильное влияние эсеров и меньшевиков – Невского, Охтинского, Московского, а также текстильщики и типографские рабочие. Однако теперь колебались солдаты, и некоторые из вчерашних демонстрантов остались в стороне. Лишь около половины стотысячного гарнизона участвовало в демонстрациях на второй день[1].

«Июльские дни» явились парадоксом внутри парадокса. Это эмоционально выразил рабочий в зале Таврического дворца, с криком подбежавший к министру земледелия, эсеру В. Чернову, потрясая кулаком: «*Берите власть, сукин сын, когда вам ее дают!*»[2]. Ко дворцу пришли десятки тысяч рабочих и солдат требовать от лидеров ЦИК, полностью скомпрометированных в глазах этих же рабочих и солдат, взять власть. А ЦИК, по-видимому готовый скорее идти на политическое самоубийство, чем взять власть, объявил этим массам, что он решит состав нового правительства на предстоящем пленарном заседании, т.е. признался, что он фактически является высшим авторитетом в стране. В то же время ЦИК назвал контрреволюционерами рабочих и солдат, требовавших от него прийти к власти. И когда в ночь с 4 на 5 июля прибыли «лояльные» ЦИК войска для подавления «мятежников», требовавших от ЦИК сформировать правительство, командиры этих войск торжественно заявили, что для армии ЦИК является единственным авторитетом, что он один решит судьбу революции.

В июльские дни рабочие преследовали одну цель: избавиться от «десяти министров-капиталистов» и заставить ЦИК взять власть. Поэтому они проигнорировали Мариинский дворец, резиденцию Временного правительства, и направились к Таврическому дворцу, где заседал ЦИК. Они не думали прибегать к насилию. Среди демонстрантов были женщины и дети. Моряки

1 *Знаменский О. А.* Указ. соч. С. 84, 106; *Рабочая газета,* 6 июля 1917 г.; *Перазич В.* Указ. соч. С. 81; *Красная летопись,* № 9, 1924. С. 31.

2 *Милюков П. В.* История Второй русской революции. Т. I. С. 244; Цит. по: *Chamberlin W. H.* Op. cit., vol. 1. P. 171.

Кронштадта шли во главе с оркестром – вряд ли эту демонстрацию можно было назвать боевым порядком.

Отношение рабочих к меньшевикам и эсерам, возглавлявшим ЦИК, было противоречивым: выступление было направлено против них и их пособничества врагам революции, но целью выступления было заставить их взять власть в свои руки. Тем не менее это отражало противоречивую ситуацию с точки зрения рабочих: ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, орган революционной демократии, обладающий реальной властью, пользовался этой властью для поддержки контрреволюционной политики буржуазии.

Рабочие надеялись, что их моральное давление заставит ЦИК перейти на их позицию. Один из четырех делегатов от рабочих, которым разрешили выступить 4 июля на совместном заседанием ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всесоюзного Совета крестьянских депутатов, заявил: «*Здесь представители 54 заводов. О том, что произошло, не следует говорить. Странно, когда приходится читать воззвание Центрального [Исполнительного] Комитета – рабочие и солдаты называются контрреволюционерами. Наше требование – общее требование рабочих – вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов... С этим надо считаться*».

Другой добавил: «*Я тоже представитель 54 заводов. Вы видите, что написано на плакатах. Тот же вопрос обсуждался на всех заводах. Таковы решения, вынесенные рабочими. Вы знаете эти резолюции. На заводах нам грозит голод. Мы требуем ухода 10 министров-капиталистов. Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет. Наши товарищи министры-социалисты пошли на соглашение с капиталистами, но эти капиталисты – наши кровные враги*»[1].

Вот она растерянность пролетарской точки зрения: «*Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет*». Или скорее: мы хотим, нам надо доверять Совету, но он не позволяет нам этого, поскольку все уступает нашим врагам.

Были, конечно, различные оттенки этой позиции. На том же заседании возбужденный путиловец с винтовкой в руке вдруг

1 Док. июля. С. 21.

вскочил на трибуну: «*Товарищи! Долго ли терпеть нам, рабочим, предательство?! Вы собрались тут, рассуждаете, заключаете сделки с буржуазией и помещиками... Занимаетесь предательством рабочего класса. Так знайте, рабочий класс не потерпит! Нас тут путиловцев 30 000 человек, все до одного!... Мы добьемся своей воли! Никаких чтобы буржуев! Вся власть Советам! Винтовки у нас крепки в руке. Керенские ваши и Церетели нас не надуют*»[1].

Слова его звучали угрожающе, но когда Чхеидзе передал ему записку, в которой было написано, что ЦИК теперь обсуждает этот вопрос и чтобы он предложил своим товарищам вернуться на заводы, сбитый с толку рабочий поник и покорно ушел. Метелев, который был в самой гуще событий, не вспомнил ни единого призыва к насилию против ЦИК[2]. Сам он, делегированный в Таврический дворец от путиловцев, терпеливо прождал там всю ночь. Окончательно удрученный, он был вынужден уйти на рассвете, когда прибыли «лояльные» ЦИК войска[3].

К вечеру 4 июля улицы вокруг дворца опустели. Выступление закончилось. За два дня жертвами столкновений между демонстрантами и провокаторами стали около 400 убитых и раненых. Преступные элементы воспользовались массовыми демонстрациями и занялись грабежами магазинов.

После того как рабочие и солдаты уже вернулись к себе домой и в казармы, политическая ситуация приняла тревожный и зловещий оборот. В ночь с 4 до 5 июля во время выступления лидера меньшевиков Церетели на заседании ЦИК звук марширующих сапог за окнами на улице привел заседающих в панику. Но Ф. И. Дан, другой лидер этой партии, успокоил зал: «*Товарищи ... успокойтесь! Никакой опасности нет! Это пришли полки, верные революции, для защиты ее полномочного органа ЦИК...*». Про эту сцену Суханов писал: «*В этот момент в Екатерининском зале грянула могучая «Марсельеза». В зале энтузиазм, лица мамелюков просветлели. Торжествующе косясь в сторону левых, они*

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 430.

2 Правда, эсер и министр сельского хозяйства В. Чернов был арестован группой моряков. Троцкий предполагал, что это было дело провокаторов. Как бы то ни было, известно, что анархисты имели сильное влияние на моряков.

3 *Метелев А.* Указ. соч. С. 171.

в избытке чувств хватают друг друга за руки и в упоении, стоя с обнаженными головами, тянут "Марсельезу".

Классическая сцена начала контрреволюции! – гневно бросает Мартов»[1].

Как Суханов заметил дальше, не было на самом деле никакой потребности в войсках, так как никто не угрожал ЦИК. Тем не менее они прибыли, некоторые из-за пределов столицы, другие из гарнизонных частей, настроенных против массового выступления, что, в свою очередь, повлияло на те воинские части, которые до этого колебались или занимали нейтральную позицию.

Но еще больше повлияли на общую обстановку слухи, а затем публикация в утренних газетах ложных документов о том, что Ленин и его соратники работают на германский генштаб. Эта «утечка», дело рук непосредственно министра юстиции, была рассчитана именно на солдат[2]. Против рабочих начался «разгул контрреволюции».

Разгул реакции

Чтобы понять отношение рабочих к повороту событий, надо иметь представление о масштабах кровопролития 3 и 4 июля и последовавших репрессий. Это был настоящий привкус гражданской войны – не между имущими классами и революционной демократией, что к этому времени не особенно пугало рабочих, выступавших за власть Советов, а в рядах самой революционной демократии. Ведь репрессии получили активное или пассивное одобрение лидеров ЦИК и Петроградского Совета. Это глубоко потрясло рабочих, вызвав у них замешательство и парализовав их действия. Но эти первоначальные чувства быстро уступили место ярости, уже не только по отношению к имущим классам, но и к «соглашателям» во главе ЦИК Советов. В умах рабочих боролись за первенство страх и ярость, и только Октябрьское восстание разрешило эту внутреннюю борьбу для большинства из них.

3 июля большинство жертв было результатом столкновений между вооруженными демонстрантами и провокаторами,

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч., 440. Ю. О. Мартов был лидером меньшевиков-интернационалистов.

2 *Chamberlin W. H.* Op. cit. P. 177.

скрывавшимися во враждебных толпах и в зданиях вдоль пути следования масс. Но 4 июля регулярные войска уже начали стрелять в рабочие колонны, часто в упор[1]. Вскоре и рядовые жители города начали принимать участие. Рабочий завода «Новый Лесснер» Д. Афанасьев вспоминал далеко не единичный случай: «*В Таврическом дворце путиловцы заявили, что они останутся пока Совет не примет решение в ту или иную сторону. Когда я узнал о решении Совета не принимать решения под давлением с улицы, я пошел к родственнику, жившему неподалеку. На следующий день я отправился домой с двумя товарищами, споря с каждым, кто оскорблял большевиков.*

На Щукинском рынке мы столкнулись с хорошо одетой няней, окруженной толпой, заявлявшей, что Троцкий и Луначарский были арестованы, что Ленин и Зиновьев скрылись, что они взяли деньги от Вильгельма, и т.д. Она призывала безжалостно убивать большевиков. Мы спрашиваем: "Кто дал вам деньги, чтобы клеветать на большевиков и рабочих?" Мы спорили минут десять, разоблачая ложь. Затем появились торговцев двадцать, вероятно, мясники и начали проклинать большевиков: "Бей жидов и большевиков! В воду их!" И толпа крепко избила нас. Один товарищ убежал, другой умер в больнице через две недели от побоев, они забрали мой наган и бросили меня в канал и начали кидаться камнями.

Прибыли шесть моряков и разогнали толпу, вытащили меня всего в крови из канала. Я поплелся домой, но не смог удержаться от ругани на двух буржуев, которые, разговаривая между собой, обзывали Ленина провокатором. Я назвал их самих провокаторами. Они потащили меня в Александро-Невский участок милиции, где уже было много арестованных рабочих. Я пробыл там до 7 июля. Трое донских казаков и двое матросов дали мне что-то поесть и освободили меня. Я болел не менее месяца»[2].

14 июля общее собрание рабочих завода Лангезипена единогласно постановило: «*Довести до сведения ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов, что рабочий завода Лангезипена Т. Синицын был убит у станции Вологда за словесную защиту большевиков. Мы обращаем внимание ЦИК Совета рабочих и*

1 Петроградские рабочие в июльских днях. С. 25, 34.
2 Там же. С. 30–31.

солдатских депутатов на то, что это является полным уничтожением свободы слова и торжеством контрреволюции... Мы требуем, чтобы ЦИК принял решительные меры против контрреволюции, открыто поднимающей голову. Мы требуем, чтобы ЦИК перестал покровительствовать контрреволюции, основой и базой которой являются Государственная дума, Государственный Совет и партия кадетов»[1].

ЦИК был завален сообщениями о насилии против рабочих и большевиков и им сочувствующих. В некоторых районах толпы врывались в трамваи в поисках «ленинцев». Тюрьмы Петрограда снова переполнились политическими заключенными.

В ночь с 4 на 5 июля правительственные войска разгромили помещения Центрального и Петербургского комитетов большевиков. Почти все руководство партии подверглось арестам. Сильно пострадали также и среднее и нижнее звенья партии. Петербургский комитет сообщал, что не было возможности проводить агитационную деятельность в течение всего месяца июля[2]. Недавно приобретенная типография большевиков была полностью разрушена. *Правда* была закрыта наряду с рядом провинциальных большевистских газет. Министр внутренних дел получил от правительства полномочия закрыть все издания, призывающие к неподчинению военным властям или к насилию и гражданской войне, что министр трактовал весьма широко[3].

Одновременно правительство принялось разоружать рабочих и воинские части, участвовавшие в выступлениях[4]. В Сестрорецке, городке в 35 км к северо-западу от Петрограда, где давно заправлял местный Совет к вящему негодованию буржуазной прессы, обрушивавшейся на «Сестрорецкую республику», наступило время мести. Была проведена полномасштабная военная операция, в которой были задействованы несколько сотен казаков, юнкеров и шесть бронированных грузовиков. Командир

1 *Томкевич И. Г.* Знамя Октября – очерки истории завода. Л., 1972. С. 40. Об избиениях и арестах активистов профсоюза текстильщиков см. также: *Перазич В.* Указ. соч. С. 86.

2 Вторая и третья. С. 83.

3 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 20.

4 См., например: Док. июля. С. 161–164; ПК. С. 211–214; История Ленинградской ордена Ленина и ордена Красного Знамени обувной фабрики имени Я. А. Калинина. Л., 1968. С. 171.

имел полномочия расстреливать сопротивляющихся и даже снести весь город. Но сопротивления он не встретил. Проведя огульный обыск рабочих квартир и разгромив помещения рабочих организаций и большевистской партии, экспедиционный корпус удалился, арестовав весь фабрично-заводской комитет Оружейного завода[1].

11 июля *Новая жизнь,* с минуты на минуту ожидавшая собственного закрытия, вышла с передовицей под заглавием «Цветы» [– ягодки еще впереди]: «*Контрреволюция делает успехи не по дням, а по часам. Обыски и аресты. И какие обыски! Охранники царской России не позволяли себе такого наглого поведения, на какое решается буржуазная молодежь с юнкерскими погонами, наводящая нынче “порядок” в Петрограде*».

Кроме репрессий против рабочих и их организаций, правительство предприняло ряд других мер: оно восстановило смертную казнь на фронте, что особенно возмутило рабочих; распустило финский парламент за то, что его социал-демократическое большинство проголосовало за автономию Финляндии; приказало распустить и арестовать Центральный Комитет (совет) моряков Балтийского флота за отказ отправить корабли в столицу для подавления июльских демонстраций. Последнюю меру, однако, правительство было не в состоянии осуществить[2]. Все это, естественно, глубоко тревожило и возмущало рабочих.

Лидеры ЦИК были непосредственно причастны к этим репрессиям. Правда, ЦИК протестовал против «эксцессов» правительства и пытался несколько сдерживать его репрессивное рвение, добившись, например, освобождения делегации от ЦК Балтийского флота и блокируя попытки Керенского объявить всю большевистскую партию вне закона[3]. Но факт остается фактом – в течение целой недели после ухода в отставку министров-кадетов 1 июля министры – члены ЦИК составляли большинство министров в правительстве (6 из 11). Именно это правительство и проводило репрессии. Кроме того, новая коалиция, сформированная

1 Петроградские рабочие об июльских днях. С. 36–41.

2 *Новая жизнь,* 18 июля 1917 г.; *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 501. Позднее стало известно, что Керенский приказал потопить эти корабли в случае, если они окажутся «ненадежными».

3 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. С. 486.

7 июля, была на деле, если не формально, советским правительством в том смысле, что премьер-министр и ключевые министры были членами ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов. Например, министром внутренних дел стал Церетели. Этот кабинет был сформирован по решению министров-социалистов и формально принял программу ЦИК. Меньшевистская *Рабочая газета* комментировала: «*Формально объявлена диктатура Временного правительства, но на самом деле в этой диктатуре участвует ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов*»[1]. На протесты Мартова против арестов рабочих и большевиков Церетели ответил: «*Я беру на себя эти аресты*»[2]. ЦИК также одобрил восстановление смертной казни на фронте.

Если судить по роли, сыгранной ЦИК в формировании новой коалиции, могло казаться, что он полностью контролировал правительство. Но это было лишь прелюдией к новым, далеко идущим уступкам цензовым министрам. После краткой словесной перепалки между левыми и центристами в ЦИК, с одной стороны, и цензовыми деятелями вместе с Керенским, с другой, была сформирована новая, уже третья коалиция с участием пяти министров-кадетов. Впервые правительство не обнародовало своей программы и не просило ЦИК утвердить свой состав. Церетели открыто признал, что Совет отказывается этим от своей фактической власти. Выступая перед Петроградским Советом, он заявил, что «*рабочие – это огромная часть населения. Но это не вся страна, а мы должны идти под знаменем общенациональной платформы. Полномочия революционных организаций должны быть ограничены...*»[3].

Реакция рабочих на новую ситуацию была сложной. Разные группы реагировали по-разному. Их отношение отличалось в зависимости от того, участвовали они в событиях Июльских дней или нет. Относительно небольшая часть рабочих, главным образом в Выборгском районе, хотела активно ответить на репрессии.

---

1 *Рабочая газета,* 11 июля, 1917 г.

2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. С. 506. Следует отметить, однако, что по этому вопросу Церетели действовал независимо от меньшевистского ЦК, в котором официально победила позиция Дана, а именно, что главная угроза революции проистекает справа.

3 Там же. Т. V. С. 115.

5 июля забастовали рабочие ряда предприятий. Были даже попытки организовать новые демонстрации[1]. Метелев вспоминал, как красногвардейцы и молодые рабочие, засунув бомбы себе в карманы, рубашки и сапоги, пересекали Неву, некоторые на лодках, чтобы выручить кронштадтских матросов, осажденных в Петропавловской крепости[2]. Лацис рассказывает, что «*Выборгский райком [большевиков] инстинктивно поднял на ноги весь район. Я лично обошел заводы и просил держать наготове Красную гвардию. Был даже разработан план защиты района*». Но исполком Петербургского комитета большевиков отклонил предложение объявить всеобщую забастовку. Ленин, находящийся в подполье, с жаром выступал против нее[3].

Однако, общее настроение большинства рабочих было далеко не боевое. Участники демонстраций были глубоко потрясены: их мирная демонстрация закончилась массовым кровопролитием по меркам того периода. За одну ночь соотношение классовых сил изменилось полностью против них. Никто не знал, как далеко пойдет реакция. Рабочие столицы ощутили свою изоляцию в полной мере.

Газета *Известия* сообщала, что некоторые заводы Выборгского района 5 июля возобновили работу, хотя цеха были заняты не полностью. Пришедшие не могли спокойно войти в нормальный ритм. «*Руки трясутся от волнения, руки не берут, – говорят рабочие*». Несмотря на призывы к спокойствию со стороны местных партийных организаций, настроение было настолько взволнованным, что многие завкомы решили отпустить рабочих домой после обеда[4]. В отчете с Васильевского острова говорилось, что у работниц доминировал страх[5].

После того как прошел первоначальный шок, наступило уныние. Наумов вспоминал настроение, царившее тогда на заводе «Новый Лесснер»: «*На заводе рабочие мрачны. Они не верят клевете, но не все из них вооружены, чтобы отражать ядовитое удушье клеветы, просачивающееся в мастерские... Что ни день, то новое “разоблачение”. Вместо того, чтобы дать возможность нам*

1 Там же. Т. IV. С. 474; *Томкевич И. Г.* Указ. соч. С. 20.
2 *Метелев А.* Указ. соч. С. 172.
3 *Лацис М. И.* Указ. соч. С. 114; *Rabinowitch A.* Op. cit. P. 211.
4 *Известия,* 6 июля 1917 г.
5 Вторая и третья. С. 60.

самим высказать свою точку зрения, наши взгляды извращенно передают своими словами и репрессии, репрессии со всех сторон»[1].

Уныние сопровождалось усталостью. Наблюдалась определенная тенденция дистанцирования от политической жизни. На заседании Петербургского комитета большевиков 10 июля представитель Нарвского района сообщал, что «*настроение в рабочей массе вялое, апатичное. Особенно это бросается в глаза на Путиловском заводе... Это объяснимо усталостью от напряжения последних дней*»[2]. На Второй конференции фабрично-заводских комитетов в начале августа рабочий Орудийного завода В. Я. Чубарь высказал мнение, что «*пробуждение широких масс от той временной апатии, в какую они впали в результате утомления, является нашей очередной задачей*»[3].

Потрясенные неожиданным поворотом соотношения сил, рабочие стремились восстановить утраченное единство революционной демократии. В это время они еще не могли представить себе разрыв с меньшевиками и эсерами, остававшимися во главе большинства советов страны и за которыми шли крестьяне. «*Среди рабочих, – отмечал Лацис в середине июля, – поднимается вопрос о единении с эсерами и меньшевиками в том расчете, что глаза у всех теперь открылись на контрреволюцию и на необходимость сплотиться для борьбы с ней*»[4]. И действительно попытки преодолеть партийные разногласия предпринимались на ряде предприятий, например, на Металлическом, «Новом Парвиайнене», Орудийном, «Промете», «Динамо» и других[5], однако, пока они были тщетными.

Желание восстановить единство революционной демократии наблюдалось не только на уровне предприятий. 10 июля, выступая от фракции большевиков на заседании Петроградского Совета, рабочий Г. Ф. Федоров призвал все революционные силы к сплоченности против правой опасности. Когда Ф. Дан представил резолюцию от ЦИК, призывавшую к поддержке нового коалиционного

1 *Наумов И. К.* Указ. соч. С. 32.
2 Первый легальный ПК. С. 370–371.
3 ФЗК. Т. I. С. 192.
4 Вторая и третья. С. 61; Там же. С. 69; *Новая жизнь*, 11 июля 1917.
5 Вторая и третья. С. 61–62; Первый легальный. С. 370; *Новая жизнь*, 13, 19, 20 июля 1917 г.

правительства, против нее проголосовало менее десяти человек. Правда, новое правительство формально приняло программу ЦИК, и министры-социалисты обязались регулярно отчитываться перед ним. Целая четверть депутатов воздержалась[1]. В связи с этим голосованием Суханов отмечал, что для большевиков в сложившихся обстоятельствах даже ненавистный Керенский уже казался предпочтительнее многого другого, что еще могло произойти[2].

По крайней мере, в первые дни и недели после июльских событий рабочие, в том числе и значительная часть рабочих-большевиков, не смогли отказаться от прежней стратегии подталкивания ЦИК влево. Это отражалось и в резолюциях рабочих собраний на предприятиях, общий тон которых звучал примиренчески: они протестовали против репрессий, требовали действий от ЦИК, но, как правило, обходили молчанием вопрос о власти. Общее собрание завода «Старый Парвиайнен», решительно осудив нараставшую волну контрреволюции, призвало лишь к *«необходимому единству всех революционных сил для отпора в любой момент действиям контрреволюции против Совета рабочих и солдатских депутатов и против дальнейшего развития революции»*[3].

Наблюдавшиеся усталость, деморализованность, соглашательство не означали, что рабочие отказались от своей основной цели – исключения имущих классов от влияния на власть. То, что теперь они не требовали в открытую передачи власти Советам, было лишь тактическим отступлением. Большевики сохранили поддержку практически всех тех сил, кто поддерживал их ранее, несмотря на усиленную пропаганду меньшевиков и эсеров, пытавшихся возложить на них всю вину за кровопролитие.

Освободившись из тюрьмы через несколько дней после июльского выступления, рабочий-большевик Адмиралтейского судостроительного завода Коротков увидел на предприятии следующую ситуацию: «*Эсеры появились со своей “тяжелой артиллерией”. Настроение рабочих было подавленное. Эсеры хотели использовать это, чтобы большевики получили по полной. Когда они потребовали, чтобы зачинщиков демонстрации на заводе выдали полиции, редкие голоса, поддержавшие их:*

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 20–22.
2 Там же. С. 23.
3 *Известия,* 14 июля 1917 г. См. также, например: *Томкевич И. Г.* Указ. соч. С. 40.

“Пахомова, Короткова и других большевиков – в Неву”, были еле слышны. Провокация не удалась. Пахомов хорошо ответил, назвав их трусами, покрытыми кровью рабочих. После него рабочие вообще не дали эсерам говорить и твердо заявили, чтобы больше их ноги на заводе не было. И рабочие в этом сдержали свое слово»[1].

О подобной ситуации сообщал и рабочий-большевик из Колпино: «*Ижорский завод принял участие в демонстрации согласно постановлению рабочей секции Совета рабочих и солдатских депутатов. Участие выразилось в форме посылки делегации в Таврический дворец (из 25 чел.), и [завод] остановил работу. Все дни событий в Питере Колпино жило по преимуществу слухами, и сообразно характеру слухов изменялось и настроение. Это, однако, не относится к партийным рабочим, которые путем организованной информации (посылались ежедневно два товарища – утром и вечером – в Питер) были, в общем, в курсе дела. С момента ликвидации демонстрации настроение среди рабочих повернулось явно не в нашу пользу. Против нас были выдвинуты обвинения, автором которых были эсеры, что будто мы обманывали рабочих Ижорского завода, говоря, что в Питере заводы бастуют (ссылаясь на Невский район [чьи рабочие не участвовали в демонстрациях]). Вечером 5 июля эсерами был устроен митинг тысяч на 5–6, который и дал возможность переломить настроение в нашу пользу. После этого попытки судить наших товарищей за якобы ложное сообщение о событиях в Питере окончательно сорвались. Случаи ухода из нашей организации были, но носили единичный характер, большей частью по боязни; зато были случаи (такого же характера) перехода из партии эсеров к нам. В общем и целом, настроение установилось относительно спокойное, и если были небольшие эксцессы, то уж против вожаков эсеров*»[2].

На выборах, проходивших на фабриках и заводах, большевики продолжали завоевывать новые голоса. На фабрике резиновых изделий «Треугольник» на новых выборах в Совет

1 *Красная летопись*, № 9, 1924. С. 35. См. также: *Темкин Я.* У нас на Галерном островке. Л., 1958. С. 12.

2 Док. июля. С. 103. Схожим было положение и на Путиловском заводе. См.: Док. июля. С. 162–163; Вторая и третья. С. 63.

большевики завоевали две трети депутатских мест, вытеснив эсеров, чье влияние до этого преобладало[1]. Уже 16 июля, выступая на городской конференции партии большевиков, В. Володарский смог заявить, что настроение среди рабочих везде положительно расположено к партии[2]. Не везде, но и там, где отношение было враждебным, оно менялось в сторону большевиков.

Следующее письмо путиловского рабочего, одобренное общим собранием пушечного производства 11 июля, красочно передает настроение участников Июльских дней. До недавнего времени этот огромный цех был оплотом меньшевиков.

«*Граждане!*

Как вековечный дуб среди леса, стоит среди государственной промышленности, потрясая землю тяжелыми ударами молотов, Путиловский гигант-завод. Со всех концов России работают на нем рабочие и, работая, думают думу. Под свист пилы, под вой проводов, под удручающим видом лафетов и пушек мрачные мысли лезут в голову. В труде, равно в каторжной работе, умирают матери и отцы, родившие нас; умираем и мы здесь в беспросветном отчуждении от завидной радости, того довольствия и той культуры, которой пользуется недалеко от нас, лишь отделенное жирным памятником старины – Нарвскими воротами – богатое, беспечное, “образованное” меньшинство.

Где же справедливость? Где результаты крови и жизни павших в революции борцов? Где новая жизнь? Где та райски-радостная, зелено-красная птица, которая заманчиво пролетела над нашей страной и скрылась..., точно обманув нас.

Граждане! Путиловцы не первый раз проливают кровь за общие интересы рабочего класса. Вспомните 9 января и воздержитесь от тех огульных обвинений, какие раздаются теперь на улицах Петрограда. В эти дни, 3–4 июля, мы шли с чистым сердцем верных сынов революции, мы шли не против Совета рабочих и солдатских депутатов, а поддержать его. Вот почему на наших знаменах было написано: “Вся власть Совету!”

---

1 Вторая. С. 61–64, 92; *Шабалин Б.* Указ. соч. С. 293.

2 Вторая. С. 57.

Когда мы выходим, нас расстреливают. Вот почему некоторые из нас в целях самозащиты захватили с собой оружие. 9 января в нас стреляли верные слуги дома Романовых. Теперь с точностью установлено, что первые выстрелы, а также и часть ответных выстрелов, были организованы провокаторами – врагами русской свободы, врагами рабочих.

Граждане! Обновленная жизнь не может ждать. Железной логикой всех совершающихся событий неумолимо толкает она революционный народ на улицы вперед, и часто улица решает спор. Но на горе наше мы одни, и часто не хватает организованных сил. Развитые рабочие слишком распылены и часто живут не интересами класса в целом, а многочисленных и вредных нам фракций и сект. Мы предоставлены самим себе. "Совет рабочих депутатов" стал как будто обходиться без рабочих и, все больше изолируя себя от нас своим составом, ушел в кропотливую работу административного толка. И уже совсем застыло в бюрократически-мертвых формах Временное правительство.

Вот в каком свете встало перед нами, рабочими, экономическое и политическое положение накануне событий 3–4 июля.

Граждане! Взгляните с доверием на поднимающиеся от земли черные дымящие трубы. Там, у их подножья, создавая для вас новые ценности, нужные вам, страдают и мучаются такие же люди, как вы, в неволе у усовершенствованной и самой свирепой эксплуатации. Медленно там зреет классовое самосознание. Копится в сердцах ненависть и любовно пишутся на кровавом знамени ласковые условия другой жизни для всего человечества. Долой братоубийственные раздоры!

Все граждане, к активной поддержке "Комитета спасения революции"[1]*, этого последнего напряжения сил свободы – повторяя слова его, обращенные "к рабочим и работницам": "Ни под сапог Вильгельма II, ни назад под гнусное иго Николая Кровавого"*»[2].

Эти строки выражают глубокое разочарование итогами Февральской революции, ненависть к цензовому обществу и решимость создать новую жизнь, ради которой столько уже было

1 Очевидно, комитет, созданный на заводе для борьбы с контрреволюцией.

2 Док. июля. С. 71–72.

пожертвовано. Но общий тон письма печальный и даже оправдывающийся. Горькие слова обращены к Совету и правительству, но автор ничего не говорит об альтернативе. Вместо этого он жалуется, что «*на горе наше мы одни… Мы предоставлены самим себе*». Отсюда и его призыв: «*Долой братоубийственную рознь!*» Столкнувшись лицом к лицу с угрозой гражданской войны в рядах демократии, это было единственное, что рабочие могли предложить против угрозы контрреволюции со стороны имущих классов.

Это письмо было обращено к той части революционной демократии, в частности, к тем рабочим, которые под воздействием буржуазной прессы и агитации меньшевиков и эсеров возлагали ответственность за кровопролитие на выступивших демонстрантов 3–4 июля. «*Кровь лежит на голове тех, кто вызвал вооруженных людей*», твердил ЦИК. «*Это выступление – нож в спину революции*»[1]. «*Большевики – друзья Николая и Вильгельма*», заявляли *Известия*, орган ЦИК[2].

В Невском районе, бастионе эсеров, антибольшевистские настроения были особенно сильны. 10 июля член Петербургского комитета большевиков от Невского района рассказывал: «*Заводы не принимали участия в демонстрации и работали непрерывно. Настроение по отношению к большевикам носит погромный оттенок. В разжигании этого настроения деятельное участие принимают эсеры; при их участии происходит перепись большевиков на… [Александровском механическом заводе] с репрессивными целями. Разыскиваются наиболее известные в районе товарищи-большевики. Помещению районного комитета угрожают погромом толпы, расхаживающие по улице. Рабочие в большей своей части питаются слухами и зачитываются бульварной печатью. Состоявшийся вчера на Обуховском заводе митинг был неудачный для нас; главными противниками выступают эсеры. В общем и целом все же есть надежда, что в скором времени все удастся наладить*»[3].

1 *Известия,* 5 июля 1917 г. ЦИК исключил Ленина и Каменева из своего состава до получения результатов расследования обвинений по поводу того, что большевики приняли немецкое золото.

2 Там же, 12 июля 1917 г.

3 Первый легальный ПК. С. 371.

Делегат из другого окраинного района, Пороховского, нарисовал аналогичную картину: «*Рабочая среда нашего района представляет из себя стоячее болото. После 5–6 июля это ярко выразилось. Большевиков поливают гнусностями и преследуют. Нас – 6 человек выбросили с завода по благословению Совета. Совет наш и меньшевики явно работают на контрреволюцию. Держат себя подло*»[1].

По словам Перазича, лидера профсоюза текстильщиков, всего две текстильные фабрики приняли участие в демонстрациях полным составом. Он явно преуменьшает остроту ситуации, когда пишет, что кампания буржуазной прессы вместе с агитацией меньшевиков и эсеров «*местами на время смутила наших работниц*». На фабриках Торнтона, например, большевики были отозваны со всех выборных должностей после того, как они отказались отречься от своей партии[2].

Собрание делегатов типографских рабочих 7 июля всю полноту ответственности за кризис возложило на «*левое крыло революционной демократии, которое является значительным неответственным меньшинством, пытающимся навязать свою волю всей революционной демократии. Мы подчиняемся только лозунгам и призывам, разделяемым революционной демократией всей России*»[3]. Большевики снова столкнулись с трудностями выпуска своих газет, так как работники типографий отказывались их печатать[4]. По воспоминаниям наборщика казенной типографии, «*дело дошло до того, что рабочий, разделявший взгляды большевиков, но не принадлежавший к партии, был предан суду на общем собрании, чтобы отменить его военную отсрочку и отправить его на фронт*»[5].

Однако опыт последующих недель с дальнейшим ухудшением экономической ситуации вместе с растущей и укреплявшейся контрреволюцией заставил и этих рабочих пересмотреть свою позицию. Когда прошла первоначальная шоковая реакция на кровопролитие июльских событий, начался массовый и очень

1 Первый легальный ПК. С. 372.
2 *Перазич В.* Указ. соч. С. 86.
3 *Новая жизнь*, 8 июля 1917 г.
4 Вторая и третья. С. 95.
5 *Красная летопись*, № 9, 1924. С. 32.

быстрый переход этих рабочих в лагерь большевиков. То же наблюдалось в Москве и в провинции.

Что касается рабочих, уже стоявших на большевистских позициях, то новая ситуация заставила их пересмотреть свою стратегию. Меньшевики и эсеры во главе Советов повернулись против них и фактически перешли в лагерь контрреволюции. Но рабочие не могли отказаться от Советов. Это означало бы разрыв с массами, еще идущими за меньшевиками и эсерами, и угрожало бы гражданской войной в рядах революционной демократии. Путь вперед был неясен.

Даже осенью, когда столичные рабочие преодолели политическую изоляцию, июльские события продолжали довлеть бременем, сдерживая их политическую инициативу. Рабочие получили опыт гражданской войны в рядах демократии, и он порождал колебания. Поэтому отношения между партией большевиков и рабочими массами изменились. Если в феврале, в апреле и в июле инициатива шла «снизу», от самих масс, а партия за ними следовала, то после Июльских дней инициатива перешла к партии, а рабочие следовали за ней. При этом следует иметь в виду, что партия большевиков фактически объединяла в своих рядах самую решительную и смелую часть рабочего класса столицы.

Зато внутри предприятий, в отличие от широкой общественной арены, отношения между партией и массами оставались прежними, рабочие сохраняли инициативу. Хотя активисты фабрично-заводских комитетов, в большинстве своем большевики, повторяли, что рабочий контроль – это не введение социализма, сама логика ситуации заставляла рабочих отходить от их первоначального представления о революции как буржуазно-демократической. В этой сфере рабочим зачастую приходилось подталкивать вперед своих большевистских лидеров.

ГЛАВА 8
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ: РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА?

Цензовое общество переходит в наступление

Пока рабочие оставались в обороне после июльского поражения, правые силы поспешили нажиться на взломе революционно-демократического фронта. Как еще в мае предвидела *Рабочая газета*, «вулканическая почва революции» уже достаточно охладилась для того, чтобы имущие классы решились на лобовую атаку[1].

На «частных» заседаниях депутатов Государственной думы, вопреки протестам рабочих продолжавшей предоставлять полуофициальный форум политическим деятелям цензового общества, выступавшие ораторы более не считали необходимым использовать эзопов язык, лишь намекая на «зло двоевластия». «*Революция победила благодаря Думе*», смело утверждал либеральный депутат А. М. Масленников в типично наглом пересмотре недавней истории. «*Скобелев, Чхеидзе и Керенский пришли и умоляли нас возглавить восстание. Но в тот момент к революции примазалась кучка сумасшедших фанатиков, проходимцев и предателей, называвших себя Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов*»[2].

На заседаниях открыто обсуждались необходимость буржуазной диктатуры, разгон Советов, государственный переворот. Ораторы категорически утверждали, что Учредительное собрание нельзя созывать из-за войны. Одной из самых ярких примет времени было возвращение в общественную жизнь из добровольной изоляции известного реакционера и антисемита В. М. Пуришкевича. На одном из заседаний Думы он, ничтоже сумняшеся, потребовал подавления Советов и введения военного положения[3].

---

1 *Рабочая газета*, 20 мая 1917 г. См. также: *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 8.

2 *Новая жизнь,* 19 июля 1917 г.

3 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 55; *Price M. P.* Reminiscences of the Russian Revolution. London: George Allen & Unwin, 1921 г. P. 64–65; Док. июля. С. 294–295, 318–319; *Рабочий путь,* 20 августа 1917 г.

3 августа 1917 г. на Втором Всероссийском торгово-промышленном съезде либеральный банкир и промышленный магнат П. П. Рябушинский выступил с особо язвительной и жесткой речью в адрес Советов и других революционно-демократических организаций. Он заявил, что Временное правительство является всего лишь фасадом, что «*на самом деле, всем заправляет шайка политических шарлатанов*». Эти слова были встречены бурными аплодисментами всего зала. Рябушинский продолжал: «*Псевдовожди народа в Совете направили его на путь гибели, и все русское государство стоит перед зияющей пропастью*». Решительно отвергая вмешательство государства в экономическую жизнь, Рябушинский заявил, что революция – буржуазная, и что стоящие у руля государства должны действовать в «буржуазной манере». Выступление поддерживалось постоянными выкриками «правильно!».

Он заключил: «*Поэтому наша задача является чрезвычайно трудной. Мы должны ждать. Мы знаем, что естественное развитие жизни пойдет своим чередом и, к сожалению, оно жестоко наказывает тех, кто нарушает его законы. Но плохо, когда мы должны приносить в жертву государственные интересы, дабы убедить небольшую группу людей... К сожалению, это необходимо, чтобы длинная костлявая рука голода и национального обнищания схватила за горло этих ложных друзей народа, членов различных комитетов и советов, с тем, чтобы они опомнились... В этот трудный момент, когда грядут новые волнения, все жизненно важные культурные силы страны должны сформировать единую гармоничную семью.*

Пусть стойкая купеческая природа сама себя покажет! Купцы! Мы должны спасти русскую землю! (Гром аплодисментов. Зал поднялся и приветствовал оратора стоя.)»[1]

Проправительственная московская газета *Русское слово* характеризовала настроения съезда: «*Шелест ненависти, гнева и презрения перелетал по аудитории при упоминании каждого министра-социалиста до А. Ф. Керенского включительно*»[2].

Впоследствии злобная метафора Рябушинского о «костлявой руке голода» бесконечно цитировалась на собраниях рабочих,

1 Эк. пол., 1957 г. Т. 1. С. 196, 200–201.
2 *Новая жизнь*, 8 августа 1917 г.

на заседаниях Советов и в социалистической прессе. В глазах рабочих Рябушинский стал олицетворением «капиталиста-локаутчика». «*Спасибо за правду*, – комментировала большевистская газета *Пролетарий*. – *Сознательные рабочие и крестьяне могут только быть благодарны Рябушинскому. Единственный вопрос: чья рука схватит за горло?*»[1].

После июльских событий контрреволюция впервые начала принимать конкретную форму военной диктатуры. Выступая в июле на очередном заседании депутатов Государственной думы, лидер партии кадетов Милюков не жалел слов: «*Я должен сказать, что потрясенные событиями дня, нашими неуспехами на фронте и восстанием большевиков в Петрограде члены правительства поняли необходимость резкой перемены курса. Смертная казнь была восстановлена; может быть, другие меры будут скоро приняты. Но мы считаем абсолютно необходимым, чтобы министр-председатель или уступил свое место или, во всяком случае, взял в качестве помощников авторитетных военных мужей и чтобы эти авторитетные военные мужи действовали с необходимой самостоятельностью и инициативой*»[2].

22 июля 1917 г. казачий генерал Л. Г. Корнилов принял верховное командование от премьер-министра Керенского. Корнилов представил «ультиматум», требуя для себя полной свободы в издании оперативных приказов и в назначении офицеров, а также право распространить применение смертной казни в тылу. Он заявил, что считает себя ответственным лишь перед «собственной совестью и всем народом»[3]. Корнилов был известен рабочим Петрограда. Будучи командующим столичным гарнизоном в период Апрельского кризиса, он приказал открыть артиллерийской огонь по демонстрантам – рабочим и солдатам. Массовая бойня была предотвращена лишь потому, что артиллеристы настаивали на подтверждении приказа Советом.

Пока буржуазная пресса превозносила Корнилова, как «сильного человека», который спасет Россию, распространяя его биографию огромными тиражами, в советских кругах крепли

1 *Пролетарий*, 10 августа 1917 г.
2 *Цветков-Просвещенский А. К.* Указ. соч. С. 133.
3 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 110.

слухи о военном заговоре. Обсуждалась необходимость снятия Корнилова. В ответ на это некоторые правые организации, например Союз двенадцати казачьих войск, Лига кавалеров Святого Георгия, Конференция общественных деятелей и некоторые другие, созвали конференции, на которых специально прозвучали грозные предупреждения правительству против такого шага[1].

Между тем ширились репрессии против левых партий. После краткого выхода 10 августа снова был закрыт центральный печатный орган большевиков. Продолжились также и аресты членов РСДРП(б). Были арестованы не только лидеры – Троцкий и Луначарский, но и активисты меньшего масштаба. 28 июля 1917 г. в цирке Модерн, популярном месте народных собраний, был арестован рабочий, выступивший с осуждением Керенского. Другой рабочий был доставлен в полицейский участок за осуждение «Займа свободы»[2]. 6 августа 1917 г. министр внутренних дел получил полномочия арестовывать и задерживать людей без суда и следствия.

К этому моменту Временное правительство уже открыто отказалось от проведения так называемой политики поиска мира. В третью годовщину начала войны Керенский отправил телеграмму британскому королю Георгу, заверяя того, что Россия готова и способна «довести мировую войну до конца». Свой отказ выдать паспорта британским делегатам-социалистам на Стокгольмскую конференцию, бывшую краеугольным камнем мирной стратегии правых социал-демократов, премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж обосновал нотой Керенского, отрицательно высказавшегося о конференции, назвав ее «частным мероприятием»[3]. Газета меньшевиков-интернационалистов *Новая жизнь* была закрыта правительством за разоблачение роли Керенского в провале Стокгольмской конференции. В связи с этим инцидентом был принят новый закон, согласно которому оскорбление в печати представителя дружественного государства становилось уголовным преступлением[4].

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 131; Док. августа. С. 360.
2 *Новая жизнь,* 29 июля 1917 г. О репрессиях в этот период см. также: *Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power, New York: Norton, 1976, ch. 3.
3 *Price M.* P. Op. cit. P. 66.
4 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. 5. С. 135.

В глазах рабочих все это свидетельствовало о полной капитуляции руководства ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов перед имущими классами. Их точка зрения получила символическое подтверждение на проходившем в середине августа Московском государственном совещании. Совещание было инициативой премьер-министра Керенского, надеявшегося получить поддержку от представителей всего российского общества, от всех его классов. Даже при отсутствии большевиков, бойкотировавших совещание, мнения участников оказались крайне поляризованными. По каждому вопросу делегаты от трудящихся классов оказывались в непримиримой оппозиции к делегатам от имущих классов. «*То, что радует одних*, – комментировала *Новая жизнь*, – *встречается ледяным холодом со стороны других*»[1]. Конференция едва не закончилась физической дракой, когда молодой казак заявил, что трудящиеся казаки не доверяют своим лидерам[2]. Для рабочих, давно убежденных в контрреволюционных намерениях буржуазии, самым отвратительным эпизодом стал жест лидера ЦИК Церетели, демонстративно перед всем залом протянувшего руку дружбы А. А. Бубликову, представителю Совета съезда торговли и промышленности[3].

Тем временем владельцы предприятий стремились лишать рабочих тех завоеваний, на которые их вынудила пойти Февральская революция, сосредотачивая особый огонь на фабрично-заводских комитетах. Циркуляр Совета объединенной промышленности от 22 августа утверждал за администрациями исключительное право найма и увольнения. В нем отвергались любые материальные обязательства заводских администраций перед фабзавкомами, кроме предоставления им помещения для собраний. В частности, упразднялась обязанность платить освобожденным членам фабзавкомов зарплату. Реагируя на создавшуюся обстановку, комитет обувной фабрики «Скороход» обратился к рабочим со следующим заявлением: «*Для того чтобы укрепить наши завоеванные экономические и политические улучшения, которые достались нам ценой многих павших наших товарищей, нам следует отнестись особенно серьезно к настоящему моменту после всех событий,*

1 *Новая жизнь*, 13 августа 1917.

2 *Троцикй Л. Д.* История русской революции. М.: Республика, 1997 г. Т. 2. Ч. 1, С. 170.

3 Там же. С. 169.

которые произошли 3-го и 4-го июля. Вы видите, товарищи, как на всех заводах и фабриках буржуазия начала поход на наши экономические улучшения, она открыто действует и ведет борьбу против наших организаций, товарищи, мы должны сплотиться вокруг своих организаций и поддерживать их всеми силами.

Товарищи, администрация нашей фабрики уже начинает вмешиваться во внутренний распорядок фабрики, который по сие время был у нас в руках. Администрация уже заявила нам, что наем и расчет рабочих будут производить они сами. Вы знаете, товарищи, из горького опыта, еще при старом режиме, когда выкидывали нас за ворота за каждое слово справедливости, а на наши места ставили тех, которые выгодны для них...»[1]

«*Нам каждый день приходится слышать о новых нападениях на наши завоеванные права*», заявил один из членов Центрального Совета фабзавкомов на августовской конференции фабрично-заводских комитетов[2]. Другой отмечал, что: «*В начале деятельности Центрального Совета по улаживанию конфликтов предприниматели легко поддавались воздействию в личных переговорахс представителями Совета, но теперь они становятся менее податливыми, ссылаясь в своем упорстве на Общество фабрикантов и заводчиков и не считаясь с авторитетом Центрального Совета как учреждения негосударственного*»[3].

Правительство со своей стороны не бездействовало. 28 августа министр труда, меньшевик М. И. Скобелев издал ряд циркуляров, резко ограничивавших права фабзавкомов. Зато ничего не было предпринято в области государственного регулирования экономики, хотя Петроградский Совет предложил готовый план действий еще в мае. Экономический совет правительства впервые собрался лишь в июле и заслушивал доклады, не принимая каких-либо действенных решений[4]. «*Ни одной серьезной реформы ни в области общественного, ни в области государственного хозяйства сделано не было*», – говорилось в резолюции,

1 Раб. кон. Т. 1. С. 152–153.
2 ФЗК. Т. 1. С. 191.
3 Там же. С. 173.
4 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. T. V. С. 129. По этому поводу см. также критическую оценку экономиста Базарова в *Новой жизни* от 30 декабря 1917 г.

принятой на августовской конференции фабрично-заводских комитетов[1].

Кроме того, правительство вновь обратилось к несколько забытому плану «разгрузки» Петрограда от промышленных предприятий. Он был представлен как экономическая мера, но его политические мотивы были прозрачны для рабочих. Правительственное постановление от 8 августа предписывало эвакуировать медицинские, образовательные «*и другие учреждения... и выработать план высылки людей, представляющих угрозу в контрреволюционном смысле*». В первой версии постановления говорилось без обиняков: «*освободить столицу от элементов, создающих опасность повторения событий 3–5 июля*»[2]. К концу августа был составлен список из 46 предприятий, назначенных на переезд из Петрограда в первую очередь, включавший все государственные предприятия, большинство частных металлообрабатывающих заводов и ряд химических заводов. Чтобы усугубить ситуацию, на новое место дислокации предприятия столицы должны были сопровождаться малым числом рабочих. Остальные подлежали сокращению с выплатой двухнедельного пособия. Все расходы государственная казна брала на себя[3].

Но и без эвакуации угроза экономического коллапса столичной промышленности и, следовательно, сокрушения положения рабочего класса росла с каждым днем. К началу августа закрылись 43 малых и средних предприятия с относительно небольшим числом занятых. Но психологический эффект ощутимо сказался на всем столичном пролетариате. В августе Петроградский Союз металлистов предупредил о предстоящем закрытии еще 25 предприятий и сокращении производства еще на 137[4]. В списке фигурировали некоторые из самых крупных государственных и частных предприятий[5]. «*Гроза разразилась уже надо всеми*», заявил представитель Центрального Совета фабрично-заводских комитетов в августе[6].

1 ФЗК. Т. 1. С. 217.
2 Док. августа. С. 177, 614.
3 *Степанов З. В*. Указ. соч. С. 96.
4 *Известия,* 18 августа 1917 г.
5 *Степанов З. В*. Указ. соч. С. 140–141; Революционное движение в России в сентябре 1917 г. (Далее цит. как: Док. сент.). М., 1962. С. 197; ФЗК. Т. II, 1928. С. 57–58; *Перазич В.* Указ. соч. С. 75, 90.
6 ФЗК. Т. II. С. 190.

Хотя уровень безработицы в промышленности был все еще невысок[1], общая тенденция вызывала у рабочих тревогу. В первой половине 1917 г. число занятых в промышленности увеличилось на 10–12%. В июле рост прекратился, и кривая занятости поползла вниз. И если уровень занятости в промышленности в октябре оказался не намного ниже февраля, это была заслуга активной деятельности фабрично-заводских комитетов[2].

После июльских событий политика промышленников в сфере заработной платы ужесточилась. Петроградское общество фабрикантов и заводчиков запретило своим членам заключать отдельные соглашения по заработной плате, установив штраф для нарушителей дисциплины в 25 руб. за каждого рабочего[3]. 12 июля переговоры между Обществом и профсоюзом металлистов зашли в тупик: владельцы предприятий отвергли требования профсоюза по зарплате для неквалифицированных рабочих[4], а также требовали введения минимальных норм выработки. В конце концов, профсоюз решил не принимать бой и согласился на компромисс, предложенный правительством, включавший введение минимальных норм выработки. Профсоюзу было ясно, что промышленники жаждут баталий, надеясь, может быть, на повторение всеобщего локаута в конце 1905 г., нанесшего сильнейший удар по революционному движению. Но применение и этого коллективного договора сопровождалось бесконечным числом споров[5].

---

1 *Знамя труда,* 6 октября 1917 г.

2 *Степанов З. В*. Указ. соч. С. 27.

3 *Перазич В.* Указ. соч. С. 87.

4 Требование минимальной заработной платы было выдвинуто в начале революции под настойчивым давлением неквалифицированных рабочих. Их заработная плата, даже по признанию предпринимателей, была ниже прожиточного минимума. После Февральской революции экономическое положение этих рабочих улучшилось, но минимальная зарплата так и не была установлена, а инфляция быстро съела завоеванное повышение. Низкая зарплата неквалифицированных рабочих и различия в зарплате между квалифицированными и неквалифицированными, что профсоюзы пытались сузить, но с ограниченным успехом, были постоянными источниками напряженности между этими двумя категориями рабочих. – ЦГА СПб. Ф. 1000, оп. 73, д. 16, в разных местах; Ф. 4591, оп. 1, д. 1, л. 40.

5 *Степанов З. В*. Указ. соч. С. 81; см.: *Брук С.* Указ. соч. С. 127–128*; Рабочая газета,* 6 августа 1917 г.

В то же время Профсоюз текстильщиков был завален жалобами по поводу неправильного начисления зарплаты. Несмотря на договоренность с Обществом фабрикантов и заводчиков о 25%-ом повышении зарплаты, некоторые промышленники заявляли, что они ничего не знают о таком соглашении. Другие говорили, что зарплата у текстильщиков и так слишком высока. Третьи повышали зарплату, но выборочно. Переговоры по заключению нового отраслевого коллективного договора, начатые 27 июня, затянулись на два с лишним месяца. Промышленники решительно сопротивлялись каждому требованию профсоюза. Например, пришлось провести два дня в жестких переговорах только для того, чтобы хозяева согласились предоставлять рабочим кипяток для чая. И даже тогда они подчеркнули, что они идут на уступку «только в силу исключительных обстоятельств»[1].

Между тем социалистическая пресса продолжала угощать рабочих разоблачениями о злоупотреблениях промышленников при выполнении военных заказов. Один из наиболее нашумевших скандалов касался председателя Государственной думы М. В. Родзянко, поставлявшего армии в течение всего периода войны дефектные приклады винтовок по чрезвычайно вздутым ценам[2].

К августу 1917 г. реальная заработная плата в промышленности уже была ниже ее весеннего уровня. По некоторым оценкам, стоимость жизни в Петрограде в январе–июне 1917 г. возросла примерно на 70%, а в июле–августе – еще на 75%[3]. На основе статистики ряда промышленных предприятий историк З. В. Степанов заключил, что после Февральской революции реальная зарплата в столичной промышленности достигла своего пика в мае и июне. Номинальная зарплата продолжала медленно расти и после,

1 *Перазич В.* Указ. соч. С. 64–69.

2 *Новая жизнь*, 12 и 23 августа 1917 г.

3 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 53–54. На заводах Обуховском, Парвиайнена, Балтийском судостроительном, на текстильных фабриках Керстена и Новой бумагопрядильне и на табачной фабрике Шапошникова реальная заработная плата выросла в среднем на 110% в течение первого полугодия 1917 г., что превышало рост стоимости жизни. В июле и августе средняя зарплата на этих предприятиях возросла лишь на 12%, что указывает на резкое падение реальной заработной платы, в большинстве случаев ниже уровня февраля 1917 г.

но инфляция подрывала ее покупательную способность. Если судить по данным московской промышленности, реальная зарплата в 1917 г. так и не достигла своего довоенного уровня[1]. Коллективные договора, заключенные в металлообрабатывающей и текстильной отраслях в середине августа и начале сентября, лишь частично компенсировали галопирующую инфляцию[2].

Летом, впервые с зимы 1916–1917 гг., в Петрограде начала серьезно ощущаться нехватка продовольствия, не говоря о дефиците промышленных товаров[3]. В какой-то момент запасов зерна в городе осталось всего на два дня. Нерегулярное поступление продовольственных грузов создавало серьезные трудности для трудящегося населения. Продовольственная управа Выборгского района сообщала в этот период, что «*очереди фактически превратили 8-часовой рабочий день в 12–13-часовой, ибо пролетарии и пролетарки идут с заводов и фабрик и других работ прямо в хвосты, в которых проводят по 4–5 часов после, а иногда и до своего рабочего дня*»[4].

На августовской конференции фабрично-заводских комитетов большевистский экономист В. П. Милютин нарисовал следующую картину экономической и политической ситуации, которая позже вошла в резолюцию, принятую подавляющим большинством голосов: «*В области экономики особенность переживаемого момента состоит в том, что Россия вступила уже в эпоху настоящей катастрофы, потому что экономический развал и продовольственный кризис достигли крайних пределов. Уже чувствуется большой недостаток хлеба, и реальная картина голода стоит перед нами во весь рост. В газетах сообщают, что в Астрахани паек уменьшился до полуфунта, а может уменьшиться и больше.*

Тот же кризис в промышленности: в металлургической – производство сократилось на 60%, текстильная промышленность почти не существует. Каменноугольная промышленность

1 *Знамя труда,* 17 октября 1917 г. Номинальная зарплата в Москве между июлем 1914 г. и июлем 1917 г. выросла на 515%. Цены на основные продукты питания поднялись в этот период на 566%, а на остальные предметы первой необходимости – на 1109%.

2 *Степанов З.* В. Указ. соч. С. 53–54.

3 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 173.

4 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 67.

тоже с каждым днем сокращается, и возможно, что к осени железные дороги не смогут функционировать из-за недостатка угля и топлива. А долги государства с каждым днем все растут и в настоящее время достигают 60 миллиардов, затраченных почти исключительно на нужды войны, так как на другие потребности страны тратится всего лишь 5 миллиардов...

Временное правительство, благодаря политике соглашательства представителей в ней мелкобуржуазных партий, решительно ничего не делало для обуздания хищничества и саботажа промышленников... Временное правительство ровно ничего не делало для предотвращения надвигающейся катастрофы.

В атмосфере этой надвигающейся экономической катастрофы протекала политическая жизнь страны за последнее время. Отличительная черта переживаемого политического момента – это открытая организация контрреволюции.

Восстановлено позорное наследие прошлого – смертная казнь, административная ссылка и аресты, разгромы рабочих организаций и печати – вот яркие, происходящие у всех на глазах проявления контрреволюции.

Параллельно с этим идет разжигание войны и определенное влияние на всю внутреннюю жизнь нашей страны международного капитала, преимущественно английского.

Вся власть сейчас фактически перешла в руки контрреволюции, несмотря на присутствие в министерстве половины “социалистов”»[1].

Агония «соглашательства»

К концу августа коалиционное правительство практически лишилось поддержки в рабочей среде. До июля радикализация затрагивала преимущественно более урбанизированные, квалифицированные слои рабочих, за исключением печатников. Соответственно меньшевики страдали больше эсеров, пока сохранявших определенную социальную базу среди малоквалифицированных рабочих и на ряде государственных предприятий. Левые эсеры, выступавшие, как и меньшевики-интернационалисты,

1 ФЗК. Т. I. С. 200–201.

против коалиционного правительства, но не решавшиеся требовать передачи власти Советам, продолжали привлекать некоторую часть этих рабочих. Но после июльских событий отход от эсеров стал повсеместным. Большинство перешло к большевикам, чья позиция была им более понятной. Кроме того, в отличие от меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров большевики не были обременены организационными связями с «соглашателями», т.е. с каким-то правым крылом партии.

Выборы 20 августа в Городскую думу зарегистрировали значительный рост голосов в пользу большевиков по сравнению с результатами майских выборов в районные думы (см. *табл. 8.1*). Возросла не только доля голосов, отданных большевикам – примерно от одной пятой до одной трети, но большевики оказались единственной партией, увеличившей абсолютное число поданных за нее голосов, несмотря на 30%-е снижение участия избирателей. Фактически явка была еще ниже, если учесть, что после майских выборов в черту города вошли новые районы.

Главную свою поддержку большевики черпали в рабочем классе. Они получили абсолютное большинство голосов в исключительно пролетарских районах – Выборгском и Петергофском. В смешанных районах с большой долей промышленности – Василеостровском и Петроградском, а также в Лесном и Новой деревне, прилегающих к Выборгскому, они получили относительное большинство[1] (см. *табл. 8.2*). В центральных районах города за большевиков активно голосовали расквартированные там военные части. В Адмиралтейском районе, например, где не было заводов, на долю солдат пришлось 86% голосов, отданных большевикам[2].

Выборы показали повсеместное истощение социальной базы «соглашательских» партий, хотя эсеры сохранили заметную поддержку в трех отдаленных районах, где имелись промышленные предприятия: Невском, Московском и Полюстрово-Пороховском. Также за них отдала голоса значительная часть солдат и служащих.

От неявки избирателей на августовских выборах больше других пострадали кадеты. Снижение доли голосов, поданных за них

1 О социальном составе районов см. главу 3.
2 *Дело народа,* 23 августа 1917 г.

Таблица 8.1
Результаты голосования на выборах в районные думы Петрограда (27 мая-5 июня), Центральную думу (20 августа) и Учредительное собрание (12–14 ноября 1917 г.) (число поданных голосов, в тыс.)

Дата выборов	**Большевики**		**Эсеры**		**Меньшевики**		**Кадеты**		**Все партии**	
	Число голосов	%	Число голосов	%	Число голосов	%	Число голосов	%	Число голосов	%
Май	160	20,4	431[a]	55,0[a]	—	—	172	21,9	785	100
Август	184	33,4	206	37,4	24	4,3[b]	114	20,8	549	100
Ноябрь	424	45,0	152	16,1	29	3,0[c]	247	26,2	942	100

a. Данные включают голоса, отданные за эсеров и за меньшевиков, поскольку эти партии выступали общим списком.
b. Список меньшевиков в августе включал исключительно кандидатов-интернационалистов.
c. Включает голоса, отданные совместно за оборонцев и за интернационалистов: 1,8% и 1,2% соответственно.
Источник: май –Rosenberg W. Op.cit. P. 162; август – Дело народа, 23–24 августа 1917 г.; ноябрь – Наша речь, 17 ноября 1918 г.

в сравнении с маем, объясняется главным образом отсутствием на выборах богатых избирателей, не внявших призыву партии вернуться с дач для участия в голосовании. Кадеты также понесли потери от включения шести окраинных районов в черту города. Они получили относительное большинство голосов в двух центральных районах – Литейном и Адмиралтейском, население которых являлось большей частью обеспеченным. И им все же удалось несколько увеличить долю своих избирателей по сравнению с весенними выборами в четырех районах – Московском, Спасском, Петроградском и Рождественском[1]. Это явилось отражением сдвига вправо средних слоев населения, которые в первый, более спокойный период революции, могли проголосовать за меньшевиков и эсеров. Но политическая середина быстро таяла по мере углубления поляризации в обществе.

К концу августа из районных Советов районов со значительной долей промышленных рабочих лишь в Нарвском, Невском

1 *Rosenberg W.* Op. cit. P. 220.

Таблица 8.2
Результаты голосования в Петроградскую думу по районам 20 августа 1917 г. (в % от районного голосования)

Район	**больше-вики %**	**эсеры %**	**меньше-вики %**	**кадеты %**	**Итого голосов** [a]
Адмиралтейский	35,7	35,8	2,2	21,3	11 865
Александро-Невский	28,0	52,4	3,4	12,8	43 552
Казанский	17,1	29,9	3,5	41,0	13 375
Коломенский	29,7	38,3	2,3	26,2	23 609
Лесной	36,5	29,3	5,3	24,6	15 830
Литейный	16,9	35,2	4,0	38,5	31 236
Московский	21,3	34,8	4,5	33,0	39 967
Нарвский	33,3	50,2	3,2	11,3	69 621
Невский	20,1	66,8	2,8	8,5	30 812
Новая деревня	37,5	28,1	4,3	28,5	9 825
Петергофский	61,7	31,5	1,6	3,4	27 949
Петроградский	38,0	25,9	5,4	26,3	70 515
Полюстрово-Пороховский	34,5	55,0	2,3	6,8	19 690
Рождественский	15,5	39,3	4,9	33,9	34 287
Спасский	16,8	39,7	3,6	33,0	17 970
Василеостровский	38,1	32,9	8,2	17,7	64 726
Выборгский	63,0	23,9	3,5	7,6	35 711

a. Включает голоса, поданные за несколько небольших партий, получивших вместе 4,0% голосов в Петрограде.
Источники: Rosenberg W. Op.cit. P. 220; Дело народа, 23–24 августа 1917 г.

и Пороховском еще оставалось «соглашательское» большинство[1]. Но состав этих райсоветов фактически уже не отражал политические предпочтения рабочих.

В фабрично-заводских комитетах большевики продолжали укреплять свои позиции, бывшие солидными с самого начала. На конференции фабзавкомов 7–12 августа резолюция, предложенная большевиками, собрала 82% голосов, против 10% и 8% воздержавшихся[2]. Для сравнения: на Первой конференции в конце мая за большевистскую резолюцию с требованием передачи власти Советам проголосовали 63% делегатов. К августу

1 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 169; *Райсоветы*. Т. III. С. 179.
2 ФЗК. Т. I. С. 215.

1917 г. большевики возглавили все промышленные профсоюзы столицы, кроме профсоюзов печатников и рабочих бумажной промышленности. Из 23 членов Петроградского Совета профсоюзов 18 были большевиками[1].

Таким образом, антибольшевистские настроения из-за кровопролития во время июльских событий оказались недолговечными. Менее чем через месяц после того, как текстильщицы Торнтона отозвали своих делегатов-большевиков из Совета, их тут же восстановили на новых выборах[2]. К августу 1917 г. пали самые стойкие бастионы «соглашательства». Особенно заметным это было в текстильной промышленности, где до июля поддерживали большевиков лишь две-три фабрики. Резолюция с требованием передачи власти Советам была впервые принята 13 августа 1917 г. на собрании делегатов Петроградского союза текстильщиков с участием 80 делегатов от 24 фабрик[3].

Такая же картина наблюдалась и на других предприятиях с преобладанием малоквалифицированных работников. Если в июне на Трубочном заводе, на котором квалифицированными были менее 10% рабочих, большевики получили только треть мест на выборах в Петроградский Совет, то 17 августа общезаводское собрание делегатов осудило «правительство спасения» Керенского «и его контрреволюционную сущность»[4]. Рабочий обувной фабрики «Скороход» вспоминал, что спустя несколько недель после Июльских дней «*даже самые отсталые рабочие теперь отвернулись от эсеров*»[5].

Политические предпочтения менялись и на государственных предприятиях, ранее активно поддерживавших «оборонцев-соглашателей». Патронный и Арсенальный заводы, являвшиеся исключениями в районе красного Выборга, в августе впервые избрали в Петроградский Совет делегатов-большевиков, хотя «соглашатели» еще несколько недель сохраняли большинство[6]. Особенно резким был сдвиг на Обуховском

1 *Шатилова Т.* Профессиональные союзы... С. 179–188.

2 *Перазич В.* Указ.соч. С. 91.

3 Там же. С. 79–82, 87.

4 *Нотман К. В.* Трубный завод на октябрьских путях // *Красная летопись*, № 5–6 (50–51), 1932. С. 249–250.

5 Питерские рабочие об июльских днях // *Красная летопись*, № 9, 1923. С. 21–22.

6 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 68.

машиностроительном заводе в Невском районе, где на большевиков сыпались нападки после июльских событий. Более того, этот завод сформировал единственную добровольческую военную часть во время подготовки к июньскому наступлению на фронте. После выборов в районные думы 10–11 августа газета большевиков *Пролетарий* опубликовала следующее сообщение: «*Разве недавно оборонцы не правили безраздельно на огромном Обуховском заводе, который задает тон для всего пролетариата и полупролетариата Невского района? Недавно Дейч и Алексинский [меньшевистский и эсеровский] были желанными гостями, а большевик не мог показать свое лицо. Но какой поворот! На выборах оборонцы получили лишь один мандат. И эсерам, чтобы удержать своих последователей, пришлось спешно перекраситься в защитный интернационалистический оттенок. Из 38 избранных 26 считают себя принадлежащими к левому крылу партии эсеров*»[1].

Эсеровская марка еще оставалась привлекательной для жителей этого полусельского района. (Обуховский завод располагался в 15 км от центра города[2]). На выборах в городскую думу в августе за эсеров проголосовло 74,4% из всех 43 000 голосов, за большевиков – 11,2%, меньшевиков – 5,6% и кадетов – 5,1%[3]. Зато поддержку коалиционному правительству на самом заводе отстаивать стало некому. *Пролетарий* сообщал, что на недавнем собрании выступления ораторов-большевиков неоднократно прерывалась аплодисментами.

Результаты выборов в городскую думу показали, что среди рабочих поддержка обоих крыльев эсеров стремительно таяла. Партия переживала массовое бегство членов. На заседании Петербургского комитета большевистской партии 23 августа доклады от районов сообщали о потере влияния эсеров среди рабочих. Рядовые члены партии жаловались на политику ее правого крыла и покидали ее в массовом порядке, переходя к большевикам. Исключением оставались Невский, Пороховской и Московский районы, где эсеры

1 *Пролетарий,* 17 августа 1917 г. См. также: *Антонов А. А.* Воспоминания комиссара Обуховского сталелитейного завода // Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. Т. I. М., 1957. С. 211.

2 *Антонов А. А.* Указ. соч. С. 205.

3 *Пролетарий,* 13 августа 1917 г.

сохраняли значительное влияние среди рабочих[1]. Зато большевистская организация Петрограда без учета солдат-большевиков лишь за июль увеличилась с 30 620 до 36 015 членов[2].

Сильно поредевшая к этому времени столичная организация меньшевиков решительно переходила на интернационалистическую (т.е. антикоалиционную) позицию, хотя ее малочисленное оборонческое крыло снискало несколько больший электоральный успех. Зато на городской конференции меньшевистской партии в начале августа интернационалисты получили перевес в 15 чел. из почти 100 собравшихся делегатов[3]. Рядовые члены партии подталкивали лидеров влево, например, срывая намерение Петербургского комитета образовать избирательный союз с оборонцами на выборах в городскую думу[4]. Поддержка оборонцев внутри партии снижалась по всей стране. На Всероссийском съезде партии 19 августа Церетели обошел лидера крыла интернационалистов Мартова малым числом голосов: 115 против 79[5].

Эволюция позиций в Рождественском районном Совете после Июльских дней иллюстрирует изменение в политических настроениях рабочих, ранее осудивших большевиков за случившееся кровопролитие. Этот небольшой центральный район насчитывал всего 10 000 промышленных рабочих, из которых почти половина трудилась на двух текстильных фабриках. Остальные работали в трамвайном депо, на мелких металлообрабатывающих и электротехнических заводах, в типографиях. Здесь также было расквартировано несколько воинских частей[6]. 6 июля объединенное собрание рабочей и солдатской секций районного Совета осудило большевиков, как «*безответственное меньшинство, бессознательно ведущее темные массы к гражданской войне внутри революционной демократии и грозящее повернуть революцию на путь реакции и контрреволюции*»[7].

Но под влиянием государственных репрессий и агрессивности правых сил отношение к большевикам смягчалось.

1 *Знаменский О. А.* Указ.соч. С. 260.
2 Вторая. С. 14; Шестой всероссийский съезд РСДРП(б). М., 1958. С. 44.
3 *Новая жизнь*, 8 августа 1917 г.
4 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 190.
5 *Рабочий путь*, 28 августа 1917 г.
6 *Райсоветы*. Т. I. С. 80, 89; Т. II. С. 199.
7 *Райсоветы*. Т. III. С. 201.

Через неделю после вышеупомянутого собрания Совет вновь осудил «безответственную агитацию анархо-большевистских элементов», однако добавил, что «*в результате поражения безответственной контрреволюции слева, контрреволюция справа подняла голову и пытается открыть активные действия*». Призвав рабочих сплотиться вокруг ЦИК Советов, райсовет потребовал от последнего принять решительные меры против все более воинственных сил контрреволюции. Также он выразил протест против необъективной установки комиссии, расследовавшей события 3–4 июля. Рабочие и солдаты в ней были представлены недостаточно, и она сосредотачивала свое внимание исключительно на «анархо-большевистских» организациях, не пытаясь добраться до причин контрреволюции, коренящихся справа[1].

Фокус дискуссий, проходивших в районном Совете сдвигался от беспокойства о большевистском радикализме на угрозу усиления правых сил и отказ ЦИК активно бороться с ней. Спустя четыре дня Рождественский райсовет решительно отверг идею предлагаемого разоружения рабочих района силами специальной воинской части. Он заявил, что сам проверит, имеется ли незаконное оружие в районе. А солдатам он предложил разоружать сторонников контрреволюции среди буржуазии всех рангов[2].

В связи с тем, что Временное правительство пошло на поводу правых сил – особенно военного начальства и партии кадетов – и восстановило смертную казнь на фронте, а ЦИК Советов одобрил данный шаг, Рождественский районный Совет наконец порвал с «соглашателями». За осуждение введения смертной казни проголосовало 13 депутатов, с 5 голосами против и 5 воздержавшимися. Многие рабочие еще помнили массовые расстрелы трудящихся вслед за поражением революции 1905–1906 гг. и в последующие годы принимали участие в забастовках в знак протеста против вынесения смертных приговоров рабочим и солдатам. Резолюцию райсовета стоит привести полностью:

«*Одно из самых ценных достижений Великой русской революции – отмена смертной казни – было уничтожено одним росчерком пера Временного правительства.*

1 Там же. С. 202.
2 Там же. С. 203–204.

Уже при Николае II в период самой жестокой и мрачной реакции смертная казнь вызывала единодушное возмущение трудящихся, с одной стороны, и притворное брезгливое отношение буржуазии, с другой; и гул гнева катился по России с одного конца на другой.

Победившие люди, свергнув самодержавие, в первую очередь отменили смертную казнь как варварство, недостойное свободной страны.

Теперь Временное правительство по требованию генералов и тех, кто неспособны оценить это колоссальное достижение, а также по просьбе военного министра [Керенского], присоединившегося к этим требованиям, снова восстановили это узаконенное убийство... Солдаты, назначенные на роль палачей, будут спешно тащить своих товарищей, измученных и приведенных в бессмысленное состояние дикой трехлетней резней и приговором к смертной казни... Они будут стрелять их, как собак, только потому, что те не отдали самоотверженно свои жизни в интересах своих же классовых врагов – империалистической буржуазии, бросившей тружеников одной стороны против таких же тружеников только другой стороны...

Происходит чудовищный абсурд: свободная страна отменяет смертную казнь для высокопоставленных преступников, всех этих Николаев, Сухомлиновых, Штюрмеров и Протопоповых [царских министров] и т.д., и сохраняет ее для солдат, измученных бессмысленной трехлетней бойней, которых трусливая буржуазия теперь награждает незаслуженными званиями трусов и предателей...

Замалчивать эту атаку со стороны Временного правительства против достижений революции является преступлением. Нигде и никогда трудящиеся не смирятся с этим безобразием и никогда они не воспримут хладнокровно эту форму убийства, называющуюся смертной казнью ... Долой смертную казнь! ... Долой войну как причину этого ужасного результата, позорящего человечество! Да здравствует революционный Интернационал!»[1]

1 Райсоветы. Т. III. С. 204.

Через месяц после этого собрания, после четырехнедельного перерыва (что красноречиво говорит об атрофии Советов под руководством меньшевиков и эсеров) совместное заседание рабочей и солдатской секций Петроградского Совета 900 голосами против четырех в свою очередь потребовало отмену смертной казни. Против проголосовали лишь меньшевистские лидеры ЦИК – Церетели, Дан, Либер и Чхеидзе[1]. Это голосование обозначило драматический раскол пленума петроградского Совета с ЦИК.

На том же собрании Рождественский райсовет принял еще одну резолюцию, требуя от ЦИК серьезной борьбы против «*ставшей смелой контрреволюции, открыто показывающей свое лицо, найдя свое руководство в июньской Третьей думе, духовенстве, помещиках и капиталистах*». Совет призвал ЦИК «*положить конец комедии*» и распустить наконец Государственную думу, «*эту ничтожную группу контрреволюционеров и последних подхалимов самодержавия, имеющих претензии говорить за русских людей, которые никогда не уполномочивали их ни на что, позволяющих себе недопустимые оскорбления и призывающих к роспуску законных органов революционной демократии... ЦИК должен обратить самое серьезное внимание правительства и особенно своих министров-социалистов на необходимость применения полномасштабных репрессий против контрреволюции справа, наглеющей день ото дня*».

Здесь уже отсутствует упоминание об угрозе со стороны «анархо-большевиков» и «контрреволюции слева». Подобная перемена позиций наблюдалась и в других районах, прежде осуждавших большевиков за июльские выступления[2].

В Москве, где 37% всех промышленных рабочих были заняты на текстильных фабриках и только 26% в металлообработке, до июля «соглашатели» преобладали даже в фабрично-заводских комитетах, которые в Питере с самого начала революции возглавляли большевики. Многие отмечали относительное спокойствие Москвы. «*Я очень поражен, что московская организация настолько слаба,* – отмечал большевик Ефимов на собрании Московского комитета партии в июле. – *В Питере все время приходится сдерживать массы. Здесь же мы должны проводить*

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 180.
2 Вторая. С. 62–63.

усиленную агитацию, чтобы организовать любую демонстрацию»[1]. «*На патриархальность и смирение [Москвы] … уповали многие*», отмечал Суханов[2]. Тем удивительнее было, что рабочие этого города почти единодушно забастовали 11 августа в день открытия Государственного совещания. А ведь Керенский выбрал Москву для совещания именно потому, что хотел избежать накаленной атмосферы классовой ненависти, царящей в Петрограде. И мало того, что московские рабочие остановили нормальную жизнь в городе, они это сделали вопреки решению Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, который 354 голосами против 304 призвал не бастовать[3]. Однако Московский совет профсоюзов поддержал забастовку. Призывы к неучастию раздались лишь от профсоюзов печатников и служащих.

Стремительная радикализация московских рабочих после июльских событий, как, впрочем, и рабочих большинства провинциальных центров, объясняется тем, что именно в этот период перед рабочими предстала конкретная угроза контрреволюции и экономического кризиса. Аргументы большевиков в пользу власти Советов подтверждались уже «самой жизнью», и это понимали теперь даже самые аполитичные рабочие. Выступая на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов за несколько недель до Октябрьской революции, левый эсер Б. Д. Камков именно этим объяснял запоздалую радикализацию крестьян, большинства солдат и той «значительной части пролетариата», которая еще сохраняла связь с деревней: «*Только печальный опыт семи истекших месяцев революции мог создать условия для окончательного устранения, для ликвидации политики соглашательства и передачи власти в руки революционной демократии. Сразу во время первого кризиса власти широкие массы не могли понять брошенного левым крылом революционной демократии лозунга: “вся власть Советам”. Масса оказалась слишком отсталой, она не доразвилась до принятия этого лозунга без опыта. Искусственным, если так можно выразиться, техническим путем отдельных выступлений меньшинства привить этот лозунг массам*

1 Док. июля. С. 110. См. также: Док. сент. С. 28, 95.
2 *Суханов Н. Н.* Указ.соч. Т. V. С. 154.
3 Там же.

невозможно. Теперь печальный опыт всех коалиций наглядно, конкретно доказал несостоятельность принципа коалиций, и почти все уже Советы как рабочих, так и крестьянских депутатов, высказались за организацию однородной власти.

Таким же образом эволюционировал и вопрос о мире. Поставленный в начале революции абстрактно вопрос о мире не мог быть достаточно освоен крестьянством, армией и значительной частью пролетариата. Теперь все конкретно ощущают, что правительство не только ничего не сделало для приближения демократического мира, но даже создало для этого всякие тормозы»[1].

Малоквалифицированным рабочим трудно было ориентироваться в политических вопросах, далеких от их непосредственного опыта[2]. Сама по себе агитация большевиков не могла убедить их в ущербности «соглашательства». Им нужен был конкретный опыт. И именно тогда роль партии стала незаменимой. Без ее руководства полевение масс вылилось бы в стихийные бунты местного характера, которые были бы легко подавлены. Вопреки распространенному мнению, острая материальная нужда и социальная незащищенность малоквалифицированных рабочих и большинства крестьян в России не способствовали появлению и развитию политического радикализма. Такие трудящиеся не были склонны идти на риск. Они ждали, пока более смелые отряды не проявят инициативу, взяв на себя руководство и открыв перспективу победного исхода борьбы. В 1917 г. эту роль играли квалифицированные металлисты, и в первую очередь металлисты-большевики, люди сравнительно материально обеспеченные, уверенные в своих силах и обладающие развитым чувством собственного достоинства. Они могли представить себе рабочий класс во главе страны, что было практическим значением власти Советов.

К концу лета 1917 г. рабочий класс Петрограда снова стал единым, как в феврале. Его объединяло общее понимание контрреволюционной природы имущих классов. Российское общество глубоко раскололось. «*А когда приходится встретиться с улицей, что там можно наблюдать?*» – задавал вопрос лидер партии кадетов А. И. Шингарев на собрании ЦК партии 20 августа.

1 ФЗК. Т. II. С. 161.
2 См. главу 1.

«Милюкову вчера в Новой деревне [рядом с Выборгским районом] просто не дали говорить...[Мне самому] с трудом удалось довести митинг на Горячем поле в здании Биржи труда, где сошлись только кадеты и большевики, да немного любопытствовавшей публики. Отыскивая общие понятия, общие слова, ...[я] упомянул о родине – и рабочий с дикой фигурой злобно закричал: “У рабочего нет родины, у него есть кулак!” При упоминании, что во Франции взаимное ожесточение привело к тому, что друг другу стали рубить головы, матрос закричал: “И вам надо рубить головы!” В цирке Чинзели солдат провозглашал, что “надо равенство кошельков, а буржуям свернуть головы!” Темные, озлобленные люди, отбросив недавнего вождя Церетели, идут в бунтарство. Дело идет к расстрелу, так как слова бессильны».

Шингарев явственно уловил уровень ненависти в народе к имущим классам. Но едва ли он был прав, говоря, что массы «идут в бунтарство». В августе рабочие не проявляли никакой склонности к прямым действиям. Зато о буржуазии этого сказать было нельзя. Протоколы того же собрания кадетского ЦК наполнены намеками о неминуемом и ближайшем «хирургическом вмешательстве». Уместно напомнить, что собрание состоялось чуть ли не накануне Корниловского мятежа. Сам Шингарев говорил, что «в перспективе уж показывается диктатор». И по этому поводу он задал вопрос: должна ли партия выйти из правительственной коалиции? Нет, ответил он, потому что, даже если диктатор впоследствии передаст власть кадетам, происхождение этой власти будет равносильно политическому самоубийству для этой партии. И все-таки, признавал он, эта дилемма мучает его[1].

Рабочий Невского завода Бузинов привел следующий пример изменившейся политической атмосферы. В апреле объявился в районе некий бывший черносотенец и стал открыто агитировать. Рабочие не обращали на него внимания, потому что «в те дни всеобщего упоения молодой свободой рабочие отличались поразительной терпимостью к чужим убеждениям». Но летом, «когда политическая атмосфера уже значительно накалилась», рабочий-эсер застрелил его среди бела дня[2].

1 Док. авг. С. 373.

2 *Бузинов А.* Указ. соч. С. 92.

Ненависть к имущим классам питалась не только осознанием глубины классовых противоречий. Тут играла роль и классовая честь рабочих. Резолюция Рождественского райсовета, процитированная раньше, говорила о «*претензиях ... этой ничтожной группы контрреволюционеров ... позволяющих себе недопустимые оскорбления [... и] наглеющих с каждым днем*». На рабочих собраниях часто повторялись слова «нахальство», «издевательство», «глумление» в описании поведения представителей имущих классов. В начале августа под угрозой массовых сокращений собрание рабочих Пулеметного завода протестовало против «*скрытого локаута фабрикантов и заводчиков, которые, ссылаясь и опираясь на наши министерства, рассчитывают [рабочих] и закрывают заводы, выкидывая товарищей рабочих на улицу каждый день тысячами. Такими скрытыми локаутами капиталисты ставят в беспомощное положении армию на фронте и оставляют крестьян без земледельческих орудий в тылу, в то же время крича о спасении отечества. Это ли не глумление над трудовым народом?*»[1]

25 июля собрание рабочих завода Анчара приняло резолюцию с предупреждением, что «*текущий момент ставит революцию в чрезвычайную опасность*», «*и все соглашательства меньшевиков и эсеров с буржуазией не смогут вывести страну из тупика, а только усиливают дезорганизацию... Мы, рабочие, заявляем, что страх большинства Совета взять власть в свои руки доказывает несостоятельность их политики и дает возможность усилиться контрреволюции справа. Соглашательство с буржуазией разрешает ей издеваться над рабочим классом... Мы ... видим спасение в переходе власти в руки солдат, крестьян и рабочих в лице Советов, которые будут опираться на народ. Ибо только весь народ, объединенный вокруг революционной власти [сможет] спасти страну и революцию...*»[2]

В своих воспоминаниях Иван Скоринко, тогда 16-летний рабочий Путиловского завода, рассказывает о «накаленной атмосфере» в столице в конце лета. В эти длинные летние вечера он и его товарищи собирались после работы в районном штабе большевистской партии, обсуждали политику, мечтали о том, как будет

1 Док. авг. С. 198.
2 *Рабочий и солдат*, 5 августа 1917 г.

в коммунистическом обществе, шутили, пели. В один из этих вечеров вдруг появился пришедший из центра города, весь избитый товарищ. Его избили за то, что защищал Ленина от обвинения, что он немецкий шпион. Услышав это, молодые рабочие вскочили на трамвай и поехали в центр. Доехав до Невского проспекта, они увидели грузовик, наполненный гимназистами, на бортах которого красовалась надпись «война до победного конца». Рабочие начали их освистывать. Толпа напала на рабочих и избила Скоринко. Он лежал на улице, пока ему не помогли встать прохожие проститутки. Но по дороге домой он снова вовлекся в спор и снова был избит и арестован полицейскими за критику Керенского. Освободившись наутро, он пришел домой и объяснил отцу, 48-летнему путиловскому рабочему, участнику революции 1905 г., где он провел ночь.

«*В процессе рассказа я внимательно наблюдал настроение отца, как рабочего революционера (как отец, он раньше при каких-либо жалобах о моей обиде еще "подбавлял" – сек). Он сейчас то приходил в бешенство, то разражался неудержимой руганью в адрес буржуазии, Керенского, полиции, то вдруг делался воинственным и клялся, что один Путиловский завод разнесет всю буржуазию и сотрет в порошок Невский за оскорбление т. Ленина. При рассказе о проститутках у него на глазах навернулись слезы. А ведь он на них глядел с "общественной" точки зрения.*

Но когда я упомянул, что в Спасском участке мне дали зуботычину, он вскочил, в ярости откинул стул и закричал к ужасу матери:

– И ты стерпел, паршивец. В рожу надо было! Чернильницей, револьвером, стулом. Рабочий не должен терпеть удар от буржуя. Ударил – получай обратно. Эх! Зас..нец!

– Вот старый дурак, – накинулась на него мать, – сам выжил из ума и сына хочет свести. Большевики? Скоро, вот, сын без головы придет благодаря папаше. Оторвут офицеры.

Я сильно сомневался в появлении в таком виде перед нею. Это было «технически» невозможно. Но отец, не обращая внимания на это противоречие, топнул ногой и пустил по адресу моей головы ругательство, полагая, что я и без нее хорош.

– Черт с ней (это было заявлено несколько иначе), за Ленина, за большевиков пусть оторвут. Но уж мы будем рвать (ругань) за одну голову сотни.

После этого он метался по квартире, ругаясь и что-то бормоча, и когда в квартиру вошел наш жилец, пекарь большой хлебопекарни, эсер, он бросился к нему и закричал, насколько позволили силы:

– Вон из квартиры, черт подери, эсер проклятый! К Керенскому, за которого избивают детей. Вон!

В тот же день жилец уехал, а отец, торжествовал, что он отныне красногвардеец, несмотря на свой сорокавосьмилетний возраст. Как два красногвардейца, мы пожали друг другу руки и расцеловались, что создало между нами необычайную близость»[1].

Общественная атмосфера была накалена классовой ненавистью. Но одно дело было требовать конца «соглашательству» с имущими классами, а другое – нарисовать себе политический путь вперед после трагического опыта Июльских дней. Капитуляция ЦИК перед цензовыми политиками и его терпение, даже одобрение репрессий против рабочих и левых социалистов, ставили под сомнение самое понятие «революционной демократии» и старое требование передачи власти Советам. Меньшевики и эсеры во главе ЦИК еще пользовались значительной поддержкой крестьян и левой интеллигенции, которые наряду с рабочими и солдатами были составляющими частями «революционной демократии». Хотя, по мнению рабочих, «соглашатели» являлись пособниками контрреволюции, но мало еще кто был готов назвать их контрреволюционерами. Поэтому после июльских событий перед рабочими встали сложные вопросы: на какие социальные силы будет опираться новая власть, если не на «революционную демократию»? Способны ли эти силы спасти революцию? Если такие силы найдутся, как повлияет такая власть на самый характер революции?

Дискуссия на конференции петроградской организации большевиков в середине июля 1917 г. иллюстрирует всю сложность этих вопросов для рабочих. Стоит напомнить, что две трети членов партии в столице (включая ячейки партии в гарнизоне) как и три четверти членов райкомов партии, были из рабочих[2].

1 *Скоринко И.* Указ. соч. С. 144–145.

2 *Голованова Л. В.* Указ. соч. Прил. 13, табл. 17. Данные за период между февралем и июлем 1917 г.

Обсуждался вопрос, должны ли рабочие снять лозунг «вся власть Советам», если ЦИК Советов все еще возглавлялся «соглашателями». Отказаться от этого требования означало порвать с «мелкобуржуазными» элементами революционной демократии. Утвердительный ответ подразумевал замену «революционной демократии» союзом рабочих и беднейших крестьян – т.е. это была бы диктатура пролетариата.

По этому вопросу имелись две основные позиции. Одни настаивали на сохранении старой стратегии и лозунга «вся власть Советам». Другие поддерживали ленинскую позицию после Июльских дней «правительства рабочих и беднейших крестьян». В основе этих разногласий стояли различные политические оценки крестьянства: являются ли ЦИК и мелкая буржуазия (крестьянство) придатками контрреволюции или же они колеблются между революцией и контрреволюцией? Если первая оценка правильна, то «в будущем мы [рабочие] одни».

Сторонники старого лозунга признавали, что крестьянство, несомненно, оставалось на стороне «соглашателей», в большинстве своем эсеров. Но рабочие, составляя меньшинство демократии, не могли установить свою диктатуру. Без революций в развитых странах Запада изолированный российский пролетариат не смог бы удержать власть и управлять страной. Пролетарская диктатура не могла «опираться на штыки». Списать мелкую буржуазию в лагерь контрреволюции было бы ошибкой, означало бы крах революции. Ключевые вопросы революции – вопросы земли и мира – еще не были решены для крестьян. События должны были неизбежно смещать их все дальше по политическому левому флангу. Мелкая буржуазия была несознательной и колеблющейся массой, но собственные интересы подтягивали ее все ближе к рабочему классу и против цензового общества[1].

Противники этой позиции исходили из того, что крестьяне, представленные в Исполнительном комитете крестьянского съезда, были состоятельной деревенской прослойкой. Совместно с правыми эсерами они жаждали крови рабочих. Их классовые интересы были чужды пролетарским. Рабочий класс мог объединяться лишь с теми слоями крестьянства, которые разделяли его

1 Вторая и третья петроградские. С. 75, 80.

интересы, то есть с беднейшими его слоями. Июльские дни коренным образом изменили соотношение политических сил. Они не просто вызвали временное колебание Советов. Контрреволюция одержала победу, и это исключило мирные, парламентские средства борьбы за власть. Ордер на арест В. И. Ленина, из-за которого он не мог выступить на конференции, был этому доказательством. Более того, после июльских событий, даже если бы Советы захотели взять власть, они не смогли бы сделать это, поскольку уже не обладали той реальной силой, которую имели раньше[1].

Сторонники старой стратегии в ответ на это возражали, что «беднейшее крестьянство» – не являлось ни политическим субъектом, ни марксистской категорией. Оно скорее напоминало люмпенские элементы. Кроме того, было неправильно считать, что контрреволюция победила, так как пока ей не удалось закрыть рты рабочим и солдатам. Она была явно не в состоянии сделать это. Крестьяне добровольно поддерживали «соглашателей» в Советах, но конкретный опыт должен был их научить. Эти делегаты отвергали идею о восстании против крестьянства и насильственного смещения руководства ЦИК. «*Наше присутствие в Совете мешает ему [ЦИК] совершить сделку с буржуазией. Наш долг – оставаться в нем и проводить нашу прежнюю решительную линию*»[2].

Итоги голосования на конференции – 28 голосов за компромиссную позицию, принятую ранее Центральным Комитетом партии, отвергшим позицию Ленина[3]. Трое голосовало против, 28 делегатов воздержалось. Резолюция призывала к созданию

1 Там же. С. 74.

2 Там же. С. 71.

3 Ленин изложил свою позицию в трех статьях: *Три кризиса, К лозунгам* и *О конституционных иллюзиях*. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 428–432; Т. 34. С. 10–17, 33–47. Он утверждал, что перед рабочими нет выбора – надо брать власть против большинства ЦИК и с поддержкой беднейших крестьян. В крестьянстве, по мнению Ленина, происходил процесс расслоения. Новая власть, проводя революционную политику, тем самым привлечет на свою сторону крестьян или, по крайней мере, освободит их от влияния «соглашателей». Ленин считал, что не стоило надеяться на переход меньшевиков и эсеров на революционные позиции. Он не скрывал, что его новый лозунг означал неизбежность гражданской войны в очень тяжелых условиях. Ленин не списывал крестьянство, но считал, что пролетариат не сможет привлечь его на свою сторону до прихода к власти и показывая на конкретных революционных мерах, что союз с рабочими – это в интересах крестьян.

правительства, опирающегося на «пролетариат и беднейшее крестьянство», и к передаче власти «революционным Советам рабочих и крестьянских депутатов»[1]. Основной уступкой сторонникам новой стратегии стало прибавление прилагательного «революционные» перед словом «Советы» и призыв к «решительному бою», что означало восстание. Таким образом, была сформулирована достаточно неоднозначная позиция, поскольку в резолюции говорилось одновременно о «рабочих и крестьянстве» и о «рабочих и беднейшем крестьянстве». Важнейший вопрос об отношении к крестьянству остался без ответа.

Принятая резолюция явилась в определенном смысле компромиссом. Но было ясно, что ленинская позиция вышла проигрышной, поскольку сохранялось требование передачи власти Советам. Но сторонники Ленина на конференции составляли значительное меньшинство. Их резолюция набрала 15 голосов против 22. И большинство из 28 воздержавшихся при голосовании победоносной резолюции склонялись к ленинской точке зрения. Эта группа включала всех 11 делегатов Выборгского района. Они отмечали неясный, двусмысленный характер принятой резолюции и то, что тезисы Ленина не были зачитаны на конференции[2].

Итак, основной вопрос остался открытым. Большинство хотело продолжить попытки привлечь на свою сторону шедшую за «соглашателями» часть революционной демократии, хотя на словах они дали согласие на подготовку восстания. И даже после того, как две недели спустя Шестой Всероссийский съезд партии проголосовал за «правительство рабочих и беднейших крестьян» без упоминания о Советах, на многих собраниях, в том числе на конференции профсоюза текстильщиков, на городской конференции фабзавкомов, рабочие продолжали требовать передачи власти Советам или формирования правительства революционной демократии[3]. Все это указывает на то, что этот вопрос как для непартийных рабочих, так и для большевиков, оставался в основном нерешенным.

Дискуссия о власти продолжилась 12–14 августа на Второй Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов.

1 Вторая и третья. С. 88.
2 Там же. С. 80.
3 *Перазич В.* Указ. соч.; ФЗК. Т. I. С. 216.

Здесь центральный вопрос был сосредоточен не столько вокруг отношения к крестьянству, сколько вокруг отношения к демократической интеллигенции[1]. Этот отряд революционной демократии особенно интересовал активистов фабзавкомов, поскольку они вплотную сталкивались со сложностями, связанными с управлением предприятиями.

Выдвигая требование передачи власти Советам до июльских событий, политически сознательные рабочие понимали, что этим они вычеркивали часть интеллигенции, отождествлявшуюся с имущими классами. После Июльских дней они в полной мере прочувствовали лежавшую пропасть отчужденности между ними и левой интеллигенцией, в подавляющем большинстве шедшей за «соглашателями».

Делегатам конференции становилось ясно, что отказ временного правительства от государственного регулирования экономики вкупе с обострявшимся экономическим кризисом заставит фабзавкомы брать на себя ответственность за управление предприятиями и что рассчитывать на помощь интеллигенции в этом деле будет напрасно. Член Центрального Совета фабзакомов наборщик Г.Д. Вейнберг говорил: «*Как буржуазия со своим объединением цензовых земств и городов явилась во всеоружии к моменту падения царизма, так и мы должны с готовым аппаратом подойти к моменту капиталистического краха. Мы должны напрягать все свои силы в этой работе-борьбе. Особенно по мере того, как вскрываются классовые противоречия, и интеллигенция от нас уходит, нам приходится рассчитывать только на себя, и все наши организации брать в свои рабочие руки*»[2].

Фабзавкомцы хорошо осознавали сложность вставших перед ними задач. «*Во всех докладах красной нитью проходит вопль об отсутствии работников*»[3], отмечал член ЦС фабзавкомов анархист В.С. Шатов. «*Царизм сделал все от него*

1 Здесь мы пользуемся термином «интеллигенция» в социологическом его смысле, означающим тех, кто обладает профессиями, требующими высшего образования или, по крайней мере, аттестата среднего образования или его эквивалента. К этой категории относятся и студенты еще без дипломов. К социалистической или демократической интеллигенции относились те, кто поддерживал ту или иную социалистическую партию.

2 ФЗК. Т. I. С. 189.

3 Там же. С. 188

зависящее, – продолжал Вейнберг, – *...чтобы оставить нас неподготовленными, и естественно, что у нас всюду в политических и экономических организациях не хватает людей*»[1].

В этом и состоял основной аргумент меньшевиков и эсеров против власти Советов – рабочие в одиночку не будут в состоянии управлять страной и экономикой. Они постоянно подчеркивали численную и культурную слабость рабочего класса, его неорганизованность, изоляцию, невежество. «Мы одни», подчеркивал один из немногих выступавших на конференции меньшевиков. «*У нас мало работников, способных контролировать. Необходимо организовать курсы по подготовке рядовых рабочих по общегосударственным делам и по контролю над производством. Если бы мы взяли власть в свои руки, масса нас бы распяла. Буржуазия организована, в ее распоряжении масса опытных работников, а у нас их нет, и поэтому мы не в состоянии будем удержать власть*»[2].

Но такие предупреждения оказывали малое влияние, поскольку даже «соглашатели» не могли отрицать большевистскую оценку экономической и политической ситуации. Необходимо было принимать срочные меры. Но на фоне полного бездействия коалиционного правительства меньшевики и эсеры могли лишь призывать рабочих к осторожности. Не удивительно, что подавляющее большинство делегатов было согласно со словами рабочего Гребного порта Максимова: *«Буржуазия лучше понимает свои интересы, чем мелкобуржуазные партии. Буржуазия вполне понимает свое положение и высказала это вполне определенно словами Рябушинского, сказавшего, что нужно подождать, пока голод возьмет за горло рабочий класс и уничтожит все его завоевания. Но пока нас схватят за горло, мы еще поборемся, и если мы погибнем, то в честном бою, но от своей борьбы не отступим*»[3].

«*Рабочий класс всегда был изолирован*, утверждал член ЦС фабзакомов наборщик-большевик Н. И. Дербышев: *Ему всегда приходится вести свою политику одному. Но в революции рабочий класс – авангард, он должен вести другие классы, в том числе крестьянство. Все зависит от деятельности рабочих*

1 Там же. С. 189.
2 Там же. С. 206–207.
3 ФЗК. Т. I. С. 208.

в разных организациях, комиссиях и проч., где должно быть большинство рабочих.

Против надвигающегося голода и безработицы надо противопоставлять активность масс. Необходимо отрешиться от славянского духа лени и дружно прорубить в лесу просеки, которые приведут рабочий класс к социализму»[1].

Снова и снова делегаты призывали к духу самостоятельности, к вере в собственные силы. Когда было предложено ограничить количество рабочих секций на конференции из-за сложности обсуждаемых вопросов и ограниченного числа «активных сил», столяр со Сестрорецкого оружейного завода С. П. Восков возразил: «*Отсутствие интеллигентных рабочих отнюдь не мешает работе секций; пора уже рабочим отвыкнуть от дурной привычки постоянно оглядываться на интеллигентов; необходимо, чтобы все участники конференции вошли в какую-либо секцию и работали там самостоятельно*»[2].

Член ЦС фабзавкомов, механик орудийного завода В. Я. Чубарь также увещевал собравшихся: «*Безнадежное положение промышленности заставляет рабочих принять на свои плечи всю тяжесть разрухи. Мы должны войти в регулирующее производство и распределительные органы. Но мы так привыкли к опеке, что нам крайне трудно освободиться от этой привычки*»[3].

Заглушая тревогу, рабочие преодолевали психологическое наследие своего подчиненного общественного положения. Людям, всю жизнь исполнявшим команды вышестоящих, нелегко было представить себя в роли правящего класса, тем более без поддержки образованных членов общества.

В это время много говорилось об отстраненности интеллигенции от рабочих. На конференции, посвященной внешкольному образованию, большевистский деятель культуры А. В. Луначарский вызвал горячие споры, когда заговорил об огромной неудовлетворенной жажде рабочих к знаниям, «*потому, что в настоящее время можно наблюдать, как пролетариат сам изолирован от интеллигенции… Даже ряды рабочей интеллигенции значительно поредели благодаря тому, что пролетариат*

1 Там же. С. 206.
2 Там же. С. 167.
3 Там же. С. 191.

в своем подавляющем большинстве решительно перешел под знамя крайнего левого крыла демократии, а интеллигенция оказалась на правом»[1].

На последовавшие возражения он ответил, что «*не пролетариат виноват, а интеллигенция, которая резко отрицательно относится к политическим задачам, которые выдвинул пролетариат*»[2].

Эту отчужденность можно было наблюдать и в рядах социалистических партий. Об эсерах американский историк О. Радки говорил, что, когда партия официально раскололась осенью 1917 г., «*...практически все матросы и подавляющее большинство рабочих и солдат пошли за левыми эсерами, большинство интеллигенции и служащих остались на своих позициях, крестьянство раскололось на два лагеря – большая часть осталась лояльной партии эсеров, но меньшая часть, уже количественно значительная и постоянно растущая, перешла к левым эсерам... Со всех сторон слышались жалобы на недостаток интеллигентов, что серьезно осложняло деятельность новой партии. Суханов называл ее партией сельских плебеев и по уровню культуры ставил даже ниже, чем большевиков – партии городского плебса*»[3].

Аналогичный процесс наблюдался в рядах социал-демократии. Хотя в западной литературе большевиков часто изображают как секту интеллигентов-фанатиков, левая интеллигенция в 1917 г. за некоторыми видными исключениями сторонилась этой партии. На июльской конференции петроградской организации один из выступавших даже говорил о «*поголовном бегстве интеллигенции*». В. Володарский, возглавлявший в то время отдел агитации горкома и портной по профессии, добавил: «*Интеллигенция согласно своему социальному составу перешла к оборончеству и не желает вести дальше революцию. Она к нам не приходит и везде находится в положении сопротивления революционным шагам*

---

1 Луначарский имел в виду старое поколение рабочих-интеллигентов, сформировавшееся в тесном контакте с интеллигенцией, в частности до и во время революции 1905–1907 гг. См. гл. 1.

2 *Новая жизнь*, 18 октября 1917 г.

3 *Radkey O.* The Sickle under the Hammer. Columbia University Press, 1963. P.159.

рабочих»[1]. Несколько недель спустя на Всероссийском съезде партии Володарский повторил это сетование в докладе о работе петроградской организации: «*Работа ведется местными силами из среды рабочих масс. Очень мало интеллигентных сил. Вся организационная работа и значительная часть агитационной работы проводятся самими рабочими. Члены ЦК мало участвовали в нашей организационной работе. Ленин и Зиновьев очень редко, так как они были заняты другой работой. Наша организация росла снизу*»[2].

В провинции, где интеллигенции было гораздо меньше и культурный уровень самих рабочих был ниже, отсутствие интеллигенции ощущалось с особой остротой. Провинциальные организации большевиков бомбардировали ЦК настоятельными просьбами направить к ним «литературные силы», «хотя бы одного интеллигента». А секретарь ЦК Я. М. Свердлов почти неизменно отвечал, что он не может удовлетворить просьбу, что «*в самом Петрограде положение было немногим лучше*»[3].

В результате, рабочие все больше отождествляли меньшевиков и частично эсеров с интеллигентами, а большевиков с рабочими. Меньшевистский журналист Андреев бродил по рабочим кварталам в Июльские дни и наткнулся на рабочего, выступавшего в поддержку большевиков. На слова Андреева, что большевики на практике содействуют контрреволюции, «*стоящий рядом рабочий яростно закричал: "Хорош в пенсне и еще о контрреволюции говоришь!"*»[4] Другой петроградский меньшевик рассказывал о посещении в июне 1917 г. чаеразвесочной фабрики в Москве. Все члены фабричного комитета были тогда меньшевиками, кроме одного. Тот сообщил, что он не принадлежит ни к одной партии, но голосовал за большевиков, потому что «*в их списке рабочие. Меньшевики – все господа – врачи, адвокаты, и т.п.*» К этому он добавил, что большевики – сторонники рабочего контроля и власти Советов[5]. Выступая осенью на засе-

1 Вторая и третья. С. 28.

2 Шестой всероссийский съезд РСДРП(б). С. 45.

3 См.: Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными организациями, март–октябрь1917. М., 1957, passim.

4 *Рабочая газета*, 7 июля 1917 г.

5 Там же, 30 июня 1917 г.

дании горсовета Орехово-Зуева, член исполкома Совета видный большевик Барышников, отмечал: «*Вследствие того, что идеология и политика рабочего класса полагает собой немедленную коренную реформацию современного строя, обострилось отношение к рабочим так называемой интеллигенции, эсеров и меньшевиков, и поэтому между нами не существует уже никакой связи, и в глазах рабочего класса они окончательно определились прислужниками буржуазного общества*»[1].

Впервые разрыв между рабочими и интеллигенцией проявился далеко не в 1917 г. Его корни восходят, по крайней мере, к революции 1905–1906 гг. Воспоминания рабочих-активистов о периоде после этой революции полны свидетельств о «бегстве» и «предательстве» интеллигенции, произошедших на фоне глубокого раскола между цензовым обществом и трудящимися классами. Интеллигенты испугались радикализма рабочего класса, направлявшего острие своей борьбы не только против самодержавия, но и против буржуазии, шедшей в союзе с самодержавием против рабочих[2].

Общие настроения, царившие во время Февральской революции, временно маскировали классовую поляризацию, создавая почву для сближения рабочих и левой интеллигенции на основе общего «революционного оборончества» и хотя бы условной поддержки либерального правительства. Но этот период оказался лишь временной паузой во взаимной отчужденности, и к концу лета от него ничего не осталось.

Поэтому большевики с полным основанием считали себя партией пролетариата. К осени 1917 г. их поддерживало подавляющее большинство рабочих. Рабочие составляли большинство членов партии, во главе которой стояли в значительной степени рабочие. Интеллигенты были видными фигурами на самом высшем уровне, в Центральном Комитете. Но партия в 1917 г. была демократической организацией, и в критические моменты нижние и средние ее звенья в союзе с Лениным могли преобладать над более умеренным большинством ЦК партии. Впрочем, только благодаря этому и случилась Октябрьская революция.

---

1 Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (далее цит. как Док. нак.). М., 1962. С. 152.

2 *Mandel D.* The Working Class and the Intelligentsia in 1917. *Critique*, №14, 1982. P. 67–87.

Таким образом, в центре дискуссий о стратегии после июльских событий была опасность изоляции рабочего класса от крестьянства и левой интеллигенции. Защита революции от грозящей контрреволюции требовала действий против большинства ЦИК как Совета рабочих и солдатских депутатов, так и Исполкома Крестьянского съезда, за которыми шли большинство крестьян и демократическая интеллигенция.

В августе на конференции фабрично-заводских комитетов сначала казалось, что делегаты готовы принять этот вызов. В конце дискуссии по рабочему контролю подавляющим большинством голосов (за – 198, против – 13 и 18 воздержавшихся) была принята резолюция, призывавшая к передаче власти «*пролетариату и поддерживавших его слоев крестьянства*»[1]. Поправка, предлагавшая заменить эту фразу «*передачей власти революционной демократии*», собрала всего 23 голоса[2].

Но дискуссия разгорелась вновь, когда недавно перешедший к большевикам от меньшевиков-интернационалистов Ю. Ларин в конце своего доклада о безработице предложил резолюцию, призывавшую передать власть «революционной демократии». Неудивительно, что была немедленно предложена поправка: заменить «революционную демократию» «пролетариатом и беднейшим крестьянством» или «пролетариатом, поддерживаемым беднейшими слоями крестьянства». Но Ларин счел поправку неприемлемой, особенно ее вторую формулировку, поскольку она давала предпочтение рабочим и играла на руку тем, кто пытался стравить крестьянство и рабочих. На это Евдокимов возразил, что проблема заключалась не просто в выборе слов. Формулировка Ларина несла политическое значение. Ведь «пролетариат является революционным авангардом, ему вполне может принадлежать гегемония, и он потянет за собой известные слои крестьянства». Скрыпник его поддержал, обращая внимание на то, что конференция уже заняла позицию по данному вопросу и не может ее изменять каждые три минуты. Однако конференция поступила именно так, проголосовав за ларинскую формулировку. Евдокимов прокомментировал

1 ФЗК. Т. I. С. 218.
2 Там же. С. 216.

случившееся так: конференция «сама себя высекла», не поняв, за что голосовала[1].

Едва ли Евдокимов был прав. Собравшиеся делегаты были политически сознательными рабочими. Принятием обеих формулировок делегаты конференции лишь повторили то, что большевики за три недели до этого сделали на партийной конференции, когда они точно так же приняли внутренне противоречивую резолюцию о власти. Это выражало нежелание рабочих принять практический вывод, проистекавший из их анализа ситуации после Июльских дней. Изоляция рабочих и перспектива гражданской войны в рядах демократии – с такой перспективой нелегко было примириться. Первая резолюция, принятая конференцией, означала, что она неизбежна. Зато резолюция Ларина оставляла открытой возможность восстановления единства революционной демократии. Опыт июльских событий был еще жив, и делегаты боялись его повторения в более крупном и кровавом масштабе. Такое было настроение: рабочие не собирались отступать, но все-таки сомневались в своих силах. Атмосфера собрания была деловой, но без наступательного задора майской городской конференции, на которой делегаты впервые потребовали передачи власти Советам. Судя по дискуссии о необходимости законодательного закрепления прав фабрично-заводских комитетов и о том, следует ли участвовать в государственных комиссиях, делегаты не считали конец коалиционной власти ближайшей перспективой.

Как отмечалось выше, на многих предприятиях рабочие приняли резолюции с требованием передачи власти «рабочим и беднейшей части крестьянства». Но, учитывая колебания среди самих большевиков, нельзя на основе этих различий заключить, что эти рабочие были готовы выступать против ЦИК и поддерживавших его трудящихся. Даже в среде красногвардейцев Выборгского района, по словам их командира, в этот период царило «политическое затишье и даже некоторое охлаждение» к обучению военному делу[2].

Вероятно, определенная часть рабочих была готова к действиям в соответствии с новым лозунгом большевиков. Некоторые резолюции, принятые на фабрично-заводских собраниях,

1 ФЗК. Т. I. С. 221–223.

2 *Малаховский В.* Указ. соч. С. 13–14.

не оставляют сомнения в том, что эти рабочие относили «соглашателей» к врагам революции и были готовы активно выступить против них. В августе на общезаводском собрании Военно-подковного завода, рабочие которого после Февраля одними из первых призвали к власти Советов, была принята следующая резолюция: «*Только беднейшие классы населения с пролетариатом во главе могут решительно подавлять алчные аппетиты хищников мирового империализма и вынести исстрадавшуюся страну на широкую дорогу, дать мир, хлеб и свободу, и освободить человечество от уз капиталистического рабства.*

Мы заявляем, что, отбросив всех перебежчиков, прикрывающих свою измену социализму оборонческими фразами, мы будем поддерживать только тех, кто высоко и честно держит знамя революционного интернационализма»[1].

Резолюция молодых рабочих Путиловского завода, товарищей Скоринко, была написана в том же ключе: «*Мы, юноши, наученные горьким опытом своих отцов, как опасно брататься с буржуазией, заявляем, что страшен будет тот час, когда мы, юноши, для спасения революции выйдем на улицу и своими молодыми руками уничтожим тех паразитов, которые живут потом и кровью трудящихся…*

[Выражаем] глубокое презрение эсерам и меньшевикам, которые продолжают сожительствовать с буржуазией и позволяют себя вести на поводке Керенскому и Церетели»[2].

18 августа 1917 г., когда Петроградский Совет проголосовал за отмену недавно восстановленной смертной казни, Церетели заявил делегатам: «*Ведь ваша резолюция означает недоверие Временному правительству! И что же, если отмены смертной казни не последует? Будете ли вы добиваться дальше отмены смертной казни либо свержения правительства?*» На этих словах поднялся невероятный шум. Суханов пишет: «*Раздались возгласы: “Да, да! Снова пойдем на улицы!” Другие выкрикивали насчет Бубликова и рукопожатия. Третьи свистели и стучали. Четвертые бешено аплодировали. Чхеидзе*

1 *Пролетарий,* 18 августа 1917 г. Вопреки частым утверждениям, требованиями рабочих были не «мир, хлеб и земля». Пролетарская революция с начала и до конца оставалась глубоко озабоченной политическими свободами.
2 *Рабочий и солдат*, 2 августа 1917 г.

выбивался из сил, бессильный водворить порядок... Но Церетели махал рукой: он не верил, что они снова пойдут на улицы свергать коалицию»[1].

Несомненно, часть рабочих была готова к действиям. Но это не было доминирующим настроением. Например, апрельская нота Милюкова союзникам выглядела бледной рядом с нотами премьер-министра Керенского в августе, но они не вызвали ни малейшей демонстрации. Правда, в этот период все партии, в том числе и большевики, постоянно призывали рабочих к спокойствию и сдержанности. Но ведь такие призывы не возымели действия в апреле и в июле.

Однако спад политической активности рабочих не означал, что изменилось их враждебное отношение к Временному правительству и к руководству ЦИК. Корреспонденция о Рождественском районе в газете левых эсеров *Знамя труда* подвела итоги ряда сообщений от предприятий и воинских частей: «*Выяснилось, что во всех местах среди рабочих и солдат замечается растерянность и апатия, с одной стороны, и недовольство общим направлением внутренней и внешней политики, с другой*»[2]. Растерянность была вызвана сложностью проблемы власти, для которой рабочие не находили приемлемого решения. Это и являлось источником «апатии и растерянности».

В этой связи стоит повторить, что рабочие Москвы, лишь недавно отказавшиеся от «соглашательства» и не почувствовавшие поражения Июльских дней, 11 августа встретили открытие Государственного совещания всеобщей забастовкой. Но ситуация петроградских рабочих была иной, ибо новое выступление могло принять лишь форму восстания. В своем большинстве они были к этому не готовы. Они и не знали, какой властью заменить коалиционное правительство.

В этой обстановке рабочие Петрограда отреагировали на новость о контрреволюционном походе Корнилова на столицу в конце августа с тревогой, но, как ни парадоксально, и с ощутимым облегчением.

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 180. О Бубликове см. выше с. 246.
2 *Знамя труда,* 27 августа 1917 г.

ГЛАВА 9
ОТ КОРНИЛОВЩИНЫ ДО КАНУНА ОКТЯБРЯ

Корниловский мятеж

Выступая в середине августа на Государственном совещании в Москве, генерал Корнилов настоятельно требовал навести порядок в тылу, выражая надежду, что для отрезвления умов шок от падения Риги не потребуется[1]. Через неделю новость об обширном прорыве фронта близ Риги достигла столицы. Вскоре Рига была оккупирована немцами, ставя под угрозу Петроград. Буржуазная пресса и цензовые политические деятели тут же принялись осуждать солдат и обвинять большевиков, Советы и вообще революционную демократию за деморализацию войск. Но правительственные комиссары трудовик В. Б. Станкевич и меньшевик Б. К. Войтинский независимо друг от друга сообщали с фронта, что солдаты отступали в строгом порядке, принимая бой с врагом, и что решающим фактором в провале наступления было огромное численное превосходство артиллерии противника. Оба доклада высоко оценивали латышских стрелков за их дисциплину и доблесть, хотя эти солдаты были убежденными сторонниками большевиков[2]. К 25 августа немецкое наступление было остановлено, и опасность взятия Петрограда немецкими войсками была ликвидирована. Позже, после корниловского мятежа, в рабочей среде широко распространилось мнение, что сдача Риги была запланирована или, по крайней мере, ее не предотвратили, чтобы обвинить солдат и Советы в подготовке к перевороту.

24 августа, в разгар организации обороны столицы Центральным Советом фабрично-заводских комитетов, Советом петроградских профсоюзов, рабочей секцией Петроградского Совета с большевиками во главе, Керенский вновь закрыл большевистскую печать. С этого момента события понеслись с головокружительной скоростью. Керенский вызвал в столицу казачьи части, якобы для

1 *Chamberlin W. H.* Op.cit., vol. I. P. 204.
2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 198–204.

ее защиты. Настойчиво распространялись провокационные слухи о грядущем большевистском «выступлении», приуроченном к полугодию Февральской революции. 26 августа командующий Петроградским военным округом объявил в столице военное положение, предварительно разместив войска в рабочих кварталах. На следующее утро все министры-кадеты подали в отставку. При этом Государственный контролер, кадет Ф. Ф. Кокошкин, заявил, что существование коалиционного правительства далее не представляется возможным[1]. 28 августа, когда успех Корнилова казался обеспеченным, взлетел курс акций на бирже[2].

Однако уже 30 августа провал Корнилова стал очевиден всем. В этот день центральный орган кадетской партии *Речь* вышла с пустой первой страницей, где обычно размещались передовые статьи. Через две недели на Демократическом совещании большевик Б. Д. Рязанов огласил этот поспешно удаленный текст: цели Корнилова являются теми же, которые мы считаем необходимыми для спасения страны. На самом деле, мы выступали за эту программу еще задолго до генерала. «Правда, это – заговор и незаконный. Но он не контрреволюционный»[3]. Керенский признал на этом совещании, что ему было известно о заговоре задолго до восстания, что ему предлагали роль диктатора и что он не счел нужным принимать какие-либо меры. Газета левых эсеров *Знамя труда* подытожила мнение левых кругов на происшедшее: заговор был направлен не против Временного правительства, а против революционно-демократических организаций. Временное правительство должно было его «законно» осуществить и даже предприняло для этого некоторые меры. Но неожиданные разногласия, возникшие в рядах правительства, помешали реализации заговора[4].

В ночь на 27–28 августа весть о походе Корнилова на Петроград взорвалась в рабочих районах бомбой. В атмосфере накопившейся злости и ощущения безысходности реакция рабочих была далека от паники. Вой заводских гудков, объявлявших об угрозе, мгновенно развеял вялую, подавленную атмосферу

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 207–215.
2 *Знамя труда*, 1 сентября 1917 г.
3 *Новая жизнь*, 19 сентября 1917 г.
4 Там же, 16 сентября 1917 г.

двух предыдущих месяцев. Рабочие отреагировали на новость взрывом энтузиазма и активности, не виданных со времени Февральской революции. Корниловский мятеж открыл для рабочих выход из политического тупика: он дал возможность нанести решительный удар по контрреволюции, но не против «соглашательской» части революционной демократии, а вместе с ней. Казалось очевидным, что теперь, когда имущие классы буквально с оружием в руках выступили против революции, меньшевикам и эсерам не осталось выбора, кроме как отказаться от политики «соглашательства». Наконец открывался совместный путь вперед объединенной революционной демократии.

Сообщения, поступавшие с предприятий в Центральный Совет фабзавкомов 29 августа, говорили о бодром настроении и лихорадочной деятельности рабочих. Они проводили собрания, изыскивали оружие, организовывали Красную гвардию, строили баррикады и укрепления. «*Везде одинаковая картина*, – писала большевистская газета *Рабочий*, – *энергия, сдержанность, организация везде*»[1]. Отчеты, полученные партийными комитетами эсэров Петроградского района и Колпина, говорили о том же: «*Настроение бодрое, единодушное, полное решимости*»[2]. По оценкам В. И. Старцева, в этот период в Красную гвардию вступили от 13 до 15 тыс. рабочих[3]. *Известия* давали цифру ближе к 25 тыс.[4] В любом случае, число красногвардейцев ограничивалось острой нехваткой оружия. ЦИК был завален требованиями выдать оружие. Один из районов сообщал, что там имелось лишь 420 винтовок на 4 тыс. рабочих, записавшихся в ряды Красной гвардии[5].

Суханов и Луначарский реагировали на путч так же, как и рабочие: «*У нас обоих [Луначарский был рядом] вырвался какой-то своеобразный, глубокий вздох облегчения. Мы чувствовали возбуждение, подъем и какую-то радость какого-то освобождения… Да, это была гроза, которая расчистит невыносимо*

1 *Рабочий*, 31 августа 1917 г.

2 *Знамя труда*, 3 сентября 1917 г.

3 *Старцев В. И.* Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М. – Л., 1965. С. 164.

4 *Известия,* 5 сентября 1917 г.

5 Док. авг. С. 510.

душную атмосферу. Это, может быть, настежь открытые ворота к разрешению кризиса революции. Это исходный пункт к радикальному видоизменению всей конъюнктуры. И, во всяком случае, это полный реванш за июльские дни. Совет может возродиться! Демократия может воспрянуть, и революция может быстро выйти на свой законный, давно утерянный путь…»[1]

Роль ЦИК в мобилизации рабочих была минимальной. Он даже рекомендовал районным Советам успокоить рабочих и не принимать никаких мер без его приказа, согласившись раздать в каждом районе лишь по 300 винтовок, в то время как лишь один Петергофский район просил их 2 тыс.[2] Главными организующими центрами были Военно-революционный комитет, созданный Исполкомом Петроградского Совета, куда вошли представители Совета рабочих и солдатских депутатов, городского Совета профсоюзов и трех основных советских партий, а также фабзавкомы, их Центральный Совет и райсоветы. Троцкий писал, что роль Военно-революционного комитета заключалась не столько в том, чтобы мобилизовать рабочих и следить за ними, сколько направлять их. Рабочие были всякий раз на два шага впереди[3].

Путиловский завод, рабочие которого после Июльских дней проявляли признаки усталости от политки, теперь задавал тон. Он «*как бы вновь переживал революцию*», – писал *Рабочий путь*[4]. Работая круглосуточно, пушечный цех за трое суток выпустил свыше 100 артиллерийских орудий, т.е. трехнедельный объем. В целом, завод отправил 8 тыс. чел. на оборону столицы, в том числе восемь отрядов красногвардейцев, отряды для построения укреплений и агитаторов для работы в корниловских войсках[5]. Ожил даже до поры сонный Невский район: райсовет фабрично-заводских комитетов потребовал 10 тыс. винтовок и настоятельно призывал все фабзавкомы «*крепче взять инициативу в свои руки и сплоченно, всеми силами противодействовать контрреволюционным замыслам буржуазии*»[6].

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 216–217.
2 *Степанов З. В.* Рабочие Петрограда. С. 175.
3 *Троцкий Л. Д.* История русской революции. М., 1997. Т. II. Ч. 1. С. 213.
4 *Рабочий путь*, 5 сентября 1917.
5 *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* Указ. соч. С. 650–651.
6 Док. авг. С. 485–486.

Рабочих не надо было убеждать в причастности буржуазии к перевороту. Вот какой была резолюция работников Трубочного завода: «*Ввиду контрреволюционного буржуазного движения, а также посягательства со стороны бывших царских опричников на свободу и на все демократические завоевания российского пролетариата... вся власть должна перейти Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов*»[1]. Собрание 8 тыс. рабочих Металлического завода единодушно выразило «*недоверие социалистическим министрам и потребовало создания единой решительной революционной власти для борьбы против контрреволюционной клики, организованной вокруг Корнилова и генерального штаба и вдохновленной изменниками революции, кадетами, называющими себя Партией народной свободы*»[2].

Резолюции этого периода выражают яростное неприятие рабочими попытки контрреволюционного переворота, но одновременно и успокоение видимым восстановлением единства революционной демократии. Рабочие шестого цеха Трубочного завода единогласно потребовали оружия, суда над заговорщиками и освобождения политических заключенных, арестованных в июле. Они заявили: «*Со своей стороны, мы клянемся умереть во имя освобождения класса трудящихся. И пусть вся буржуазная клика не думает, что мы забыли наши задачи, что мы озабочены нашими партийными дискуссиями. Нет, когда требуется самопожертвование, то пусть эта мерзкая клика знает, что мы готовы умереть или добиться победы*»[3].

Собрание 3 тыс. рабочих машиностроительного завода «Ст. Барановский» обращалось к ЦИК со следующим призывом: «*Признавая, что рабочие на заводах всегда шли во главе революционного демократического движения, против многовекового угнетения трудящихся и что буржуазия всегда стремилась направить острие меча против рабочих и, не гнушаясь любыми методами, атаковала и травила рабочий класс, пытаясь отрезать голову революционному движению, чтобы сокрушить рабочих, как наиболее сплоченный и организованный пролетариат ... [мы] постановили:*

1 Док. авг. С. 488.
2 Там же. С. 487.
3 *Рабочий путь*, 5 сентября 1917 г.

В этот серьезный момент, когда ... тучи контрреволюции нависают над нами, готовые в любой момент сдавить нас своими ядовитыми газами, мы, революционный пролетариат, не можем стоять пассивно в стороне, когда та стая негодяев и предателей движется против революционного Петрограда ... Мы требуем, чтобы ЦИК вооружил рабочих, которые, не щадя своей жизни, встанут, как один, на защиту справедливых прав революционной демократии и вместе с нашими братьями-солдатами воздвигнут непреодолимую преграду для контрреволюции и вырвут ядовитые клыки из змеи, что осмелилась отравить Великую русскую революцию своим смертоносным ядом».

Требуя освобождения арестованных в июле и отмены смертной казни, но не для Корнилова, проповедовавшего ее, в качестве последнего исключения, резолюция заканчивалась словами: «*Веря в наше светлое будущее, мы высоко поднимаем знамя свободы – да здравствует Великая русская революция: на защиту, товарищи рабочие и солдаты, столь дорогой для нас свободы, против палачей, которые привели бы ее на убой, которые намерены пить нашу братскую кровь. На защиту, товарищи! Все как один!*»[1]

Эта резолюция общего собрания машиностроительного завода Выборгского района иллюстрирует некоторые важные аспекты политического сознания квалифицированных металлистов. Они боялись изоляции, но были убеждены в том, что рабочий класс является авангардом революции. И что еще важнее, несмотря на глубокий раскол российского общества, они продолжали считать революцию буржуазно-демократической: знамя свободы было поднято, и далее не звучало ни слова о социализме. Буржуазное наступление против революции и саботаж экономики требовали новых радикальных мер. Но они нужны были для защиты Февральской демократической революции. И хотя эти рабочие были социалистами, сторонниками и членами партии большевиков, социализм для них еще не был тогда близкой целью.

Петроградским рабочим не пришлось вступать в бой с Корниловым. Их усилия по укреплению оборонительных рубежей придутся кстати позже. Поскольку реальные цели Корнилова находились в полном противоречии с интересами его войск,

1 *Михайлов М.* Указ. соч. С. 205–206.

те растаяли в пути, не доехав до столицы. В этом большая заслуга принадлежала петроградским рабочим-агитаторам, проникшим в эшелоны Корнилова, и железнодорожникам, рассеивавшим эшелоны и организовывавшим диверсии на путях.

Корниловский мятеж вызвал у рабочих ту же реакцию, что и репрессии, последовавшие за Июльскими днями: с одной стороны, они еще решительнее сплотились вокруг большевиков и требования власти без представителей имущих классов; с другой стороны, угроза контрреволюции укрепила их стремление к единству собственных рядов. «*Самым главным признаем действовать всем рабочим заодно*»[1]. В сообщении о настроении на предприятиях *Знамя труда* писала: *«Везде настроение бодрое и единодушное»*. На заводе Лангезипена резолюция рабочего собрания гласила, что «*момент сблизил все партийные группировки. Грызня смолкла*». На заводе Лоренца *«произошло сближение между эсерами и большевиками»*. На заводе «Дюфлон» «*наблюдается единство действий, чувствуется ответственный момент*»[2]. Рабочий М. Жданов писал в эту газету: «*В этот момент двух мнений быть не может, и все сказали: довольно горячих слов, довольно личных споров – лозунгом дня стал лозунг – “Объединяйтесь!” Только в полном единении есть сила, только в организованном отпоре – защита революции. До Корнилова казалось, что необходимейший из всех лозунгов, лозунг объединения, был похоронен самолюбивыми руководителями. Он всплыл наверх только в минуту грозной опасности, которой подвергалась русская революция. Он всплыл и был подхвачен массой, той темной массой, как привыкли выражаться “политические руководители”*».

Но как и в июле, рабочие требовали единства на платформе левых сил: «*Не может быть речи о коалиции. Только демократия, никакой буржуазии*»[3].

Таким образом, корниловщина породила надежду, что эсеры и меньшевики во главе ЦИК наконец откажутся от «соглашательства». Для некоторых рабочих, считавших, что лидеры ЦИК лишь заблуждались, но сами отнюдь не были контрреволюционерами, это казалось очевидным. Выступая 28 августа перед

1 Док. авг. С. 486.
2 *Знамя труда,* 31 августа 1917 г.
3 Там же, 7 сентября 1917 г.

кронштадтским Советом, рабочий-большевик, портовый плотник М. Лебедев, говорил: «*ЦИК должен знать, если он хочет представлять демократию, что до сих пор он ошибался в своем понимании политической ситуации и должен признать, что теперь он должен исправить свои ошибки. Кронштадт всегда был на правильном пути, и в связи с событиями с этого момента наши различия и разногласия не будут так глубоки*»[1].

«*Пропасть между пролетариатом и мелкобуржуазной демократией была заполнена корниловщиной*», – писал Суханов[2]. Даже Ленин, твердо помещавший «соглашателей» после Июльских дней в стан контрреволюции, в течение краткого периода в конце августа и начале сентября предлагал компромисс для ЦИК, согласно которому тот взял бы власть, а большевики, сохраняя полную свободу агитации, выступали бы в качестве лояльной оппозиции[3].

Однако другая часть рабочих не верила, что меньшевики и эсеры изменили позицию. «*Мы выражаем полное доверие Совету рабочих и солдатских депутатов [т. е. ЦИК] – заявляли фабрично-заводские комитеты Невского района, – поскольку он выражает политическую волю рабочих и крестьянских масс*»[4]. Тут мы уже находим формулировку условной поддержки. На многих машиностроительных заводах рабочие были настроены крайне скептически к меньшевикам и эсерам. На заводе Лангезипена, например, общее собрание единодушно постановило:

«*1. Свобода в опасности, и мы готовы себя защищать до последней капли крови, независимо от того, кто у власти...*

5. Мы требуем, чтобы Совет рабочих и солдатских депутатов, как и Временное правительство, положили конец преступному торгу с буржуазией. Если, однако, Совет не может изменить направление своей политики, мы требуем, чтобы члены его подали в отставку и уступили свое место более достойным представителям.

6. Мы заявляем, что корниловские эксперименты, проведенные на наших спинах, благодаря преступному приспособленчеству, нам дорого стоили, и мы полагаем, что корниловский

1 Док. авг. С. 491.
2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 319.
3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 133–139.
4 Док. авг. С. 227.

мятеж промыл ваши заспанные глаза и позволил вам увидеть положение в его истинном свете.

7. Мы заявляем, что вы долго за нас говорили, но не по-нашему, и мы требуем, чтобы вы начали говорить на пролетарском языке, иначе мы оставляем для себя полную свободу действий»[1].

После корниловского мятежа ЦИК на самом деле несколько полевел. В конце концов, он потребовал освобождения рабочих и левых партийных активистов, арестованных после Июльских дней, а также вступил в резкую полемику с Керенским по поводу состава нового правительства. Какое-то время казалось, что корниловщина заставила лидеров ЦИК отказаться от «соглашательства» с имущими классами. ЦК меньшевиков заявил 31 августа, что участие кадетов в новом правительстве недопустимо[2]. ЦК эсеров сделал аналогичное заявление на следующий день[3]. Исключение кадетов означало бы на практике исключение из правительства представителей имущих классов. После того, как кадеты вышли из правительства в самый канун корниловского мятежа, ЦИК решил временно сохранить освободившиеся портфели за собой до созыва «предпарламента», который был бы представлен только революционной демократией. Предпарламент, в свою очередь, избрал бы революционное правительство исключительно из рядов революционной демократии до созыва Учредительного собрания.

Но Керенский настаивал на своем праве самостоятельно формировать правительство и немедленно затеял переговоры с кадетами. Другой спор с Керенским возник по поводу назначения Б. В. Савинкова, его военного комиссара, губернатором Петрограда. Савинков успел настолько скомпрометировать себя своей ролью в корниловщине, что даже очень терпеливая партия эсеров решила его исключить. Он занимал новый пост три дня, пока Керенский не заменил его еще более одиозной фигурой для рабочих – П. И. Пальчинским. Будучи и.о. министра торговли и промышленности, Пальчинский неизменно поддерживал позицию промышленников против рабочих. Стоило ему вступить в новую должность, как он тут же закрыл прессу большевиков и меньшевиков-интернационалистов – как раз когда рабочие организовывали

1 *Рабочий путь*, 3 сентября 1917 г.
2 *Рабочая газета*, 1 сентября 1917 г.
3 Революция 1917-го года: Хроника событий. М. – Л., 1926. Т. IV. С. 143.

оборону столицы против Корнилова. Суханов писал, что в ЦИК царило злобное и антикоалиционное настроение[1].

Тем не менее ЦИК согласился на предложенный Керенским «Директорат пяти». Взамен Керенский пошел на некоторые уступки, как то: роспуск Государственной думы, провозглашение демократической республики – Временное правительство, в свое время, отказывалось это сделать под предлогом, что лишь Учредительное собрание уполномочено принять такое решение. А также дал обещание, что «Директорат пяти» сложит полномочия, как только соберется предпарламент. 2 сентября ЦИК принял постановление о том, что события на фронте и гражданская война, спровоцированная контрреволюцией, требуют сильной власти для осуществления программы революционной демократии. Правительство, которое будет создано конференцией революционной демократии, должно быть свободным от компромиссов с контрреволюционными элементами[2].

Эта резолюция действительно была сдвигом влево. Но ее расплывчатость – кто такие эти контрреволюционные элементы, с которыми нельзя идти на компромисс? – а также директорат Керенского вызывали сомнения. Для чего созывать конференцию революционной демократии, когда по уставу через три месяца после первого съезда, то есть к середине сентября, должен быть созван новый съезд Советов? Съезд Советов имел право облечь революционную демократию властью, если таким было реальное намерение ЦИК. Одновременно можно было созвать и новый крестьянский съезд.

На эти вопросы вскоре нашлись ответы, и они далеко не обрадовали рабочих. Но еще до этого, 31 августа, пленарное заседание рабочей и солдатской секции Петроградского Совета впервые приняло предложенную большевиками резолюцию о власти с требованием создания правительства «революционного пролетариата и крестьянства». За резолюцию в поддержку Временного правительства, предложенную Церетели от имени меньшевиков и эсеров, проголосовали 15 депутатов. Лидеры этих партий потребовали повторного поименного голосования. Этим шагом они хотели заставить членов своих партий либо голосовать за их

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. V. С. 337.
2 *Известия*, 3 сентября 1917 г.

резолюцию, либо открыто отказаться от своих лидеров. Многие депутаты от этих партий покинули зал, чтобы не участвовать в голосовании. Тем не менее резолюция Церетели снова была отклонена – 279 голосами против и 135 – за[1].

Настоящим испытанием стало заседание 9 сентября с присутствием всех фракций Совета, поскольку многие делегаты были заняты 31 августа организацией обороны столицы. Исполнительный комитет, по-прежнему возглавлявшийся меньшевиками и эсерами, поставил под сомнение правильность прежнего голосования и предложил резолюцию о поддержке президиуму Совета. В ходе прений Троцкий задал вопрос лидерам Совета: считаете ли вы Керенского все еще членом президиума? Когда они ответили утвердительно, судьба предложенной ими резолюции была предрешена. Совет проголосовал за перевыборы президиума с результатами: за – 519, против – 414, воздержавшихся – 67[2].

5 сентября настала очередь Московского Совета утверждать ту же большевистскую резолюцию о власти революционного пролетариата и крестьянства. К концу месяца Советы практически всех городов, имевших хоть какую-то промышленность или гарнизон, отказались от коалиционной власти с представителями имущих классов в пользу позиции большевиков.

Петроградская организация эсеров, единственная партия, которая могла еще конкурировать с большевиками за социальную базу рабочих, в подавляющем большинстве уже примкнула к левому крылу большевиков. Почти все ее делегаты на Петроградской конференции 10 сентября были левыми. К этому времени левые эсеры выпускали свою газету и собирались формально порвать со своим ЦК[3]. Левые эсеры, как и меньшевики-интернационалисты, выступали против коалиционной власти. От большевиков их отличал взгляд на природу новой власти. После разгрома корниловщины большевики снова выдвинули лозунг «вся власть Советам». Но левые эсеры и меньшевики-интернационалисты считали, что Советы являются недостаточно широкой социальной базой для революционного правительства. Рабочие же в своей массе не понимали этой позиции. Даже рабочие – левые эсеры, как правило,

1 *Троцкий Л. Д.* История...Т. II. 1. С. 272; *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. IV. С. 28.
2 Там же.
3 *Степанов З. В.* Указ.соч. С. 193.

поддерживали позицию большевиков о власти. *Знамя труда*, неустанно критиковавшее большевистскую формулу «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства», считая «беднейшее крестьянство» бессмысленной экономической и политической категорией, признавало, что «*эту резолюцию предлагают рабочие, за нее голосуют эсеры*»[1]. Видный лидер партии рассказывал в газете, что несколько эсеров – рабочих и солдат – подходили к нему с вопросом, почему фракция эсеров в Совете проголосовала 31 августа против большевистской резолюции о власти[2].

Что касается эсеров-оборонцев («соглашателей»), то корниловщина нанесла им смертельный удар в рабочей среде. В Московском районе, ранее бывшем оплотом этой партии, на новых выборах в начале сентября в районный Совет прошли 14 большевистских депутатов, шесть левых эсеров и ни одного оборонца[3]. Рабочие Обуховского завода в Невском районе, ранее поддерживавшие эсеров, отозвали депутатов-эсеров из Петроградского Совета, а на их место избрали одиннадцать большевиков и двух синдикалистов. «*Кто бы мог представить себе это месяц назад? Так падают последние бастионы оборончества*», – комментировала газета большевиков[4]. В период корниловского мятежа участники общих собраний нередко становились свидетелями драматических сцен. На одном из них бывший эсер-оборонец поднялся на трибуну и со слезами на глазах просил прощения у товарищей, обещая лично скрутить шею Корнилову. Другой рабочий поднялся на сцену с огромным портретом Керенского, который разорвал при всех в клочья[5].

Один рабочий Патронного завода отправил следующее сообщение в большевистскую газету: «*Наш завод (8000 рабочих) был ядром блока мелкой буржуазии (меньшевиков и эсеров) в красном Выборгском районе. Только латунный цех неизменно поддерживал большевиков, но его поддержка утопала в заводской массе.*

Представителями в Совет завод направил меньшевиков и эсеров и одного-двух большевиков... Всего месяц-полтора

1 *Знамя труда*, 6 сентября 1917 г.
2 Там же, 2 сентября 1917 г.
3 *Степанов З. В.* Указ. соч. С. 184.
4 *Рабочий путь*, 22 сентября 1917 г.
5 Бастионы революции. Т. 1. С. 168.

назад большевики не имели возможности выступать на собраниях. Сейчас обстоятельства резко изменились. Произошло пустяковое дело. 4 сентября на общем собрании нашего завода сначала эсер, а затем делегаты-меньшевики Петроградского Совета открыто рассказали о том, что до сих пор держалось в тишине. Они сказали, за что они голосовали "за" и за что "против" в Петроградском Совете. Таким образом, по земле, они голосовали против ее немедленной передачи в руки народа, а по тайным договорам – против их нарушения. И они советовали рабочим ждать по этим вопросам Учредительного собрания. Этого было достаточно. Рабочим стало ясно, что ждать по этим вопросам Учредительного собрания и отложить созыв Учредительного собрания значило оставить решения за помещиками и капиталистами; это значило оставить крестьян без земли и без конца затягивать войну»[1].

Но главным последствием корниловщины для судьбы революции были окончательный переход солдат столицы на сторону рабочих и массивная радикализация фронта и провинциальных центров, где рабочие и солдаты наконец выравнялись с рабочими столицы, тем самым уменьшая опасения последних относительно изоляции. (Но следует отметить, что процесс радикализации провинции начался задолго до корниловщины[2].) Провинция теперь даже иногда опережала столицу, так как многие местные Советы отказывались отдавать власть, которую они забрали в качестве чрезвычайной меры во время корниловского мятежа.

Устранение меньшевиков и эсеров от руководства Советов означало, что оппозиция коалиционному правительству могла снова выражаться в форме требования Советской власти. Хотя не исчезли страхи рабочих относительно изоляции и гражданской войны в рядах демократии, поскольку не было уверенности, что левая интеллигенция и крестьянство в целом их поддержат, но они с облегчением приняли восстановление требования передачи власти Советам. Несмотря на аморфную деятельность Советов под «соглашателями», эти потенциальные органы народной власти пустили глубокие корни в сознании рабочих.

1 *Рабочий путь*, 8 сентября 1917 г. См. также: Собрание на Орудийном заводе. Там же, 19 сентября 1917 г.

2 См.: Переписка секретариата ЦК РСДРП (б). С. 133–303 passim.

Демократическое совещание

После подавления корниловского мятежа немедленным вопросом вопреки ожидания рабочих встал созыв не съезда Советов и перехода к нему власти, а Демократического совещания. 3 сентября ЦИК опубликовал режим представительства на совещании, задуманный с тем, чтобы обеспечить перевес умеренных голосов. Стало очевидным, что ЦИК не намеревался порывать с политикой «соглашательства» и учреждать правительство, опирающееся исключительно на трудящиеся классы. Советам было отведено всего 300 делегатских мандатов, из них значительное число получил сам ЦИК и крестьянский Исполком, хотя оба они были избраны еще в июне. Солдатский комитет, избранный весной, получил 150 мест; профсоюзы – 100; 35 мандатов получили профсоюзы железнодорожников и почтово-телеграфных работников, возглавляемых меньшевиками; думы и земства, хотя они избирались всеобщим голосованием и поэтому отнюдь не были организациями революционной демократии, получили 500 мандатов; кооператоры – 150 (о них Ленин писал, что они представляют членов кооперативов настолько же, насколько почтальоны представляют авторов писем); организации национальных меньшинств – 100 мандатов. Наконец, несколько мандатов было отдано врачам, журналистам и православному духовенству. Кадетская *Речь* сожалела, что были забыты акушерки. Представительство получилось нередко сдублированным, и некоторые делегаты имели по четыре и более голосов[1].

Лидеры меньшевиков и эсеров специально организовали столь неравное представительство, по-прежнему считая, что революция обречена без поддержки либеральных элементов цензового общества. Но авантюра Корнилова показала, что понятие «либеральная буржуазия» в России в сентябре 1917 г. являлось всего лишь плодом воображения этих лидеров – этот класс находился полностью в лагере контрреволюции. Как писал лидер левых эсеров Б. К. Камков после провала корниловщины: «*“Либеральная буржуазия”, о которой так много вздыхали тт. Церетели, Дан, Либер и Гоц, оказалась их досужим измышлением. Городская буржуазия, как класс, не только не могла быть заинтересована в “углублении” или даже в закреплении уже*

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VI. С. 84–85.

свершенных завоеваний революции, но всем ходом вещей отбрасывалась в лагерь врагов революции. Она становилась все явственнее и явственнее контрреволюционной силой»[1].

Поэтому лидеры ЦИК вынуждены были правдами и неправдами протаскивать представителей имущих классов на совещание, наделяя представительством думы и земства, зажиточных крестьянских кооператоров, врачей, юристов, лиц других профессиональных групп и даже духовенство.

Вопрос об участии в Демократическом совещании обсуждался 10 сентября на Третьей петроградской конференции фабрично-заводских комитетов. Делегаты были враждебно настроены к «соглашателям». Ведь конференция созывалась для обсуждения циркуляров, изданных в конце августа министром труда меньшевиком Скобелевым, отнявшим у фабзавкомов их главные права. «*Товарищ Колокольников [представитель Министерства труда, меньшевик] считает, что необходимы только маленькие реформы, некоторое очищение,* – *заявил делегат с завода Лангезипена.* – *Но они очищаются новым засорением, и рабочим самим придется очиститься от органов, подобных Министерству труда*»[2]. Тем не менее конференция отклонила резолюцию, призывавшую к бойкоту Демократического совещания, если фабзавкомам не выделят 100 мандатов. Печатник-большевик Д. Евдокимов выразил общее отношение к «соглашателям»: «*Враги наши сильны, они сорганизованы, они выставят новых корниловых и найдут помощь в лице Керенского. Однако и это не было бы нам страшно, если бы соглашатели сумели понять момент. Если бы Демократическое совещание действительно отражало настроение широких масс, оно сыграло бы громадную роль. Но, к сожалению, имеется много шансов за то, что Демократическое совещание превратится в исправленное Московское совещание*»[3].

Зачем же тогда участвовать? Потому что были еще колеблющиеся массы, все еще поддерживающие «соглашателей», которых можно было перетянуть на революционный путь. Бойкот конференции означал бы списать «соглашателей», утвердить

1 *Знамя труда*, 14 сентября 1917 г.
2 ФЗК. Т. II. С. 21.
3 Там же. С. 40.

раскол революционной демократии и принять курс на восстание. Несмотря на все случившееся с момента Июльских дней, делегаты колебались принять это решение. На предприятиях рабочие также не призывали к бойкоту.

Вопреки широко распространенному скептицизму, рабочие хотели дать шанс Демократическому совещанию, представлявшему возможность мирного перехода власти в руки объединенной революционной демократии. На собрании Адмиралтейского судостроительного завода делегат-фабзавкомовец назвал совещание «буржуазным». Но за ним выступил еще один делегат, считавший, что *«все-таки на этом совещании левое крыло демократии получит достаточно сил для перевеса над представителями буржуазии»*. В результате, рабочие завода решили отправить делегацию на совещание с тем, чтобы зачитать там свои требования. Собрание завершилось «провозглашением "ура!" за продолжение и процветание революции»[1].

Подобные собрания прошли в это время на многих предприятиях. *«Демократическое совещание вызвало сильный интерес в широких рабочих и солдатских массах города»*, отмечала большевистская газета *Пролетарий*, добавляя при этом, что режим представительства явился источником глубокого недовольства. Многие предприятия, продолжала она, отправили делегации на конференцию, чтобы выразить свое мнение по вопросу о власти: в подавляющем большинстве эти взгляды полностью совпадали с позицией, занятой Петроградским Советом 31 августа[2].

Чтобы правильно оценить отношение рабочих к Демократическому совещанию, необходимо учитывать и тот факт, что большевики не предлагали им альтернативы, и после болезненного опыта Июльских дней рабочие уже не собирались снова проявлять самостоятельную инициативу. Неспособность партии предложить ясный путь вперед после корниловщины являлась источником глубокого недовольства в рядах самой партии. Многие большевики считали политику партии запутанной. Резолюция Петроградского Совета от 31 августа, впоследствии одобренная многими рабочими собраниями, содержала призыв к формированию «правительства революционного пролетариата

1 ЦГА СПб. Ф. 9391, оп. 1, д. 11, л. 31.
2 *Пролетарий*, 16 сентября 1917 г.

и крестьянства». Эта позиция, выдвинутая большевиками в августе, должна была означать курс на восстание. Но после корниловщины руководство партии вернулось к идее мирного перехода власти под руководством ЦИК.

7 сентября на собрании Петербургского комитета большевиков А. И. Слуцкий, выступая с докладом от Исполнительного комитета партийной организации города, отметил, что в результате корниловского мятежа соотношение сил сместилось влево: Советы восстановили свою былую силу, и события ведут к серьезной конфронтации между Временным правительством и ЦИК, которая откроет путь мирной передаче власти. Хотя, добавил он, не следует ожидать от меньшевиков и эсеров, что они возглавят этот переход. Слуцкий предостерег от выступления, которое пошло бы лишь на руку крупной буржуазии, мечтавшей отпугнуть мелкую буржуазию и оборонческие партии от пролетариата.

Доклад вызвал шквал критики. Ряд делегатов критиковал его за то, что он ничего не предлагал, «чем бы мы могли руководствоваться в нашей внутренней организационной жизни». «*Я требую от ПК,* – говорил один, – *развернуть весь материал, что делается и в каком направлении надо действовать*». Другой добавлял: «*Товарищ Слуцкий не дал нам ни новых, ни старых лозунгов. Центральный орган тоже недостаточно ясно освещает нашу позицию, а посему вся власть [так в оригинале], наша партия в эти дни находится в неясности и товарищи на местах в растерянности*».

Сторонники Слуцкого возражали, что ситуация не позволяет выразить позицию по вопросу о власти более определенно. Один утверждал: «*Освещение, данное Исполнительным комитетом, я считаю правильным, хотя может быть и можно усмотреть в нем неясность. Сейчас мы даем программу, за проведение которой мы будем бороться, но сказать, какие органы власти должны стоять, и указать конкретный путь к этому мы не можем*».

Требование более четкой позиции исходило из принципиального разногласия в оценке политической ситуации. Те, кто настаивал на четкой позиции, хотели сохранить установку на вооруженное восстание, утвержденную после Июльских дней. Она означала списание меньшевиков и эсеров и тех местных советов, еще возглавляемых ими. Сторонники этой позиции

считали эфемерным сдвиг ЦИК влево во время корниловщины. Как рассуждал один из участников собрания: «*По отношению к Советам мы должны что-то изменить. Состав их еще не изменился, они только напуганы и немного сдвинулись влево, но это не исключает возможности обратного поправения, потому что по своему составу они мелкобуржуазны. Этот сдвиг не дает еще возможности думать, что Совет пойдет революционным путем... Наша цель – не идти рука об руку с вождями этих Советов, а стараться оторвать от них более революционные элементы и вести их за собой*».

«*Наш ЦК тоже растерялся... Современный момент самого острого разграничения пролетариата и буржуазии. Как на заводах, так и в крестьянской бедноте мы наблюдаем отход налево. Теперь нам думать о компромиссах смешно... Никаких компромиссов! ... Мы испугались, мы мечемся. Контрреволюция сделала свой первый шаг, но нельзя забывать, что она готовит второй шаг. Наша революция не та, что на западе [т. е. буржуазно-демократическая, как Великая французская]. Наша революция пролетарская. Наша задача – укрепить позицию и, безусловно, готовиться к боевой схватке. Предлагаю ЦК ярче, определенней освещать момент в органах.*

Но те, кто поддерживал неопределенную позицию о власти, не готовы были так быстро размежеваться с меньшевиками, эсерами и поддерживавшими их социальными силами. Вопрос был не новым – угроза политической изоляции рабочего класса и гражданской войны в рядах демократии. «*Компромисс – вовсе не отказ от марксизма*», – ответил сторонник Исполнительного комитета, «*но надо учитывать всегда положение, а разве Демократическое совещание – не компромисс? Ведь туда мы идем вместе с оборонцами. Ведь если они там решат, что власть должна быть у пролетариата, то это решение может быть всероссийским. После этого Демократическое совещание может быть будет бороться не на жизнь, а на смерть*».

Другой добавил: «*Массы сами ищут пути. Когда контрреволюция стала бить по Советам, они почувствовали, что гибнут. Сейчас даже Чернов вынужден выступать против Керенского. Советы находятся на межеумочной позиции, а с другой стороны, явно идут на путь гражданской войны. Советы колеблются,*

когда видят, что мозг пролетариата относится к ним недоверчиво, а поэтому возможно, что обстоятельства будут так складываться, что та сила, которая имеется у "соглашателей", должна пойти на уступки в пользу интересов пролетариата».

Голосования не проводилось. Однако по ходу дискуссии можно заключить, что сторонники неопределенной позиции оказались в большинстве. Эту позицию можно было охарактеризовать как «выжидательную» или, как сказал один из делегатов, позицию «накопления сил». Между тем большевики продолжали призывать рабочих к сдержанности и бдительности и избегать провокаций[1].

Ту же неопределенность позиции можно было наблюдать и среди левых эсеров. 14 сентября партийная организация Московского района столицы постановила: «*Находим, что статьи наших газет далеко не удовлетворяют рабочих. И просим в статьях более ясной и определенной позиции в оценке текущего момента*»[2].

Следствием этой неясности стал спад волны энтузиазма и активности, вызванной корниловщиной. Некоторым казалось, что рабочие впали в апатию. В середине сентября *Знамя труда* писала, что, когда новость о корниловском мятеже достигла столицы, «*рабочий класс многих поразил своей энергией, выдержкой и решимостью дать отпор узурпатору. Рабочий класс вооружался, отправил несколько тысяч из своей среды на окопные работы и взял на себя создание милиции, которой он поручил охрану заводов.*

Но непосредственная опасность прошла... и в рабочей среде появилась некоторая апатия. Они отказываются от ночной караульной службы, отказываются приходить на военную подготовку, хотя они требуют всеобщего вооружения, и снова на заводских собраниях присутствует небольшое количество и приходится запирать ворота, чтобы они не уходили, и даже это не помогает, поскольку ухитряются уйти до гудка»[3].

Газета подчеркивала, что эта картина характерна для ремесленных отраслей, работники которых были рассредоточены по небольшим мастерским, но подобное явление, хотя и менее выраженное,

1 Петербургский комитет РСДРП (б) в 1917. С. 429–437.

2 *Знамя труда*, 16 сентября 1917 г.

3 Там же.

можно было наблюдать и на более крупных предприятиях. «*У нас имеется около 4 тысяч вооруженных людей,* – докладывалось 24 сентября Петербургскому комитету большевиков. – *Это зарегистрировано. А желающих получить оружие найдется 40 тысяч человек. Так было в корниловские дни... Теперь заметно охлаждение, во-первых, потому, что настроение уже прошло, а во-вторых, и главным образом, потому, что нет оружия*»[1].

Кажущийся спад интереса к политической жизни объяснялся еще и экономической ситуацией, становившейся все более тревожной. Рабочие уставали от собраний, не приводивших ни к чему конкретному. Выступая с отчетом от Центрального Совета фабзавкомов на заседании ЦК большевиков в середине октября, Н.А. Скрыпник отмечал, что «*повсюду замечается тяга к практическим результатам; резолюции уже не удовлетворяют*»[2]. Ту же мысль повторяла резолюция общего собрания рабочих московского завода «Динамо» в конце сентября: «*Нужны самые решительные меры и их проведение на практике. Ибо игра словами разрушает все, что осталось, и только раздражает голодный пролетарский рабочий класс*»[3].

Но если альтернативой Демократическому совещанию было восстание, то нельзя сказать, что рабочие активно к нему готовились. Это не удивительно в свете трагического опыта Июльских дней и постоянных призывов большевиков к сдержанности и не поддаваться на провокации. Но по мере приближения экономического коллапса, выжидательная политика большевиков несла в себе и опасность деморализации рабочих.

Демократическое совещание показало, что даже намеренно увеличенное представительство в пользу «соглашательства» разделило позиции при голосовании практически поровну, что свидетельствовало о глубоком расколе российского общества. 19 сентября за новое коалиционное правительство проголосовало 766 делегатов, 688 против и 38 воздержались. Депутаты от городских Советов в подавляющем большинстве голосовали против коалиции. Депутаты от организаций

1 Петербургский комитет. С. 463.

2 Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде (далее цит. как: Док. окт.). М., 1957. С. 53.

3 Док. сент. С. 342.

национальных меньшинств голосовали преимущественно «за». Большинство других групп проголосовали за коалицию лишь с небольшим перевесом. Голоса кооператоров (вслед за Керенским они заявили в самом начале совещания, что не считают его решения обязательными) и земств оказались решающими (кооператоры: за – 140, против – 23, воздержавшийся – 1; земства: за – 84, против – 30, воздержавшийся – 1)[1]. Если бы не эти голоса, совещание вполне могло бы решить вопрос о формировании правительства без представительства имущих классов.

Однако самый большой сюрприз был еще впереди. Была предложена поправка к резолюции: коалиционное правительство, но без кадетов. Поправку приняли: за – 595 голосов, против – 493, воздержались – 72. Всем было ясно, что помимо партии кадетов в обществе не было значительных политических сил, пользующихся поддержкой имущих классов, не считая генералов – сторонников военной диктатуры. Принятие этой поправки лишало смысла резолюцию о формировании новой коалиции. Поэтому при повторном голосовании она была отклонена: 813 голосов против, 183 за и 80 воздержались[2].

Совещание высветило дилемму лидеров ЦИК. Они настаивали на участии представителей имущих классов во власти, но общество настолько раскололось, что коалиция представителей трудящихся и имущих классов стала невозможной. Тем не менее лидеры ЦИК не унывали. Они предложили расширить президиум совещания и дать ему наказ выработать приемлемое предложение. Но и в этом случае на состоявшемся 20 сентября заседании расширенный президиум проголосовал в пользу власти без представителей цензового общества: за – 60 голосов, против – 50.

Далее последовали новые многочисленные махинации и интриги. Лидеры меньшевиков и эсеров преподали рабочим наглядный урок своей «приверженности» демократическим принципам. Все закончилось тем, что Керенский еще раз в одностороннем порядке сформировал правительство, в которое вошли, кроме «Директората пяти», такие ненавистные рабочим цензовые фигуры, как крупный промышленник А. И. Коновалов, ранее подавший

1 *Известия*, 20 сентября 1917 г.
2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VI. С. 135–136.

в отставку в знак протеста против плана государственного регулирования экономики; текстильный магнат С.А. Смирнов, недавно устроивший локаут своим 3 тысячам рабочих, что побудило МВД запросить секвестр его предприятий[1]; видный кадет Н.В. Кишкин, вынужденный ранее покинуть должность комиссара Москвы из-за своей более чем неоднозначной роли в корниловщине; и председатель Московской фондовой биржи С.Н. Третьяков.

Несомненно, это был не тот кабинет, который бы пользовался доверием рабочих. Тем не менее ЦИК поддержал его в обмен на согласие Керенского создать «предпарламент», в состав которого должны были войти 15% делегатов Демократического совещания и 156 представителей цензового общества. При этом Керенский поставил еще одно условие: «предпарламент» будет лишь совещательным органом[2].

Таким образом, к моменту завершения Демократического совещания 23 сентября подтвердились худшие опасения рабочих: ровно ничего не осталось от сдвига ЦИК влево и от его заявления о необходимости сильного правительства без компромиссов с контрреволюционными элементами. После такого презрения к волеизъявлению Демократического совещания, которое само было искажением воли революционной демократии в силу его подтасованного представительства, понятно, почему месяц спустя рабочие с равнодушием отнесутся к уходу меньшевиков и эсеров со Второго съезда Советов в знак протеста против недемократического шага Петроградского Совета, свергнувшего Временное правительство за несколько часов до открытия съезда, который должен был принять решение о передаче власти Советам.

Курс на Советскую власть

В день закрытия Демократического совещания ЦИК, под сильным давлением большевиков, наконец согласился созвать II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 20 октября (позже дату переместили на 25 число), более чем на месяц позже срока, установленного Первым съездом. С этого момента будущий съезд стал уникальным объектом политического внимания и надежд

1 Док. сент. С. 279–280.
2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VI. С. 140–162.

рабочих. Несмотря на решение большевиков участвовать в предпарламенте – Ленин резко выступал против участия, – большинство рабочих не обращало на предпарламент ни малейшего внимания, считая его незаконнорожденным дитя дискредитированного Демократического совещания. Газета меньшевиков-интернационалистов *Искра*, настоятельно призывавшая рабочих использовать предпарламент для формирования единого революционно-демократического правительства, признавала, что «рабочие глубоко возмущены исходом Демократического совещания», и это негодование побудило их принять большевистский лозунг «Вся власть Советам»: «*Широким массам он кажется самоочевидным и ясным, как день. Большинство говорит: “Демократическая конференция разочаровала, потому что была подтасована. Советы являются истинными представителями. Пусть состоится Съезд и возьмет власть”*»[1].

С момента обнародования даты созыва съезда Советов почти каждое собрание рабочих заявляло о своей непримиримой враждебности новому коалиционному правительству и требовало, чтобы съезд или просто «Советы» сформировали новое правительство. 24 сентября 1917 г. общее собрание Военно-подковного завода, заслушав отчет своего депутата о работе Петроградского Совета, приняло следующую резолюцию:

«*Общее собрание горячо приветствует окончательный переход Совета на революционную линию поведения…*

С презрением смотрим мы на жалких соглашателей, пытающихся путем обходов и подтасовок всяких предпарламентов и демократических совещаний отвести новую грядущую волну революции, замазать твердо проявившуюся волю масс, скрыть крах всей их политики соглашательств.

Мы заявляем, что нас не обмануть никакими демократическими совещаниями, никакими предпарламентами. Мы верим только нашим Советам, за власть их мы будем бороться не на жизнь, а на смерть.

Да здравствует немедленный Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

Вся власть ему!

1 *Искра*, 17 октября 1917 г.

Да здравствует революционная демократия!

Да здравствует скорейший мир между народами и III Интернационал!

Да здравствует последняя решительная борьба и наша победа!»[1]

Заслушав доклад о Демократическом совещании, общее собрание рабочих Ново-Адмиралтейской верфи постановило, что это совещание было созвано лидерами ЦИК «*в таком составе, который совершенно исказил волю и лицо подлинной и революционной демократии России*».

«*Это искажение, этот обман, понадобился вождям мелкой буржуазии для новой попытки спасти правительство явных и тайных корниловцев, заслоняя его от рабочей и крестьянской Руси ширмой мнимо-народной Демократической конференции или предпарламента.*

Признавая, что этот обман не удался и оборонцы никого, кроме самих себя, не убедили…, рабочие, еще раз решительно заявляя о полной неприемлемости коалиционной власти, могущей лишь привести страну к новым катастрофам и гражданской войне, требуют учреждения власти истинно революционной, власти Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которая должна закрепить и углубить завоевания революции немедленным созывом Учредительного собрания, удалить хозяйственную разруху, установить рабочий контроль над производством и распределением, не считаясь с интересами кучки мародеров, добиться окончания войны, объявив демократические условия мира и порвав царские договоры, дать землю крестьянам и хлеб городской демократии. Такой власти рабочие окажут величайшее доверие и полную поддержку…

Только власть, опирающаяся на рабочих и беднейших крестьян, может с открытым лицом протянуть руку угнетенным всех стран в полной уверенности, что они ответят криком: Да здравствует Революционная Россия! Да здравствует социальная революция!»[2]

Когда руководство большевистской партии под сильным давлением рядовых членов и непрерывным шквалом возмущенных

1 Док. окт. С. 98–99.
2 *Знамя труда*, 30 сентября 1917 г.

писем В. И. Ленина из подполья в Финляндии решило демонстративно покинуть предпарламент в день его открытия, рабочие приняли этот шаг со вздохом облегчения, как знак перехода от слов к конкретным делам. Их политический интерес и активность немедленно возросли.

9 октября состоялось «очень оживленное»[1] заседание пленума Петроградского Совета с обсуждением вопроса о бойкоте предпарламента. Присутствовали почти все из 1000 депутатов, что разительно отличалось от сентябрьских сессий с высоким абсентеизмом. *Новая жизнь*, выступавшая против бойкота, отмечала, что энергичность зала напоминала первые дни Февральской революции. Речь Троцкого, в частности, неоднократно прерывалась бурными аплодисментами почти всех присутствовавших. «*Мы ушли*, – заключил Троцкий, – *чтобы сказать, что только власть Советов может поднять лозунг мира и бросить его над головой международной буржуазии пролетариату всего мира. Да здравствует прямая и открытая борьба за революционную власть в стране!*»[2]

За Троцким выступил меньшевик М. И. Либер. Он отметил, что даже большевики не были единодушны по вопросу о выходе из предпарламента, что решение было принято узким большинством руководства партии. Когда он заявил: «*Пусть Троцкий, Каменев, Зиновьев и Ленин окажутся во власти*», то был прерван аплодисментами, прежде чем смог добавить – «*они не смогут решить проблем*». Он обвинил большевиков в нарушении единого фронта революционной демократии. Это обвинение обернется против него самого, когда его партия демонстративно покинет Второй съезд Советов в октябре. Ю. О. Мартов от меньшевиков-интернационалистов попал в точку, когда с действительной или притворной наивностью говорил, что ему не понятно, почему большевики вышли из предпарламента. Единственным объяснением, по его словам, могло быть только формирование новой власти вооруженным путем, хотя в тот момент это было немыслимо. Политика большевиков, по его мнению, объективно содействовала контрреволюции. «*Они должны помнить, что низы в своей массе разочарованы революцией*».

1 *Новая жизнь*, 11 октября 1917 г.
2 Там же.

Однако такая оценка абсолютно не соответствовала настроению Совета. Против резолюции, представленной большевиками, проголосовало 146 депутатов. Резолюция Либера в поддержку предпарламента собрала около 100 голосов. Поскольку во фракции большевиков было гораздо меньше депутатов, чем поданных голосов за их резолюцию[1], можно заключить, что большинство меньшевиков и эсеров проголосовало против позиции собственных партий и за резолюцию большевиков[2].

Собрания на предприятиях также одобрили бойкот предпарламента. Состоявшееся 8 октября общее собрание завода «Старый Парвиайнен» приветствовало выход большевиков из предпарламента и призвало «*к такому выходу всех истинных представителей революционных солдат, крестьян и рабочих, [и] заявляем: мы всемерно и всецело поддержим материально и морально Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и по первому их призыву готовы встать на защиту завоеваний революции*»[3].

На собрании было решено дать 3 тыс. руб. ЦК партии большевиков на подготовку Учредительного собрания и еще 2 тыс. руб. Петроградскому Совету. Примерно в то же время общее собрание 700 рабочих Завода бронебойных снарядов единогласно решило:

«*...Мы приветствуем фракцию большевиков, ушедшую с торжища “Совета Российской республики” [Предпарламента], где совместно с врагами революции, с корниловскими вдохновителями, за спиной народа ведется братание представителей партий меньшевиков и социал-революционеров. Те, кто вошли в Совет республики, – вышли из Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, и мы полагаем – навсегда...*

Только созываемый 25 октября съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов может, взяв в свои руки власть, дать Учредительное собрание, землю и демократический мир измученным народам»[4].

Петроградские рабочие с нетерпением ожидали съезда Советов и его решения взять власть. Это не означает, что у них не было

1 Это заседание избрало делегацию на съезд Советов Северного региона, в которую вошли 15 большевиков, 10 эсеров и 5 меньшевиков.

2 Там же.

3 *Рабочий путь*, 11 октября 1917 г.

4 Там же, 21 октября 1917 г.

сомнений относительно будущего или что они были большими оптимистами. Но экономическое и политическое положение становилось с каждым днем все более тревожным. Слишком много времени было потрачено впустую. Скорейшая передача власти в руки Советов представлялась единственной жизнеспособной альтернативой надвигающемуся экономическому краху и грозящему поражению революции.

С уходом большевиков из предпарламента стала готова политическая сцена для заключительного акта. Больше не осталось отвлекающих моментов, не осталось альтернатив, которые могли парализовать волю к действию. Заседание Петроградского Совета подавляющим большинством голосов приветствовало решение большевиков бойкотировать предпарламент и приняло решение создать Комитет защиты революции. Предложение создать этот комитет исходило от меньшевиков-интернационалистов. Комитет был уполномочен собрать информацию для защиты подступов к городу от наступавших немцев, только что захвативших архипелаг Моонзунд в устье Финского залива, вооружить рабочих, обеспечить защиту столицы от любых новых контрреволюционных вылазок. В таких оборонительных терминах Совет сформулировал полномочия органа, который через две недели организует свержение Временного правительства.

ГЛАВА 10
КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

Период от июльских событий до октябрьских отличался контрастами в рабочем движении. На политическом фронте, за исключением реакции рабочих на корниловшину, наблюдалась определенная усталость или скорее выжидательное отношение. Здесь рабочие уступали инициативу партии большевиков. Зато на предприятиях рядовые рабочие сами подстегивали фабрично-заводские комитеты к более смелому вторжению в сферу деятельности администрации. Именно на этом фронте была сосредоточена основная энергия рабочих, отчаянно стремившихся предотвратить массовую безработицу и сохранить авангард революции.

Наступление на фабзавкомы

Если поражение рабочих в Июльские дни подстегнуло агрессивность промышленников, то провал корниловщины не только не заставил их изменить эту политику, но, напротив, укрепил в них решимость довести ее до конца. В корниловщине буржуазия разыграла свою политическую карту, оказавшуюся проигрышной. Ее экономическая власть оставалась ее главным козырем. Дальше отступать было некуда, и она решила идти ва-банк.

В начале сентября, сразу после провала корниловщины, промышленники перешли в полномасштабное наступление на фабрично-заводские комитеты. Опираясь на циркуляры Скобелева, отнявшие у фабзавкомовцев права собираться в рабочее время, получать зарплату за это время, право «контроля» над наймом и увольнением[1], Комитет объединенной промышленности решил с 15 сентября прекратить выплату зарплаты за время их отсутствия на рабочих местах не только членам фабзавкомов,

1 Слово «контроль» употреблялось в этот период в смысле «пассивного надзора». Но термин был не совсем однозначным, поскольку фабзавкомы требовали и право вето на решения администрации в случае, если обнаружится саботаж. Контроль за наймом и увольнением имел целью предотвращение таких злоупотреблений со стороны администрации, очень частых в дореволюционное время, когда произвольно увольнялись активисты, а во время войны нанимались «социально чуждые» элементы из обеспеченных семей, ограждая их от призыва на военную службу.

но и делегатам Петроградского Совета. Этим он нарушал соглашение, заключенное между Петроградским Советом и Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков сразу после Февральской революции. Хозяева обнаглели настолько, что стали требовать еще и снятия военной отсрочки с освобожденных членов фабзавкомов на основании, что последние не заняты активно на военном производстве. Это угрожало отсрочкам и избранных членов Центрального Совета фабзавкомов.

Между тем в записке министру труда Комитет объединенной промышленности поставил свои «условия для восстановления промышленности». Комитет настоятельно призывал правительство принять следующие меры: право нанимать и увольнять должно снова стать исключительной прерогативой администрации; она же должна обладать исключительным правом применять дисциплинарные меры вплоть до увольнения; фабзавкомам, советам и любым другим организациям должно быть запрещено любое вмешательство в управление предприятиями; администрации должны быть освобождены от любой ответственности перед рабочими организациями; и, наконец, рабочий, чей уровень производительности падал ниже своего уровня предыдущего года, должен был подлежать увольнению. Записка заканчивалась своего рода предсказанием, которое было одновременно и предупреждением: без этих мер промышленности угрожает полная остановка[1].

Рабочие восприняли это наступление на права фабрично-заводских комитетов как попытку промышленников убрать последнее препятствие, мешавшее им провести массовый локаут. Это убеждение подкреплялось планом «разгрузки» Петрограда от имевшейся промышленности, к которому вернулось правительство. Социалистическая пресса указывала на то, что записка промышленников основывалась на корыстной предпосылке, называвшей главной причиной спада производства злоупотребление рабочими недавно обретенной ими свободой. При этом промышленники вдруг запамятовали, что задолго до Февральской революции цензовые деятели возлагали вину за экономическую разруху на царское правительство. Падение производства началось еще в 1915 г. из-за дефицита топлива и сырья, отсутствия

1 *Речь,*13 сентября 1917 г.

запасных частей для изношенного оборудования, физического истощения рабочих и притока в военную промышленность массы новых, неопытных работников[1].

Рецепт промышленников для лечения экономической разрухи сводился к одному: обуздать рабочее движение. И они продолжали решительно сопротивляться введению государственного регулирования экономики. В августе наконец начал свою работу государственный орган – реформированное Заводское совещание. Центральный Совет фабзавкомов мог обращаться к нему в случаях неоправданной остановки производства или полного закрытия предприятия, и совещание было уполномочено в крайних случаях секвестрировать предприятия, что оно и делало. Но промышленники, не считаясь с законом, бойкотировали совещание и апеллировали против его решений к Пальчинскому, возглавлявшему в этот период Особое совещание по обороне[2].

В глазах рабочих формула промышленников для оздоровления промышленности была карт-бланш для ее разрушения. И они были полны решимости не допустить этого.

Борьба за производство – рабочий контроль заблокирован

Тревога рабочих о судьбе промышленности возрастала. Они остро ощущали надвигавшуюся катастрофу. На Второй Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов в августе 1917 г. выступавшие экономисты предупреждали, что в наступающем году промышленность столицы могла рассчитывать, в лучшем случае, лишь на две трети объема топлива текущего года, который и так стал годом острого дефицита. В Министерстве путей сообщения продолжал царить тот же беспорядок, что и до революции. Без принятия срочных чрезвычайных мер можно было ожидать полного развала железнодорожной системы к концу сентября[3]. Все ораторы предостерегали совещание от оптимизма: «*Решая вопрос, как нам выйти из этой угрожающей*

1 См., например: Отчет директора Балтийского кораблестроительного завода // *Степанов И.* Указ. соч. С. 126.
2 ФЗК. Т. I. С. 186; Раб. кон. С. 216–217.
3 ФЗК. Т. I. С. 269.

катастрофы, мы можем говорить только о том, как ее сделать менее болезненной»[1]. «*Мы видим, что голод надвигается, безработица растет, а всякие меры для урегулирования хозяйственной жизни страны встречают отпор. Осуществление контроля встречает противодействие со стороны администрации… Страна идет к гибели, народ истощен, производительность труда падает. Надо принимать меры*»[2]. Два месяца спустя на Четвертой Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов накануне Октября Скрыпник сообщал: «*Мы теперь стоим уже не в преддверии экономического краха, а вошли уже в полосу краха*»[3].

Атмосфера на предприятиях была столь напряженной, что любой мелкий конфликт мог вылиться в силовое противостояние. В сообщении Центральному Совету фабзавкомов от 12 октября 1917 г. комитет Путиловского завода жаловался на «провокационное» поведение администрации, приводя следующий случай в качестве иллюстрации. В начале сентября рабочие узнали, что некоторые токарные станки, хранившиеся на заводе, готовились к отгрузке, и администрация проводила инвентаризацию артиллерийских цехов в рамках плана эвакуации.

«*Все это совпало со временем появления в печати сведений и целых трактатов об эвакуации промышленных предприятий Петрограда. Чутко прислушиваясь ко всему, что касается положения промышленных предприятий, рабочие завода, естественно, стали волноваться, усматривая в предположенном вывозе вышеупомянутых станков и машин (которые в это время уже отгружались на баржи) начало эвакуации Путиловского завода, и за разъяснением вопросов обратились в свою организацию – заводской комитет*».

Чтобы выяснить «*этот нервирующий рабочих вопрос, грозивший нарушением правильного хода работ*», заводской комитет немедленно же запросил дирекцию завода, кому принадлежат грузящиеся предметы и куда их намерены отправить. Официального удовлетворительного ответа на запрос комитет не получил.

1 ФЗК. Т. I. С. 186.
2 Там же. С. 208.
3 Там же. Т. II. С. 119.

Точно так же на официальный запрос заводского комитета не ответило и Главное артиллерийское управление, которое могло бы прояснить ситуацию. В отчете заводского комитета далее говорилось: «*Считая дальнейшие искания «правды» о грузе бесполезными, комитет для успокоения волновавшихся рабочих и во избежание эксцессов при погрузке, довел до сведения дирекции завода и общезаводского совещания, что если к утру 25 сентября не будут представлены документальные данные, кому принадлежат грузящиеся станки и машины, и куда они вывозятся, отправка их будет комитетом задержана*».

Поскольку ответ так и не поступил, заводской комитет задержал отправку барж. Тогда 6 октября администрация направила в завком копию письма от Артиллерийского управления с предупреждением, что задержка барж угрожает нанести непоправимый вред делу обороны государства. «*Хорошо зная, в чем заключается "оборона государства", и откуда ей грозит непоправимое зло, комитет рабочих именно во избежание действительного ущерба "обороне государства" (волнение рабочих могло разразиться приостановкой работы на оборону) продолжал настаивать на предъявлении ему фактических данных о нагруженных уже в баржи предметах*».

После длительных переговоров администрация наконец представила документы, свидетельствовавшие, что станки заводу не принадлежали. Отгрузку разрешили продолжить. Таким образом, как указывалось в заключении отчета, «*дело, которое могло быть закончено в час, тянулось целый месяц только потому, что "хозяева"захотели до конца проявить свою самодержавную тенденцию и не желали войти по этому вопросу в должный контакт с контролирующей рабочей организацией*»[1].

Рабочие были крайне возмущены политикой промышленников, поддерживаемых Временным правительством. 8 июля в присутствии комиссара Временного правительства администрация самолетостроительного завода Лебедева объявила заводскому комитету, что, если к 15 августа объем выпуска не достигнет определенного уровня, завод будет закрыт. Требование было выполнено. Но в сентябре администрация объявила, что

1 Док. нак. С. 275–276.

завод подлежит эвакуации в Ярославль, и там потребуется не более половины текущего штата рабочих. В резолюции, принятой рабочими по этому поводу, излагались различные аспекты экономического кризиса, возлагавшие окончательную вину на войну. И далее продолжалось:

«*Между тем в последнее время господа промышленники и заводчики, а с ними вместе и наш хозяин В.А. Лебедев с помощью Временного правительства взялись лечить страну по своему усмотрению. Выдумано радикальное средство: эвакуация фабрик и заводов к материалам, а рабочих – к продуктам. На это правительством ассигнуются миллионные суммы из опустошенного казначейства.*

Но мы знаем, что этими средствами господа промышленники не в состоянии вылечить страну от всех недугов, которые претерпевает она вследствие войны. Эти “доктора” в состоянии только набить и без того туго набитые кошельки миллионами, ассигнуемыми правительством на предмет эвакуации заводов и рабочих. Мы знаем, что лучше подвозить продукты к населению, чем население к продуктам; легче подвозить материалы к заводам, чем заводы к материалам; мы уверены, что времена чудес прошли, что не гора должна подойти к Магомету, а сам Магомет к горе. Мы уверены, что эти средства идут не столько на лечение страны, сколько на обострение промышленного кризиса, так как под видом эвакуации устраиваются массовые расчеты рабочих и увеличивается армия безработных.

Заводчик Лебедев пугает нас тем, что в коротком времени могут случиться налеты цепеллинов на аэродром, и мы все равно не сможем продолжать работу здесь в Петрограде.

Мы же спрашиваем: а кто подпустил немцев так близко к Петрограду? Гарантирует ли Лебедев нам, что немцев не допустят ни к Ярославлю, ни к Пензе, ни к Таганрогу и не придется ли нам, как кошке с котятами, выбираться и оттуда? Может ли Лебедев заверить нас в том, что в целом существует угроза именно «германских» налетов, а не налетов Лебедевых, Рябушинских и всего капиталистического класса на рабочий класс? Факты последних дней наглядно показали, что внешний немец не опаснее внутренних “немцев” в лице Корнилова и его класса.

Все вышесказанное приводит нас к следующему выводу, что пока Временное правительство будет попустительствовать внутренним врагам, открывать дорогу для внешних врагов внутрь России, пока промышленники будут организовывать саботаж, безработицу и мнимый недостаток материалов и продуктов, пока война будет продолжаться, никакие средства не помогут стране выйти из того критического положения, в котором она теперь находится, а война и прочие упомянутые прелести будут продолжаться до тех пор, пока наше правительство будет идти на поводу Лебедевых и Рябушинских, а Лебедевы и Рябушинские на поводу английских и французских правительств»[1].

Резолюция заканчивалась требованием передачи власти в руки рабочих и беднейшего крестьянства, немедленного предложения условий демократического мира, опубликования тайных договоров и установления полного рабочего контроля над промышленностью страны.

Рабочие завода на этом собрании выступили также против позиции, занятой Центральным Советом фабрично-заводских комитетов по вопросу о предлагаемой эвакуации. Совет решил позволять эвакуацию в отдельных случаях, если она могла быть обоснована и проводилась под контролем рабочих[2]. Рабочие возражали, что позиция Совета придавала определенное правдоподобие плану, служившему лишь интересам промышленников и контрреволюции.

Убедить рабочих не помог и тот факт, что эвакуировавшимся вместе с заводом рабочим предлагалась в качестве временного жилья ярославская тюрьма[3]. На Всероссийской конференции заводов Артиллерийского ведомства в начале октября докладчик по вопросу о безработице отмечал: «*В газетах встречаются сообщения, что для рабочих эвакуируемых заводов приспособляются тюрьмы. Но вы, товарищи рабочие, достаточно насиделись в тюрьмах при царизме, чтобы теперь опять идти в тюрьмы. Или имеется сообщение о том, что для жилищ рабочих*

1 Эк. пол. Т. I. С. 414–415.
2 ФЗК. Т. II. С. 102.
3 *Рабочий путь*, 13 сентября 1917 г.

реквизированы два дома терпимости. Это насмешка над рабочими, которую они должны отбросить с негодованием»[1].

Однако большинство коллективов поддержало позицию Центрального Совета фабзавкомов и решило направить делегации для проверки предлагаемых мест эвакуации. В очень многих случаях они нашли условия совершенно непригодными для быстрого возобновления производства, что являлось официальным обоснованием эвакуации. В сентябре 1917 г. на конференции фабрично-заводских комитетов Никитин, рабочий машиностроительного завода «Парвиайнен», намеченного к эвакуации на юг, рассказывал: «*Делегация, вернувшаяся из Юзовки, сообщила, что там приготовлены для завода 14 совершенно неотделанных корпусов, только один более или менее готов, но и там еще не настланы полы. Строились и домики для рабочих, которые можно проткнуть железной палкой, некоторые из них уже обрушились. Заработная плата низка, рабочий день 10 часов, продовольственный вопрос обстоит приблизительно так же, как в Петрограде, одежда еще дороже, чем здесь. Постройка ведется неорганизованно, цемент подвозится на лошадях. Затребованы отсюда прессы, а там не приготовлено для них фундамента. Администрация проявляет полную небрежность, как и во всем производстве, когда лежат горы готовых снарядов без медных колец, и меди нигде не находится*»[2].

Администрация резиновой фабрики «Треугольник» даже отказалась дать рабочим гарантии, что оборудование и сырье, предназначенные для эвакуации, доедут до объявленного пункта назначения. В результате, заводской комитет остановил эвакуацию[3]. То же происходило на большинстве предприятий.

В этот период многие предприятия напоминали осажденные крепости, в которых рабочие-защитники отчаянно бросались от одной бреши к другой. Положение на машиностроительном и литейном заводе «Вулкан» было далеко не уникальным. Джон Рид в своей известной книге *Десять дней, которые потрясли мир* упоминал одного из собственников завода – нефтяного

1 ФЗК. Т. II. С. 102.

2 Там же. С. 34. См. также: С. 33–34; *Степанов И.* Указ. соч. С. 96; *Рабочий путь*, 12 сентября 1917 г.

3 Раб. кон. и нац. С. 175.

магната С. Г. Лианозова, сочувствовавшего партии кадетов. Беседа состоялась за ужином у Лианозова за десять дней до Октябрьской революции. «*Господин Лианозов весьма энергично утверждал: что бы ни случилось, купцы и промышленники не могут допустить существования фабрично-заводских комитетов или примириться с каким бы то ни было участием рабочих в управлении производством*». И далее он продолжил: «*Революция... – это болезнь. Раньше или позже иностранным державам придется вмешаться в наши дела точно так же, как вмешиваются врачи, чтобы излечить больного ребенка и поставить его на ноги. Конечно, это было бы более или менее неуместно, однако все нации должны понять, насколько для их собственных стран опасны большевизм и такие заразительные идеи, как «пролетарская диктатура» и «мировая социальная революция»... Впрочем, возможно, такое вмешательство не будет необходимым. Транспорт развалился, фабрики закрываются и немцы наступают. Может быть, голод и поражение пробудят в русском народе здравый смысл...*»[1].

На заводе «Вулкан» работало около 2900 чел., в подавляющем большинстве мужчин. В июне администрация объявила, что она вынуждена сократить работников и, возможно, закрыть завод из-за резкого падения производства. Заводской комитет в ответ создал комиссию для расследования причин спада производства. Общее собрание рабочих 14 июля одобрило рекомендации комиссии и создало комиссию из рабочих и служащих по контролю за внедрением технических предложений по уменьшению доли брака и укреплению трудовой дисциплины, включавших в том числе строгое соблюдение восьмичасового рабочего дня, запрещение опозданий на работу. Сверхурочные допускались, если этого требовали интересы производства[2].

Внедрение этих мер способствовало значительному повышению производства. Однако администрация сопротивлялась применению технических мер, утверждая, что они выходят за рамки сферы компетенции заводского комитета. Кроме того, она заявила о предстоящем сокращении 640 рабочих, за которым в ближайшее

1 *Reed J.* Ten Days That Shook the World. New York: Vintage Books, 1960. P. 8; см. также: *Старцев В. И.* Русские блокноты Джона Рида. М., 1968. С. 40–42.

2 *Степанов И.* Указ. соч. С. 126.

время должны были последовать новые сокращения, ссылаясь на проблемы поставок и финансовые трудности, обусловленные падением производительности труда, высоким уровнем зарплат и растущей стоимостью сырья. На это завком возразил, что в задержках производства виновата политика администрации, передавшей часть производственного процесса осколочных снарядов субподрядчикам, которые не обеспечивали своевременные поставки. Если на «Вулкане» установить соответствующие токарные станки, объем производства за восьмичасовую смену превысил бы теперешний объем, получаемый за десять часов работы. Что касается заявленных администрацией проблем со снабжением, комитет доказал, что завод полностью обеспечен сырьем на срок до одного года непрерывного производства[1].

9 августа после длительного обсуждения объявленных сокращений заводской комитет принял следующее решение: «*Применив все мирные средства, какие только можно было принять со стороны рабочего класса, и не придя ни к какому результату по расчету товарищей рабочих и служащих из-за сокращения штатов, заводской комитет завода "Вулкан" после всех столкновений как с министерствами, так и капиталистами, вынес заключение, что все сокращение штатов тесно связано с разгрузкой Петрограда. Поэтому, стоя на страже революции, необходимо требовать соединенными силами всех заводов от министерства немедленного перевода всех заводов, сокращающих свою производительность, в ведение государства, поставить ультимативное условие: в случае отказа со стороны министерства в этом требовании, всему пролетариату объявить себя стоящим на страже интересов революции и ни в коем случае не допускать распыления революционных сил через разгрузку революционных центров и расчета до решения конференции заводских комитетов*»[2].

16 августа после вмешательства Министерства труда и длительных переговоров об условиях сокращений 633 рабочих были сокращены[3].

Только разрешился этот кризис, тут же последовал новый. После публикации циркуляров Скобелева администрация завода

1 *Новая жизнь*, 4 августа 1917 г.
2 Док. авг. С. 208.
3 ФЗК. Т. II. С. 588; *Степанов И.* Указ. соч. С. 152.

«Вулкан» решила наполовину урезать зарплату членам фабзавкома, заводским депутатам Петроградского Совета и членам других рабочих организаций[1]. В этом решении рабочие увидели стремление хозяев подорвать их сопротивление. Препятствуя работе завкомовцев и других избранников рабочих, собственник тем самым готовил почву для окончательного удара. И действительно, спустя всего несколько дней администрация объявила о закрытии завода в связи с финансовыми трудностями. Однако заводской комитет обнаружил, что проблема коренилась в отказе администрации потребовать от Морского и Артиллерийского ведомств пересмотра цен с тем, чтобы привести их в соответствие с уровнем инфляции[2].

6 сентября было созвано общее собрание рабочих для обсуждения ситуации. Выступавшие отмечали атаку директора завода на завком: помимо отказа платить полную зарплату завкомовцам он запретил сотрудникам администрации выдавать им любую информацию, сопротивлялся введению необходимых технических усовершенствований, игнорировал рекомендации заводского комитета по более рациональному применению технических кадров. Рабочие поняли, что хозяин намеревался закрыть завод, и фактическое состояние дел на предприятии имело с его решением мало общего. Оскорбительное отношение директора к представителям рабочих довело их до крайнего возмущения: во время встреч с членами заводского комитета он позволял себе такие выражения, как «держите язык за зубами»[3].

Собрание бурлило. Последние действия директора они оценивали на фоне общей ситуации на заводе и в городе. В ходе собрания один из рабочих предложил дать директору срок в 48 часов, чтобы тот покинул свой пост в интересах завода. В случае отказа общее собрание освободит завком от ответственности за возможные действия рабочих в отношении администрации. Секретарь завкома просил рабочих одуматься, ибо ультиматум мог иметь тяжелые последствия. Следовало сначала посоветоваться с компетентными организациями, в частности с Центральным Советом фабзавкомов. Однако собрание одобрило предложенный

1 *Степанов И.* Указ. соч. С. 153.
2 Раб. кон. С. 174.
3 ФЗК. Т. II. С. 58.

директору ультиматум. Сами члены заводского комитета голосовали либо против, либо воздержались[1].

Когда хозяева ответили, что директор никуда не уйдет, заводской комитет сложил с себя полномочия. К этому времени его представители уже успели связаться со своими депутатами Петроградского Совета и других рабочих организаций, занимавшихся поисками выхода из создавшегося положения. В то же время партийные организации завода – большевики (к этому моменту, безусловно, ведущая партия на заводе), меньшевики и эсеры совместно призывали рабочих к сдержанности, направив своих представителей в самые взрывоопасные цеха для успокоения рабочих. И это им удалось.

По итогам встречи со сложившими с себя полномочия членами заводского комитета комиссар Министерства труда в сопровождении представителей заводского совещания представил рабочим следующие предложения: (1) немедленное установление государственного контроля над заводом, осуществляемого комиссией из представителей правительства и администрации; (2) создание «рабочего бюро» из представителей рабочих и администрации на паритетной основе; (3) расследование деятельности директора завода межведомственной комиссией совместно с представителями профсоюза металлистов. Если комиссия обнаружит, что директор препятствовал производству, он будет уволен. Рабочие, в свою очередь, настаивали на включении в предложенную контрольную комиссию представителей рабочих организаций. А предлагаемое «рабочее бюро» должно было называться «контрольной-конфликтной комиссией». С учетом этих изменений предложение министерства было принято[2].

В статье большевистской газеты *Рабочий путь* секретарь завкома признавал, что у рабочих не осталось больше доверия к «государственному контролю» нынешней недемократической власти и при отсутствии последовательного рабочего контроля на всероссийском уровне. Тем не менее принятые меры можно было считать «победой для жизни». Заводской комитет к этому

1 *Рабочий путь*, 24 сентября 1917 г.
2 *Там же*, 8 октября 1917 г; *Знамя труда*, 30 сентября 1917 г.

времени успел создать отличный аппарат технического контроля и установить прочные связи с центральными учреждениями[1].

Тем не менее мучения рабочих «Вулкана» на этом не закончились. Администрация объявила о прекращении выплаты заработной платы членам заводского комитета. В докладной записке в Центральный Совет фабзакомов заводской комитет сообщал: «*Как вам известно, заводской комитет уже два раза отстоял существование завода в финансовом отношении и в отношении поднятия производства. Но саботаж заводоуправления продолжается. Он выражается в чрезвычайной неисправности основных цехов и в той чрезвычайной затруднительности, с которой приходится проводить заводскому комитету общий тариф оплаты труда на заводе. Но теперь заводоуправление принимает новые меры саботажа. Оно решило не отпускать целиком денег, необходимых на оплату заводского комитета, всего в 11 человек, включая сюда комиссии: контрольно-техническую, расценочную, следственную, по учету и примирительную камеру. Эта мера является не только общим походом на заводские организации (заводоуправление ссылается на циркуляр Скобелева), но она бьет по самому существованию завода, ибо и без того с большим трудом существует сейчас заводской комитет, перегруженный работой в центре крайне напряженного настроения рабочих, стоящих у неисправных станков, плохо оплачиваемых, и заводоуправления, грозящего непрерывно закрытием завода и сокращением рабочих*»[2].

Если завод «Вулкан» дожил до Октябрьской революции, которую рабочие завода полностью поддержали, и продолжил работать далее, то это была главным образом заслуга его заводского комитета, подгоняемого рядовыми трудящимися завода.

История «Вулкана» была характерной для заводов Петрограда в нескольких отношениях. Во-первых, в ходе эскалации борьбы между рабочими и администрацией заводской комитет был вынужден отказаться от своей первоначальной концепции контроля как «пассивного» надзора над администрацией и непосредственно вмешаться в сферу управления, в частности по вопросу повышения производительности труда. Во-вторых,

1 *Рабочий путь*, 8 октября 1917 г.

2 Док. сент. С. 326–327.

в отличие от политической сферы, на предприятиях рядовые рабочие продолжали проявлять инициативу и оказывать давление на заводской комитет для принятия более смелых мер. И наконец, как и раньше, борьба за увеличение объема производства неизбежно вела к вопросу о государственной власти. Рабочие «Вулкана» призвали правительство взять под свою ответственность все заводы, где наблюдалось снижение производства. При этом секретарь заводского комитета добавил, что эффективный контроль возможен только при «истинно демократическом правительстве» и с установлением рабочего контроля в общегосударственном масштабе. Далее мы подробно остановимся на этих трех моментах деятельности фабзакомов в дооктябрьский период.

• *От рабочего контроля к рабочему управлению*

Впервые рабочие начали непосредственно вторгаться в сферу управления еще весной 1917 г., когда члены фабрично-заводских комитетов некоторых предприятий занимались поисками топлива и сырья, а порой и новых заказов. Но, как показывает случай на заводе «Вулкан», этой деятельности зачастую не хватало для предотвращения остановки производства.

Заводской комитет машиностроительного завода «Парвиайнен» получил широкую известность в августе благодаря инициативе, спасшей 1630 рабочих мест, намеченных к сокращению из-за 40%-ой нехватки топлива, как утверждала администрация. Заводской комитет, поддержанный Центральным Советом фабзавкомов, создал комиссию для проведения расследования, выяснившую, что завод крайне нерационально расходовал топливо и его можно было экономить до 30% без ущерба для производства. После некоторого сопротивления администрация завода была вынуждена согласиться с выводами комиссии. Заводской комитет, в свою очередь, разработал новые инструкции по экономии топлива для кочегаров, станочников и рабочих других профессий. Об этой деятельности *Рабочий путь* писал: «*Здесь заводской комитет становится уже на путь усовершенствования техники производства. Интересно, что сказал бы бывший министр труда и бывший социал-демократ Скобелев: может ли заводской комитет вырабатывать эти правила топки машин*

в рабочее время... Рабочие творят новую жизнь, а подхалимствующие перед капиталистами министры – и бывшие и сущие – лишь мешают этой творческой деятельности»[1].

На государственном Сестрорецком оружейном заводе в августе закончился запас топлива. Состояние водоснабжения – дополнительного источника энергии также оставляло желать лучшего. С помощью специалистов заводской комитет организовал рытье канала к источнику гидромощности на соседнем участке закрытой картонной фабрики, не обращая внимания на протесты владельца-аристократа. Принятые меры позволили заводу продолжить работу. Газета левых эсеров *Знамя труда* опубликовала об этом статью под заголовком: «*Что стало бы с заводами, если бы не фабрично-заводские комитеты?*»[2]

Важно подчеркнуть, что посягательства фабзавкомов на прерогативы администрации отнюдь не были выражением жажды власти или каких-то анархических настроений рабочих, как иногда утверждают историки[3]. Деятельность фабзавкомов действительно менялась, но главная их мотивация оставалась прежней: поддерживать производство, сохранять рабочие места и тем самым защищать революцию. Рабочий контроль в своей первоначальной концепции «надзора», поразительно напоминавшей двоевластие в политической сфере, исходил из недоверия рабочих к промышленникам, в прошлом большим любителям локаутов. Несмотря на недоверие, эта концепция контроля подразумевала готовность хозяев сотрудничать с фабзавкомами, хотя бы и под давлением рабочих. Иными словами, администрация все еще должна была управлять, но под надзором рабочих, которые могли бы активно вмешаться при обнаружении саботажа или некомпетентности.

Здесь контроль столкнулся с той же проблемой, как и двоевластие в политической области: контролируемые не желали сотрудничать с контролирующими, поскольку их интересы шли

1 *Рабочий путь,* 8 сентября 1917 г.

2 *Знамя труда,* 1 октября 1917 г. См. также: ФЗК. Т. II. С. 68.

3 О такой интерпретации деятельности фабзавкомов см: *Keep J.* Op.cit. Особенно гл. V. Drift Toward Industrial Anarchy; *Avrich P.* The Bolshevik Revolution and Workers' Control in Russian Industry. // Slavic Review, vol. XXII, № . 1, 1973; *Lewin Moshe.* Lenin's Last Struggle.London: Pluto Press, 1975. P. 7–8, 126; *Carr E. H.* The Bolshevik Revolution 1917–23. Penguin, Baltimore, 1966, vol. 2. P. 63–64.

вразрез. Контролируемые были скорее готовы вообще оставить дела, чем работать под контролем рабочих, пусть и «пассивным». Когда рабочие видели, что администрация недобросовестно выполняет свою работу, теряет интерес к ведению производства, у них не оставалось выбора, кроме как пытаться выполнять заброшенные административным аппаратом функции.

«*Нам говорят, что необходимо контролировать, но что же мы будем контролировать, когда теперь же остаются одни только стены, пустые стены*», жаловался делегат с завода «Динамо» на августовской конференции фабзавкомов[1]. На этой конференции левый эсер и член Центрального Совета фабзавкомов В. М. Левин предупреждал: *«Очень может быть, что мы стоим перед забастовкой капиталистов и промышленников; мы должны быть готовы взять предприятия в свои руки, чтобы сделать бессильным голод, на который буржуазия так надеется, как на контрреволюционную силу»*[2].

Стоит отметить, что Левин был очень далек от анархистских настроений. После Октябрьской революции он последовательно выступал против требований рабочих национализировать предприятия, если это не обосновывалось саботажем или бегством администрации.

Не удивительно, что именно в этот период впервые серьезно прозвучало требование полностью отстранить хозяев от управления предприятиями. Рабочие завода «Вулкан», как уже отмечалось, потребовали от государства взять под свой контроль предприятия, на которых наблюдался спад производства. Статья в большевистской газете *Рабочий путь* о саботаже в типографии Сойкина, опубликованная в сентябре, также заканчивалась предложением государственной конфискации тех предприятий, на которых были замечены случаи саботажа или которые были закрыты владельцами. В случае с типографией Сойкина расследование установило, что хозяин не производил ремонт оборудования, не заменял изношенных деталей, но тихо распродавал станки по частям спекулянтам[3]. Оба подразделения профсоюза металлистов в Колпино и Обуховском районе рекомендовали про-

1 ФЗК. Т. I. С. 211.
2 Там же. С. 250.
3 *Рабочий путь,* 20 сентября 1917 г.

фсоюзам самим взять на себя предприятия, «*как единственную радикальную меру борьбы*»[1]. Профсоюз текстильщиков также поднял вопрос о возможности конфискации или национализации предприятий[2].

Однако такие голоса раздавались еще редко. Требование национализации еще не звучало широко. Деятельность фабзавкомов сосредотачивалась на контроле, хотя смысл понятия расширялся. Не трудно понять, что по логике борьбы за сохранение предприятий первоначальный «пассивный» контроль, все активнее вторгавшийся в сферу администрации, означал всего несколько шагов до полного принятия на себя ответственности за управление предприятием.

• *Фабрично-заводские комитеты под давлением «снизу»*

Докладывая 16 октября на заседании ЦК большевиков о фабзавкомах, Скрыпник отмечал, что «*повсюду замечается тяга к практическим результатам; резолюции уже не удовлетворяют. Чувствуется, что руководители не вполне выражают настроение масс; первые – более консервативны; замечается рост влияния анархо-синдикалистов, особенно в Нарвском и Московском районах*»[3]. Конфликты на заводах «Вулкан» и Путиловском являются примерами давления рядовых рабочих на фабзавкомы, как и критика рабочих завода Лебедева осторожной позиции Центрального Совета фабзавкомов по отношению к эвакуации. В докладе этого времени директор Адмиралтейского судостроительного завода отмечал, что «*наблюдается под давлением рабочих отклонение комитетов от прямой и плодотворной их деятельности в сторону предварительного контроля над администрацией, иными словами – в сторону управления заводом*»[4].

Фабрично-заводские комитеты далеко не всегда приветствовали это давление «снизу» в сторону непосредственного

1 Док. авг. С. 219.
2 *Перазич В.* Указ. соч. С. 80; *Сукновалов А. Е., Фоменков И. Н.* Указ. соч. С. 105.
3 Док. окт. С. 53.
4 *Степанов И.* Указ.соч. С. 134.

вторжения в сферу управления. Зато анархисты были сторонниками «прямого действия» и захвата предприятий рабочими. Причиной этого давления было разочарование рабочих в ограниченном успехе движения за рабочий контроль, которому не удавалось остановить кризис. Это движение сыграло ключевую роль в победе Октябрьской революции, поскольку оно предотвращало массовую безработицу, которая распылила бы и деморализовала рабочих столицы – авангард революции. Но несмотря на популярность лозунга рабочего контроля и энергичную деятельность фабзавкомов, эффективный контроль в форме доступа к документации и систематического надзора за деятельностью администрации чаще всего оставался вне их досягаемости. В вышеупомянутом докладе комитета Путиловского завода это недовольство ярко выражено: «*Дело, которое могло быть закончено в час, тянулось целый месяц только потому, что «хозяева» захотели до конца проявить свою самодержавную тенденцию и не желали войти по этому вопросу в должный контакт с контролирующей рабочей организацией*».

Фабзавкомовцы не скрывали разочарования результатами своих усилий. 26 сентября во время обсуждения предстоящего сокращения 5 тысяч рабочих Путиловского завода в связи с нехваткой топлива Н. Н. Глебов говорил товарищам по заводскому комитету: «*Администрация опустила руки и брать на себя расчет едва ли будет, и, по всей вероятности, нам самим придется взяться за это грязное дело: виноваты, конечно, в этом представители верхов, кои до сего времени не допускали нас близко к контролю*»[1].

Другой член заводского комитета М. А. Войцеховский к этому добавил: «*Мы должны добиться и того, чтобы нам было дано право контроля, и не пора ли положить конец хождению нашему по мастерским завода?*»[2]

Фабзавкомам не раз удавалось предотвращать сокращения или полное закрытие предприятий. Но это были лишь сдерживающие действия. Все понимали, что надвигается крушение промышленности, и необходимы систематические меры. «*На первой конференции мы ожидали, что приветствовать вторую нам*

1 Путиловцы в трех революциях. С. 388.
2 Там же. С. 390.

придется среди блестящих успехов», сетовал Е. Н. Сурков, делегат от Путиловского завода на второй конференции в августе 1917 г. «*Но революционная волна остановилась, те, кому это выгодно, сумели этим воспользоваться, и в результате наша деятельность в значительной степени парализована. Нам говорят, что фабрично-заводские комитеты потеряли свой авторитет [у администраций и властей]*»[1]. Два месяца спустя на четвертой конференции делегат от Шлиссельбургского порохового завода И. П. Жук все еще боролся с этим разочарованием: «*Многие скептически относятся к наступающей [Всероссийской] конференции фабзавкомов, но рабочие не могут принять такое отношение... Конференция должна нам дать не расплывчатые резолюции, а конкретные ответы на все кардинальные вопросы, возникающие в связи с беспрецедентной анархией, которая охватила всю промышленность. Конференция должна решить вопрос о заводах, которые закрываются и на которых обнаруживается явный саботаж... Мы должны провести это не на словах, а на деле*»[2].

На частных предприятиях эффективный контроль в его первоначальной форме «пассивного» надзора чаще всего оказывался недоступным из-за ожесточенного сопротивления хозяев. На государственных заводах дела шли лучше[3]. В этой ситуации не трудно понять, почему рядовые рабочие настаивали на более смелых действиях. Но в существующих условиях фабзавкомы и их Центральный Совет не хотели брать на себя ответственность за управление предприятиями. Конференция представителей рабочих организаций Петрограда в октябре обсуждала предложения от руководства ряда предприятий делегировать рабочих представителей в администрацию. Делегаты оценили эти предложения как попытку переложить вину за плачевное состояние предприятий на фабзавкомы и отклонили их[4]. Аналогичное решение приняли конференция заводов Морского министерства и Всероссийская конференция заводов Артиллерийского управ-

1 ФЗК. Т. I. С. 188.
2 ФЗК. Т. II. С. 120.
3 Первая всероссийская тарифная конференция союза рабочих металлистов, протоколы. Петроград, 1918. С. 4.
4 ФЗК. Т. II. С. 177.

ления. В резолюции последней говорилось: «*Обсудив вопрос о контроле заводскими комитетами хозяйственной, технической и административной частей производства и считая, что ответственность за производство лежит исключительно на администрации заводов, конференция признает за заводскими комитетами право контроля, для чего заводской комитет в лице контрольной комиссии имеет право присутствовать на всех заседаниях правления и требовать исчерпывающие объяснения на вопросы и получать таковые*»[1].

Это был контроль еще в его первоначальном смысле.

Примерно в это же время комитет Путиловского завода с одобрения рабочих отклонил предложение Пальчинского сформировать постоянно действующее совещание из представителей рабочих и администрации «для урегулирования всей работы завода». Было решено, что фабзавкому можно участвовать в этом совещании исключительно в целях контроля, отвергая любую ответственность за управление заводом[2].

Эта позиция имела под собой несколько взаимосвязанных соображений. Отчасти она выражала нежелание комитетов брать на себя ответственность за выполнение функций, с которыми они бы не справились, особенно в сложившейся крайне сложной экономической обстановке. Непосредственная ответственность за управление производством должна была оставаться в руках администрации, заводской комитет мог вмешаться, лишь когда не оставалось иного выхода. В резолюции по поводу предложения Пальчинского говорилось:

«*Обсудив вопрос об участии в учреждениях, регулирующих всю жизнь Путиловского завода, и учитывая, что настоящее положение завода в силу разных причин нужно признать катастрофическим и что перестройка управления заводом и регулирование его производства дело чрезвычайно трудное и требующее времени, объединенное совещание заводского комитета, Петергофского районного Совета рабочих и солдатских депутатов в присутствии представителя центра фабрично-заводских комитетов, постановило:*

1 Док. окт. С. 127. См. также с. 116–117.
2 Раб. кон. С. 205; Путиловцы в трех революциях. С. 386–391.

1. Ответственность за правильный ход работ на заводе в ближайшее время взять рабочим на себя невозможно.

2. Войти представителям рабочих в создающийся совет с целью активного участия в контроле и регулировании всей производственной жизни завода и противодействия всяким попыткам, тормозящим правильный ход заводской жизни, главным образом со стороны внешних сил»[1].

Осознание трудностей, связанных с управлением заводами, являлось, таким образом, сдерживающим фактором для фабзавкомов. Но рядовые рабочие, далекие от этих сложностей, зачастую реагировали на возникавшие проблемы с меньшей осмотрительностью. В конце сентября на текстильной фабрике Петрова возникла ситуация, похожая на ту, что ранее разыгралась на заводе «Вулкан». Хозяева, ссылаясь на циркуляры Скобелева, отказались оплачивать фабричным делегатам время, проведенное не за станком. После неудачной попытки решить вопрос мирным путем 30 сентября рабочие пригласили представителей администрации на свое общее собрание и потребовали от администрации формального признания завкома, депутатов Совета и рабочей милиции, охранявшей фабрику. Но директор не уступал и «в резкой форме» отстаивал свою позицию. По словам одного из рабочих, в этом случае толпа пригрозила вывезти сотрудников администрации на тачках. Но управленцы не сдавались. Один из них заявил, что покидает свою должность и попросил рабочих его не трогать. После этого рабочие, обеспокоенные перспективой потерять всю администрацию фабрики, разошлись[2].

Такого рода угрозы со стороны администрации могли быть вполне реальными. Были случаи, когда рабочие принимали вызов. Например, 19 октября общее собрание рабочих машиностроительного завода «Айваз» постановило уволить инженера Абратанского за агрессивное поведение по отношению к рабочим. Но Абратанский отказался признать это решение и в ходе ссоры ударил рабочего. Тогда группа разъяренных рабочих избила его и вывезла за ворота завода на тачке. В ответ остальные инженеры объявили забастовку. Мастера и служащие были солидарны с рабочими. Заводской комитет, хотя и осудил насилие со стороны рабочих, расценил

1 Там же.

2 *Знамя труда,* 4 октября 1917 г.

забастовку инженеров как саботаж и решил, что производство будет продолжаться под его контролем. Для этого он запросил помощь у профсоюза металлистов и заодно поднял вопрос о передаче завода в руки государства. На следующий день общее собрание рабочих завода обсудило произошедшее и также осудило насилие со стороны рабочих, но одновременно утвердило решение фабзавкома продолжать работу под его руководством. В резолюции собрания подчеркивалось, что это решение требует со стороны рабочих строжайшего соблюдения трудовой дисциплины, добросовестности и «*решительной борьбы с явлениями, дезорганизующими нашу среду и позорящими имя сознательного рабочего*»[1].

Обеспокоенность отсутствием необходимых знаний для решения технических и экономических проблем, стоявших перед предприятиями, была не единственной причиной отказа фабзавкомов от ответственности за управление производственным процессом. Многие понимали, что «итальянская забастовка» хозяев рано или поздно не оставит выбора, кроме как взять на себя эту ответственность. Но они опасались, что при коалиционном правительстве и отсутствии рабочего контроля в общегосударственном масштабе они не будут в состоянии решать проблемы предприятий, что администрация будет использовать комитеты в качестве ширмы для отвлечения от себя гнева рабочих.

Это беспокойство было ясно выражено, когда заводской комитет Путиловского завода обсуждал предложение Пальчинского об участии в совместной комиссии рабочих и представителей администрации. Пальчинский предлагал фабзавкому лишь пять мест и отказывался допустить к участию представителей других рабочих организаций, как, например, Центральный Совет фабзавкомов. Завкомовец Н. С. Григорьев высказался о предложении: «*Предприниматель в настоящее время изыскивает все пути, чтобы рабочие сами себя стегали кнутом. Мы без функции действительного фактического контроля в этот орган идти не должны. Когда оказалось, что правительство без нас обойтись не может [завод был секвестрирован в 1915 г.] и что ему туго, тогда оно пришло за помощью к нам, но мы тогда окажем ему помощь, когда оно даст гарантию о том, что мы являемся*

1 Док. окт. С. 132, 928.

истинными контролерами, а иначе идти мы не должны, и на эту удочку, которую они забросили, мы попасться не должны»[1].

Подобное мнение звучало и на Всероссийской конференции фабзавкомов в середине октября 1917 г. при обсуждении предложения, чтобы фабрично-заводские комитеты делегировали по одному члену в каждый отдел администрации предприятий. Это давало бы им совещательный голос и позволяло бы проверять, соблюдает ли администрация общий план, разработанный центральным экономическим органом, в котором представители рабочих составляли бы уже большинство. Член Центрального Совета фабзавкомов Петрограда В.Я. Чубарь решительно выступал против этого предложения. Он считал формулировку крайне неудачной, «*так как она навязывает рабочим роль каких-то адъютантов при генералах*». При этом он сослался на недавнее решение Конференции заводов Артиллерийского управления, которая отклонила представительство рабочих в администрации: «*Члены заводских комитетов могут превратиться в толкачей, которых администрация использует для подсобной работы, оставаясь сама вне активной деятельности. В практике казенных заводов такие явления уже наблюдались. Кроме того, при вхождении рабочих в заводоуправление, хотя бы с правом совещательного голоса, в критический момент (а он теперь постоянно возможен), рабочая масса обратит свое недовольство на заводской комитет, обвиняя его в том, что не было предпринято шагов для предотвращения всех заминок в производстве. Таким образом, вхождение членов заводского комитета в заводоуправление будет сеять рознь в среде самих рабочих*»[2].

Чубарь предложил контроль, осуществляемый через контрольную комиссию фабзавкомов, но полностью отделенную от администрации. Другой член Центрального Совета фабзавкомов Петрограда Н.К. Антипов добавил к этому: «*За последнее время в Петрограде замечается, что предприниматели сами стараются затянуть заводские комитеты в правление, чтобы потом свалить ответственность за всякие недостатки на представителей рабочих. Такое натравливание малосознательных масс на заводские комитеты может иметь успех,*

1 Путиловцы в трех революциях. С. 389.
2 ФЗК. Т. II. С. 174–175.

и в некоторых случаях даже замечалось уже обострение отношений между рабочей массой и ее избранными органами.

Недавно в Петрограде было собрание всех представителей рабочих организаций, которое обсуждало вопрос о вхождении рабочих в заводоуправления и решило его отрицательно»[1].

Конференция проголосовала подавляющим большинством (за – 83 голоса, против – 4) за то, чтобы контрольные комиссии действовали отдельно от администрации[2].

Имелось еще и «идеологическое» соображение в отказе фабзавкомов от ответственности за управление предприятиями: участвуя в управлении капиталистическими предприятиями, они бы принимали участие в эксплуатации рабочих, даже если их побуждением было сохранение рабочих мест. На первой Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов в конце мая В. И. Ленин упрекнул их в том, что они ведут себя как «мальчики на побегушках» у капиталистов, ища для них топливо и заказы[3]. Делегат от завода Новый Арсенал возражал ему, что у рабочих нет выбора, если они не хотят оказаться на улице. «*Заводским комитетам приходилось доставлять для работы сырые материалы. Это не "побегушки" Если бы мы не поддерживали таким образом фабрики и заводы, неизвестно, что было бы*». Ленин, конечно, не был противником рабочего контроля. Он хотел объяснить фабзавкомовцам, что лишь в том случае, когда власть сосредоточится в руках Советов и рабочий контроль будет организован в общегосударственном масштабе, фабзавкомы будут уверены, что их усилия идут на пользу рабочих, а не против них в пользу капиталистов.

Похожая критика звучала и со стороны некоторых профсоюзных лидеров. Профсоюзный деятель большевик Д. Б. Рязанов заявил на Всероссийской конференции фабзавкомов: «*На профессиональном движении нет пятна предпринимателя, а несчастье комитетов, что они как бы составная часть администрации. Профсоюз сразу ставит себя против капитала, а член заводского комитета невольно превращается в агента предпринимателя*»[4].

1 ФЗК. Т. II. С. 177.
2 Там же. С. 186.
3 Там же. Т. I. С. 92.
4 Там же. Т. II. С. 192.

Один из лидеров петроградского профсоюза металлистов А. К. Гастев отмечал «*трогательную солидарность [фабзавкомов] с администрацией*». Из провинции фабзавкомы направляют представителей в Петроград, которые хвалят предприятия перед властью в поддержку ходатайства хозяина о государственных субсидиях и заказах. Такое сотрудничество с хозяевами вынудило профсоюз принять меры, ограничивавшие эту самодеятельность комитетов и направившие их деятельность в более приемлемое русло[1].

Но критика этих профсоюзных лидеров исходила из других соображений, нежели упреки Ленина в адрес фабзавкомов. Они боялись конкуренции фабзавкомов и считали, что те узурпируют функции профсоюзов. Они обвиняли фабзавкомы в анархизме, в заботе лишь об узких интересах собственного предприятия. Но такие упреки в адрес фабрично-заводских комитетов по большей части были несправедливы. Нелюбовь профсоюзных лидеров к фабзавкомам имела более глубокие корни. Это были в своем большинстве умеренные большевики и меньшевики, опасавшиеся, что деятельность фабзавкомов выйдет за пределы буржуазно-демократической революции, в то время как Россия к социализму совсем не готова.

Хотя сами жизненные обстоятельства вынуждали активистов фабзавкомов выходить за рамки контроля в его первоначальном понимании «пассивного» надзора, они были крайне чувствительны к обвинениям в участии в эксплуатации рабочих, ибо они били по одной из основных ценностей «сознательных рабочих» – классовой обособленности от эксплуататоров[2].

• *Борьба за производство и вопрос о государственной власти*

Поиск решений, как на практическом, так и на «идеологическом» уровнях, подводил фабазвкомовцев непосредственно к вопросу о власти. На Четвертой Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов в середине октября 1917 г. Скрыпник резко критиковал делегатов, выразивших разочарование в ограниченных

1 Первая всесоюзная тарифная конференция союза рабочих-металлистов. С. 7.
2 См. гл. 2.

результатах деятельности комитетов: «*Они очевидно обольщали себя иллюзиями. Но наши конференции сразу говорили, что при власти буржуазии мы не сумеем провести последовательный контроль. Будущий центр окажется в таких же условиях, и говорить о контрольной палате при буржуазной власти невозможно. А поэтому рабочий класс не может пройти мимо власти, как рекомендует тов. Ренев [анархист]*»[1].

Делегат от Путиловского завода Е. И. Егоров поддержал его: «*Мы слишком хорошо знакомы с заводской жизнью, чтобы отрицать необходимость конференции. Мы знаем, как часто заводские комитеты оказываются бессильными, зная, каким образом можно предотвратить приостановку работ на заводах, но не имея возможности вмешаться. Конференция может дать ценные указания. Но не надо обманываться, будто конференция может нас вывести из тупика. И частные, и правительственные правления саботируют производство, ссылаясь на Общество фабрикантов и заводчиков, они еще сильны. И конференция в первую очередь должна указать на те препятствия, которые мешают людям дела спасать страну. Препятствия эти ставятся нам буржуазной властью. Только реорганизация власти даст нам возможность широко развить свою деятельность*»[2].

Следует напомнить, что Первая конференция фабрично-заводских комитетов в конце мая была первым крупным собранием представителей петроградских рабочих, где прозвучал призыв к власти Советов. Эта позиция была продиктована самой деятельностью фабзавкомов. Зато позиция анархистов, призывавшая рабочих взять на себя управление предприятиями, но обходящая молчанием вопрос о власти, не нашла особого отклика у делегатов. На августовской конференции фабрично-заводских комитетов анархист В. М. Волин предложил поправку к резолюции о рабочем контроле: снять упоминание о передаче власти в руки пролетариата. На это большевик В. П. Милютин ответил: «*Я решительно не согласен с этой поправкой, потому что это значит вычеркнуть из нашей резолюции ее суть. Мы не анархисты, и мы признаем, что необходим государственный аппарат*

1 ФЗК. Т. II. С. 123.
2 Там же. С. 122.

и его нужно больше развить, а из резолюции ее ни в коем случае выбросить нельзя». Поправка была отклонена подавляющим большинством голосов[1].

Анархисты не пользовались поддержкой фабзавкомовцев, но среди рядовых рабочих некоторых районов столицы их влияние выросло в последние недели перед Октябрьской революцией[2]. Рабочий Путиловского завода С.М. Гессен, выступая 15 октября на заседании Петербургского комитета большевиков, заметил, что в Нарвском районе, «*где наше влияние велико, настроение бодрое, выжидательное. В отсталых массах равнодушие к политике. Но упадка авторитета нашей партии нет. Самодеятельность масс падает*». Другой путиловец М.С. Горелик добавлял: «*Надо заметить, что на Путиловском заводе энергично работают анархисты, так что рабочую массу трудно удержать в организованных рамках*». В Рождественском районе «*Настроение выжидательное... Настроение пало в связи с расчетами из-за эвакуации заводов. Заметно усилилось влияние анархистов*»[3].

Приверженность анархистов к «прямому действию» становилась привлекательной, в первую очередь для малоквалифицированных рабочих, разочаровавшихся в политической борьбе, не давшей ощутимых результатов. Несмотря на рост влияния анархистов в этой среде, большевики сохраняли свои позиции во главе почти всех политических и экономических организаций рабочих.

Хотя напряженность на предприятиях росла, случаи их захвата рабочими были крайне редки. Когда же они имели место, это была реакция на закрытие предприятия или на побег администрации. На заводе «Респиратор» рабочие удерживали группу управленцев в течение нескольких часов. Обстоятельства конфликта не совсем ясны, но известно, что рабочие требовали отмены какого-то приказа от 31 августа, возможно, связанного с циркулярами Скобелева. В ответ на этот «арест» группа задержанных подала в отставку. Тогда рабочие решили продолжить производство самостоятельно, обратившись в правительство с просьбой назначить нейтрального комиссара в качестве официального

1 ФЗК. Т. I. С. 216.
2 Док. окт. С. 52.
3 Петербургский комитет. С. 505–506.

представителя завода для получения сырья от заводов-поставщиков, простаивавших без дел. Кроме этого, они потребовали суда над администраторами за «дезертирство тыла», поскольку завод производил продукцию для нужд армии[1]. Для такого рода захватов типичным было требование национализации предприятия, что, несомненно, было далеко от анархизма.

Рабочий контроль, таким образом, был прежде всего практическим ответом на конкретные проблемы, с которыми сталкивались рабочие. Даже на государственных предприятиях, где право на контроль было заявлено рабочими с первых дней Февральской революции и где удалось его ввести, фабзавкомы признавали власть администрации. 3 октября совместное заседание фабрично-заводского комитета и цеховых комитетов Ижорского завода приняло резолюцию о том, что комитеты должны сотрудничать с директором, и что рабочие обязаны неуклонно выполнять распоряжения мастеров и старших рабочих. При возникновении сомнений в уместности распоряжения рабочий должен был немедленно уведомить об этом цеховой комитет, но самовольно не отказываться выполнить его или препятствовать его выполнению[2].

Правила, принятые 28 августа для регулирования отношений между рабочими и администрацией на государственном Орудийном заводе, утверждали право фабзавкома на контроль, но лишь в форме надзора. Назначение высших управленческих кадров оставалось прерогативой администрации. Правила далее указывали: «*Каждый мастеровой и рабочий обязан исполнять законные требования лиц административных, непосредственно соприкасающихся с ним и поставленных для надзора и порядка руководства производством в области технической и административно-хозяйственной по мастерским и цехам, профессиям, и.т.д., соблюдая при этом вежливое обращение...*

Мастеровой или рабочий в случае несогласия с представителями администрации и не пришедший к соглашению по тем или иным вопросам, передает конфликтный вопрос на решение цехового комитета, который разбирает его. В крайних случаях

1 Док. сент. С. 284–285; Раб. кон. С. 171–172, 176.

2 *Степанов И.* Указ. соч. С. 130.

местный комитет передает вопрос на решение центрального заводского комитета или примирительной палаты»[1].

Таким образом, признавался авторитет администрации, но признавалось и право контроля за ней со стороны представителей рабочих. Как уже отмечалось, такой контроль удавалось установить чаще на государственных, нежели на частных предприятиях, где администрация ему сопротивлялась. Это было своего рода двоевластие на предприятиях. Но, как и в политической сфере, на производстве такой порядок всегда бывает весьма неустойчивым.

• *Тишина на фронте заработной платы*

Осознание рабочими, что лишь власть трудящихся классов может спасти страну от экономического краха, и их тревога за судьбу предприятий объясняют то удивительное спокойствие, которое царило в столице в области заработной платы. В это время вся Россия переживала массовую волну экономических забастовок беспрецедентных масштабов[2]. Резолюция, принятая 10 сентября 1917 г. конференцией фабзавкомов Петрограда, предостерегала рабочих «*от разрозненных и преждевременных выступлений, могущих лишь быть использованными контрреволюцией; наоборот, необходимо сосредоточить все силы рабочих на организационной работе для предстоящего разрешения вопросов,*

1 ФЗК. Т. II. С. 67–68.

2 *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазная Россия в 1917. С. 239; 1,1 миллиона рабочих России приняли участие в стачках в сентябре и 1,2 миллиона – в октябре. – *Лисецкий А. М.* Стачечная борьба пролетариата России в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Докт. дис. Кишинев, 1968. С. 42; Цит. по: *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 г. С. 436. В стачечной волне января–февраля 1917 г. участвовали «лишь» 700 тыс. чел. – *Трукань А.* Указ.соч. С. 217. Гапоненко Л. С. приводит следующие совокупные данные о забастовках в марте–сентябре 1917 г:

Число экономических забастовок	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
	27	42	78	76	73	109	117

Наблюдалась и тенденция к общеотраслевым забастовкам по регионам. – *Гапоненко Л. С.* Указ. соч. С. 386.

определяющих и вызывающих разгрузку и эвакуацию, вопросов строения государственной власти и скорейшего окончания более чем трехлетней мировой войны»[1].

Рабочие вняли этому призыву. В период с августа до Октябрьской революции прошли лишь две крупные забастовки: с 24 по 27 сентября бастовало 7 тыс. рабочих железнодорожных мастерских (в рамках общенациональной забастовки железнодорожников) и с 16 по 28 октября – 25 тыс. деревообделочников. Кроме этого, состоялось несколько мелких забастовок, в том числе с 12 по 22 августа бастовали рабочие 21 типографии и с 21 сентября по 4 октября 2500 рабочих целлюлозно-бумажной промышленности. Таким образом, за трехмесячный период, предшествовавший Октябрьской революции, из 417 тыс. промышленных рабочих Петрограда участвовали в забастовках не более 10%[2]. Зато в Центральном промышленном районе из 1030 тыс. рабочих только в общеотраслевых экономических забастовках участвовало более 40% всех рабочих этого обширного региона (почти 50%, если включить и более мелкие забастовки). Среди этих бастующих были 110 тыс. кожевников, 300 тыс. текстильщиков и 15 тыс. рабочих резиновых фабрик плюс рабочие железнодорожных мастерских и отдельных металлообрабатывающих заводов[3].

Оснований для забастовок в Петрограде вполне хватало. Между началом переговоров в металлообрабатывающей отрасли в конце июня и заключением коллективного договора в середине августа профсоюз металлистов участвовал в решении конфликтов на 180 заводах, грозивших вылиться в забастовки[4]. 1 июля на собрании центральных и районных правлений этого профсоюза большевики выступили против отраслевой забастовки в пользу компромисса по зарплате. Они объясняли, что требование

1 ФЗК. Т. II. С. 36.

2 Официальной статистики забастовок за 1917 г. не существует, так как после Февральской революции Фабричная инспекция перестала работать, и Министерство труда публиковало лишь совокупные данные. Цифра 10%, вероятно, преувеличивает долю забастовщиков в промышленности. Она основана на сообщениях прессы и на опубликованных архивных материалах.

3 *Трукань А.* Указ. соч. С. 203–217; *Николаев П. А.* Рабочие металлисты Центрального промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1960. С. 96–99.

4 *Степанов И.* Указ. соч. С. 80.

передачи власти Советам уже заключает в себе экономические требования рабочих, и надо беречь силы для этой главной цели. Эта позиция была поддержана собранием[1].

Примерно через три недели Петроградское общество фабрикантов и заводчиков прервало переговоры, отвергнув требование профсоюза по заработной плате для малоквалифицированных разрядов рабочих. Они также настаивали, чтобы соглашение включало обязательные нормы выработки. В ответ делегаты профсоюзного собрания выдали фабзавкомам мандат на забастовку в качестве крайней меры[2]. Но через несколько дней Совет профсоюза одобрил компромисс по заработной плате, предложенный правительством, и согласился также на введение норм выработки, «*учитывая серьезное экономическое положение страны*». Совет отметил, что в сложившихся условиях инфляции и экономической разрухи только окончание войны, подлинный контроль над производством и переход власти к рабочему классу и его союзникам может спасти рабочих от «*невыносимых условий существования*»[3].

Но это был еще не конец, так как некоторые промышленники и особенно руководители государственных предприятий, не являвшиеся членами Общества, сопротивлялись введению новых ставок. Выяснилось также, что инфляция уже съела большую часть повышения зарплаты[4]. Много споров велось и по поводу классификации рабочих мест. Возникали и отдельные, изолированные забастовки, но остальные рабочие, выражая сочувствие стачечникам, их не поддержали. В конце сентября группа рабочих пушечного цеха Путиловского завода забастовала против введенной классификации. В ответ собрание 5 тыс. рабочих этого производства постановило: «*Призвать вышеупомянутых товарищей немедленно к работе, ибо их забастовка на руку только предпринимателям и расстраивает сомкнутые ряды рабочих-путиловцев... Призывая к работе забастовавших товарищей,*

1 *Степанов И.* Указ. соч. С. 80.
2 *Брук С.* Указ. соч. // Анский А. Указ. соч. С. 127–128.
3 *Степанов И.* Указ. соч. С. 80–81; *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия. С. 233.
4 *Степанов И.* Указ. соч. *С.* 182.

заводской и цеховые комитеты будут стремиться к тому, чтобы их справедливые требования были удовлетворены»[1].

Аналогичным образом 12 октября общее собрание рабочих машиностроительного завода «Парвиайнен» отказалось поддержать 200 бастующих механиков и токарей: «*Мы, рабочие, чувствуем цепкие руки голода. Мы отлично видим, что обнаглевшие фабриканты-капиталисты при всех случаях стараются урвать, что только можно от рабочих, искусственно создают кадры безработных, вызывая на забастовки нежеланием удовлетворить самые насущные требования. Но мы твердо заявляем, что выйдем на улицу тогда, когда найдем это необходимым. Нас не пугает предстоящая близкая борьба, и мы твердо верим, что из нее мы выйдем победителями.*

“Да здравствует власть в руках Советов рабочих и солдатских депутатов!”»[2]

1 Путиловцы в трех революциях. С. 384–385.

2 *Рабочий путь,* 18 октября 1917 г.

ГЛАВА 11
НАКАНУНЕ

16 октября на заседании ЦК партии большевиков один из более умеренных партийных лидеров Г. Е. Зиновьев выступил против подготовки восстания, подчеркивая, что «*настроение на заводах теперь не таково, как было в июне*»[1]. Накануне на закрытом заседании Петербургского комитета большевиков левый большевик и парторг Выборгского района М. И. Лацис докладывал: «*В массах наблюдается серьезная сосредоточенность и работа. В районе помимо районного комитета сорганизовался центр. Организация его произошла снизу. В выступлении организационный аппарат должен быть впереди, масса нас поддержит. Это совсем иначе, чем прежде*»[2]. По крайней мере, по этому вопросу наблюдалось единодушие. В отличие от периода, предшествовавшего Июльским дням, сейчас не следовало ожидать политической инициативы «снизу». Настал черед партии, привыкшей за последнее время к роли огнетушителя, самой зажечь запал, как выразился Лацис.

При оценке настроения рабочих накануне Октябрьского восстания важно отличать вопросы, которые обсуждались тогда в рабочей среде, от тех, которые многие историки определили впоследствии как главные. Главным вопросом, с которым столкнулись рабочие по мере приближения съезда Советов, был вопрос о власти – должны ли Советы взять власть теперь или лучше дождаться созыва Учредительного собрания, выборы в которое были наконец назначены на середину ноября в надежде, что большинство его делегатов решит сформировать правительство, ответственное исключительно перед трудящимися классами. Последний вариант был привлекателен тем, что позволял надеяться на мирный переход власти, не допуская возможной изоляции рабочих. С другой стороны, ждать еще несколько недель до Учредительного собрания означало

1 Док. окт. С. 55. Для иной, чем в этой главе, оценки настроений рабочих накануне Октября см. *Rabinowitch A.* The Bolsheviks. Гл. 12.
2 Петербургский комитет. С. 504.

пассивно терпеть дальнейшее ухудшение экономической и военной ситуаций[1].

По сути, вопрос сводился к следующему: можно ли обойтись без насилия и гражданской войны. Правые большевики, левые эсеры и меньшевики-интернационалисты (оборонцев можно игнорировать, поскольку их влияние на рабочих осталось крайне незначительным) считали, что нет необходимости в насильственном захвате власти Советами. И вряд ли такая попытка могла увенчаться успехом. Она лишь оттолкнула бы потенциальных союзников из лагеря революционной демократии от рабочих, создав почву для гражданской войны. На это левые большевики возражали, что гражданская война в любом случае неизбежна. Она уже идет. Даже если бы Учредительное собрание проголосовало за передачу власти революционной демократии, Керенский не отдал бы ее без боя. К тому же не было гарантии, что Учредительное собрание соберется. Временное правительство три раза откладывало выборы. Не топтание на месте, а решительные действия завоюют поддержку колеблющихся элементов революционной демократии.

Эти вопросы четко обозначились в политической дискуссии на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов в Петрограде за неделю до Октябрьского восстания. Доклад Троцкого о текущем моменте вызвал восторженные отзывы делегатов. Большую часть своей речи он посвятил объяснению, почему гражданская война неизбежна в сложившейся политической обстановке России. Троцкий утверждал, что те, кто сравнивал ситуацию в России с буржуазно-демократической революцией 1789 г. во Франции, были слепы. Франция имела тогда лишь эмбрион пролетариата. В то время, как «*у нас господствуют крайние полюсы… Наш рабочий класс представляет высокий тип организованного революционного класса и далеко превосходит пролетариат*

1 В начале октября немцы заняли архипелаг Моонзунд в Финском заливе. Балтийский флот отступил после упорного сопротивления. Ссылаясь на военную угрозу столице, Временное правительство заявило о намерении переехать в Москву. Под шквал критики левых сил, увидевших в этом очередной шаг, направленный против революционных рабочих столицы, решение было быстро пересмотрено. Но рабочие были убеждены, что правительство собирается разрешить немцам усмирить столицу. – *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VI. С. 218–219, 235–236.

французской революции... С другой стороны стоит организованный капитал. Это определяет высокую классовую рознь. Соглашательство имело бы почву, если бы не были так обострены классовые антагонизмы... Есть два крайних фланга, и если бы сейчас революционные партии устранились от гражданской войны, то правый фланг все равно совершил бы натиск на революцию и все ее завоевания. Дезертирство партии не удержало бы от гражданской войны – она совершилась бы лишь в неорганизованной форме, врассыпную и, стало быть, к наибольшей выгоде для имущих классов. Гражданская война нам навязана экономическим и историческим развитием».

Затем он обратился к угрозе изоляции рабочих и указал на то, что «*между крестьянами и помещиками уже идет гражданская война*». Крестьянские ходоки обращаются в Петроградский Совет с просьбой не позволять правительству отправлять солдат стрелять в восставших крестьян. В то же время солдаты на фронте недвусмысленно призывают Совет взять власть и предотвратить стихийное массовое дезертирство с началом зимы. Буржуазия, со своей стороны, блокировала проведение Учредительного собрания всеми доступными ей средствами. «*Действительно революционные массы, пролетариат, тяготеющая к нему армия и восстающее крестьянство, могут бороться за Учредительное собрание только взятием власти.*

Нельзя искусственно направить историческое развитие по мирному пути. Надо это осознать и открыто сказать себе, что гражданская война неизбежна. Надо только организовать ее в интересах рабочих масс. Это единственный путь сделать ее более бескровной, менее болезненной. Достигнуть этого результата можно не шатаниями и колебаниями, а только упорной и мужественной борьбой за власть. Тогда, возможно, еще остается шанс, что буржуазия отступит. Нельзя допустить деморализации рабочего класса шатаниями»[1].

Выступавший от левых эсеров Камков соглашался, что рабочие, солдаты, крестьяне – все хотели заменить коалиционную власть с имущими классами правительством, состоящим исключительно из трудящихся классов. Вопрос заключался в том, как

1 ФЗК. Т. II. С. 156–159.

это сделать. Возможно ли, допустимо ли осуществить это революционным давлением лишь одного города? Он напомнил делегатам о происшедшем 3–5 июля: «*Мы считаем выступление в данный момент величайшей политической ошибкой. Сейчас условия неблагоприятны для открытого боя с буржуазией. Если бы мы считали, что остается или потерять все, или достойно погибнуть, то по примеру французской коммуны мы бы не отказались вписать эту героическую страницу в историю. Но положение как раз обратное. Все более и более массы объединяются вокруг революционного авангарда. Все более тесно смыкается революционная конница – пролетариат с революционной пехотой, с трудовым крестьянством и конечная победа нам кажется обеспеченной... Власть не ускользнет – некому отнять*». И он закончил: «*Вместо взятия власти съезд Советов, все-таки созванный вопреки саботажу ЦИК*[1]*, должен был обеспечить созыв Учредительного собрания*».

53 делегата конференции проголосовали за следующую резолюцию при 5 голосах против и 9 воздержавшихся: «*Правительство контрреволюционной буржуазии губит страну. Показав и самоосознав свою полную неспособность вести войну, оно затягивает войну с единственной целью удушить революцию. Оно ничего не делает для борьбы с хозяйственной разрухой. Напротив, вся экономическая политика его направлена к увеличению этой разрухи с целью уморить революцию голодом и погрести ее под обломками всеобщей хозяйственной разрухи. Спасение революции и достижение целей, поставленных трудящимися массами для этой революции – в переходе власти в руки Советов рабочих, ролдатских и крестьянских депутатов*»[2].

Эта конференция выразила мнение, преобладающее на предприятиях. 21 октября рабочие Адмиралтейского судостроительного завода собрались для обсуждения текущего политического момента. Рабочий-большевик и депутат Петроградского

1 Даже после того как ЦИК согласился назначить дату нового съезда, он призвал местные Советы не посылать делегатов. В то же время агитация оборонцев усиленно преуменьшала значение Советов для политической жизни России. Орган ЦИК, *Известия*, даже призвали к роспуску Советов как переживших свою функцию. – *Известия,* № 195, 1917 г.

2 ФЗК. Т. II. С. 167.

Совета Пахомов выступил с докладом: «*Мы в настоящее время ни за что не должны поддерживать правительство, которое старается только обманывать народ и губить всеми мерами революцию, по милости которого гибнет армия и революционный флот в неравном бою с германским флотом и стараются сдать петроградских рабочих на выучку германским капиталистам... [Мы должны потребовать] передать эту власть Советам рабочих и солдатских депутатов*».

Перейдя к вопросу о восстании, он заявил: «*Все разговоры о выступлении большевиков идут только для того, чтобы испытать малодушных или для того, чтобы можно было направить на Петроград нового Корнилова для подавления выступивших большевиков. А власть взять нужно*».

Пахомов не призывал рабочих к выступлению, но предлагал им быть готовыми «*умереть с честью или жить с позором. Это означало, что если понадобится выступление, то преступно будет оставаться безучастными*».

С ним спорил рабочий-оборонец Захаренко. Как записано в протоколе, он заявил, что не понимает, «*почему так рискованно действуют крайние левые. Он же предлагает быть осторожным, а если левые говорят о социализме, то пусть укажут, что такое социализм; о мире он сказал, что в окопах ждут мира больше, чем здесь, и если будет до того доведено, то солдаты будут не солдаты, а банды, расстреливающие мирных жителей. О [предполагаемом] выступлении т. Захаренко говорил, как выходили на поединки безоружные толпы против вооруженной армии, которая, безусловно, нас уничтожит. О земле он говорил, что пошла в деревне анархия, а почему не сказал, потому что земля не равносильно расположена в разных местностях нашей России и нельзя давать власть Советам потому, что они являются представителем меньшинства, так как за Советами идет только петроградский пролетариат, а деревня вовсе не считается с Советами*».

Агитация оборонцев, как показывает выступление Захаренко, стремилась подогреть у рабочих опасения изоляции. Но она не могла ничего противопоставить сокрушительной критике большевиков в адрес Временного правительства. Другой рабочий-большевик – Харитонов возражал Захаренко: «*Когда были*

у нас в России в большинстве капиталисты и помещики, которые находятся все время у власти, из под которой теперь большевики предлагают освободиться всему народу и передать эту власть Советам, как избранным народом?»

Он говорил также и о намерении буржуазии сдать Петроград немцам.

После прений была единогласно принята следующая резолюция: «*Мы, рабочие Адмиралтейского судостроительного завода Галерный островок..., выслушав доклад по текущему моменту, заявляем, что правительство Керенского, буржуазии и помещиков является правительством буржуазно-помещичьей диктатуры и гражданской войны и ведет политику предательства революции и обмана народа. Правительство готовится дезертировать из Петрограда в Москву... и, тем самым, вместе с г. Родзянко сдать Петроград немцам. В этой контрреволюционной затее мы видим наглый вызов рабочим и новый заговор против революции, еще более опасный, чем Корнилов.*

Мы заявляем, что все до последнего человека будем бороться за власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ибо только в этом единственный путь к миру, земле и свободе»[1].

Резолюции других предприятий не оставляют сомнения, что между ожиданием Учредительного собрания и немедленным захватом власти Советами рабочие почти единодушно предпочитали второй вариант[2]. Даже рабочие, избравшие своими депутатами левых эсеров, поддерживали позицию большевиков. Левые эсеры на тот момент призывали дождаться Учредительного собрания. Например, рабочие Адмиралтейского завода единогласно проголосовали за большевистскую резолюцию, хотя на недавних заводских выборах левые эсеры получили более четверти голосов[3]. Организации эсеров в Петергофском районе и на Сестрорецком оружейном заводе призывали съезд Советов брать власть

1 ЦГА СПб. Ф. 9391, оп.,1, д. 11, л. 43.

2 Для примера см.: Док. окт. С. 92–135 passim; Док. нак. С. 277, 295, 325; Революция 1917-го года. Т. 4 и 5, passim. Автор настоящей книги нашел лишь одну резолюцию, в кото рой призывалось, чтобы съезд Советов не брал власть, а подготовил Учредительное собрание. Она была принята рабочими Обуховского завода. – *Знамя труда,* 3 октября 1917 г.

3 Док. окт. С. 162.

вопреки партийной линии[1]. Меньшевики-интернационалисты и левые эсеры признавали, что рабочие не хотели больше ждать. «*Наши выступления нам казались обреченными*», вспоминал видный левый эсер С.Д. Мстиславский: «*Правда, на собраниях рабочие и солдаты аплодировали нашим ораторам, но мы чувствовали, что они аплодировали голосу, звуку, а не смыслу слов – они продолжали по-прежнему думать свои думы. И перед этим "свое", какую силу в эти дни могли иметь наши идеи о "системе власти", "приоритете социального", "переходном периоде" и т.п. по сравнению со столь звучными и понятными возбужденным массам боевыми призывами Ленина?*»[2]

За несколько дней до восстания Мстиславский писал в газете *Знамя труда*: «*Конечно, трудно массам, истомленным сознанием "тупика", устоять перед соблазном лозунга, так просто и так радикально, одним взмахом руки решающего все затруднения наши, разруху, "проклятые вопросы". Всем желаниям – один ответ: восстань! Словом, один короткий миг решимости, новый подъем энергии, интенсивный уличный бой – и мы пересечем ту черту, перед которой мы задерживались восемь месяцев*»[3].

Все сомнения о настроении рабочих масс были окончательно рассеяны в «День Петроградского Совета» 22 октября, который отмечал полгода с момента Февральской революции. Петроградский Совет призвал к мирному смотру советских сил в форме массовых собраний. По свидетельству очевидцев, отклик был огромным. «*День превзошел все наши ожидания*», вспоминал солдат-большевик и делегат Петроградского Совета М. Лашевич. В Народном доме собрались 30 тыс. чел. «*Кто побывал на этом собрании, тот никогда его не забудет. Энтузиазм тысяч рабочих и солдат был настолько велик, что достаточно было одного прямого призыва, и вся эта людская громада пошла бы с голыми руками на баррикады, на смерть*»[4].

Сложно судить о том, насколько массы были готовы идти на баррикады, но нет сомнения, что общее отношение

1 *Знамя труда,* 7 октября 1917 г.
2 *Мстиславский С.* Указ.соч. С. 116.
3 *Знамя труда,* 21 октября 1917 г. См. также заявление Мартова в *Искре* от 17 октября 1917 г.
4 *Куделли П. Ф.* Указ. соч. С. 104.

к предстоящему переходу власти было весьма положительным. Большевик Пестовский, выступивший в тот день на двух предприятиях Василеостровского района, вспоминал: «*Мы ясно говорили массе о предстоящем захвате нами власти и, кроме одобрения, ничего не слышали*»[1]. Это подтверждают и очевидцы, выступавшие тогда против восстания. По словам Мстиславского, «*День Петроградского Совета был проведен на многочисленных митингах с огромным подъемом. В Народном доме Троцкий так наэлектризовал своим выступлением толпу, что тысячи рук в едином порыве поднялись на его призыв клясться в верности революции, бороться за нее – до смертного конца*»[2].

Суханов так же вспоминал об этом дне: «*Циклопическое здание Народного дома было битком набито несметной толпой. Она переполняла огромные театральные залы в ожидании митингов. Но были полны и фойе, буфет, коридоры... Настроение трех тысяч с лишним людей, заполнивших зал, было определенно приподнятое... Троцкий немедленно начал разогревать атмосферу – с его искусством и блеском. Помню, он долго и с чрезвычайной силой рисовал трудную (своей простотой) картину окопной страды. Вся суть была в настроении. Политические выводы давно известны...*

Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу. Казалось, толпа запоет сейчас без всякого сговора и указания какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий сформулировал какую-то общую краткую резолюцию или провозгласил какую-то общую формулу, вроде того, что "будем стоять за рабоче-крестьянское дело до последней капли крови".

"Кто – за?.." Тысячная толпа, как один человек, подняла руки. Я видел поднятые руки и горевшие глаза мужчин, женщин, подростков, рабочих, солдат, мужиков и типично мещанских фигур. Были ли они в душевном порыве? Видели ли они сквозь приподнятую завесу уголок какой-то "праведной земли", по которой они томились? Или были они проникнуты сознанием политического момента под влиянием политической агитации социалиста?.. Не спрашивайте! Принимайте так, как было...

1 *Троцкий Л. Д.* Указ.соч. Т. 2, I. С. 108 .
2 *Мстиславский С.* Указ. соч. С. 117.

Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой – всеми силами, любыми жертвами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир!

Несметная толпа держала руки.

По всему Петербургу происходило примерно то же самое. Везде были последние смотры и последние клятвы. Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч людей... Это, собственно, было уже восстание. Дело было уже начато...»[1]

Даже орган меньшевиков-оборонцев, *Рабочая газета,* целые месяцы писавшая о «разочаровании» и «апатии» масс, должна была признать: «*Итак, началось! Большевики дали сигнал к "восстанию". На воскресных митингах массы солдат и рабочих, наэлектризованные "революционными" речами большевистских вождей, клялись "выступить" по первому призыву Петроградского Совета*»[2].

Как соотнести эти оценки настроения рабочих масс с мнением самих большевиков, что настроение масс «не как в июне», что они не рвутся на улицу, как перед Июльскими днями? Это видимое противоречие объясняется различными политическими обстоятельствами до и после Июльских дней. Выступая в Июльские дни, рабочие рассчитывали на мирный переход власти к Советам. Они хотели вынудить ЦИК объявить себя законной властью. Как заметил в апреле народный социалист и член исполкома Петроградского Совета В. Б. Станкевич, все, что требуется для перехода власти, это телефонный звонок от ЦИК[3]. Но после июльских событий никто не сомневался, что переход власти сможет произойти лишь путем вооруженной борьбы. Никто не сомневался, что, если Керенский сочтет, что его власть под угрозой, он прибегнет к силе, которую уже применял после Июльских дней. Съезд Советов не мог получить от него власть мирным путем. Таким образом, вооруженная борьба требовала руководящего центра, планирования и координации. В июле худшее, что ожидало рабочих, было разочарование. В октябре разыгрывались все карты. Неудача могла означать конец революции, утопленной в крови рабочих.

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VII. С. 89–92.
2 *Рабочая газета,* 25 октября 1917 г.
3 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. III. С. 276.

Со своей стороны большевики делали все возможное, чтобы удержать рабочих от самостоятельной инициативы. Они предостерегали рабочих от преждевременных, стихийных выступлений в каждом возможном случае. Петроградский Совет решил, что 22 октября собрания лучше провести в помещениях, а не на улице, поскольку опасался, что мирные демонстрации могли в перспективе вылиться в преждевременные и кровавые столкновения.

Однако положение было более сложным. Большевики действительно были обеспокоены настроениями рабочих. Зачем, иначе, заявлять, что настроение уже «не как в июне»? С одной стороны, рабочие были едины, как никогда, со времени Февральской революции: они желали Советской власти. Но одного желания было недостаточно. Власть надо было брать, а потом защищать. Следовало понимать, что за единодушием 22 октября скрывалось различное отношение к предстоящему переходу власти, что не для всех рабочих был решен вопрос, поставленный последствиями Июльских дней.

Можно выделить, по крайней мере, три различных взгляда рабочих на предстоящее восстание. *Новая жизнь* меньшевиков-интернационалистов уловила это в своем комментарии о большевистской агитации на предприятиях быть готовыми активно выступить в поддержку Советов: «*Настроение масс, насколько можно о нем судить, не отличается определенностью. Некоторая часть, по-видимому, готова выступать. Другая часть не особенно по-боевому настроена и склонна воздержаться от активных действий. Есть, наконец, еще одна группа, у которой отношение к выступлению отрицательное или совершенно пассивное. Каково соотношение между этими тремя группами – трудно сказать. Но активная группа едва ли составляет большинство*»[1].

Колеблющиеся составляли, по-видимому, самую большую группу. Они были сторонниками власти Советов, но помнили последствия Июльских дней и опасались кровопролития. Они выступили бы при условии, что иного выбора не осталось. Отсюда объяснение Троцкого на конференции, что в определенной степени гражданская война неизбежна. Отсюда и общий

1 *Новая жизнь,* 15 октября 1917 г.

оборонительный тон агитации большевиков о необходимости «выступления». 21 октября Суханов был вызван на собрание в Нарвский район. Во дворе Путиловского завода под осенним дождем собралось около 4 тыс. рабочих, слушавших ораторов. Товарищ Суханова, тоже меньшевик-интернационалист, поделился с ним, что толпа не дала ему закончить свое выступление. «Настроение очень крепкое. Активно, конечно, меньшинство, но его достаточно, чтобы сорвать митинг».

«*Я и сам в ожидании очереди видел, что настроение крепкое. Эсеру, правда, совсем неудачному, не дали произнести двух слов подряд. Но несомненно, что действовало меньшинство и притом небольшое: местная большевистская молодежь. Большинство стояло молча с “выжидательным и сосредоточенным” видом. Бородачи недоуменно или сокрушенно покачивали головами…*

Это были те самые путиловцы, которые в количестве 30 тысяч “выступили” 4 июля, чтобы передать власть Советам. Они все без исключения ненавидели и презирали керенщину. Но они помнили, чем кончились июльские дни. Власть Советов – отличное дело. Но выступление?…»

Суханов, который был известен рабочим по своим статьям в *Новой жизни*, осторожно начал с атаки на коалиционное правительство. Но как только он заявил, что в выступлении нет необходимости, началось столпотворение, и ему пришлось закончить.

«*Да, подтверждаю: настроение было условное, двойственное. Большинство было готово “в нерешительности воздержаться”. Но меньшинство, способное составить значительную боевую силу, несомненно, рвалось в бой. Во всяком случае, плод созрел. Ждать еще и еще нет никаких оснований, не говоря о возможности. Настроение лучше не будет, но может понизиться. Зрелый плод надо рвать. При первом успехе вялое настроение перейдет в твердое. Если дело не сорвется на диких сценах бессмысленного кровопролития, то поддержат все*»[1].

Доклады из районов на заседании Петербургского комитета большевиков 15 октября дают аналогичное впечатление о значительной группе колеблющихся. Некоторые ораторы начинали

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VII. С. 87–88.

выступления со слов «настроение чрезвычайно сложное» или «трудно оценить настроение». Делегат от Нарвского района (т.е. Петергофского в партийных кругах) согласился с оценкой Суханова: «*Общая картина – стремления выйти нет. Там, где наше влияние велико, настроение бодрое, выжидательное. В отсталых массах равнодушие к политике. Но упадка нашего влияния нет. Самодеятельность масс падает*». В Петроградском районе: «*Там, где наше влияние сильно, там настроение выжидательное, а где этого нет, там апатия, идет борьба с заводскими комитетами*». Рождественский район: «*Настроение выжидательное. Если будет наступление со стороны контрреволюции, то отпор дадим, но если будет призыв к выступлению, то не думаю, чтобы рабочие выступили. Настроение упало в связи с расчетами из-за эвакуации заводов. Заметно усилилось влияние анархистов*». Василеостровский район: «*Относительно боевой готовки могу сказать, что идет обучение по фабрикам и заводам. Выступать настроения нет*». И, наконец, мнение профсоюзов: «*Нет почти ни одного союза, где бы наше настроение не возросло. Определенного боевого настроения в массах нет. Если будет наступление со стороны контрреволюции, то отпор будет дан, а сама масса в наступление не пойдет. Если Петроградский Совет призовет к выступлению, то массы пойдут за Советом*»[1].

Картина была ясна: рабочие не пойдут в наступление, но в случае нападения они среагируют.

Как отмечалось в некоторых докладах, было трудно оценить отношение рабочих, поскольку большевики не призывали их к наступательным действиям. До заседания ЦК большевиков 16 октября партия еще не приняла решения по организации восстания. Даже после того, как решение было принято, значительная часть членов партии не была, видимо, проинформирована об этом решении. Партийные лидеры еще продолжали говорить о возможном выступлении как о необходимой реакции на вероятное наступление Временного правительства на Советы и на их съезд. Из высших лидеров партии лишь В. И. Ленин в своих письмах, опубликованных в газете *Рабочий путь* 19–21 октября,

1 Петербургский комитет. С. 504–507.

без обиняков призывал к немедленному восстанию[1]. По словам Мстиславского, Ленин говорил «необходимо», Троцкий говорил массам «неизбежно». Оборонительный тон, принятый партийной агитацией по отношению к восстанию, был основан на оценке настроения рабочих. Когда Мстиславский выступал против восстания, он предсказывал, что оно приведет к тому же результату, что июльское выступление: массы будут расстреляны, и это вновь приведет к упадку революционного накала[2].

Вопрос состоял в том – на какую часть рабочего класса столицы можно было рассчитывать в восстании. Левое крыло партии старалось показать, насколько изменилась ситуация за три месяца: все основные Советы поддерживали переход власти; армия была готова к миру почти любой ценой; в деревне шла крестьянская война. «Соглашатели» зависли в воздухе, не имея существенной поддержки в народе. Со своей стороны, правые большевики, меньшевики-интернационалисты и левые эсеры подчеркивали изоляцию рабочих от остальной революционной демократии, двигавшейся влево, но преждевременное восстание могло загнать ее в объятия реакции.

Реагируя на слухи о готовящемся выступлении, *Новая жизнь* предупреждала рабочих, что на этот раз контрреволюция будет еще более кровавой, чем в июле. Это будет повторение Парижской Коммуны. Будет голод. Гражданская война не позволит решить проблемы, стоящие перед революцией[3]. Даже из рабочих и солдат Петрограда лишь небольшая группа горячих голов примет участие в выступлении. В провинции и на фронте поддержка будет еще слабее[4]. Газета *Знамя труда* выступала в том же ключе.

Если меньшевики-интернационалисты и левые эсеры утверждали, что поражение неизбежно, но только, может быть, в результате затяжной гражданской войны, оборонцы и цензовые газеты выражали уверенность, что восстание будет легко подавлено. Некоторые газетные передовицы даже предлагали большевикам попробовать[5]. Эти мрачные прогнозы

1 *Рабочий путь,* 19–21 октября 1917 г.
2 *Знамя труда,* 21 октября 1917 г.
3 *Новая жизнь,* 13 октября 1917 г.
4 Там же, 15 октября 1917 г.
5 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VII. С. 44–46.

сыпали соль на еще открытые раны, оставшиеся от Июльских дней, и подрывали уверенность рабочих в собственных силах. Командир отряда Красной гвардии Петроградского Трубочного завода Соколов, сам отнюдь не из колеблющихся, вспоминал ночь с 23 на 24 октября, когда красногвардейцы, приведенные в боевую готовность, решили ночевать на заводе.

«*Многие, может быть, спали в эту ночь, но пишущему эти строки было не до сна. Различные мысли обуревали в эту ночь, много думалось, много в это время еще не было понятно, которое теперь так понятно. Слишком ярко стояли перед глазами июльские дни, шипение обывательщины колебало уверенность в победе*».

В тот день на заводе проходил смотр красногвардейцев. В числе выступавших перед рабочими был меньшевик, говоривший о несвоевременности выступления. На этот раз рабочие слушали его спокойнее, чем обычно. Воодушевленный необычным вниманием, меньшевик заявил, что рабочие не выступят. На этом его прервали криками «хватит!», и он был вынужден сойти с платформы для выступлений[1].

Суханов также подчеркивал, насколько опыт Июльских дней давил на психику рабочих: «*Именно в эти недели я, больше чем когда-либо, между редакцией, Предпарламентом и Смольным ходил по заводам и выступал перед "массами". У меня сложилось определенное впечатление: настроение было двойственное, условное. Коалиции и существующего положения больше терпеть нельзя, но надо ли выступать и надо ли пройти через восстание – этого твердо не знали... Многие хорошо помнили июльские дни. Как бы опять чего не вышло!..*»[2]

Другим источником колебаний была грозная экономическая ситуация. Наумов, рабочий из Выборгского района, на заседании Петербургского Комитета большевиков 15 октября 1917 г. сообщал: «*Наблюдается недовольство в массах. Настроение удрученное, скрытое негодование в связи с тарифами, с эвакуацией, с увольнениями с заводов. Настроение чрезвычайно сложное*»[3]. В. В. Шмидт в докладе о профсоюзах на заседании

1 *Куделли П. Ф.* Указ. соч. С. 113.
2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VII. С. 36–37.
3 Петербургский комитет. С. 565.

ЦК большевиков 16 октября подчеркнул тот же момент: «*Общее число организованных свыше 500 тысяч. Влияние нашей партии преобладающее... Настроение таково, что активных выступлений ожидать не приходится, особенно ввиду боязни расчетов. До известной степени это является сдерживающим элементом. Ввиду определенных экономических условий можно ожидать в ближайшее время колоссальной безработицы; в связи с этим настроение выжидательное. Все признают, что вне борьбы за власть нет выхода из положения. Требуют всей власти Советам*»[1].

Воздействие надвигающейся экономической катастрофы было двояким: она настоятельно требовала перехода власти Советам и одновременно усугубляла ощущение незащищенности у рабочих, что склоняло к осторожности.

Кроме тех, кто занимал выжидательную позицию, часть рабочих, включавшая многочисленных малоквалифицированных пролетариев и недавно пришлых из деревни, вообще отходила от политической активности, как им казалось, не дававшей конкретных результатов. Они попадали под влияние анархистов, проповедовавших прямые действия на предприятиях. В докладе меньшевистской организации Нарвского района в конце сентября говорилось: «*В рабочей среде понизился интерес к политическим явлениям; начинается нечто похожее на разочарование; массы уже не удовлетворяются большевизмом – заметно усиление влияния максималистов и анархистов. В рабочих массах нет и тени дисциплины*»[2].

А.М. Коллонтай, активная участница женского пролетарского движения, на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов предупреждала: «*Я считала своим долгом заявить здесь о том, что сейчас делается нами среди питерских работниц, как наиболее отсталой и неразвитой части рабочего класса... Необходимо прийти им на помощь. Иначе их пассивность нанесет большой удар нам же, так как они не смогут разобраться в партийных списках [при голосовании в Учредительное собрание...] Бойтесь той индифферентности, которая сейчас в среде работниц имеется, устраивайте*

1 Док. окт. С. 53.

2 *Рабочая газета,* 29 сентября 1917 г.

в городах митинги для работниц... Приложите все усилия, товарищи-мужчины!»[1]

Ситуация на самом деле была очень сложной. В докладах от предприятий и из районов, где раньше эсеры-оборонцы пользовались сильным влиянием и рабочие никогда не были особенно активными, отмечался повышенный интерес к политической жизни и даже «бодрое настроение» в отношении предстоящего перехода власти. Депутат Петербургского комитета большевиков от Московского района, от которого в Июльские дни принимали участие лишь рабочие крупных кожевенных и обувных фабрик, сообщал: «*Настроение на заводах бесшабашное. Массы выйдут по призыву Совета. По призыву нашей партии выйдет мало. Сохранились те органы, которые были созданы в корниловские дни*». О Невском районе, рабочие которого вообще не участвовали в Июльском выступлении: «*Настроение в нашу пользу. Масса начинает настораживаться*». О настроении на Обуховском завода в том же районе: «*Раньше Обуховский завод был опорой оборонцев. Теперь в настроении перелом в нашу пользу. На митинги, организуемые нами, приходит 5–7 тысяч человек... В Красную гвардию записано 200 человек... Завод безусловно выступит по призыву Петроградского Совета*».

Подобная ситуация сложилась и на Капсюльном заводе в Пороховском районе, где «*до корниловских дней... было преобладание меньшевиков и эсеров. Теперь настроение наше... Заводской комитет вполне подготовлен, чтобы в случае призыва к выступлению повести за собой массы*»[2].

Рабочие, не участвовавшие в июльских событиях, не успели разочароваться в политической борьбе. Этим объясняется более решительное настроение рабочих Москвы по сравнению с Петроградом. Резолюции, принятые на собраниях в Москве, говорили о предстоящем выступлении в наступательных терминах, а не как о необходимой защитной реакции на готовящееся наступление контрреволюционных сил, как в Петрограде. В Москве резолюции порой даже не связывали предстоящее выступление с созывом съезда Советов.

1 ФЗК. Т. II. С. 192.
2 Петербургский комитет. С. 504–506.

9 октября совместная конференция московского профсоюза рабочих текстильной промышленности и фабрично-заводских комитетов приняла решение об отраслевой забастовке. По окончании конференции делегаты в полном составе отправились в Московский Совет, где заявили о готовности к борьбе за Советскую власть по первому зову[1]. 15 октября общегородское собрание профсоюза металлистов Москвы, констатировав, что буржуазия стремится задушить революцию путем экономического кризиса и что рабочие должны взять на себя задачу организации экономики в национальном масштабе, объявило: «*Все это вместе взятое ставит перед пролетариатом следующую задачу: путем организованного выступления через Советы захват власти вместе с беднейшими слоями деревни и немедленная творческая работа над организацией производства и распределения продуктов*». Собрание призвало Советы Москвы и Петрограда остановить все забастовки, указом удовлетворить требования бастующих и законодательно закрепить право рабочих на контроль над наймом и увольнением[2].

Подобными были настроения и рядовых рабочих Москвы. 15 октября на собрании профсоюза текстильщиков представитель фабрики Гюбнера доложил, что рабочие фабрики «*не желают вести экономическую забастовку. Но для политических достижений готовы выступить единогласно*». Другой делегат предложил профсоюзу немедленно прервать переговоры с хозяевами и заявил, что при необходимости рабочие должны «*защищать свои права на баррикадах*»[3].

Были и другие причины, объяснявшие разницу в настроениях рабочих Москвы и Петрограда. В Москве большевики говорили с рабочими более откровенно, и на них меньше влияли колебания ЦК партии, который был далеко. Кроме того, события в Москве не имели того значения для страны, как события в столице. В Петрограде, например, решение Совета удовлетворить требования бастующих рабочих в одностороннем порядке было бы уже равносильно восстанию.

1 Док. нак. С. 505, прим. 143.
2 Там же. С. 296.
3 Там же. С. 297–298. См. также: *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VII. С. 69.

В то же время не следует преувеличивать колеблющееся настроение среди питерских рабочих. Значительная часть более квалифицированных рабочих была готова к наступлению. Зиновьев, возможно, и был прав, что «*настроение на заводах теперь не таково, как было в июне*». Но было сильное ядро рабочих, готовых к действию. 15 октября на заседании Петербургского комитета большевиков Лацис докладывал, что в Выборгском районе можно надеяться на поддержку масс[1]. Имея лишь 18% промышленных рабочих Петрограда, Выборгский район располагал одной третью красногвардейцев города[2]. Сообщалось, что в Коломенском районе с тремя крупными судостроительными заводами «настроение лучше, чем до 3–5 июля». Среди латышских рабочих столицы, преимущественно квалифицированных рабочих, эвакуированных из Риги, «*настроение бодрое. По призыву ПК, а не Совета, масса выйдет. В июльские дни наша линия была левая*». У финских рабочих «*такое настроение, что чем скорее, тем лучше*»[3].

Собрания предприятий, где были заняты эти рабочие, даже требовали, чтобы съезд Советов Северной области, состоявшийся 11–12 октября, сам немедленно взял власть, не дожидаясь Всероссийского съезда Советов. 12 октября Коломенский районный Совет постановил: «*Рассмотреть в качестве неотложной задачи непосредственную передачу власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. [Райсовет] считает любые задержки в этом плане наиболее тяжким преступлением против революции и предлагает, чтобы съезд Советов Северного региона претворил этот лозунг в жизнь*»[4].

«Новая жизнь» сообщала, что трое делегатов от этого райсовета прибыли на съезд Советов Северной области с предложением «*не разъезжаясь, взять власть в свои руки*»[5]. 11 октября собра-

---

1 Петербургский комитет. С. 504.

2 *Степанов И.* Указ. соч.. С. 30 и 245. См. также: Док. окт. С. 871, прим. 30.

3 Петербургский комитет. С. 504, 507. В Петрограде в 1917. насчитывалось несколько тысяч финских рабочих. Латыши в основном были эвакуированы с рижских металлообрабатывающих производств.

4 Райсоветы. Т. I. С. 356. Северный регион включал в себя Петроград, Москву, Кронштадт, другие северные города и Балтийский флот

5 *Новая жизнь,* 13 октября 1917 г. См. также: *Новая жизнь,* 3 октября 1917 г. о сходной позиции рабочих Русско-балтийского вагоностроительного завода.

ние рабочих машиностроительного завода «Барановский» в Выборгском районе потребовало от самого Петроградского Совета «*немедленно взять всю полноту власти в свои руки и объявить заговорщиков во главе с Корниловым, Керенским и К° вне закона и арестовать их*»[1]. Следовательно, существовала значительная когорта рабочих, многие из которых уже вскоре после Февраля выдвинули требование Советской власти, которые были готовы к немедленному, решительному выступлению за спасение дела революции.

Члены большевистской партии составляли в этой когорте самую многочисленную группу. За месяц до Октябрьской революции петроградская организация насчитывала 43 тыс. чел., из которых примерно 28 тыс. были рабочие и 6 тыс. – солдаты[2]. Об их отношении к восстанию можно судить по собраниям Петербургского комитета партии в октябре и по Третьей петроградской конференции большевиков 7–11 октября.

Позиция Петербургского комитета претерпела изменения с начала сентября 1917 г., когда сразу после корниловского мятежа большинство посчитало, что ситуация развивалась к мирной передаче власти Советам. Председательствовавший на заседании 5 октября М. И. Калинин отметил, что «характерна резкая линия большинства [видимо – партии], стремящегося к захвату власти». На этом заседании даже ранее сопротивлявшиеся немедленному восстанию признали, что альтернативы ему нет. Но они считали, что еще не настало время, что в данный момент шансы на успех были невелики, поскольку экономический и военный кризисы делали невозможным улучшение положения народных масс. На это Лацис возражал, что «*Они усматривают только второй фактор – разруху, но они забыли контрреволюцию... Мы должны сказать, что если мы упустим момент, то уже не будет [его]. Они [контрреволюционные силы] дела делают, нам надо выбрать момент, когда нам удобно, а не когда им удобно*»[3]. «*Я думал, что мы все здесь революционеры,* – добавил к этому И. А. Рахья, – *но когда слушал тт. Володарского и Лашевича,*

1 *Солдат*, 19 октября 1917 г.
2 *Степанов И.* Указ. соч. С. 46–47. См. также с. 232.
3 Петербургский комитет. С. 490–491.

я заколебался»[1]. В том же духе выступил Харитонов: «*Мнения, высказанные тов. Володарским и тов. Лашевичем, ценны, но в них есть отрицательное: тов. Володарский и тов. Лашевич заразились атмосферой Смольного института*»[2]. ЦК партии располагался в Смольном. Большинство ЦК неоднократно отклоняло призывы Ленина приступить к подготовке восстания. Делегат от Василеостровского района резюмировал позицию большинства ПК в пользу восстания:

«*Мы не можем сказать, что находимся в каком-либо определенном положении. Наша задача – найти линию, по которой мы должны пойти с развернутыми знаменами...*

Мы ведем курс на социалистическую революцию. Я припоминаю мнения Петроградской конференции, где был, что будут еще попытки и даже будут еще поражения. Всю нашу тактику мы строим на энтузиазме рабочих масс. Припоминайте, как мы, опираясь на массы, свергли гнет... Вы на это закрываете глаза... Вы говорите о форсировании событий тов. Лениным. Вы ошибаетесь. Не является нашей целью ни заговор, ни форсирование событий, но, во всяком случае, ничего мы не добились бы пассивностью... Форсирование есть в нашей постановке вопроса, когда мы говорим: надейтесь на 20-е число...

Самая крупная ошибка – не обращать никакого внимания на контрреволюцию. Самое серьезное, что контрреволюция сознательно спровоцирует или же постарается вызвать стихийное движение против нас. Мы здесь сидим и не знаем, идти или не идти в Предпарламент: ведется погромная агитация... Исторически неизбежно сложились события... Наша задача – снова поднять выше знамена и идти в бой, иначе мы будем вызваны в бой, и тогда результат неизвестен»[3].

Резолюция Петроградской конференции большевиков 7–11 октября не оставляла сомнений о позиции большинства членов столичной организации. В заключении резолюции говорилось: «*Все эти обстоятельства ясно говорят о том, что наступил момент последней решительной схватки, долженствующей решить судьбу не только революции российской,*

1 Там же. С. 489
2 Петербургский комитет. С. 486.
3 Там же. С. 488.

но и революции мировой»[1]. Точно такую позицию заняло собрание актива петроградской организации партии, состоявшееся во время съезда Советов Северной области:

«*Продолжение политики "накопления сил" теперь привело бы к разочарованию масс в партии революционного пролетариата и повело бы не только к отказу в дальнейшей поддержке большевиков..., но и к стихийному выступлению масс, притом в условиях исключительной распыленности движения и общей дезорганизации, не только ставящих под вопрос победу движения, но отдающих массы на отчаянную кровавую расправу буржуазной контрреволюции...*

Надежды на съезд Советов не обоснованы постольку, поскольку ждут решения основных задач революции от революционных постановлений (резолюций), а не от борьбы масс.

Надежды на разрешение коренных вопросов Учредительным собранием иллюзорны постольку, поскольку... самый созыв Учредительного собрания стоит под вопросом (атаки со стороны правого крыла коалиции)... [и] даже наиболее левый состав Учредительного собрания не может ничего существенного изменить без прямой и решительной поддержки его со стороны пролетарско-крестьянской революции, оттяжка которой все делается более опасной...

Оборонительная позиция теперь неправильна. [Выявлена] необходимость перехода в наступление для скорейшего искоренения очагов контрреволюции и создания революционной власти»[2].

Таким образом, в то время как ЦК большевиков еще 16 октября обсуждал целесообразность восстания, партийная организация Петрограда уже несколько дней призывала к его немедленному осуществлению. В тезисах для Петроградской партийной конференции Ленин отмечал, что «*к сожалению, в верхах партии заметны шатания, как бы "боязнь" борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и съездами*»[3]. Он обратился к партийным «низам», призывая их оказывать давление на лидеров. Копии своих писем в ЦК, ко-

1 *Рабочий путь*, 14 октября 1917.
2 *Петроградская правда*, 5 ноября 1922 г.
3 *Ленин В. И.* Полн.собр. соч. Т. 34. С. 343.

торые последний хранил в тайне, он разослал в Петербургский комитет, в Выборгский райком и в другие местные организации. Московская партийная организация была того же мнения, как и петроградская. Московская городская партийная конференция 10 октября поручила Московскому комитету партии привести революционные силы в боевую готовность[1]. Рядовые члены партии, конечно, не были свободны от сомнений. Они имели опасения по поводу успеха восстания и осознавали огромные трудности, с которыми столкнется революционное правительство. Но в отличие от партийного руководства опасения не парализовали их волю.

Другой организацией, единогласно поддержавшей курс на восстание, была Красная гвардия. Суханов, неоднократно подчеркивавший нерешительное настроение рабочих масс, вынужден был добавить: «*Это не значит, что большевики не имели возможности составить, вызвать и пустить в бой, сколько требовалось, революционных батальонов. Наоборот, эту возможность они, несомненно, имели. Передовые, активные, готовые к жертве кадры были у них в достаточном количестве. Наиболее надежными были рабочие и их Красная гвардия; затем боевой силой были матросы; хуже других были солдаты гарнизона… Боевого материала было достаточно. Но доброкачественный боевой материал был небольшой частью того, что шло тогда за большевиками. В среднем настроение было крепко большевистское, но довольно вялое и нетвердое применительно к выступлению и восстанию…*

Надежды в большей степени приходилось возлагать на рабочих-красногвардейцев. Но ведь надеяться можно было только на их настроение. Боеспособность же этой армии, никогда не нюхавшей пороха, не видавшей до последних дней ружья, не имевшей понятия о военных операциях и о дисциплине, была более чем сомнительна»[2].

Боевой дух красногвардейцев не удивляет, поскольку членство было добровольным, не давало привилегий, а только риски, казавшиеся тогда высокими. В широком петроградском обществе общим мнением было, что восстание обречено на поражение. Молодой рабочий Путиловского завода и член Красной гвардии

1 Док. нак. С. 68.
2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VII. С. 234–235.

И. Скоринко давал следующую характеристику морали красногвардейцев того периода:

«*Поведение красногвардейцев... было выше критики. Ложь и наглая клевета, что Красная гвардия при обысках поголовно напивалась пьяной и производила грабежи. Этого не было. Ибо тогда пребывание в ее рядах никаких материальных благ не сулило, а наоборот – при усиливающейся реакции грозило серьезными неприятностями. В ее ряды шли лишь сознательные рабочие, преданные душой и телом интересам революции.*

Насколько рабочие фабрик и заводов ценили свою Красную гвардию и оберегали чистоту ее рядов, показывает факт, что в некоторых мастерских Путиловского завода в красногвардейцы рабочие избирались общим собранием. Автор этих строк не без гордости вспоминает, что он являлся одним из делегатов Башенной мастерской в Красную гвардию.

Если же находился какой-либо товарищ, одно пребывание которого в Красной гвардии или же его случайный поступок шокировали всех, он с позором изгонялся из ее рядов. Конечно, я не буду говорить о поведении Красной гвардии впоследствии, когда в ее честные ряды затесалась масса чужого элемента»[1].

Проснувшись утром 23 октября, Скоринко увидел своего отца, только что вернувшегося с заводской смены. Тот сидел на полу и чистил винтовку. На глазах у него были слезы. Мать взрывалась от гнева: «*Отец на старости лет в ветрогоны записался... Сына за это не высечет. И на вот тебе! Винтовку чистит... Убивать, что ли, кого будешь?... На дворе все над тобой смеются*». Не обращая внимания на жену, отец возмущенно сообщил сыну, что Керенский только что запретил большевистскую прессу и угрожает разоружить рабочих.

«*Под плач и причитание матери и под насмешливые взгляды обывателей я и отец, держа на плечах винтовки, направились в штаб, где царило чрезвычайное оживление.*

В штабе под столами, на столах и около мы видели, как масса рабочих, интересы которых раньше ограничивались семьей,

---

1 *Скоринко И.* Указ. соч. С. 137–138. О моральном характере Красной гвардии в этот период см. также: *Георгиевский*. Очерки по истории Красной гвардии. М., 1919. С. 76–77.

сейчас любовно чистили винтовки, еле сдерживаясь от желания идти в центр завоевывать свое рабочее могущество.

Везде шли беседы, но споров здесь не было. Спорить в такие моменты, когда по другой стороне баррикад происходило единение, рабочие инстинктивно полагали опасным. Среди сотни красногвардейцев, где были и эсеры, и меньшевики, была такая общность интересов в этот день, что мой папаша, обняв меня, заметил: "Сегодня я себя чувствую особенным храбрецом. И если у всех так же, то завтра будет советская власть, т.е. наша".

"А если ее через день придется отдать?", шутливо заметил пробегавший ротный.

"Никогда! Но, черт побери, хоть день, да будет наш", потрясая винтовкой, крикнул мой отец, вызывая энтузиазм у присутствующих. "Нам бы только на день, а уж там мы покажем, как бережем свою собственность".

После занятий пришло известие, что в Питер стягиваются юнкера, казаки и урядники, и все, за редкими исключениями, остались ночевать в штабе. Утром 24 октября мы были извещены членом райкома... о ночной попытке буржуазии задержать свое падение арестом среди вождей рабочих. Тут же было прочитано воззвание питерского Совета, где призывалось к революционной выдержке и где предписывалось революционным отрядам быть в полной боевой готовности. При чтении этого воззвания я знал, что в знак своей готовности к борьбе за коммунистическое общество мы, вооруженные рабочие, пойдем на все. Мы тогда были задорны и безумно смелы. Кто теперь в этом сомневается?...»[1]

Историк В. И. Старцев проанализировал 3500 досье петроградских красногвардейцев, составленных в 1930 г. для пенсионных целей. Хотя выборка далека от совершенства[2], она дает приблизительное представление о составе Красной гвардии. Около трех четвертей составляли металлисты-мужчины. Женщины

1 *Скоринко И.* Указ. соч. С. 145–147. См. также: *Песковой И.* Накануне Октябрьского переворота // *Красная летопись*, № 6, 1923. С. 317.

2 Некоторые красногвардейцы умерли к тому времени, другие вступили в Красную гвардию только после Октябрьского восстания; те, кто принадлежал к иным партиям, могли записать себя беспартийными.

служили в основном медиками. 44,3% были членами большевистской партии, как и 69% командиров. Таким образом, участие в Красной гвардии было отнюдь не строго большевистским делом, что подтверждается и воспоминаниями рабочих. 75% красногвардейцев были моложе 31 года; 52,2% были моложе 26 лет, и 26,4% – моложе 21 года. Как обычно, молодежь шла в первых рядах, но были и более пожилые рабочие. И. Песковой, слесарь из Василеостровского района, вспоминал: «*Интересно было смотреть на состав отряда – в нем были молодые рабочие лет до шестнадцати и старые лет пятидесяти. Такая смешанность лет придавала больше бодрости и боевого духа*»[1].

Организатор Красной гвардии в Выборгском районе солдат В. Ф. Малаховский хвалил боевой дух и смелость красногвардейцев, заражавших и солдат, особо не рвавшихся в бой. Но они были плохо обучены с военной точки зрения. Например, при атаке многие не пригибались. Когда солдаты указывали, что так нельзя, они отвечали, что «*сгибаться при перебежках и стрельба лежа – позор для революционеров, показывает...трусость*». Солдатам пришлось объяснять им, что нет чести подставлять лоб врагу[2]. Но если классовая честь и не представляла военного преимущества, она, несомненно, была положительным фактором на политическом уровне. Без нее, без развитого чувства классового и собственного достоинства, едва ли эти рабочие решились бы предпринять такой страшный скачок в неизвестность.

Оценки численности Красной гвардии в Октябре варьируются. На основе архивных и мемуарных материалов Степанов называет цифру в 34 тыс. чел.[3], что подтверждается отчетами из районов в Петербургский комитет большевиков[4]. Но это число не охватывает общее количество рабочих, готовых взяться за оружие, ибо нехватка оружия была серьезной проблемой и источником многих жалоб[5]. Кроме того, как указывал Скоринко, на многих предприятиях рабочие предъявляли серьезные требования к тем, кому они разрешали служить в Красной гвардии.

1 *Песковой И.* Указ.соч. С. 316.
2 *Куделли П. Ф.* Указ.соч. С. 117.
3 *Степанов И.* Указ.соч. С. 245.
4 Петербургский комитет. С. 523–525.
5 Там же. С. 462–465.

Например, на Адмиралтейском судостроительном заводе рабочие приняли «конституцию», согласно которой члены Красной гвардии не могли иметь судимость и должны были быть грамотными и безупречного поведения, не моложе 18 лет и, насколько это возможно, знакомы с военным делом[1].

Таким образом, настроение рабочих накануне Октябрьского восстания было сложным. Почти все остро хотели избавиться от коалиционной власти с имущими классами. Но экономический кризис тяжело действовал на сознание рабочих. Заставляла колебаться и, как тогда казалось, не особенно обнадеживающая перспектива победы восстания. Некоторая часть рабочих, особенно среди неквалифицированных, вкусивших поражение в июле, отходили от политической жизни.

В этих обстоятельствах роль решительного меньшинства, готового взять на себя инициативу, становилась критической. Это меньшинство должно было начать, форсировать события, а остальные бы пошли за ним. Оценка ситуации Сухановым была правильной: «*Все дело было в настроении. Политические выводы уже давно были известны ... С первым успехом вялое настроение станет твердым*». Но без этой инициативы разраставшийся экономический кризис и политическое топтание на месте деморализовали бы рабочих, открывая путь контрреволюции. Роль партии большевиков имела, таким образом, решающее значение в Октябре. В то же время партия не сыграла бы этой роли, если бы она не была демократической, массовой, преимущественно пролетарской организацией.

1 Док. сент. С. 375–376.

ГЛАВА 12
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОНЕЦ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Восстание, начавшееся утром 23 октября, формально было реакцией на репрессивные меры, предпринятые Временным правительством против Петроградского Совета и партии большевиков. Но непосредственным поводом для этих мер был приказ Военно-революционного комитета Петроградского Совета о взятии столичного гарнизона под свое командование. В ночь с 23 на 24 октября правительство закрыло большевистские газеты *Рабочий путь* и *Солдат* за подстрекательство к восстанию, издало приказ об аресте большевиков, занимавшихся антиправительственной агитацией, и возбудило уголовное дело против Военно-революционного комитета. Одновременно Керенский вызвал войска из-за пределов города, поскольку столичный гарнизон полностью перешел в подчинение Совету, расставил юнкеров (курсантов офицерской школы) в стратегических точках города, приказал поднять мосты, связывающие рабочие кварталы с центром, и отправил в море, якобы на учебное плавание, крейсер «Аврора», стоявший на ремонте у Франко-русского завода. Телефонная связь со Смольным, местом расположения Петроградского Совета и ЦК большевиков, была отключена.

Военно-революционный комитет, действуя от имени Петроградского Совета, немедленно среагировал на эти действия, начав с открытия большевистских газет. Ко второй половине дня 25 октября вся столица, за исключением Зимнего дворца, где заседало Временное правительство, была в руках Военно-революционного комитета. В 2:35 часа ночи В. И. Ленин впервые с начала июля выступал на публике. Он обратился к пленарному заседанию Петроградского Совета со следующими словами:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...

...у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии...

...третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма...

...чтобы кончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, – ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал. В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии...

...необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры...

Мы приобретем доверие крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность...

Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством...

Да здравствует всемирная социалистическая революция!»[1]

Слова Ленина были встречены длительной овацией, после чего Совет принял резолюцию в поддержку «рабоче-крестьянской революции»[2].

Меньшевик-интернационалист В. К. Арсеньев, делегат съезда Советов от Крыма, вспоминал это заседание: «*Когда Троцкий сообщил Совету, что “власть перешла народу”, последовал гром аплодисментов. Потом вышли Ленин и Зиновьев. Такой триумф. Особенно врезалась в память речь Троцкого... Это был какой-то расплавленный металл – каждое слово жгло душу... И я видел, как у многих сжимались кулаки, как складывалась определенная решимость бороться до конца*»[3].

Восстание завершилось взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства после осады, продолжавшейся до глубокой ночи. Именно во время осады открылся Второй съезд Советов. Сразу после открытия меньшевики-оборонцы и правые эсеры покинули съезд в знак протеста против восстания, которое, по их утверждению, было организовано «за спиной съезда». Они направились к городской думе, где был сформирован Комитет спасения революции и страны с участием депутатов Думы, членов старого ЦИК, Исполкома крестьянских Советов, представителей двух оборонческих партий, членов предпарламента и представителей некоторых фронтовых

1 *Ленин В. И.* Полн.собр. соч. Т. 35. С. 2–3.

2 *Новая жизнь*, 26 октября 1917 г.

3 *Куделли П. Ф.* Указ. соч. С. 121.

армейских комитетов. Комитет спасения стал центром организованного сопротивления новой власти.

Хотя восстание действительно началось до решения съезда о взятии власти, оправдание оборонцами своего ухода вряд ли заслуживает доверия, поскольку возглавлявшийся ими же старый ЦИК предпринял все, что было в его силах, дабы избежать его созыва, грубо нарушая решение Первого съезда. Когда же дата созыва была установлена, оборонцы тут же отреклись от съезда. 12 октября они демонстративно покинули съезд Советов Северной области не из-за нарушения демократических норм, а в знак протеста против призыва съезда о передаче власти Советам. Поведение оборонцев основывалось не на заботе о демократии, а на их политической позиции: они не могли смириться с решением съезда Советов о взятии власти.

С другой стороны, весьма вероятно, что одним из соображений Ленина, настаивавшего на начале восстания до открытия съезда, было желание поставить делегатов перед свершившимся фактом и таким образом избежать повторения колебаний, против которых он боролся в собственном ЦК. Возможная же реакция оборонцев не только не беспокоила Ленина, но их уход был явно на руку, поскольку он считал, что их участие в новом правительстве только парализовало бы его деятельность.

Военно-стратегические соображения имели первостепенное значение. Все, в том числе и Керенский, знали, что на съезде большевики будут в большинстве и примут решение передать власть Советам. Если бы Временное правительство еще существовало, съезд мог стать для него легкой добычей. В ретроспективе Временное правительство оказалось беспомощным. Но накануне восстания это было далеко не ясным. Самым распространенным мнением в столице было то, что восстание закончится еще более кровавым поражением, чем июльское выступление.

Из 650 делегатов съезда его покинула лишь относительно небольшая группа: около 80 меньшевиков различных оттенков, 60 правых эсеров и группа меньшевиков-интернационалистов вокруг Мартова, из которых за уход проголосовали 14 делегатов против 12. Осталось 390 большевиков, 90 левых эсеров, меньшевики-интернационалисты, сгруппировавшиеся вокруг газеты

Новая жизнь, и еще немногочисленные делегаты, примыкавшие к мелким группам[1].

Съезд вновь собрался на заседание после перерыва вечером 26 октября и принял «Декрет о мире», предлагавший немедленное заключение демократического мира всем воюющим государствам, в то же время призывая пролетариат этих стран к действиям. Был принят «Декрет о земле», уничтожавший частную собственность на землю и передававший ее в исключительное пользование крестьян. Наконец, съезд создал правительство – Совет народных комиссаров (Совнарком), составленный исключительно из большевиков, так как левые эсеры и меньшевики-интернационалисты отказались от участия без оборонцев. Последние, в свою очередь, не желали иметь ничего общего с правительством, куда входили большевики. Съезд завершил свою работу в ночь на 27 октября.

Отношение рабочих к восстанию[2]

Восстание получило почти всеобщее одобрение рабочих. Прежние сомнения и нерешительность коренились не в сопротивлении насильственному захвату власти, а в опасении рабочих, что восстание закончится поражением и кровопролитием. После начала восстания не оставалось сомнений, что подавляющее большинство рабочих его поддержат.

Прежде обратимся к оппозиционным силам, противостоявшим победоносному восстанию и передаче власти Советам. Как и следовало ожидать, главными оппозиционерами в рабочей среде выступали традиционно умеренные печатники. Действия оппозиции приняли форму защиты свободы печати, так как Военно-революционный комитет (ВРК) закрыл несоциалистические газеты столицы. За этими протестами стояло также и отрицание легитимности самого восстания. 27 октября собрание уполномоченных профсоюза работников печатного дела приняло следующую

1 *Chamberlin W. H.* Op. cit, vol. 1. P. 320; *Новая жизнь,* 20 и 26 октября 1917; *Знамя труда,* 27 октября 1917 г.; *Суханов Н. Н*. Указ. соч. Т. VII. С. 216.

2 В этом параграфе мы рассматриваем лишь отношение рабочих к свержению Временного правительства. Вопрос о всесоциалистическом коалиционном правительстве, возникший лишь 27 и 28 октября, будет рассмотрен дальше.

резолюцию 173 голосами против 60: «*Принимая во внимание, что свобода печати является неотъемлемым правом пролетариев и всех граждан, что свобода печати завоевана всем русским народом, что ограничение свободы печати лишает другие партии, в том числе и социалистические, права свободного выражения своих взглядов, что упразднение свободы печати мнимыми представителями рабочего класса расчищает путь для контрреволюции всех оттенков и делает предвыборную агитацию в Учредительное собрание невозможной, собрание уполномоченных поручает правлению отстаивать свободу печати всеми доступными средствами, вплоть до всеобщей забастовки*»[1].

Резолюции с отказом признать «большевистское правительство» были приняты рабочими Экспедиции заготовления государственных бумаг, типографий Министерства внутренних дел, Бюллетеня Временного правительства, газеты *Дело Народа*, Екатерингофской типографии, а также исполнительным комитетом профсоюза картонажников[2] и рабочими Городской электрической станции на Фонтанке[3]. Этим исчерпывается список резолюций, враждебных новой власти, которые удалось обнаружить.

Практическая значимость этих оппозиционных выступлений была весьма ограничена, как показала кратковременная забастовка на Экспедиции заготовления государственных бумаг, где помимо печатников было занято большое число неквалифицированных рабочих бумажного производства. 26 октября Военно-революционный комитет направил туда рабочего-большевика С. Арбузова для замены комиссара Временного правительства. Арбузов созвал общее собрание, на котором представил себя работникам. Как он сообщал позже, меньшинство во главе с конторскими служащими и техническим персоналом отказались его признать. В сложившейся ситуации заводской комитет предложил ему уйти и перезвонить на следующий день, пока они не уладят этот конфликт.

На следующий день, когда Арбузов разговаривал по телефону с председателем заводского комитета, кто-то выхватил

1 *Дело народа,* 28 октября 1917 г.

2 *Попов А. Л.* Указ. соч. С. 362–363.

3 В Октябре в районах Петрограда (далее цит. как: В Октябре) // *Красная летопись*, № 2 (23), 1927. С. 178.

у последнего трубку, заявляя, что он является законным комиссаром и не будет иметь дело с представителями Военно-революционного комитета. Тем временем ВРК получил сообщение, что в данной типографии печатается обращение Керенского к населению против Советской власти. Когда Арбузов прибыл с отрядом вооруженных людей, в типографии находились 23 рабочих и бывший комиссар-меньшевик. Также они нашли шаблоны и 600 отпечатанных экземпляров обращения Керенского. Арбузов с отрядом уничтожили их. В ответ вспыхнула забастовка, в которой, по словам Арбузова, участвовало 60–90 чел. из 965 занятых в типографии[1]. Забастовщики приняли следующую резолюцию: «*Считать эту власть не властью революционной демократии, а только партии большевиков Петроградского Совета. Считая эту власть незаконной, мы будем поддерживать всеми силами Комитет Спасения Родины и Революции, в котором участвует вся революционная демократия*»[2].

На следующий день, 28 октября, рабочие-участники забастовки приступили к работе. После обеда они приняли следующую резолюцию в связи с продолжавшейся забастовкой техников и конторских служащих: «*Мы, рабочие, находим стачку служащих невозможной и гибельной, так как недостаток доверия вызовет в стране анархию, усилит дальнейшую разруху и ускорит гибель страны, а потому мы поручаем нашему президиуму довести до сведения Союза техников и служащих, чтобы они 30 октября с.г. приступили к работе на общих основаниях*»[3].

Забастовка окончилась 30 октября.

Как показывает этот случай, более образованные элементы революционной демократии – служащие, инженеры, врачи, учителя и т.п. были готовы бастовать против новой власти. Но противники этой власти среди рабочих не считали забастовку приемлемым средством борьбы, поскольку, по их мнению, свергнутое Временное правительство было, безусловно, более опасным. А в этот самый момент Керенский находился на пути в Петроград вместе с казачьими войсками во главе с известным корниловцем генералом Красновым. Та же логика действовала у противников

1 Док. окт. С. 855–856.
2 *Попов А. Л.* Указ. соч. С. 362.
3 Док. окт. С. 890.

новой власти среди железнодорожников. Это касалось больше линейных рабочих, чем рабочих депо и мастерских. Один из выступавших на собрании железнодорожников в Москве выразил свое мнение: «*Я не сказал бы, чтобы наша линия состояла из большевиков. В большинстве она против большевиков. Но происходит коллизия – тем, кто против большевиков, приходится защищать правительство, которое нас не удовлетворяет*». Рабочий другой линии вторил ему: сначала товарищи реагировали на восстание с большой враждебностью, но затем они переосмыслили: «*Если бы Керенский получил подкрепление и пошел на Петроград, мы бы не заседали тут теперь, а работали бы дома по колено в крови*»[1].

Такой же была оценка ситуации и у Суханова, который был противником новой власти. Но альтернатива, т.е. Комитет спасения, сформированный оборонцами, ему представлялась несравненно хуже. В своих записках он приводит предложение одного из более «разумных» членов Комитета спасения, члена ЦИК первого созыва: «*собрать войска и разогнать эту сволочь [т. е. Второй съезд Советов]*».

«*Это было не только настроение. Это была программа меньшевистско-эсеровских обломков крушения в те дни. Под флагом "Комитета спасения" меньшевики, соединившись с почти-кадетами, Авксентьевыми и Шрейдерами, начали работать над реставрацией керенщины ... Фактически все эти элементы – микрокосм сентябрьского Демократического совещания без большевиков – были верными союзниками Керенского, шедшего на Петербург корниловским походом... Керенщина теперь была неосуществима. Ибо возродить ее можно было бы только одной удачной, успешной, победоносной корниловщиной. А это повело бы к полному разгрому революции – не к бутафорской диктатуре Керенского, а к действительной корниловской диктатуре биржи и штыка... Но этого не понимали и не хотели понимать в то время обломки старого всемогущего советского блока*»[2].

Главными оппозиционерами Октябрьского восстания в рядах «революционной демократии» являлись различные группы

1 *Таняев А.* Указ. соч. С. 141–142.
2 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VII. С. 230–231.

интеллигенции и близкие ей слои. Подавляющее большинство банковских и государственных служащих объявляли забастовки в своих организациях при первом появлении комиссаров Военно-революционного комитета. Это была первая в истории России забастовка госслужащих. Другими организациями образованных служащих, противостоявшими правительству, были: Союз трудовой интеллигенции, Союз инженеров, Союз судей, Совет Петроградского общества журналистов, Исполнительное бюро социалистической группы инженеров, Всероссийское общество редакторов, Союз демократического духовенства, служащие Балтийского кораблестроительного завода и завода «Дюфлон», Общее собрание преподавателей, слушателей и слушательниц Петроградского учительского института, Союз педагогических советов, Социалистический коллектив Николаевского инженерного училища, слушательницы Высших женских курсов, Объединенное петроградское студенчество[1].

Резолюция Исполнительного бюро социалистической группы инженеров, принятая в конце октября, передает ощущение глубины враждебности левой интеллигенции к Октябрьскому восстанию: «*Кучка утопистов и демагогов, пользуясь усталостью и недовольством солдат и рабочих, путем утопических призывов к социальной революции, путем сознательного обмана и клеветы на Временное правительство увлекла за собой темную массу и, вопреки воле громадной части русского народа, накануне созыва Учредительного собрания захватили в свои руки власть в столицах и некоторых городах России. С помощью арестов, насилий над свободным словом и печатью, с помощью террора эта кучка захватчиков старается удержаться у власти. Бюро Социалистической группы инженеров, решительно протестуя против произведенного захвата, против ареста народных министров, против приказа об аресте Керенского, против убийств, насилий, против закрытия газет, против преследований и террора, заявляет, что действия захватчиков власти не имеют ничего общего с социалистическими идеалами и уничтожают все завоеванные народом свободы. Бюро социалистической группы инженеров предостерегает*

1 *Попов А. Л.* Указ. соч. С. 363–378 passim.

рабочих и солдат против продолжающихся попыток обмануть их доверие утопическими и заимствованными бумажными декретами и против натравливания на всю демократическую Россию и заявляет, что истинные социалисты не могут оказать ни малейшей поддержки ни захватчикам власти, ни тем, кто решительно и резко не порвет с ними»[1].

Даже у рабочих, остававшихся в обозе оборонцев, невозможно было представить себе такое воинственное выражение враждебности к новой власти. Требование в резолюции разрыва с теми, кто отказался порвать с большевиками, т.е. с абсолютным большинством рабочих и солдат («темными массами» по резолюции), указывает на пропасть, разделявшую даже левое крыло интеллигенции и рабочий класс в Октябре. В действительности во многих государственных и общественных организациях работники низшего звена откололись от «верхов» и осудили забастовку как саботаж. Так поступили Союз младших служащих государственных, образовательных и иных организаций, рабочие и служащие Городской думы, Союз торговых и промышленных служащих, младшие служащие Министерства образования[2].

Было бы неверно объяснять причину враждебности левой интеллигенции в отношении новой власти насильственным методом ее создания. Как меньшевики и эсеры-оборонцы, покинувшие съезд Советов, большинство левой интеллигенции не воспринимало саму идею власти, ответственной перед Советами. Этот оппозиционный настрой возник далеко не в Октябре. Историк и литературный критик В. П. Полонский, сам враждебно относившийся к «сумасбродству большевизма», в начале 1918 г. писал в своем обзоре российской журналистики, «*этого коллективного лица, которое отражало в себе до последнего времени душу нашей, так называемой, интеллигенции, духовной нашей аристократии:*

Едва ли найдется, кроме интеллигенции, другая группа людей, в мышлении и настроениях которой революция произвела бы более жестокие разрушения.

1 *Попов А. Л.* Указ.соч. С. 372.

2 Док. окт. С. 368, 574, 575; *Волин С.* Деятельность меньшевиков в профсоюзах при Советской власти. New York: Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement, paper №13, 1962.

Передо мной груда газет, журналов, брошюр. Среди текущего материала чаще всего встречается старая острейшая тема нашего интеллигентского сознания – «интеллигенция и народ».

И по мере чтения – картина получается неожиданная. До последнего времени преобладающим типом интеллигента был интеллигент-народник, доброжелательно, сочувственно вздыхающий о судьбе нашего “меньшего брата”. Нынче – увы – этот тип является анахронизмом. На смену ему является интеллигент-злопыхатель, враждебно настроенный к мужику, к рабочему, ко всей трудовой, темной массе.

“Нынешние” – уже не стремятся, как прежние, засыпать какую-то пропасть, отделяющую их от мужика. Напротив: они хотят резкой и непроходимой чертой от мужика отделиться...

Таков намечающийся знаменательный переполох. В литературе он появился чрезвычайно ярко. Во множестве статей, посвященных народу и интеллигенции, народ трактуется как темная, озверелая, жадная, разнузданная масса, чернь, а современные вожди ее – демагоги, дрянные людишки, эмигранты, карьеристы, поставившие девизом знаменитое выражение буржуазии старой Франции – после нас хоть потоп...

Если вспомните, что писали за последнее время об “охлократии” вчерашние печальники и заступники народа, станет неоспоримым тревожнейший факт нашего бытия – совершившийся уход интеллигенции от народа. Интеллигентам хватило пороху лишь на то, чтобы желать доброй ночи тому, “кто все терпит во имя Христа, чьи не плачут суровые очи, чьи не ропщут больные уста”.

А стоило лишь этому, вечно терпящему, встать на ноги, могуче передернуть плечами и вздохнуть полной грудью, интеллигенция почувствовала себя разочарованной.

И не излишества октябрьских дней, не сумасбродство большевизма тому причиной. Уход интеллигенции, превращение “народников” в “злопыхателей” – начался давно, чуть ли не на другой день после революции...

Литераторы и поэты, публицисты и художники (конечно, не все из них, но многие, многие) повернули к народу спиной.

“Ты рано встал на ноги. Ты – сущий варвар. И нам с тобой не по пути”»[1].

В отличие от интеллигенции подавляющее большинство рабочих Петрограда безоговорочно приветствовало восстание. Резолюции в этом духе принимались всеми слоями рабочего класса от металлистов Выборгского района до текстильщиц Невского района и рабочих многочисленных типографий. Резолюция собрания рабочих меднопрокатного завода «Розенкранц» в Выборгском районе была типичной для слоя «сознательных металлистов», давних сторонников Советской власти: «*Мы, рабочие завода «Розенкранц» в количестве 4000 человек, приветствуем Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов и Всероссийский съезд Советов, ставший на путь борьбы, но не соглашения с буржуазией – врагами рабочих, солдат и беднейших крестьян, и вместе с тем заявляем: товарищи, идите этим путем, как бы он ни был тяжел; на этом пути мы вместе с вами или умрем, или победим. Принято единогласно*»[2].

Более интересными являются резолюции рабочих государственных предприятий, бывшими до недавнего времени цитаделями оборонцев[3]. Выборы 17 октября в Петроградский

---

1 *Новая жизнь,* 4 января 1918 г.

2 *Правда,* 28 октября 1917 г. Аналогичные резолюции были приняты рабочими Сестрорецкого оружейного завода (*Знамя труда*, 28 октября 1917 г), Шлиссельбургским Советом и рабочими Шлиссельбургского порохового завода (Док. окт. С. 566), рабочими Второго отдела Путиловского завода (*Знамя труда*, 28 октября 1917г), машиностроительного завода Барановский (*Степанов И*. Указ. соч. С. 274), машиностроительного завода «Парвиайнен» (там же), Профсоюзом металлистов Петрограда (Док. окт. С. 346), Центральным и районными забастовочными комитетами профсоюза деревообделочников (*Знамя труда*, 28 октября 1917 г.), Петроградским Советом профсоюзов (*Новая жизнь*, 27 октября 1917 г.), рабочими фабрики «Скороход» (Триумфальное шествие Советов. М., 1963. Т. 1. С. 205 (далее цит. как Док. нояб.) и Невской обувной фабрики (*Известия*, 3 ноября 1917 г.), Профсоюзом работников швейной промышленности (*Правда*, 2 ноября 1917 г.) и многими другими.

3 Резолюции в поддержку восстания были приняты на Патронном заводе (Док. окт. С. 564), на заводе «Промет» (там же. С. 514), на Обуховском заводе (*Правда*, 6 ноября 1917 г.), на Александровском заводе (*Известия*, 1 ноября 1917 г.) – два последних располагались в Невском районе, а Совет – в районе Колпино, где главным предприятием района был Ижорский завод (ЦГА СПб 171/1/1 11об.).

Совет на трубном заводе «Промет» (заняты в основном женщины-работницы) дали большевикам 963 голоса, меньшевикам – 309, а эсерам – 326 голосов. Несмотря на имевшуюся на заводе существенную базу меньшевиков и эсеров, общее собрание дневной смены 27 октября приняло единогласно только с 18 воздержавшимися следующую резолюцию:

«Мы, рабочие завода “Промет” ... в количестве 1230 человек, заслушав доклад тов. Кроликова о II-ом Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов и о сформировании нового народного социалистического правительства, приветствуем его и выражаем ему полное доверие и обещаем полную поддержку в его трудной работе по проведению в жизнь наказа съезда.

Протестуем против сформирования с.–д. меньшевиками и с.–р оборонцами национального Комитета спасения как тормозящего проведение в жизнь мероприятий, которых со все растущим нетерпением ожидают широкие массы рабочих, солдат и крестьян, и выносим ему, Комитету спасения, наше полное осуждение»[1].

Подобным же образом встретили восстание рабочие железнодорожных мастерских, давние сторонники эсеров-оборонцев[2], и малокфалифицированные работницы текстильных, пищевых и резиновых предприятий[3].

Еще более красноречивым был отказ значительной части печатников от позиции руководства собственного профсоюза.

1 *Правда*, 28 октября 1917 г. Аналогичные резолюции были приняты на Патронном (*Правда,* 1 ноября. 1917 г.), Обуховском (*Правда*, 6 ноября 1917 г.) и Александровском заводах (*Известия,* 1 ноября 1917 г.) и Советом колпинского района. (ЦГА СПб. Ф. 171, оп.1., д. 1, л. 1).

2 Локомотивные мастерские Николаевской железной дороги (*Попов А. Л.* Указ.соч. С. 309) и Главные мастерские Северо-западной железной дороги (там же).

3 Профсоюз работников текстильной промышленности (*Перазич В.* Указ. соч. С. 97), текстильная фабрика «Невка» (*Правда*, 30 октября 1917 г.), Шлиссельбургская ситценабивная мануфактура (Док. окт. С. 560), Новая бумагопрядильня (*Известия*, 2 ноября 1917 г.), фабрика бр. Леонтьевых *(Правда,* 3 ноября 1917 г.), фабрика Воронина и Ко (Там же, 31 октября 1917 г.), фабрика Кожевниковская (В Октябре. С. 178), табачная фабрика Шапошникова (Док. окт., 346), рабочие предприятий пищевой промышленности Продовольственной управы Петрограда (*Попов А. Л.* Указ.соч. С. 309), каучуковая фабрика «Треугольник» (*Знамя труда*, 28 октября 1917 г.) и др.

Совместное собрание печатников типографий «Орбита» и «Рабочая печать» 28 октября заявило: «*Мы, рабочие этих типографий, заслушав доклад тов. Венедитова о состоявшемся 27 октября собрании уполномоченных, где он сказал, что Правление союза плохо оповестило печатников о состоявшемся собрании и где благодаря неполному представительству неправильно была принята гнусная резолюция, внесенная неким Рубиным, в которой выносилось порицание Революционному комитету за то, что [он] якобы закрыл социалистическую печать*».

После обсуждения этого доклада была вынесена следующая резолюция: «*Мы, рабочие данных типографий, протестуем против действий Правления нашего союза, которое плохо оповестило рабочих о предстоящем собрании уполномоченных, почему мы, некоторые типографии Петроградской стороны, не зная о собрании, не могли на нем присутствовать, а потому и не берем на себя ответственность за постановления совета уполномоченных. Далее заслушав резолюцию, принятую собранием уполномоченных и помещенную в газете Дело Народа от 28 октября, мы заявляем, что глубоко возмущены ею и считаем ее недостойной рабочих-печатников и самым резким образом протестуем против нее. Мы заявляем, что такой совет уполномоченных, который принимает подобные резолюции, не сможет являться выразителем нашей воли, а лишь воли буржуазных душителей народа. Посему мы выражаем Правлению союза, которое с целью плохо оповестило нас о собрании, и совету уполномоченных за его резолюцию полное недоверие и, обращаясь к пролетариям Петрограда, заявляем, что мы идем вместе с ними, а не с таким правлением и советом уполномоченных.*

Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!

Да здравствует революционный народ!

Долой предателей рабочего класса вроде рубиных и ему подобных!»[1]

Показателен инцидент, произошедший в типографии, где печаталась *Новая жизнь*. В номере от 29 октября был помещен протест редакторов газеты против действий наборщиков, помешавших

1 *Правда,* 4 ноября 1917 г.

опубликованию приказа Керенского, обращения генерала Краснова к казакам и доклада Городской думы. Редакторы, будучи меньшевиками-интернационалистами, держались позиции нейтралитета по вопросу о власти. Они отсутствовали в типографии, когда наборщики, вызвавшие в поддержку районного комиссара, отвергли требование технического персонала опубликовать материалы[1]. На следующий день общее собрание работников типографии приняло резолюцию, осуждавшую большинство правления Петроградского профсоюза работников печатного дела за то, что они обходили типографии города, распространяя ложную информацию о действиях Военно-революционного комитета и призывая саботировать решение «*революционного правительства рабочих и крестьян по поводу запрещения печатать чисто погромного характера воззвания и ложные сообщения, вызывающие панику и, впоследствии, кровопролития.*

Мы клеймим позором эту преступную деятельность части “правленцев”, которая ведет к расколу в нашей пролетарской среде и будет только на руку нашим классовым врагам. Мы громогласно заявляем, что будем всеми силами поддерживать революционное правительство рабочих и крестьян, которое приведет к миру и Учредительному собранию.

В момент, когда народ уничтожает гнилые корни капиталистического строя и отдает власть своим истинным представителям, мы, печатники, не можем употреблять свой труд на печатание “приказов” Керенского, свергнутого народом, а посему признаем действия товарищей наборщиков правильными. И если в дальнейшем со стороны Революционного комитета потребуется наша поддержка, то мы всегда готовы таковую оказать»[2].

Против этой резолюции проголосовал лишь один человек и пятеро воздержалось. Растущее недовольство оборонцами-руководителями профсоюза вскоре привело к их замене меньшевиками-интернационалистами, а вскоре после этого большевиками, которые впервые за 1917 г. составили большинство в его руководстве[3].

1 *Новая жизнь*, 29 октября 1917 г.

2 *Правда*, 2 ноября 1917 г.

3 *Искра*, 21 октября 1917 г.; *Попов А. Л.* Указ. соч. С. 315.

После Октябрьской революции меньшевики и эсеры, а за ними многие западные историки подчеркивали факт, что в Октябрьской революции, в отличие от Февральской, отсутствовали сцены массовых уличных демонстраций. Это обстоятельство приводилось в качестве доказательства, что Октябрь не был народной революцией, а лишь военным переворотом, совершенным большевиками. *«Посмотрите на улицы,* – писала *Рабочая газета* меньшевиков-оборонцев. – *Они пустые в рабочих районах. Нет триумфальных шествий, нет делегаций с красными знаменами, идущих навстречу победителям… Едва ли большевики продержатся неделю»*[1]. Историк и политический деятель С. П. Мелгунов также отмечал, что предприятия столицы не прекратили работу 25 октября: «*Массовое участие подлинных рабочих в действиях 25-го октября отметить нельзя, хотя организацию восстания в теории должны были сделать фабрично-заводские комитеты. Работа на фабриках и заводах утром в день восстания не была оставлена*»[2].

Но в сравнениях с Февральской революцией игнорируется то, что в Октябре обстоятельства были совсем иными. Февральская революция была стихийным движением масс безоружных рабочих против власти, располагавшей огромным числом вооруженных сил. Демонстрации рабочих имели решающее значение, прежде всего, как *моральная* сила, содействовавшая переходу солдат на сторону рабочих. Массовые забастовки и уличные демонстрации создавали атмосферу, при которой солдаты могли чувствовать, что их переход на сторону восставших может закончиться свержением власти, а не военным трибуналом и смертной казнью. Уличные бои, в которых участвовали рабочие, происходили в основном в два последних дня восстания и преследовали цель окончательного разоружения полиции. Зато в Октябре главные вооруженные силы города стояли на стороне Совета еще до начала восстания. Задача восставших заключалась в том, чтобы занять стратегические точки города и разоружить последних сторонников старого режима. Места для массовых выступлений просто не было.

1 *Рабочая газета*, 27 октября 1917 г.

2 *Melgunov S. P.* The Bolshevik Seizure of Power. Santa Barbara: ABCCAO, 1972. P. 106; *Rabinowitch A.* The Bolshevik. P. 65.

Но еще ближе к делу, при накопленном в массах разочаровании результатами Февральской революции, перед надвигавшейся экономической катастрофой и при грозном военном положении столицы, стоит ли удивляться, что рабочие не вылились на улицы в триумфальных шествиях? Октябрьская революция несла исполнение надежд рабочим. В противном случае они бы не поддержали ее. В то же время она была отчаянной попыткой спасти Февральскую революцию от контрреволюции. Рабочие понимали, что шансы на успех невелики.

Наконец, те, кто указывает на отсутствие массового участия пролетариата в Октябрьской революции, забывают, что лидеры восстания сами настоятельно просили пролетарские массы оставаться на работе и не выходить на улицу. Троцкий пишет, что после болезненного опыта Июльских дней лидеры восстания боялись лишней крови, которая могла бы деморализовать рабочих[1]. Они усиленно убеждали рабочих не выходить на улицу. Петроградский Совет, Совет Петроградских профсоюзов и Центральный Совет фабрично-заводских комитетов совместно выпустили воззвание к рабочим, опубликованное жирным шрифтом на первой странице *Правды* от 27 октября: «*Забастовки и выступления рабочих масс в Петрограде только вредят. Мы просим вас немедленно прекратить все экономические и политические забастовки, всем стать на работу и производить ее в полном порядке. Работы на заводах и во всех предприятиях нужны новому правительству Советов, потому что всякое расстройство работ создает для нас новые затруднения, которых и без того довольно. Все к своему месту! Лучшее средство поддержать новое правительство Советов в эти дни – исполнять свое дело. Да здравствует твердая выдержка пролетариата!*»[2]

Например, 25 октября собрание Профсоюза деревообделочников единогласно призвало своих рабочих, бастовавших в дни перед восстанием, вернуться на работу: «*Каждый рабочий в эти дни должен быть на своем месте и тем самым доказать преданность новой власти. Порядок, выдержка, спокойствие и бдительность!*»[3]

1 *Троцкий Л. Д.* Искусство восстания // История. Т. III. С. 181–215.
2 *Правда,* 27 октября 1917 г.
3 Там же.

Суханов, суровый критик новой власти, писал, что «*этим военным заговором меньшевики и эсеры утешались потом несколько месяцев, тыча им в глаза большевикам.*

Очевидно, восстание пролетариата и гарнизона в глазах этих остроумных людей непременно требовало активного участия и массового выступления на улицы рабочих и солдат. Но ведь им же на улицах было нечего делать. Ведь у них не было врага, который требовал бы их массового действия, их вооруженной силы, сражений, баррикад и т.д. Это – особо счастливые условия нашего Октябрьского восстания, из-за которых его доселе клеймят военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом.

Эти остроумные люди лучше бы посмотрели и сказали: сочувствовал или не сочувствовал организаторам Октябрьского восстания петербургский пролетариат? Был ли он с большевиками, или большевики действовали независимо и против его воли? Был ли он на стороне совершившегося переворота, или он был нейтрален, или был против него?

Тут двух ответов быть не может. Да, большевики действовали по полномочию петербургских рабочих и солдат. И они произвели восстание, бросив в него столько (очень мало!) сил, сколько требовалось для его успешного завершения... Виноват: большевики бросили в него по халатности и неловкости гораздо больше сил, чем было необходимо. Но это не имеет никакого отношения к самому понятию восстания»[1].

Другие наблюдатели отмечали отсутствие свирепости, даже определенную мягкость, со стороны красногвардейцев по отношению к противникам. Это якобы указывало на то, что поддержка восстанию была половинчатой даже со стороны его активных участников. В действительности терпеливое отношение красногвардейцев к своим противникам было одной из замечательных черт Октябрьского восстания. Офицер, защитник Зимнего дворца, так описал «штурм»: «*В Зимний дворец стали проникать небольшие группы красногвардейцев [в целях агитации среди его защитников]... До той поры, пока группы красногвардейцев были немногочисленны, мы их разоружали, причем разоружение совершалось*

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VII. С. 224.

по-семейному, без всяких столкновений. Однако красногвардейцев становилось все больше и больше, появились матросы, солдаты Павловского полка. Началось обратное разоружение – юнкеров, причем опять-таки оно совершилось довольно мирным путем. ... [Когда начался штурм] в Зимний дворец проникли большие массы красногвардейцев, матросов и павловцев и т.д. Они не желали кровопролития. Нам пришлось сдаться»[1].

Вспоминая либеральное отношение красногвардейцев к пленным белым войскам, захваченным в ходе боев под Петроградом в конце октября, путиловец Скоринко писал: «*Расстрел был чужд нам. На [солдат] требовавших его мы смотрели с омерзением. Из-за этого потом рабочим и крестьянам пришлось расплачиваться своею кровью. Отпущенный под честное слово Краснов, убежав на Дон, отплатил по-генеральски за наше благородство*»[2].

Мелгунов также писал об определенно доброжелательном отношении, даже смущении, красногвардейцев и матросов по отношению к арестованным министрам. Сопровождая последних в тюрьму, они обменивались замечаниями, которые перерастали в разговоры. «*Как вы справитесь без интеллигенции*?» – спросил сопровождавшего его моряка министр Временного правительства, крупный промышленник М. И. Терещенко[3].

Суханов и Мелгунов – оба видели в терпеливом отношении повстанцев отсутствие решимости и боевого духа. Но они неправильно оценивали царившую тогда политическую атмосферу. Главным аргументом против восстания в арсенале оборонцев было то, что оно приведет к массовому кровопролитию и гражданской войне. В этом они и обвиняли большевиков после Июльских дней. Восставшие старались избегать лишней жестокости и насилия, дабы не отпугнуть колеблющиеся элементы революционной демократии. Выступая 25 октября перед собравшимися, как Ленин, так и Троцкий подчеркивали «исключительно бескровный» характер восстания.

Матрос-большевик с крейсера «Аврора» И. П. Флеровский вспоминал, как в роковую ночь 25 октября экипаж

1 Док. окт. С. 426.
2 *Скоринко И.* Указ.соч. С. 152.
3 *Melgunov S. P.* Op.cit. P. 90–91.

корабля решил «*выждать четверть часа [прежде чем стрелять из пушки в сторону Зимнего дворца], инстинктом чуя возможность смены обстоятельств*». По этому поводу Троцкий заметил: «*Под инстинктом нужно понимать упорную надежду на то, что дело разрешится одними демонстративными средствами*»[1]. Террор и дикость гражданской войны были еще впереди. Несмотря на глубокий раскол российского общества и сильную классовую ненависть, на личном уровне настроение у рабочих оставалось еще удивительно терпимым, даже мягким. Следующий эпизод из Москвы, где боевые действия в октябре были продолжительными и гораздо более кровавыми, чем в Петрограде, хорошо иллюстрирует это. Представитель раненых красногвардейцев зачитал следующую записку на заседании Московского Совета: «*[Наша группа раненых] благодарит военно-авиационную школу за присланное нам вино, которое нами раздается, хотя вино это было предназначено исключительно для борцов за свободу, но так как лежат там между нами юнкера и офицеры и в лазарете мы говорим, что различия партий там быть не может, мы между собой решили разделить вино и показали юнкерам, что большевики не так страшны. И когда пришел доктор и спросил – что же, юнкерам-то дать? – мы решили дать, что в случае, если авиаторская школа сделает запрос, чтобы они не имели претензий к лазарету за то, что он оделяет юнкеров*»[2].

Вопрос об «однородной социалистической власти»

Если и были иллюзии о том, что переход власти к Советам позволит рабочим сразу взяться за борьбу с экономическим и политическим кризисами, они быстро рассеялись. Утром 27 октября бронепоезд генерала Краснова с установленными артиллерийскими орудиями прибыл в Гатчину, выйдя на подступы к Петрограду. Не встретив там сопротивления, он на следующий день продолжил путь в Царское Село, расположенное менее чем за час езды от столицы. Там он без особого труда рассеял выехавших

1 *Троцкий Л. Д.* Указ.соч. Т. III. С. 250. См. также: *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VII. С. 202.

2 *Пионтковский С. А.* Советы в Октябре. М., 1928. С. 53.

навстречу ему из Петрограда красногвардейцев. Местный гарнизон, насчитывавший 16 тыс. чел., не желая воевать, сохранял нейтралитет. В эту ночь в Петрограде восстали юнкера. Также 28 октября Викжель – Всероссийский Исполнительный комитет профсоюза железнодорожников, возглавлявшийся меньшевиками-интернационалистами, предъявил ультиматум Советскому правительству: или будет сформировано «однородное социалистическое правительство», то есть коалиция из всех социалистических партий от большевиков и до Народных социалистов, или Викжель объявит общую забастовку на железных дорогах. Между тем из Москвы шли сообщения, что восстание сталкивается с серьезными трудностями и льется много крови.

Судьба Октябрьского восстания, казалось, висела на волоске. Малаховский вспоминал настроение красногвардейцев Выборгского района: «*С утра 28-го начали поступать новости о наших поражениях. В Петрограде восстали юнкера. На несколько минут в штабе воцарилось уныние. Встал призрак поражения. Потом мы встряхнулись. Была – не была, есть чем помянуть – хотя на четыре дня, да прогнали мы министров-капиталистов*»[1].

Именно в это время вопрос о политической изоляции исключительно большевистского правительства и о необходимости формирования всесоциалистического коалиционного правительства стал предметом оживленной дискуссии на предприятиях. Это была давняя позиция меньшевиков-интернационалистов, и теперь вместе с левыми эсерами они активно вели агитацию среди рабочих с целью давления на большевиков и оборонцев, чтобы прийти к соглашению[2].

Следует подчеркнуть, что большевики, в том числе и Ленин, и Троцкий, не настаивали на исключительно большевистской власти, хотя многие, и в частности они оба, не желали иметь с оборонцами ничего общего, считая, что те только бы сковывали деятельность правительства. Но партия большевиков долгие месяцы требовала перехода власти в руки Советов и не собиралась отступать от своего лозунга. Они сразу предложили левым эсерам, как единственной партии, не ушедшей со съезда Советов,

1 *Малаховский В.* Указ.соч. С. 26.
2 *Знамя труда,* 29 октября 1917 г..

участвовать в коалиционном правительстве. 27 октября левые эсеры отклонили это предложение, настаивая на однородном социалистическом правительстве[1]. Не только левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, но все рабочие организации Петрограда, во главе которых стояли в это время большевики, в том числе Петроградский Совет, Центральный Совет фабзакомов и Петроградский Совет профсоюзов выступали за однородную социалистическую власть. Это должно дать пищу для размышления тем, кто считает, что идеология большевизма лежит в основе поздней партийной и потом сталинской диктатуры.

Но это требование страдало неопределенностью. Без ответа оставался главный вопрос: на каком основании и за счет каких отступлений от целей Октябрьской революции может быть достигнуто это единение? Значительную поддержку в рабочей среде имели две позиции. Первая, за которую ратовали меньшевики-интернационалисты и левые эсеры, состояла в формировании «*однородного революционно-демократического правительства*» от большевиков на левом фланге до народных социалистов на правом. Вторая позиция, которую защищали большевики, заключалась в том, чтобы правительство было ответственно перед Советами в лице вновь избранного ЦИК. Это означало, что в таком правительстве большевики будут в большинстве. Имелась еще третья позиция правых эсеров и меньшевиков-оборонцев, но она не пользовалась поддержкой рабочих. Правые эсеры и меньшевики-оборонцы решительно выступали против самого принципа ответственности власти перед Советами и против большевистского большинства. В какой-то момент они даже настаивали на передаче власти Комитету спасения или Городской думе, т.е. организациям с представителями имущих классов. Это означало бы полный отказ от Октябрьской революции[2].

В то время как позиция большевиков была понятна рабочим, позиция левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов представлялась путаной. Рабочие, стоявшие за формирование социалистической коалиции, понимали ее смысл как коалиционное

---

1 *Попов А. Л.* Указ. соч. С. 386.

2 9 ноября 1917 г. лидер меньшевиков-оборонцев Церетели заявил, что он противник любого правительства с большевиками, но приветствовал бы участие кадетов (*Попов А. Л.* Указ. соч. С. 351–352.)

правительство, ответственное перед Советами. Но лидеры левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов выдвигали это требование как раз в качестве альтернативы Советской власти, потому что считали Советы слишком узкой политической базой для жизнеспособного революционного правительства. Они утверждали, что Советы представляют лишь часть демократии. Значительные слои демократии не были привязаны к Советам, но были организованы вокруг других органов, таких, как кооперативы, думы и тому подобное. Правительство, ответственное исключительно перед Советами, считали они, будет диктатурой одной части демократии против другой[1].

Эти соображения объясняют сопротивление меньшевиков и левых эсеров большевистскому большинству в новом правительстве. В передовой статье в *Новой жизни* Б. В. Базаров комментировал решение ЦИК, поддерживаемое большевиками, пригласить представителей партий, ушедших со съезда Советов, представителей Викжеля, профсоюза работников почт и телеграфа, а также социалистических фракций Московской и Петроградской дум для участия в расширенном ЦИК Советов. Базаров считал предложение неприемлемым, поскольку ЦИК остался бы единственным источником власти и поэтому большевики составляли бы большинство в правительстве. Одно из двух, писал он: либо нынешнее правительство будет достаточно сильным, чтобы управлять страной в желаемом большевиками направлении, и тогда зачем разбавлять его «мелкобуржуазными» элементами? Или нынешняя власть будет недостаточно сильной для управления страной в желаемом большевиками направлении. Тогда другие члены коалиции должны участвовать, по крайней мере, на равной основе с большевиками[2].

Базаров основывал свою позицию на следующем соображении. Большевики фактически представляли лишь городских рабочих. Даже если бы они завоевали пассивную поддержку крестьянства, эта власть не стала бы жизнеспособной. Исключительно пролетарская база правительства неизбежно толкала бы его на принятие социалистических мер, которые были бы катастрофическими в условиях социально-экономической отсталости

1 См., например, *Искра*, 31 октября 1917 г.
2 *Новая жизнь*, 3 ноября 1917 г.

России. Возникает вопрос: если власть Советов могла рассчитывать на активную поддержку рабочих и на пассивную поддержку крестьян, кого еще не хватало? Меньшевики-интернационалисты, объединенные вокруг *Новой жизни*, считали, что революционное правительство нуждалось в поддержке средних слоев общества: городской мелкой буржуазии и богатых крестьян и, прежде всего, демократической интеллигенции, поддерживавшей оборонческие партии.

Таким образом, если оборонцы боялись порвать с имущими классами, и эта боязнь заставляла их закрыть глаза на контрреволюционную установку последних, то социалисты-интернационалисты боялись порвать с теми, кто шел за оборонцами, т.е. «средними слоями», и в первую очередь с интеллигенцией левого толка. Редакционная статья в *Новой жизни* под названием «2 × 2 = 5» отмечала, что на некоторых предприятиях рабочие голосовали за резолюции, призывавшие к формированию коалиции из всех социалистических партий, и в то же время они требовали, чтобы коалиция была ответственной перед ЦИК. Но ЦИК был избран съездом Советов. Это означало, что в таком правительстве доминировали бы большевики, поскольку они составляли большинство и на съезде и в ЦИК. Но это правительство ежедневно показывает свою неспособность управлять страной, выпекая декреты, как блины, не оказывающие никакого действенного влияния на реальную жизнь. Задается вопрос: почему правительство, имея поддержку широких масс рабочих и солдат, не может эффективно управлять? Большевики отвечали: причина тому – саботаж интеллигенции, следовавшей за оборонческими партиями. Но даже если оставить в стороне некомпетентность правительства и согласиться с аргументами большевиков, даже если признать, что оборонцы не поддерживаются массами, а лишь интеллигентскими слоями, даже тогда пришлось бы идти на уступки, поскольку «*пролетариат не может править без интеллигенции*». По этой причине ЦИК мог быть единственным из всех учреждений, перед которым правительство должно было нести ответственность[1].

Большевики считали, что правительство должно быть ответственным исключительно перед Советами, и гражданскую войну

1 *Новая жизнь*, 4 ноября 1917 г.

под Петроградом и в Москве нужно довести до победного конца. По последнему вопросу нейтральная позиция меньшевиков-интернационалистов рассматривалась рабочими как дезертирство и объективное попустительство контрреволюции. Но если левые большевики считали, что участие оборонцев в правительстве лишь саботировало бы его революционную деятельность, то центристы и более умеренные большевики были готовы дать шанс коалиции всех социалистических партий.

Позиция левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов в пользу однородного социалистического правительства, но не ответственного перед Советами, и немедленного прекращения гражданской войны, за которую они винили обе стороны в равной степени, находила лишь ограниченный отклик в рабочей среде: главным образом на небольших металлообрабатывающих и типографских предприятиях, в среде рабочих государственных заводов, в основном производящих боеприпасы, и на нескольких более крупных частных предприятиях с преобладанием неквалифицированного труда.

У рабочих мелких предприятий, в том числе и типографских рабочих, не было развито стремление к «классовой обособленности», присущее «сознательным металлистам». Им не хватало уверенности в самих себе, в независимом политическом потенциале рабочего класса, им также трудно было рассматривать себя в качестве ведущей классовой силы общества, особенно в условиях враждебности со стороны средних слоев. В конце октября общее собрание литейного и трубного завода «Атлас» (около 400 работников) приняло следующую резолюцию лишь с пятью воздержавшимися:

«1. Требуем прекратить братоубийственную войну, которая продолжается благодаря межпартийным спорам, которые ведут революцию к гибели.

2. Требуем немедленного создания однородного социалистического правительства от большевиков до народных социалистов.

3. Протестуем против захвата власти одной политической партией большевиков, тактика которой с тактикой оборонческих партий, поддерживающих коалицию с буржуазией, привела страну к междоусобной войне...

6. Присоединяемся к позиции, занятой левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами»[1].

Все крупные государственные заводы, примкнувшие к позиции левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, принадлежали Главному артиллерийскому управлению: «Арсенал»[2], Орудийный[3], Патронный[4] и Капсюльный[5]. Рабочие этих заводов сравнительно недавно приняли большевистское требование передачи власти Советам. На Капсюльном заводе совместная резолюция большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов требовала единого социалистического правительства и прекращения гражданской войны в рядах демократии. На «Арсенале» рабочие заявили, что будут считать контрреволюционными те партии, которые откажутся участвовать во всесоциалистической коалиции. 30 октября рабочие Патронного завода решили отправить делегацию на переговоры, которые велись в тот момент под эгидой Викжеля, с требованием прекратить боевые действия и немедленно заключить соглашение между социалистическими партиями. Напрасно большевики убеждали рабочих уточнить основы такого соглашения: кому должно быть подотчетно коалиционное социалистическое правительство? Этот вопрос и был главным яблоком раздора на переговорах. В конце октября аналогичные позиции заняли рабочие заводов ГАУ, рабочие ряда текстильных фабрик[6], Невского стеаринового завода[7] и завода Сименс-Шуккерта[8]. Значительная часть этих фабрик и заводов, как и ранее упоминавшийся завод «Атлас», находились в Невском районе, который

1 *Знамя труда,* 6 ноября 1917 г. Аналогичные резолюции были приняты на других небольших предприятиях, в том числе на заводах Рейхеля (*Новая жизнь*, 30 октября 1917 г.), Однера (Там же, 1 ноября 1917 г.), Экваля (*Попов А. Л.* Указ. соч. С. 396–397), на Центральной электрической станции (*Знамя труда*, 3 ноября 1917 г.), на совместном собрании мелких заводов Бреннера, Брука, Батта, Александрова и Трайнина (*Знамя труда*, 5 ноября 1917 г.).

2 *Знамя труда,* 3 ноября 1917 г.

3 *Попов А. Л.* Указ. соч. С. 395.

4 *Искра,* 5 ноября 1917 г.

5 *Новая жизнь,* 3 ноября 1917.

6 Фабрики Варгунина, Шаповского, Бельгийской бумажной мануфактуры (*Попов А. Л.* Указ. соч. С. 39) и Паля (*Знамя труда,* 5 ноября 1917 г.).

7 *Знамя труда*. Там же.

8 Там же.

весной 1918 г. станет центром рабочей оппозиции Советской власти.

Поддержка рабочими позиции левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, в отличие от поддержки идеи социалистической коалиции ответственной перед Советами, была, таким образом, ограничена. Главной слабостью этой позиции в глазах рабочих был ее отказ от принципа Советской власти. Рабочие затруднялись это понять. В ходе дискуссии в ЦК большевиков о том, можно ли включить в расширенный ЦИК представителей групп, не представленных на съезде Советов, представитель Петербургского комитета однозначно сказал: «*Для масс вопрос этого плана уже решен, и нет необходимости говорить о каких-нибудь расширенных Советах*». Он считал, что ЦК партии должен учесть волю масс, отвергавшую любые изменения в составе ЦИК[1]. На собрании своей партийной фракции в ЦИК левый эсер П. П. Прошян выступал в том же духе при обсуждении предложения Викжеля, по которому оборонцы имели большинство мест в том органе, перед которым коалиционное правительство являлось бы ответственным. Прошян наотрез отклонил эту идею: «*Весь этот проект является результатом интеллигентской расхлябанности, отступлением перед ужасами гражданской войны, прекратить которую стремятся во что бы то ни стало*». В социальной революции, продолжал он, гражданская война неизбежна, и даже если бы ее можно было временно приостановить, она неизбежно разгорелась бы снова в более ужасной форме. Но социалистическое коалиционное правительство еще возможно, если оно будет ответственным исключительно перед Советами, «*так как настроение рабочих должно и оборонцев сделать более уступчивыми*». Ему вторил В. М. Левин: «*Массы примут это соглашение [предложенное Викжелем] как отказ от своих лозунгов и вынесут впечатление, что все завоевания, которых добиваются массы, сдаются без боя руководителями движения*»[2].

В своей статье «2×2=5» Базаров также признавал, что рабочие, требуя социалистической коалиции, чаще всего настаивали на чисто Советской власти. Но он относил это за счет

1 Док. нояб. С. 23.
2 *Знамя труда,* 2 ноября 1917 г.

неразвитости их политического сознания: «*На некоторых заводах в настоящее время были приняты резолюции, требующие одновременно однородное демократическое правительство, основанное на согласии всех социалистических партий, и признании данного ЦИКа органом, перед которым правительство должно нести ответственность.*

Большевики, которые имеют подавляющее влияние среди петроградского пролетариата, не потрудились научить их политической арифметике. Основное правило парламентской арифметики состоит в том, что исполнительная власть принадлежит преобладающей партии в органе, которому правительство ответственно, либо оно формируется всеми сторонами этого органа, пропорционально их представительству в нем ... В настоящее время такое правительство может быть только большевистским»[1].

В сознании рабочих, требовавших однородной социалистической коалиции, наблюдалось определенное недоумение. Но оно не являлось тем, о чем писал Базаров. Часть рабочих считала, что разногласия между социалистическими партиями отражали лишь персональные амбиции лидеров и что принципиальных расхождений не было. В начале ноября рабочий Шлиссельбургского порохового завода писал в *Знамя труда*: «*Наши социалисты все еще торгуются, кому стать у власти – большевикам или эсерам-оборонцам, не глядя на окружающее, где гибнут самые лучшие силы авангарда рабочих и солдат, которые решили умереть или победить, а вы, "вожди" русской революции, производите торговлю. Пора вам опомниться и бросить распрю... Где же остальная революционная демократия, где тот революционный пролетариат, трудовое крестьянство и солдаты, которые, изнемогая, сидят в землянках?... Вот где власть должна быть, но не в нынешних партиях, не в раздоре их "вождей". И вы должны сознаться, если вы – истинные социалисты, и откровенно сказать народу: "Да, мы ошиблись; власть должны взять Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... И вы должны исполнять их волю по назначенному пути"*»[2].

1 *Новая жизнь*, 4 ноября 1917 г.
2 *Знамя труда*, 7 ноября 1917 г.

Автор письма обвинял лидеров всех партий, но, призывая к Советской власти, он на самом деле поддерживал позицию большевиков.

31 октября общее собрание рабочих Обуховского завода, созванное совместно всеми партиями предприятия, решило отправить делегацию на переговоры с Викжелем, дабы потребовать прекратить раздоры между социалистами. По словам левого эсера Б. Д. Камкова, наблюдавшего этот эпизод, делегация предъявила ультиматум, предупреждавший: «*Если к утру не будет достигнуто соглашение, то рабочие пойдут друг на друга, но предварительно перебьют всех лидеров*». Затем делегация прочла резолюцию собрания рабочих завода: «*Собрание находит, что возврата к прежнему коалиционному управлению страной нет и быть не может.*

Постановили: считать такое положение вещей преступным и предлагаем всем рабочим без различия партийной принадлежности и политических убеждений воздействовать на свои политические центры в целях немедленного соглашения со всеми социалистическими партиями и образовать социалистическое министерство на пропорциональных началах, ответственное перед Советами на основе следующей платформы:

1. *Немедленное предложение демократического мира.*
2. *Землю – земельным комитетам и отмена частной собственности на помещичьи земли*»[1].

В резолюции не было ничего, против чего могли бы возражать большевики. Правда, Ленин и Троцкий были противниками участия оборонцев во власти, но, зная популярность требования однородного социалистического правительства, они намеренно отсутствовали на заседании ЦК большевиков, на котором было принято решение участвовать в переговорах с Викжелем. Каменев дал следующий ответ делегации от Обуховского завода: «*Передадите обуховцам, что ЦИК стоит на той платформе, которую вы предлагаете. ЦИК стоит на почве соглашения и потому он послал своих представителей в комиссию Викжеля. И если правые группы пойдут на то, чтобы власть была*

1 *Знамя труда,* 2 ноября 1917 г.

подотчетна перед ЦИК Всероссийского Совета, тогда соглашение будет достигнуто»[1].

Помимо вопроса ответственности правительства перед Советами, рабочие не воспринимали и нейтралитет меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров в отношении зарождавшейся гражданской войны. Рабочие и служащие механического завода «Однер» призвали к формированию правительства из большевиков, меньшевиков и эсеров, но добавили, что «*победа войск Керенского имела бы губительные последствия для завоеваний революции*». Резолюция, принятая на «Арсенале», заключала: *«Принимая во внимание движение казачьих войск на Петроград и опасаясь насилий со стороны реакционных сил, стоящих за подавление революции, считаем необходимым принять меры к самой энергичной защите Петрограда*»[2].

Из-за этой позиции рабочие железнодорожных мастерских и депо столицы осудили правление Викжеля и руководство своего профсоюза, как контрреволюционное. Собрание 1090 рабочих локомотивных мастерских Николаевской железной дороги единогласно постановило: «*Вынести недоверие Викжелю за его явно контрреволюционную политику. Выразить доверие только Всероссийскому Съезду Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, истинному выразителю наших интересов и сильно отстаивающему счастье и власть народа. Собрание призывает товарищей рабочих железнодорожников к сплочению вокруг своей пролетарской организации и шлет привет петроградскому пролетариату, проливающему кровь, и говорит: “Товарищи, мы с вами!”*»[3]

Это были не пустые слова. Эти рабочие были готовы к действию. На Конференции железнодорожных комитетов в середине декабря, в целом враждебно настроенной к большевикам, делегат от Николаевской железной дороги сообщал, что собрание рабочих Первого и Второго районов, приняло следующую резолюцию: «*При полном разъяснении мы признаем деятельность главного железнодорожного комитета как поддерживающего Викжеля и поэтому Керенского… Если в своей деятельности*

1 *Знамя труда,* 3 ноября 1917 г.
2 Там же.
3 *Попов А. Л.*Указ. соч. С. 315.

он не войдет в борьбу с войсками Керенского, то мы его арестуем».

Делегат добавил, что, когда некоторые на этом собрании все же высказались в пользу позиции Викжеля, направленной на то, чтобы избавить отечество от кровопролития, то присутствующие рабочие их арестовывали[1].

Делегат от Московского комитета на той же конференции докладывал: «*В мастерских и среди рабочих мы увидели такую силу, что если мы не примкнем к большевикам, тогда произойдет расправа с главными железнодорожными комитетами. На некоторых линиях была попытка со стороны рабочих, сорганизовавшись в красногвардейцев, принять активные шаги к арестам и даже казням*»[2].

Тем не менее насилия не случилось. В Петрограде и в Москве забастовка, которой угрожал Викжель, встретила очень малый отклик. Одной из главных причин был страх железнодорожных комитетов перед рабочими депо и мастерских.

Главную и действительно последовательную поддержку своей позиции левые эсеры и меньшевики-интернационалисты получили не от рабочих, а от солдат, конторских служащих и технического персонала. К концу октября в гарнизоне возникло сильное движение за прекращение гражданской войны путем переговоров между воюющими сторонами. Различные военные части просили Военно-революционный комитет разрешить им направить делегации для ведения переговоров с войсками Краснова[3]. За исключением гвардейских полков, среди солдат желания воевать не было.

Конторские служащие и технический персонал в общей массе были враждебно настроены к большевикам. Собрание чертежников Путиловского завода приняло следующую резолюцию: «*Как невольные свидетели захвата власти большевиками и происходящей братоубийственной бойни..., [мы выражаем] свой резкий протест против партии, дошедшей до пролития братской крови, и присоединяемся к тем социалистическим партиям, которые стоят за скорейшее*

1 *Таняев А.* Указ. соч. С. 147. См. аналогичные сообщения о первом и девятом железнодорожных районах. С. 153.

2 Там же. С. 155.

3 Док. окт. С. 758.

прекращение гражданской войны и образование социалистического правительства на равных основаниях всех революционных партий»[1].

1 ноября Совет Выборгского района созвал совещание рабочих, единогласно принявшее следующий призыв к единению, предложенный совместно фракциями большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интенационалистов. В нем выражалось видение единства и пути его достижения, что очень отличалось от позиции, продвигаемой руководством двух последних партий. Зато он очень точно выражал позицию подавляющего большинства рабочих столицы:

«*Стойкость, бодрость, единение! Товарищи рабочие!*

Мы, представители трех фракций, входящих в состав Районного Совета рабочих и солдатских депутатов, считаем своим долгом обратиться к вам всем с призывом прекратить партийные ссоры и рознь – не время этому сейчас, когда льется кровь стоящих с нами за одним станком рабочих, сейчас, когда всякая рознь между нами является издевательством над их трупами…

Из-за чего мы создаем в своей рабочей семье враждебные лагеря? Кто из нас не понимает, что рознь между нами нужна контрреволюции? Кто не уясняет себе, что буржуазия, заручившись поддержкой отколовшихся от революционного пролетариата, руководит подавлением революционного движения? Кто из нас хочет помочь ей в этом преступном деле? Кто из нас хочет собственными руками отдать свою судьбу в распоряжение тех, самым сильным желанием которых является желание задушить нас? Никто, конечно. Товарищи, среди нас нет и не может быть врагов рабочего класса, врагов самим себе. Среди нас нет и не может быть предателей, потому что это значило бы предавать самих себя…

Товарищи-братья! Одумайтесь, не придавайте значения мелочам, какими в данный момент являются партийные

---

1 *Попов А. Л.* Указ. соч. *С.* 399. Аналогичные резолюции были приняты конторскими служащими Путиловского завода и Путиловской верфи (*Новая жизнь*, 1 ноября 1917 г.), Центральным Комитетом петроградского порта (там же, 3 ноября 1917 г.), Всероссийским союзом работников почты-телеграфа (*Попов А. Л.* Указ. соч. С. 393), конторскими служащими резиновой мануфактуры «Треугольник» (там же), Всероссийским профсоюзом рабочих и служащих водных путей (*Знамя труда*, 3 ноября 1917 г.). Конечно, это была позиция Викжеля.

разногласия. Не в партиях сейчас дело, а в судьбе революции, в судьбе мировой бойни, дело в том, чтобы не пухнуть и не умирать нам и нашим семьям с голоду – ведь именно этого хотят идущие против нас контрреволюционеры, так неужели же мы поможем им губить нас и наших детей? Нет, тысячу раз нет! Рабочий не так туп и глуп, как думают предатели. Он терпел, слишком долго терпел, но переполнилась чаша терпения – нет больше сил оставаться молчаливым зрителем своей гибели, нет больше сил тратить время на разговоры там, где нужно дело…

Все, как один человек, отстаивайте наше справедливое рабочее дело. И мы победим, несмотря на расставленные перед нами сети предательства, победим, несмотря на скрежет зубовный наших врагов, победим при условии единения и сплоченности всех социалистических сил пролетариата.

Долой фракционные распри!

Да здравствует единый рабочий класс!»[1]

Это был призыв к единству, но единству снизу и на стороне Советов. «Отколовшиеся от рабочих предатели» – ясная ссылка на оборонцев, создавших Комитет спасения.

Из приведенных резолюций видно, что подавляющее большинство рабочих отвергли нейтралитет и поддержали новую власть. Но если более умеренные требовали однородного социалистического правительства, то более радикальные хотели включить в коалицию лишь большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов. Какая-то часть рабочих вообще не настаивала на коалиции, лишь бы власть несла ответственность перед Советами.

Резолюция рабочих Путиловской верфи, призывавшая к соглашению между партиями и беспощадной борьбе с контрреволюцией во главе с Керенским и Калединым, была типичной для более умеренных рабочих. Среди прочего, резолюция призывала немедленно увольнять любого, кто отказывался подчиняться Военно-революционному комитету или бастовал против Советского правительства. Далее резолюция продолжала: «*…Просим всех тех, кто стоит за рабочее, солдатское и крестьянское дело,*

1 Райсоветы. Т. I. С. 154. О более ранней резолюции см. также: Док. окт. С. 758.

вынести порицание тем лидерам, которые из чисто самолюбивых побуждений покинули Съезд Советов 25-го октября, желая этим распылить и разбить единый фронт рабочих, солдат и крестьян. Поэтому мы решили, что отныне в нашей среде не должно быть никаких партийных и фракционных разногласий, а все мы, как один человек, будем защищать до последней капли крови свое Революционное правительство – Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и созданный им Военно-революционный комитет, а все остальные организации, как Комитет охраны общественной безопасности и партийные группы, не желающие подчиняться и работать в тесном единении со Всероссийским Съездом Советов, не пользуются ни малейшей нашей поддержкой и встретят во всех своих действиях, направленных против Съезда Советов, наш решительный и единодушный отпор. Покинув Съезд, они пошли против рабочих, солдат и крестьян. Вместо лозунга единения они стараются внести распыление и междоусобицу…

Требуем, чтобы Правительство было ответственно только перед ЦИК… Полное отклонение представительства в ЦИК. организаций, не входящих в состав Советов…»[1]

Судя по докладам на заседании Петербургского комитета большевиков 29 октября, эта позиция нашла самый сильный отклик в Невском, Пороховском и Нарвском районах, где рабочие требовали формирования коалиции всех социалистических партий пропорционально их представительству в ЦИК, т.е. коалиции, ответственной перед Советами, и предупреждали лидеров против любых отклонений от этого принципа. Они поддержали меры, необходимые для защиты революции против войск, введенных

1 *Попов А. Л.* Указ. соч. С. 309. Среди предприятий и организаций, поддерживавших данную позицию, были: Адмиралтейский судостроительный завод (ЦГА СПб 9391/l/11/45); локомотивный, котельный и машиностроительный цеха Путиловского завода (*Знамя труда*, 31 октября 1917 г.); Главные мастерские Северо-западной железной дороги (*Попов А. Л.* Указ. соч. С. 315–316); Завод «Пулемет» (*Знамя труда*, 3 ноября 1917 г.); Невский районный Совет фабрично-заводских комитетов (*Новая жизнь*, 4 ноября 1917г.); Колпинский районный Совет (ЦГА СПб. 171/1/1/17); Исполком петроградского Совета (*Новая жизнь*, 1 ноября 1917г.): Петроградский Совет профсоюзов (там же, 4 ноября 1917 г.); Исполкомы профсоюзов текстильных и кожевенных рабочих (*Знамя труда*, 9 ноября 1917 г.); Центральный Совет фабрично-заводских комитетов (*Новая жизнь*, 1 ноября 1917 г.).

в заблуждение Керенским, и одновременно призывали предпринять усилия, чтобы положить конец гражданской войне[1].

Но были и рабочие, соглашавшиеся с позицией Ленина и Троцкого, твердо стоявшие против переговоров с оборонцами. В докладе Московского района на заседании Петербургского комитета большевиков сообщалось, что рабочие выступали за коалицию с интернационалистами, поскольку те стояли на платформе Второго съезда Советов, но отношение к включению оборонцев в правительство было в основном отрицательным, хотя часть рабочих согласилась бы с этим, но только на платформе Съезда[2]. От Петроградского района сообщалось, что рабочие были возмущены переговорами с оборонцами[3]. Учитывая серьезную идентификацию рабочих с Советами, решение оборонцев покинуть Съезд, а затем участвовать в Комитете спасения глубоко дискредитировало их в глазах многих рабочих. В резолюции Совета Петергофского района заявлялось: «*Мы осуждаем самым категорическим образом всех тех, кто ушел со Съезда, поставив себя в положение дезертиров от революции и новых союзников скрытой и открытой контрреволюции*»[4]. На многих собраниях в резолюциях в поддержку новой власти вообще не поднималось вопроса о коалиции. Это не могло быть случайным упущением, поскольку все общегородские рабочие организации выступали публично за коалицию[5].

1 В Октябре. С. 173–174.

2 Там же.

3 Петербургский комитет. С. 523. См. также позицию рабочих «Скорохода» в: Док. нояб. С. 155.

4 Док. нояб. С. 161. Об аналогичных резолюциях, принятых рабочими кожевниковской фабрики. См.: В Октябре. С. 178.

5 В числе таких предприятий были: Шлиссельбургская электрическая станция (*Правда*, 4 ноября 1917 г.), Адмиралтейский судостроительный завод в начале ноября (ЦГА СПб. 9391/1/11/48), Кабельный завод (*Правда*, 4 ноября 1917 г.), Петроградское трамвайное депо (*Правда*, 1 ноября 1917 г.), Петроградский авиапарк (*Правда*, 4 ноября 1917 г.), резиновая фабрика «Треугольник» (*Правда*, 2 ноября 1917 г.), Снарядный завод (*Знамя труда*, 17 ноября 1917 г.), Сестрорецкий оружейный завод (*Знамя труда*, 3 ноября 1917 г.), текстильная мануфактура Кожевникова (В Октябре. С. 178), фабрика бр. Леонтьевых (*Правда*, 3 ноября 1917 г.), Новая бумагопрядильня (*Известия*, 2 ноября 1917 г.), фабрика Воронина (*Правда*, 5 ноября 1917 г..), Подготовительное собрание работниц (*Попов А. Л.* Указ. соч. С. 306–307), Исполком профсоюза работников игл (*Правда*, 2 ноября 1917 г.), собрание конференции 2000 рабочих и солдат

Учитывая, как долго на протяжении 1917 г. были сильны оборонческие настроения среди работниц, поражает их твердая позиция в поддержку новой власти в октябре. В конце октября текстильщицы даже конфликтовали с руководством своего профсоюза из-за отказа последнего оказать полную поддержку новому правительству во время переговоров Викжеля. Этот вопрос обсуждался на собрании Профсоюза текстильщиков 26 ноября. Делегаты были особенно возмущены отказом руководства профсоюза в начале ноября передать 4000 руб., собранных текстильщицами для нужд Военно-революционного комитета и ЦИК. «*В то время, как мы решили отдать деньги той части пролетариата, которая объявила беспощадную борьбу капиталу, этому пролетариату правление постеснялось отдать гроши, собранные с рабочих*», возмущенно заявила делегатка. Другая воскликнула: «*Позор соглашательской политике!*» Им ответили, что в то время соглашение представлялось возможным, и руководство хотело оказать давление на обе стороны. Теперь же, когда ясно, что соглашение невозможно, оно безоговорочно поддерживает новое правительство[1].

Подготовительное собрание Конференции работниц 5 ноября, чьи 500 делегаток представляли 80 тыс. работниц, осудило левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов и тех большевистских лидеров, кто отказал новой власти в необходимой поддержке. В частности, осудили вышедших из Совнаркома Зиновьева и Каменева после решения ЦК большевиков 1 ноября прекратить переговоры с Викжелем, объявив их бесплодными[2]: «*Совещание работниц призывает социалистов-интернационалистов не саботировать крестьянскую [!] революцию, работать единым революционным фронтом во всех советских организациях и заявляет ушедшим народным комиссарам и интернационалистам, что пролетариат не простит им*

Московского района (*Правда*, 3 ноября 1917 г.), пищевые предприятия Продовольственной управы Петрограда (*Попов А. Л.* Указ. соч. С. 309), собрание делегатов рабочих и служащих городских предприятий (Док. окт. С. 573).

1 *Перазич В.* Указ. соч. С. 98.

2 Зиновьев, один из подавших в отставку комиссаров, позднее так пытался объяснить свою позицию: «Мы вышли из партии, чтобы настоять на соглашении, но противоположная сторона отказалась. Нас жестко критиковали и товарищи по партии, и делегации рабочих». – *Знамя труда,* 8 ноября 1917 г..

бегства с поля битвы тогда, когда рабоче-крестьянскому правительству нужно все напряжение сил для огромной борьбы с капиталистами»[1].

В петроградской организации большевиков можно было наблюдать такой же спектр позиций, как у рабочих города, хотя рабочие-большевики склонялись больше к позиции Ленина и Троцкого. Без прямого оспаривания позиции ЦК общее собрание организации большевиков Выборгского района заявило 1 ноября: «*Никакого соглашательства с партиями и группами, стремящимися подорвать пролетарско-крестьянскую революцию соглашательством с буржуазией!*»[2] Когда 29 октября Петербургский комитет собрался по вопросу о переговорах под эгидой Викжеля, позиция большинства ЦК, решившего участвовать в переговорах, подверглась резкой критике. Собрание приняло резолюцию, заявлявшую, что правительство должно нести ответственность перед Советом, что отход от программы съезда Советов недопустим. Резолюция обошла молчанием переговоры и вопрос о коалиции[3].

Петербургский комитет большевиков собрался вновь 2 ноября для обсуждения последних событий, в частности отказа оборонцев от принципа ответственности правительства перед Советами. Было сообщено, что в это время представители Московского комитета партии встречаются с ЦК и настаивают на формировании коалиции с оборонцами. Одновременно левые эсеры угрожали выйти из ЦИК, если не будет сформировано коалиционное правительство. Меньшевики-интернационалисты, в свою очередь, 1 ноября уже вышли из ЦИК после голосования (за – 40, против – 31) против включения в свои ряды делегатов от организаций, не представленных в Советах. Петербургский комитет большевиков, опасаясь, что под этим давлением большинство ЦК может уступить и пересмотреть свое решение о прекращении участия в переговорах, немедленно отправил делегацию, чтобы предупредить товарищей против какого бы то ни было отступления от принципа исключительно Советской власти. Я. Г. Фенигштейн подытожил позицию большинства Петербургского

1 *Попов А. Л.* Указ. соч. С. 306–307.
2 *Правда,* 9 ноября 1917 г..
3 Петербургский комитет. С. 535.

комитета: «*То, что вчера ушли меньшевики-интернационалисты и сегодня грозят уйти левые социалисты-революционеры, не изменяет дела. Дело не в соглашении, а в характере русской революции... Если мы пойдем на соглашение с оборонцами, то они внесут такие изменения, которые будут направлены против крестьянско-рабочей революции. Они всем своим поведением указывают, что надо проложить мост между пролетарско-крестьянской революцией и буржуазией*»[1].

Заседание Петербургского комитета в конце концов приняло резолюцию в поддержку позиции ЦИК против участия в нем групп, не стоявших на платформе съезда Советов[2].

В Петербургском комитете большевиков не было единодушия. 4 ноября на собрании партийного комитета Второго городского района стало известно, что в ответ на ультиматум левых эсеров Каменеву удалось убедить ЦИК согласиться на включение в его ряды 50 депутатов-оборонцев Городской думы и снизить участие большевиков в правительстве до «*по меньшей мере половины*». Это известие разделило Петербургский комитет: некоторые отказались отступать с позиции исключительно Советской власти; другие были готовы на уступки, опасаясь, что правительство, состоящее только из большевиков, будет изолировано[3].

Партийные «низы» не страдали от такого рода сомнений. Все десять ораторов, выступавших на вышеуказанных собраниях, большинство из которых были рабочими, решительно высказались против любого отступления от принципа исключительно власти Советов[4]. Районные партийные организации держались той же позиции. Резолюция общего собрания большевиков Нарвского района заявляла, что если партия большевиков оказалась у власти в единственном числе, так вышло потому, что другие партии покинули съезд, отказавшись от коалиции на основе Советов. Обращаясь к более умеренным членам ЦК партии, собрание постановило: «*Никаких колебаний со стороны руководящих органов революционной партии. Мы заявляем ушедшим комиссарам и членам ЦК, Каменеву и Зиновьеву, что рабочий класс*

1 Петербургский комитет. С. 557.
2 Там же. С. 558.
3 Первый легальный ПК. С. 345.
4 Там же. С. 345–347 .

не простит им их дезертирства с ответственных постов в столь грозный момент»[1].

Уход партийных лидеров из Совнаркома был осужден и организациями Рождественского, Лесного и Литейного районов, хотя две последние организации (в этих районах было мало промышленных производств) выступали в пользу широкой коалиционной власти[2].

Экстренная Четвертая петроградская конференция большевиков 4 ноября тоже стояла на левой позиции: «*Наша партия... нуждается не в содействии мелкобуржуазных политических групп, а в беззаветной поддержке трудящихся и угнетенных масс. Такая поддержка обеспечена нашей партии при условии, если ее руководящие учреждения, привлекая в состав советской власти и ее органов все жизнеспособные силы, стоящие вне партии, категорически отбросят в то же время беспринципное соглашательство с политическими и профессиональными верхушками, интересы которых целиком враждебны пролетарско-крестьянской революции*»[3].

Как в первые недели после возвращения В. И. Ленина в Россию в апреле, так и в период перед Октябрьским восстанием, партийные «низы» занимали позиции левее, чем руководство. Именно давление «снизу», а не личный авторитет Ленина (в конце концов, его авторитет не остановил ЦК от сокрытия его писем от партии) позволило ему перетянуть руководство партии на свою сторону. Ленин не блефовал, когда в очередной раз пригрозил обратиться к рядовым партийцам против «дезертиров» в руководстве. А рядовые большевики, в свою очередь, были плоть от плоти рабочего класса Петрограда, отражая его радикализм.

Вопрос об однородном социалистическом правительстве был окончательно похоронен почти для всех рабочих, когда всем стало ясно, что расхождения между партиями были принципиальными и не могли решиться давлением масс на лидеров. Выступая в середине ноября на Пятой петроградской конференции фабрично-заводских комитетов, Скрыпник объяснял: «*Нам*

1 Док. нояб. С. 167.

2 Там же. С. 164–165.

3 Там же. С. 158. См. также: Четвертая петроградская общегородская конференция РСДРП(б) в 1917 // *Красная летопись*, № 3 (24), 1927. С. 58–64.

говорят, что нужно согласиться, что нужен единый фронт. Да, мы согласны. Но объединения нужны такие, которые способны работать. Но народные социалисты, эсеры-оборонцы и с.д. – меньшевики – разве они отказались от коалиции с буржуазией? Нет, – мы согласимся с оборонцами, оборонцы с н.–с., а н.–с. с кадетами, которые являются врагами революции. Необходимо великодушие, но пусть оно не приведет к примирению с буржуазией. Единый социалистический фронт означает отказ от завоеваний революции»[1].

Переговоры, организованные Викжелем, сыграли важную роль в прояснении ситуации для рабочих. Поняв, что дело не в тщеславии лидеров, они уже не обвиняли большевиков в неуступчивости. Одновременно пошли на убыль опасения изоляции и гражданской войны в рядах демократии, благодаря победам красногвардейцев в боевых действиях в Москве и под Петроградом.

Петроградский Совет собрался 6 ноября для обсуждения вопроса о переговорах между партиями. Г. Я. Сокольников, выступая от фракции большевиков, объяснил, что в действительности оборонцы требовали нового предпарламента, в котором представители ЦИК были бы в меньшинстве, а представители оборонческих партий – в большинстве; представители солдат избирались бы не рядовым составом на общих собраниях, как это было в случае с избранием делегатов в ЦИК, но на заседаниях армейских комитетов, избранных еще весной, когда большинство солдат еще стояли на позициях оборонцев. Кроме того, оборонцы настаивали на безусловном прекращении всех репрессивных мер, в частности на открытии буржуазных газет, освобождении политических заключенных, в том числе арестованных министров и восставших юнкеров, а также на передаче милиции в ведение Городской думы. Сокольников охарактеризовал эти требования как позорное заступничество буржуазии. Советское правительство могло вести переговоры только с левыми эсерами, которых оно призвало войти в коалицию с большевиками.

1 ФЗК III. С. 36. Суханов пришел к тому же выводу в конце октября 1917 г. В статье в *Новой жизни* он писал, что большевики пошли на уступки, и поэтому вся ответственность за провал переговоров и за гражданскую войну лежит на «правых элементах демократии», отвергших коалицию с сильнейшей социалистической партией во имя коалиции с буржуазией. – *Новая жизнь*, 30 октября 1917 г.

Затем Сокольников задал залу вопрос: отражают ли волю масс колебания народных комиссаров, сложивших с себя полномочия? Из зала донеслись возгласы: «Нет!». Когда он попросил поднять руки тех, кто мог оправдать поступок этих комиссаров, не поднялось ни одной руки. Была принята резолюция лишь с единственным голосом против и двадцатью воздержавшимися о том, что власть должна оставаться в руках Советов. Она также содержала требование прекратить переговоры с «предателями» – меньшевиками-оборонцами и правыми эсерами и призывала левых эсеров «решительно примкнуть к рабоче-крестьянской революции» и войти в Совет народных комиссаров[1].

Подобные изменения в настроениях рабочих царили и на собраниях тех фабрик и заводов, где ранее рабочие призывали к формированию единой социалистической коалиции. 7 ноября собрание 500 рабочих Адмиралтейского судостроительного завода, заслушав доклады от представителей различных партий, единогласно приняло следующую резолюцию: «*Мы, рабочие Адмиралтейского судостроительного завода… высказываемся за полную и неподдельную власть Советов и против всякого соглашательства с партиями оборонцев-соглашателей, которые своей политикой привели страну и революцию на край гибели. Мы требуем от нашего рабочего и крестьянского правительства силы, решительной и беспощадной политики по отношению к тем, кто саботирует или другими мерами пытается сорвать власть рабочих и крестьян.*

Мы многим пожертвовали для революции и готовы, если понадобиться, на новые жертвы, но не отдадим власть тем, у кого мы ее вырвали в кровавом бою. Никаких колебаний, никаких шатаний, с полной верой в наши силы и успех нашего правого дела – вперед!»[2]

Левые эсеры, единственная партия помимо большевиков, пользовавшаяся значительной поддержкой рабочих столицы, также отказалась от своей прежней позиции. Газета *Знамя труда* 8 ноября признавала, что лозунг однородного

1 *Новая жизнь,* 7 ноября 1917 г.; *Знамя труда,* 7 ноября 1917 г.
2 ЦГА СПб 9391/I/11/48. О резолюции этих рабочих, принятой 31 октября и требующей однородного социалистического правительства, см. там же 9391/I/11/45.

социалистического правительства пережил свое время. Проблема была в том, что некоторые, называвшие себя социалистами, оказались всего лишь буржуазными демократами. Даже если бы удалось сформировать «*однородное правительство*», в действительности оно оказалось бы коалицией лишь с «*самой радикальной частью буржуазии*». Ошибка вскоре выяснилась в «смерче событий». Как только обе стороны поняли свою ошибку, а оборонцы ее поняли раньше, заняв с самого начала непримиримую позицию, «*соглашение распалось само собой*»[1]. Только меньшевики-интернационалисты продолжали настаивать на широкой коалиции и отказывались от участия в правительстве, не выходя из ЦИК[2].

Левые эсеры теперь были готовы войти в коалицию с большевиками, так как только эти две партии поддерживали принцип правительства, ответственного исключительно перед Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. И поскольку главная социальная опора левых эсеров находилась в деревне, их решение войти в коалицию рассматривалось как акт укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Этот союз был оформлен на внеочередном Всероссийском съезде крестьянских депутатов в Петрограде 10–25 ноября. Делегаты на этот съезд избирались на уровне уездов, а не губерний, как было на предыдущем съезде. Поэтому съехавшиеся делегаты более точно отражали позиции рядовых крестьян, сильно полевевших за предыдущие месяцы. Съезд был «внеочередным», потому что был созван вопреки сопротивлению действовавшего Исполкома. Среди делегатов было 110 левых эсеров, 50 эсеров, 40 большевиков, 15 сочувствующих большевикам и 40 беспартийных. Оборонцы покинули съезд вскоре после его открытия. 15 ноября съезд одобрил платформу Второго съезда Советов

1 *Знамя труда,* 8 ноября 1918 г.

2 Вскоре после этого интернационалистическое крыло партии завоевало в ЦК большинство, и 19 ноября ЦК осудил прежнюю политику партии. (*Haimson I. H*. Op. cit. P. 94). Отныне, за исключением некоторых правых элементов в партии, меньшевики выступали в качестве оппозиции в ЦИК. В отличие от эсеров они отвергали вооруженную борьбу против Советской власти. Когда началась революция в Германии в ноябре 1918 года, партия наконец признала принцип Советской власти в России, хотя по-прежнему оставалась в оппозиции правительству.

рабочих и солдатских депутатов и принял решение в пользу слияния нового Исполнительного Комитета с ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов.

Таким образом, как казалось тогда, стратегия левого крыла большевистской партии оправдалась: политика Советского правительства по вопросам земли и мира завоевала ему поддержку, если не всего крестьянства, то значительной его части. Когда на крестьянском съезде стало известно, что российские войска заключили перемирие с немецкой армией на всех фронтах, «*произошло нечто невообразимое. Первый момент – совершенная тишина, вслед за которой раздаются бурные и шумные нескончаемые аплодисменты. Большинство делегатов встают и продолжают аплодировать, стоя*»[1]. Когда докладчик от большевиков по земельному вопросу признал, что декрет Второго съезда Советов о земле стал объектом справедливой критики и потому ЦИК решил оставить земельную реформу на откуп крестьянам, чтобы они делали, как лучше им самим, союз рабочих с крестьянами был закреплен, хотя бы на данный период.

Слияние Исполнительных комитетов обоих съездов было встречено рабочими Петрограда с огромным энтузиазмом. Типичной была резолюция рабочих Путиловского завода, принятая единогласно: «*Заслушав доклад Совета рабочих и солдатских депутатов об объединении трех социалистических партий – большевиков, меньшевиков-интернационалистов [!] и левых эсеров, мы, рабочие 3-го округа кузнечной, прессовой и пилорубной мастерской, как один человек, приветствуем это объединение, как давно желаемое, и шлем горячий привет всем товарищам, работающим на платформе Всероссийского съезда трудового народа – беднейших крестьян, рабочих и солдат*»[2].

14 ноября 1917 г. в сопровождении оркестров и почетного караула весь крестьянский съезд перешел в Смольный, где состоялось совместное торжественное заседание с ЦИК рабочих и солдатских депутатов. «*Атмосфера возвышенная, радостная, чувствуется действительно, что свершается что-то великое*», писала газета *Знамя труда*. Лидер левых эсеров М.А. Спиридонова, много лет отсидевшая на каторге за убийство карателя

1 *Знамя труда,* 16 ноября 1917 г.
2 Там же, 18 ноября 1917 г.

тамбовских крестьян в 1906 г., открыла заседание пламенной речью, объявив его «*первым актом на пути к свободному союзу трудящихся всего мира, к Интернационалу*»[1].

Желаемое единство «революционной демократии», казалось, было восстановлено. Оно не приняло формы однородного социалистического правительства. Оно было единством «снизу», из которого себя исключили средние слои общества и в первую очередь интеллигенция. Говоря о съезде левых эсеров, открывшемся 20 ноября 1917 г., газета *Знамя труда* писала: «*Любопытно отметить, что все докладчики, указывая на разделение правых и левых [эсеров], констатируют, что направо ушли, главным образом, интеллигенты, составив, таким образом, небольшие группы. Массы же пошли или за левыми эсерами или за большевиками*»[2].

Всероссийский съезд железнодорожных рабочих и мастеровых, открывшийся 13 ноября, проходил, согласно сообщению газеты *Знамя труда*, «*почти в полном отсутствии интеллигентов. Даже президиум состоял почти исключительно из рядовых*». Этот съезд осудил Викжель, руководство профсоюза железнодорожников (за – 154, против – 22), как «*верхушку организации, которая никоим образом не отражает революционной воли пролетариата*»[3].

В конце 1917 г. левый эсер и член ЦК фабрично-заводских комитетов В. М. Левин так резюмировал отношения между рабочими и интеллигенцией: «*В момент, когда ломаются старые буржуазные цепи государства, мы видим, как от революционного народа отходит интеллигенция. Люди, имевшие счастье получить научное образование, покидают трудовой народ, который вынес их всех на своих измученных и израненных плечах. Мало того, отходя, они издеваются над его немощностью, безграмотностью, неумением безболезненно производить великие преобразования, идти к достижениям. И это, последнее,*

1 *Знамя труда,* 16 ноября 1917 г.

2 Там же, 19 ноября 1917 г.

3 Там же, 17 ноября 1917 г. Итоги голосования за эту резолюцию тем удивительнее, что в этом профсоюзе состояло большое число служащих.

особенно больно народу. И растет в нем инстинктивно вражда к “образованным”, к интеллигенции»[1].

Октябрьская революция стала кульминацией процесса раскола российского общества, имевшего глубокие корни в его истории и структуре. Октябрь явился восстанием «низов» против «верхов». С этой точки зрения он мог показаться антитезой Февральской революции, которая на недолгое время сгладила существовавшие противоречия. Опыт восьми последующих месяцев убедил рабочих, хотя некоторые были уверены в этом с самого начала, что интересы имущих классов были непримиримо враждебными демократическим целям Февральской революции, что осуществление этих демократических целей требовало новой революции, на этот раз направленной против имущих классов. Это, в свою очередь, означало, что и социальная установка революции должна была стать иной.

1 *Знамя труда,* 17 декабря 1917 г.

ГЛАВА 13
УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАБОЧЕЙ ОППОЗИЦИИ

Выборы

Первые недели после Октябрьского восстания явились несомненной кульминацией пролетарской поддержки новой власти и большевистской партии. На выборах в Учредительное собрание 14 ноября рабочие проявили высокую степень единодушия. Хотя избирательная кампания была короткой и не особенно интенсивной, особенно со стороны большевиков[1], на избирательные участки пришли 78% из 1205737 избирателей в Петрограде[2]. Из них 45% проголосовали за список большевиков, что явилось значительным ростом по сравнению с 33,4% голосов, которые партия получила 20 августа 1917 г. на выборах в Городскую думу[3].

Как и на предыдущих выборах, большевики в значительной степени опирались на промышленный пролетариат (см. *табл. 13. 1*). Меньшевистская газета *Новая жизнь* писала: «*В Выборгском районе, населенном главным образом рабочими и насчитывающем 95000 избирателей, выборы прошли так же оживленно и спокойно... Самым большим и исключительно пролетарским участком здесь является четырнадцатый... Здесь в течение двух дней голосовало 70%. За редкими исключениями это список большевиков...*

15-й участок Коломенского района – рабочий, и список 4 [большевиков] популярен...

Рабочие и служащие Московского трамвайного депо голосуют только за список 4...

---

1 М. С. Урицкий сообщал Петербургскому комитету РСДРП(б): «Предвыборная агитация совсем не велась даже здесь в самом Питере, так как этот период совпал как раз с днями Октябрьского переворота». Петербургский комитет. С. 602. См. также: ПК. С. 375.

2 *Наша речь*, 17 ноября 1917 г.

3 См. *табл. 9.1* [гл. 9 «Переосмысление революции»].

Факт надо признать: рабочие Петрограда признали большевиков своими лидерами и выразителями своего массового мнения и в Учредительном собрании»[1].

К этому времени политическая позиция Петроградского гарнизона стала соответствовать позиции рабочих. Солдаты, в подавляющем большинстве своем молодые крестьяне, практически полностью отказались от своей прежней поддержки эсеров и перешли к большевикам[2].

Табл. 13.2 дает представление о том, насколько углубилась классовая поляризация со времени майских и августовских выборов в городскую и районные думы. Находившиеся на противоположных сторонах политического спектра большевики и кадеты увеличили свою долю голосов за счет умеренных, меньшевиков и эсеров. Но большевики в гораздо большей степени, чем кадеты, – почти в два раза – увеличили свою поддержку со времени августовских выборов. В августе эсеры завоевали абсолютное или относительное большинство в десяти районах, большевики в шести, кадеты в двух. В ноябре эсеры не лидировали ни в одном районе, большевики получили большинство в двенадцати районах и кадеты в шести. Все шесть районов, где лидировали кадеты, за исключением мелкобуржуазного Московского района с преобладанием конторских служащих, лавочников, ремесленников и т.п., были расположены в «буржуазном» центре города. За большевиками шли все более отдаленные промышленные округа – Выборгский, Петергофский, Нарвский, Невский, Полюстровский, а также рабочие кварталы Васильевского острова и Петроградской стороны[3].

Политический центр, столь сильный весной 1917 г., рухнул. Кадеты, как и раньше, опирались на преданность имущих классов, как и высших административных и научно-технических кадров и представителей либеральных профессий. Однако существовали крупные социальные группы, изменившие свои политические предпочтения между августом и ноябрем. Это были рабочие и солдаты, а также «промежуточные элементы». Склонявшиеся влево рабочие и солдаты в основном перешли к большевикам,

1 *Новая жизнь*, 14 ноября 1917 г.
2 *Наша речь*, 17 ноября 1917 г.
3 См. выше. Гл. 2.

Таблица 13.1

Результаты выборов в Учредительное собрание (ноябрь, 1917 г.) по районам Петрограда (в % от общего числа голосов в районе)

Район	Большевики, %	Меньшевики-интернационалисты, %	Меньшевики, %	Эсеры, %	Кадеты, %	Другие[a], %	Всего поданных голосов
Адмиралтейский	23,0	0,5	1,4	17,7	43,4	13,8	**13387**
Александро-Невский	48,5	1,0	1,4	19,4	21,0	8,7	**59713**
Василеостровский	48,1	1,0	1,5	15,3	24,4	10,3	**94549**
Выборгский	67,9	1,0	1,3	12,8	11,7	5,3	**47821**
Казанский	19,9	1,2	2,1	14,0	48,2	14,7	**22475**
Коломенский	35,8	1,2	2,3	14,5	34,0	12,3	**37951**
Лесной	47,4	2,2	2,6	12,8	27,6	7,3	**21107**
Литейный	19,7	1,1	2,4	13,7	47,4	15,7	**48731**
Московский	26,2	1,4	2,5	12,2	44,6	13,0	**67706**
Нарвский	48,4	1,0	1,6	18,9	20,5	9,6	**91608**
Невский	41,3	0,7	1,3	39,0	10,7	6,9	**43736**
Новая деревня	45,7	1,7	2,3	14,4	25,8	10,1	**12567**
Охтинский	45,7	0,8	1,4	19,6	23,9	8,6	**20841**
Петергофский	68,2	0,6	0,8	18,7	6,6	5,0	**42144**
Петроградский	39,1	1,8	3,2	12,4	33,7	9,9	**115623**
Полюстрово	57,7	1,2	1,2	24,3	10,0	5,5	**23357**
Рождественский	28,2	1,4	3,1	14,3	38,4	14,6	**54505**
Спасский	29,5	1,0	1,0	9,7	40,1	18,6	**35202**
Гарнизон	77,0	0,5	0,6	11,3	5,6	5,0	**88197**
Все районы	**45,0**	**1,2**	**1,8**	**16,1**	**26,2**	**9,6**	942333 [b]

a. Включает голоса, поданные за религиозные партии (4,5% от общего числа), правые социалистические группы (3,2%) и других.
b. Итог фактически равен 941220. Расхождение с опубликованными данными получается за счет исключения пяти списков из разбивки по районам.
Источник: Наша речь, 17 ноября 1917.

а «промежуточные элементы» ушли в своем большинстве к правым партиям. Например, в Московском районе, где промышленных рабочих было немного (всего 21 тысяча из общей численности населения в 194 тыс. чел.[1]), политическая поддержка кадетов возросла численно гораздо больше, чем у большевиков, по срав-

1 См. выше. С. 57.

нению с августовскими результатами. Но там, где была сильная концентрация пролетарского населения, как, например, в Нарвском районе, часть промежуточных слоев по-видимому левели.

В целом по стране с ее подавляющим крестьянским населением, изолированным от центров политической жизни, сильной поляризации не наблюдалось. Центристские партии, в основном эсеры, сохранили свою значительную социальную базу, получив 40,9% голосов. За различные национальные и мусульманские партии, по политическим позициям близкие к эсерам, проголосовало 20,1% избирателей. Большевики получили 23,6% голосов, а кадеты и другие правые политические группы 8,4%. За меньшевиков проголосовало всего 3,0% избирателей[1]. Осенние выборы в Советы крупных и средних городов, а также партийный состав Второго съезда Советов не оставляют сомнений в том, что в то время подавляющее большинство рабочих России поддерживало большевиков и в существенно меньшей степени левых эсеров. Поддержку последних оценить затруднительно, поскольку партия эсеров формально раскололась лишь в ноябре. Поляризация петроградского общества не была исключением среди промышленных центров. В Москве за центристские партии проголосовало 11% избирателей (за эсеров – 8,1% и за меньшевиков 2,8%), тогда как за большевиков – 48% и за кадетов – 35%[2].

Поскольку левые эсеры не успели выдвинуть отдельный список от эсеров-оборонцев – формально они были исключены из партии только в конце октября, число голосов, поданных за общий список эсеров, не является верным показателем уровня поддержки «центристов» в целом по России. В августе на Совете партии эсеров 40% делегатов придерживались позиции левого крыла, в конце октября на Втором съезде Советов делегация эсеров почти поровну разделилась на правых и левых. Наконец, на внеочередном Крестьянском съезде, состоявшемся в ноябре в момент выборов в Учредительное собрание, численность делегатов левых эсеров более, чем в два раза, превысила численность делегатов от правых[3]. Тем не менее левые эсеры получили только 40 из 410 мест

1 *Radkey O.* The Election to the Russian Constituent Assembly of 1917.Harvard University Press, 1950. P. 80.

2 *Radkey O.* Op. cit. P. 53. См. также: *Новая жизнь,* 12 декабря 1917 г.

3 *Radkey O.* The Sickle under the Hammer. P. 290–291; *Radkey O.* The Election. P. 72.

в Учредительном собрании, поскольку при составлении списков кандидатов руководство партии эсеров не придерживалось принципа пропорциональности. Если бы он соблюдался, то, по мнению историков, изучивших этот вопрос, две партии – большевики и левые эсеры, стоявшие за власть Советов, получили бы большинство голосов в Учредительном собрании[1]. Стоит также отметить, что в сельских районах, расположенных ближе к промышленным центрам или в которых крестьяне были в контакте с солдатами, большевики перетянули себе много голосов от правых эсеров[2]. В более изолированных сельских районах, где крестьяне были слабо осведомлены о политических событиях, в частности о декретах съезда Советов, они поддерживали на выборах свою традиционную партию, обещавшую им «землю и волю».

В самом Петрограде большинство из 152 230 избирателей, проголосовавших за список эсеров, были сторонниками оборонцев, так как две недели спустя на выборах в Городскую думу, когда левые эсеры уже выступали по отдельному списку, они набрали лишь 26 тыс. голосов. Большевики на этих выборах получили 358 684 голоса, результат близкий к показателю на выборах в Учредительное собрание[3]. Правые партии и эсеры-оборонцы бойкотировали эти выборы. Какова была социальная база поддержки эсеров в столице в этот период? Согласно информации газеты *Новая жизнь*, «*многие, мечтающие об исходе из Петрограда на землю – извозчики, дворники, швейцары, рабочие военного времени и т.п., еще верят, что только эсеры могут обеспечить землю*»[4]. Был в Петрограде один район, где эсеры оставались явно значительной силой. Это был Невский район с его контингентом оседлых рабочих, имевших небольшую собственность[5].

Избиратели, проголосовавшие за список меньшевиков, предпочли оборонцев интернационалистам – с перевесом почти 2:1, если учитывать голоса, поданные за «Единство» – правый

1 *Acton E.* The Russian Revolution and Its Historians. In Acton E. et al., Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. Bloomington, Indian University Press, 1997. P. 10.
2 *Radkey O.* The Election. P. 21, 23–39.
3 *Правда,* 30 ноября 1917 г.; ПК. С. 369.
4 *Новая жизнь,* 16 ноября 1917 г.
5 См. главу 3.

социал-демократический список Плеханова[1]. Рабочие считали, что если поддерживать левую партию, то лучше большевиков, позиция которых выглядела для них более последовательной и хорошо понятной, и которые до сих пор выполняли то, что обещали. Меньшевик-интернационалист В.М. Осокин на съезде партии меньшевиков в начале декабря 1917 г. говорил, что «*коалиционный энтузиазм меньшевиков лишил их доверия в рабочем классе не только среди пришлых, случайных и "работающих на оборону" масс, но и у кадров квалифицированного пролетариата. Лишь немногочисленная старая гвардия – рабочая аристократия, в значительной мере сторонняя от масс, осталась в рядах меньшевизма, и притом – очень характерно – на крайнем правом его фланге*»[2].

Даже в среде так называемой «рабочей аристократии» поддержка меньшевиков значительно ослабла: в декабре печатники порвали со своей давней традицией и на выборах в правление своего профсоюза заменили меньшевистское большинство большевистским. На Всероссийском съезде работников печатного дела в конце декабря делегат Симонович из Петрограда говорил, что «*с избранием нового правления петроградские печатники оставили чисто экономическую позицию оборонцев и встали на сторону пролетариата*»[3].

Но мощная электоральная поддержка петроградского пролетариата партии большевиков мало объясняет то, как рабочие рассматривали роль Учредительного собрания в политической жизни страны. Сами большевики представляли Советское правительство, по крайней мере в первое время, как временную власть, которой вменялись в том числе организация выборов и созыв Учредительного собрания. Некоторые лидеры партии выражали опасения по поводу политической апатии рабочих или бойкота выборов. На заседании Петроградского Совета 10 ноября Зиновьев сообщал, что «*в некоторых рабочих и солдатских кругах распространяется теперь мнение, что Учредительное собрание не нужно, ибо мы обеспечили себе уже все свободы и все права, и что от добра добра не ищут. На что Совет почти единодушно призвал рабочих и солдат участвовать в выборах*[4]. *8 ноября на заседании*

1 *Наша речь*, 17 ноября 1917 г.
2 *Новая жизнь*, 7 декабря 1917 г.
3 *Знамя труда*, 30 декабря 1917 г.
4 *Новая жизнь*, 11 ноября 1917 г.

Таблица 13.2
Результаты выборов 1917 г. в Петрограде в районные думы [a] (27 мая –5 июня[b]), Центральную думу (20 августа) и Учредительное собрание(12–14 ноября). Разбивка по районам (в %).
(М – май, А – август, Н – ноябрь)

Район	**месяц**	**Большевики, в %**	**Меньшевики [c] в %**	**Эсеры, в %**	**Блок социалистов[d] в %**	**Кадеты, в %**	**Другие, в %**	**Общее число голосов**
Адмиралтейский (19761) [e]	М	15,8			58,7	23,8	1,8	18931
	А	35,7	2,2	35,8		21,3	5,0	11865
	Н	23,0	1,9	17,7		43,4	13,8	13387
Александро-Невский (96472)	М	12,8	10,6	60,5		13,3	2,7	68318
	А	28,0	3,4	52,4		13,8	2,5	43552
	Н	48,5	2,4	19,4		21,0	8,7	59713
Василеостровский (116263)	М[h]	34,3			45,2	17,7	2,8	108975
	А	8,1	8,2	32,9		17,7	3,1	64726
	Н	8,1	2,5	15,3		24,4	10,3	94549
Выборгский (61134)	М	58,2			33,4	6,9	1,5	58942
	А	3,0	3,5	23,9		7,6	2,1	35711
	Н	7,9	2,3	12,8		11,7	5,3	47821
Казанский (30043)	М	10,1			41,9	42,5	5,5	22077
	А	17,1	3,5	29,9		41,0	8,6	13375
	Н	19,9	3,3	14,0		48,2	14,7	22475
Коломна (58201)	М	14,9			55,9	25,2	4,0	40626
	А	29,7	2,3	38,3		26,2	1,5	23602
	Н	35,8	3,5	14,5		34,0	12,3	37951
Лесной (33851)	М							
	А	36,5	5,3	29,3		24,6	4,3	15830
	Н	47,4	4,8	12,8		27,6	7,3	21107
Литейный (64740)	М	8,6			51,5	37,9	2,1	59423
	А	16,9	4,0	35,2		38,5	5,3	31236
	Н	19,7	3,5	13,7		47,4	15,7	48731
Московский (100129)	М[f]	9,7			59,4[g]	31,0		69942
	А	21,3	4,5	34,8		33,0	6,3	39967
	Н	26,2	3,9	12,2		44,6	13,0	67706
Нарвский (128294)	М	17,1			68,9	11,9	2,1	106392
	А	33,3	3,2	50,2		11,3	2,1	69973
	Н	48,4	2,6	18,9		20,5	9,6	91608
Невский (59840)	М							
	А	20,1	2,8	66,8		8,5	8,5	30812
	Н	41,3	2,0	39,0		10,7	6,9	43736
Новая деревня (18921)	М							
	А	37,5	4,3	28,1		28,5	1,6	9805
	Н	45,7	4,0	14,4		25,8	10,1	12567

Район	**месяц**	**Больше-вики, в %**	**Меньше-вики [c] в %**	**Эсеры, в %**	**Блок соци-алистов[d] в %**	**Кадеты, в %**	**Другие, в %**	**Общее число голосов**
Охтенский (30300)	М							
	А	31,3	1,8	61,2		4,7	1,0	10978
	Н	45,7	2,2	19,6		23,9	8,6	20841
Петергофский (59040)	М							
	А	61,7	1,6	31,5		3,4	1,8	27949
	Н	68,2	1,4	18,7		6,6	5,0	42144
Петроградский (59040)	М	22,6		54,1		21,8	1,4	134345
	А	38,0	5,4	25,9		26,3	4,4	70515
	Н	39,1	5,0	12,4		33,7	9,9	115623
Полюстровский (30489)	М							
	А	39,0	2,3	47,7		9,6	1,3	8592
	Н	57,7	2,4	24,3		10,0	5,5	23357
Рождественский (82987)	М	5,0	32,1	28,2		30,5	4,2	59358
	А	15,5	4,9	39,3		33,6	6,6	34287
	Н	28,2	4,5	14,3		38,4	14,6	54505
Спасский (53201)	М	13,2			44,8	29,0	13,1	37581
	А	16,8	3,6	39,7		33,0	6,8	17970
	Н	9,5	2,0	9,7		40,1	18,6	35202
Все районы (1205737)	М	20,4			55,0[i]			
	А	33,4	4,3[j]	37,4		20,8	4,0	549350
	Н[k]	45,0	3,0	16,1		26,2	9,6	942333

a. Пять окраинных районов были включены в городскую черту после этих выборов.
b. Голосование проходило 27–29 мая за исключением двух районов, где выборы были отложены на одну неделю.
c. В ноябрьских выборах оборонцы и интернационалисты выступали по двум отдельным спискам. Итоги были объединены в табл. 14.1.
d. Блок меньшевиков-эсеров существовал только на майских выборах в ряде районов. В Казанском, Нарвском, Петроградском и Василеостровском районах блок включал трудовиков и народных социалистов.
e. Общее число имеющих право участвовать в выборах в Учредительное собрание.
f . Неполные данные.
g. Включает трудовиков и народных социалистов, хотя здесь они не блокировались.
h. Блок большевиков и меньшевиков-интернационалистов.
i. Включает блок социалистов, а также голоса меньшевиков и эсеров, где они выступали отдельно.
j. Список меньшевиков на этих выборах был интернационалистским.
k. Включает голоса солдат, не включенные в районные итоги выборов в Учредительное собрание. См. табл. 14.1.

Источник: Rosenberg W. G. Op. cit. P. 162, 220; Дело народа, 23–24 августа 1917 г.; Наша речь, 17 ноября 1917 г.

Петербургского комитета большевиков рабочий-путиловец заверял, что рабочие требовали выборов. Зато член ПК сообщал, что солдаты задавались вопросом – зачем нам Учредительное собрание, если у нас уже есть Советская власть?»[1]

Избирательная кампания велась без особой активности, однако явка избирателей в рабочих кварталах равнялась или даже превышала среднюю по городу, хотя везде была ниже, чем на майских выборах в районные думы. Активное участие рабочих в выборах показало, с одной стороны, что они считали Учредительное собрание важной ареной политической борьбы, а с другой, что они ждали от него поддержки политики Советского правительства. Иными словами, рабочие надеялись, что Учредительное собрание – орган, избранный на основе всеобщего избирательного права, даст общенациональное одобрение политике трудящихся классов. В этом духе 500 делегаток Конференции работниц Петрограда и области, представлявшие 100 тыс. работниц, подавляющим большинством голосов призвали рабочих голосовать за список большевиков, при этом требуя от Учредительного собрания, чтобы оно подтвердило все декреты Советской власти[2].

Возникает вопрос – зачем вообще нужно было Учредительное собрание? Отчасти здесь сказывалась эмоциональная привязанность рабочих к идее Учредительного собрания, за которую они боролись долгие годы. Более важным фактором, возможно, была надежда, что большинство на выборах выскажется за власть Советов, и тогда имущие классы, признав свое поражение, не затеют гражданской войны. Но и те рабочие, которые считали такую надежду иллюзорной, понимали, что выборы должны были состояться, поскольку крестьянство, часть солдат, а, может быть, и рабочих еще верили в Учредительное собрание. В свою очередь, организация петроградских большевиков призвала к максимальному участию в выборах.

Роспуск Учредительного собрания

После того, как итоги выборов стали известны, надежды, что Учредительное собрание поддержит Советскую власть, не осталось.

1 Петербургский комитет. С. 565.
2 *Правда,* 12 ноября 1917 г. См. также: *Новая жизнь,* 17 ноября 1917 г.

Преобладание в нем «соглашателей» означало, что в лучшем случае оно станет повторением Демократического совещания и также начнет настаивать на включении представителей имущих классов в правительство. С этого момента большевики и левые эсеры начали заявлять, что Учредительное собрание будет распущено, если оно выступит против власти Советов[1]. Дальше правительство объявило кадетов «врагами народа», а их лидеров подлежащими аресту[2]. На Крестьянском съезде в декабре 1917 г. Ленин заявил, что состав Учредительного собрания не отражает позиции масс, что «суббота для человека, а не человек для субботы» и что в будущем Советская власть будет арестовывать всех, кто отказывается ее признавать[3].

На этом фоне некоторые меньшевики, в нарушение решения собственного съезда, совместно с эсерами создали Комитет защиты Учредительного собрания с участием депутатов районных дум, представителей партий и рабочих. Они призвали к демонстрациям 28 ноября 1917 г. и 5 января 1918 г. в поддержку Учредительного собрания.

На этом этапе поддержку Учредительному собранию выражали главным образом рабочие, которые в Октябрьские дни поддержали позицию левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов в пользу однородной социалистической власти и немедленного прекращения гражданской войны. 7 декабря собрание рабочих чугунолитейного и механического завода Сан-Галли поручило своему делегату Петроградского Совета потребовать от Советского правительства учесть мнение меньшинства в ЦИК – речь шла, кажется, о меньшевиках-интернационалистах – и немедленно созвать Учредительное собрание[4]. На механическом заводе Рейхеля была принята следующая резолюция, предложенная меньшевиками-интернационалистами: «*Только Учредительное собрание может положить конец гражданской войне, осуществить наши требования о заключении демократического мира, передачи земли крестьянам и организации государственного контроля над производством.*

1 *Знамя труда,* 30 ноября 1917 г.; *Новая жизнь,* 3 декабря 1917 г.
2 *Новая жизнь*, 3 декабря 1917 г.
3 Там же, 28 декабря 1917 г.
4 Там же, 15 декабря 1917 г.

Вместе с тем мы признаем, что Советы рабочих депутатов должны сохранить свое значение, как органы, являющиеся выразителями наших интересов, которые должны отстаивать наши права»[1].

В этой резолюции ясно выражено желание рабочих избежать дальнейшей гражданской войны.

Сан-Галли и Рейхель были небольшими предприятиями. Но и на некоторых более крупных заводах рабочие выражались в том же духе, например рабочие артиллерийского цеха Патронного завода и «общее собрание рабочих (крестьян) [!]» молотовой мастерской Обуховского завода. На последнем рабочие приветствовали Учредительное собрание «*как идеал Русской революции, который лелеяли мы, и к которому стремятся все народы, все трудящиеся всего мира... А поэтому мы, рабочие Обуховского завода, несмотря на все трудности надвигающегося момента в области государственного строительства, требуем от Учредительного собрания, как выразителя воли народа, как действительного хозяина земли Русской, следующего узаконения...*»

Далее следовал список требований, в том числе и немедленное предложение демократического мира, передача всей земли крестьянам без выкупа, законодательное введение восьмичасового рабочего дня, установление минимальной заработной платы, «*рабочий контроль над производством, как переходную стадию к социализации фабрик и заводов*», социальное страхование, бесплатное всеобщее образование. Резолюция продолжала: «*Все указанные требования рабочих (крестьян) [!] Обуховского завода есть требования, есть голос трудового народа, обращенный к лицу Учредительного собрания, как выразителя воли всего трудового народа...*

А для этого мы требуем от демократии, от социалистов в Учредительном собрании помнить, что существует лишь классовая борьба, борьба труда с капиталом, и нет места раздорам в Учредительном собрании, где интересы трудового народа ставятся превыше всех отдельных партий и нет места тем, кто забудет народ и пойдет на поводу буржуазии.

А посему мы скажем: Нет раздору между социалистами! Долой вражду партийных вождей! Да здравствует

1 *Новая жизнь*, 10 декабря 1917 г.

единение всей демократии, как задаток победы трудового народа! Да здравствует единый революционный фронт! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует социалистическая революция!»[1]

Эта резолюция, исполненная стольких эмоций и принятая единогласно, не требовала ничего более, чем принятия Учредительным собранием программы Советского правительства, что, конечно, было исключено результатами выборов.

Но в целом отклик рабочих на кампанию в защиту Учредительного собрания был слабым. *Новая жизнь*, сочувствовавшая этой кампании, пристально следила за демонстрациями в поддержку Учредительного собрания в день его открытия 5 января 1918 г. К этому времени стало ясно, что правительство его не потерпит, если оно не подтвердит власти Советов. Как писала газета, осталось только наблюдать, какими методами большевики собираются его «изнасиловать»[2].

«*[На Васильевском острове] к началу манифестации собирается около 1000 человек, главным образом учащейся молодежи, много студентов университета, Горного института, курсисток и т.д. Рабочих в этой манифестации немного, хотя есть знамена от некоторых заводов, как Трубочный и т.д. В манифестации от этого района участвуют также небольшие группы матросов и солдат.*

[Манифестанты с Васильевского острова и Литейного района сливаются на Дворцовой площади.] В многочисленной толпе преобладала интеллигенция: студенты, мелкие чиновники и т.п. Группы рабочих с заводов Васильевского острова были немногочисленны: в каждой группе было всего несколько десятков человек. Солдат почти не было...

С 10 часов на Петроградской стороне... стали собираться участники демонстрации в защиту Учредительного собрания... Публика главным образом состояла из интеллигенции, мелких чиновников, много женщин. Изредка попадались кучки рабочих. Солдат почти не было. К этому времени всего можно было насчитать здесь приблизительно 1000 человек...

1 *Знамя труда*, 2 декабря 1917 г.
2 *Новая жизнь*, 4 января 1918 г.

Особенно грандиозной была манифестация Александро-Невского района, в которой приняли участие рабочие Обуховского завода, завода Паля и других предприятий из Невского района. В этой демонстрации приняло участие около 15000 человек. Демонстранты шли по Невскому с музыкой…

На площадь перед Царскосельским вокзалом в 12 часов дня стекаются манифестанты. Здесь группа рабочих завода "Вестингауз", служащие Николаевской железной дороги, Всероссийский железнодорожный союз, много учащихся. К этой манифестации присоединились также служащие правительственных, общественных и частных учреждений…»[1]

Из этой публикации ясно, что основную массу участников демонстрации составляли «промежуточные слои» при малом числе рабочих и солдат[2]. Позже *Новая жизнь* оспорила утверждение правительственной газеты *Известия*, что демонстрация состояла из «мелких мещан и чиновников», что рабочие в значительной степени отсутствовали. Она указала на присутствие рабочих ряда заводов, пришедших на демонстрацию со знаменами[3]. Но В. Строев, редактор газеты *Новая жизнь,* сам признавал, что «*немногие рабочие вышли на улицу 5 января для защиты единого революционного фронта*»[4]. С другой стороны, следует отметить, что правительство чинило препятствия демонстрациям, а лидеры рабочих организаций призывали рабочих в них не участвовать. Тем не менее эти меры не помешали участию значительного числа представителей «средних слоев». И некоторое количество рабочих все же участвовало, в первую очередь из Невского района.

1 *Новая жизнь,* 6 января 1918 г.

2 Американский историк О. Радки пришел к выводу, что поддержка Учредительного собрания в российском обществе была слабой: «… Судьбоносное значение имел тот факт, что пока демократические партии не уставали осуждать его [Ленина] за этот акт произвола [роспуск собрания], те, кто их поддерживал, не проявляли особой склонности защищать учреждение, которое российский народ перестал считать нужным для выполнения своих заветных желаний. Ибо Учредительное собрание еще до своего появления на свет попало в крутящиеся вихри революционных событий и в целом больше не привлекало интереса и поддержки населения, которое одно могло бы его спасти от насильственной гибели». (Radkey O. The Elections… P. 2).

3 *Знамя труда,* 9 января 1918 г.

4 Там же, 11 января 1918 г.

Следующая резолюция, принятая собранием рабочих завода «Треугольник» еще за месяц до роспуска Учредительного собрания освещала причины, почему большинство рабочих не выступало в его защиту:

«Мы, рабочие и работницы завода «Треугольник», собравшись 14-го декабря в столовой завода и обсудив текущий политический момент, заявляем:

1. Рабочие, солдаты и крестьяне, страшной ценой завоевавшие власть, этой власти, организованно проявляющейся через Советы Рабочих, Солдат и Крестьян. [Так в оригинале]

2. На все лицемерные попытки под лозунгом “Вся власть Учредительному собранию” сорвать власть Советов Р.С. и К. Д. мы заявляем: Мы тоже за Учредительное собрание, но только не за такое Учредительное собрание, каким бы нам ни сделала бы свергнутая власть буржуазии, а за Учредительное собрание, действительно выражающее волю рабочих, солдат и крестьян, всех угнетенных и обездоленных. Мы только за такое Учредительное собрание, которое не противопоставит себя власти Советов, которое укрепит политику мира, политику безвозмездной передачи земли в руки народа, политику установления рабочего контроля над производством и распределением. Но если в Учредительном собрании в силу допущенных при выборах злоупотреблений воля трудящихся масс будет настолько извращена, что Учредительное собрание станет препятствием на пути развития пролетарско-крестьянской революции, то мы противопоставим всю силу и мощь революционного рабочего класса, революционных солдат и крестьян, организованных в своих чисто классовых организациях, Советах Рабочих, Солдат и Крестьян.

3. Истинное Учредительное собрание мы окружим огненным кольцом Советов и, опираясь на силу и власть Советов на местах и в центре, Учредительное собрание явится в наших руках еще одним грозным тараном, помогающим разрушать старый мир насилия.

4. Но в таком истинно революционном Учредительном собрании не место открытым врагам революции, членам партии К-Д, в одно и то же время мобилизующей свои силы под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию» и в то же

время ведущей открытый поход против революции при помощи Калединых, Дутовых, Корниловых и Карауловых.

5. Поэтому мы приветствуем Совнарком за его энергичную борьбу с контрреволюцией и предлагаем Совнаркому принять все меры по проверке выборов, чтобы в Учредительное собрание не проникли лжепредставители.

6. Учредительное собрание, повторяем, должно быть Учредительным собранием, выражающим истинную волю трудящихся масс, и единственной гарантией этому и сохранения всех завоеваний революции является удержание и дальнейшее укрепление власти рабочих, солдат и крестьян, а потому да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»[1]

Большинство рабочих считали также, что Учредительное собрание должно утвердить Советскую власть или не состояться. Ясно, каков мог быть выбор, если бы пришлось выбирать между властью Советов и Учредительным собранием.

5 января некоторая часть рабочих все же выступила в поддержку Учредительного собрания. Эта демонстрация стала первым случаем протеста рабочих против Советской власти. Также это был первый случай использования Советской властью репрессий против рабочих. Первое столкновение произошло в 11:30 утра, когда 200 демонстрантов шли по Литейному мосту. Их встретили около пятидесяти красногвардейцев и солдат. Они произвели залпы в воздух и вырвали у демонстрантов знамена, которые затем «торжественно» сожгли на кострах. Более серьезным было столкновение с демонстрантами из Невского района, приведшее к гибели двух человек и ранению нескольких других. Были пострадавшие и в других районах[2]. Председатель ЦИК большевик Я. М. Свердлов сообщил Третьему съезду Советов в январе 1918 г., что погиб двадцать один человек, в том числе двое рабочих и один солдат[3].

Эти меры подавления послужили катализатором для возникновения более широкого оппозиционного движения рабочих,

1 *Знамя труда,* 16 декабря 1917 г. Резолюции с подобной позицией были приняты Оптическим заводом (там же) и новым снарядным цехом Обуховского завода (Док. нояб. Т. 1. С. 189).

2 *Новая жизнь*, 6 января 1918 г.

3 Там же, 12 января 1918 г.

центром которого стал Невский район. Ряд собраний, созванных на предприятиях для обсуждения роспуска Учредительного собрания и событий 5 января, привлек большое количество рабочих. *Новая жизнь* писала, что давно не наблюдалось такого активного участия в заводских собраниях. Самое многолюдное собрание – до 8 тыс. рабочих – состоялось на Обуховском заводе, несколько рабочих которого попали под пули красногвардейцев. Объектом особенного негодования было искаженное изображение событий, опубликованное в газете *Правда*, возложившей всю вину на демонстрантов. Подавляющее большинство присутствующих на этом собрании выразило протест против роспуска Учредительного собрания и расстрела. Они потребовали отзыва из Совета всех делегатов, не осудивших действий красногвардейцев и их возвращения на рабочие места. Подобные резолюции были приняты рабочими Невского судостроительного завода, бумажной фабрики Варгунина, Александровского локомотивного завода, текстильных фабрик Пала и Максвелла, рабочими Николаевской железной дороги. Все эти предприятия располагались в Невском районе[1]. Из других районов выразили протест рабочие гильзового цеха Патронного завода, рабочие завода «Сименс-Шуккерт»[2], вагоностроительного завода Речкина[3], типографии и переплетной мастерской Отто Кирхнера и типографии Маркуса[4].

Рабочие почти всех вышеназванных предприятий в Октябрьские дни примыкали к позиции левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов. Исключением был машиностроительный завод «Старый Лесснер» в Выборгском районе. На этом заводе большое число работниц до августа поддерживали эсеров-оборонцев[5]. 10 января общее собрание, заслушав доклад о стрельбе по демонстрации, приняло резолюцию, в которой Совнарком был назван «преступным» и было решено немедленно организовать новые выборы в Петроградский Совет и в Выборгский районный Совет рабочих и солдатских депутатов.[6] Через три недели *Правда*

1 *Знамя труда,* 11 января 1918 г.
2 Там же, 17 января 1918 г.
3 Там же, 11 января 1918 г.
4 Там же, 9 января 1918 г.
5 *Свешников Н.* Из эпохи Октября 1917 // *Красная летопись*, № 6, 1923. С. 302.
6 *Новая жизнь,* 11 января 1918 г.

опубликовала статью об этом собрании, в которой объясняла принятую резолюцию случайным составом собрания и утверждала, что завод «*никогда полностью не шел за большевиками, так как рабочие настроены по-мещански*». Впервые большевикам удалось завоевать поддержку этих рабочих только после корниловщины. Из-за кризиса к январю 1918 г. на заводе осталось лишь половина из 1200 рабочих, работавших там еще осенью. А 60 рабочих-большевиков этого завода уехали на фронты гражданской войны. Эта версия подтверждается тем, что на новых выборах в Совет старый депутат-большевик был избран вновь, а в завком были избраны шесть большевиков, трое эсеров и двое беспартийных[1]. Но даже если резолюция отразила лишь настроение момента, в ней могло отразиться предчувствие грядущего.

Избирательная кампания меньшевиков и эсеров в Петроградский Совет действительно дала им некоторые положительные сдвиги. По состоянию на 25 января, там, где состоялись выборы, – рабочие многих предприятий не сочли нужным провести новые выборы – меньшевики, эсеры и беспартийные получили половину из ста делегатских мест (36 эсеров, 7 меньшевиков и 6–7 беспартийных), большевики – другую половину[2]. Начала складываться рабочая оппозиция. Но, как показывают результаты этой кампании, в конце января 1918 г. большевики пользовались поддержкой большинства рабочих.

Демонстрация 5 января в защиту Учредительного собрания представила модель для оппозиции на следующие месяцы. Главной партией оппозиции в рабочей среде стали эсеры, меньшевиков было меньше. Оппозиционным центром выступил Невский район, где рабочие предпочитали меньшевикам эсеров-«народников». Возникшая оппозиция противопоставляла Учредительное собрание Советской власти; общенародную (надклассовую или общеклассовую) власть – диктатуре трудящихся классов; гражданский мир (возможный или иллюзорный) – гражданской войне. Она была не лояльной оппозицией в том смысле, что она стремилась не только изменить партийный состав и политику Советского правительства. Она вообще хотела сместить Советскую власть и восстановить в той или иной форме доктябрьскую

1 *Правда*, 31 января 1918 г.
2 *Новая жизнь*, 25 января и 13/26 февраля 1918 г.

власть. Однако, несмотря на растущее недовольство, большинство рабочих Петрограда не поддержало ее программу.

Хотя непосредственный фон возникновения рабочей оппозиции был политическим, ее последующее расширение и укрепление во многом были обязаны ухудшению экономической ситуации. Меньшевики это признавали сами: «*В рабочих кругах в связи с разгромом Учредительного собрания и продовольственными неурядицами возникло острое недовольство Петроградским Советом Р. и С. Д.*», писала *Новая жизнь*[1]. 9 декабря хлебный рацион был сокращен до полфунта (1 фунт = 450 г). А 9 января он впервые упал до «истинно голодного уровня» четверти фунта и на короткое время 18 января опустился до 1/8 фунта[2]. В Петрограде разразилась эпидемия тифа – верного спутника голода. Вспыхнули продовольственные беспорядки. Например, в середине января толпа ворвалась на склад Продовольственной управы, и грабеж продолжался три дня[3]. Несколько позже толпа напала на продовольственный поезд и стала его грабить, пока туда не подоспели красногвардейцы[4].

В середине декабря большинство заводов, выполнявших военные заказы, закрылись для подготовки к переходу на мирное производство. Но по мере того, как приближался срок возобновления работы, становилось все более очевидным, что из-за нехватки топлива и сырья большинство заводов либо не смогут начать работу, либо начнут, но с резко уменьшенным штатом рабочих[5].

Чернорабочие и рост влияния анархистов

Другой формой оппозиции, возникшей еще до роспуска Учредительного собрания и тесно связанной с ухудшавшимся экономическим положением, был рост анархических настроений среди чернорабочих. Их положение стало особенно тяжелым в связи с ускорявшейся инфляцией. В недели, предшествовавшие Октябрьской революции, рабочим организациям с большим трудом

1 *Новая жизнь,* 21 января 1918 г.
2 *Правда,* 7 января 1918 г.
3 *Новая жизнь*, 20 января 1918 г.
4 Там же, 4/17 февраля 1918 г.
5 Там же, 22 декабря 1917 г.

удавалось сдерживать их от выступления, объясняя им, что только политическая борьба и переход власти к Советам смогут решить их экономические проблемы. Поэтому чернорабочие надеялись, что новая власть приведет их заработную плату в большее соответствие с заработной платой квалифицированных рабочих.

Несомненно, страдали все рабочие. В середине января 1918 г. секретарь отделения Профсоюза металлистов в Сестрорецке, члены которого были в основном квалифицированными работниками оружейного завода (6500 чел.), сообщал исполнительному комитету профсоюза, что «*в массе общее недовольство тарифом, потому что из-за инфляции ставки уже низкие, и только авторитет профсоюза и дисциплина его членов сдерживают массу. Но долго они не смогут*»[1]. На других предприятиях дисциплина отнюдь не была столь крепкой. В конце ноября на Металлическом заводе маляры-чернорабочие избили и «арестовали» представителя Профсоюза металлистов, отказываясь его освободить, пока он не подпишет документ об увеличении их дневной ставки на 14 руб. задним числом с 5 июня. По словам рабочего-большевика этого завода, вражда между квалифицированными и неквалифицированными рабочими кипела уже с лета. Тогда Петроградское общество фабрикантов и заводчиков удовлетворило требования профсоюза по зарплате для квалифицированных рабочих, но отклонило требования для неквалифицированных групп: профсоюз стремился сузить разрыв в зарплате между этими двумя категориями и поэтому требовал более существенного повышения для чернорабочих. После Октябрьского восстания последние в обход профсоюза, угрожая насилием, заставили администрацию удовлетворить их требования. 1 декабря администрация объявила о закрытии завода в связи с отсутствием дальнейших военных заказов. Когда общее собрание рабочих завода обсуждало вопрос о взятии на себя ответственности за управление заводом, чернорабочие вмешались в ход собрания и потребовали немедленного решения своего вопроса по заработной плате. Они не давали никому говорить, даже стаскивая людей с платформы для выступавших.

Когда Рабочая секция Петроградского Совета встретилась с представителями Профсоюза металлистов и заводских комитетов

1 *Металлист*, № 1, 12 января 1918 г.

для обсуждения этого вопроса, они отклонили требования чернорабочих, как превысившие отраслевой коллективный договор. Дополнительная оплата чернорабочим была прекращена[1]. Несколько дней спустя было созвано новое собрание по «борьбе против анархии на заводах», на котором представитель чернорабочих заявил: «*Вы приветствовали... в этом зале требование уравнения материального положения солдат и офицеров, и теперь чернорабочие хотят, чтобы они были уравнены в материальном положении с квалифицированными рабочими. Этого требует социальная революция... Если требование чернорабочих не будет исполнено, то правительство Ленина так же падет, как правительства Романова и Керенского*»[2].

В течение этих недель в печати сообщалось о ряде подобных конфликтов, когда неквалифицированные рабочие, действуя в обход своих организаций, прибегали к насилию[3]. Председатель заводского комитета Путиловского завода А. Е. Васильев сообщал совместному собранию заводских и цеховых комитетов: «*В последнее время, благодаря агитации некоторых элементов, считающих своею задачею не разрешение общих пролетарских, классовых вопросов, а преследование чисто личных эгоистических вожделений, возникло дезорганизующее массы течение. Под видом политической борьбы и экономических требований, производится борьба отдельных лиц; возникают ссоры, разлад на почве чисто мещанских, мелкобуржуазных желаний. Здесь видно полное отсутствие чувства коллективизма и яркое выступление личных интересов, диктуемых мещанской, болотной психологией. Сыпятся нападки и на заводской комитет в целом, и на отдельных его членов. Комитет обвиняют в том, что он ведет борьбу политическую, оставив экономическую*»[4].

Ситуация приняла настолько серьезный оборот, что народному комиссару труда А.Г. Шляпникову пришлось издать

1 *Новая жизнь*, 2 декабря 1917 г.

2 Там же, 6 декабря 1917 г.

3 См., например, конфликты чернорабочих на заводе «Феникс». – *Новая жизнь*, 20 декабря 1917 г.; на Металлическом заводе. – Там же, 22 декабря 1917 г. Особенно тяжелым было положение в химической промышленности, где в основном трудились неквалифицированные рабочие. – Там же, 11 ноября и 21 декабря 1917 г.

4 Путиловцы в трех революциях. С. 419–420.

специальный призыв к единству в то время, когда усилия рабочих по демобилизации военной промышленности вели к увеличению безработицы: «*Погоня за рублем лишь увеличивает разруху… Все требования сейчас обращены на самом деле к рабочим самим*»[1]. Но анархисты, которые взяли на себя борьбу за права чернорабочих, изображали вопрос по-другому – как борьбу обездоленных неквалифицированных рабочих против привилегированных квалифицированных рабочих, занимавших ведущие места в рабочих организациях и снискавших расположение большевиков. Неподписанное письмо от «рабочего Арсенала», опубликованное в газете анархистов *Буревестник*, обвиняло большевиков в отказе от социалистических принципов: «*Когда простые неквалифицированные рабочие требуют повышения заработной платы, они указывают нам, что мы – воловые рабочие и поэтому мы должны тоже жить лишь как волы. Да разве это социализм, товарищи большевики?.. На заводе "Арсенал" сами большевики протестовали против прибавления платы простым рабочим, а когда все же удалось настоять на прибавке, они дали большую часть рабочим квалифицированным. Буржуазия делит народ на высшую и низшую категорию людей и большевики, "партия народа", делит… [нас] на "рабочих высших" и "рабочих низших"*»[2].

Конфликт был не просто спором по разнице в оплате труда. Он явился столкновением концепций Октябрьской революции. Анализируя экономический кризис, меньшевик-интернационалист Базаров пришел к выводу, что было необходимо сократить число рабочих и повысить производительность. «*Это ясно для подлинного пролетариата, для так называемых квалифицированных рабочих. Но ни той, ни другой необходимости не признает чернорабочая масса, состоящая в настоящее время из случайных пришлых, превратившихся в фабричных рабочих только во время войны. И хотя в фабрично-заводские комитеты и другие выборные рабочие "коллективы" избираются обыкновенно квалифицированные рабочие, как наиболее интеллигентные, они фактически беспомощны предпринять что-либо против тупого упрямства деморализованной чернорабочей*

1 *Новая жизнь*, 24 декабря, 1917 г.
2 Там же, 12 декабря 1917 г.

толпы. И во многих случаях они просто не решаются раскрыть перед ней полное действительное положение вещей»[1].

«*Как передают опытные рабочие*, – писала *Новая жизнь* ранней весной 1918 г. в разгар кризиса, – *настоящими зачинщиками во всех подобных [стихийных, насильственных] выступлениях являются недавно поступившие на фабрику крестьяне, которые, заполучив сразу несколько сот рублей, бросают работу и уезжают в деревню*»[2]. Аналогичной была оценка Профсоюза металлистов: «*Состав рабочего класса сильно разбавлен во время войны пришлым элементом, еще неровно связанным с заводским пролетариатом. Организовавшийся только внешне и не проникнутый духом настоящей пролетарской дисциплины и общностью интересов, в отсталой своей части он легко поддается безответственной, анархической агитации. Самая отсталая ее часть до сих пор видит все зло в отдельных личностях, не признает никаких обязательств, еще не способна подняться до социалистического понимания, ставит выше всего свои личные интересы и желает лишь возможно большей доплаты, хотя бы и ценой разрушения производства*»[3].

Но в условиях, когда нужда и даже голод повсеместно усугублялись, трудно было ожидать роста «социалистического сознания», особенно среди рабочих, недавно пришедших в промышленность, у кого не было сильной идентификации с рабочим классом. Большинство малоквалифицированных рабочих приняли требование власти Советов лишь после Июльских дней и под влиянием экономического кризиса. В доoктябрьский период у этих рабочих росло разочарование в бесплодности политической борьбы. Для них оказались привлекательны призывы анархистов к «прямому действию». Октябрьское восстание вновь подняло надежды на политическое решение экономических проблем, но Советская власть была не в состоянии быстро или существенно улучшить материальное положение рабочих. Отсюда обвинение чернорабочих в адрес фабрично-заводских комитетов, что они пренебрегают экономической борьбой в пользу политической.

1 *Новая жизнь*, 8 декабря 1917 г.
2 Там же, 22 марта 1918 г.
3 *Металлист*, № 3, 1918. С. 5.

В короткое время после Октября популярность анархистов в рабочей среде выросла настолько, что позволила им выпускать даже две ежедневные газеты – *Коммуна* и *Голос труда*. В середине ноября меньшевик-интернационалист В. П. Полонский замечал: «*Сначала незначительны, теперь анархисты – сила, с которой придется считаться. На одном из заводов я случайно резко высказался об анархистах, как дезорганизаторах рабочего движения, и я услышал от толпы: “Довольно! Анархисты – наши друзья!”*»[1]

Но всплеск анархизма в Петрограде был недолгим. Голод, набравший силу в январе 1918 г., направил недовольство рабочих на эсеров и меньшевиков, стремившихся создать оппозицию вокруг требования созыва Учредительного собрания. Еще большую роль в подрыве влияния анархистов сыграло закрытие предприятий в декабре с целью их перевода на мирное производство, после чего многие рабочие, недавно пришедшие из деревни, вернулись обратно. К весне об анархистах в Петрограде уже мало кто слышал.

Позиции ожесточаются

Несмотря на растущее влияние оппозиции в рабочей среде зимой 1917–1918 гг., она пока не представляла серьезной угрозы Советской власти. Особенно на твердых советских позициях стояли отряды рабочих, с самого начала являвшихся движущей силой революции. На события 5 января 1918 г. рабочие машиностроительного завода Я. М. Айваза отреагировали принятием следующей резолюции:

«*Мы скорбим по крови, пролитой с обеих сторон … Но буржуазии и ее агентам, правым эсерам и меньшевикам и всем, кто с ними, в ответ на ваши лицемерные причитания мы заявляем:*

Вы сами виноваты в июньском наступлении и предательстве Риги, которое стоило жизни сотням тысяч наших братьев; вы сами виноваты во введении смертной казни для солдат; вы сами виноваты в избиениях, как в тюрьмах, так и за их пределами революционных рабочих, солдат и крестьян;

1 *Новая жизнь*, 15 ноября 1917 г.

вы разорвали на куски товарища Воинова [рабочего с Айваза] только потому, что он продавал газету Правду; вы, устроившие стрельбу в октябрьские дни, а теперь на калединском фронте, не имеете абсолютно никакого права на выражение протеста и возмущения.

Вся вина за пролитие братской крови лежит на тех врагах народной революции, которые поставили своей задачей вернуть буржуазию к власти, не останавливаясь перед обманом пролетариата и крестьянства. Вся вина лежит на вас.

Мир павшим. Позор живым, которые путем обмана наускивали брата против брата.

Мир павшим. Слава живым борцам за социализм»[1].

Вскоре после событий 5 января наборщики Государственной типографии, где печаталась *Новая жизнь*, в очередной раз отменили решение редакторов и не дали напечатать номер газеты от 12 января 1918 г. На следующий день в газете редакторы пояснили, что газета не вышла, потому что заводской комитет типографии решил выступить в качестве цензора и посчитал, что данный номер газеты носит «погромный характер» и не должен быть выпущен[2].

Политические позиции ожесточались. Именно на этом фоне следует рассматривать события 5 января и реакцию рабочих на них. Красногвардейцы открыли стрельбу, по всей вероятности, не по приказу правительства. Этот период непосредственно после перехода власти был хаотичным, и Советам не всегда удавалось контролировать Красную гвардию. В одном инциденте красногвардейцы даже угрожали арестовать районный Совет. Особенно надо учитывать более широкий фон, на котором произошло кровопролитие, немыслимое в относительно толерантной атмосфере Октября.

В первые недели после Октябрьской революции против Советской власти бастовали государственные и банковские служащие и вообще образованный «средний слой», в том числе учителя и медики (хотя не все из последних). *Новая газета* писала: «*Забастовка школ и больниц рассматривается городскими низами как борьба буржуазии и интеллигенции против народных масс…*

1 *Правда*, 18 января 1918 г. Подобные резолюции были приняты на заводе «Н. Лесснер» (*Знамя труда*, 20 января 1918 г.); на заводе «Розенкранц» (там же); на «Скороходе¬ (*Правда*, 20 января 1918 г.).

2 *Новая жизнь*, 13 января 1918 г.

Эта забастовка ставит чрезвычайные затруднения в деятельности большевистского муниципалитета, но она еще более обостряет ненависть низов к интеллигенции и буржуазии»[1]. В этой статье хотя говорится о положении в Москве, но в Петрограде ситуация была схожей, только здесь бастовали еще и служащие центрального государственного аппарата. В это же время на юге России контрреволюционные силы развязали гражданскую войну, а в Петрограде ходили слухи о контрреволюционных заговорах, которые впоследствии подтвердились. 1 января 1918 г. была обстреляна машина, в которой ехал В. И. Ленин. Неделю спустя было арестовано большое число офицеров в связи с заговором, приуроченным к открытию Учредительного собрания[2].

4 января Петроградский Совет обсуждал покушение на Ленина. Рабочий-депутат Саулин заявил: «*За каждую голову наших вождей мы требуем тысячу голов других. На черный террор мы сумеем ответить красным, более ужасным террором. Да здравствует красный террор!*» По словам газеты *Новая жизнь*, его слова были встречены громкими аплодисментами всего зала. Затем выступил Суханов и призвал к более рассудочным действиям, заявив, что были также попытки покушения на жизнь Керенского, против которого выступали большевики, но никто не обвинял большевиков в организации этих покушений. Террор погубит революцию, заявил он. Однако он был вынужден остановиться «под общий шум аудитории»[3]. С другой стороны, стоит отметить, что 7 января 1918 г. Совет решительно осудил самосуд над арестованными министрами Временного правительства Кокошкиным и Шингаревым[4].

В столь ожесточенной политической атмосфере красногвардейцы открыли огонь против демонстрантов 5 января. Когда колонны демонстрантов шли по улицам в поддержку Учредительного собрания, рабочие и солдаты, стоявшие на тротуарах, бросали вслед: «саботажники!», «буржуи!»[5]. И когда новость о стрельбе достигла толпы, собравшейся у Таврического дворца,

1 *Новая жизнь,* 12 декабря 1917 г.
2 Там же, 11, 19, 25 января 1918 г.; Док. нояб. Т. II. С. 36.
3 Там же, 5 января 1918 г.
4 Там же, 9 января 1918 г.
5 Там же, 6 января 1918 г.

крики защитников Учредительного собрания были заглушены криками их противников: «Вот что им надо!»[1] При обсуждении этих событий на заседании Петроградского Совета Суханов чудом избежал побоев от некоторых особенно возмущенных делегатов, когда настаивал на своем праве выступать против предложенной резолюции вопреки решению председателя. Ему на помощь пришел большевик Володарский и успокоил зал[2].

Подобная атмосфера царила и на Третьем съезде Советов в середине января 1918 г. Когда Суханов обвинил съезд в «объявлении гражданской войны против всех, кто не согласен с принципами Ленина», кто-то в зале закричал в ответ: «*И мы пойдем также против наших матерей и отцов!*» В ходе обсуждения событий 5 января меньшевикам Мартову и Побранитскому криками «корниловцы!» и «саботажники!» не давали закончить выступления[3]. Как же далеки были эти настроения от царивших в Октябре, когда красногвардейцы отпустили генерала Краснова под честное слово!

Рабочих, поддерживавших Советскую власть, особенно возмущала критика меньшевиков-интернационалистов в адрес новой власти. Меньшевики-интернационалисты раньше жестко критиковали Временное правительство, но теперь они ругали Советскую власть и смеялись над ее неумелостью, ее неспособностью эффективно управлять страной из-за отсутствия квалифицированных кадров. Например, в середине января 1918 г. Суханов писал: «*Тучи бумажных декретов остаются без малейших последствий. Вы не можете даже расчистить снег с улиц Петрограда*». Он объяснял это большевистской политикой, отталкивавшей образованные мелкобуржуазные слои общества[4].

В конце декабря группа рабочих Путиловского завода направила следующее письмо редакторам и журналистам *Новой жизни* в ответ на статью, критиковавшую демонстрацию в честь подписания перемирия на фронте и начала переговоров в Брест-Литовске: «*Пушечный округ Путиловского завода постановил вынести Вам, писателям и редакторам Новой жизни, порицание, как Строеву, был когда-то писатель, а также Базарову,*

1 *Новая жизнь*, 9 января 1918 г.
2 Там же.
3 Там же, 12 января 1918 г.
4 Там же, 14 января 1918 г.

Гиммер-Суханову, Горькому и всем составителям Новой жизни. Ваш орган не соответствует нашей общей настоящей жизни, вы идете за оборонцами вслед. Но помните нашу рабочую жизнь пролетариев, не критикуйте бывшей в Воскресенье демонстрацией, не вами демонстрация проведена, не вам и критиковать ее. А и вообще наша партия большинство, и мы поддерживаем своих политических вождей, действительных социалистов, освободителей народа от гнета буржуазии и капиталистов, и впредь если будут писаться такие контрреволюционные статьи, то мы, рабочие, клянемся, вот зарубите себе на лбу, что закроем вашу газету, а если желательно осведомитесь у вашего социалиста, так называемого нейтралиста. он был у нас на Путиловском заводе со своими отсталыми речами, спросите у него, дали ему говорить да нет, да в скором времени вам воспретят и ваш орган. Он начинает равняться с кадетским, и если вы горькие отсталые писатели будете продолжать свою полемику и с правительственным органом "Правда" то знайте прекратим в нашем Нарвско-Петергофском районе торговлю.

«Путиловский завод, Пушечный Округ пишите отв. А то будут Репрессии».

Снисходительное отношение редакции газеты к рабочим видно уже из того, что она опубликовала это письмо со всеми его ошибками. Ответ Горького был не менее снисходительным: «*С такой свирепостью рассуждают дети, начитавшись страшных книг Густава Эмара и воображая себя ужасными индейцами*», и признал, что ему приходило много таких сердитых писем[1].

Советская власть пользовалась еще сильной поддержкой среди рабочих. Оппозиция возникла, но пока оставалась ограниченной. В последующие месяцы эта оппозиция расширится, особенно под влиянием экономического кризиса. И тогда рабочим-оппозиционерам придется серьезно задуматься над вопросом: является ли Учредительное собрание реальной альтернативой Советской власти? И если нет, чем же другим ее заменить?

1 *Новая жизнь,* 22 декабря 1917 г. См. также ниже воспоминание рабочего И. Гордиенко о своем визите вместе с двумя другими рабочими-выборжцами к Горькому. С. 446.

ГЛАВА 14
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

«Активный» или «пассивный» контроль?

Из-за сопротивления промышленников до Октября введение рабочего контроля на частных предприятиях существенно не продвинулось, хотя фабрично-заводские комитеты делали все от них зависящее, и отчасти успешно, для поддержания жизни предприятий. Переход власти в руки Советов стимулировал фабрично-заводские комитеты к действиям по установлению контроля. Они не отказывались, как раньше, от ответственности за управление предприятиями, а настаивали на самой широкой свободе действий по отношению к администрациям, выступая за «активный» контроль, т. е за право издавать обязательные для администрации приказы. Против этой позиции выступали сторонники «пассивного» контроля, при котором фабрично-заводские комитеты ограничивались бы правом надзора над администрацией, правом доступа к информации, но без права непосредственного вмешательства в управление предприятиями. Эту позицию защищали многие профсоюзные лидеры, умеренные большевики (зачастую одни и те же люди) и меньшевики, считавшие такие настроения фабрично-заводских комитетов анархо-синдикалистским уклоном[1].

В ночь на 26–27 октября В. И. Ленин написал проект Закона о рабочем контроле, согласно которому фабрично-заводские комитеты должны были иметь доступ ко всей документации предприятий, а равно ко всем складам сырья и готовой продукции. А их решения становились обязательными для администрации. Только профсоюзы или конференции фабрично-заводских комитетов могли отменить решения фабрично-заводских комитетов[2]. В ходе обсуждений в проект были внесены многочисленные изменения. 14 ноября ЦИК Советов единогласно (за – 24,

---

1 Для обзора отношения различных профсоюзов и их лидеров к вопросу контроля см.: ФЗК. Т. III. С. 115–131.

2 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35, М., 1962. С. 30–31.

воздержавшихся – 11) принял Закон о рабочем контроле. Критики утверждали, что деятельность фабрично-заводских комитетов должна подчиняться центральному плану, иначе каждый комитет будет защищать узкие интересы своего коллектива в ущерб интересам рабочего класса в целом. В. П. Милютин, представляя закон, признал, что выработка такого плана должна была в принципе предшествовать введению рабочего контроля. Но «*жизнь требует вмешательства; и пришлось несколько пожертвовать планомерностью системы*». Что касается организации контроля сверху или снизу, было решено опираться на то, что уже существовало, – на фабрично-заводские комитеты и их Центральный Совет. Центральный Совет фабрично-заводских комитетов должен был быть расширен представителями профсоюзов и Советов. Вместе они формировали региональные Советы народного хозяйства (совнархозы). Администрация предприятий имела право в течение трех дней обжаловать решения фабрично-заводских комитетов в региональном совнархозе, но приказы фабрично-заводских комитетов оставались обязательными до окончательного решения совнархоза.

В то время как Центральный Совет фабрично-заводских комитетов приветствовал закон, видный профсоюзный деятель и большевик С. А. Лозовский критиковал его как анархо-синдикалистский[1]. После принятия закона развернулась дискуссия об инструкции для руководства по деятельности фабрично-заводских комитетов. Проект о рабочем контроле, выработанный Центральным Советом фабрично-заводских комитетов и опубликованный 7 декабря, наделил комитеты правом непосредственного вмешательства в сферу управления: «*Рабочий контроль над промышленностью, как составную часть контроля над всей экономической жизнью страны, надо понимать не в узком смысле простой ревизии, а, напротив, в широком смысле* ***вмешательства*** *в распоряжения предпринимателя капиталами, инвентарем и имеющимися на предприятии сырьем и фабрикатами,* ***активного надзора*** *за правильностью и целесообразностью исполнения заказов, потребления энергии и рабочей силы,* ***участия в организации самого***

1 *Известия,* 16 ноября 1917 г.; *Знамя труда*, 16 ноября 1917 г..

производства на рациональных основах*, и.т.д.* [выделено в оригинале]»[1].

В отличие от этого, проект инструкции, принятый Первым Всероссийским Советом профсоюзов и Всероссийским съездом профсоюзов, ограничивал деятельность фабрично-заводских комитетов «узким» или «пассивным» контролем, оставляя полноту исполнительной власти в руках администрации: «*Контрольная комиссия не участвует в управлении предприятием и не несет ответственности за его работу и деятельность, которая остается у хозяина... Контрольная комиссия может сама ходатайствовать о секвестре, но не может сама захватить предприятие и управлять им»*.

Только правительство или вышестоящие профсоюзные органы имели право отменять распоряжения, изданные администрацией[2].

Исключением из общей позиции профсоюзных лидеров в защите «пассивного» контроля был Профсоюз металлистов – самый левый из профсоюзов. На его общегородской конференции с участием представителей фабрично-заводских комитетов ряд выступавших, в том числе и секретарь правления профсоюза Г.Д. Вайнберг, рабочий-металлист из Выборгского района, призвали отвергнуть проект инструкции, одобренный съездом профсоюзов, поскольку он «*связывает руки рабочих, тогда как проект [Центрального Совета фабрично-заводских комитетов] о рабочем контроле дает рабочим большую самодеятельность и делает их фактически хозяевами данного предприятия*»[3]. Официальный докладчик по этому вопросу, первоначально защищавший инструкции съезда профсоюзов, завершил свой доклад предложением продолжить работу по обоим проектам[4].

Совет народных комиссаров (Совнарком) не утвердил официально ни одну из конкурирующих инструкций. Ленин считал, что только конкретный опыт мог решить этот вопрос. Оба проекта продолжали циркулировать, но на предприятиях явное предпочтение отдавалось инструкции Центрального Совета

1 ФЗК. Т. III. С. 146.
2 Там же. С. 133, 142; *Известия*, 13 декабря 1917 г.
3 *Металлист*, № 1, 1918. С. 13.
4 *Новая жизнь*, 23 декабря 1917 г.

фабрично-заводских комитетов, так как возникавшие конфликты и экономический кризис подталкивали фабрично-заводские комитеты ко все более активному вмешательству в сферу управления. Фабзавкомы не могли подчинить свою деятельность общегосударственному или региональному экономическому плану, как этого требовали «товарищи справа», поскольку таких планов не было – Советское правительство не успело создать эффективные органы регулирования и планирования[1]. Отвечая на критику «справа», член Центрального Совета фабрично-заводских комитетов Ф. Катынь писал в январе 1918 г.: «*[...Заводские комитеты] считают себя основными узлами высших регулирующих институтов экономики и делают все, что в их силах, чтобы следовать пути, проложенному этими органами и учреждениями. И это не их вина, что все эти учреждения еще не существуют или что везде они настолько плотно завязаны с царской буржуазией и соглашателями нашей буржуазной революции, что никто не может ничего понять и они не способны сами на продуктивную деятельность. Это не их вина, что, столкнувшись с общей неопределенностью в том или ином вопросе, они вынуждены иногда действовать на свой страх и риск и под свою ответственность в силу обстоятельств и отсутствии времени [...]*»[2].

В действительности обвинения фабрично-заводских комитетов в анархизме со стороны профсоюзных лидеров были необоснованными, поскольку все конференции фабрично-заводских комитетов, как до, так и после Октября, подчеркивали, что эффективный контроль возможен будет только при планомерном общегосударственном регулировании экономикой. Настоятельная потребность в централизации экономической власти на региональном и государственном уровнях была очевидной для всех членов фабрично-заводских комитетов, за исключением небольшой части анархистов. Все видели, что перевод военного производства на мирные рельсы сталкивался с огромными трудностями, и распределение заказов и дефицитного топлива и сырья нельзя было возлагать на отдельные предприятия.

1 ФЗК. Т. III. С. 137.

2 *Катынь Н.* От рабочего контроля к организации и регулированию производства // *Новый путь,* № 1–2 (5–6), 14 января, 1918 г.

Необходимость централизации была одним из основных лейтмотивов Шестой Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов, проходившей 22–27 января 1918 г. Проект организации региональных совнархозов, составленный Центральным Советом фабрично-заводских комитетов, «*встретил самое горячее сочувствие*»[1]. Согласно проекту, решения совнархозов должны были быть обязательны для местных учреждений, в том числе для фабзавкомов[2]. Центральный Совет фабзавкомов впоследствии вошел в состав совнархоза Северной области[3]. В инструкции по рабочему контролю, принятой конференцией, утверждалось, что, фабзавком выполняет волю общего собрания рабочих данного предприятия, но «*вместе с тем [он] исполняет все руководства и инструкции высших органов народного хозяйства... Фабрично-заводской комитет отвечает перед государственной властью за строжайший порядок в целесообразном ведении работ предприятия, сообразно с нуждами всего трудового народа, а также за охрану имущества данного предприятия*»[4]. Другие резолюции конференции призывали к централизованному распределению заказов и топлива[5].

В инструкции по рабочему контролю, утвержденной почти единодушно (три голоса против), четко говорилось, что фабрично-заводские комитеты подчиняются распоряжениям вышестоящих инстанций даже в том случае, когда они противоречат интересам рабочих данного предприятия[6]. Против возражений анархистов, что централизация «*выливается... в какое-то самодержавие*», один из делегатов, выражая мнение большинства, объяснял: *«Необходимо сговариваться со всеми заводами. Кто будет сговариваться? Высшая организация, которая будет следить за всем, будет все знать, будет распределять заказы, будет знать, что на каком заводе делается. Мы являемся контролем непосредственно на заводе... мы показываем, что нам нужно. Но все распределение должно быть сконцентрировано...*

1 *Новый путь*, № 6–8, 1918. С. 22. Протоколы этой конференции опубликованы в кн.: Октябрьская революция и фабзавкомы. Т. IV.
2 ФЗК. Т. IV. С. 439
3 Там же. Т. III. С. 128, 286; ФЗК. Т. IV. С. 26, 34.
4 Там же. Т. IV. С. 417.
5 Там же. С. 443–444.
6 Там же. С. 158.

При той разрухе, которую мы переживаем... это нам нужно как воздух. Я это подчеркиваю: нам нужна эта организация. Нам нужна централизация... Это необходимо, иначе мы будем путаться. Иначе мы никогда не выйдем из создавшегося положения и никогда не сможем поставить страну в более благоприятные условия»[1].

Другой делегат отмечал, что анархисты, при их критическом отношении к централизму, были не способны объяснить, как конкретно следовало организовать экономику. Более того, если бы они были действительно последовательны, они должны были выступать и против фабрично-заводских комитетов, поскольку последние ограничивали свободу отдельных рабочих в пользу интересов коллектива[2].

Участники конференции понимали, что централизация власти несет в себе определенные опасности. Когда один из анархистов предложил поправку к инструкции о том, что распоряжения вышестоящих инстанций обязательны, добавляя, что это только при условии, что они не противоречат интересам рабочего класса, Катынь, выступая от имени Центрального Совета, ответил, что ЦС такую оговорку обсуждал, но решил ее не предлагать: «*С.Н.Х. [Совет народного хозяйства], который мы же организуем, не пойдет против нас, потому что он не есть орган бюрократически построенный, сверху назначенный, а есть орган, нами же выбранный, орган, который мы можем отозвать, составленный из людей, которых мы можем отстранить от их дела... Не забывайте, что С.Н.Х. по своему составу есть орган классовый, основанный на классе пролетариата и трудового беднейшего крестьянства, и нам кажется, что вряд ли придется такой оговоркой выражать против них какое-либо недоверие. Если сразу отнестись с таким недоверием, то вряд ли эти органы смогут правильно функционировать... Такую поправку мог внести только анархист, который вообще отрицает всякие верхи и совершенно им не доверяет... [Но] если уже действительно эти органы так разойдутся с массами, то, конечно, эту поправку придется внести. Мало того. Придется свергнуть эти органы и, может быть, произвести новую*

1 ФЗК. Т. IV. С. 181.

2 Там же. С. 197.

революцию, но нам кажется, что пока Совет народных комиссаров – наш совет и основанные им учреждения идут вполне совместно нога в ногу»[1]. Этот ответ отражал уверенность рабочих в силах их класса, выступившего авангардом в трех революциях.

Хотя конференция отклонила позицию анархистов по проекту инструкции, первоначальный вариант проекта инструкции предусматривал избрание совнархозов исключительно конференциями фабрично-заводских комитетов и профсоюзов. Пожалуй, в этом можно увидеть некоторый синдикалистский уклон. Но конференция позже поддержала предложение Высшего Совета народного хозяйства включить в совнархозы представителей Советов и кооперативов, а также технические и административные кадры[2].

Главным вопросом, лежавшим в основе противостояния «товарищей справа» в отношении фабрично-заводских комитетов, были не предполагаемые анархистские тенденции последних, хотя в условиях кризиса и общего дефицита потенциал для конфликта между местными и общими интересами на самом деле присутствовал. Главным вопросом являлся социальный характер российской революции: «активный» контроль, защищавшийся фабрично-заводскими комитетами, означал радикальное ограничение прав частной собственности. Это было решительным шагом на пути к подавлению капитализма, даже если фабзавкомы не ставили себе целью немедленное введение социализма.

У большевиков по этому вопросу не было четкой позиции. В Апрельских тезисах Ленин писал: «*Не “введение” социализма, как наша* ***непосредственная*** *задача, а переход тотчас лишь к* ***контролю*** *со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов*»[3]. Суханов, являвшийся членом экономического отдела Петроградского Совета в 1917 г., отмечал, что в той степени, в которой вообще у большевиков в 1917 г. была экономическая программа, *«[она] в сущности, не выходит за пределы знакомой нам экономической программы 16 мая, принятой старым Исполнительным Комитетом [Совета] для проведения ее коалиционным правительством… По существу, до со-*

1 ФЗК. Т. IV. С. 323–324.
2 Там же. С. 475–475; *Новый путь*, № 608, 1918. С. 22–24.
3 *Ленин В. И.* Полн. собр.соч., 5-е изд., М., 1962. Т. 31. С. 116.

циализма тут было далеко... Однако все же в ней существовал пункт, который для нас имеет особое значение. Это известный нам рабочий контроль над производством. Это был боевой пункт на всех пролетарских собраниях. Как специально рабочее требование он фигурировал наряду с землей. И вот, если угодно, здесь, и только здесь, большевистские деятели подходят к публичному декларированию принципов социализма. Однако "социализм" этот все же крайне робок и скромен: в своей теории большевики идут по другой дороге, но не идут дальше правого меньшевика Громана с его программой "регулирования" или "организации народного хозяйства и труда"»[1].

На Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов за неделю до Октябрьской революции делегат-меньшевик из Саратова говорил: «*Для того чтобы правильно разрешить вопрос о контроле над производством, нужно раз навсегда уяснить себе, является ли русская революция социальной или нет. Этот основной вопрос мы всегда ставим тт. большевикам, но они обоснованного ответа не дают. Мы говорим, что наша революция не социальная, а политическая с социальной закваской, если можно так выразиться, в ней поставлены социальные вопросы огромной важности*»[2].

Рабочий-анархист Шлиссельбургского порохового завода И. Жук с такой же определенностью утверждал: «*Мы переживаем социальную революцию*»[3]. Но Скрыпник, большевик и член Центрального Совета фабрично-заводских комитетов, ему возражал: «*Рабочий контроль еще не социализм, это лишь одна из переходных мер, приближающих нас к социализму*»[4].

Большевики разделяли с меньшевиками марксистский анализ российского общества: в такой бедной стране, как Россия, стране на сравнительно ранней стадии индустриализации с немногочисленным рабочим классом, окруженным огромной крестьянской массой, не было ни экономических, ни политических условий для построения социализма. Но большевики более реалистично оценивали поляризацию классов в России. Именно это

1 *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. VII. С. 24–26.
2 ФЗК. Т. II. С. 182.
3 Там же. С. 183.
4 Там же. С. 184.

привлекло к ним подавляющее большинство рабочих. Большевики были готовы встать во главе рабочего движения, которое экономические и политические условия подталкивали к подавлению капитализма. Если бы большевистская партия по примеру меньшевиков отказалась от этой роли, то борьба рабочих с буржуазией вылилась бы в ряд разбросанных, стихийных столкновений, закончившихся бы несомненным поражением. Большевики, как партия, придерживались принципа «fais ce que dois, advienne que pourra» (делай, что должен, и будь, что будет), который, как писал Троцкий, должен направлять деятельность революционеров в великой принципиальной борьбе[1]. Ленин руководствовался именно этим принципом, когда рассуждал, что лишь практика сможет решить вопрос «активного» или «пассивного» контроля. Здесь не могло быть готового рецепта. Большевики, конечно, питали надежду, что Октябрьская революция выступит стимулом для революций в развитых странах Запада и что их поддержка поможет российской революции преодолеть свои противоречия. Но в отличие от меньшевиков-интернационалистов, они не считали возможным оставаться в стороне в ожидании этих революций, пока в России воцарялась контрреволюция.

Большинство западных историков вместе с меньшевиками осуждали большевиков за эту позицию. С точки зрения меньшевиков, политика большевиков была безответственным авантюризмом. Они считали, что Советская власть и рабочий контроль – это прямой курс к социализму в России, где социализм был невозможным. Поэтому рабочие неизбежно должны были потерпеть поражение. Этим оправдывалась столь устойчивая привязанность меньшевиков-оборонцев к идее политической коалиции с либеральной буржуазией. В отличие от оборонцев, меньшевики-интернационалисты, составлявшие большинство в партии после Октябрьской революции, были согласны с большевистской оценкой, что в России нет либеральной буржуазии, что весь этот класс стремится подавить революцию военной силой. Поэтому коалиционная власть с представителями буржуазии была исключена. Но меньшевики-интернационалисты не могли согласиться с установлением власти Советов и введением

1 *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Гл. 41 (http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl026.htm).

рабочего контроля, так как это означало введение социализма в стране, в которой отсутствовали условия для социализма. Поэтому они стояли в стороне, критикуя усилия рабочих построить новую власть и преодолеть экономический кризис, и призывали к созыву Учредительного собрания. Лишь когда в ноябре 1918 г. революция в Центральной Европе стала реальностью, они сняли лозунг созыва Учредительного собрания и признали принцип Советской власти, хотя все еще отказывали Советскому правительству в активной поддержке.

Рабочие активисты с большим трудом понимали позицию, занятую меньшевиками-интернационалистами. Трое рабочих из Выборгского района – земляки Максима Горького, разгневанные нападками *Новой жизни* на Советское правительство, решили навестить его, как редактора этой газеты. И. М. Гордиенко вспоминал:

«Беседуя с нами, Алексей Максимович в глубоком раздумье сказал:

– Трудно вам, ребята, очень трудно.

– А вы, Алексей Максимович, нам не помогаете, – ввернул я словечко.

– Не только не помогает, а прямо по рукам бьет, – сказал Иван Чугурин...

– Эх, ребята, ребята, какие вы хорошие, жаль мне вас. Поймите, вы в море, нет, в океане мелкобуржуазной крестьянской стихии – песчинка. Сколько вас, вот таких крепких большевиков? Горсточка. Вы в жизни, как жирная капля в море, тоненькая пленочка, легкий ветерок дунет, и она разорвется.

– Вы, Алексей Максимович, зря это говорите. Приезжайте к нам, в Выборгский район, посмотрите: было 600 большевиков, а теперь тысячи.

– Тысячи, но сырые, не подкованные, а в других городах и этого нет.

– То же самое, Алексей Максимович, происходит в других городах и в деревнях, классовая борьба усиливается всюду.

– Вот за что я вас и люблю, за эту вашу крепкую веру, но поэтому я и боюсь за вас... Погибнете, и тогда на сотни лет все будет отброшено назад. Страшно подумать...

Прошло недели две, и мы снова у Алексея Максимовича в том же составе... Но на этот раз мы застали здесь Суханова

и сормовского меньшевика по кличке Лопата [впоследствии профессор Петербургского университета Десницкий]... Алексей Максимович опять ссылался на мелкобуржуазное крестьянское море, тужил, что нас, старых большевиков-подпольщиков, мало, что партийная молодежь неопытна. Суханов и Лопата старались все эти рассуждения Алексея Максимовича подкрепить фактами. Они утверждали, что говорить о пролетарской революции в такой отсталой стране, как Россия, может только сумасшедший. Мы решительно протестовали. Говорили, что они под ширмой всенародной бесклассовой демократии защищают диктатуру буржуазии.

– Да поймите же вы, что в нашей, крестьянской стране иначе и быть не может, – кипятились Суханов и Лопата. – В этом вся наша трагедия. Крестьянство нас задавит. И опять цифры, цифры и цифры...

Во время этого спора Алексей Максимович подошел к выходящему на улицу окну, а потом быстро подошел ко мне, схватил за руку и потащил к окну.

– Смотри, – со злом и обидой в голосе проговорил он. То, что я увидел, действительно было возмутительно. У клумбы цветов, на низко подстриженной зеленой траве, расселась группа солдат. Они ели селедку, а все отходы бросали в цветочную клумбу.

– Вот и в народном доме так: полы натерты воском, по углам и у колонн поставили плевательницы, а посмотрите, что они там делают, – со скорбью сказала Мария Федоровна, которая заведовала народным домом.

– Вот с этим народом большевики и собираются творить социалистическую революцию, – ехидно произнес Лопата. – Учить, воспитать народ надо, а потом уже делать революцию.

– А кто ж учить и воспитывать их будет, буржуазия, что ли? – спросил кто-то из нас.

– Ну, а как вы хотите? – уже улыбаясь, спросил Алексей Максимович.

– А мы хотим иначе, – ответил я. – Вперед буржуазию свергнуть, а потом людей воспитывать. Настроим свои школы, клубы, народные дома...

– Но это невыполнимо, – заявил Лопата.

– Для вас невыполнимо, а для нас выполнимо, – ответил я»[1].

В брошюре о рабочем контроле профсоюзный деятель Лозовский, автор проекта инструкции «пассивного» контроля, объяснял связь между отрицательным отношением «товарищей справа» к «активному» контролю и их концепцией о социальной природе русской революции: «*Рабочий контроль… есть переходная революционная мера, выдвинутая в переходную революционную эпоху. Рабочий контроль пока не затрагивает основ капиталистического строя. Он оставляет неприкосновенной частную собственность и оборудование производства и весь частный торговый аппарат не потому, что так лучше с точки зрения интересов пролетариата, а потому, что пролетариат не в силах в данный исторический момент, при отсутствии достаточно организационного навыка и без социалистической революции в передовых странах Европы, сделать больше. Пролетариат может наложить руку на весь производственный аппарат, подойти близко ко всему процессу контроля, принять активное участие в проведении общего плана регулирования, сократить тяжелой рукой аппетиты господствующего класса, но не больше*»[2].

Лозовский, по сути, предлагал ввести двоевластие в экономику: капиталисты будут управлять предприятиями, а рабоче-крестьянское государство будет их регулировать. Сторонники «активного» контроля в принципе разделяли с Лозовским его концепцию о социальной природе революции. Конференция фабрично-заводских комитетов 15–16 ноября подавляющим большинством голосов отклонила призывы анархистов к захвату предприятий рабочими[3]. Скрыпник выразил позицию большинства делегатов и партии большевиков: «*Мы связаны с другими странами, но это только показывает, что факел, поднятый нашей революцией, разожжет и пролетариат Западной Европы. Рабочий класс шаг за шагом, борясь, идет к своему идеалу. Социализм не творится сразу, он создается постепенной перестройкой всей экономической и политической жизни. Мы*

1 *Гордиенко И. М.* Указ. соч. С. 98–101.

2 *Лозовский А.* Рабочий контроль. Социалист. Петроград, 1918. С. 24–25. Цит. по: ФЗК. Т. III. С. 133–134.

3 ФЗК. Т. III, С. 46, 48.

вступили в первый период этой перестройки. Нам придется провести целый ряд мер, как, например, контроль над производством и распределением, и др. Перед нами стоит целый ряд задач. Мы вступили в полосу массовой борьбы. Это не социализм, но это первый шаг, путь к социализму»[1].

Но фабзавкомовцев от «товарищей справа» отличала их тесная связь с реальной жизнью на предприятиях и с настроением масс. Несмотря на их анализ социального потенциала российской революции, они были готовы сделать все, что в их силах, для поддержания жизни предприятий. Для этого их руки должны были быть развязаны. Они также придерживались принципа «делай, что должен, и будь, что будет». Эта позиция, сугубо практическая и, по сути, оборонительная, характеризовала движение за рабочий контроль с самого начала. Рабочие создавали фабрично-заводские комитеты не с целью свержения капитализма, а для поддержания производства и защиты своих рабочих мест и демократическую революцию. Но если бы потребовалось, они были готовы принять меры, ведущие к свержению капитализма.

Даже после Октябрьской революции рабочие еще часто проявляли готовность ограничить деятельность фабрично-заводских комитетов «пассивным» контролем, т.е. двоевластием на предприятиях, но при условии, что они считали, что администрация реально заинтересована в поддержании жизни предприятия. В докладе Центральному Совету фабзавкомов от 11 января 1918 г. комитет телефонного завода Эриксона в Выборгском районе писал, что начальство сотрудничает с комитетом в поисках топлива и сырья, поскольку не видит угрозы для своих прерогатив в такой деятельности. Но оно сопротивляется стремлению завкома ввести финансовый и экономический контроль, отказывая ему в доступе к документам и даже угрожая отставкой всего административного персонала. Заводской комитет решил, «*чтобы избежать преждевременных осложнений, могущих повлечь временное закрытие завода*», не настаивать на своих правах[2]. *Новая жизнь* одобрительно прокомментировала это решение: «*Нужно отметить, что завком на Эриксоне, действуя в полном контакте с заводоуправлением, пользуется Декретом*

1 ФЗК. Т. III. С. 42.
2 Раб. кон. С. 325–326.

о рабочем контроле с большим разумом, не переоценивая свои силы. Так, например, он заморозил все финансовые активы акционерного общества и таким образом предотвратил их исчезновение с предприятия и перевод за границу. В то же время завком никак не наступает на экономические прерогативы заводоуправления»[1].

На Тентелевском химическом заводе завкому также удалось достичь соглашения с администрацией, по которому та признала право рабочих на контроль в качестве надзора, а завком, в свою очередь, признал право администрации управлять заводом[2]. Несмотря на опасения умеренных большевиков и меньшевиков, фабзавкомы старались не отталкивать начальство, если считали, что оно ведет себя добросовестно. В середине января 1918 г. комитет Путиловского завода докладывал: «*Комитет, защищая интересы тт. рабочих, стоял не только на принципе улаживания конфликтов между капиталом и трудом, он неустанно проводил тенденцию вмешательства в хозяйственную жизнь завода и, насколько было возможно, осуществлял это на деле, не беря на себя функции распорядительные, а лишь контрольные; причем все завоевания в этой области, все занятые комитетом контрольные посты взяты без открытых конфликтов с представителями капитала, без призыва массы к защите позиций, а исключительно путем словесных переговоров и таких же воздействий*»[3].

Глава контрольной комиссии рабочих Новой бумагопрядильной мануфактуры, молодая работница, спровоцировала отставку директора, настаивая на праве тщательно проверять каждую покупку, прежде чем давать на нее разрешение. Фабричный комитет немедленно вызвал ее и заменил. «*Не понимаешь разве, что нам без специалиста не справиться?*» – спросил ее товарищ по фабкому[4].

Ситуация на трикотажной фабрике Керстена была более сложной. В начале декабря контрольная комиссия обнаружила, что хозяин отгружает готовый товар без ее ведома и скрывает от нее финансовые операции. Комитет решил поставить

1 *Новая жизнь,* 23 января 1918 г.
2 Раб. кон. С. 285.
3 Путиловцы в трех революциях. С. 432.
4 *Перазич В.* Указ. соч. С. 104.

у кассы свою охрану, на что администрация фабрики ответила, что не признает распоряжений фабкома, сославшись на то, что во главе комитета стоит рабочий, нанятый заново на фабрику по возвращении из армии лишь решением фабкома и без разрешения управления. Позже, 4 декабря, забастовали административные служащие в знак протеста против короткого ареста рабочими директора и главного бухгалтера, а совет директоров фабрики заявил о ее закрытии. В ответ общее собрание рабочих решило продолжать работать под руководством председателя фабкома и ходатайствовать перед Наркомтруда о секвестре фабрики. В этой ситуации представители руководства Профсоюза работников текстильной промышленности уговорили рабочих пойти на уступки, чтобы вернуть на работу управленцев. 8 декабря была достигнута договоренность, гарантирующая неприкосновенность личности служащих администрации. В свою очередь, правление предприятия признало право рабочих на «пассивный» контроль, и 14 декабря совет директоров согласился вновь открыть фабрику. Но вскоре после этого владелец завода бежал, забрав содержимое фабричного сейфа – 40 тыс. золотых рублей[1].

От рабочего контроля к национализации промышленности

Возможности рабочего контроля в «пассивной» форме зависели от готовности хозяев управлять предприятиями под таким контролем. 23 ноября 1917 г. Петроградское общество фабрикантов и заводчиков приняло решение, обязательное для всех членов, что предприятия, на которых рабочие вводят контроль, подлежат закрытию[2]. Правда, когда на заседании членов Петроградского отдела Всероссийского общества кожевенных заводчиков 23 января 1918 г. представителя общества спросили, как конкретно понимать эту директиву, он ответил, что «*уход мыслим для тех, у кого предприятие уже лишено средств, но отнюдь не в тех случаях, когда предприятие представляет еще для владельца ценность*». В ходе дискуссии выяснилось, что существовали два

1 *Перазич В.* Указ. соч. С. 105–106; Нац. пром., СССР. С. 345–346.
2 ФЗК. Т. III. С. 107.

типа контроля – проверочный и распорядительный. Если первый тип, защищавшийся профсоюзными лидерами, считался хозяевами терпимым, то со вторым надо было бороться[1].

При такой позиции контроль казался возможным. Но двоевластие – нестабильное состояние по своей природе. А владельцы быстро теряли интерес к управлению своими предприятиями. С августа 1914 г. преобладающая часть петроградской промышленности работала на войну, что приносило колоссальный доход. Советское правительство решило перевести промышленность на мирное производство. Это означало конец высоким военным прибылям. К тому же конверсия требовала значительных вложений. В свою очередь, производство и без того становилось все более проблематичным из-за кризиса снабжения. К этому нужно прибавить повышенное чувство незащищенности владельцев после Октябрьской революции. Все это вместе взятое еще больше усиливало склонность промышленников прибегать к экономическому саботажу в качестве политического оружия против рабочего класса. Меньшевик-интернационалист Базаров, будучи противником «активного» контроля и подобных «социалистических экспериментов», признавал, что двоевластие в экономике не было реалистичным: «*Чтобы снова создать почву для здорового развития, необходимо прежде всего возродить промышленность, т.е. или войти в известное дельное соглашение с классом капиталистов, или организовать промышленность государственной властью. Надо ли говорить, что ни первое, ни второе решение задач не выполнимы для теперешнего правительства – первое по соображениям политическим, а второе – вследствие фактического бессилия*»[2].

Базаров и его партия утверждали, что Советское правительство неспособно справиться с экономическим кризисом из-за своей узкой социальной базы. Но большинство рабочих считало еще менее реалистичной альтернативу Советской власти, предлагаемую меньшевиками – власть Учредительного собрания.

Рабочие быстро приходили к выводу, что контроль даже в его «активном» виде не был адекватен сложившейся ситуации. Все чаще эмиссары от предприятий приходили к правительству

1 Раб. кон. и нац. С. 339–348.
2 *Новая жизнь*, 30 января 1918 г.

с требованием национализации, часто в ответ на отказ хозяина признать рабочий контроль в любой его форме или же в ответ на остановку предприятия. Например, на машиностроительном заводе Роберта Круга, где 12 декабря заводской комитет сообщил общему собранию рабочих, что администрация отказалась признать инструкцию о рабочем контроле и объявила о предстоящем закрытии, рабочие решили взять предприятие в свои руки и уволить пятерых высших управленцев. В тот же день весь административный персонал исчез вместе с оборотными средствами завода. Завком сообщал Центральному Совету фабрично-заводских комитетов: *«Вследствие преступного саботажа правления нашего завода мы были поставлены в необходимость, чтобы избежать окончательной остановки завода, созвать общее собрание рабочих и служащих, на котором было выяснено тяжелое положение завода и было вынесено постановление взять завод в свои руки»*[1].

Такой призыв национализировать предприятие был сформулирован еще в чисто оборонительных терминах.

Как упоминалось выше, целый ряд конфликтов на заводе «Вулкан» летом и осенью 1917 г. между рабочими и администрацией привел к установлению государственного контроля с участием заводского комитета и профсоюза. 20 февраля 1918 г. завком обратился в Совнархоз Северной области с просьбой национализировать завод. Он сообщил, что предприятие получило большой заем от (уже национализированного) Сибирского торгового банка и что правление завода чинило непреодолимые препятствия установлению рабочего контроля, продолжая считать себя исключительным хозяином на предприятии. Единственный выход завком видел в переходе завода в руки государства[2]. В письме от 23 марта 1918 г. содержится обоснование этого требования: *«Заводской комитет, обсудив ... всю политику правления, пришел к следующему выводу: так как вся политика правления, начиная с июня месяца 1917 года и до настоящего времени, определенно велась и ведется к закрытию завода (циркуляры правления), и что если завод теперь и не закрыт, то это поддержание жизни завода надо отнести за счет энергии заводского*

1 Раб. кон. и нац. С. 283.
2 Нац. пром. СССР. С. 350–351

комитета, который в своей деятельности, ежечасно встречая непреодолимые затруднения, вел свою политику, стремясь поддержать жизнь завода, контроль же, который может быть принят правлением, заводской комитет считает полумерой, так как хозяином предприятия будет все-таки правление, а ответственность за ведение дел на заводе ляжет всецело на контрольную комиссию, а, следовательно, двоевластие не будет устранено, – единственный выход заводской комитет видит лишь в национализации завода и данное ходатайство еще раз подтверждает»[1].

Хотя непосредственным обоснованием требования национализации был отказ управления допустить «активный» контроль, ясно, что это решение было кульминацией длительной борьбы заводского комитета с администрацией за поддержание жизни предприятия.

Этот случай был далеко не единственным. Само решение перевести промышленность на мирное производство неоднократно становилось причиной требований национализации, поскольку администрация, иногда при поддержке технического персонала, часто отказывалась принимать участие в этой операции, которую они считали незаконной инициативой рабочих[2].

Многие фабрично-заводские комитеты прилагали истинно героические усилия для поддержания жизни своих предприятий. Но в тогдашней тяжелой экономической обстановке большинству комитетов это не удавалось. Одним из относительно успешных случаев был опыт комитета Оптического завода. В документе от 7 сентября 1918 г. он изложил свою историю. Контроль был введен 18 января 1918 г., когда завком арестовал деньги, которые администрация пыталась перевести во Францию своей головной фирме.

«*Постепенно принимая все большее участие в делах управления, заводской комитет и его… контрольная комиссия захватывали в свои руки важнейшие функции управления предприятием. В период демобилизации и угрозы немецкого нашествия, а также в тревожные минуты, когда против руководящих организаций темными и злонамеренными элементами велась травля, направленная к дальнейшей разрухе государственной*

1 Нац. пром. СССР. С. 350–351.

2 *Новая жизнь*, 4/17 февраля 1918 г. См. также: *Правда,* 31января 1918 г.

жизни, заводскому комитету пришлось на себе вынести всю тяжесть борьбы, чтобы удержать завод от закрытия».

Во время мировой войны, рассказывалось дальше в документе, роль оптического цеха завода уменьшилась, поскольку завод перешел на производство гранатных детонаторов. Но когда в январе 1918 г. настало время перехода на гражданскую продукцию, муниципальная электрическая станция сократила поставку энергии до двух дней в неделю. Поэтому завком решил построить собственную станцию , приобретя для этого необходимое оборудование. Эта задача была выполнена за три месяца. Пока завод выполнял заказ по подготовке образцов киноаппаратуры, он легально работал два дня в неделю, а остальное время нелегально по ночам. Члены администрации, отказавшиеся сотрудничать с завкомом, постепенно увольнялись, и завком брал на себя их функции. В то же время была проведена решительная чистка разлагающих элементов среди рабочих. В результате производительность труда на заводе снизилась меньше, чем на других предприятиях. Впоследствии заводу удалось подписать договор с Народным комиссариатом просвещения для производства кинопроекторов. «*Заводской комитет и его контрольный орган, забирая в свои руки руководство производством, знали, что они перешагнули на несколько ступеней все инструкции, изданные высшими органами власти для руководства рабочих организаций… Почувствовав свои силы, они уверенно взялись за великое дело и, после упорной борьбы на все четыре стороны, сумели правильно подойти к намеченной задаче, сохранить завод, создать дисциплину, организовать производство на новых началах и сберечь в казне Народной власти многомиллионные денежные средства, которые, в случае если бы рабочие организации не оказались на высоте, уплыли бы, что и было во многих случаях, в карманы иностранных империалистов… Исходя из всего вышеизложенного заводской комитет и контрольная комиссия… заявляют, что пора устранить лишние помехи, пора взять в рабочие руки полностью налаженное ими хозяйство, что у них имеются для этого подготовленные для руководства работники*»[1].

1 Нац. пром. и орг. Т. 1. С. 82–86.

Сложилась обстановка, при которой даже «товарищи справа», как Ю. Ларин, выступавшие ранее в защиту «пассивного» контроля, пришли к выводу, что двоевластие в экономике в любой форме невозможно. На Всероссийском съезде Профсоюза металлистов в конце января 1918 г. Ларин докладывал: «*Мы старались отодвинуть во многих случаях момент полного управления предприятиями и ограничиться лишь контролем. Но все наши старания ни к чему не приводили. При нынешней ситуации ни одна из имеющихся сил не может, а иногда и не желает вести хозяйство. Пример: Волжский торговый флот, где промышленники прекратили ремонт судов и вообще всю деятельность... Теперь один исход: либо идти вперед, либо потонуть. Приходится отбросить мысль о рабочем контроле и волей-неволей переходить к системе полного управления предприятиями и руководства хозяйством страны*»[1].

Это было косвенным признанием правоты позиции фабрично-заводских комитетов, отвергавших «пассивный» контроль. Они лучше знали положение дел на предприятиях и понимали, что им было необходимо иметь право выйти за пределы надзора, если этого требовала ситуация.

Хотя ноябрьская конференция фабрично-заводских комитетов отвергла предложение анархистов о захвате предприятий и продолжала утверждать, что рабочий контроль не есть социализм, а лишь первый шаг к нему, Шестая конференция фабзавкомов Петрограда 22–27 января 1918 г. поставила вопрос о национализации на повестку дня. Электрик Общества электрического освещения 1886 года Н. М. Животов выступил с докладом по этому вопросу. Он пояснил, что «*от заводских комитетов поступает ряд заявлений о необходимости взять предприятие в руки рабочих, и таким образом неожиданно встает практический вопрос о национализации производств*»[2]. Эти требования возникали, когда хозяева отказывались признавать рабочий контроль или когда они отказывались от управления своими заводами по другим причинам. Но требование национализации уже переставало быть ответом на конкретную обстановку на отдельных предприятиях[3].

1 *Новая жизнь*, 21 января 1918 г.
2 *Новый путь*, №№ 6–8, 1918. С. 24. См. также: *Новая жизнь*, 28 января 1918 г.
3 ФЗК. Т. IV. С. 290.

Анархист Г. П. Максимов резюмировал обсуждение: «*Ведь каждому из нас известно, что наша промышленная жизнь замирает и скоро настанет такой момент, когда вся промышленная жизнь будет мертва. Сейчас мы переживаем предсмертные судороги, эти судороги приведут к полному прекращению нашей промышленной жизни. И здесь возникает уже вопрос не о контроле. Ведь контролировать можно тогда, когда имеешь, что контролировать... Промышленная жизнь останавливается, транспорт разрушается. Все говорит, что необходим не контроль и не регулирование... Нет, начиная с самого правого крыла и кончая самым левым, все согласны в одном: необходимо реконструировать самую хозяйственную жизнь, необходимо построить хозяйственную жизнь на новых началах, нужно организовать производство и, значит, и здесь бы должен идти разговор не о контроле, а об организации производства*»[1].

Единогласно принятая резолюция конференции о национализации признавала, что сразу осуществить ее будет невозможно, что национализацию надо проводить планомерно на систематической основе. Советская власть еще не имела необходимого для этого технического аппарата. Несмотря на это, конференция призвала к немедленной национализации тех предприятий, на которых администрация отказывалась признать рабочий контроль, явно или тайно саботировала или сама отказывалась от дальнейшего управления производством.

Прозвучала, однако, и новая нота – конференция призвала к немедленной национализации предприятий, которые были в хорошем физическом и финансово-хозяйственном состоянии и которые могли быть сразу переведены на производство товаров народного потребления, «*ибо пролетарская Республика не только берет из рук хищников разрушенное хозяйство, которое ложится бременем на народную казну, но и те предприятия, которые могут интенсивно работать, давая народу предметы хозяйства и тем самым помогая оздоровлению народного достояния*»[2]. Этим заявлением фабрично-заводские комитеты отказывались от прежней оборонительной позиции.

1 ФЗК. Т. IV. С. 175–176.
2 Там же.

Стоит вновь подчеркнуть, что радикализация позиции фабзавкомов не выражала утопические мечты о социалистическом рае прямо за углом. Фабзавкомовцы трезво оценивали кризисную ситуацию в стране. Один из участников конференции подвел итоги выступлений об экономической ситуации: «*Мы услышали про такую разруху, про такую ужасную действительность, которую мы собственно все уже переживаем и знаем, но, которая заставляет дрожать все струны нашего сердца, когда излагается еще раз теми, кто ее переживают*»[1]. Делегаты не питали никаких иллюзий о том, что Советское государство сможет быстро улучшить ситуацию. Большинство делегатов были большевиками или их сторонниками, но не жалели суровой критики в адрес своих классовых организаций. У всех выступавших красной нитью проходило беспокойство о недостатке активных, компетентных сил и не столько на местах, сколько в высших и центральных экономических органах. Один делегат рассказывал о своем шоке, когда пришел в ВСНХ и увидел лишь десять или двенадцать человек там, где должны были работать по крайней мере 120 активных специалистов. От имени Центрального Совета фабрично-заводских комитетов Животов признавал, что, к сожалению, не хватало компетентных сил. Даже некоторые члены Центрального Совета не всегда посещали собрания ВСНХ[2].

Хотя настроение было нерадостным, участники конференции были решительно настроены и не думали опускать руки. Один из участников напомнил об общих локаутах, устроенных хозяевами вместе с царским правительством в конце 1905 г. в Петербурге, которые нанесли сокрушительный удар по революционному движению[3]. Делегаты не собирались вновь допускать такое.

В последующие месяцы национализация осуществлялась медленно и в индивидуальном порядке, в основном в металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Она применялась или как мера наказания, или для предотвращения

1 ФЗК. Т. IV. С. 241.
2 ФЗК. Т. IV. С. 51; *Новая жизнь*, 26 января 1918 г.
3 ФЗК. Т. IV. С. 174.

остановки производства[1]. После национализации торгового речного флота, который рабочие восстановили за несколько месяцев бесплатной работы, первой отраслью, подвергшейся полной национализации в мае 1918 г., стала сахарная промышленность. В июне вслед за сахарной была национализирована нефтяная промышленность, а за ней оставшиеся частные металлургические предприятия[2].

Как и в случае с требованием рабочего контроля, национализация рассматривалась прежде всего не как необходимый шаг к установлению социализма, а как практическое решение конкретных проблем. В своей брошюре от 1918 г. под названием «От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии» известный большевик И. Степанов объяснял, почему случился этот переход от рабочего контроля к национализации предприятий: «*Условия были такими, что фабзавкомы стали полными хозяевами на предприятиях. Это было результатом всего развития нашей революции, неизбежным результатом разворачивающейся классовой борьбы. Пролетариат не столько шел к этому, сколько его вели обстоятельства. Ему просто надо было делать то, что в данной ситуации невозможно было не делать…*»

Но, продолжал автор, рабочие слишком долго тянули с организацией реального регулирования. Фабрично-заводские комитеты смотрели на ситуацию с точки зрения своего собственного предприятия. Это было вполне естественно, поскольку фабзавкомы видели основной задачей помощь своим рабочим пережить эти тяжелые времена. Но меры, принимавшиеся с точки зрения отдельного предприятия, завода, уводили от сознательного, систематического регулирования, и это часто осложняло ситуацию в период очень глубокого экономического кризиса. Обстановка требовала принятия мер на общегосударственном уровне.

«*Каким бы ужасным это ни показалось многим, это значит полное устранение капиталистов от дел. Да, "социалистические эксперименты", как усмехаются наши противники.*

1 Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. М., 1918. С. 53, 91–92.

2 *Carr E. H.* Op. cit., vol. II. P. 189.

Да, и надо сказать: то, что теперь приходится делать рабочему классу России, есть устранение капитализма и воссоздание всего хозяйства на новых социалистических основах. Это не "фантастическая теория" и не "свободная воля" – у нас нет выбора. И поскольку это делается рабочим классом, и капиталисты устраняются в курсе революционной борьбы, это должно быть социалистическим регулированием.

Это надо осознать и сказать прямо. Тогда то, что мы до сих пор делали вынужденно, с недопустимой растратой сил и времени, мы будем делать сознательно, планомерно, дальше заглядывая вперед…

Будет ли это еще одна Парижская Коммуна или приведет это к мировому социализму, это зависит от международных обстоятельств. Но у нас абсолютно нет другого выбора»[1].

1 *Степанов И.* От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 4, 13–14. Степанов здесь косвенно отвечает на критику меньшевиков экономической политики Советской власти. На Первом Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в мае 1918 г. Ленин предложил аналогичный анализ экономической политики Советской власти: «Мы не закрываем глаза на то, что нам одним – социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия, если бы мы жили в условиях более легких, чем после четырех лет неслыханной, мучительной, тяжелой и разорительной войны, – в одной стране социалистической революции своими силами всецело не выполнить. Тот, кто отворачивается от происходящей в России социалистической революции, указывая на явное несоответствие сил, тот похож на застывшего человека в футляре, не видящего дальше своего носа, забывшего, что нет ни одного исторического переворота, сколько-нибудь крупного, без целого ряда случаев несоответственности сил. Силы растут в процессе борьбы, с ростом революции. Когда страна вступила на путь величайших преобразований, тогда заслугой этой страны и партии рабочего класса, победившего в этой стране, является то, что к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически. Этот опыт не забудется. Этого опыта у рабочих, которые сейчас соединены в профессиональные союзы и местные организации и берутся практически за дело общенационального налаживания всего производства, этого опыта, что бы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание». (*Ленин В. И*. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 382–383).

Управление национализированными предприятиями

Резолюция о национализации, принятая на январской конференции фабрично-заводских комитетов, призывала фабзавкомы к управлению национализированными предприятиями: «*Но, принимая во внимание, что высшие органы власти не имеют особых организаций, могущих управлять предприятиями, перешедшими в собственность Республики, что власть рабочих, солдат и крестьян тем сильна, что опирается на доверие трудящихся и их организаций, со своей стороны она должна опираться на эти организации, а потому во всех случаях национализации во главе этих предприятий на местах должны быть поставлены рабочие комитеты этих предприятий, которые работают под руководством Советов Народного Хозяйства*»[1].

Отвечая тем, кто считал, что комитеты не должны брать на себя ответственность за управление национализированными предприятиями, а лишь делегировать в управление двух-трех своих представителей с совещательным голосом, большевик Животов сказал: «*Это крайности, это, может быть, большевизм в уродливой форме... Рассуждения о том, что заводские комитеты тех предприятий, которые национализируются, не должны принимать никакого участия, ошибочны и неверны. Самое главное, самый гвоздь вопроса это именно то, что при национализации завода во главе его непременно должны стоять заводские комитеты, которые, конечно, подчиняются или находятся под контролем государственной регулирующей организации, в данном случае той организации, которая теперь организуется, сформировывается – Совета Народного Хозяйства*»[2].

При этом Животов признавал, что комитеты могут не всегда иметь нужную компетентность. Но в помощь они могли привлекать технических специалистов[3].

Однако в марте 1918 г. Всероссийский Совет народного хозяйства издал указ об управлении национализированными предприятиями, который далеко отстоял от позиции фабрично-заводских

1 *Новый путь*, №№ 4–5, 1918. С. 14.
2 ФЗК. Т. IV. С. 294–295.
3 Там же. С. 255–256.

комитетов. Указ не исключал рабочих полностью от участия в управлении, но он призывал главки, т.е. отраслевые дирекции ВСНХ, назначать комиссара, а также технического и административного директора на каждое предприятие, находившееся под их руководством. Отменить распоряжения технического директора мог только комиссар или сам главк. Административный директор, со своей стороны, должен был работать под руководством хозяйственно-административного совета, состоявшего из представителей рабочих, служащих администрации, технического персонала, профсоюза и местного совета. В хозяйственно-административном совете рабочие и служащие должны были составлять не более половины. Фабрично-заводские комитеты были лишены права самостоятельно издавать распоряжения. Они должны были действовать только через хозяйственно-административные советы[1].

Когда весной 1918 г. началась полномасштабная гражданская война, Советское государство в условиях глубочайшего экономического кризиса перешло на режим выживания, продлившийся почти три года. В этой обстановке позиция правительства в поддержку централизма за счет участия рабочих в управлении только усилилась. Такие лидеры, как Ленин и Троцкий, ранее занимавшие левые позиции в пользу самостоятельных инициатив «низов», перешли на сторону централизаторов. Меньшевики в этом вопросе ограничивались требованием автономии профсоюзов по отношению к власти. Среди большевиков защиту прав фабрично-заводских комитетов взяла на себя левая оппозиция (позже, в конце гражданской войны – рабочая оппозиция, защищавшая синдикалистские взгляды).

При крайнем дефиците сырья и топлива и чрезвычайной военной угрозе было крайне трудно найти приемлемый компромисс между централизмом и самоуправлением, поскольку оба являются существенными элементами социализма. Решение этого видимого противоречия требовало ограничения сферы и степени централизованной власти, иначе самоуправление трудящихся лишалось реального содержания. Но возможность такого компромисса требовала подходящих социально-экономических

1 *Carr E. H.* Op. cit. P. 92.

условий и в первую очередь обеспечения трудящимся хотя бы минимального экономического достатка и социальную защищенность. Без этого был невозможен тот уровень политического сознания, при котором рабочие были готовы жертвовать групповыми интересами во имя общего блага. В России в 1918 г. такие условия не существовали.

Фабрично-заводские комитеты, избранные общими собраниями, оказывались под давлением своих коллективов, требовавших удовлетворения непосредственных интересов рабочих, даже если они противоречили интересам рабочего класса в целом, как эти интересы определялись центральной властью. На январской конференции фабзавкомов один из делегатов предложил ограничить их ответственность перед общими собраниями рабочих теми случаями, когда воля общего собрания входила в противоречие с общеклассовыми интересами рабочих. Катынь от имени Центрального Совета фабрично-заводских комитетов признавал, что такие конфликты возникали. По его мнению, они возникали главным образом на предприятиях, «*где очень темный состав рабочих, это собственно не рабочие, а пришлые люди из деревни, которые месяц или год тому назад жили в белорусской деревне, попавшие в качестве беженцев случайно в состав рабочих... Сколько я наблюдал рабочих на заводах, я должен сказать, товарищи, что мы должны иначе смотреть на них, именно, как на сознательный элемент, который вынесет всегда самое правильное, самое верное решение, а не как на какую-то безобразную массу, которая сама не знает, что делает, является дикарем или ребенком, как говорит т. Горький... Мне кажется, товарищи, что даже было бы не совсем удобно нам, опирающимся именно на этот пролетариат, на эту массу, вводить такие пункты в устав, которые поставят его ниже всякой критики*»[1].

Делегаты конференции придерживались и других мнений. Отвечая на безграничное доверие анархистов здравому смыслу «низов», делегат от Металлического завода отмечал: «*Есть такие предприятия, которые совершенно надо закрыть... Тут нужен государственный аппарат, который бы разобрался... Вот т. Блейхман говорит, возьмем в свои руки*

1 ФЗК. Т. IV. С. 319–320.

и баста... Я бы этим товарищам-анархистам задал вопрос, один товарищ им уже его задал, как они сейчас на местах со своими несознательными массами поступают, как они с ними говорят – откровенно или нет? Я не знаю, как говорить с массой, которая требует денег. Вот я вчера не был на конференции и сегодня пришел поздно, потому что у меня на заводе не совсем благополучно, рассчитываем 100 человек рабочих. Вот вам и анархия, да анархия не такая, как они говорят, не то благополучие в конечном смысле анархизма, о котором т. Бакунин писал. Это был бы рай на земле, да до этого нам нужно пережить вот все эти недоразумения, от которых и сердцу жутко и черт знает, что творится, когда люди, нынешние анархисты мартовские, когда каждый рабочий только стремится получить [расчет] не за полтора месяца, а за 2–3 месяца сорвать...»[1]

Часть делегатов была согласна с оценкой Катыня, что проблемы возникали в основном с недавно пришлыми рабочими из деревни. Но дискуссия по поводу конфликта о запасе топлива на фабрике «Треугольник», которого требовал для себя комитет Путиловского завода, показала, что проблема выходит за рамки несознательности недавно пришлых из деревни. Комитет Путиловского завода пытался тогда перевести предприятие на мирное производство, но не имел топлива. Завком «Треугольника» готов был отдать часть своего запаса топлива лишь втридорога, объясняя, что предприятие должно покрыть амортизацию недавно закупленных баков, которые останутся пустыми. «*И заводской комитет настолько упорен, что прямо заявляет, что же вы, путиловцы, не позаботились вовремя, а теперь хотите топливо отобрать от наших рабочих и оставить их без работы. Заботьтесь сами о себе, а мы вам давать не будем. Это может быть патриотично и очень хорошо для рабочих “Треугольника”; может быть, заводской комитет “Треугольника” и старается для своих рабочих, но для страны это нехорошо, а также и для рабочего класса, который бьется в судорогах, чтобы оживить промышленность*»[2].

1 ФЗК. Т. IV. С. 284.
2 Там же. С. 339.

Конференция постановила, чтобы все топливо количеством, превышающее двухмесячные поставки, находилось под исключительным контролем областного совнархоза[1].

Такие противоречия только обострялись по мере того, как экономическое и военное положение города и страны ухудшалось. В своем докладе от 11 июня 1918 г. секция по металлу Совнархоза Северной области сообщала: «*Бывали и имеются у секции стычки и с рабочими организациями, особенно с фабрично-заводскими комитетами. Комитеты, не считаясь ни с чем, блюдут интересы своей колокольни, немедленно стремясь добиться тех или иных субсидий, авансов, между тем, деньги даются после самого тщательного обследования предприятия. Комитеты стремятся во что бы ни стало возобновить деятельность закрытых предприятий, хотя нет никакой фактической возможности из-за отсутствия топлива, соответствующей потребности в данном производстве их открыть. Сведения, получаемые как от заводских комитетов, так и заводоуправления, все односторонни…*

Заводские комитеты, не считаясь ни с чем, весьма часто обивали пороги ведомств и учреждений, нахватывали заказы, получали авансы и без санкций, без фиксации Совета народного хозяйства Северного района открывали заводы. Большинство таких заказов, к сожалению, оказались фактически невыполнимыми, не говоря о том, что чрезвычайно дезорганизуют работы секции. Невыполнимы заказы потому, что многие заводы совсем к данному производству не приспособлены…

Секции по металлу придется в эту работу вмешаться, взять на учет все заказы и соответствующим образом в интересах общегосударственного механизма их перегруппировать. Дело не обойдется без борьбы рабочего правительства с рабочими организациями»[2].

Также поступали сообщения, что на некоторых предприятиях рабочие сопротивлялись демобилизации, требуя сначала получить заказы для мирного производства. На заводе «Старый Лесснер» рабочие отменили свое прежнее решение подчиниться

1 *Новый путь*, №№ 4–5 (8–9), 1918. С. 14; *Новая жизнь,* 28 января 1918 г.

2 Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде. Т. 1, 1958. С. 199–200.

распоряжению о закрытии завода 23 декабря 1917 г. для осуществления конверсии, после того как до них дошли неподтвержденные слухи, что остальные металлообрабатывающие заводы не подчиняются распоряжению. Общее собрание постановило пока сократить работу до трех дней в неделю в ожидании заказов на производство продукции мирного времени[1].

На Первом съезде совнархозов 26 мая – 6 июня 1918 г. сторонники левой оппозиции в партии большевиков выступили в защиту прав фабрично-заводских комитетов против централизаторов. Н. Осинский, до этого некоторое время возглавлявший ВСНХ, подчеркивал в своем выступлении, что «*абсолютный упадок материальных производственных сил достиг того предела, когда начинается умирание хозяйства*». Государство поэтому принуждено перейти на режим минимального выживания и вести «скаредную» экономическую политику. Оно принуждено монополизировать контроль над существующими производительными силами и проводить политику строжайшего учета и контроля за использованием существующих ограниченных ресурсов. Такая оценка ситуации, казалось бы, являлась аргументом в пользу назначения из центра комиссаров для руководства предприятиями. Но Осинский предложил, чтобы, по крайней мере, две трети управленческого персонала избирались рабочими предприятий. Он отклонил аргумент, что эта мера неизбежно приведет к защите местных интересов рабочими данного предприятия за счет общеклассовых интересов, приведя пример из собственного недавнего опыта на Донбассе: «*Все дело в том, в каких общих условиях находится предприятие, имеет ли оно хлеб и деньги, правильно ли подобран с деловой точки зрения состав правления, поддерживает ли с предприятием тесную связь ближайший регулирующий центр. Если нет хлеба и денег, то работа идет плохо, даже когда предприятие находится в ведении комиссаров, назначенных из центра. Ибо они сами приходят к тому, что вынуждены торговать монополизированными товарами или заводским имуществом [чтобы накормить голодных рабочих]*»[2].

Рисуя столь мрачную, хотя, несомненно, реалистичную, картину и призывая перевести экономическую политику на режим

1 *Новая жизнь*, 4 января 1918 г.

2 Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. С. 57–66.

выживания, Осинский, того не желая, вооружал сторонников назначения комиссаров из центра. А. И. Рыков, председатель ВСНХ и противник рабочего самоуправления, зачитал вслух выдержки из одной статьи Осинского: «*Сохранение разрушенных империалистической войной производительных сил в данный момент возможно только путем самой планомерной концентрации их; наиболее эффективное использование наличных технических сил делает совершенно неизбежным национализированное управление этими силами из одного центра*»[1].

Несколько позже Осинский снова оказал нечаянную услугу своим оппонентам, выступив против введения на предприятиях сдельной оплаты для повышения дисциплины и интенсивности труда. Он утверждал, что такие меры только еще дальше подорвут солидарность между рабочими и будут стимулировать мелкобуржуазное мышление в тот момент, когда уже *«наблюдается большая деградация, большое классовое распадение пролетариата вследствие безработицы»*[2]. Его товарищ по оппозиции Г. И. Ломов попал в то же противоречие, заявляя, что *«всякого рода комиссары не только не вызывают местные силы к работе для повышения и поднятия производства и производственных сил вообще, а, наоборот они уничтожают и убавляют местные силы»*. И почти сразу он далее отметил, что «*как рабочие, так и крестьяне в настоящее время, точно черви впутываются в свою домашнюю оболочку и проявляют жизнь только постольку, поскольку это необходимо для личных потребностей... Все оборвано, мы совершенно подавили живые творческие силы в стране. Все это уходит в подполье и существует только для себя*»[3]. Даже если Ломов отчасти возлагал вину за эту ситуацию на политику государства, он обрисовывал условия, при которых рабочие не склонны были приносить в жертву групповые интересы во имя общего интереса рабочего класса.

Можно было представить достаточно аргументов в пользу обеих противоположных позиций, что и делалось. Но так как все признавали, что само выживание революции поставлено на карту и что рабочий класс, социальная база выступающих

1 Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. С. 98.
2 Там же. С. 66.
3 Там же. С. 74–75.

за самоуправление, рассеивался и что те, кто еще оставался на предприятиях, подвергались деморализации в условиях общей разрухи и голода, то сторонники централизации и авторитарного управления взяли верх. Когда Осинский заявил, что русской революции нет спасения вне революций на Западе, которые положили бы конец войне и пришли бы на помощь России, он озвучил общее мнение. Но в то время, как Осинский делал из этого вывод, что не следовало приносить в жертву социалистические принципы ради выживания революции в изолированной России, другие делали противоположный вывод: поскольку поражение революции в России нанесло бы серьезнейший удар по революционным движениям Запада, лучше временно пожертвовать принципами ради выживания этой революции. Помощь от революционного Запада позволит исправить искажения. Мало кто верил, что изолированная русская революция сможет выжить долгое время[1].

---

1 Позиция Ленина была противоречивой. Выступая на Втором Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г., он подчеркивал, что социализм – это когда сами рабочие, а не бюрократы, управляют экономикой и государством, и что профсоюзы должны подготовить рабочих к этому, вовлекая их в управленческие функции. Он осудил «тот вредный предрассудок, что дело управления государством – это дело привилегированных, что это есть особое искусство». Только когда массы сами управляют, сказал он, выживание революции будет обеспечено от натиска капитализма. А их воспитание не может быть чисто теоретическим, путем одних книг, лекций или собраний. Оно должно основываться на практическом опыте рабочих.

Но одновременно Ленин предупреждал профсоюзы от самочинного принятия на себя управленческих функций. «Мы к этому пошли, но мы до этого не дошли». Иными словами, не рабочие, а правящая партия будет контролировать образовательный процесс. И она решит, как и когда массы готовы уже для управления экономической и политической жизнью.

Ленин, несомненно, понимал это противоречие. Но, как большинство большевиков, он его считал временным последствием изолированного положения русской революции. Оно заставило власть принять экстренные меры «в силу бешеного сопротивления эксплуататоров, в силу похода всемирного союза эксплуататоров на одну их самых слабых и наименее подготовленных стран, как Россию, – когда союзу трудящихся пришлось делать свой переворот с бешеной быстротой, в условиях, когда приходилось думать не столько о гладком течении этого переворота, сколько о том, чтобы удалось удержаться до тех пор, пока начнет пробуждаться западноевропейский пролетариат». (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 435–453.).

После того, как в начале 1920-х гг. революционная волна на Западе была окончательно отбита буржуазией, обрекая русскую революцию на годы изоляции и способствуя подъему бюрократической касты, противоречие стало постоянным.

Хотя левая оппозиция потерпела поражение, в недавно опубликованном исследовании о рабочем классе Петрограда в гражданскую войну на основе изучения архивных материалов двенадцати крупнейших заводов города, автор сделал вывод, что во время гражданской войны рабочие не только сохранили свою привязанность к идее участия в управлении, но что такое участие продолжалось на практике в годы этой войны. На некоторых предприятиях еще в конце 1920-го года. заводские комитеты обладали полной управленческой властью. Практика коллегиального управления также продолжалась во время Гражданской войны вопреки официальной политики единоначалия[1].

1 *Гоголевский А. В*. Революция и психология: политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть, 1918–1920. Изд. СПб ун-та, 2005. Гл. 6. Однако автор не поясняет, оставались ли фабзавкомы ответственными перед общими собраниями рабочих.

ГЛАВА 15
НАПРЯЧЬ ПОСЛЕДНЮЮ КАПЛЮ СИЛ ИЛИ СДАТЬСЯ!

Распыление рабочего класса Петрограда

К июню 1918 г., когда Советское правительство издало Декрет о национализации крупных промышленных предприятий, большинство из них в Петрограде было уже закрыто. Они пали жертвами экономического и военного кризисов. Пройдут годы, пока пролетариат Петрограда восстановит свою прежнюю численность.

Табл. 15.1 показывает катастрофическое падение численности рабочих за первые восемь месяцев 1918 г. Большинство сокращений произошло между серединой декабря 1917 г. и началом мая 1918 г. К маю 1918 г. было занято всего лишь немногим более трети рабочих в сравнении со временем Февральской революции. Сокращения были результатом острой нехватки топлива и сырья из-за транспортного кризиса и гражданской войны на юге страны, а в некоторой степени и неудачной попытки после Октября конвертировать военную промышленность на мирное производство и поспешной эвакуации части предприятий в феврале 1918 г. перед лицом немецкого наступления.

Рабочие, оставшиеся на своих рабочих местах, были далеко не привилегированной группой. Исследование домашних бюджетов петроградских рабочих в мае 1918 г. выявило, что средний уровень заработной платы в промышленности значительно

Таблица 15.1
Численность занятых промышленных рабочих в Петрограде и области за период с 1 января 1917 г. по 1 сентября 1918 г.

	1 января 1917 г.	**1 января 1918 г.**	**1 мая 1918 г.**	**1 сентября 1918 г.**
Численность занятых рабочих	406 312	339 641	142 915	120 553
Доля рабочих в % в начале 1917 г.	100%	83.5%	35.1%	29.7%

Источник: Материалы по статистике труда Северной области. Вып. V, Петроград, 1919. С. 23.

отставал от базовых материальных потребностей. Некоторую разницу покрывали посылки от родственников из деревни, если такие имелись, продажа имущества, сдача в аренду комнат или углов, заимствования и даже попрошайничество. Повышения зарплаты, как, например, 30%-е повышение зарплаты неквалифицированным рабочим в июне 1918 г., не позволяли надолго компенсировать потери от инфляции: только в мае-июне стоимость продовольствия увеличилась на 50%[1].

Дефицит продовольствия стал повсеместным. В первую половину 1918 г. Петроград получил лишь чуть больше трети необходимого объема зерна по сравнению с тем же периодом 1917 г. Продовольственный паек был значительно ниже физических потребностей, а хлеб по рыночным ценам, в семь-восемь раз превышавшим государственные, был недоступен рабочим[2]. 18 января 1918 г. *Новая жизнь* опубликовала редакционную статью под заглавием «Голод»: «*Костлявая рука голода, которой Рябушинский угрожал демократии на Московской конференции, уже захватила Петроград за горло. Население Петрограда поставлено на паек четверти фунта. Четверть фунта хлеба (с соломой) в день для взрослого человека – это хлеб нескрываемого голода. Это предвестник голодной смерти, смерти от истощения, предвестник эпидемий*»[3].

Даже в неурожайные годы после революции 1905 г. низкооплачиваемые рабочие и работницы текстильной отрасли ежедневно потребляли в среднем 1,9 фунта черного хлеба и 0,7 белого[4].

В мае 1918 г. Совет сообщал, что из всех крупных городов Петроград находился в самом неблагоприятном положении[5]. Недоедание стало питательной средой для тифа, первые случаи которого были зафиксированы в январе 1918 г. За тифом с весенним потеплением последовала холера[6]. К 18 июня в городе были зарегистрированы около 800 случаев заболеваний холерой. Тогда же

1 *Струмилин С. Г.* Прожиточный минимум и заработки чернорабочих в Петрограде // *Статистика труда*, №№ 2–3, 1918. С. 4–8.

2 *Мильштейн А. Л.* Рабочие Петрограда в борьбе за укрепление Советов. // Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма. М. – Л., 1963. С. 129.

3 *Новая жизнь*, 18 января 1918 г.

4 *Струмилин С. Г.* Указ. соч. С. 5.

5 *Новая жизнь*, 21 мая 1918 г.

6 Там же, 30 апреля 1918 г.

Обуховская больница зафиксировала 177 случаев недоедания, а в первые три дня июля уже 30! Из них две трети приходились на рабочих, остальные – на представителей интеллигенции[1].

На почве ухудшения материального положения и неопределенной военной ситуации падали дисциплина и производительность труда. Распространялись пьянство и воровство, рабочее время и производственные материалы использовались, чтобы изготавливать изделия для обмена на продовольствие[2]. Общие собрания рабочих, фабрично-заводские комитеты, профсоюзы, правительство – все призывали к большему напряжению усилий в труде. Была введена сдельная оплата труда и провозглашена беспощадная борьба с бездельниками. Но эти меры не давали результатов. В начале лета 1918 г. советский экономист С. Г. Струмилин писал: «*Как и прежде, мы сталкиваемся с проблемой: либо повышение заработной платы [сверх июньского] либо снижение цен на товары, и это должно быть решено. Так как до тех пор, пока рабочий не будет получать количество калорий, необходимых для работы, все жалобы на низкую производительность труда и все разговоры о ее повышении путем интенсификации трудовой дисциплины, включая систему Тейлора и другие меры, останется бесполезной и пустопорожней болтовней*»[3].

К лету 1918 г. жизнь стала настолько тяжелой, что, несмотря на безработицу, предприятия не находили нужных квалифицированных рабочих, а иногда и неквалифицированных. В начале сентября директорская коллегия Ижорского завода в Колпине информировала совнархоз Северной области: «*Ни местная биржа труда, ни Петроградская не могут дать не только требующихся специалистов, но даже обыкновенных чернорабочих в достаточном количестве, причем нет никакой даже слабой надежды на то, что в скором времени на местной бирже труда такое положение сможет измениться к лучшему. Главная причина отсутствия рабочих заключается в плохом положении продовольственного вопроса и нежелании даже имеющихся свободных рабочих идти на работу на завод и предпочитающих*

1 *Новая жизнь*, 5 июля 1918 г.

2 Там же, 5 декабря 1917 г.; 1/14 февраля и 22 марта 1918 г.; Нац. пром. СССР. С. 30, 40; Раб. кон. С. 273, 289, 412–413, 422, 424–425, 432, 454.

3 *Струмилин С. Г.* Указ. соч. С. 5.

заниматься другим – торговлей, мешочничеством, сельскими работами и т.п.»[1]

Политическая атмосфера резко отличалась от той, что царила в 1917 г., когда общие собрания осуждали занятие рабочими торговлей, как «*бесспорное зло, поскольку стремление к прибыли вносит деморализацию в нашу товарищескую среду*»[2].

Падение уровня занятости неравномерно затронуло различные отрасли промышленности. В результате произошли серьезные сдвиги в социальном составе рабочего класса, что, в свою очередь, оказало влияние на политические настроения занятых рабочих. Больше всех пострадала металлообрабатывающая отрасль (см. *табл. 15.2*). К маю 1918 г. здесь было потеряно до трех четвертей рабочих мест в сравнении с началом 1917 г. Металлисты, бывшие в 1917 г. главной опорой большевиков, оставались пока самой многочисленной группой, но уже далекой от былого абсолютного большинства промышленного рабочего класса. К этому времени почти половина всех рабочих была занята в текстильной, пищевой, бумажной и типографской отраслях, работники которых в большинстве своем значительно позже металлистов перешли от оборонцев к большевикам и начали поддерживать требование Советской власти.

Сама металлообрабатывающая промышленность претерпела важные изменения. С одной стороны, ушла большая часть полудеревенских, малоквалифицированных рабочих, пришедших на заводы во время войны. В 1917 г. они насчитывали около 170 тыс. чел. Но, с другой стороны, ушла и часть квалифицированных металлистов, самой активной и радикальной части рабочего класса. Выборгский район, авангард рабочего движения всей страны с 1912 г., практически перестал существовать как промышленный центр. В марте 1918 г. там остался действующим лишь один крупный завод – «Нобель». Несколько позже возобновил работу «Арсенал», государственный завод с традиционно умеренным коллективом. В феврале 1917 г. Выборгский, крупнейший промышленный район города, насчитывал 69 тыс. рабочих, составлявших 18% всех промышленных рабочих и 25% всех металлистов Петрограда. Весной же 1918 г. от огромного отряда

1 Нац. пром. Петрограда. Т. II. С. 242.
2 Бастионы революции. Л., 1967. Т. I. С. 237.

выборгских рабочих осталось лишь 5 тыс. чел., часть из которых работала в небольших мастерских[1].

К концу 1918 г. в Петрограде действовало 21 крупное металлообрабатывающее предприятие с 500 или более рабочими. Но всего лишь пять из них – «Айваз», «Лесснер», «Нобель», Сестрорецкий оружейный и Кабельный были в 1917 г. убежденными сторонниками большевиков и Советской власти. К ним нужно прибавить несколько тысяч рабочих трех трамвайных депо. Из 45 тыс. занятых тогда рабочих-металлистов эти пять коллективов насчитывали лишь 5500 чел. Остальные 16, в том числе Обуховский, Ижорский, Патронный, Балтийский и Невский судостроительные заводы, «Арсенал», железнодорожные мастерские, Путиловский завод, были в основном государственными предприятиями, сравнительно поздно отошедшими от оборонцев. Невский район, главный оплот эсеров-оборонцев в 1917 г., превратился в самый крупный промышленный район города с более чем 20% всех занятых промышленных рабочих Петрограда.

Еще действующие предприятия потеряли самых революционно настроенных рабочих. Это произошло отчасти из-за соблюдения принципа учета стажа при проведении сокращений – более молодые, обычно и самые радикальные, сокращались первыми. В апреле 1918 г. *Петроградская правда* писала, что на Путиловском заводе из 39 тыс. рабочих в 1917 г. осталось только 13 тыс. чел. «*Ушли самые революционные молодые силы*»[2]. Многие из них записались в Красную гвардию и позже в Красную армию. По данным обширной выборки красногвардейцев, две трети из них были моложе тридцати лет[3]. Что касается гарнизона, в подавляющем большинстве своем состоявшем из крестьян, то его солдаты желали только одного – поскорее вернуться к себе в деревню участвовать в разделе земли[4].

Еще до формирования Красной армии из Петрограда на различные фронты гражданской войны уехало 8 тысяч

1 *Шкаратан О. И.* Указ.соч. С. 21; *Новая жизнь,* 23 марта 1918 г.; *Степанов З. В.* Указ.соч. С. 47; *Шелавин К. И.* Петербургский комитет большевиков седьмого созыва в 1918 году // *Красная летопись*, № 2 (29), 1929. С. 5; *Мильштейн А. Л.* Указ.соч. С. 129.

2 *Петроградская правда,* 7 апреля 1918 г.

3 *Старцев В. И.* Очерки. С. 280.

4 *Новая жизнь,* 12, 20 января и 1/14, 4/17 февраля 1918 г.

красногвардейцев. Почти все из них были рабочими. К 1 апреля 1918 г. еще 25 тыс. питерцев записались в Красную армию[1]. Эта армия была еще добровольной, и победа была далеко не обеспечена. Поэтому можно считать, что это были в основном преданные делу революции рабочие. Ведь многие из них имели родственников в деревне, где было безопаснее и сытнее. Весной 1918 г. сам Ленин призывал безработных рабочих Питера покинуть город и ехать в деревню, где можно было прокормить семью и организовывать крестьянскую бедноту[2]. Рабочие-большевики – кто массово уехал на фронты, кто участвовал в работе продовольственных отрядов, а многие из более способных и образованных рабочих-активистов были взяты на работу в государственные экономические учреждения.

В связи с этими процессами большевистская партийная организация Петрограда пережила резкий спад численности. К Шестой городской конференции в июне 1918 г. в городе осталось всего 13 472 члена из 43 тыс. в октябре 1917 г.[3] К концу августа их численность сократилась до 7 тысяч человек. Опрос 3 559 из оставшихся в городе членов партии выявил, что 40% из них вступило в партию до Октябрьской революции и 20% – до Февральской. Из всех опрошенных 81,5% были рабочими. Можно заключить, что к концу лета 1918 г. в Петрограде оставалось менее 6 тыс. рабочих-большевиков, тогда как в октябре 1917 г. их было 28 500 чел.

Более того, многие из оставшихся уже не были заняты в промышленности. Как отмечалось в материалах конференции большевиков Северной области весной 1918 г.: «*Во всех без исключения организациях партийно-организационная работа после Октябрьской революции значительно ослабла, в некоторых местах и – правда редких – случаях она почти совершенно*

1 Там же. С. 278, 280.

2 «Сидеть в Питере, голодать, торчать около пустых фабрик, забавляться нелепой мечтой восстановить питерскую промышленность или отстоять Питер, это – глупо и преступно. Это – гибель всей нашей революции. Питерские рабочие должны порвать с этой глупостью, прогнать в шею дураков, защищающих ее, и десятками тысяч двинуться на Урал, на Волгу, на Юг, где много хлеба, где можно прокормить себя и семьи, где должно помочь организации бедноты, где необходим питерский рабочий, как организатор, руководитель, вождь». *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36.

3 *Мильштейн А. Л.* Указ.соч. С. 129; *Красная газета,* 18 июня 1918 г.

Таблица 15.2
Изменения в распределении промышленных рабочих Петрограда и области по отраслям в период с 1 января 1917 г. по 1 сентября 1918 г.

Отрасль	**1января 1917 г.**		**1 января 1918 г.**		**1 мая 1918 г.**		**1 сентября 1918 г.**		**1 мая 1918 г.**
	Число рабочих	**%**	**Число рабочих**	**%**	**Число рабочих**	**%**	**Число рабочих**	**%**	**как % от 1 янв. 1917 г.**
Металлообрабатывающая	249679	61,5	197686	58,2	57995	40,6	45525	37,8	23,2
Текстильная	43272	10,6	44416	13,0	30173	21,1	27112	22,5	69,7
Химическая	45029	11,1	42126	12,4	10495	7,3	7313	6,0	23,3
Типографская и бумажная	22044	5,4	23531	6,9	19776	13,8	19412	16,1	89,7
Пищевая	14291	3,5	11924	3,5	10640	7,5	10278	8,5	74,4
Деревообрабатывающая	4715	1,2	3027	0,9	1620	1,1	1206	1,0	25,6
Кожевенная и обувная	11126	2,7	8413	2,5	6045	4,2	5747	4,8	54,3
Обработка минералов	10237	2,5	2287	0,7	1429	1,0	1301	1,1	14,0
Другие	**5919**	**1,5**	**6231**	**1,8**	**4742**	**3,3**	**2659**	**2,2**	**80,1**
Все отрасли	**406312**	**100,0**	**339641**	**99,9**	**142915**	**99,9**	**120553**	**100,0**	**35,1**

Источник: Материалы по статистике труда Северной области. Вып. 5. С. 23. См. также: Новая жизнь, 26 мая 1918; Металлист, №№ 9–1, 1918. С. 10.

замерла. Почти все силы партии ушли в государственную работу. Советы, профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, продовольствие, Красная гвардия – все это поглощало почти все силы партии»[1].

Таким образом, еще занятые на предприятиях рабочие потеряли самых революционных представителей – проводников влияния партии на рабочую массу. В мае 1918 г.

1 *Шелавин К. И.* Из истории Петербургского комитета большевиков в 1918 году. // *Красная летопись*, № 2 (26), 1928. С. 113.

меньшевик-интернационалист Я. Пилецкий отмечал в статье: «*Он уже исчез этот передовой борец и застрельщик рабочего класса России, истинная краса и гордость революции... Только медленно и постепенно будет он воскрешаться вместе с промышленностью Петрограда. Исчезла старая социал-демократическая гвардия*»[1].

Конечно, передовые рабочие не исчезли физически. Многие сыграли решающую роль в организации и защите нового государства и в управлении им. Но органическая связь с той средой, из которой они вышли, прервалась. Как самостоятельный политический субъект, рабочий класс не смог восстановить свои огромные силы, истраченные на защиту революции. И несмотря на дальнейшей рост его, рабочий класс уже не найдет нужных сил для той новой революции, о возможной необходимости которой размышляли делегаты на конференции фабрично-заводских комитетов в январе 1918 г.

«Похабный мир»

После разгона Учредительного собрания главным политическим вопросом стал мирный договор с Германией, «похабный мир», как охарактеризовал его Ленин, потому что мир этот был сепаратный и объективно укреплял одну из сторон ведущейся империалистической войны. Выбор между «похабным» миром и революционной войной против немецких империалистов возник перед рабочими Петрограда в момент растущей дезорганизации и деморализации рабочего класса. Незадолго до германского наступления *Новая жизнь* писала: «*Среди рабочих в связи с безработицей и голодом гаснет интерес к политическим событиям. Вместе с тем обостряется интерес к экономическим вопросам. Политические собрания и митинги в последнее время слабо посещаются рабочими*»[2]. Доклады с заводов Выборгского района от середины марта подтверждают эту оценку. На заводе «Феникс», закрытом из-за отсутствия топлива и заказов, как и большинство предприятий района: «*Среди рабочих крайне подавленное настроение. 2–4 раза созывалось общее собрание, на которое являлось 50–60*

1 *Новая жизнь*, 26 мая 1918 г.
2 Там же, 3/16 февраля 1918 г.

чел. и собрание не состоялось. И только когда комитет созвал рабочих чистить снег за плату, почти все рабочие явились. Большинство рабочих в невероятно тяжелом материальном положении. Являются группами на завод и, по словам членов заводского комитета, "просят, молят дать им работу и проклинают своих выборных". Просят дать "хотя бы подсоленной воды, чтобы утолить голод"»[1].

На заводе Розенкранц: «*Вместо 4000 работает сейчас рабочих около 900... Работы на заводе идут невероятно плохо. По отзывам членов заводского комитета, из 8 часов рабочие едва работают 2, остальное время, собираясь кучками, обсуждают положение. Отдыхают, заявляя на все требования о более интенсивной работе, что силы оставляют их вследствие голода*»[2].

В этой обстановке 18 февраля (начиная с 14 февраля 1918 г., все даты даются по новому стилю[3]), через восемь дней после того, как Троцкий, отвергнув германские условия, заявил о выходе России из войны, Германия начала наступление. Германские условия предусматривали отделение от России большинства ее польских, литовских и латвийских территорий, Украины и архипелага Моонзунд, которые все переходили под непосредственный или косвенный контроль Германии[4].

Перед началом немецкого наступления мнения в руководстве большевистской партии разделились. Левые эсеры выступали категорически против принятия немецких условий и впоследствии вышли из правительственной коалиции, хотя и продолжили участие в различных государственных учреждениях, в том числе и в Чрезвычайной комиссии, и Красной армии. В Центральном комитете партии Ленин, поддерживаемый Зиновьевым, Каменевым и Сталиным, выступил за принятие немецких условий, предложив оттягивать ответ на них на возможно долгое время. Он утверждал, что Советское правительство не имело средств, чтобы успешно противостоять немецкому наступлению. Хотя выживание революции в России зависело от революций на Западе, но не было гарантий, что они скоро начнутся.

1 *Новая жизнь*, 17 марта 1918 г.
2 Там же, 20 марта 1918 г.
3 Новый стиль был введен 31 января 1918 г. 31 января 1918 г. стало 14 февраля.
4 *Chamberlin W. H.* Op.cit., vol. I. P. 396.

В то же время большевики не имели права приносить в жертву российскую революцию. Каким бы тяжелым ни был этот мир, он давал бы «передышку» Советской власти, чтобы организовать новые государство и армию, пока не созреют революционные ситуации на Западе. Ленин утверждал, что вынужденный компромисс с империализмом под угрозой военного подавления революции не является предательством, и что это поймут рабочие в западных странах.

Левые коммунисты во главе с Н. И. Бухариным выступали против сепаратного мира, утверждая, что российская революция не сможет выжить, приняв немецкие условия. Они указывали на признаки революционной ситуации на Западе: всеобщие забастовки в Австро-Венгрии, Германии, Польше, а также во французских промышленных центрах Бордо и Лионе. Мир на немецких условиях был бы предательством рабочего класса Запада, прибалтийских стран, Украины и Финляндии. Левые напоминали, как в конце августа одной лишь революционной агитацией удалось остановить корниловское нашествие на столицу.

Троцкий занял срединную позицию «ни войны, ни мира». Он предлагал не подписывать мирный договор и односторонне объявить о выходе России из войны. Это наглядно показало бы рабочим и солдатам Германии, что их государство ведет империалистическую войну и, тем самым, придало бы мощный импульс растущему антивоенному и революционному движению в Европе[1].

12 января ЦК поддержал позицию Троцкого девятью голосами против семи. Но в Петроградской партийной организации оппозиция мирному договору пользовалась гораздо большей поддержкой. 28 декабря 1917 г. Петербургский комитет призвал продолжать интернационалистическую агитацию в немецких войсках. Если Германия начнет наступление, то надо вести против нее революционную войну. Он призывал рядовых членов партии оказать давление на колеблющиеся «верхи»[2]. 7 января 1918 г. конференция партийного актива Петрограда подавляющим большинством голосов (32 против 15) отклонила немецкие

1 *Chamberlin W. H.* Op.cit., vol. I. P. 398–399.
2 Петербургский комитет. С. 609–623,

условия[1]. 18 января Петербургский комитет присоединился к платформе левых коммунистов[2]. Так же поступила Пятая общегородская партийная конференция, вынужденная временно приостановить работу в связи с началом немецкого наступления[3].

Городской и районные Советы Петрограда эту позицию поддержали. 15 февраля Петроградский Совет одобрил действия Троцкого, отвергшего немецкие условия и ушедшего с переговоров[4]. Совет Охтинского района заявил: «*Лучше умереть в борьбе за мировую революцию, чем жить рабами мирового капитализма*»[5]. Красногвардейцы вполне ожидаемо решительно выступали против немецких условий[6].

Труднее определить позиции рядовых рабочих, поскольку заводские собрания в этот период проводились реже в силу тяжелейшего экономического положения. Но опубликованные резолюции последовательно выступают против сепаратного мира. Общее собрание Оптического завода в середине декабря постановило: «*Высказываясь всей душой против сепаратного мира с немцами, мы требуем энергичных шагов по направлению к демократическому международному миру*»[7]. После начала немецкого наступления и решения ЦК большевиков принять мирные условия Германии эти рабочие осудили договор как предательство финского и прибалтийского рабочего класса[8].

Такая позиция нашла особенную поддержку среди традиционно более умеренных рабочих. Например, совместное заседание Профсоюза типографских рабочих и заводских комитетов, выразив полную поддержку Советской власти, осудило немецкие условия мира и призвало к сопротивлению[9]. Аналогичные резолюции были приняты собраниями рабочих Невского, Александровского, Балтийского судостроительного и других заводов[10]. После приня-

1 Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 282.
2 *Потехин М. Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966. С. 112.
3 *Шелавин К. И*. Указ.соч. С. 106.
4 *Потехин М. Н*. Указ. соч. С. 112–113.
5 *Правда,* 14/27 февраля 1918 г.
6 Там же, 10/23 февраля 1918 г.
7 *Знамя труда,* 12 декабря 1917 г.
8 Там же, 1 марта 1918 г.
9 Там же, 13/26 февраля 1918 г.
10 *Новый луч,* 8/21 февраля 1918 г.; *Новая жизнь,* 6 марта 1918 г.

тия правительством немецких условий меньшевистская газета *Новый луч* сообщала, что ряд многолюдных заводских собраний выражал гневное несогласие с решением правительства[1]. *Новая жизнь* сообщала, что рабочие, и особенно районные Советы, выступают против подписания мирного договора[2].

Оппозиция мирному договору была отнюдь не чисто словесной. Хотя солдаты старой армии явно не желали дальше воевать – немцы быстро взяли города Ревель, Режицу, Минск и Двинск, – значительная часть петроградских рабочих была готова защищать революцию с оружием в руках. На многих предприятиях призывали записываться в Красную гвардию. Некоторые даже требовали введения всеобщей воинской повинности[3]. 22 февраля Петроградский Совет подытожил доклады от районных Советов: «*Революционный энтузиазм, готовность бороться и в результате – организация Красной гвардии*»[4]. Ко второму марта Выборгский район успел отправить на фронт более 3 тыс. вооруженных рабочих и столько же ждали приказа к отправлению[5]. В течение пяти дней с 25 февраля и по 1 марта в ряды Красной армии вступили 10 тыс. чел., в основном рабочих. В результате, ее численность в Петрограде возросла до 15 300 чел. Примерно столько же было красногвардейцев[6]. Были сформированы и партизанские отряды[7].

Обозреватели различных политических взглядов подчеркивали контраст между готовностью рабочих с оружием защищать революцию и стремлением солдат гарнизона как можно быстрее вернуться к себе в деревню. *Новая жизнь* писала, что вся тяжесть

1 *Новый луч,* 8/21 февраля 1918 г.

2 *Новая жизнь,* 8/21 февраля 1918 г.

3 Подобные резолюции были приняты на заводе «Новый арсенал», в Главных мастерских северо-западной железной дороги, на Русско-балтийском вагоностроительном заводе, на конференции фабзавкомов Невского района – *Знамя труда*, 14/27 февраля 1918 г.; на заводах «Феникс», Оптический, «Треугольник» и др. – Там же, 1 марта 1918 г.; на заводе «Динамо» – *Правда,* 8/21 февраля 1918 г.; на Путиловском заводе – *Правда,* 10/23 февраля 1918 г.; на «Скороходе» – Там же, 14/27 февраля 1918 г.; и на заводе «Нобель» – *Новая жизнь,* 28 марта 1918.

4 *Правда*, 12/25 февраля 1918 г.

5 Там же, 2 марта 1918; *Знамя труда,* 2 марта 1918 г.

6 Красная армия и Красная гвардия в это время были еще отдельными организациями.

7 *Старцев В. И*. Очерки по истории. С. 244–245.

войны лежит на плечах рабочих[1]. На заседании Петроградского Совета Зиновьев, отметив, что рабочие одного только Сестрорецкого оружейного завода сформировали целый полк, уже отправившийся на фронт, пенял, что гарнизон «не оказался на высоте положения»[2].

Готовность к бою была не единственной реакцией рабочих. 1 марта на рабочей секции Петроградского Совета народный комиссар труда Шляпников докладывал о панических настроениях рабочих, желавших покинуть город. Увольняясь, некоторые требовали положенного по закону шестинедельного выходного пособия. Эти рабочие заразились настроением окружающего «мещанского» населения, впавшего в панику при известии о приближении немецких войск[3]. В таких настроениях было отчасти виновато само правительство, так как оно не прояснило населению положения. В самый разгар мобилизации на защиту города оно издало приказ о подготовке предприятий к эвакуации или к выведению из строя[4]. Рабочие лидеры, которые могли бы успокоить остальных, как правило, отсутствовали, отбыв на фронт порой всем фабрично-заводским комитетом.

Серьезная паника началась в «ночь тревоги», когда фабричные гудки сообщили о падении Пскова, расположенного всего в 250 км от Петрограда. На заводе «Старый Лесснер» оставшиеся 300 рабочих потребовали выходные пособия. Попытки успокоить их оказались тщетными[5]. Увидев, что творится на соседних предприятиях, рабочие завода «Эриксон» потребовали гарантий, что они не останутся без денег в случае взятия города немцами. Не получив их, они, в свою очередь, также потребовали выходные пособия[6]. На заводе «Нобель», услышав о падении Пскова, общее собрание приняло решение о всеобщем вступлении в Красную армию. Был сформирован летучий отряд из 700 чел. Но к концу бурной недели и эти рабочие решили закрыть завод и потребовать расчета[7].

1 *Новая жизнь,* 2 марта 1918 г.
2 *Правда,* 2 марта 1918 г.
3 Там же.
4 Там же, 20 марта 1918 г.
5 Там же.
6 Там же, 28 марта 1918 г.
7 Там же; *Правда,* 2 марта 1918 г.

Быстрое продвижение немецких войск склонило рабочих к принятию условий «похабного мира». 21 февраля 1918 г. Петроградский Совет подавляющим большинством голосов высказался за принятие условий[1]. На многих предприятиях, в том числе и на ранее выступавших за революционную войну, рабочие теперь поддержали позицию Совета[2]. Петроградский Совет профсоюзов продолжал выступать против подписания мира (против – 30 голосов, за – 22), но Профсоюзы металлистов и деревообработчиков высказались за него, и 9 марта совместное заседание Петроградского Совета профсоюзов вместе с 500 делегатами от крупнейших предприятий одобрило мирный договор, требуя заодно новых выборов в Исполнительный комитет Совета профсоюзов[3].

Петроградские большевики также изменили позицию. Пятая городская конференция партии, открывшаяся до начала наступления, избрала новый состав Петербургского комитета преимущественно из левых большевиков. Но собравшись снова после наступления и подписания мира, конференция решила прекратить существование фракции левых коммунистов и закрыть ее журнал *Коммунист*[4]. Это решение поддержали партийные организации Выборгского и других районов, кроме Нарвского и областной конференции большевиков, в которой участвовали представители партийных организаций Сестрорецка, Колпина и финнов, проживавших в Петрограде, – всего 12 582 чел.[5]

Коллективы рабочих, находившиеся на последовательно левых позициях в 1917 г., в конце концов одобрили мирный договор, тогда как многие более умеренные рабочие продолжали его отвергать, следуя за примером всех других социалистических партий, кроме большевиков. Против договора выступало и большинство Петроградского Совета профсоюзов (но не представители металлистов и деревообделочников), рабочие Невского и Балтийского

1 *Знамя борьбы,* 13/26 февраля 1918 г.

2 Например, «Треугольник» – *Правда,* 7 марта 1918; собрание на Охте – там же; Трамвайное депо Васильевского острова – *Петроградская правда,* 14/27 февраля 1918 г.

3 *Носач В. И.* Профсоюзы Петрограда в первый год Советской власти. В: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967. С. 142.

4 *Шелавин К. И*. Указ.соч. С. 106.

5 Там же; *Правда*, 6 марта 1918 г.

судостроительных заводов[1], а также некоторых цехов Путиловского завода[2]. Возможно, что их позиция выражала беспокойство по поводу изоляции рабочего класса, неспособного даже с поддержкой крестьян создать эффективную власть и отстоять революцию. Они считали, что подписание мира лишило российских рабочих нужного союзника – международного пролетариата.

Взлет и провал оппозиции

Весной 1918 г. призывы эсеров и меньшевиков передать власть Учредительному собранию встречали нарастающую поддержку среди рабочих. Главный их аргумент оставался все тем же: власть Советов не способна преодолеть экономический кризис и предотвратить гражданскую войну из-за своей узкой социальной базы. Оппозиция призывала к «единству демократии» и созданию «всенародной власти» Учредительным собранием, избранным на основе всеобщего избирательного права. Своей растущей популярностью оппозиция во многом была обязана тяжелому материальному положению рабочих и отчасти государственным репрессиям, хотя пока редким, против протестов на почве продовольственного кризиса.

Политизация недовольства на основе экономического положения была для оппозиции не однозначным явлением. С одной стороны, голод подталкивал к ней рабочих. Но с другой стороны голод подрывал интерес рабочих к политике. Он поэтому не являлся особенно надежной опорой для политической оппозиции. До Октябрьской революции нетерпимость малоквалифицированных рабочих к политике склоняла их к анархистам. Но к весне 1918 г. интерес к анархистам себя исчерпал. На первое место вышел голод. «*Мы находимся в полосе упадка гражданских настроений рабочего класса*», – констатировал в мае 1918 г. деятель культуры из меньшевиков: «*В основе всего этого, конечно, лежит усталость... Лекции отличных лекторов по гуманитарным наукам привлекают публику в среднем 20–25 слушателей. На политические митинги идут лишь, когда популярное имя служит приманкой. Но рядом с этим*

1 *Новый луч*, 8/21 февраля 1918, *Новая жизнь*, 5 марта 1918 г.
2 *Новая жизнь*, 8/21 февраля, 6 марта 1918 г.

танцевальные вечера, организованные клубами, собирают толпы в 1000–1500 человек»[1].

9 мая председатель Петроградского Совета Г. Е. Зиновьев выступал на Путиловском заводе, где оппозиция находилась на подъеме. Он разъяснял собранию сложную политическую и военную ситуацию Советской республики и предостерегал против агитации меньшевиков и эсеров, стремившихся заманить рабочих обратно под иго капитализма. Но собравшимся очень быстро надоел этот политический анализ. Раздались крики: «Довольно о политике!», «О продовольственном вопросе!» Когда В. Володарский в своем выступлении разбивал аргументы меньшевиков и эсеров, его тоже прерывали криками «Ближе к делу!», «Говорите о хлебе!»[2]

Первыми откликнулись на призывы оппозиции рабочие, принявшие требование Советской власти позже других – поздним летом или осенью 1917 г. В середине февраля 1918 г. меньшевики Колпина сообщали, что в настроении рабочих происходят определенные сдвиги и можно серьезно рассматривать возможность восстановления партийной организации, распавшейся после Октября. Колпинские рабочие были заняты в основном на государственном Ижорском судостроительном заводе. Они отошли от оборонцев лишь к концу лета 1917 г. В Октябре они поддержали восстание и воздержались от участия в январских протестах против роспуска Учредительного собрания. Но теперь настроения менялись, и хотя на собраниях большинство еще поддерживало большевистские позиции, но это большинство постепенно истощалось[3]. Типографские рабочие, избравшие большевистский исполком в своем профсоюзе осенью 1917 г., на новых выборах в апреле 1918 г. свели большевиков в правлении до девяти из 25 чел.[4]

В марте 1918 г. деятельность Собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда значительно активизировалась. Собрание уполномоченных было инициативой меньшевиков и эсеров, предпринятой после роспуска Учредительного собрания. Его официальной целью было обеспечить рабочих независимой

1 *Новая жизнь*, 8 мая 1918 г.
2 *Новая жизнь*, 12 мая 1918 г.
3 *Новый луч*, 7/20 февраля 1918 г.; ЦГА СПб. Ф. 171, оп. I. д. 10, л. 10–11.
4 *Новая жизнь*, 26 марта 1918 г.; 30 апреля 1918 г.

альтернативой Советам, ставшими органами власти. Его главным политическим лозунгом было: «Вся власть Учредительному собранию»[1]. На ранних стадиях своей деятельности лидеры Собрания делали упор на экономических трудностях рабочих. Они только осторожно и постепенно переходили к непосредственно политическим вопросам. Например, обращение Собрания уполномоченных к рабочим от конца марта 1918 г. начиналось следующим образом: «*Война окончилась, но бедствия наши только начинаются. Работы мало; бессмысленная, беспорядочная эвакуация разрушает вконец промышленность. Рабочие десятками тысяч выбрасываются на улицу. Ехать нельзя, да и некуда. Работы везде мало. Проживаются последние деньги. Идет голодное лето*».

Обращение затем перешло к критике Советов и других организаций, возглавляемых большевиками, за их неумение облегчить положение рабочих. Но устранять власть Советов в нем еще не предлагалось. Оно лишь информировало рабочих, что «*Собрание обсуждает все вопросы рабочей жизни и ищет способы защитить рабочих от надвигающихся бед*»[2].

Подобный осторожный подход учитывал настроение рабочих, недовольных своим экономическим положением, но еще не готовых отвернуться от Советской власти, несмотря на признаки того, что переход в оппозицию был не за горами. В конце марта на собрании Выборгского райсовета, обсуждавшем бедственное положение более 30 тыс. безработных района, один из делегатов докладывал: «*У рабочих растет панический страх перед надвигающимся грозным бедствием*». Другой добавлял: «*Среди рабочих растет реакция, ибо они ничего не получили из обещанного Советской властью*»[3].

Постепенно деятели Собрания уполномоченных становились все смелее, открыто призывая к передаче власти Учредительному собранию. По их утверждению, одно это могло преодолеть

1 *Аронсон Г Я.* Движение уполномоченных от рабочих фабрик и заводов в 1918 году. Нью-Йорк: Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement, 1960. С. 6; *Новая жизнь*, 27 марта 1918 г. Обильная документация о Собрании уполномоченных и рабочей оппозиции этого периода опубликована в *Цзудзи Е.* (сост.) Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 г. СПб 2006

2 *Новая жизнь*, 26 марта 1918 г.

3 Там же, 27 марта 1918 г.

продовольственный кризис. Они обещали рабочим, что Учредительное собрание, в отличие от Советов, пользовалось бы обширной поддержкой и привлекло бы в правительство и в управление экономикой компетентных людей. Собрание рабочих бумажной фабрики Варгунина, расположенной в становящемся все более оппозиционным Невском районе, в середине мая приняло следующую резолюцию: «*Заслушав доклад о продовольственном вопросе… [мы требуем] прекращения гражданской войны в стране, созыва нового Учредительного собрания, органов местного самоуправления, городских дум и земств, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, создания единой твердой государственной власти для объединения разъединенной страны, для уничтожения многовластия в продовольственном деле и для налаживания его в общегосударственном масштабе*». После принятия этой резолюции собрание избрало делегатов в Собрание уполномоченных[1].

12 мая собрание рабочих Обуховского завода, также в Невском районе, заслушало доклады о продовольственном положении от представителей Центральной продовольственной управы, уверявших, что управа делает успехи, несмотря на крайне сложные условия. Другие ораторы утверждали, что сам факт голода опровергает эти заверения. Затем был заслушан доклад делегации завода, участвовавшей в заседании Бюро Собрания уполномоченных, после чего была принята резолюция поддержки Собранию уполномоченных[2].

Многолюдное собрание рабочих Главных мастерских Николаевской железной дороги заслушало доклад делегации, посланной в Москву за разрешением на коллективную закупку продуктов. Их просьба была отклонена с объяснением, что свободная купля и перевозка продовольствия подорвет усилия правительства по созданию «продовольственной диктатуры», направленной на облегчение кризиса. Заслушав доклад, собрание осудило «*деятельность Советского правительства, уничтожающего продовольственный аппарат*» и потребовало созыва Учредительного собрания[3].

1 *Новая жизнь*, 14 мая 1918 г.
2 Там же.
3 Там же, 28 мая 1918 г.

Более проницательные деятели оппозиции понимали, что растущая поддержка Собрания уполномоченных в значительной степени подпитывалась крайней усталостью рабочих. *Новая жизнь* писала: «*Правящая партия может указать и укажет на усталость рабочих Петрограда, на временный спад их веры в близкую победу. Но разве пролетариат везде в России не устал и не распыляется ли он в непосильной борьбе? И разве на усталости можно строить победу против всего мира?*»[1]

Лидеры Собрания уполномоченных представляли Учредительное собрание как способ преодолеть классовый раскол российского общества и прекратить гражданскую войну. Большевики же утверждали, что единственной альтернативой Советской власти в сложившейся ситуации была победоносная контрреволюция. В ответ на агитацию оппозиции они повторяли: «*Не Учредительное собрание и не единый фронт, а решительная борьба!*»[2].

В дни после Октябрьского восстания рабочие, в том числе и рабочие-большевики, требовали формирования коалиции из всех социалистических партий. Но они выдвигали это требование на определенных условиях: власть должна была опираться исключительно на трудящиеся классы без участия представителей имущих классов. В конце концов, именно устранение последних от власти было целью Октябрьского восстания. Переговоры под эгидой Викжеля после Октября наглядно показали, что стремление рабочих к однородному социалистическому правительству было нереальным из-за того, что эсеры и меньшевики-оборонцы продолжали настаивать на участии в нем представителей буржуазии и одновременно на низведении в нем большевиков до меньшинства, несмотря на их большинство в Советах. Как только рабочие это поняли, они прекратили требовать однородного социалистического правительства. По той же причине они массово воздержались от участия в протестах против роспуска Учредительного собрания, так как «соглашатели» в нем составляли большинство.

С этой точки зрения в последующие месяцы ничего не изменилось. Единство «революционной демократии», о котором так пеклась оппозиция, оставалось все таким же недоступным. Зато

1 *Новая жизнь*, 29 мая 1918 г.
2 *Знамя борьбы*, 14 мая 1918 г.

экономическая ситуация ухудшалась день ото дня, что делало рабочих более восприимчивыми к аргументам оппозиции.

Сторонники Советской власти, со своей стороны, объясняли, что экономический кризис – это последствие империалистической войны, политики Временного правительства, саботажа чиновников, оставшихся еще от старой власти, отказа образованных слоев общества сотрудничать с Советской властью, немецкой оккупации Украины и зарождавшейся гражданской войны. Они указывали на недавние события на Украине, где Рада, в которой преобладали «соглашатели», была заменена контрреволюционной властью гетмана Скоропадского, опиравшегося на немецкие войска. «*То, что предлагают меньшевики и эсеры,* – пояснял левый эсер П. П. Прошьян собранию рабочих Путиловского завода, – *т.е. общенародная политика в ущерб классовой политике, может привести только к Скоропадскому*»[1]. Сторонники Советской власти указывали также на события в Финляндии, где массовые расстрелы и голод тысяч финских рабочих и крестьян – мужчин и женщин, заключенных в концлагерях под открытым небом, были следствием поражения революции и победы над ней финской буржуазии, поддерживаемой немецкими войсками. А в самой России на юге страны разве кадеты, себя представляющие как сторонников Учредительного собрания, не занимаются вместе с царскими генералами организацией контрреволюционной армии? Все это доказывало, что единственная альтернатива Советской власти – победа контрреволюции. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский, выступая перед рабочими Балтийского судостроительного завода, так и заявил, что выбор только один: «*Напрячь последнюю каплю сил или сдаться!*»[2].

Оппозиция по-прежнему настаивала, что причина неспособности Советской власти переломить экономический кризис и предотвратить гражданскую войну кроется в ее узкой социальной базе. В конце мая на конференции рабочих и красноармейских делегатов Первого городского района Петрограда меньшевик-делегат от Патронного завода заявил: «*Мы предупреждали, что если вы подпишете этот похабный Брестский мир, то этим вы войны не уничтожите, а увеличите гражданскую*

1 *Знамя борьбы,* 28 мая 1918 г.
2 *Мильштейн А. Л.* Указ. соч. С. 157.

войну. И этот факт тоже на лицо. Все это надо устранить, но власть не в силах... Если эвакуация будет совершаться без всякого плана, тогда нельзя будет рассчитывать на работу заводов. Однако и этого власть сделать не может. Это может сделать только власть, избранная равным и тайным голосованием, т.е. Учредительное собрание...

Почему у нас сырье есть, топливо есть, а заводы не открыты? Потому что наши люди не способны там работать. Сейчас у нас на заводе переделали слесаря на токаря, а портных на приставов и комиссаров. Вот в третьем городском районе почтенный тов. Горячев – портной. Теперь он комиссар. Он заплатку может, конечно, хорошо поставить, а вот государству пользу принести – вряд ли»[1].

9 мая собрание рабочих Путиловского завода приняло резолюцию в том же духе: «*Одни они [большевики и левые эсеры] без помощи национальных социалистических и демократических сил не справятся с колоссальной задачей, и мы бросаем им в глаза нашу волю, нашу рабочую и революционную правду: объединяйтесь*»[2].

В то же время, на почве экономического кризиса росла отчужденность рабочих от своих организаций – Советов, фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, что также содействовало росту оппозиции. 18 марта общее собрание рабочих Металлического завода обсуждало вопрос о выходном пособии для сокращенных рабочих. Договоренность с Комиссаром труда уже была достигнута, но когда правительство переехало в Москву в связи с близким подходом немецких войск к Петрограду, дело было передано Совету Северной коммуны. Он, в свою очередь, изменил прежнее решение, что повлекло за собой новые переговоры. Уволенные рабочие требовали объяснений, почему им все не выдают пособий. В заводском комитете объясняли, что, несмотря на все усилия завкома – даже угрозы арестовать руководство завода – придется ждать еще несколько дней, так как, помимо прочего, в кассе не было купюр мелкого достоинства. Объяснение не удовлетворило рабочих, которые избрали пять контролеров, чтобы следить за деятельностью самого завкома – было подозрение,

1 *Шелавин К. И.* Указ.соч. С. 167.
2 *Новая жизнь,* 8 мая 1918 г.

что руководство предприятия оказывает давление на завкомовцев и препятствует их работе. Другой выступавший, ссылаясь на постоянные призывы поддержать правительство, с иронией спросил, что можно еще делать – «*за крылья мотора что ли поддерживать, когда они поедут?*», намекая на поспешный переезд правительства в Москву. Но другой оратор объяснил происшедшее нервным состоянием рабочих на почве голода[1].

Часть рабочих действительно имела упрощенное представление о взаимоотношениях между рабочими и рабочей властью. Во время немецкого наступления рабочие Путиловского завода, стремившиеся поскорее покинуть город, потребовали выходных пособий. Один из них заявил на собрании: «*Дайте нам деньги и вагоны тоже... Советская власть – это наша власть, и она должна делать для нас все... Все, чего требуют низы, она должна выполнять*»[2].

Оппозиция, со своей стороны, опираясь на конфликтные отношения между рабочими и их организациями, утверждала, что рабочие организации не должны были брать на себя государственные и экономические функции. Государственные дела надо поручать учреждениям, избранным на основе всеобщего избирательного права, а экономические функции – капиталистам[3]. В марте Бюро Собрания уполномоченных опубликовало призыв к рабочим с такими словами:

«*Помощи ждать не от кого. Много ли сделали для безработных профессиональные союзы? Они заняты не безработными, они не заняты и работающими. Союзы организуют хозяйство, а не рабочих.*

Заводские комитеты сделались комиссиями по расчету рабочих, – казенными учреждениями, которые не нуждаются в нашем доверии и давно потеряли его. И они нам не помогут...

И от Советов ждать нечего, так как они только судят, наказывают, изымают налоги, организуют Красную гвардию,

1 Там же, 22 марта 1918 г.

2 *Петроградская правда,* 2 апреля 1918 г.

3 Оппозиция по понятным причинам редко открыто говорила о возврате предприятий собственникам. Но она давала понять, что Россия не готова к социалистическим экспериментам. См. например: Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 276, 289.

а иногда и расстреливают... Рабочие сами должны подумать о своей судьбе»[1].

На ряде предприятий рабочие несколько раз переизбирали фабрично-заводской комитет в тщетной надежде, что новый состав удовлетворит их требования. Общее собрание Профсоюза типографских рабочих объясняло решение провести новые выборы в исполком следующим образом: под руководством большевиков «*деятельность классовой организации заменила вмешательство государственной власти... Увлеченный государственными делами, он [исполком] не желал и не мог противодействовать безработице*»[2]. Собрание рабочих Ижорского завода приняло аналогичную резолюцию: «*Принимая во внимание, что все рабочие организации такие, как заводские комитеты, профессиональные союзы и Советы, перестали быть независимыми рабочими организациями, отстаивающими интересы рабочих, а превращены в казенные канцелярии, собрание протестует против такой политики Советской власти и требует возвращения рабочих организаций на свой классовый путь*»[3].

Изменение деятельности рабочих организаций имело серьезные последствия и для большевистской партии. Член Петербургского комитета в 1918 г. К. И. Шелавин писал, что после Октябрьской революции «*Ряд ответственных, высококвалифицированных и прошедших школу подполья товарищей заражались исключительно "советским" настроением, не говоря уже о массе "молодого призыва". Если товарищи и не высказывали свои мысли до конца, то они все же с некоторым трудом представляли: что же, собственно, остается делать партийной организации после победы пролетариата? Некоторые полагали, что все же остается область агитации и пропаганды, но считали, что сейчас настоящим делом является организовать, например, районный Совет народного хозяйства, но уж никак не "киснуть" в районном партийном комитете. И точно: кругом все кипело, рушилось старое и строилось новое, преодолевалось саботажничество, подбирались первые государственные советские силы,*

1 *Новая жизнь*, 26 мая 1918 г.
2 *Новая жизнь*, 26 мая 1918 г.
3 Там же, 1 июня 1918.

районы складывались на подобие самостоятельных республик со своими собственными комиссарами: труда, народного образования и т.п., лучшие партийные силы бросались в этот водоворот строительства... Когда Василеостровский районный Совет переезжал с 16-й линии в новый дом на Средний проспект, то районный партийный комитет загнали на 5-й этаж, причем рассуждали приблизительно так: какая у них теперь может быть особая работа?»[1]

В известном отношении подобное преобразование рабочих организаций было логичным последствием Октябрьской революции. Рабочие взяли власть – как иначе ее осуществлять, если не через свои организации? Даже в более благоприятных экономических условиях можно было ожидать напряжения между общеклассовыми интересами и интересами отдельных групп рабочих. Но в условиях экономической разрухи, когда государству становилось все труднее удовлетворять даже элементарные потребности трудящихся, эта проблема стала особенно острой. В такой обстановке требовались глубокая приверженность делу революции и вера в потенциал рабочего класса, чтобы не смотреть на государство, как на чужое.

Именно последнее восприятие Советской власти активно пропагандировали меньшевики и эсеры. Но учитывая привязанность рабочих к Советам, в своей агитации они называли власть не «советской», а «большевистской», и «большевистской диктатурой», замалчивая факт, что сами они отказались от участия в правительстве, что левые эсеры вышли из него из-за несогласия с Брестским миром, но продолжали участвовать в различных государственных учреждениях. Со своей стороны сторонники Советской власти обвиняли меньшевиков и эсеров в лицемерии – критикуя некомпетентность Советской власти, они сами отказывались в ней участвовать и помогать решать проблемы. Участник конференции рабочих и красноармейских депутатов Первого городского района, сторонник Советской власти, это ясно выразил: «*Теперь оказывается, что [районный] Совет ничего не делает. Из каждого доклада ничего не могли [оппозиционные делегаты] почерпнуть. Тогда первым вопросом было поставлено: пожалуйста,*

1 *Шелавин К.* И. Указ.соч. С. 111.

милости просим, приходите и работайте. Когда предложили им занять должности в ЦИК, то они сказали: мы войдем в Совет, но только будем сидеть, а вы работайте, как хотите, и возьмите власть в свои руки...»[1]

С другой стороны, нет сомнения, что, работая в правительстве и занимая административные должности, большевики постепенно теряли непосредственный контакт с предприятиями, начинали подходить к решению проблем с «административной» точки зрения. Этот «административный» подход проявлялся в нетерпении к требованиям рабочих, к их протестам, и особенно к растущей политической оппозиции. Заметные перемены можно было наблюдать на примере большевистской печати. *Правда* (ставшая позже *Петроградской правдой*) стала уделять значительно меньше места жизни на предприятиях. Ее статьи об оппозиции все больше искажали настоящее положение дел, хотя в данный период это явление не следует преувеличивать. Большевики, по сути, повторяли опыт социалистов-оборонцев, когда те участвовали в правительстве в 1917 г. В статье от апреля 1918 г. меньшевик-интернационалист В. Строев писал о большевиках: «*Партия, не охватившая своим организационным влиянием весь рабочий класс, оттолкнувшая от себя максималистской непримиримостью интеллигентные кадры социалистических партий, тем более не может обслужить даже и тот сознательно упрощаемый аппарат власти Республики Советов, который, по мнению Н. Ленина, доступен даже малограмотным рабочим и крестьянам.*

Лучшие рабочие оторваны государственной работой от своего класса. В жертву тому же Молоху якобы социалистической государственности принесены неокрепшие профессиональные организации пролетариата.

Разбита, в сущности, и политическая организация рабочего класса – партия социал-демократов-большевиков, или коммунистов. Ибо, очутившись у власти, она перестала жить, как организующая партия рабочего класса, и говорит с ним исключительно языком всесильной милости или начальственного

1 Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. Петроград, 1918. С. 334.

воспрещения; естественный, здоровый рост партии, рост сознания и организованности рабочего класса прекратился»[1].

Столь категорическое суждение о большевистской партии было наверное преждевременным. Незаслуженным было и обвинение большевиков в «максималистской непримиримости», отталкивавшей интеллигенцию. Сама газета Строева всего за несколько месяцев до этого обвиняла интеллигенцию в дезертирстве от народа, подчеркивая, что оно началось еще задолго до Октябрьской революции[2]. Тем не менее Строев заметил реальный процесс: поглощение самых преданных, сознательных и способных рабочих-активистов государственной деятельностью и Красной армией, а в результате, потеря их связи с рабочими на предприятиях.

Этот процесс, конечно, нельзя отделять от распыления рабочего класса Петрограда – авангарда российского революционного движения. Складывалась весьма парадоксальная ситуация. С одной стороны, формировалось государство, представлявшее себя рабочим (или рабоче-крестьянским), что в значительной степени так и было. Это признавала сама оппозиция, постоянно обвиняя Советскую власть в некомпетентности из-за его исключительно пролетарской социальной базы[3]. О крестьянстве в качестве другой опоры новой власти оппозиция даже не считала

1 *Новая жизнь*, 20 апреля 1918 г.

2 См. выше. С. 375-377.

3 Этот аргумент неоднократно звучал на Конференции рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. Например: «Если вы думаете, что своими силами пролетариат может что-нибудь сделать, то напрасно будете биться, потому что этот вопрос [безработицы] вы никогда не решите… Своими силами пролетариат промышленности не устроит, очевидно, нужно повернуть кормило». Другой оппозиционер добавлял: «Сколько бы они ни говорили вам о том, что лучше, чтобы судомойка была генералом, а не генерал Корнилов, это еще не бесспорно… Что все эти люди безусловно искренны – кто спорит – может быть, они работают очень много. Я знаю тех людей, о которых говорит товарищ Корсаков [рабочий – председатель райсовета]. Совершенно верно, это честнейшие люди, но они свалились не от работы, как здесь говорили, а они свалились потому, что работать не умеют… Требовать от человека, не подготовленного к выполнению всех этих функций, которые на них жизнь возлагает, совершенно невозможно. Во всех этих докладах красной нитью проходила беспомощность». (Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов. С. 107, 344.)

нужным напоминать. В то же время рабочий класс исчезал как самостоятельный общественно-политический субъект.

Случаи репрессий против несогласных рабочих в это время были еще редки, но они тем более поражали рабочих и увеличивали поддержку оппозиции, изображавшей власть чуждой рабочему классу. Два серьезных инцидента случились в мае 1918 г., незадолго до всеобщих выборов в Петроградский Совет. Первый произошел в Колпино 9 мая во время обострения продовольственного кризиса. Женщинам, стоявшим в очереди за хлебом, вдруг заявили, что он кончился. Большая толпа, после тщетной попытки найти председателя местной продовольственной управы, отправилась в сторону городской площади. Туда прибыл и отряд красногвардейцев. Прикладами винтовок они остановили группу женщин, идущих в сторону пожарной башни, чтобы бить тревогу. Один молодой человек все же пробился сквозь линию красногвардейцев и был ранен помощником командира. Далее последовал залп в толпу. Один человек был убит и трое ранено. Услышав выстрелы, прибежали рабочие с судостроительного завода, но красногвардейцы повернули их назад. Общее собрание завода приняло решение провести новые выборы в местный Совет и потребовать ареста виновных в стрельбе. Оно также постановило направить делегацию в Петроград для обсуждения плана действий с другими оппозиционерами. Но на выходе из заводских ворот рабочие были встречены красногвардейцами, которые вновь открыли огонь, убив одного и ранив еще нескольких человек. За этим последовали обыски и аресты. В тот же вечер в городе было объявлено военное положение[1].

Второй инцидент произошел в Сестрорецке. Он также начался с протеста женщин, разгневанных нехваткой продовольствия. Толпа переместилась на оружейный завод, где состоялся митинг, во время которого некоторые выступавшие призвали к свержению Советской власти. Оттуда толпа двинулась по квартирам делегатов местного Совета и разгромила их. Другая группа отправилась в Совет и разогнала его, попутно избив нескольких депутатов. За этими событиями последовало большое число арестов, в том числе и среди рабочих завода, которых быстро

1 *Новая жизнь,* 11 мая 1918 г. Об этом инциденте и его последствиях, см. *Цудзи* Указ. соч. С. 727-796.

освободили после короткого расследования. Рабочие отреагировали на аресты объявлением забастовки и призывами к перевыборам местного Совета[1].

Случались и другие, более мелкие случаи подавления выступлений недовольных рабочих, но в этот период власть еще достаточно терпеливо относилась к оппозиции, несмотря на то, что город постоянно находился на грани голода. Насколько отчаянным было положение с продовольствием, можно судить по телеграмме, отправленной в мае от имени Ленина ко всем Советам и продовольственным органам, с требованием немедленно отправить продовольствие, чтобы спасти *«красную столицу, находившуюся на краю гибели»*[2].

Чтобы по достоинству оценить степень терпимости власти к оппозиции в этот период[3], стоит снова подчеркнуть, что эсеро-меньшевистскую оппозицию никак нельзя было считать «лояльной». Она призывала не к изменению политики или партийного состава Советского правительства, а к замене Советской власти совсем другим режимом – Учредительным собранием. Как было указано выше, оппозиция упорно, но необоснованно называла власть «большевистской» или «большевистской диктатурой». Требуя новых выборов в Петроградский Совет, оппозиция давала понять, что, в случае победы она намерена была передать власть Учредительному собранию, городским думам и земствам, ибо только такая «всенародная власть» сможет решить проблемы страны.

События в Колпино, в частности, вызвали ряд заводских митингов протеста, на которых рабочие требовали созыва Учредительного собрания. Представители от районов на заседании Собрания уполномоченных 11 мая доложили, что расстрел в Колпине

1 Новая жизнь, 26 мая; 22 июня 1918 г. См. также *Уцдзи*, Указ. соч. С. 796-812

2 Новая жизнь, 11 мая 1918 г.

3 Это хорошо видно на основе протоколов Первой конференции рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района, на которой полемика была жаркой, но тон проправительственных докладчиков и депутатов был, как правило, уважительным по отношению к оппозиции. Сама оппозиция признавала, что ей выделили достаточно времени в прениях. Лишь несколько сторонников Советской власти на конференции назвали оппозиционеров «саботажниками» или «объективными контрреволюционерами», хотя думали так явно многие.

отвлек внимание рабочих от голода[1]. Резолюция общего собрания рабочих завода «Сименс-Шуккерт» гласила: «*Обсудив вопрос о текущем моменте и голоде, на почве которого создаются продовольственные эксцессы, а существующая власть прибегает к ликвидации таковых силою оружия, что подтверждается колпинскими событиями... мы требуем объединения всех демократических слоев населения и установления высшей государственной власти путем всеобщего, прямого, тайного и равного голосования, то есть созыва Всероссийского Учредительного собрания, которое только сможет облегчить как продовольственный вопрос, так и всю государственную жизнь*»[2].

Большевики и левые эсеры признавали растущую отчужденность между рабочими и органами власти и считали, что в этом были виноваты в значительной степени Советы, полностью ушедшие в административную работу. Особенную обеспокоенность вызывали районные Советы как органы власти, соприкасавшиеся с рабочими теснее всего. Поэтому-то районные Советы зачастую становились первой мишенью рабочего гнева. Исходя из сложившейся ситуации и реагируя на растущую популярность Собрания уполномоченных, в середине апреля Петроградский Совет по предложению межрайонной конференции районных Советов принял решение организовать районные конференции рабочих делегатов «*для выявления мнения рабочих масс по вопросам текущего момента*». Организация конференций была поручена комиссиям, составленным из представителей всех партий, представленных в райсоветах. Делегаты избирались из расчета одного от пятидесяти работающих или безработных рабочих (для последних избирательные собрания были организованы на Бирже труда) с дополнительным представительством районных профсоюзных и партийных организаций[3]. Несколько позже было решено пригласить и представителей красноармейских частей, находившихся в то время под юрисдикцией районных Советов.

Конференция Нарвского района открыто заявила, что районный Совет, ставший органом власти, пренебрегал своими прежними организаторскими, представительскими

1 *Новая жизнь*, 12 мая 1918.

2 *Новая жизнь*, 15 мая 1918.

3 *Новая жизнь*, 19 апреля 1918 г.

и просветительскими функциями: «*Работа районного Совета может быть успешной лишь в том случае, если наши депутаты не смотрят на свою работу, как на чиновничью, и ведут решительную борьбу с ленью и неряшливостью среди тех, кто еще не освободился от этих пороков*»[1].

Конференция 1-го Городского района, протоколы которой были опубликованы в полном объеме еще в 1918 г., поручила депутатам Совета установить более тесную связь с рабочими и отчитываться перед ними и перед районным Советом, по крайней мере, раз в месяц. Она также приняла ряд других решений в том же духе. В частности, она учредила при районном Совете агитационную комиссию, чтобы информировать рабочих и солдат о деятельности Совета и текущей ситуации; отдел по связям с безработными; культурно-образовательный отдел. Предложение одного из депутатов исключить из агитационной комиссии членов партий, не признающих Советскую власть, было отклонено, несмотря на то, что большинство делегатов были большевиками или им сочувствующими, – дополнительный признак относительно толерантного климата этого периода[2].

Некоторые большевики видели причину проблемы не только в ослабленном контакте между районными Советами и рабочими массами, но и в потере Советами связи с большевистской партией. На собрании Петербургского комитета большевиков 9 апреля отмечалось, что «*Слабость и незавершенность партийного контроля за ходом советской работы в районах в послеоктябрьский период привели к ряду вредных последствий и имели гибельное влияние в первую очередь на активность самих районных советов*»[3].

Приход большевистской партии к власти ослабил ее в качестве политической организации, опиравшейся на рабочие массы. Если до Октября партия занималась выработкой стратегии и тактики рабочего движения, организацией и просвещением рабочих, то после Октября ее самые преданные и способные

1 *Петроградская правда,* 5 июня 1918 г.

2 Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 356, 358; *Мильштейн А. Л.* Указ. соч. С. 137; *Петроградская правда,* 5 июня 1918 г.

3 *Петроградская правда*, 10 апреля 1918 г.

активисты ушли на государственную работу. В результате, серьезно пострадало влияние партии в Советах. Это вызывало особенное беспокойство у левых коммунистов. На партийной конференции Северной области в апреле 1918 г. они предложили следующую резолюцию: «*Конференция на основе докладов с мест констатирует, что партийно-организационная работа на местах в значительной степени ослабла. Лучшие партийные силы ушли в советскую работу. Значительная часть товарищей отрывается от партийной жизни, что представляет несомненную опасность для партии. Далее конференция констатирует, что в местных органах власти влияние ответственных партийных учреждений складывается так же чрезвычайно мало. В советах все почти вопросы решаются согласно решениям фракций Советов, включающих в свой состав не только членов партии, но и сочувствующих*». В результате, как правило, преобладал административный подход к политическим вопросам.[1]

Таким образом, партия лишалась прежней основы ее силы – ее органической связи с фабрично-заводскими массами. Это способствовало и успеху оппозиции, активно занимавшейся политической работой на предприятиях.

«*Правые силы,* – писал левый эсер Хмара, – *пользуясь временным отсутствием идейных революционных сил, добиваются временных успехов среди пассивных рабочих*»[2].

Изменения в социальном составе промышленного пролетариата также способствовало росту оппозиции: Выборгский район практически перестал существовать в качестве промышленного района, а Невский район, долгое время бывший оплотом оборонцев, стал главным промышленным центром города.

Конечно, основной причиной роста оппозиции была неспособность Советской власти решить самые насущные проблемы рабочих. Но суждение Хмары находит косвенную поддержку в колебаниях рабочих в этот период: одна и та же группа могла сегодня поддержать резолюцию оппозиции, а на следующий день принять резолюцию в поддержку правительства. Порой решающим фактором было присутствие на собрании всего одного

---

1 *Шелавин К. И.* Из истории. С. 115.

2 *Знамя борьбы,* 14 мая 1918 г.

большевистского или левоэсеровского оратора. Например, вскоре после событий в Колпино в отсутствие членов заводского комитета – большевиков и левых эсеров – собрание рабочих завода «Вулкан», в большинстве своем поддерживавших большевиков еще с мая 1917 г., решило провести перевыборы депутатов в Петроградский Совет и приняло резолюцию, предложенную оппозицией и требующую организации конференции представителей всех социалистических и демократических сил, готовых помочь трудящимся массам и сотрудничать в организации доставки продовольствия[1]. Формулировка была типично оппозиционной. Оппозиционная печать впоследствии указывала на эту резолюцию, как доказательство, что даже самые стойкие в прошлом сторонники Советской власти начинают отворачиваться от нее. А через три дня в присутствии членов завкома новое собрание отклонило эту резолюцию и заявило, что нет выхода из создавшегося тупика кроме сплочения рабочих и крестьянских масс вокруг лозунгов Октябрьской революции[2]. В 1917 г. такого рода колебания наблюдались редко.

В своей статье Хмара привел еще один пример, на этот раз с завода «Нобель», также давнего оплота большевиков. Там собрание рабочих чуть ли не поддержало предложение оппозиции бойкотировать демонстрацию Первого мая и требовать созыва Учредительного собрания. Но присутствующий на собрании левый эсер сумел объяснить рабочим истинное значение этого предложения, и оно было отклонено. Хмара заключил: «*Мы не можем оставить массы в заводах без активных работников. Товарищи на заводах, пригласите агитаторов и лекторов, освещайте вашу заводскую жизнь в газетах, не поддавайтесь на провокации соглашательских партий*»[3].

У рабочих-большевиков и рабочих-левых эсеров таких колебаний не было[4]. *Новая жизнь* объясняла это влиянием

1 *Новая жизнь*, 12 мая 1918 г.

2 *Знамя борьбы*, 14 мая 1918 г.

3 Там же, 24 мая 1918. Подобным образом Шелавин объяснял избрание депутатов от оппозиции на одних текстильных фабриках и проправительственных депутатов на других на выборах в июне в Петроградский Совет. – *Красная газета*, 29 июня 1918 г. О колебаниях на Путиловском заводе см.: *Красная летопись*, № 3 (27), 1928. С. 152; *Цудзи*, Указ. соч. С. 486-511.

4 Первая городская конференция; *Красная летопись*, № 3 (27), 1928. С. 167.

«отсталых» масс на «сознательных товарищей»: «*Наиболее сознательные рабочие давно поняли безнадежность советской непримиримости, и только бессилие справиться с максимализмом темных масс и крепкие связи со своей партией держат их в плену безнадежного кустарного коммунизма*»[1]. Но на самом деле это были менее политизированные рабочие с менее развитым классовым самосознанием, которые в условиях бедственного экономического положения охотнее откликались на призывы оппозиции. Рабочие же большевики и левые эсеры, как и рабочие, записавшиеся в Красную армию, не знали таких политических шатаний. Например, в июне на выборах в Петроградский Совет красноармейцы избрали 58 депутатов-большевиков, трех левых эсеров и ни одного оппозиционера[2].

Но оставаясь стойкими в поддержке Советской власти, рабочие-большевики не стеснялись в ее критике[3]. Особое возмущение вызывала деятельность правительства в области продовольствия. На партийной конференции 5 июня выявились две позиции по данному вопросу. Одни поддерживали решение правительства по централизации структуры снабжения. Другие защищали принцип выборности и широкие полномочия районных управ. Но и те, и другие совместно выступали против рецепта оппозиции: расширить базу правительства путем передачи власти Учредительному собранию и муниципальным органам, избранным на основе всеобщего избирательного права. Сторонники децентрализованного управления снабжением предлагали еще больше сузить социальную основу власти путем очищения организации снабжения от «саботажников», унаследованных от старого режима. Они требовали перестройки структур снабжения «снизу», опираясь на сторонников Советской власти, то есть на рабочих. Участник конференции, рабочий из Василеостровского района, критиковал аппаратчиков: «*Аппарат ее [Центральной продовольственной управы] никуда не годится. Его давно надо было бы распустить. Теперь хотят изменить его сверху. Но это самообман. Посадив 2–3 человек, мы ничего не изменим. Аппарат Центральной продовольственной управы тысячный,*

1 *Новая жизнь*, 1 июня 1918 г.
2 *Северная коммуна,* 6 июля 1918 г.
3 Первая городская конференция; *Красная летопись,* № 3 (27), 1928. С. 167.

сплошь саботажники. Наша организация всегда строилась с низов. Так надо и теперь. Давно высказывались за чистку Центральной продовольственной управы от наших врагов, а до сих пор этого не делается. Какую бы власть мы ни дали комиссару, мы не сможем прогнать саботажников, так как надо доказать причину, а они не распустят аппарата»[1].

Новая жизнь опубликовала портрет рядовой большевички, хотя наверно несколько утрированный. В очереди за хлебом, группа женщин находится в хорошем настроении, потому что дневную норму только что подняли до половины фунта. Но одна все-таки заметила:

«*– Небось, как в прошлый раз: поманят денька два – так опять же по восьмушке давать станут, а то и совсем ничего.*

– Не, нет! Этот раз продержится. Да и все теперь будет: и сахар, и масло. На обысках, страсть, сколько продовольствия отобрали.

Это говорит Даша, высокая, рябая ярославка. Она никогда не стоит на своем месте в очереди, а переходит от одной группы к другой, вмешивается во все разговоры и определенно агитирует за большевиков. В голове у нее страшный сумбур, но по темпераменту это настоящий революционер и демагог. В стремлении разбить противника она не стесняется в выборе аргументов и выражений. Голос у нее громкий, чуть сипловатый, речь быстрая, энергичная.

– Ну, да ты уже, известно, большевичка!

– Понятно, не калединка. Я крестьянка, из народа, за народом и иду. И большевиков за то люблю, что они о простом народе хлопочут, никому потачки не дают. Вот дай срок, всех к рукам приберут, увидишь, что тогда они разделают»[2].

На конференции рабочих и красноармейских депутатов Первого городского района рабочий В. Иванов следующим образом ответил оппозиции, утверждавшей, что рабочие отчуждены от Советской власти: «*Совершенно правы были те товарищи, которые... указывали, что есть часть рабочих, например, путиловцы, которые ругают эту власть. Но это*

1 *Красная летопись*, № 1 (28), 1929. С. 74. См. также: С. 70–81 и *Абросимова Т.* и др. (сост.) Петербугский комитет РКП(б) в 1918 г. С 160-73, 179.

2 *Новая жизнь*, 10 июня 1918 г.

еще не значит, что они не признают своей родной Советской власти. Точно так же мы видим, что и любящая мать ругает свое детище, боясь, что оно избалуется. Именно поэтому и ругает, что любит.

Но они [меньшевики и эсеры], конечно, этого никогда не поймут, потому что перестали быть партией рабочих, отошли от нашего дела, дела пролетарской революции. Не обижайтесь, господа, вы, пытающиеся путем Учредительного собрания протащить к власти буржуазию... Я скажу, товарищи, что только наша партия, партия коммунистов, левых эсеров, только она осталась верной своему лозунгу, только она осталась на революционном пути...

Мы должны говорить сейчас так, что для нас два пути: диктатура буржуазии или диктатура пролетариата. Каждый из нас скорее согласится пустить себе пулю в лоб, чем допустить диктатуру буржуазии, потому что мы знаем, что только пулей в лоб ответит она на нашу просьбу о пощаде...

А вас, господа, история не забудет; она вспомнит о вас как о горе-социалистах, как о тех, которые, дрожа за свою жалкую шкуру, отошли от общего дела, дела пролетарской революции; она вспомнит о вас как о людях, которые в такой страшный момент не находят ничего другого, как говорить о своем Учредительном собрании, говорить о том, что необходимо призвать к власти буржуазию. История поймет их именно как горе-социалистов, как испугавшихся того трудного пути, по которому должны идти крестьяне и рабочие, и потому остановившихся, и даже не остановившихся, но пошедших назад к капитализму»[1].

Эти слова верно передают отношение рабочих-большевиков к оппозиции.

Результаты выборов 18–24 июня в Совет Северной коммуны (Петросовет) придают правдоподобность оценке Иванова. Тщательный анализ результатов выборов показывает, что по крайней мере значительная часть рабочих, еще занятых на предприятиях (о рабочих, записавшихся в Красную армию или ушедших на государственную работу нет вопроса), продолжали поддерживать

1 Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 275–276.

Советскую власть, несмотря на их тяжелое материальное положение. Исполком Петроградского Совета уступил требованию оппозиции организовать всеобщие выборы вместо сложившейся практики постепенного отзыва ставших неугодными депутатов, надеясь, что новые выборы опровергнут обвинения оппозиции, что Советы, став органами власти, потеряли поддержку рабочих.

Общая обстановка должна была благоприятствовать оппозиции, которая с проведением крупной конференции Собрания уполномоченных в Москве начала организовываться во всероссийском масштабе. 24 июня, посреди недели, назначенной для выборов, правительство объявило, что хлебный паек будет сокращен до одной восьмой части фунта и в последующие два дня вместо хлеба выдадут крупу тоже по одной восьмой части фунта[1]. Один из участников избирательной кампании вспоминал: «*Собрания на фабриках и в цехах были часто переполнены тоской, горечью и болью. Вместо выступлений работницы требовали хлеба. Слезы текли из глаз сотен и сотен матерей*»[2]. Революция вступала в критическую фазу: восставшие чехословацкие войска захватили Саратов и города, расположенные восточнее вдоль Сибирской железной дороги, отрезав Петроград от основного своего источника зерна после потери Украины[3]. Были и случаи репрессий против политической оппозиции и насильственного подавления рабочих протестов. В Сормово и Москве накануне петроградских выборов были арестованы местные делегаты Собрания уполномоченных. Были задержаны в Москве и несколько делегатов, приехавших из Петрограда на конференцию Собрания уполномоченных[4]. В Туле, Сормово и Москве красногвардейцы открывали огонь по протестующим. 16 июня ЦИК Советов принял решение исключить из своих рядов меньшевиков и эсеров и рекомендовал местным Советам последовать его примеру[5].

С другой стороны, убийство правым эсером популярного большевистского трибуна Володарского, несомненно, сыграло в пользу Советской власти. Володарский был застрелен по дороге

1 *Мильштейн А. Л.* Указ соч. С. 154.
2 *Петроградская правда*, 6 декабря 1918 г.
3 *Chamberlin W. H.* Op.cit., vol. 2. P. 7–9.
4 *Новая жизнь*, 12 июня 1918 г.
5 Там же, 16 июня 1918 г.

на предвыборное собрание на Александровском заводе в Невском районе. Несмотря на проливной дождь, тысячи рабочих участвовали в его похоронах[1]. Активное участие правых эсеров в вооруженной борьбе против Советской власти в Сибири и на Украине также вредили оппозиции в глазах рабочих.

Избирательная кампания проходила в условиях относительной свободы и спокойствия. Даже буржуазные газеты были открыты. Общее мнение сошлось на том, что рабочие проявили живой интерес, а Собрание уполномоченных провело энергичную кампанию[2]. Обсуждая результаты кампании, оппозиция не приводила репрессии в качестве влияющего фактора. Но подвести итоги этих выборов – непростое дело, так как, кроме рабочих и солдат, право голоса получили и организации. Совету профсоюзов Петрограда была отведена квота – один депутат от 5000 членов; отдельные профсоюзы с более чем 2000 членов избирали по два депутата; мелкие профсоюзы – по одному. В целом профсоюзы избрали 144 депутата. Районные Советы избирали по три депутата, фабрично-заводские комитеты на закрытых предприятиях, где до закрытия были заняты 1000 и более рабочих, могли избрать одного депутата. Словом, было немало «мертвых душ».

Поэтому следующий анализ результатов касается исключительно голосования активно занятых в промышленности рабочих. Оппозиция этих результатов не оспаривала[3]. В стороне остается голосование красноармейцев, избравших, как было упомянуто выше, 55 большевиков и 3 левых эсера. Наиболее полные результаты были опубликованы в газете *Северная коммуна* – органе Петроградского Совета. Их дополняют данные, опубликованные в меньшевистской *Новой жизни*. Результаты были недоступны для преприятий Варгунина, Палья, Ижорского, «Скорохода», Сестрорецкого оружейного и Трубочного. Но по косвенной информации известно, что рабочие первых трех предприятий в большинстве голосовали за оппозицию, а рабочие «Скорохода» избрали депутатов-большевиков[4]. Таким образом, исключение этих предприятий из подсчета наверное слегка улучшает резуль-

1 *Мильштейн А.* Л. Указ. соч. С. 157.
2 Там же. С. 146.
3 *Новая жизнь*, 18 и 21 июня 1918 г.
4 См. например, там же, 3 мая 1918. и *Красная газета*, 29 июня 1918 г.

тат просоветских партий. Но с другой стороны, мелкие предприятия с 300 и более работников имели право избрать по одному депутату, хотя общая норма была один депутат от 500 рабочих. Поскольку рабочие мелких предприятий, как правило, занимали более умеренные позиции, можно предположить, что их участие более чем компенсирует эффект отсутствия результатов от вышеупомянутых предприятий. Наконец, опубликованный в журнале *Металлист* список закрытых предприятий позволяет исключить из подсчета депутатов, избранных от «мертвых душ», т.е. фабрично-заводскими комитетами закрытых предприятий[1].

По итогам выборов рабочие действующих предприятий избрали 262 депутата. Если исходить из нормы одного депутата на 500 рабочих, эта цифра представляется правдоподобной, поскольку, по официальным данным, в городе на 1 мая было занято 143 тыс. рабочих. Даже если приписать оппозиции все голоса, поданные за беспартийных кандидатов, вместе взятые большевики и левые эсеры составили большинство депутатов, избранных от рабочих, занятых на производстве. Результаты на Путиловском заводе, своего рода микрокосме промышленного пролетариата города, это подтверждают: избрано было 11 большевиков, 5 левых эсеров, 9 эсеров и меньшевиков; и один беспартийный[2]. Эти результаты соответствуют и партийному составу делегатов, избранных за три недели до этого на конференцию 1-го Городского района[3]. *Новая жизнь* отмечала, что выборы показали продолжавшуюся привязанность рабочих к Советской власти[4]. «*Рабочий класс неизменно идет за большевизмом*», – утверждала газета, оставаясь при своем мнении, что Советская власть находится в процессе разложения[5]. Таким образом, к этому времени оппозиции не удалось завоевать рабочий класс Петрограда, тем более, если учитывать при подсчете голоса красноармейцев.

Более тщательный анализ показывает, что наибольший успех оппозиция имела на предприятиях, на которых в 1917 г.

---

1 *Металлист*, №№ 9–10, 1918. С. 8–9.

2 *Новая газета*, 29 июня 1918 г.

3 Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 270.

4 *Новая жизнь*, 18 и 21 июня 1918 г.

5 Там же, 27 июня 1918 г.

Таблица 15.3
Партийная принадлежность депутатов, избранных в Петроградский Совет от действующих предприятий 18–24 июня 1918 г.

Партия [a]	**Число депутатов**	**Доля депутатов (в %)**
Большевики	127	48,5
Левые эсеры	32	12,2
Меньшевики [b]	29	11,1
Эсеры	46	17,6
Беспартийные	28	10,7
Всего	**262**	**100,1**

a. Включает сочувствующих.
b. Включает депутатов Объединенной рабочей партии, чья платформа была похожей на платформу меньшевиков.
Источники: Северная коммуна, 5 и 6 июля 1918.; Новая жизнь, 18 и 26 июня 1918.

дольше сохранялось влияние оборонческих партий, в частности на предприятиях Невского района, в типографиях, в железнодорожных мастерских, на государственных металлообрабатывающих заводах, муниципальных предприятиях. Рабочие предприятий Невского района: Невского, Обуховского, Александровского, Фарфорового заводов, фабрик Максвеля и Торнтона, избрали 13 эсеров, одного меньшевика, 7 большевиков, 2 левых эсеров и 5 беспартийных депутатов. Большинство депутатов, избранных на текстильных фабриках Варгунина и Паля, в этом районе также представляли оппозицию. На Невском судостроительном заводе голоса распределились следующим образом: эсеры – 1221 голос; меньшевики – 200; большевики и левые эсеры – 483. В двух крупных железнодорожных мастерских большевики добились несколько лучших результатов: 3 большевика, 5 эсеров и один беспартийный. На государственных заводах – Орудийном, Арсенале, Патронном, Балтийском и Заводе военно-врачебных заготовлений – рабочие избрали депутатами 8 эсеров, 2 меньшевиков, 7 большевиков и 5 беспартийных. По данным от 13 типографий, печатники избрали 5 эсеров, 4 меньшевиков, 4 большевиков, 1 левого эсера. Муниципальные предприятия водоснабжения и электростанции избрали 3 меньшевиков, 1 большевика и 1 левого эсера.

Из приведенных данных видно, что из двух оппозиционных партий эсеры пользовались большей популярностью. Это, в свою

очередь, указывает на то, что оппозиция привлекала в первую очередь рабочих с менее развитым классовым самосознанием, то есть самоидентификацией с рабочим классом, поскольку партия эсеров определялась вообще как крестьянская или «народная», тогда как социал-демократия была политическим движением рабочих.

Просоветские партии сохранили поддержку на традиционно левых, ранее частных металлообрабатывающих предприятиях, таких, как «Нобель», «Вулкан», Подковный, «Розенкранц», Кабельный, «Лангезипен», а также в трех трамвайных депо. Рабочие этих девяти предприятий избрали депутатами 15 большевиков, 2 левых эсера, 1 эсера, 1 меньшевика и 1 беспартийного. Работницы текстильных фабрик за пределами Невского района также отдали предпочтение большевикам и левым эсерам.

После выборов 2 июля Собрание уполномоченных призвало рабочих к участию в однодневной политической стачке. Решение о ее проведении было принято еще в мае петроградскими комитетами партии меньшевиков и эсеров в ответ на репрессии в Колпино. 12 мая бюро Собрания уполномоченных одобрило это решение в принципе, но решило призвать рабочих к забастовке только в случае, если появится угроза самому существованию Собрания уполномоченных[1]. Тем не менее сокращение хлебного пайка в конце мая спровоцировало новую волну беспорядков, центром которых стал Невский район. Движение началось с протестных митингов, но забастовка на текстильной фабрике Паля распространилась почти на все предприятия района и на электрический цех Путиловского завода[2]. Однако, несмотря на требование бастующих рабочих объявить всеобщую забастовку, Собрание уполномоченных попросило их вернуться на работу, дабы дать время мобилизовать остальных[3].

1 июня Собрание уполномоченных снова вернулось к вопросу о забастовке. Часть делегатов, особенно из Невского района, докладывали, что рабочие с нетерпением ждут сигнала. Другие были менее оптимистично настроены. В конце концов, собрание решило, что забастовка не удастся. Было решено продолжить

1 *Цудзи Е.*, Указ. соч. С. 318-19; *Новая жизнь*, 14 и 25 мая 1918 г.
2 Там же, 29, 30 мая 1918 г.
3 Там же, 31 мая 1918 г.; *Цудзи Е.*, Указ. соч С. 212-19

подготовку[1]. Несколько позже московское Собрание уполномоченных вместе с несколькими делегатами, приехавшими из Петрограда, было арестовано. Но петроградское Собрание еще не решалось бастовать. На заседании 19 июня член бюро Собрания Борисенко ответил нетерпеливым: «*Петроградское бюро уполномоченных упрекают в отсутствии решимости по вопросу о проведении политической стачки протеста даже после таких насилий, как арест московских уполномоченных... Бюро уполномоченных не виновато, если в его распоряжении не имеются данные, которые могли бы заставить его решиться на такую меру, как объявление забастовки*».

Второй член бюро добавил: «*Призыв рабочих к забастовке помимо твердо выраженной воли самих уполномоченных был бы авантюрой. А такой твердой воли уполномоченных еще ни разу не было выражено на Собрании уполномоченных, то ли за отсутствием их самих, то ли за отсутствием у них полномочий на этот предмет*»[2].

22 июня группа рабочих Обуховского завода встретилась с моряками торпедного катера Балтийского флота, стоявшего на якоре неподалеку от завода. Они обсудили арест эсера Ермеева в связи с убийством Володарского и решили призвать к общей забастовке против репрессий. Однако в результате визита делегации к руководителю Петроградской ЧК М.С. Урицкому Ермеев был освобожден, и забастовка была отменена. После этого, 24 июня, несколько сотен красноармейцев и матросов разоружили торпедный эскадрон, что сильно взволновало рабочих Невского района. Большую часть следующего дня они провели в собраниях. К вечеру красноармейцы начали квартирные обыски в районе. Они арестовали четверых эсеров, рабочих Обуховского завода и закрыли два эсеровских клуба[3]. Выйдя на работу следующим утром, обуховцы обнаружили уведомление на воротах завода о том, что все уволены и что новый наём состоится через биржу труда. Газета *Северная коммуна* сообщала, что в мае завод потерял 13 рабочих дней в собраниях и еще семь в первые три недели июня[4]. Последовало

1 Там же, С. 212-19; *Новая жизнь*, 2 июня 1918 г.
2 *Цудзи Е.*, Указ. соч., С. 254; Новая жизнь, 20 июня 1918г.
3 *Мильштейн А. Л.* Указ. соч. С. 154.
4 *Северная коммуна,* 20 июня 1918 г.

бескровное столкновение рабочих и красноармейцев, после чего в районе было объявлено военное положение. Обыски были также проведены на Путиловском заводе, где был арестован рабочий-эсер. Вслед за этими событиями газета эсеров *Дело народа* была окончательно закрыта «*за контрреволюционную агитацию, выразившуюся в одобрении деятельности шайки погромщиков, называющей себя "Сибирским правительством" и задерживающей доставку хлеба в Петроград*»[1].

Собрание уполномоченных посчитало, что дальше откладывать забастовку нельзя, и 26 июня призвало рабочих начать бастовать со 2 июля. 28 июня Петроградский Совет закрыл Собрание. По оценке современных наблюдателей, как и сторонников так и противников оппозиции, забастовка не удалась. Даже рабочие фабрики Варгунина, до этого настойчиво требовавшие забастовки, обусловили свое участие поддержкой большинства рабочих города. «*Вообще,* – писала *Новая жизнь,* – *забастовка была осуществлена лишь на единичных заводах и притом не на крупных*». На Путиловском, Балтийском и других предприятиях рабочие продолжили работать[2]. Враждебная Советской власти газета *Вечернее слово* писала: «*Общее мнение таково, что забастовка не удалась. Рабочие массы разделились на две группы, и противники забастовки значительно более многочисленны, чем ее сторонники*»[3].

Тяжелое экономическое положение, особенно высокий уровень безработицы и репрессии предыдущих дней, несомненно сыграли роль в провале забастовки. Но *Новая жизнь,* отнюдь не считавшая всех воздержавшихся от забастовки сторонниками Советского правительства, писала: «*Было бы несерьезно объяснять неудачу оппозиционных партий исключительно подобного рода причинами... Организаторы стачки, несомненно,*

1 *Новая жизнь*, 26 июня 1918 г. 1 июня вслед за чехословацким мятежом был создан Западносибирский комиссариат. Во главе стоял эсер Дербер. Эсеровская программа включала созыв Учредительного собрания, терпимость к Советам и земельным комитетам лишь как к неправительственным организациям, денационализацию промышленности. Через несколько недель эту власть сменило Сибирское правительство во главе с кадетами, окончательно расправившееся с Советами в Сибири. Chamberlin W. H. Указ. соч, том. II. P. 12–14.

2 *Новая жизнь*, 3 июля 1918 г.

3 *Красная газе*та, 3 июля 1918 г.

переоценили недовольство низов, проявили недостаточное понимание психологии рабочего класса, не учли все те нити, которые, несмотря ни на что, еще настолько связывают рабочие массы с властью, чтобы инстинктивно не удержать их от активных средств борьбы»[1].

Еще до начала стачки меньшевик-интернационалист Строев выступил в этой газете: «*Мы не знаем, насколько широкие размеры примет она: слишком беззастенчивы коммунисты в пользовании полицейским аппаратом государственной власти. И, кроме того: как ни относиться к засилью правящей партии, как высоко ни расценивать удар, нанесенный большевикам провалом их кандидатов в Совет на крупных заводах и посылкой представителей оппозиции (меньшевиков и эсеров), все же многие рабочие еще не изжили большевистского "коммунизма" и продолжают считать советскую власть – плохой или хорошей, это другой вопрос – представительницей своих интересов, с ней связывают свои судьбы и судьбы рабочего движения*»[2].

Другой обозреватель, также сочувствующий оппозиции, писал: «*Мы убеждены, что значительные слои рабочих при всем своем недовольстве господствующим курсом политики, нашли стачку слишком сильным средством для борьбы с властью, поставленной самими же трудящимися*». Далее он отметил, что в ходе дискуссии о возможной забастовке на заседании Собрания уполномоченных делегат от Путиловского завода сомневался в готовности рабочих перейти от протеста на основе голода к участию в политической забастовке[3].

Часть сторонников оппозиции, особенно те, кто скептически относились к потенциалу власти «низов» без участия интеллигенции и представителей имущих классов, считала Учредительное собрание реальной альтернативой Советской власти. Но многие рабочие, пославшие делегатов в Собрание уполномоченных, действовали больше от отчаяния в связи с экономической ситуацией, нежели из убеждения в реальном потенциале Учредительного собрания решить проблемы страны. Ведь коалиционное

1 *Новая жизнь*, 3 июля 1918 г.
2 *Новая жизнь*, 3 июля 1918 г.
3 Там же, 2 июля 1918 г.

правительство уже побывало той «всенародной властью», о которой меньшевики и эсеры теперь неустанно твердили. Его неспособность выполнить программу Февральской революции, его попустительство контрреволюции убедили почти всех рабочих в необходимости передачи власти Советам в октябре.

В своей агитации оппозиция не могла и не старалась объяснить рабочим причины печального опыта Временного правительства[1]. Они не делали этого, потому что тогда бы пришлось дать ответ на вопрос: разрешают ли антагонистические интересы трудящихся и имущих классов России создать жизнеспособную «всенародную власть»?

Другим препятствием для оппозиции были опасения рабочих, что борьба с Советами будет на руку контрреволюции. Такие опасения были озвучены на заседании первого июня. Меньшевик А.С. Астров резюмировал: «*Если свести все доклады, можно найти доводы и за и против стачки. Но все же эти доклады говорят, что передовые массы от большевиков отошли. Но брожение питается экономическими причинами. Политических настроений не видно. В худшем случае есть настроение, с которым нам будет не совладать, когда они начнут выявляться. Предстоит огромная политическая работа. Задача не только сбросить большевиков, но и в том, чтобы не дать использовать переворота силам, враждебным пролетариату. Никто из нас не может сказать с уверенностью, что этого не будет*». На том же заседании, Серерябков с типографии Яковлева сказал: «*У нас к политической забастовке относятся отрицательно. Полагают, что она может повести к крушению всех завоеваний революции*»[2]. В конце мая Новая жизнь так резюмировала доклады с предприятий: «*Большинство представителей заводов, однако, и солидарное с ними Бюро призывает к осторожности. Оживленно дебатируется вопрос о возможности появления третьей стороны, если между Советской властью и пролетариатом произойдет решительный бой, в котором обе стороны окажутся обессиленными*»[3].

1 Это утверждение обосновано на оппозиционной печати и на протоколах Конференции рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района, на которой лидеры и сторонники оппозиции имели возможность досконально объяснить свою позицию.

2 *Цудзи Е.*, Указ. соч. С. 215–16

3 *Новая жизнь*, 31 мая 1918 г.

Большинство рабочих, несмотря на трудности, в конце концов соглашались с большевиками, что реальный выбор – «напрячь последнюю каплю сил или сдаться!», т.е. Советская власть или торжество контрреволюции. Но сторонники Советов не ограничивались отрицательными аргументами, ссылаясь на разгул контрреволюции, довлевший тогда над трудящимися Украины и Финляндии. Они говорили и о перспективах социализма в России, тогда как меньшевики и эсеры призывали рабочих назад к капитализму. Правда, большевики и левые эсеры полагали, что возможность социализма в отсталой России зависит от революций на Западе. Тем не менее, надежда на социализм была составной частью их агитации[1]. В мае на конференции рабочих и красноармейских депутатов Первого городского района известная революционерка, левая эсерка Мария Спиридонова, красноречиво нарисовала перед рабочими эту перспективу: «*Всюду столько накопилось грозового электричества, что ясно, мы живем накануне взрыва. Как и у нас как будто ждут, что кто-то придет и спасет, откроются ворота, придут освободители и дадут хлеба. Сейчас в Западной Европе развит интернационализм в лучшем значении этого слова. Европа накануне громадного взрыва, никогда мировая революция не была так близка к осуществлению как сейчас. Если мы верим, что социализм даст спасение и отдых миру, то мы должны присоединиться к тому, что делается и должно делаться в Западной Европе, а здесь на местах быть социалистами до последней капли крови.*

1 Меньшевики и эсеры систематически преуменьшали возможность революции на Западе и заявляли, что Брестский мир, против которого они выступали, нанес тяжкий удар по боевому духу западных рабочих. Но когда осенью 1918 г. в Германии началась революция, руководство партии меньшевиков изменило свою позицию о невозможности социализма в России и признало Октябрьскую революцию, несмотря на «те или иные антипролетарские, антидемократические или анархические тенденции... колоссальным бродилом, приводящим в движение весь мир». Партийная конференция в декабре 1918 г. признала Советскую власть «как факт действительности, а не как принцип» и заявила о своей политической солидарности с правительством, «поскольку оно отстаивает освобождение территории России от иностранной, в частности, союзной оккупации и выступает против всех попыток непролетарской демократии расширить или сохранить эту оккупацию». (*Ненароков А. П.* Политическое поражение меньшевиков // *Зевелев А. И. и др.* Российская политическая энциклопедия. М., 2001. С. 631).

Еще у нас не исчерпаны все возможности. Вы имеете в себе столько силы к творчеству и к дисциплине, вы можете бороться с красным знаменем в руках за Советскую Россию и за ваше освобождение. Не слушайтесь же тех, кто зовет вас к перемирию, к отступлению, к сдаче всех позиций! Идите, не боясь ни голода, ни разрухи. А тем соглашателям-могильщикам революции, которые подходят к вам с лживыми лозунгами, скажите: Мы, пролетариат и крестьянство, голодали в течение столетий, чтобы кучка людей – фабриканты, помещики, разбойники, насильники жили в довольстве и в роскоши. Крестьянство голодало в 1901, 1902, 1906, 1907, и в 1890-х годах, чтобы кучке помещиков жилось праздно, весело, сытно. Сейчас первый раз на протяжении всей мировой истории приходится народу голодать во имя своих интересов, во имя своего будущего. Неужели в пролетариате найдется много таких, которые не согласятся голодать для себя, а пойдут на долгие годы голодать для буржуазии и помещиков?

Мне кажется, что когда под Пасху хозяйка тянется из последних сил, скоблит, стирает, шьет, варит, устает до изнеможения, ей легко нести эти страдания, так как она знает, что придет Пасха и она усадит детей за полный стол с испеченным и сваренным ее руками. Сейчас такую Страстную Седьмицу переживает русский народ, пролетариат и крестьянство. Страстные муки терпит весь восставший народ. Но, чтобы пришла их Пасха, полное освобождение вашей личности, скиньте всякие цепи!»[1]

1 Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. С. 255–257.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге мы проследили изменения во взглядах и действиях петроградских рабочих за 1917 г. и первую половину 1918 г. по отношению к основным политическим и социальным вопросам революции. На основании нашего исследования мы пришли к выводу, что радикализацию рабочего движения Петрограда надо понимать на фоне углубляющегося классового раскола российского общества, достигшего своего апогея в гражданской войне. Радикализция рабочих была в основном рациональным процессом, а не проявлением каких-то анархических импульсов или хилиастических стремлений, воодушевлявшихся большевистской агитацией – мнение, долгое время преобладавшее в западной литературе о Русской революции.

Когда рабочие Петрограда, сумевшие привлечь на свою сторону солдат гарнизона, свергли самодержавие в феврале 1917 г., они рассматривали эту революцию как буржуазно-демократическую, а не социалистическую. Даже самые радикальные рабочие Выборгского района придерживались такого взгляда. Правда, многие из них уже тогда хотели, чтобы власть перешла к Советам. Но такое желание выражало не стремление подавить капитализм, а скорее неверие в приверженность имущих классов целям демократической революции. Их недоверие было основано на многолетнем опыте борьбы рабочих с имущими классами, в течение которой последние активно и открыто демонстрировали свою враждебность стремлениям рабочего класса. Не только выборжцы, но и подавляющее большинство рабочих столицы разделяло это недоверие. Однако в Феврале рабочие еще не были готовы к взятию власти и опасались Гражданской войны. Отсюда – поддержка двоевластия: рабочие хотели дать шанс либералам, раз те примкнули к революции, хотя и с опозданием.

В настоящем исследовании мы проследили процесс, по которому практика рабочего движения постепенно отходила от его первоначальной буржуазно-демократической концепции революции. Это выразилось в движении за рабочий контроль и неудачной попытке рабочих в Июльские дни заставить ЦИК Советов взять власть. Но при этом рабочие продолжали воспринимать

революцию в основном как буржуазно-демократическую. Вплоть до корниловского мятежа в конце августа самые боевые из них все еще призывали товарищей «на защиту свободы», не упоминая о социализме как цели, хотя, несомненно, они считали себя социалистами. Аналогичным образом массовое участие рабочих в выборах в Учредительное собрание выразило их противоречивое стремление примирить Октябрьскую революцию, направленную уже против имущих классов, с Февральской буржуазно-демократической.

То, что на первый взгляд могло показаться отставанием сознания от практики, было на самом деле выражением оборонительного характера радикализации рабочих. Требованием передачи власти Советам и борьбой за рабочий контроль рабочие реагировали на угрозы демократической революции со стороны имущих классов, не скрывавших своего глубоко враждебного отношения к политическим и социальным стремлениям «революционной демократии». В свои наиболее искренние моменты, особенно в ранний период перед тем, как они решили участвовать в коалиционной власти с либералами, меньшевики и эсеры сами открыто заявляли о враждебности буржуазно-помещичьих кругов к целям революции. Но они не могли призывать рабочих порвать с последними, потому что считали, что это погубит революцию и спровоцирует гражданскую войну.

Рабочие были чувствительны к этим аргументам. После болезненного опыта Июльских дней они с особой внимательностью относились к возможности своей изоляции от солдат, крестьян и интеллигенции. В основе их колебаний лежали надвигающийся экономический кризис и угроза Гражданской войны.

Поэтому после Июльских дней на передний план революции выступила руководящая роль партии большевиков. До этого инициатива была в основном в руках рядовых рабочих – в Февральскую революцию, в Апрельские дни, в движении за рабочий контроль, в Июльские дни, – партия шла вслед за массами. Хотя Октябрьская революция была далеко не произвольным актом, как утверждали и еще утверждают ее противники, она не произошла бы без руководства большевистской партии. На ее месте вспыхнули бы разрозненные бунты, которые правые силы подавили бы без особого труда.

Вновь стоит подчеркнуть, что в тот период большевистская партия объединяла в своих рядах наиболее сознательную и решительную часть рабочего класса. Ту часть, которая могла представить себя стоящей во главе государства и даже без активной поддержки интеллигенции. Если Октябрьской революции не случилось бы без руководства партии, то без давления «снизу», со стороны рядовых рабочих-большевиков, на колеблющиеся «верхи» партии не было бы руководящей роли партии.

Октябрьская революция не могла разрешить те проблемы, которые подтолкнули рабочих установить свою власть. Экономический кризис после Октября только углублялся, принеся массовую безработицу и голод. Брестский договор, хотя и освободил Россию от мировой войны, но огромной ценой, а передышка от войны оказалась кратковременной. И все же большинство рабочих не пошло за оппозицией, призывавшей их к стратегическому отступлению от Октября, хотя голодным рабочим, свидетелям первых неумелых и беспорядочных шагов Советской власти, такой призыв мог казаться заманчивым.

Утверждение большевиков и левых эсеров, что оппозиция не способна предложить реальной альтернативы, было, несомненно, обоснованным[1]. Но подобные рациональные аргумен-

1 У. Чэмберлин в своей классической истории Русской революции и гражданской войны утверждает: «Альтернативой большевизма, если бы ему не удалось выдержать испытания гражданской войны, был бы не Чернов, открывающий Учредительное собрание, избранное в соответствии с самыми современными правилами равного избирательного права и пропорционального представительства, а военный диктатор, Колчак или Деникин, въезжающий в Москву верхом на белом коне в сопровождении лязга колоколов сотен церквей старой столицы» (*Chamberlin W. H.* Op.cit., vol. 1. P. 371). Выводы исследования об антисоветских восстаниях в Воткинске и Ижевске в 1918 г., во главе которых стояли эсеры, перекликаются с выводами Чэмберлина. Автор заключает: «Похожим образом события разворачивались повсюду, где у власти оказывались деятели «третьей силы». Они не только расчищали путь белой контрреволюции, но и сами активно участвовали в становлении всеобъемлющей системы белого террора, хотя и проводили они его под прикрытием красных знамен и революционной риторики. Все разговоры правых социалистов о «демократической республике» везде оборачивались установлением всевластия кованого сапога и подавлением всякого инакомыслия… В этом следует видеть одну из важнейших причин столь короткого существования правительств, возглавляемых правыми социалистами, где бы они ни возникали: в Ижевске, Архангельске, Самаре или где-то еще. Таким образом, о ка-

ты не могли бы убедить голодных пролетариев, если бы они не поддерживались их собственным классовым самосознанием, «классовой честью» и стремлением к «классовой обособленности», или точнее – классовой независимости от имущих классов. Последнее являлось самым ядром идеологии и практики большевизма, как политического движения рабочих. Все эти черты, в конце концов, сводились к чувству собственного достоинства рабочих – и классовому достоинству, и «простому» человеческому – к стремлению жить свободно, как люди. А меньшевики и эсеры, несмотря на свои красивые фразы об Учредительном собрании и всенародной власти, на практике призывали рабочих к стратегическому отступлению от Октября, к возвращению под иго буржуазии, поддерживавшейся военной диктатурой.

Российские рабочие, как и рабочие во всем мире, были людьми подчиненными, которым было суждено выполнять волю вышестоящих над ними – начальников, чиновников, полицейских. Классовое достоинство не было их прирожденным чувством. Оно выработалось в ходе упорной борьбы с самодержавием и промышленниками, оно проявлялось уже в Первую революцию. Вот как один историк описывает реакцию петербургских рабочих на открытие в апреле 1906 г. I Государственной думы – скудной уступки[1] царя революционному движению: «*Убедительная победа партии кадетов на выборах в I Государственную думу вызвала волну энтузиазма в либеральных слоях общества. Среди петербургских рабочих, напротив, приближающееся начало ее работы не находило горячего отклика. С подчеркнутым равнодушием они встретили день открытия Думы – 27 апреля [1906 г.]. На тех предприятиях, где хозяева предлагали устроить оплачиваемый выходной, рабочие демонстративно от-*

ком-то «третьем пути» в годы революции и гражданской войны не приходится даже говорить» (*Чураков Дм.* Правые социалисты и белый террор: Ижевск, 1918 год // *Альтернативы,* № 2, 2004. С. 71).

1 Перед революционной волной царь пошел на уступки и «подарил» стране Государственную думу. Ее полномочия были крайне ограничены, а избирательное право крайне неравным: крупные землевладельцы избирали одного депутата от 2 000 чел.; капиталисты – одного депутата от 4 000 чел.; крестьяне – одного депутата от 30 000 чел.; рабочие – одного депутата от 90 000 чел. Непреднамеренным последствием такого неравн ого представительства на основе классовой принадлежности было укрепление классового самосознания у рабочих.

казывались брать незаработанные деньги. Не получили поддержки намерения “кадетствующих рабочих” перенести 1 Мая на 27 апреля. “Пусть празднуют те, кто возлагает все свои надежды на Думу, – говорили рабочие. – Мы отпразднуем вместо этого наш пролетарский и международный праздник – 1 Мая”. Они заявляли, что “это не их праздник, а поэтому праздновать не намерены”».

«*Несмотря на открытие Думы*, – сообщал очевидец событий в письме в Женеву, – *рабочие работали спокойно, так что никакого отличия от обыкновенного будничного дня не было. Поражает сознательность пролетариата. Никакой особенной агитации в этом смысле не велось. Вчера пролетариат еще раз дал могучей рукой пощечину гг. буржуям...*

1 Мая, напротив, возбуждение охватило весь город. По далеко не полным данным Общества заводчиков и фабрикантов, политическая забастовка состоялась на 55 фабриках и заводах...

Два политических праздника, отмеченные в Петербурге оппозицией, либералами и рабочими, с интервалом всего в три дня наглядно показали, что та пропасть, которая разделяла людей на два враждебных лагеря, одновременно, но не вместе, противостоящих самодержавию, настолько глубока, что даже на время праздничных торжеств они не могли сойтись вместе»[1].

Такая реакция, последовавшая еще в 1906 г., должна служить пищей для размышлений тем, кто возлагает ответственность за гражданскую войну на Октябрьский переворот или на роспуск Учредительного собрания. Раскол российского общества, непримиримое противостояние имущих и трудящихся классов уходили своими корнями глубоко в историю и в самую структуру российского общества. Большевики их не придумали и не создали. «*Нас обвиняют, что мы сеем гражданскую войну,* – говорил делегат-большевик на Первой городской конференции рабочих и красноармейских депутатов в мае 1918 г. – *Тут большая ошибка, если не ложь... Классовые интересы не нами созданы. Это вопрос, который существует в жизни, это факт, перед которым должны склониться все*»[2].

1 *Михайлов Н. В.* Указ. соч. С. 68, 71.
2 Первая конференция рабочих... С. 248.

Всегда заманчиво читать историю в обратном направлении, в данном случае от тоталитарного режима, установленного под руководством Сталина, назад к Октябрьской революции. В таком чтении корень сталинизма, приведший более-менее прямым путем к нему, уже присутствовал в идеологии дореволюционного большевизма, ожидая лишь прихода партии к власти, чтобы развернуться. Сталинизм возник, конечно, не на пустом месте, а из предшествовавших ему политических и социальных условий. Но мы видели, что большевики в Октябре не ставили себе целью установление диктатуры своей партии. Наоборот, в первые месяцы после Октября партия практически растворилась в Советах. Активисты партии считали, что ее роль пришла к концу, раз рабочие взяли власть в свои руки. Как писал Шелавин: «*Ряд ответственных, высококвалифицированных и прошедших школу подполья товарищей заражались исключительно "советским" настроением, не говоря уже о массе "молодого призыва". Если товарищи и не высказывали свои мысли до конца, то они все же с некоторым трудом представляли: что же, собственно остается делать партийной организации после победы пролетариата?*»[1].

Если во время гражданской войны партия постепенно заменяла Советы, то причины этому нужно искать не в какой-то «логике большевизма», а в первую очередь в социально-политических условиях, способствовавших этому развитию. Меньшевики и эсеры по понятным причинам почти с момента Октябрьской революции стали называть Советскую власть «большевистской диктатурой». При этом они умышленно замалчивали не только участие левых эсеров во власти, продолжавшееся на многих уровнях вплоть до их восстания в июле 1918 г., но и собственный отказ от участия. Ведь подавляющее большинство большевиков, как рядовых, так и лидеров, выступало за коалицию всех социалистических партий непосредственно после Октябрьского восстания. Здесь не было и следа «идеологии тоталитаризма».

В действительности же отказ самих меньшевиков и эсеров от участия в Советском правительстве был одной из причин, приведших к однопартийной системе. Он был и главной причиной

1 Там же.

поражения Собрания уполномоченных, поскольку рабочие в большинстве своем, несмотря на тяжелое материальное положение, не были готовы отказаться от власти Советов. Отказ меньшевиков и эсеров от Советов позволил большевикам и левым эсерам изображать их «саботажниками», поскольку те яростно критиковали ошибки и некомпетентность власти, однако сами стояли в стороне и не желали помогать. Многие рабочие считали, что «соглашатели», которых в пролетарской среде отчасти отождествляли с интеллигенцией, бросили народ в самый критический момент.

Народный социалист В. Б. Станкевич, военный комиссар при временном правительстве, был редким правым социалистом, считавшим участие в новой власти единственным честным и рациональным выбором для оппозиции. В «Открытом письме политическим друзьям» от февраля или марта 1918 г. он напомнил своим товарищам, что «правящие [до Октября социалистические] партии не имели ни политической программы, ни организационных способностей» для управления страной. И он продолжал: «*К сегодняшнему дню мы должны видеть, что сила народной стихии на стороне новой власти. Два пути стоят перед ними [меньшевиками и эсерами]: продолжение непримиримой борьбы за власть или мирная созидательная работа лояльной оппозиции…*

Могут ли прежние правящие партии сказать, что теперь они настолько опытные, что справятся с задачами управления страны, которые стали не легче, труднее? Ведь, в сущности, нет единой программы, которая была бы противопоставлена большевистской. А борьба без программы – это ничем не лучше авантюр мексиканских генералов. Но если бы даже была возможность создать программу – надо себе отдавать отчет, что нет сил для ее осуществления. Ведь для свержения большевизма если не формально, то фактически объединены усилия всех – от с[оциал]-р[еволюционеров] до крайне правых, но и при этих условиях большевики оказываются сильнее…

Остается другой путь: путь единого народного фронта, единой национальной работы, общего творчества. Это не значит идти в Смольный с поклоном…

И так, что же завтра? Продолжение бесцельной, бессмысленной и по существу авантюристической попытки вырвать

власть? Или работа совместно с народом, посильные попытки помочь ему справиться со стоящими перед Россией трудностями, соединенные с мирной борьбой за вечные политические принципы, за истинно демократические начала управления страной!

Правда, второй путь требует значительного самоотречения и самопожертвования... Но путь лояльной оппозиции нынешней советской власти – единственно возможный и правильный для всех социалистических и истинно демократических партий...»[1]

Вскоре после Октября появились уже первые признаки тех тенденций, которые в условиях гражданской войны и экономической разрухи получат более полное развитие: отчуждение занятых на производстве рабочих от Советов; концентрация власти в исполкомах Советов за счет собраний депутатов; централизация власти в центре за счет местной власти. Но такое развитие не вытекало из заранее составленного плана или из каких-то тенденций, присущих большевизму. Еще в январе 1918 г. конференция фабрично-заводских комитетов обсуждала конфликты между рабочими и их фабрично-заводскими комитетами и между этими комитетами и их же центральным органом. Эти конфликты возникали на основе экономического кризиса, в обстановке острой нехватки сырья и топлива и поспешной демобилизации военного производства, продиктованной необходимостью организовать обмен с крестьянами. Те же условия лежали и в основе конфликтов между рабочими и Советами. Гражданская война, вступившая в интенсивную фазу летом 1918 г., только усугубила эти тенденции.

Все делегаты конференции фабрично-заводских комитетов в январе 1918 г. были горячими сторонниками рабочего контроля. Тем не менее они признали необходимость подчинения своих комитетов центральным экономическим властям. Этого требовал экономический кризис. Те же централизующие тенденции можно было наблюдать в организации Продовольственной управы и Красной армии, которые в первое время подчинялись районным Советам.

Рабочие-большевики понимали опасность такой централизации власти. Но они понимали и ее необходимость

1 *Орлов И. В.* Два пути перед ними // Исторический архив, 1997, № 4, С. 77–80.

в существовавшей чрезвычайной ситуации. Вспомним, как отвечал председатель конференции фабрично-заводских комитетов, рабочий-большевик, на предложенную анархистами поправку к инструкции о совнархозах. По этой поправке фабрично-заводские комитеты подчинялись бы распоряжениям совнархозов при условии, что они не противоречат интересам рабочего класса:

«В свое время, когда рассматривалась инструкция, там есть соответствующий пункт – мы хотели вставить именно эту оговорку. Мы об этом думали. Но, однако, в устав этого не вставили, полагая, что С.Н.Х., который мы же организуем, не пойдет против нас, потому что он не есть орган бюрократически построенный, сверху назначенный, а есть орган, нами же выбранный, орган, который мы можем отозвать, составленный из людей, которых мы можем отстранить от их дел, орган, который перед нами постоянно отвечает за малейшее свое действие.

Не забывайте, что С.Н.Х. по своему составу есть орган классовый, основанный на классе пролетариата и трудового беднейшего крестьянства, и нам кажется, что вряд ли придется такой оговоркой выражать против них какое-либо недоверие. Если сразу отнестись с таким недоверием, то вряд ли вообще эти органы смогут правильно функционировать. Они лишь тогда смогут сделать благо для всего рабочего класса и страны, спасти нас от той гибели, в которую заведена вся наша промышленность и страна, если будет полнейший их контакт и сотрудничество между этими органами, нашими же классовыми и низшими.

И я думаю, что такую поправку мог внести только анархист, который вообще отрицает всякие верхи и совершенно им не доверяет. Мы же, пролетариат, исходя из принципов демократической централизации, строим эти верхи на принципе полнейшего демократизма, вводя возможность отвода их в любое время. Нам кажется, что не приходится делать такой оговорки, потому что тем самым мы уже вносим недоверие, пока эти органы только устраиваются. Сейчас в петроградском масштабе С.Н.Х. действует лишь только одну неделю, и уже сейчас высказывать ему недоверие, я думаю, было бы преждевременно.

Не забывайте, товарищи, что мы имеем полную возможность на всякой следующей конференции наш устав дополнить

и исправить. Если уже действительно эти органы так разойдутся с массами, то, конечно, эту поправку придется ввести. Мало того, придется свергнуть эти органы и, может быть, произвести новую революцию. Но нам кажется, что пока Совет народных комиссаров – наш совет, основанные им учреждения идут вполне совместно нога в ногу»[1].

Бельгийский анархист Виктор Серж, приехавший в Петроград в 1919 г. и полностью принявший Советскую власть (позже, в 1920-е гг. он участвовал в антисталинской оппозици), занял аналогичную позицию, разобравшись в обстановке. В статье, написанной в 1920 г. для товарищей-анархистов на Западе, он писал: «*Таким образом, революция развивается согласно жестким законам, последствия которых не подлежат обсуждению. Мы должны им сопротивляться и изменять в пределах наших сил, и наша критика будет полезной. Но при этом мы не должны упускать из виду, что мы часто имеем дело с неизменными необходимостями – что это является вопросом внутренней логики всех революций и что поэтому было бы абсурдно возложить вину за конкретные факты (как бы они ни были прискорбными) на стремления группы людей, на доктрину или на партию. Революцию не формируют люди, доктрины, партии; их формирует революция. Только тем, кто подчиняется ее необходимостям, дается видимость стоять над событиями. Это наверно объясняет, почему анархистов, не умеющих приспособиться к новым условиям, часто уносит ураган, и они погибают; а марксисты, более благоразумные реалисты, мужественно адаптировались к текущим потребностям. Их великая заслуга, что они при этом не теряют из виду окончательной цели.*

Подавление так называемых свобод; диктатура, подкрепленная при необходимости террором; создание армии; централизация для военных нужд промышленности, снабжения продовольствием, администрации (откуда государственный контроль и бюрократия); и, наконец, диктатура партии. В такой страшной цепи необходимостей нет ни одного звена, строго не обусловленного предыдущим и не обусловливающего в свою очередь следующего».

1 Первая конференция рабочих… С. 323–324.

Серж при этом ясно понимал, что такая власть, как бы она ни была оправдана целью спасения революции, создает заинтересованность в своем сохранении и после того, как угроза революции прошла. На это он отвечал призывом к бдительности и выражал надежду, что в более развитых странах революционная борьба не будет столь тяжелой и протяженной, как в России, уже разрушенной мировой войной, особенно если эти революции смогут опираться на революционную власть в России. Но при этом Серж сознавал, что в борьбе против бюрократической власти в России «коммунистам возможно придется прибегать к глубоко революционной деятельности, которая будет долгой и тяжелой»[1].

Если мы привели слова Сержа, то лишь потому, что до своего приезда в Россию он не примыкал ни к большевизму, ни даже к марксизму. Его поддержку Советской власти нельзя приписывать идеологии большевизма. Если не все большевики разделяли его анархистскую чуткость к опасностям авторитарных мер Советской власти, то это надо приписывать не какой-то идеологии, а варварскому наследству царской власти и влиянию бедного, преобладающе крестьянского общества, едва вышедшего из крепостничества и беспрецедентной империалистической бойни.

Но самым решающим фактором в авторитарном развитии Советской власти, несомненно, было распыление рабочего класса после Октябрьской революции. Это произошло с удивительной скоростью уже в первые месяцы Советской власти. Выборгский район, сердце рабочего движения всей страны, еще до весны 1918 г. исчез как промышленный центр. А остаток рабочего класса, еще занятый в промышленном производстве, отходил от политической жизни под воздействием тяжелого материального положения. В течение четверти века до революции рабочий класс был авангардом борьбы за демократию в России. Вскоре после Октября он перестал существовать как самостоятельная политическая сила. Большевистская партия представляла себя политической организацией рабочего класса. Она на самом деле объединяла в своих рядах лучшие силы рабочего класса. Но партия не могла заменить класс, как активную общественную силу,

1 *Serge V.* Revolution in Danger. Writing from Russia. 1919–1921. Chicago, Haymarket, 1920. P. 142–143, 150.

способную обеспечивать эффективный контроль над властью, которую она сама же вызвала к жизни.

Столь желанный российскими рабочими подъем революционной борьбы на Западе имел место в 1918–1921 гг. и сыграл важную, может быть и решающую роль в победе революции в России, поскольку он ограничивал масштаб иностранной интервенции[1]. Но все революции, кроме российской, был отбиты силами буржуазии. И, как сами большевики понимали, в условиях изолированности от революций в более развитых странах шансы успешного развития социализма в России были весьма ограничены.

1 Чемберлин пишет: «На мирных переговорах в Париже государственные деятели сидели на тонком слое твердой почвы, под которой бурлили вулканические силы социальных потрясений… Поэтому была одна абсолютно убедительная причина, почему союзные державы не смогли оправдать надежды Белых русских и послать больше войск: не было в их распоряжении больше надежных войск. Общее мнение ведущих политических лидеров и солдат было такое, что любая попытка отправить большее число солдат в Россию по всей вероятности закончилась бы мятежом». А мятежи были, в том числе, и среди французских, и канадских войск. (*Chamberlin W. H*. Op. cit., vol. 2. P. 152). В разгар забастовочной волны, захлестнувшей Великобританию зимой 1918–1919 гг., когда над мэрией города Глазго развевалось красное знамя, Ллойд Джордж, выступая на Парижской мирной конференции, заявил, что «если бы Британия начала военные действия против большевиков, то сама Британия стала бы большевистской, и у нас был бы Совет в Лондоне». (*Braunthal J.* History of the International, 1864–1914. Vol. 2, New-York, 1961. P. 184).

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. Архивные материалы

Центральный государственный архив СПб (ЦГА СПб)

- Фонд 171, опись 1, дело 1 (протоколы колпинского райсовета).
- 1000/73/12 (протоколы Рабочей секции Петроградского Совета, 12 марта 1917 г.).
- 1000/73/16 (протоколы Рабочей секции Петроградского Совета, 20 марта 1917 г.).
- 4591/1/1 (протоколы общих собраний и конференций Петроградского профсоюза металлистов, март–декабрь 1917 г.).
- 4601/1/10 (протоколы завкома Арсенала, 7 марта – 30 декабря 1917 г.).
- 4602/7/7 (протоколы общих собраний Патронного завода, 3 марта – 11 ноября 1917 г.).
- 7384/7/21 (мандатная комиссия Исполкома Петроградского Совета, 1917 г.).
- 9391/1/11 (протоколы общих собраний Адмиралтейского судостроительного завода, 12 апреля 1917 г. – 9 декабря 1918 г.).

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)

- 416/25/5 (Администрация Балтийского судостроительного завода – примирительная камера).
- 416/5/30 (Администрация Балтийского судостроительного завода – протоколы примирительной камеры, 1917 г.).

II. Опубликованные документы и статистика

- Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы.
- «В Октябре в районах Петрограда». – Красная летопись, № 2 (23), 1927.
- Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Труды ЦСУ. Т. 36, вып. 1–2, М., 1926.
- Вторая и третья городские конференции большевиков в июле–сентябре 1917 г. М. – Л., 1927.
- Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. М., 1957.
- *Ленин В. И*. Полное собрание сочинений. 5-е изд., М., 1958–1965.
- Материалы по статистике Петрограда. Вып. I, 1920.
- Материалы по статистике труда. Вып. 5.
- Материалы по статистике труда Северной области. Вып. I и V. Петроград, 1918–1919.

- *Михайлов М.* Рабочие завода Барановского в борьбе за Октябрь // Красная летопись, №№ 50–51, 1932.
- Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде. Т. 1, 1958. (Нац. пром. Петрограда).
- Национализация промышленности в СССР. М., 1954 (Нац. пром. СССР).
- Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957 (Док. окт.).
- Октбярьская революция и фабзавкомы, ТТ. 1–3, 1927–1929 (ФЗК 1–3).
- Октбярьская революция и фабзавкомы. Т. 4, СПб., 2002 (ФЗК 4).
- Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными организациями, март–октябрь 1917 г. М., 1957.
- Первая всероссийская тарифная конференция Союза рабочих металлистов, протоколы. Петроград, 1918 г.
- Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. Петроград, 1918.
- Первая Петроградская конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г. М., 1925.
- Первый легальный Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. М. – Л., 1927 (ПК).
- Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными организациями, март–октябрь 1917 г. М., 1957.
- Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.
- Петербургский комитет РСДРП(б) в 1918 г. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2013.
- *Пионтковский С. А.* Советы в Октябре. М., 1928.
- *Попов А. Л*. Октябрьский переворот. Петроград, 1918.
- Протоколы ЦК РСДРП(б): август 1917 г. – февраль 1918 г. М., 1958.
- Путиловцы в трех революциях. Л., 1933.
- Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917–1919 гг. Т. I, Л., 1949. (Раб. кон.).
- Районные советы Петрограда в 1917 г. В 3-х тт., М. – Л., 1966–1968 гг. (Райсоветы).
- Революционное движение в России в августе 1917 г. М., 1967 (Док. авг.).
- Революционное движение в Россиив в апреле 1917 г. М., 1958, (Док. апр.).
- Революционное движение в России в июле 1917 г. М., 1959 (Док. июля).

- Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. М., 1959 (Док. мая).
- Революционное движение в России в сентябре 1917 г. М., 1962 (Док. сент.).
- Революционное движение России накануне Октябрьского вооруженного восстания. М., 1962 (Док. нак.).
- Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957 (Док. фев.).
- Революция 1917-го года: Хроника событий. В 4-х тт., М. – Л., 1926.
- Статистический справочник по Петрограду. 1921.
- Триумфальное шествие Советов. т. 1, М., 1963 (Док. ноября).
- Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. М., 1918.
- Фабрично-заводские комитеты Петрограда: протоколы. М., 1979.
- «Февральская революция и Охранное отделение» // Былое, №№ 7–8, 1918.
- *Флеер М. Г.* Рабочее движение в годы войны. М. – Л., 1925.
- «Четвертая Петроградская общегородская конференция РСПРП(б) в 1917 г.» // Красная летопись, № 3 (24), 1927. С. 56–64.
- *Цудзи Е.* Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 г., СПб, 2006.
- *Чугаев Д. А*. Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата. М., 1967.
- Шестой всероссийский съезд РСДРП(б). М., 1958.
- Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. В 3-х тт., М. – Л., 1957. (Эк. пол.)

III. Воспоминания рабочих

- *Аллилуев С. В.* В дни Октября на Электрической станции имени 1886 г.// Красная летопись, № 6, 1923.
- *Антонов А. А*. Воспоминания комиссара Обуховского сталелитейного завода // Донесения комиссаров Петроградского военно-революционного комитета. Т. I, М., 1957.
- *Антонов Н.* Два года диктатуры пролетариата в металлопромышленности Петрограда. Петроград, 1920.
- *Арбузова А.* Октябрь 1917 г. на Петроградском Трубочном заводе // Красная летопись, № 6, 1923.
- *Бузинов А.* За Невской заставой. Записки рабочего. М. – Л., 1930.
- *Буйко А.* Путь рабочего. М., 1934.
- *Бунтилов А.* За печатным столом. М., 1923.
- В боях за Октябрь. Л., 1932.
- В огне революционных боев. В 2-х тт., М., 1967 и 1971.
- Выборгская сторона. Л., 1957.

- *Гордиенко И.* Из боевого прошлого. М., 1957.
- *Граф Т.* Об Октябрьской революции // Красная летопись, № 6, 1923.
- *Залежский В. Н*. Первый легальный ПК // Пролетарская революция, № 13, 1923.
- *Иванов Б.* Записки прошлого. М., 1919.
- *Куделли П. Ф.* Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов в 1917 г. Л., 1924.
- *Метелев А.* Июльское восстание в Петрограде // Пролетарская революция, № 6, 1922.
- *Михайлов М.* Рабочие завода П. В. Барановского в борьбе за Октябрь // Красная летопись, № 50–51, 1922.
- *Наумов И. К.* Записки выборжца. Л., 1933.
- *Песковой И.* Накануне Октябрьского переворота // Красная летопись, № 6, 1923.
- Питерские рабочие об июльских днях // Красная летопись, № 9, 1924.
- *Самойлов Ф. Н*. Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении. Ч. II. М., 1924.
- *Свешников Н.* Из эпохи Октября 1917 г. // Красная летопись, № 6, 1923.
- *Скоринко И*. Воспоминания рабочего об Октябре // Красная летопись, № 6, 1923.
- *Тиханов А.* Рабочие печатники в Петрограде (1904–1914 гг.) // Материалы по истории профессионального движения в России. Т. 3, М., 1925.
- *Франтишев И М*. Ленинградские красностроители. Л., 1962.
- *Шаповалов А. С.* В борьбе за социализм. М., 1934.
- *Шляпников А.* Канун семнадцатого года. М. – Пг., 1923.
- *Шляпников А.* Семнадцатый год. Л., 1925.
- *Шотман А.* Как из искры возгорелось пламя. Л., 1935.

IV. Другие воспоминания

- *Аллилуева А. С*. Воспоминания. М., 1946.
- *Булкин Ф. А*. На заре профдвижения. Л., 1924.
- *Войтинский В.* С. Годы побед и поражений. Берлин, 1923.
- *Георгиевский Г.* Очерки по истории Красной гвардии. М., 1919.
- *Дингельштедт Ф.* Весна пролетарской революции // Красная летопись, № 1 (12), 1925.
- *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // Пролетарская революция, № 5, 1923.
- *Леонтьев Л.* В рядах «Межрайонки» // Красная летопись, № 11, 1924.

- *Маевский Е.* Канун революции – из истории рабочего движения накануне революции 1917 года. Петроград, 1918.
- *Малаховский В.* Из истории Красной гвардии. Л., 1925.
- *Мстиславский С.* Семь дней. Берлин–Л. – М., 1932.
- *Рафес М.* Мои воспоминания // Былое, № 19, 1922.
- *Станкевич В. В*. Воспоминания 1914–1919 гг. Л., 1926.
- *Суханов Н.* Записки о революции. В 7 тт., Берлин–Пг. – М., 1919–1923.
- *Цветков-Просвещенский А. К*. Между двумя революциями. М. – Л., 1933.
- *Шелавин К. И.* Из истории Петербургского комитета большевиков в 1918 году // Красная летопись, № 2 (26), 1928.
- *Шелавин К. И.* Петербургский комитет большевиков седьмого созыва в 1918 году // Красная летопись, № 2 (29), 1929.

V. Газеты и журналы

- Бюллетень общества фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района.
- Ведомости общественного градоначальства Петрограда.
- Дело народа (эсеры).
- Деревообделочник (Профсоюз рабочих-деревообделочников, Новый луч).
- Знамя борьбы (левые эсеры).
- Знамя труда (левые эсеры).
- Искра (меньшевики-интернационалисты).
- Известия ВЦИК и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.
- Красная газета (большевики).
- Металлист (Профсоюз рабочих-металлистов).
- Новая жизнь (меньшевики-интернационалисты).
- Новый путь (фабзавкомы Петрограда).
- Петроградская правда (большевики).
- Правда (большевики – Пролетарий, Рабочий, Рабочий и солдат, Рабочий путь).
- Работница (большевики).
- Рабочая газета (меньшевики-оборонцы).
- Речь (кадеты).
- Северная коммуна (орган Петроградского Совета).
- Солдатская правда (большевики).
- Текстильный рабочий (орган профсоюза рабочих-текстильщиков)
- Торгово-промышленная газета.

VI. История заводов, профсоюзов, отдельных промышленных отраслей.

- *Базилевич К.* Профессиональное движение работников связи. М., 1927.
- Бастионы революции: сборник материалов по истории ленинградских заводов в 1917 г. Л., 1957.
- *Борисов О., Васильев С.* Станкостроители имени Свердлова. Л., 1962.
- *Бортик М. Ю*. На трубном заводе // *Анский А.* Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г. Л., 1928.
- *Брук С.* Организация союза металлистов в 1917 г. // *Анский А.* (ред.) Профессиональное движение в Петрограде в 1917 г., Л., 1928.
- *Васильева М. В*. Рабочие фабрики Светоч в трех революциях. Л., 1968.
- *Ганичев Л. С*. На Аптекарском острове. Л., 1967.
- *Граве Б. Б*. Буржуазия накануне Февральской революции. М. – Л., 1927.
- *Гребач В.* В. Рабочие балтийцы в трех революциях. Л., 1959.
- История Ленинградской ордена Ленина и ордена Красного Знамени обувной фабрики имени Я. А. Калинина. Л., 1968.
- История ленинградского союза полиграфического производства. Т. 1. Л., 1925.
- Красный Треугольник на путях Октября. Л., 1927.
- *Кукушкин В.* Сестрорецкая династия. Л., 1959.
- *Мительман М., Глебов Б., Ульянский А.* История Путиловского завода 1801–1917 гг. Изд. 3-е. Л., 1961.
- *Нотман К. В*. Трубный завод на октябрьских путях // Красная летопись, № 50–51, 1932.
- Очерк истории Ленинградского союза рабочих деревообделочников за 1917–1918 гг. Л., 1927.
- *Перазич В.* Текстили Ленинграда в 1917 г. Л., 1927.
- *Розанов М.* Обуховцы. Л., 1938.
- *Розенфельд Я С., Клименко К. И*. История машиностроения СССР. М., 1961.
- *Сергеев Н. С*. Металлисты – История ленинградского металлического завода им. XXII съезда КПСС. Л., 1967.
- *Смирнов А.* Последние дни Утеманов. 1917 год на фабрике «Скороход». М. – Л., 1935.
- *Сукновалов А. Е., Фоменков И. Н*. Фабрика «Красное знамя». Л., 1968.
- *Таняев А.* Очерки по истории железнодорожников в революции 1917 г. М. – Л., 1925.
- *Темкин Я.* У нас на Галерном островке. Л., 1958.
- *Томкевич И. Г*. Знамя Октября: очерки истории завода. Л., 1972.

- *Цыбульский В. А*. Рабочие Сестрорецкого завода в 1917 г. // История СССР, № 4, 1959.
- *Шабалин Б.* От февраля к октябрю – из истории завода «Красный Треугольник» // Бастионы революции. Т. I. Л., 1957.
- *Шатилова Т.* Очерк истории ленинградского союза химиков 1907–1918 гг. Л., 1927.
- *Шатилова Т.* Профессиональные союзы и Октябрь // Красная летопись, № 2, 1927.

VII. Вторичные источники на русском языке

- *Аникст А.* Организация распределения рабочей силы. М., 1920.
- *Аронсон Г. Я*. Движение уполномоченных от рабочих фабрик и заводов в 1918 г. Нью-Йорк: Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement, 1960.
- *Бурджалов Е. Н.* Вторая русская революция. М., 1967.
- *Волин С.* Деятельность меньшевиков в профсоюзах при Советской власти. Нью-Йорк: Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement, № 13, 1962.
- *Волобуев П. В*. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М., 1964.
- *Волобуев П.* В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
- *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России накануне великого Октября // Исторические записки, № 73, М., 1963.
- *Гоголевский А. В*. Революция и психология: политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть, 1918–1920 гг. СПб., 2005.
- *Голованова Л. В*. Районные комитеты РСДРП (б) Петрограда в 1917 г. Дисс., ЛГУ, 1974.
- *Граве Б. Б.* Буржуазия накануне Февральской революции. М. – Л., 1927.
- *Дякин В. С. и др.* История рабочих Ленинграда. Т. 2. Л. 1972.
- *Знаменский О. А*. Июльский кризис в 1917 г. М. – Л., 1964.
- *Кабо Э. А*. Очерки рабочего быта. М., 1928.
- *Катынь Н.* От рабочего контроля к организации и регулированию производства // Новый путь, № 1–2 (5–6), 14 января, 1918.
- *Клейнборт Л. М.* Очерки рабочей интеллигенции. Петроград, 1923.
- *Крузе Е. Е*. Петербургские рабочие 1912–1914 гг. М. – Л., 1961.
- *Левин И. Д.* Рабочие клубы в Петрограде (1907–1914 гг.) // Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. III. М., 1925.
- *Лейберов И. П.* О революционных выступлениях петроградского пролетариата в годы Первой мировой войны и Февральской революции // Вопросы истории, № 2, 1964.

- *Лейберов И. П*. Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны // История рабочих Ленинграда. Т. 1. Л., 1972.
- *Лейберов И. П., Шкаратан О. И.* К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 г. // Вопросы истории, № 1, 1961.
- *Лисецкий А. М*. Стачечная борьба пролетариата России в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Дисс. Кишинев, 1968.
- *Лозовский А.* Рабочий контроль. Петроград, 1918.
- *Милюков П. В*. История Второй русской революции. Т. I, Париж, 1921.
- *Мильштейн А. Л.* Рабочие Петрограда в борьбе за укрепление Советов // Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма, М. – Л., 1963.
- *Михайлов Н. В*. Совет безработных и рабочие Петербурга в 1906–1907 гг. М. – СПб., 1998.
- Московская застава в 1917 году. Л., 1957.
- *Ненароков А. П*. Политическое поражение меньшевиков // *Зевелев А. И. и др.* Российская политическая энциклопедия, М., 2001.
- *Николаев П. А.* Рабочие металлисты центрального промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1960.
- *Носач В. И.* Профсоюзы Петрограда в первый год Советской власти // Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967.
- *Потехин М. Н*. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966.
- *Потресов Н. И*. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937.
- *Рашин А. Г*. Формирование рабочего класса России. М., 1958.
- Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемонии. М., 1970.
- *Скалов С.* 27 февраля 1917 в Петербурге // Красная новь. Кн. 3, 1931.
- *Соболев Г. Л*. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.: период двоевластия. М. – Л., 1973.
- *С-ский Н.* Психология русского рабочего вопроса. СПб., 1911.
- *Старцев В. И.* К вопросу о составе рабочей Красной гвардии Петрограда // История СССР, № 1, 1962.
- *Старцев В. И*. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М. – Л., 1965.
- *Старцев В И.* Русские блокноты Джона Рида. М., 1968.
- *Степанов З. В.* Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. Л., 1973.
- *Степанов И.* От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918.
- *Струмилин С. Г*. Проблемы экономики труда. М., 1925.

- *Струмилин С. Г*. Прожиточный минимум и заработки чернорабочих в Петрограде // Статистика труда, № 2–3, 1918.
- *Троцкий Л. Д.* История русской революции. В 2 т. М., 1997.
- *Трукань Г. А.* Октябрь в Центральной России. М., 1967.
- *Флеер М. Г.* Рабочее движение в годы войны. М. – Л., 1925.
- *Чураков Дм.* Правые социалисты и белый террор: Ижевск, 1918 // Альтернативы, № 2, 2004.

VIII. Вторичные источники на других языках

- *Acton E.* The Russian Revolution and Its Historians. In: Acton et al., Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–21, Blumington, 1997.
- *Avrich P.* The Bolshevik Revolution and Workers' Control in Russian Industry. – Slavic Review, vol. 32, № 1, 1973.
- *Braunthal J.* History of the International, 1864–1914. Vol. 2, New-York, 1961.
- *Braverman H.* Labor and Monopoly Capital. New-York, London, 1974.
- *Carr E. H*. The Bolshevik Revolution 1917–1923. vol. 2, London, 1966.
- *Chamberlin W. H*. The Russian Revolution, New-York, 2 vol. s, 1965.
- *Devlin R. J*. Petrograd Workers and Workers' Factory Committees 1917. PhD dissertation, SUNY, Bigampton, 1976.
- *Ferro M.* La Révolution de 1917, Paris, 1967.
- *Haimson L. H. (ed.).* The Mensheviкs. Chicago, 1975.
- *Haimson L. H*. The Workers' Movement on the Eve of the First World War. Unpublished paper, New-York, 1973.
- *Hobsbawm E. J*. Peasants and Politics. – Journal of Peasant Studies, vol. I, 1973.
- *Johnson C.* Revolutionary Change. New-York, 1966.
- *Keep J.* The Russian Revolution. – A Study in Mass Mobilization. New-York, 1976.
- *Kochan L.* Russia in Revolution. London, 1970.
- *Lewin M.* Lenin's Last Struggle. London, 1975.
- *Mandel D.* The Working Class and the Intelligentsia in 1917. – Critique, № .14, 1982.
- *Melgunov S. P.* The Bolshevik Seizure of Power. Santa Barbara, 1972.
- *Mills C. W*. The Sociological Imagination. New-York, 1970.
- *Ortiz S.* Reflections on the Concept of «Peasant Culture» and «Peasant Cognitive System». In: Shanin T. Peasants and Peasant Society. London, 1971.
- *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism. London, 1977.
- *Price M. P*. Reminiscences of the Russian Revolution. London: George Allen & Unwin, 1921.

- *Rabinowitch A.* Prelude to Revolution. Blumington,1968 .
- *Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power. New-York, 1976.
- *Radkey O. H*. The Sickle under the Hammer. New-York, 1963.
- *Radkey O. H*. The Election to the Russian Constituent Assembly of 1917. Boston, 1950.
- *J. Reed*, Ten Days that Shook the World, New York, 1960.
- *Rosenberg W. G*. The Liberals in the Russian Revolution. Princeton, 1974.
- *Scott R. H*. The Russian Peasantry in the First and Second Dumas. Unpublished paper, 1973.
- *Serge V.* Revolution in Danger, Writings from Russia. 1919–1921. Chicago, 2011.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Л

М

Н

О

П

Р

С

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Давид-Марк Мандель

ПЕТРОГРАДСКИЕ РАБОЧИЕ
В РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА
(февраль 1917 г. – июнь 1918 г.)

Издатель Леонид Янович
Редактор Татьяна Гатова
Корректор Ирина Башлай
Верстка и оригинал-макет Михаил Щербов
Обложка Владимир Хананов

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон: +7 (916) 651-30-94
по вопросам реализации: +7 (985) 427-91-93
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете: http://www.novhron.info

Подписано к печати: 05.10.2015
Формат 60×90/16, Бумага офсетная №1
Усл.-печ. л. 34
Тираж 550 экз. Заказ №

Отпечатано
_______.

«НОВЫЙ ХРОНОГРАФ»

9 785948 812069